

Aryroher.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР институт литературы

M A MI R M HI

ВРЕМЕННИК пушкинской комиссии

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Д. Бонч-Бруевич, Б. С. Мейлах, А. С. Орлов, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович

Ответственный редактор Д. П. Якубович

Художественное оформление Е. Д. Белуха

30 мая 1940 года скончался председатель Пушкинской комиссии Института литературы Академии Наук СССР Дмитрий Петрович Якубович.

Д. П. Якубович был одним из организаторов "Временника Пушкинской комиссии" и с самого основания "Временника" до последних дней своей жизни деятельно работал в нем как редактор и как сотрудник. Не было почти ни одного выпуска, в котором Дмитрий Петрович не принял бы непосредственного участия. Кроме больших работ, связанных с темами "Пушкин и Вальтер Скотт" и "Пушкин и античность", Дмитрий Петрович поместил во "Временнике" ряд публикаций, рецензий, заметок. Выступал он и в отделе "Трибуна" по актуальным вопросам пушкиноведения.

Научно-общественная деятельность Д. П. Якубовича выходила далеко за пределы его кабинета. Он систематически вел переписку и консультацию с рабочими — начинающими пушкинистами, а также с художниками, композиторами, режиссерами и актерами, работавшими над пушкинскими темами.

Много внимания он уделял руководству молодыми научными работниками. Встречи Дмитрия Петровича как редактора "Временника" с молодыми авторами, начинаясь деловым разговором об их очередной работе, нередко переходили в беседы на широкие литературные темы. Для научной молодежи Дмитрий Петрович был не только редактором, не только исключительно внимательным руководителем, но прежде всего живым примером беззаветной любви к великому поэту и к изучению его наследия.

Смерть Д. П. Якубовича, ученого, общественника, — тяжелая потеря для редакции "Временника". Не стало хорошего товарища, энергичного, преданного делу руководителя издания. Подготовленный Дмитрием Петровичем к печати шестой том "Временника", которым он занимался до самых последних дней жизни, остается свидетельством его подлинно самоотверженной работы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВРЕМЕННИКА.

д. п. якубович

Дмитрий Петрович Якубович был сыном писателя Петра Филипповича Якубовича (П. Я. Мельшин, 1860—1911).

П. Якубович был деятельным участником революционного движения начала 80-х годов. В ноябре 1884 г. он был арестован, три года пробыл в Петропавловской крепости, а в 1887 г. по "процессу 21" был приговорен к повешению, замененному 18 годами каторжных работ. После восьмилетнего пребывания на каторге П. Якубович вышел на поселение в г. Курган (Тобольской губ.). Здесь 29 января (ст. ст.) 1897 г. родился Дмитрий Петрович.

Мать его, Роза Федоровна Якубович-Франк (1861—1922), познакомилась с П. Ф. Якубовичем в 1881 г. (во время пребывания своего на Высших женских курсах в Петербурге) и стала его ближайшим другом. Она была арестована за участие в революционном движении в 1884 г., почти одновременно с П. Ф. Якубовичем. Затем, после двухлетнего тюремного заключения и высылки на родину, была сослана в Восточную Сибирь в 1887 г. Здесь в марте 1887 г. она оказалась участищей так называемой "Якутской трагедии", в результате которой была приговорена к 15 годам каторги, сокращенным до 4 лет. Только в 1894 г. она получила возможность поселиться вместе с П. Ф. Якубовичем; в этом году, в Горном Зерентуе, она вышла за него замуж. С этого времени она уже не расставалась с П. Ф. и была неутомимым помощником в его литературном труде.¹

По состоянию здоровья П. Ф. Якубович в 1899 г. получил разрешение переехать на ст. Удельная, около Петербурга, а в 1905 г. и в самый Петербург. С этого времени он всецело отдался литератур-

¹ Молодые годы Р. Ф. Франк явились сюжетом повести П. Ф. Якубовича "Юность" (1897) в сборнике "Пасынки жизни", где она выведена под именем Елены Лозицкой. Об якутской истории писалось много, см. сборник "Якутская трагедия" (1925), где имеется биография Р. Ф. Франк, написанная Д. П. Якубовичем.

ной деятельности. Касался он в своих статьях и заметках и вопросов изучения творчества Пушкина.

Дмитрий Петрович окончил гимназию в 1915 г. и поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета. К выбору факультета Дмитрия Петровича привела и домашняя литературная обстановка и рано определившаяся личная склонность к поэзии. В первый же год пребывания в университете он вступил в Пушкинский семинарий, работавший под руководством проф. С. А. Венгерова.

Университетский Пушкинский семинарий, основанный в 1908 г., стал колыбелью нового русского пушкиноведения. В среде участников этого семинария (преобразованного в декабре 1915 г. в историко-литературный студенческий кружок, а в январе 1918 г. — в "Историко-литературное общество имени Пушкина") наука о Пушкине приобрела новый характер. До последнего времени изучение жизни и творчества Пушкина было уделом "просвещенного дилетантизма". Пушкинисты XIX в., за немногими исключениями, были в науке любителями; этот надет дилетантизма окрашивал и работы тех, кто получил специальную филологическую подготовку. Для старого пушкиноведения характерной чертой является элоупотребление биографизмом, почти исключительное внимание, уделявшееся фактам жизни Пушкина и ближайших его современников; сам Пушкин был предметом культа, а не изучения. На фоне старого архивно-библиографического собирательства молодой актив венгеровского семинария едва ли не впервые поставил на очередь вопрос об изучении творчества Пушкина в рамках русской истории литературы и методами филологической науки. Пушкиноведение стало входить в русло общей науки о литературе. Произошло это не столько благодаря научному руководству С. А. Венгерова, сколько под влиянием почти стихийного роста научно-литературных интересов университетской молодежи, заполнявшей ряды Пушкинского семинария. Надо отдать справедливость С. А. Венгерову, что он не стеснял научной инициативы своих учеников.

 $\mathcal{A}$. П. Якубович пробыл в университете до 1918 г. В эти годы он печатал в журналах переводы, стихотворения, рецензии.

С июля 1918 по 1922 г. Д. П. Якубович жил под Мелитополем, в дер. Ново-Васильевке; здесь он работал в качестве сельского учителя и библиотекаря, совмещая с этим разнообразные функции общественного и культурного работника.

Причиной его отъезда была тяжелая болезнь матери; врачи запретили ей оставаться на севере, и она, в сопровождении сына, уехала к родным. В эти тяжелые годы предсмертной болезни Р. Ф. Якубович, забывая о себе, все силы посвящала сыну. Ее тревожило, что сын не успел закончить высшее образование. Вечера они проводили в совместных чтениях философской и художественной литературы. В апреле 1922 г. Р. Ф. умерла.

В 1922 г. Д. П. Якубович вернулся в университет, на этнологолингвистическое отделение, заменившее историко-филологический факультет. Его руководителями были Л. В. Щерба и В. В. Виноградов. В своих студенческих работах Д. П. Якубович сосредоточил внимание на вопросах стилистики, в частности на стилистике прозы Гоголя. Изучение прозы Гоголя предопределило его позднейшие интересы в области пушкиноведения, направленные в сторону исследования романов и повестей Пушкина.

В 1924 г. Д. П. Якубович окончил университет и поступил аспирантом в Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском Государственном университете.

Ко времени пребывания в университете относится и первая научная печатная работа его, посвященная Пушкину. Работа эта напечатана в 1922 г. 'в выпуске IV "Пушкиниста", являвшегося органом венгеровского семинария. Этот выпуск, вышедший в свет после смерти С. А. Венгерова, был посвящен его памяти.

Работа называлась "К стихотворению «Таится пещера»". Так как работа выходила за рамки темы, намеченной подобным заголовком, то у нее был еще подзаголовок "Пушкин и Овидий". В ней, собственно, совмещены две самостоятельные темы: обзор отношения Пушкина к поэзии Овидия и обоснование гипотезы о зависимости стихотворения "Таится пещера..." от эпизода из XI песни "Метаморфоз". Работа эта самая ранняя из научных работ Д. П. Якубовича. Она написана в 1916 г. и тогда же прочитана в семинарии С. А. Венгерова. По случайному совпадению, почти в день, когда назначено было чтение доклада Якубовича, вышел в свет выпуск XXIII—XXIV сборника "Пушкин и его современники", где появилась статья А. И. Малеина -- "Пушкин и Овидий". Начинающий пушкинист с большим волнением читал работу одного из крупнейших знатоков римской литературы на избранную им тему, думая, что в ней предвосхищены результаты его собственных разысканий, но, прочитав статью, убедился, что обе работы ни в чем не совпалают.

Выбор темы характерен и для позднейших работ Д. П. Якубовича. Интерес к отражению античных литератур в поэзии Пушкина не покидал его на протяжении всей его жизни. Об этом свидетельствует последняя работа его, печатаемая в настоящем выпуске "Временника". С другой стороны, эту тему характеризует то, что она относится к сфере так называемой сравнительной истории литературы. Эти темы также всегда привлекали внимание Д. П. Якубовича. Изучение творчества Пушкина на широком фоне мировой литературы — вот что ставил своей задачей Д. П. Якубович. И если у историко-литературного компаративизма и имеются свои слабые стороны и методологические опасности, которые в какой-то мере должны были отразиться и в работах начинающего

пушкиниста, то не следует забывать, что в обстановке русского литературоведения 1916 г. избранный им путь был всё же плодотворным. Он помог ему избежать узости изолированного изучения произведений Пушкина, нередко заводившего исследователей в тупик.

Годы аспирантуры Д. П. Якубовичу пришлось провести в довольно трудных условиях. Будучи нештатным аспирантом, он одновременно работал преподавателем литературы и заведывал библиотекой в средней школе (с 1923 до 1929 г. в 185-й трудовой школе и с 1927 по 1929 г. в 190-й школе). Тем не менее он чрезвычайно активно работал в институте, секретарствуя в секции методологии литературы и особенно усердно посещая научные заседания секции международного литературного обмена, где им было прочитано несколько докладов.

Аспирантуру в Институте литературы и языков Запада и Востока Д. П. Якубович окончил в 1929 г., защитив 18 мая диссертацию на тему "Проза Пушкина и Вальтер Скотт". Тема этой диссертация стала главной темой научной работы Якубовича по изучению творчества Пушкина.

С 1930 до 1932 г. Д. П. Якубович состоял аспирантом Академии Наук, работая под руководством А. В. Луначарского, бывшего в эти годы директором Института русской литературы (Пушкинского дома). Научная деятельность Д. П. Якубовича с этого времени и до самой его смерти тесно связана с Институтом литературы и Пушкинской комиссией Академии Наук. По окончании аспирантуры он был утвержден ученым секретарем Пушкинской комиссии.

Когда Д. П. Якубович вступал аспирантом в Институт литературы он уже был деятельным участником в работе пушкиноведов. Первым испытанием явилось участие его в подготовке нового полного собрания сочинений Пушкина.

В годы 1929—1931 все силы советского пушкиноведения были мобилизованы на подготовку первого советского собрания сочинений Пушкина.

В эти годы выяснилась настоятельная необходимость привести в порядок тексты произведений Пушкина. Обильные новые приобретения текстов, недоступных прежним исследователям, быстрый рост научной критики текста были причинами того, что перед исследователями Пушкина выяснилась с совершенной очевидностью картина недостаточности прежних изданий. Дореволюционные издания отличались неполнотой и неточностью. Необходимо было срочно приступить к изданию максимально полного и точного собрания сочинений Пушкина. Возник вопрос о новом академическом издании. Хотя последний вышедший в свет том старого академического издания, задержавішийся выходом на 16 лет, и увидел свет в 1929 г., было совершенно ясно, что продолжать это издание не было никакого смысла: томы его, выходившие с 1899 г., совершенно устарели как по материалу, так и по научному методу изда-

ния. Решено было приступить к новому академическому изданию. Однако предприятие это по своей грандиозности не могло быть осуществлено немедленно. Поэтому был избран путь предварительного издания облегченного типа без комментария и с приведением лишь самых необходимых вариантов. Таким изданием явилось собрание сочинений Пушкина в 6 томах, выпущенное в качестве приложения к журналу "Красная Нива" на 1930 г.

К этому изданию был привлечен Д. П. Якубович. Здесь, совместно со мною, он приготовил текст "Дубровского". Однако роль его в данном издании не ограничилась этим дебютом в области текстологии. После смерти П. Е. Щеголева (22 января 1931 г.), одного из руководителей данного издания, оставался непроредактированным ответственный, последний том, заменявший комментарий. Это — "Путеводитель по Пушкину". Еще в последние месяцы жизни П. Е. Щеголев, убедившись, что состояние здоровья не позволит ему лично проделать работу по редактированию данного тома, привлек Д. П. Якубовича и меня к этой работе. После его смерти вся эта работа перешла к нам двоим.

С большим воодушевлением отдался Д. П. Якубович этому делу. После длительной и упорной работы том был подготовлен. К сожалению, по чисто техническим причинам этот труд не увидел света в том виде, как он был выполнен.

Начиная с данного издания, $\mathcal{A}$. П. Якубович неизменно участвовал во всех крупных коллективных начинаниях в области пушкиноведения.

В то же время он проделал большую работу по систематическому изучению источников: сюда относится обследование неизданных автографов Пушкина и трудоемкое изучение библиотеки Пушкина (см.: "Пушкин. Временник", вып. 1, стр. 362—363). Эта работа имела результатом не только приобретение исследовательского опыта в обращении с первоисточниками — опыта, необходимого для всякого исследователя творчества Пушкина, но и привела к находкам, непосредственно обогатившим наши знания о Пушкине. Так были установлены источники отрывка комедии "Она меня зовет..." и незаконченного романа "Марья Шонинг". Обследование автографов послужило предметом нескольких заметок, главным образом посвященных тем записям и наброскам Пушкина, которые свидетельствовали об обращении Пушкина к западной литературе.

В этих работах Д. П. Якубович приобретал стаж кадрового пушкиниста, овладевая материалом и методикой его исследования.

В 1933 г. в качестве ученого секретаря Пушкинской комиссии, реорганизованной в этом году, он принял ближайшее участие в работах созванной комиссией конференции пушкинистов Москвы и Ленинграда. Результатом этой конференции была организация редакционного коми-

тета запроектированного нового академического издания сочинений Пушкина и выработка программы издания. Д. П. Якубович вошел в состав комитета. Кроме того, на его долю выпала ответственная задача вести общую редакцию первого намеченного к выпуску тома издания, содержавшего драматические произведения (т. VII по порядку). Этот том рассматривался как опытный, который должен был определить дальнейший характер и темп работ над изданием. Выпуск этого тома был сопряжен с большими трудностями. Спорные вопросы текстологии и комментария не были достаточно подработаны предварительно, и их приходилось решать по ходу самой работы. Над томом работал коллектив редакторов. Естественно, что каждый редактор обладал своими индивидуальными чертами в текстологической и комментаторской работе. От общего редактора тома требовалось много усилий по объединению работы коллектива и много знаний и культуры для редактирования обширных и разнообразных статей, комментирующих текст.

Этот том вышел в свет в июне 1935 г., в разгар усиленной подготовки к юбилейному 1937 г. Деятельность Пушкинской комиссии расширилась. Она стала центром и инициатором ряда мероприятий по объединению научных сил пушкиноведения, по разработке научных проблем изучения Пушкина, по разработке разных форм увековечения памяти Пушкина, по пропаганде и популяризации творческого наследия Пушкина. Начиная с 1936 г., комиссия организовала свой печатный орган "Пушкин. Временник". Д. П. Якубович был деятельным участником этого издания, а с 1937 г.—членом его редакции и затем ответственным редактором. В конце 1936 г. Д. П. Якубович становится руководителем Пушкинской комиссии.

В Пушкинской комиссии на долю Д. П. Якубовича выпала разносторонняя и трудная работа. Комиссия вела большую консультационную и организационную работу. Собственно говоря, подобная работа началась значительно раньше, когда Д. П. Якубович состоял еще секретарем комиссии. После некоторого затишья в работе комиссии, по мере приближения к юбилейному 1937 г., количество консультаций, диспутов, посвященных различным постановкам (напр. кино-фильму "Дубровский", постановке "Повестей Белкина" в Новом театре и пр.), и иных форм научной помощи всё увеличивалось (см. отчет об одном из подобных диспутов, посвященном постановке "Бориса Годунова" в журнале "Рабочий и театр", 1934, № 33, стр. 6—7; здесь помещено и содержание выступления Д. П. Якубовича, см. "Временник", вып. 1, стр. 365). Консультация велась и путем лекционных выступлений, и в форме личных разъяснений и ответов на всевозможные вопросы, и в форме переписки. В комиссию обращались и организации, и театры в связи с различными постановками, и выставочные комитеты по вопросам экспозиции, и исследователи, как участники "Временника", так и сторонние "Временнику" авторы: наконец, много запросов поступало от педагогов, библиотекарей, художников и просто читателей и почитателей Пушкина. Деятельное участие принял Д. П. Якубович в организации Ленинградской юбилейной выставки (в Эрмитаже), где, помимо участия в выработке общего плана, он подготовил отдел, посвященный творческой лаборатории Пушкина.

Несмотря на то, что болезнь ограничивала возможность работы, Д. П. Якубович вел эту деятельность, не считаясь с состоянием своего здоровья.

Помимо работы в Институте литературы, Д. П. Якубович с 1932 г. принимал деятельное участие в Пушкинском обществе, содействуя его популяризаторской работе: он был одним из участников двух ежегодников, изданных обществом в 1933 и 1934 гг. В президиуме общества он состоял до самой смерти, хотя последние годы и сосредоточил все свои силы на работе в Пушкинской комиссии.

Научно-организационную деятельность Д. П. Якубович совмещал с исследовательской работой. В качестве редактора и комментатора Пушкина он принял участие в ряде изданий сочинений Пушкина. В первую очередь здесь надо отметить его участие в академическом издании. В нем он редактировал, кроме уже упомянутого тома VII, ряд прозаических произведений, вошедших в том VIII, поэму "Анджело", значительную часть писем Пушкина и некоторые его заметки и записи. Он деятельно участвовал в юбилейном собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством "Асаdemia". Здесь им подготовлены к печати и комментированы все драматические произведения. В серии малых иллюстрированных изданий Гослитиздата Якубович редактировал три выпуска, содержащие художественную прозу, и выпуск драм. Ряд неизданных записей Пушкина Д. П. Якубович подготовил для издания "Рукою Пушкина".

Выбор произведений, редактировавшихся Д. П. Якубовичем, показывает направление его научных и литературных интересов. В центре их находится художественная проза, тесно связанная с центральной темой его научных исследований — "Пушкин и Вальтер Скотт". Смежная с этим тема — отражение в творчестве Пушкина английской драматургии. Помимо широкой темы о щекспиризме Пушкина, Д. П. Якубовича, в частности, интересовало соотношение между драматургией Пушкина и творчеством Барри Корнуола; отсюда особое внимание, уделенное Д. П. Якубовичем "маленьким трагедиям". Наконец, изучая обращения Пушкина к Шекспиру, Д. П. Якубович особенно внимательно исследовал "Анджело". Впрочем, здесь были и иные причины. Господствующее мнение расценивает эту поэму как произведение второго порядка, уступающее по художественным достоинствам всем прочим поэмам Пушкина. Д. П. Якубович всегда резко возражал против такого взгляда, считая, что "Анджело" еще не дождался настоящей оценки. В частности, он указывал, что именно в этой поэме Пушкин совершеннейшим образом выразил волю к жизни и любовь к жизни. Он любил цитировать стихи:

... Увы! земля прекрасна,
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным,
И всё, что грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем!

Эти стихи во многом соответствовали собственному отношению Якубовича к жизни. Несмотря на болезнь, исход которой он предвидел, он отличался редкой жизнерадостностью, редкой любовью к жизни с ее большими и малыми радостями, любовью к труду и к знанию.

В юбилейные годы Д. П. Якубович также участвовал в ряде сборников, журналов, газет, выступая и с исследовательскими и с научно-популярными статьями на самые различные темы. Здесь и очерки, посвященные пушкинским местам в Михайловском, и статьи о рисунках Пушкина (для издания, еще не вышедшего в свет), и ряд заметок на частные и общие темы.

В 1939 г. Д. П. Якубович подготовил несколько глав для посвященного творчеству Пушкина шестого тома "Истории русской литературы", издаваемой Институтом литературы. Он был одним из организаторов и деятельных участников конференции пушкинистов, созванной весной 1939 г. для обсуждения этого тома.

Но главным предметом его научной работы оставалась тема "Пушкин и Вальтер Скотт". В 1939 г. он закончил монографию под этим названием.

зиции, характеристик, эпизодов и т. п. В монографии репертуар подобных пареллелей дан с исчерпывающей подробностью. Но и в начале работы, а особенно по мере ее продвижения, Д. П. Якубович не ограничивал своих задач "охотой за параллелями" и регистрацией "заимствований" и "реминисценций". Широкая филологическая подготовка автора дала ему возможность осветить фактические наблюдения общей постановкой вопроса о судьбах исторического романа на Западе и в России.

Характерной чертой научной работы Д. П. Якубовича было то, что он, посвятив 25 лет жизни изучению Пушкина, овладев всеми специфическими "тайнами" работы над пушкинским материалом, не превратился в узкого "пушкиниста". Пушкин никогда не был для него изолированной "специальностью", мертвым предметом кропотливых изысканий. Пушкин был для него окном в мир. Через Пушкина перед ним открывались широкие горизонты мировой литературы и мировой культуры. Во всех своих темах Д. П. Якубович широко освещал творческую мысль Пушкина фактами мировой литературы. В этом отношении характерна его работа над "Бедным рыцарем". В ней вскрыта связь баллады Пушкина с литературой английской, старофранцузской, итальянской, с легендами средневековья и новыми их интерпретациями. Свои исследования Д. П. Якубович строил в широкой перспективе мировой литературы.

При этом Д. П. Якубович не замыкался в чисто академических изысканиях, доступных лишь ограниченному кругу "избранных". Он никогда не забывал о читателях Пушкина и много сил отдал популяризации его произведений. Поэтому в его работах большое место занимают статьи научно-популярного порядка. Их он писал с той же добросовестностью, с тем же напряжением сил, что и исследовательские статьи. И часто его популярные статьи содержат результаты длительных изысканий и размышлений. И в этом жанре он не довольствовался компиляцией чужих работ.

Основным материалом изысканий Д. П. Якубовича была художественная проза Пушкина, которую он исследовал с различных точек зрения. Ее он изучал и в порядке анализа творческой лаборатории Пушкина, и в плане творческой истории (в заметках и комментариях к отдельным произведениям), и прослеживая эволюцию пушкинского стиля от новеллы до социально-исторического романа, и наконец, с точки эрения сравнительно-исторической.

Ко времени последней продолжительной болезни Д. П. Якубовича, зимою 1939—1940 гг., относится его работа, не доведенная до конца, — "Пушкин и античность". Уже две главы этой работы были написаны, когда наступило временное облегчение в состоянии его здоровья, позволившее ему присутствовать на заседании Пушкинской комиссии 26 мая 1940 г., где он прочел первую свою главу, вызвавшую оживленный обмен мнений.

Эти две главы являются не только началом, но и первым этапом в разработке темы, широко намеченной Д. П. Якубовичем. Методически последовательный в своих изысканиях, Дмитрий Петрович начал с фактического пересмотра материала, убедившись, как мало обследован вопрос о непосредственном знакомстве Пушкина с античными авторами, о русских источниках его сведений об античной литературе, в частности о лицейском преподавании соответствующих предметов и т. п. Д. П. Якубович обнаружил и показал факты, находящиеся в противоречии с существующей схемой представлений об источниках пушкинского классицизма или выходящие за пределы этой схемы.

Чтение первой главы этой работы было последним выступлением Д. П. Якубовича. Выздоровление было кажущимся. Вернувшись с заседания, Дмитрий Петрович уже более не выходил из дома. Он умер после сердечного припадка в ночь на 30 мая 1940 г.

Б. Томашевский.

СПИСОК РАБОТ Д. П. ЯКУБОВИЧА1

1922 г.

1. К стихотворению "Таится пещера". (Пушкин я Овидий.) "Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова", ГИЗ, М.—Пгр., стр. 282—294.

1925 г.

 Ф. Якубович-Франк 1861—1922 г. (Биография.) Сб. "Якутская трагедия", М., стр. 171—184.

1926 г.

3. Предисловие к "Повестим Белкина" и повествовательные приемы Вальтер Скотта, Сб. "Пушкин в мировой литературе", ГИЗ, Л., стр. 160—187 и 376—383. Рец.: И. Сергиевский. "Печать и революция", 1926, кн. 8, стр. 189.

1928 г.

- 4. Реминисценции из Вальтер Скотта в "Повестях Белкина". "Пушкин и его современники", вып. XXXVII, Л., стр. 100—118.
- 5. Роль Франции в внакомстве России с романами Вальтер Скотта. Сб. "Явык и литература", V, РАНИОН, М., стр. 137—184.
- 6. Пять писем П. Ф. Якубовича. "Каторга и ссылка", № 12, стр. 138—143.

1929 г.

7. Работа Пушкина над художественной прозой. Сб. "Работа классиков над прозой", Л., стр. 7—29.

- 8. Пушкин в работе над прозой. "Литературная Учеба", № 47, стр. 46—64.
- 9. Из заметок о Пушкине и Вальтер Скотте. 1. К Пушкинскому наброску "Шумит кустарник". 2. Из комментариев к заметке Пушкина об "Юрии Милославском" 1830 года. "Пушкин и его современники", вып. XXXVIII—XXXIX, Л., стр. 122—140,

¹ Составили С. Г. Романов и Н. Г. Якубович.

1931 г.

10. Статьи в "Путоводителе по Пушкину": Альгаротти. — Барант. — "Вестник Европы."—
"Вудсток". — Голицина, Н. — Дельвиг, А. А. — "Дубровский". — "Европеец". —
Иностранные влияния и заимствования. — "Кавказский Пленник". — "Капитанская
Дочка". — Кольрядж. — Кребб. — "Кристабель". — Кромвель. — "Like a warrior". —
Макферсон. — "Мария Шонинг". — Нимврод. — Радклиф. — Романтизм. — Скотт
Вальтер. — "Скупой Рыцарь". — Соути. — Тьери. — "Цыганы". — Ченстон. — Эпиграф и др. В книге: "А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в щести
томах", т. 6, "Путеводитель по Пушкину", М.—Л. (Приложение к журналу "Красная Нива" за 1931 г.).

1932 г.

- 11. "Капитанская Дочка". (Памятка.) "А. Пушкин". Изд. Пушкинского общества, 1932, стр. 7—10.
- 12. Народоволец на каторге (Л. Мельшин П. Ф. Якубович). В книге: Л. Мельшин (П. Ф. Якубович). В мире отверженных, т. І, М., стр. 1—22. Д. П. Якубовичу принадлежат также примечания и общая редакция названной книги.

1933 г.

- 13. О "Пиковой Даме". "Пушкин. 1833 год". Л., стр., 57—68.
- 14. Незавершенный роман Пушкина ("Дубровский"). "Пушкин. 1833 год". Л., стр. 33-42.
- 15. Неизвестная запись Пушкина. (Выдержка из статьи Ф. Бэкона о дворянстве.) "Звенья", II, М.—А., стр. 225—231.
- Фототипическое издание рукописей А. С. Пушкина. (Подпись: Д. Я.) "Вестник Академии Наук СССР", № 10, стлб. 65—68.

- 17. Трагедия В. Скотта "Дом Аспенов" и Пушкинский романс о Рыцаре Бедном. "Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова", Л., стр. 449—458. (Подпись: Ленинград 19 III 1933.)
- 18. "Мария Шонинг" как этап историко-социального романа Пушкина. "Звенья", 3—4, М.—А., стр. 146—167.
- Пушкин в библиотеке Вольтера. "Литературное наследство", 16—18, М., стр. 905—922.
   (Доклад, прочитанный в Пушкинской комиссии 7 февраля 1934 г.)
- 20. Заметка об "Анчаре". (Новые автографы Пушкина.) Там же, стр. 869-874.
- 21. Записка С. А. Соболевского. (Публикация.) Там же, стр. 616.
- 22. Издания текстов художественной провы. (Обзор.) Там же, стр. 1113—1126.
- 23. Вальтер Скотт. Три письма. (Публикация и пояснения Д. П. Якубовича.) "Звенья", 3—4, М.—Л., стр. 210—244.
- 24. "Дневник" Пушкина. "Пушкин. 1834 год". Л., стр. 20—49. (Доклад, прочитанный в Пушкинской комиссии 16 марта 1934 г.)
  - Рец.: 1. H. С. "Литературный Современник", 1935. № 1, стр. 213—214.
    - В. М. Современное "Пушкиноведение". "Наступление", Смоленск, 1935, № 6, стр. 121.
    - 3. А. Грушкин. "Звезда", 1935, № 3, стр. 251—252.
    - 4. Б. В. Казанский. "Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии", вып. 1, стр. 265—282. Ср. № 56.
- 25. Послужной список Пушкина 1834 г. Там же, стр. 141-144.
- 26. Пушкинские планы полного собрания его сочинений. "Вестник Академии Наук СССР", № 2, стлб. 39—48.

- 27. Книга из библиотеки Пушкина. "Известия ЦИК", 12 октября.
- 28. Новый академический Пушкин. "Литературный Ленинград", 1934, № 26.
- 29. Кто автор "Тени Фонвизина"? "Литературный Ленинград", 1934, № 32.

1935 г.

- 30. Антературный фонд "Пиковой Дамы". "Литературный Современник", № 1, стр. 206—212.
  - *Рец.*: В. М. "Наступление", Смоленск, 1935, № 6, стр. 122.
- 31. Драматические произведения А. С. Пушкина. Введение. (Комментарии.) В к и и г е: "Пушкин. Полное собрание сочинений", т. VII (вышедщий под общей редакцией Д. П. Якубовича). Драматические произведения. Изд. Акад. Наук СССР, стр. 367—384.
  - Рец: 1. Л. Федоров. Новое Академическое издание Пушкина. "Вестник Академин Наук СССР", 1935, № 12, стр. 43—52.
    - 2. "Антературная Газета", 20 декабря 1935.
- 32. "Скупой Рыцарь". (Комментарий.) Там же, т. VII, стр. 506—522.
- 33. "Перевод из К. Бонжура". (Комментарий.) Там же, стр. 667-688.
- 34. Через неделю буду в Париже". (Комментарий.) Там же, стр. 688-689.
- 35. "От этих знатных господ". (Комментарий.) Там же, стр. 689-695.
- 36. "И ты тут был..." (Комментарий.) Там же, стр. 700.
- 37. Пушкин. Драматические произведения. (Подготовка текстов и комментарии.) "А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в девяти томах", т. VI. Изд. "Асаdemia" (повторено в т. III большого издания в шести томах 1936 г.).
  - Рец.: 1. М. Загорский. Опибки пушкинистов. "Советское Искусство", 11 ноября 1935.
    - 2. Д. Д. Благой. Новое издание Пушкина. "Большевистская печать", 1935. № 11, стр. 35—37.
    - 3. И. Сергиевский. Новые издания Пушкина. "Литературное Обоврение", 1936, № 1, стр. 35—37.
- . 38. Выписка из каталога библиотеки Вольтера. (Транскрипция записей.) "Рукою Пушкина" (под ред. М. А. Цявловского, Л. Б. Модвалевского и Т. Г. Зенгер). М.—Л., изд. "Academia", стр. 533—534.
  - 39. Выписка из Бэкона. (Транскрицция и комментарий.) Там же, стр. 597—598.
  - Цитата из "Писем о России" Франческо Альгаротти. (Транскрипция выциски.)
     Там же, стр. 505.
  - 41. "Роман о Лисе". (Транскрипции и комментарий.) Там же, стр. 63-73 и 79-81.
  - 42. Пушкин. Гаэ. "Пушкинский Колхозник", 7 июня.
  - 43. Лермонтов и Вальтер Скотт. "Известия Академии Наук СССР", № 3, стр. 243—272.

- 44. Перевод Пушкина из Шекспира. (Комментарий и транскрипция отрывка перевода "Мера за меру".) "Звенья", т. 4, М.—Л., стр. 144—148.
- 45. Пушкинские места. (Хрестоматия, составил Д. П. Якубович.) Гослитиздат, Л., стр. 1—39 (вступительная статья).
  - Рец: Е. С. Гладкова. "Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии", вып. 4—5, стр. 542—546.
- 46. Пушкин (99-летие со дня смерти). "Рабочая Москва", № 33, 10 февраля.
- 47. Великий русский поэт. "Вперед", Ораниенбаум, № 33, 10 февраля.

- 48. О реализме Пушкина. "Пушкинский Колхозник", № 37, 15 февраля.
- 49. Чем нам дорог Пушкин. "Пушкинский Колхозник", № 114, 20 и 21 мая.
- 50. "Пиковая Дама". (Редакция, статья и комментарии.) "А. С. Пушкин. «Пиковая Дама»". ГИХА, А., стр. 51—70 (статья) и 71 (пояснения к тексту).
- 51. "Дубровский". (Реданция текстов и статья.) "А. Пушкин. «Дубровский»". ГИХА, А., стр. 125—146 (статья).
- 52. "Повести Белкина". (Родакция текстов и статья.) "А. С. Пушкин. «Повести Белкина»". ГИХА, А., стр. 119—148 (статья).
- 53. Драмы Пушкина. (Подготовка текстов и статья.) "А. Пушкин. Драмы". ГИХА, А., 1936, стр. 295—326 (статья) и 327—334 (пояснение к тексту).
- 54. "Памятник" Пушкина. "Антературный Ленинград", № 52 (197), 11 ноября.
- 55. Обвор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. "Пушкин. Временник Пушкинской комиссии", т. I, М.—А., стр. 295—318.
- 56. Еще о Дневнике Пушкина. (Ответ Б. В. Казанскому.) Там же, стр. 283—291 (см. № 24).

1937 г.

- 57. С. Я. Гессен. (Некролог.) "Пушкин. Временник Пушкинской комиссии", т. 3, М.—А., стр. 555—556.
- 58. Черновой набросок предисловия к "Истории Пугачева". Там же, стр. 9—13. Первоначально в "Правде", № 36, 6 февраля.
- 59. Черновой автограф трех последних строф "Памятника". Там же, стр. 3-8. Первоначально в "Известиях ЦИК", № 3, 4 января.
- 60. Итога изучения творчества Пушкина в СССР за двадцать лет. "Известия Академии Наук СССР", Отделение общественных наук, № 5, стр. 1183—1194.
- 61. Пушкинская "Легенда" о Рыцаре Бедном. "Западный сборник", т. І, изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 227—256.
- 62. Михайловское и Тригорское. "Литературный Современник", № 1, стр. 175—196.
- 63. Почему нам близок Пушкин. "Советское Студенчество", № 2, стр. 43-45.
- 64. Пушкин у Михайловському. "Коммунист", Киев, 1937, 12 января. (На украинском языке.)
- 65. Рукописи великого поэта. "Красная Газета", Л., 1937, № 32, от 9 февраля.
- 66. "Юность поэта". (Совместно с В. Гиппиусом.) "Известия ЦИК", 11 февраля.
- 67. По Пушкинским местам. "Кино", 1937, № 7 (781), 11 февраля.
- 68. "Проза поэта". "Ленинградская Правда", № 40, 18 февраля.
- 69. Предисловие к книге: "Античный словарик к произведениям А. С. Пушкина", составили А. Н. Белоруссов и С. Г. Романов, А., стр. 5—12.

1939 г.

- 70. "Анджело" "Рукописи А. С. Пушкина". Фототицическое издание. Альбом 1833— 1835 гг. Комментарий. Гослитиздат, М., стр. 53—56.
- 71. "О русском дворянстве". Там же, стр. 60.
- 72. "Из Wordsworth". Там же, стр. 64—65.
- 73. "Капитанская Дочка" и романы Вальтер Скотта. "Пушкин. Временник Пушкинской комиссии", т. 4—5, М.—Л., стр. 165—197.

- 74. Неизвестные автобиографические записи Пушкина. "Пушкин. Временник Пушкин-ской комиссии", т. 6, М.—А., стр. 28—33.
- 75. Античность в творчестве Пушкина. Там же, стр. 92-159.
- 76. Пушкин в "Риторике Кощанского". Там же, стр. 420-424.

Произведения, редактированные Д. П. Якубовичем

- 1) Пушкин: "Скупой рыцарь".— "Перевод из К. Бонжура".— "Через неделю буду в Париже".— "От этих знатных господ".— "И ты тут был". В книге: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, Драматические произведения. Изд. Акад. Наук СССР, 1935. (Под общей редакцией Д. П. Якубовича.)— То же, издание 1937 г. (Без комментария.)
- 2) Пушкин: "Аран Петра Великого". "Повести Белкина" (От издателя. Выстрел. Гробовщик). "Повесть из Римской жизни". "Марья Шонинг". "Планы повести о стрельце". В книге: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 8. (Романы и повести. Путешествия.) Изд. Акад. Наук СССР, 1938.
- 3) Пушкив. "Анджело". В к ниге: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 5. Поэмы 1825—1833. Изд. Акад. Наук СССР. (В печати.)

Ср. также выше №№ 12, 37, 50, 51, 52, 53.

Кроме того, Д. П. Якубович принимал участие в редактировании "Путеводителя по Пушкину", 1931 (второе, переработанное и дополненное издание, под названием "Справочник к сочинениям Пушкина", готовится к печати), Академического издания сочинений Пушкина (в качестве члена редакционного комитета), "Временника Пушкинской комиссии" (член редакции и ответственный редактор вып. 4—5 и 6).

Ненапечатанные работы Д. П. Якубовича

Автоиллюстрации Пушкина.

Прижизненные иллюстрации Пушкина.

Драмы Пушкина. Проза Пушкина. (Две главы из "Истории русской литературы", т. VI.) (Находится в печати.)

Лермонтов и Вальтер Скотт ("Лермонтовский сборник Института мировой литературы"). (Готовится к печати.)

Пушкин и Вальтер Скотт.

Братья. Гонкур и французский реализм.

Пословицы у Пушкина.

О Пушкинской эпиграмме.

К истории одной комповиционной схемы (Иван Петрович Белкин и Рудый Панько).

К истории псевдонимов 30-х гг. XIX в.

СТРОФЫ О НАПОЛЕОНЕ И БАЙРОНЕ В СТИХОТВОРЕНИИ "К МОРЮ" 1

Что б дал ты мне — К чему бы ныне ² Я бег беспечный устремил ³ Один предмет в твоей пустыне Меня б внезапно поразил — ⁴

5 Одна скала — гробница славы 5 Там погружались в хладный <?> [сон] 6 Воспоминанья величавы 7 Там опочил Наполеон 8

- 2 а. Чего ж искать я буду ныне
  - б. Чего ж искал еще б я ныне -
- 3 a. Cm. 1-2:

быть может ныне

Не ты меня

- 6. Cmux начат: Твой (?) гл(ас) (?) меня 6 не
- Я путь невольно устремил
- 4 а. Стих начат: Меня привлек
  - б. Меня бы грозно поразил

Ст. 3—4 написаны сперва в качестве начальных стихов строфы. Затем над ними вписаны ст. 1—2.

- 5 а. Одна скала одна гробница
  - б. Одна скала гробница славы Наполеона
- в а. Там оковал

COH

€ Tore

вечный сон

- в. Там долго сквозь тяжелый сон
- г. Там хладно сквозь тяжелый сон
- 7 а. Героя мысли величавы
  - б. Слабея думы величавы
- 8 Там угасал Наполеон

¹ В тексте дается сводка (последние чтения) автографа, с необходимыми конъектурами. Под строкою — важнейшие из предшествующих вариантов, дающие самостоятельные чтения. Полностью текст автографа печатается во II томе нового академического издания сочинений Пушкина.

И ныне Остров [заточенья] ¹
Полночный путник посетит ²
И русской слово примиренья ³
На [камне грозном] начертит ⁴
Он искупил ⁵ меча стяжанья ⁶
И эло воинственных чудес — ⁷
15 [Тоской далекого] изгнанья ⁸
Под сенью душной тех небес ⁶

- 1 а. Великой Враг! я мнил
  - 6. Великой Враг! из заточенья Я мина
  - в. Великой Враг! я впечатленья
  - г. Сей правдный Остров ваточенья
  - д. Померкший Остров ваточенья
  - е. Священный Остров заточенья
  - ж. Печальный Остров заточенья
- 2 а. Я миил изгнанье посетить
  - б. Героя мних (я) посетить
  - в. Напрасно мних (я) посетить
  - г. Без элобы русской посетит
- 3 а. Стих начат: И стих
  - б. Вздохнуть и слово примиренья
  - в. И в дерзком

вдохновенья

- г. Святое слово примиренья
- 4 а. На гробе грозно(м) начертить
  - б. За Русь на камие (?) начертить
  - в. За нас на камне (?) начертить Промежуточная редакция ст. 9—12: Печальный Остров заточенья Напрасно мнил (я) посетить Святое слово примиренья За нас на камне начертить
- 5 Первоначально, вместо ст. 13-14:
  - а. Несчастный
  - б. Чудесный узник
  - Бессмертный узник
  - Уединенные страданья
     И зной безоблачных небес
- 6 Он искупил завоеванья
- 7 а. Как в тексте.
  - б. И гром воинственных чудес -
  - в. И гром погибельных чудес -
  - г. И вао погибельных чудес —
- 8 а. Мученьем

Канветек

- б. Покоем
- изгнанья
- в. Тоской мучительной изгнанья
- г. Тоской и гибелью изгнанья
- д. Дремой (?) и гибелью изгнанья
- а. Под зноем
   б. Под чуждой сенью

небес

небес

Там устремив на волны очи Воспоминал он прежних дней ¹ И [льдяный] Ужас Полуночи²

- 20 Про(клятья) <?> крик <?> (и) стук мечей з Там иногда в своей пустыне 4 Забыв войну, потомство, трои 5 Один, один о юном сыне 5 С улыбкой горькой думал он
- 25 И опочил среди мучений ⁷ Наполеон... Как бури шум ⁸ Исчез другой [чудесный] Гений ⁹
- ¹ Он думал о судъбе своей
- 2 а. Стих начат: О льдях крова(вых)
  - б. О льдах желевной <?> Полуночи
  - в. И льды желевной <?> Полуночи
  - г. Как в тексте.
  - д. Пожары уж(ас Полуночи)
  - е. Пожар Мо(сквы) (?)
  - ж. Кровавый <?> Ужас Полуночи
- З а. О милой Франции своей
  - б. О небе Франции своей
  - в. И небо Франции своей
  - г. Мятежный крик (?) (и) стук мечей Промежуточные редакции ст. 17—20:
  - а. Там устремив на волны очи
     Он думал о судьбе своей
     О льдах железной (?) Полуночи
     О милой Франции своей
  - б. Там устремив на волны очи Воспоминал он прежних дней И льды железной (?) Полуночи И небо Франции своей
- Египта Сирии пустыни
- 5 Забыв потомство, славный трон
- 6 а. Напр(асно) б. Невольно
  - в. Всегда о юном сыне
  - г. Несчастный о плененном сыне
- 7 И жертвой Славы (и) мучений
- 8 а. Стих начат: Угас и в след ему
  - б. Он опочил. Во след за ним
  - в. Он опочил и в след исчез
  - г. Наполеон.... И в след исчез
- 9 а. Стих начат: Угас другой
  - б. Другой угаснул Гений
  - в. Другой уходит (?) чудный Гений
  - г. Другой угас чудосный Гений
  - д. Другой народам (?) Гени:
  - е. Другой вемле посланный Гений
- .ж. Другой земле блесн (увщий) (?) Гений

Другой Властитель наших дум ¹ Пред расцветающей Свободой

- 30 [Он встретил гордо свой] конец—
  Завой, взволнуйся непогодой
  Твой сын <?> <он> <?> был <?> <и> <?> твой певец ²
  Твой образ был <на нем> означен ³
  И духом <создан он <?> твоим:> ⁴
- 35 Как ты глубок (могущ и мрачен) Как ты (ничем) неукротим⁵ Мир опустел.... куда бы⁶

Публикуемые девять строф записаны вчерне, в крайне хаотическом виде, на листе 18 об. тетради № 2370 Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина. Они не доведены до окончательной отделки, а частью, в особенносте в конце, только едва набреманы.

- 1 а. Стих начат: Властитель чув (ств)
  - б. Другой Властитель наших слев
  - в. Другой Властитель чувств и слев Промежуточные редакции ст. 25—28:
  - а. И жертвой Славы и мучений Он опочил и в след исчез Другой земле посланный Гений Другой Властитель наших слев
  - б. И опочил среди мучений Наполеон.... И в след исчез Другой аемле посланный Гений Другой Властитель наших слез
- ² Вместо ст. 29-32:
  - а. Уж нет его ты опустело <?> Байрон твой певец —
  - б. Уж нет его --

твой певец — Пред воскресающей Свободой Он встретил гордо свой конец —

- в. Обняв воскресшую Свободу
   Нашел (он) гордо свой конец —
   Шуми о море
- г. Пред воскресающей Свободой [Он встретил гордо свой] конец Завой волнуйся непогодой

твой певец

Далее следовало:

Мир опустел.... куда бы Следующая строфа вписана позднее.

- 3 а. Твой жребий был ему означен
  - б. Ему судьбой он был назначен
- 4 Он духом (совдан был твоим)
- 5 Строфа записана сокращенно и не обработана.
- 🕯 а. Как в тексте.
  - б. Мир опустел... еще куда бы

Эти строфы — вставка в первоначальную редакцию стихотворения "К морю", дающая его вторую, промежуточную редакцию. История этого стихотворения — крайне важного для понимания политических настроений Пушкина в преддекабрьские годы — в общих чертах рассказана комментаторами. Известны — по кратким описаниям — и публикуемые строфы. Некоторые их варианты, произвольно и бессистемно выбранные П. О. Морозовым, напечатаны в виде очень неполной и неясной транскрипции в III томе старого академического издания сочинений Пушкина. 2

Теперь, после обследования всего материала рукописей, осносящихся к стихотворению, можно представить текстологическую его историю в следующем виде.

В конце июля 1824 г., оставив мысли о побеге за границу, еще не зная окончательно, как решилась его судьба, но уже предвидя близкую ссылку, Пушкин, вероятно, сделал первые наброски своего "прощания с морем". Не ранее 29 июля, когда ему было объявлено о высылке в Псковскую губернию, т. е. в предпоследний день перед отъевдом, а может быть и позднее, в пути, оформилась последняя строфа стихотворения ("В леса, в пустыни молчаливы"), прямо указывавшая на Михайловское. Черновая рукопись не дошла до нас, и каков был ее состав, мы не знаем. Она была перебелена уже в Михайловском, не ранее 5-го и не позднее 25-го сентября (рукопись ЛБ № 2370, лл. 12 об. —13), и таким образом составилась первая законченная редакция, всего из семи строф (1—3-я, 6—7-я, 14—15-я строфы окончательного текста):

Морю 5

Прощай, свободная стихия В последний раз передо мной Ты катишь волны голубые И блещешь гордою красой

Как друга ропот заунывный В прощальный разлученья час Твой грустный шум, твой шум призывный Подъемлешь ты в последний раз 6

6 Исправлено: Услышал я в последний раз

^{1 &}quot;Материалы для Академического издания сочинений А. С. Пушкина. Собрал А. Н. Майков", СПб., 1902, стр. 202—204. — Пушкин, "Собрание сочинений", под редакцией С. А. Венгерова, т. III, 1909, стр. 513—514. — "Сочинения Пушкина", изд. Академии Наук, т. III, 1912, Примечания, стр. 378—381, а также 129.— А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. I, "Асаdemia", 1936, стр. 730, и другие издания.

^{2 &}quot;Сочинения Пушкина", изд. Академии Наук, т. III, 1912, Примечания, стр. 380—381.
3 Уточнение дат здесь затруднительно. Пушкин уже с начала июня, после стожновения с Воронцовым, готовился к отъезду из Одессы и строил планы побега. Но из-за отсутствия М. С. Воронцова, бывшего в Крыму, решение о ссылке Пушкина, сообщенное 11 июля К. В. Нессельроде М. С. Воронцову, долго не было известно в Одессе, и даже еще 25 вюля, после возвращения Е. К. Воронцовой из Крыма, участь Пушкина была неясна (см. "Остафьевский Архив", т. V, вып. 2, стр. 126, 127, 136—137).

⁴ Тан названо стихотворение Пушкина в "Московском Телеграфе" (1825, ч. 1, № 1, стр. 39) при первой публикации отрывка из него в "Прибавлении" к статье В. Скотта "Характер лорда Байрона", принадлежащем Н. А. Полевому или П. А. Вяземскому.

⁵ В тексте дается первоначальный слой автографа; последующие исправления—под строкою. Исправления имеют два слоя: один, одновременный с основным текстом, и другой, позднейший, сделанный другими чернилами и обозначаемый здесь буквою (А).

Моей души предел желанный Напрасно по брегам твоим ¹ Бродил я, тихий и туманный Тоской привычною томим ²

Не удалось навек оставить Земли недвижный, скучный брег, Тебя восторгами поздравить И по зыбям твоим направить Мой поэтической побет!

Ты ждал меня.... я был окован, — 4 Вотще рвалась душа моя; Могучей страстью очарован У берегов остался я... 5

Не удалось.... Но ие забуду ⁶ Твоей торжественной красы; Но долго долго слышать буду ⁷ Твой гул в вечерние часы

В леса, в пустыни молчаливы Перенесу тобою полн ⁸ Твои скалы, твои заливы И блеск и тень и говор волн.

В этой первоначальной редакции отсутствуют, как видно, образы Наполеона и Байрона, отсутствуют и пессимистический мотив "пустоты" мира и невозможности освобождения из-под гнета "просвещения" или "тирана". Это — прямое "прощание с морем" и сожаление о несостоявшемся побеге.

Окончив переписку, поэт, не удовлетворенный, вероятно, лаконичностью и недостаточной эмоциональностью своих стихов, стал тотчае разрабатывать лирическое обращение к морю в двух строфах, вставленных после 3-й строфы первоначального текста (после стиха "Тоской привычною томим", или, в последнем чтении — "Заветным умыслом томим"). Карандашный набросок к первой из вставных строф записан перед текстом стихотворения (л. 12), самые же строфы — тотчас после заключительной черты.

Как я любил твои отзывы Глухче эвуки, мощный глас ⁹ И тишину в вечеринй час И своенравные порывы

¹ Исправлено: Как часто по брегам твоим 2 Исправлено (A):

а. Заветным замыслом томим

б. Отважным замыслом томям

в. Отважным умыслом томим г. Заветным умыслом томим

У этого стиха поставлен энак вставки (см. ниже). ³ Исправлено: Мно скучный не(по)движный брог

⁴ Исправлено: Ты ждал, ты звал . . . я был окован, —

⁵ У этого стиха поставлен знак вставки (см. ниже).

⁶ Исправления этого стиха, связанные со вставкой, см. ниже.

⁷ Исправлено: И долго долго слышать буду (А)

⁸ Исправлено: а. Перенесу печали полн б. Перенесу любовью полн

⁹ Исправлено: Глухие звуки, бездны глас

Ты тих как сельская река И бедный парус рыбака Твоею прихотью хранимый Скользит поверх твоих зыбей Но ты взыграл— неодолимый И тонет стая кораблей 1

На этом стихотворение было закончено, и ниже двух вставных строф, на свободном месте (л. 13), Пушкин перебелил 1-е "Подражание Корану". Но ватем он вновь вернулся к прощанию с морем", и, сбоку "Подражания", записал еще одну строфу, вставленную после 5-й строфы первоначального текста (или 7-й — вторичного), после стиха: "У берегов остался я":

И что ж, о чем жалеть? Куда же Меня бы вынес Скеан—
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж Просвещенье иль тиран 2

В соответствии с этой новой вставкой переделано и начало следующей за ней отрофы:

И мне не жаль.....³ Но не забуду Твоей торжественной красы.

Новая строфа, углубляя в заостряя философско-политический смысл стихотворения, вызвала, в свою очередь, в сознании поэта образы двух "властителей дум" его поколения, недавно наполнявшие собою мир, теперь опустелый и притихший под гнетом Священного союза, и связанные — в разных отношениях — с образом моря. Их судьба сопоставлялась притом, в сознании поэта, с его собственной судьбой: один умер изгнанником, другой — певец свободы — был гоним в своем отечестве. Так создались строфы о Наполеоне и о Байроне, сводка которых дана выше. Они набросаны через несколько дней, занятых перебелкою "Разговора книгопродавца с поэтом" (лл. 13 об. — 17 той же тетради № 2370), помеченного "26 сент. 1824", а скоро затем стихотворение "К морю" было окончательно отделано: вместе с письмом от 10 (или 8) октября ⁴ Пушкин послал кн. П. А. Вяземскому это "маленькое поминанание за упокой души раба божия Байрона". Послано оно было, несомненно, в редакции, совпадающей с печатным текстом "Мнемозины", ⁵ т. е. в составе 15 строф. Из девяти строф, посвященных Наполеому и Байрону,

2 Последние два стиха исправлены (А):

Гле благо, там уже на страже Иль Просвещенье иль тиран

³ Вместо первоначального: Не удалось..., связанного с предшествовавшими двумя строфами.

⁵ Оно было передано В. К. Кюхельбекеру и В. Ф. Одоевскому для "Мнемозины" именно П. А. Вяземским, как указывают издатели альманаха в примечании к стиху "Мир опустел..." ("Мнемозина", ч. IV, 1825, стр. 104). Цензурное разрешение IV-й части "Мнемовины" помечено 13 октября 1824 г., но "К морю" могло быть включено туда

и повднее, дополнительно.

¹ Исправлено: а. И гибнет стая кораблей,
6. И стаи тонут кораблей (А)

⁴ Ср. "Пушкин. Письма", под редакцией Б. Л. Модзалевского, т. 1, М.—Л., 1926, стр. 91—92 и 349. — "А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 111. — Письмо датируется днем окончания "Цыган", по помете на л. 27 об. той же тетради № 2370: "[8] 10 окт." Возможно, однако, что Пушкин имеет в виду в своем письме эпилог поэмы, написанный поэднее, в средних числах октября (лл. 28—29 той же рукописи), и в таком случае письмо к Вяземскому следует также датировать серединою октября, — что, впрочем, для истории стихотворения "К морю" не имеет значения.

сюда, в значительно переработанном виде, вошли всего пять: вступительная строфа ("Что б дал ты мне — К чему бы ныне"), две строфы о Наполеоне (первая и последняя) и две о Байроне. Перебеленная рукопись 2370-й тетради сохранила следы введения втих строф: в ней последняя вставленная строфа ("И что ж, о чем жалеть? куда же Меня бы вынес Океан -- ") перечеркнута и вместо нее сокращению записана первая из девяти. дополнительных строф:

> О чем жалеть куда бы ныне Я бег беспечн(ый устремил?)

Кроме того, в соответствии с этой вставкой, исправлено вторично чтение следующей (14-й) строфы ("И мне не жаль... Но не забуду"):

> Прощай, о море, не забуду Твоей торжественной красы...

Четыре строфы из щести, говорящих о Наполеоне, не были внесены в последнюю редакцию стихотворения. Исключение их вызвано было, очевидно, несоразмерностью части, посвященной Наполеону и состоявшей из пяти строф, с частью, посвященной Байрону и включающей всего две строфы (с одною переходною строфою, общей обекм частям). А краткость суждения о Байроне в стихотворении, которое сам Пушкин считах посвященным памяти поэта (умалчивая о Наполеоне), вполне объясняется словами указанного выше письма к П. А. Вяземскому при посылке ему "маленького поминаньица за упокой души раба божия Байрона": "Я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблидей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского". Черновая рукопись не сохранила никаких следов продолжения этой "панихиды" — его, очевидно, и не было — но для равновесия частей пришлось отбросить большую часть стихов, посвященных Наполеону.

Но Пушкин не мог и не хотел совсем отказаться от четырех наполеоновских строф "прощания с морем". В мае 1825 г., подготовляя первое собрание своих стихотворений, он вспомнил "оду на смерть Наполеона", написанную осенью 1821 г. и неопубликованную. Высказанное в ней отношение к Наполеону, установившееся после его смерти, не изменилось в ближайщие последующие годы, а мысли о нем в откинустрофах "прощания с морем" вполне гармонировали с настроениями оды 1821 г. Предвидя — и справедливо — что "Наполеон" пострадает от цензуры, Пушкин решил дополнить его и развить мысль об "искуплении" и о сочувствии к изгнаннику, включив в стихотворение строфы, оставшиеся неиспользованными в "прощании с морем". На перебеленной рукописи "Наполеона" в тетради ЛБ № 2367, лл. 20-22 об., относящейся к более раннему времени (повидимому, к зиме 1821—1822 гг.), после конца стихотворения приписаны — вероятно, уже в мае 1825 г., одновременно с письмом к А. С. Пушкину — два восьмистишия, представляющие перебелку четырех строф, исключенных из стихотворения "К морю". Первоначальный слой этой вставки, близко совпадающий с данной выше сводкою этих строф, но в другой последовательности, читается так: ²

> Он искупил свои стяжанья 3 И эло воинственных чудес 4 Тоскою тяжкою изгнанья 5

¹ Письмо к Л. С. Пушкину; см. "А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 175.

2 Ср. "Сочинения Пушкина", иэд. Академии Наук, т. III, 1912, Примечания, стр. 129.

3 Исправлено: Искуплены его стяжанья

⁴ Исправлено: И гром воинственных чулес 5 Исправлено: а. Тоскою тягостной изгнанья

б. Мученьем медленным изгнанья

в. Тоскою душного изгнанья

Под сенью душной тех небес ¹ И ныне остров заточенья ² Полнощный путник посетит ³ И тихо слово примиренья ⁴ На гровном камне начертит ⁵ Где устремив на волны очи Изгнанник помнил прежних дней ⁶ И льдистый ужас полуночи И небо Франции своей Где иногда в своей пустыне Забыв войну, потомство, трон Один, один о милом сыне С улыбкой грусти думал он ⁷

В такой редакции, переработанной как показано в сносках и с незначительными отплистическими исправлениями, эти строфы вошли и в печатный текст "Наполеона".8

Н. Измайлов.

¹ Исправлено: Под сенью чуждою небес 2 Исправлено: И знойный остров заточенья 3 Исправлено: Полнощный парус посетит

⁴ Исправлено: а. И Русской слово примиренья
6. И путник слово примиренья

⁵ Исправлено: а. На том он камне начертит 6. На он(ом) камне начертит

⁶ Исправлено: Изгнанник помнил звук мечей

⁷ Исправлено: (В) уныны горьком думал он 8 "Стихотворения А. Пушкина", 1826, стр. 94—95.

неизвестные автобиографические записи пушкина

<Mai> 26 voyage, vin de hongrie —

⟨Juillet⟩ 28

29 —

30 - turco in italia

31 depart

(Août) 9 arrivé à M-

⟨Décembre⟩ 1827.

12 pr. bil.

13 Jouk.

14 Semenov —

15 Corb.

16 Mag. Ang.

18 2 lett.

Весь текст писан карандашом, кроме последней строки, писанной чернилами.

Приведенные мелкие записи Пушкина на французском языке были в свое время опубликованы в "Описании библиотеки Пушкина", 1 как находящиеся на одной из книг этой библиотеки. Однако, автор "Описания" — Б. Л. Модзалевский — полагая, что записи сделаны "женским почерком", не придал им значения и не пытался их объяснить. После этого они вовсе выпали из поля зрения исследователей Пушкина. Не была обследована после беглого описания Модзалевского и сама книга, на которую записи нанесены.

Занимаясь пересмотром личной библиотеки поэта, я установил, что эти краткие записи сделаны несомненно самим Пушкиным, что смысл части их может быть раскрыт с полной бесспорностью, а части — с известной гипотетичностью. Они освещают вовсе не известные даты биографии Пушкина, а книга, где они записаны, отныме попадает в разряд несомненно ему прикадлежавших, почему и требует более детального описания. Последнее дает в свою очэредь новые небезынтересные биографические черточки и пополняет наши не слишком богатые достоверные сведения о круге итения Пушкина.

Прежде чем перейти к расшифровке самих записей, даю более полное описание книги. Это: "Almanach Dédié aux dames. Pour l'an 1824". Paris, Le Fuel, Delaunay; на обложе гравированная виньетка, 22 ненум. → 6 гравированных картинок → 162 стр. → 14 страниц для записей на каждый месяц с гравированными на них изображениями амуров и названиями месяцев. Эти страницы представляют собой особую тетрадочку из восьми листочков (последний — чистый) с гравированным титулом: Souvenir. À Paris. Chez Le Fuel Libraire Editeur Rue St Jacques № 54. Потрепанный переплет из папки с потертой позолотой и раскрашенными на нем картинками (изображение муз с амурами), с обор-

^{1 &}quot;Пушкин и его современники", вып. ІХ—Х, 1910, стр. 138, № 536.

ванным корешком и золотым обрезом. Внутри — штами с обозначением пошлины: злотых 2 (złotych 2) и другой штами, повидимому таможенный: Cecha książka zagr. Warszawa. K. C. K.

Начало этого календарика занято типично календарными статейными сведениями на 1824 г. о Юлианском календаре, первой олимпиаде, основании Рима, христванских праздниках и т. п. Далее следует шесть исполненных С. Веуег и другими гравюр с картин знаменитых художников — итальянцев, голландцев, фламандцев и французов:

- 1. Рембрандт Семья дровосека (La Famille du Bucheron).
- 2. А. Ватто Сельский бал (Le Bal champêtre).
- 3. К. Дюжарден Водопад (La Cascade).
- 4. Лука Джордано Амфитрита на волнах (Amphitrite portée sur les eaux).
- 5. Б. Бреенберг Развалины (Les Ruines).
- 6. А. Корреджо Юпитер и Леда (Jupiter et Léda).

К каждой из гравюр приложены небольшие пояснения. При наших скудных сведениях о конкретных впечатлениях Пушкина о живописи, данный состав хорошо известных ему картин может оказаться имеющим некоторый интерес.

Не менее характерны в своей области и образцы традиционного французского репертуара, преимущественно влегической поэзии, следующие непосредственно за гравюрами (стр. 1—164) и также до сих пор совершенно ускользнувшие из круга произведений, имевшихся в личной библиотеке Пушкина. Привожу их заглавия и имена авторов:

Versailles Élégie Le Roi de la Fève

Inscription Elégie

Le Retour du Soldat L'Abandon. Stances

Chloé rêveuse

Romance

Le Jeune poète à Leucade

La Noce d'Elvire

L'Infidèlé Chansonnette La Bataille

Le Prisonnier au portrait de son amie

Le Serments

Le Retour des Hirondelles. Romance

Lycas. Stances
A M-lle Jenny L***
Les Quilles. Fable

Rêverie

Le dernier jour de l'année. Élégie

Son nom La Brouille

Fragment de ma promenade

Fragment de Lucrèce

Romance

Le Mari, l'Amant et le Voleur. Conte.

Fragment de la Philippide. Vers d'une petite table...

A M-lle M. Eugénie

Le Dévoument de Médecins français

- Casimir Delavigne.

- Jacinthe Leclere.

- H. de La Touche.

J. Leclere.L. Sauvage.G. Richomme.

— J. Boucher de Perthes.

- Alexandre Guiraud.

Delphine Gay.A. Soumet.

J. Boucher de Perthes.

— A. Bignan.

- A. Poutignac de Villars.

- Casimir Delavigne.

- louannet.

- L. D. L. Audiffret.

Routier.

L. Sauvage.
Amable Tastu.
Ch. Sézanne.
E. L. J.

E. L. J.Viennet.

- trad.... par Pongerville

L. Sauvage.M. Merville.Viennet.

- Le comte de Ségur.

J. M. Berton.Dufrénov.

Le Palais-Royal, ou Histoire de M. du Perron (nposa) — Le comte de Ségur. La Fatale Destinée (проза) Solennité du XII-e siècle (проза) — D. B. - X. B. Saintine. Fragment d'un poème... (Emma) Stances - F. Richomme. Dialogue entre un amant malheureux et la nymphe Écho - J. Blondeau. — Louise Évelines D*** Regrets d'une exilée, 1808 L'Odalisque - Le comte J. de Rességuier.1

Самый подбор стихов антологии вряд ли остановил на себе пристальное внимание Пушкина, хотя в периоды лишения книг, конечно, просматривался им. Мы знаем его отзыв в письме к Вяземскому от 5 июля 1824 г. о французских поэтах (и в частности Де-ла-Вине): "все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы" 2 и "покаместь поэзии во Франции менее чем у нас".3

Непосредственно за маленькой календарной хрестоматией в альманахе следуют вышеупомянутые украшенные амурами листки на каждый месяц для памятных записей.

Кроме последнего декабрьского листка, отнесенного Пушкиным к 1827 г., все остальные записи относятся к 1824 г. — тому, на который был издан календарик.

Трудно предположить, что Пушкин сам купил для себя "Альманах, посвященный дамам". Естественнее, что изящный иностранный календарик на текущий год, осгававшийся незаполненным до конца мая 1824 г., был подарен Пушкину незадолго перед этим какой-либо из дам его одесского окружения, например Е. К. Воронцовой, всегда имевшей под рукою свежие новинки заграницы.

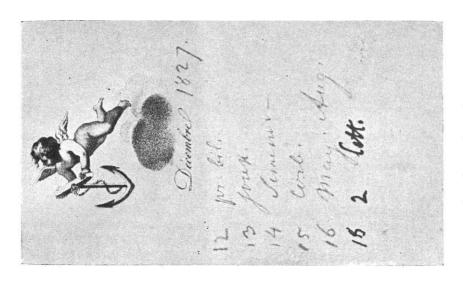
Пушкин воспользовался "Альманахом" как записной книжкой. Ранее, не имея под рукой записной книжки, Пушкин обычно запосил свои записи дневникового характера в тетради с рукописями своих художественных произведений. Такова, например, запись от 8 февраля 1824 г. в рукописи "Евгения Онегина" об ужине у Воронцовой.

Так как публикуемые Пушкинские записи относятся к поразительно скудно освещенным моментам жизни Пушкина, то, несмотря на их незначительность, расшифровка их интересна. Она позволяет установить несколько неизвестных в биографии Пушкина мелких фактов, уточнить кое-что в его последних "днях" 1824 г. "в полуденной пыли" Одессы и позднейших — на севере. Майская запись: "26 — поездка, венгерское вино" впервые приоткрывает времяпрепровождение Пушкина в день его рождения 26 мая 1824 г. Записанная под этой датой "поездка" — командировка Пушкина М. С. Воронцо-

¹ Перевод: К. Делавинь — Версаль (элегия); Ж. Леклер — Бобовый король; Надпись; А. де Латуш — Элегия; Ж. Леклер — Возвращение солдата; Л. Соваж — Покинутая (стансы); Г. Ришомм — Хлоя-мечтательница; Ж. Буше де Перт — Романс; А. Гиро—Юный поэт в Левкаде; Дельфина Ге — Свадьба Эльвиры; А. Суме — Неверчая; Ж. Буше де Перт — Песенка; А. Биньян — Битва; А. Путиньяк де Виллар — Пленник к портрету возлюбленной; К. Делавинь — Клятвы; Жуанне — Возвращение ласточек (романс); Л. Д. Л. Одиффре — Стансы; Рутье — К Женни Л.***; Кегли (басня); Л. Соваж — Грезы; А. Гастю — Последний день года (элегия); Ш. Сезан — Ее имя; Е. Л. Ж. — Ссора; Виенне — Отрывок из моей прогулки... Отрывок из Лукреция (перев. Понжервиля); Л. Соваж — Романс; М. Мервиль — Муж, любовник и вор (сказка); Виенне — Отрывок из Филиппиды; Гр. де Сегюр — Стихи столика; Ж. М. Бертон — М. Эжени; Дюфренуа — Самоотверженность французских врачей; гр. де Сегюр — Пале-Рояль или история г. дю-Перрон; Роковая участь; Д. Б. — Торжество XII века; К. Б. Сентин — Отрывок из поэмы...; Г. Ришомм — Стансы; Луиза Эвелина Д*** — Сегования изгланницы, 1808; Ж. Блондо — Диалог несчастного любовника и нимфы Эхо; Ж. де Рессегье — Одалиска.

² В оригинале эта фраза написана по-французски, см. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 102.

³ Там же. ⁴ Сб. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 300, см. там же аналогичные записи того же и позднейшего времени на стр. 301—335.

Надписи Пушкина на книге его библиотеки "Almanach Dédié aux dames". Инспитл литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

вым на обследование саранчи в Херсонский, Еливаветинский, Александровский уевды. Как известно, Пушкин получил предписание о поездке 22 мая, но поехал не ранее 23-го и возвратился не поэже 28 мая. Обе эти даты приблизительны. То, что Пушкин под 26 мая записал "поездка", как будто говорит о начале (а не о середние) пути в этот день. Если это так, то всё путешествие было значительно короче, чем обычно предполагается. Конечно, вапись могла быть сделана и по возвращении. Повидимому, день своего рождения Пушкин помянул венгерским вином еще в Одессе, отправляясь в путь (или в пути между Одессой и Херсоном).

Июльский листок отмечает как пвиятные числа — 28-е и 29-е, но самые события не навваны. Первая дата совершенно не знакома нам в биографии Пушкина, не отмечена ни единым фактом, ни единым письмом. Четы Воронцовых уже давно не было в это время в Одессе — они усхали еще 13 июня на южный берег Крыма. В. Ф. Вяземская писала 27 июля 1824 т. П. А. Вяземскому из Одессы (оригинал по-французски): "Продолжаем ничего не знать о судьбе П. ушкина). Даже г. срафиня внает, как и тм, лишь то, что он должен покинуть Одессу. Супруг ее попросту скавал, что ему нечего делать с П. в Одессе, но не знаем как всё это кончится. Я буду очень огорчена, если он покинет город, пока я вдесь и еще более, если мы здесь устроимся; я его очень люблю, и он терпит мою журьбу как от матери... " 2

29 июля Пушкин подписал обявательство "по данному от г-на одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться из Одессы к месту навначения в губериский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу; а по прибытии в Псков явиться лично к г-ну гражданскому губернатору".

При этом в биографии Пушкина всегда и до сих пор незыблемо считалось, что на другой день (30 июля) Пушкин, получив "прогонные" на дорогу, высхал из Одессы.

Однако, следующие дво записи самого Пушкина колеблют эту дату. Действительно, порвая из них гласит:

30 - turco in italia

и только вторая

31 - depart

Таким образом отъезд Пушкина из Одессы в действительности и вопреки всем биографам повта состоялся 31 июля 1824 г., а накануне, 30 июля, он не только весь день провел в Одессе, но, повидимому, имеется возможность судить и о том, где и как он провел вечер. "Il Turco in Italia" — "Турок в Италии" — название двухактной оперыбуфф Россини, написанной композитором осенью 1814 г. зкак репсин к его же опере "Итальянка в Алжире" (по свидетельству "Записок" Вигеля также шедшей в Одессе в 1823—1824 г.).

Содержание "Турка в Италии" вкратце заключается в том, что юный турок занесен бурей к берегам Италии, высаживается там и влюбляется в первую встретившуюся ему женщину. У нее есть муж (Дон Джеронио) и любовник (Дон Нарчизо), оба не желающие уступать ее турку. Донна Фиорилла мучит их обоих. Во втором акте турок обращается к мужу, прося продать ему жену. На маскараде муж не может узнать своей жены и жалуется на это публике.

Давая в X главе своей "Жизни Россини" яркую оценку "Турка в Италин", Стендаль особенно восторженно отмечает знаменитую шутливую каватину Дон Джеронно, ищущего цыганку, чтобы погадать о возможности излечения безумств жены, дуэт о турках и гаремах. Отдельные арии, по мнению Стендаля, "превосходят все арии

¹ Ср. Г. П. Сербский. "Доло о саранче". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 2, 1936. сто. 283.

^{2 &}quot;Остафьевский архив князей Вяземских", т. V, вып. 2, СПб., 1913, стр. 136—137.
³ Тогда же поставлена на Миланской сцене. В Москве была дана 12 ноября
1821 г. в домашнем театре С. С. Апраксина. Ср. "Conservateur Impartial", 1821, № 94,
стр. 455.

Чимарова и Моцарта", квинтет на маскараде — "может быть то, что я слышал наиболое чудесного в операх-буфф Россини".

Таким образом, прощаясь с Одессой, Пушкин, можно думать, провел вечер накануне своей новой ссылки в "унылый северный уезд" ва музыкой "уполтельного Россини" и "сынов Авзонии счастливой". На следующий день, вероятно еще вспоминая "Россини резвые напевы", Пушкие усхад

> От оперы от темных лож И -- слава богу -- от вельмож.

Этой записью пополняется круг опер Россини, знакомство Пушкина с которыми было васвидетельствовано им самим ("Севильский цырюльник", "Сорока-воровка",2 "Торвальдо и Дорлиска", "Танкред").3

Августовская запись всего одна: "9 arrivé à М-", т. с. "9 августа прибым в Михайловское".

Записная книжка, служившая Пушкину для нескольких одесских ваписей, в глуши Михайловского, среди жизни, дишенной событий, сраву же оказалась отложенной в сторону, ненужной.

Пушкин воспользовался ею вновь только через три года. В декабре 1827 г. он вписал на декабрьский листок 1824 г. более поздним, уверенным и черным карандашом новый заголовок: "1827".

Пушкин возвратился в Петербург и был в хлопотах по делу об "Андрее Шенье". Начало декабря 1827 г. — также период почти полного отсутствия биографических фактов. Достаточно указать, что ни одна биографическая канва жизни Пушкина вовсе не знает ни одного из отмеченных Пушкиным чисел. К сожалению, именно поэтому и публикуемые карандашные записи, охватывающие подряд пять дней декабря (12— 16), почти не поддаются комментарию. Их возможно условно расшифровать как записьо повседневных лелах:

> 12 pr.(emier) bil(let) 13 Jouk.(offsky) 14 Semenov —

Слово "Semenov" (вряд ли эдесь обозначена фамилия артисток) может относиться к цензору В. Н. Семенову.

15 Corb.<?>

Как гипотезу, объясняющую это неясное для меня слово (если только это не просто: corbeille — подношенье), предлагаю чтение "Corbeau". В 1826 г. вышло в свет собрание "Chants populaires", в котором появилась баллада "Les Deux corbeaux", переведенная Пушкиным. Не в это ли время уже заинтересовался ею Пушкин? Напомию, что в позднейшем письме он назвал свой перевод просто "Вороном".4 Точная датировка

XX, 1914, стр. 78),
² Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, стр. 470.

¹ В 1826 г. на представлении "Итальянки" 28 сентября Пушкин, как видно из дневника М. П. Погодина, беседовал с ним ("Пушкин и его современники", вып. XIX—

³ Ср. И. Эйгес. "Музыка в жизни и творчестве Пушкина", 1937, стр. 151—164. Об исполнении ряда опер Россини в разное время в салоне З. А. Волконской

ею, М. Виельгорским и Риччи см. "Литературное Наследство", № 16—18, стр. 575 (за искаженными итальянскими названиями "Guza" и "Furio" здесь сирываются, конечно, "gazza" n "Turco").

⁴ Ср. также сб. "Рукою Пушкива", 1935, стр. 321.

начала работы Пушкина над "Двумя воронами" остается невыясненной, и стихотворение датируется 1828 годом по положению в тетради № 2371 (л. 99 об.).

16 Mag. (asin) Ang. (lais)

Скорее всего здесь имеется в виду посещение петербургского английского магазина Никольс и Плинке, в котором Пушкин и поэже делал различные козяйственные покупки и отдавал в починку вещи домашнего обихода.1

18 2 lett.(res) 2

Последняя вапись ^{3} вся сделана чернилами, несколько расплывшимися, и в виду этого несколько деформировавшими почерк (Б. Л. Модзалевский читал: "2 lott").

Никаких писем Пушкина и к Пушкину за 12 и 18 декабря 1827 г. до нас не дошло.

Д. Якубович.

^{1 &}quot;Литературный Архив", т. I, 1938, стр. 53—57. 2 Можно расшифровать и так: 2(me) lett(re) (второе письмо); ср. Запись 12 декабря.

³ Быда еще запись чернилами на нижней оторванной выше половины части сентябрьского листка — след верхнего конца буквы сохранился.

новый автограф пушкина

Житія и похвалы Святыхъ подобаятся свѣтлостію звѣздамъ: яко-же бо звѣзды положеніемъ на небеси утвержденны суть, всю-же поднебесную просвѣщаютъ, тыяже и отъ Індіанъ зрятся, не сокрываются отъ Скивовъ, землю озаряютъ и морю свѣтятъ и плавающихъ корабли управляютъ: их-же именъ аще и не вѣмы множества ради, обаче свѣтлой добротѣ ихъ чудимся. Сице и свѣтлость Святыхъ, аще и затворены суть мощы ихъ во гробѣхъ, но силы ихъ въ поднебесной земными предѣлы не суть опредѣленны: Чудимся тѣхъ житію и удивляемся славѣ, ею-же Богъ угодившія ему прославляетъ.

Св. Иг. Метафрасть, въ жит. Св. Ксеніи Іануарія $\vec{\kappa}_{A}$.

Печатается по автографу, сохранившемуся у одного частного лица в Ленинграде и в конце 1938 г. приобретенному Пушкинским Домом Академии Наук СССР.

Писано чернилами на полулисте писчей синей бумаги. Полулист данного автографа, совершенно очевидно, вырван из тетради, так как носит следы переплетных шнуровМожно было бы думать, что этот полулист вырван из так называемой Арзрумской тетради Пушкина, но следы шнуров в листе не совпадают с линиями шнуров этой тетради, кранящейся во Всесоюзной Библиотеке имени В. И. Ленина (№ 2382). Оборотная сторона листа — чистая, на ней видны следы сгиба листа вчетверо.

Автограф Пушкина представляет выписку из "Четьих-Миней" Димитрия Ростовского, только не из самого жития Ксении, напечатанного в так называемой второй (декабрьской) трети (месяцы: декабрь, январь, февраль), а из впиграфа к первой трети (месяцы: севтябрь, октябрь, ноябрь).

¹ Перевод: Описания жизни и прославления святых подобны по светлости звездам: подобно тому как утвержденные на небе звезды светят во всей поднебесной, так что они видимы индийцам и не скрыты от скифов, озаряют землю, светят в море и управляют кораблями плавающих, и, хотя не знаем их названий по причине их многочисленности, однако дивимся их светлой красоте. Так и со светлостью святых: хоть их останки и скрыты в гробах, но их силы в поднебесной не ограничены земными пределами, и мы дивимся их жизни и изумляемся славе, которой бог прославляет угодивших ему.

Св. иг. Метафраст, в житии св. Ксенин, Января 24.

² Размер 215×328 мм; водяной знак: в тройном овале под княжеской короной геральдический лев вправо, опирающий левую поднятую лапу на якорь с двумя зубцами; внизу у сгиба листа цифра 18 ⟨28⟩; посредине страницы между строками текста, занимающего немного больше полустраницы, поставлена красными чернилами цифра 3; таким образом, документ этот входил в личный архив поэта и вместе с другими был пропумерован жандармами после смерти поэта.

Mumik a notbakke lbs mbult nagvefilfe elffist is Abridant : Exope do selsohe namptureur no he-Sem ymbepfedentel cymb, har fer nad ned enyra sprikt waroft, mod fre a over Indians yegs, su rækstebaromer of brutote, ouska esassege wojn iht meje a malamyeste nofalhe spobulsofs: lex-pe unent auge u subtlibe useofremt a jerger, obare at men godfornt. ust rysums. Eugen ektomisemt Atukat, angen sambopeselv symt nrugh utt bo spooler, se cuche user be nodsuduson 3eundehne spedtster se ey mb onpettreunde: Tymak moder gumen a gubbleuch Chell En-es borr grodubært enn njochallerfr. Cl. Us. Minaffact, bo spum. C. Kanen Tanyager K.A.

"Четьи-Минеи" — переводный с греческого сборник житий, сказаний и поучений, расположенных в порядке дней каждого месяца, частично был известен в русской литературе уже с XI в. Димитрий Ростовский по типу этого сборника приготовил и издал к 1705 г. четыре иниги своих "Четьих-Миней", ограничив, однако, их содержание одними житиями, извлеченными им из разных источников и наново обработанными. После двух первых изданий, вышедших при жизни Димитрия Ростовского (1689-1705, 1702-1718), "Четьи-Минен" были напечатаны между 1759 и 1829 гг. девять раз (1759, 1761, 1764, 1767, 1782, 1789, 1796, 1808 m 1829).

Сборники сокращенных "Четьих-Миней" послужили прототицом так называемых "прологов". В прологи включались, между прочим, занимательные легендарные повествования об отшельниках и аскетах монастырей, заимствованные из "патериков" или "отечников",

Выписанные Пушкиным строки из жития Ксении обычно печатались крупным шрифтом (начиная с первого московского издания "Четьих-Миней" в 1759 г.) на оборото титульного листа в качестве эпиграфа ко всем четырем книгам "Четьих-Миней". Редакция эпиграфа и редакция текста в житии Ксении, начиная с первого ивдания "Четьих-Миней", печатались несогласованными (например, в эпиграфе: Индиан, а в тексте Индианов, в впиграфе не сокрываются, поднебесной в тексте: ни сокрываются, поднебесней); Пушкин в автографе повторяет редакцию эпиграфа.

В каждое новое издание "Четьих-Миней" (и в частности, в текст эпиграфа) вносились редакционные поправки. Трудно сказать, по тексту какого из указанных девяти изданий еделал выписку Пушкин, тем более, что Пушкин не был точным переписчиком; так, в ссылке на источник он, очевидно, по рассеянности вместо "Симеона Метафраста" написал "Иг. Метафраст" (едва ли не по аналогии с житием игумена Саввы, выписанным им из "Пролога"); повидимому, Пушкина затруднило написание малого юса в слове "подобятся" и потому в тексте у него получилось: "подобаятся".

Пушкин познакомился с содержанием "Четьих-Миней" еще в Михайловском (возможно, в связи с работою над "Борисом Годуновым", когда он "в летописях старазся угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени"). И. И. Пущин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как в бытность его в гостях у Пушкина в январе 1825 г. к Пушкину неожиданно явился настоятель соседнего монастыря, обязанный наблюдать за поведением Пушкина, и как "Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе «Четью-Минею»".1

В письме к П. А. Плетневу (между 12 и 14 апреля 1831 г.), отзываясь с большой похвалой о "преданиях русских", которые "не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским", Пушкин писал: "Если всё еще его «Жуковского» несет вдохновением, то поисоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах: прелесть простоты и вымысла!"

Итак, Пушкин, ценя "Четьи-Минеи" с точки зрения литературной, хорошо ознакомился с ними к 1831 г. Это подтверждается и выписками Пушкина из этих сборников, как равно и из "Пролога", сохранившимися в его рукописях.

В настоящее время в собраниях сочинений Пушкина печатаются выписки, сделанные Пушкиным из "Четьих-Миней" (их условно относят к 1831 г.), и выписка из "Пролога" (датируемая началом 30-х годов).2

Нам представляется, что даты эти можно уточнить, связавши, кстати сказать, эти выписки с печатаемым автографом Пушкина.

Выписки из "Четьих-Миней" сделаны на той же бумаге, что и ряд других автографов Пушкина,

¹ Л. Майков. "Пушкив". Биографические материалы и историко-литературные

очерки. СПб., 1899, стр. 81.

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. 6, ГИХА, 1936, етр. 346-348.

Если оставить в стороне "Выписки из Месяцеслова" 1711 г., условно относимые к 1836 г., то нельзя не видеть, что все автографы Пушкина на этой же бумаге (№ 82) написаны никак не поэже 1830 г.¹ C другой стороны, выписка из "Пролога" (Преподобный Савва игумен"),2 сделанная на бумаге № 39,3 датируется началом 30-х годов на основании водяных знаков бумаги — "1830", т. е. на той же бумаге 1830 г., на которой были написаны в сентябре 1830 г. "Ответ Анониму", "Хронология Онегина", "Опять увенчаны мы славой", "Восстань, о Греция, восстань", ⁴ "Евгений Онегин", гл. VIII, строфа 37, "Изречение о переводчиках", "Программа «Истории села Горюхина»" ⁵ и в октябре 1830 г. "Стамбул гяуры нынче славят".6

Учитывая, что советы Жуковскому читать "Четьи-Минен" Пушкин мог давать, как нужно думать, под свежим еще впечатлением от чтений "Пролога" и "Четьих Миней" и что выписка из "Пролога" об игумене Савве относится, очевидно, к болдинской осени 1830 г., можно утверждать, что и выписки из "Четрих-Миней" относятся к тому же времени, т. е. к осени 1830 г., когда Пушкин томился в Болдине. Тогда не будет натяжкой к этому же времени относить и публикуемый автограф, написанный на бумаге того же типа, как и бумага, на которой Пушкив в 1829 г. написал "Роман в письмах", "Путешествие в Арэрум" (отрывок из пятой главы) 7 и "О трагедии Шекспира «Ромео и Юльета» ".8

Естественно, что, делая выписки из "Четьих-Миней". Пушкин прежде всего обратил внимание на эпиграф и выписал его на отдельный лист. Этот эпиграф заинтересовах его, повидимому, своими поэтическими достоинствами.

Γ. Προχορου.

¹ Ср. Л. Б. Модзадевский и Б. В. Томащевский. "Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", Научное описание. А., 1937, стр. 253, 313, 53, 98, 100, 101, 114, 165, 166, 252, 253.

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в щести томах", т. 6, ГИХА, 1936, стр. 347-348.

з "Рукописи Пушкина...", стр. 303. — А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. V, "Academia", 1936, стр. 457.

⁴ "Рукописи Пушкина...", стр. 54—56. ⁵ Там же, стр. 69—70.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ Там же, стр. 98--99. 8 Там же, стр. 119.

lib.pushkinskijdom.ru

м. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА, ОБРАЩЕННЫЕ К В. Ф. РАЕВСКОМУ

В самый разгар следствия над декабристами, рассказывая о своих связях с ними, Пушкин в письме к Жуковскому от 20-х чисел января 1826 г. сообщал: "В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым". Неслучайно Раевский здесь назван первым. Из всех лиц, е которыми приятельски общался поэт в Кишиневе, Владимир Федосеевич Раевский занимает исключительное место.

Характеристика взаимоотношений Пушкина и Раевского дана Щеголевым в его известной работе о "первом декабристе". Характеристика эта основана преимущественно на воспоминаниях о Пушкине И. П. Липранди и стихотворениях Раевского. Но последние использованы далеко не в той степени, как они того заслуживают, а в писаниях самого Пушкина Щеголев ничего не увидел прямо относящегося к Раевскому, но несомненно к последнему, как уже указывалось, относится набросок:

Не даром ты ко мне воззвал Из глубины глухой темницы.

К Раевскому же обращено неоконченное и неотделанное стихотворение "Не тем горжусь я, мой певец".

Наконец напечатанное ниже (стр. 55—56) послание "Ты прав, мой друг, напрасно я презрел" адресовано также к Раевскому.

¹ Первоначально напечатано в "Вестнике Европы" (1903, IV); отдельно — "Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX в." Изд-во "Общественная польза", СПб., 1905; 2-е издание, 1907. Вошло в книги П. Е. Щеголева "Исторические этюды" (Изд-во "Шиповник", СПб., 1913) и "Декабристы" (Госиздат, 1926).

² Интересные новые материалы о Раевском см. в статье П. А. Бейсова "К вспросу о литературном наследстве первого декабриста В. Ф. Раевского" ("Сибирские Огни", 1938, № 3—4, стр. 123—131).

"Из чтения «Воспоминаний» Липранди, — справедливо писал Шеголев, — выносишь такое впечатление, будто ссоры — специфическая особенность отношений Раевского и Пушкина". Действительно, Липранди неоднократно в "Воспоминаниях" рассказывает об этих дебатах. В одном месте он так пишет об этом: "Пушкин, как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского. В одном, сколько я помню, Пушкин не соглашался с Раевским, когда этот утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас то и другое есть — свое и т. п. Так как предмет этот меня вовсе не занимал, то я и не обращал никакого внимания на эти диспуты, неоднократно возобновлявшиеся". Таким образом показание Липранди дает лишь самое приблизительное представление об этих горячих спорах на темы, одинаково волновавшие обоих спорщиков.

Арест Раевского 6 февраля 1822 г. положил конец лишь личным общениям его с Пушкиным. Сношения с ним Раевского продолжались.

В Тираспольской крепости, куда был заключен Раевский во время следствия по его делу, он написал стихотворение "К друзьям". В этом стихотворении, предвидя, что ему предстоит ссылка в Сибирь, где он будет "влачить жизнь" "в жилье тунгуса иль бурята", поэт обращается к Пушкину со стихами, так читающимися в первой редакции послания: 3

Но пусть счастливейший невец, Любимец муз и Аполлона, Сей новый берег Ахерона, Теней жилище воспоет 5 Сковала грудь мою, как лед, Уже темничная зараза. Холодный узник отдает Тебе сей лавр, певец Кавказа! Коснись струнам, и Аполлон, 10 Оставя берег Альбиона, Тебя, о юный Амфион,

> Украсит лаврами Бейрона. Воспой те дни, когда в цепях

¹ П. Е. Щеголев. "Декабристы", 1926, стр. 36—37.

^{2 &}quot;Русский Архив", 1866, стаб. 1256.

³ Из девяти известных мне полных текстов стихотворения первую редакцию дают неопубликованная копия в бумагах А. Ф. Вельтмана (Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, № 2308) и в сборнике Н. Арсеньева из архива Д. В. Поленова, поступившего из Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в государственный Музей Пушкина. Достоверность текста последнего сборника я ошибочно заподозрел в статье "Эпигоны декабристов" ("Голос Минувшего", 1917, № 7—8, стр. 85 и 89). Копия Вельтмана, по которой печатаются стихи, обращенные к Пушкину, дает ту же редакцию, что и копия Поленовского сборника, снимая с последней подозрение в недостоверности.

Лежала наглая обида,

Когда порок, как бледный страх,

Боялся собственного вида.

Воспой величие царей,

Их благость должную к народу,

В десницах их его свободу

20 И право личное людей. Воспой простые предков нравы, Отчизны нашей век элатой, Природы дикой и святой И прав естественных уставы.

25 Быть может смелый голос твой Дойдет до кесаря молвою, Быть может с кротостью святою Он бросит не суровый взор На мой ужасный приговор

30 И примирит меня с судьбою.
Быть может кончен жребий мой. —

В этом призыве к Пушкину стать гражданским поэтом, поэтом-патриотом, замечательно перечисление тем, на которые должна отозваться поэзия Пушкина. Это перечисление заставляет вспомнить позднейшее признание Раевского: "В 1816 году мы возвратились из-за границы в свои пределы. В Париже я не был, следовательно, многого не видал; но только суждения, рассказы поселили во мне новые понятия; я начал искать книг, читать, учить то, что прежде не входило в голову мою, жотя бы Esprit des lois Монтескье. Contrat social Руссо я вытвердил. как азбуку". 1 Идеи Монтескье ("Воспой величие царей, их благость должную к народу, в десницах их его свободу и право личное людей") и Руссо ("простые предков нравы, отчизны нашей век златой, природы дикой и святой и прав естественных уставы") и нашли свое отражение в приведенных стихах. Таким образом, интерес Пушкина к русской истории, как и руссоизм его в годы южной ссылки, был подкреплен Раевским. Замечательна судьба приведенной части послания Раевского. Спустя некоторое время, но не позднее 1826 г., стихи были переделаны Раевским так:

Но пусть счастливейший певец, Питомец муз и Аполлона, Страстей и буйной думы жрец, Сей берег страшный Флегетона, Сей новый Тартар воспоет! Сковала грудь мою, как лед, Уже темничная зараза. Холодный узник отдает Тебе сей лавр, певец Кавказа, Коснись струнам, и Аполлон,

¹ П. Е. Щеголев. "Владимир Раевский (Первый декабрист)". "Декабристы", 1926, стр. 13.

Оставя берег Альбиона, Тебя, о юный Амфион, Украсит лаврами Бейрона. Оставь другим певцам любовь! Аюбовь ли петь, где брыжжет кровь, Где племя чуждое с улыбкой Терзает нас кровавой пыткой, Гле слово, мысль, невольный взор Влекут, как явный заговор, Как преступление, на плаху, И где народ, подвластный страху, Не смеет шопотом роптать. Пора, друзья! Пора воззвать Из мрака век полночной славы Царя-народа, дух и нравы И те священны времена, Когда гремело наше вече И сокрушало издалече **Царей** кичливых рамена. ¹

Перечисление тем, предлагавшихся Пушкину, заменено обобщающей формулой:

Оставь другим певцам любовь! Любовь ли петь, где брыжжет кровь...

Стихи о том, что "смелый голос" Пушкина "быть может заставит" кесаря бросить не суровый взор "на ужасный приговор", заменены уничтожающей характеристикой самодержавия "племени чуждого" Романовых-Гольштейн-Готторпских.

Пушкин не оставил без ответа эти обращения к нему. В записной книжке поэта, которая заполнялась на юге (так называемая "отрешковская тетрадь"), на л. 48 имеется набросок стихов:

Не даром ты ко мне воззвал Из глубины глухой темницы,

а под ними, на этом же листе находится написанный тогда же черновой текст стихотворения, занимающий еще одну страницу (л. 48 об.):

Не тем горжусь я, мой певец, Что [привлекать] умел стихами [Вниманье] [пламенных] [серлец], Играя смехом и слезами;

Не тем горжусь, что иногда Мои коварные напевы Смиряли в мыслях юной девы Волненье страха (и) стыда;

¹ Стихи приведены по копии Лансберга, опубликованной мною в статье "Эпигоны декабристов" ("Голос Минувшего", 1917, № 7—8, стр. 88—89).

Не тем, что у столба сатиры Разврат и злобу я казнил, И что грозящий голос лиры Тирана в ужае принодил;

Что непреклонным <?> вдохновеньем И бурной жизнию моей И страстью воли и гоненьем Я стал известен меж людей —

Иная, [высшая] [награда] Была мне роком суждена [Самолюбивая отрада! Мечтанья суетного сна!...]

Первый набросок в два стиха, как уже указано, несомненно относится к Раевскому, являясь ответом на стихи последнего к Пушкину в послании "К друзьям в Кишинев". Близкое соседство с этим наброском стихов "Не тем горжусь я, мой певец" позволяет и эти стихи относить к Раевскому. Стихотворение не окончено, но и в том, что написано, нельзя не видеть одного из самых значительных, глубоко интимных признаний поэта в его размышлениях о своем призвании. Нам кажется, что зачеркнутые последние два стиха намечают тему бессмертия поэта в потомстве. Наброски написаны Пушкиным, вероятно, не позднее июня этого года, так как в июле он прочел уже другое стихотворение Раевского — "Певец в темнице". Об этом так рассказывает Липранди в своих воспоминаниях о Пушкине: 1

"Около половины 1822 года,² возвращаясь из Одессы, я остановился ночевать в Тирасполе у брата, тогда адъютанта Сабанеева.³ Раевский был арестован в Кишиневе 5-го февраля,⁴— на другой день после моего выезда в Херсон, Киев, Петербург, Москву, и заключен в Тираспольскую крепость. Мне котелось с ним видеться, тем более,

¹ Историю написания этих воспоминаний на основании писем И. П. Липранди к П. И. Бартеневу см. в моей публикации "Из пушкинианы П. И. Бартенева. П. Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине" ("Летописи Государственного литературного музея", книга первая, 1936, стр. 548—551). Подлинная рукопись воспоминаний Липранди, по которой они были напечатаны в "Русском Архиве" (1866, №№ 8—9 и 10), оказалась в Государственном Историческом музее и ныне хранится в Государственном музее Пушкина. По этой рукописи (лл. 156—159) и печатается отрывок из воспоминаний Липранди. Курсивом печатаются слова, исключенные при публикации в "Русском Архиве".

² Выражение: "Около половины 1822 года" нужно понимать: "в июле 1822 года". См. в воспоминаниях Липранди — "Русский Архив", 1866, № 10, стлб. 1480.

³ Павел Петрович Липранди (1796—1864), впоследствии генерал-от-инфантерии, видный деятель Восточной войны 1853—1856 гг. Сабанеев, Иван Васильевич (1792—1829), в это время командующий 6-м пехотным корпусом, штаб-квартира которого находилась в уездном городе Херсонской губ. Тирасполе, по дороге из Одессы в Кишинев, в 94 верстах от Одессы и в 100 3/4 верстах от Кишинева.

⁴ В. Ф. Раевский был арестован не 5, а 6 февраля 1822 г.

что он и сам просил брата моего, что когда я буду проезжать, то чтобы как-нибудь доставить ему эту возможность. Брат советовал просить мне позволения у самого Сабанеева, который близко знал меня со Шведской войны, и отказа, может быть, и не было бы; но я знавши, как Раевский дерзко отделал в лицо Сабанеева на одном из допросов в следственной комиссии, не хотел отнестить лично, прежде нежели не попытаю сделать это чрез коменданта, полковника Сергиоти, с которым я был хорошо знаком, а потому тотчас отправился в крепость. Раевский был уже переведен из каземата на гауптвахту, в особенную комнату, с строгим повелением никого к нему не допускать. Тайно сделать этого было нельзя, и комендант предложил мне, что так как разрешалось отпускать Раевского с унтер-офицером гулять по гласису (крепость весьма тесная), то, чтобы я сказал, в котором часу завтра поеду, то он через час, когда будет заря, передаст Раевскому, и он выйдет на то место, где дорога идет около самого гласиса. Я назвал час и на другой день застал Раевского с унтер-офицером, ему преданным, сидящим в назначенном месте. Я вышел из экипажа и провел с ним полчаса, опасаясь оставаться долее. Он дал мне пиесу в стихах, довольно длинную, под заглавием: «Певец в темнице», и поручил сказать Пушкину, что он пишет ему длинное послание, которое впоследствии я и передал Пушкину, когда он был уже в Одессе.1

Дня через два по моем возвращении в Кишинев, Александр Сергеевич зашел ко мне вечером и очень много расспрашивал о Раевском, с видимым участием. Начав читать «Певца в темнице», он заметил, что Раевский упорно хочет брать всё из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме, и вдруг остановился. «Как это хорошо, как это сильно; мысль эта мне нигде не встречалась; она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тираспольской крепости, а хорошо» и пр. Он продолжал читать, но видимо более сериозно. На вопрос мой, что ему так понравилось, он отвечал, чтобы я подождал. Окончив, он сел ближе ко мне и к Таушеву 2 и прочитал следующее:

Как истукан, немой народ Под игом дремлет в тайном страхе: Над ним бичей кровавый род И мысль и взор — казнит на плахе.

¹ Примечание И. П. Липранди: "Во время отъезда моего в 1851 году за границу Н. С. Алексеев взял у меня и то и другое, а равно и пять писем Пушкина; возвратясь, я его не нашел в Петербурге, и он вскоре умер в Москве. Здесь я слышал, что будто бы он кому-то отдал мне возвратить".

² Н. С. Таушев, гевальдигер, поручик, по словам Липранди, "очень образованный молодой человек из Казанского университета" (см. "Русский Архив", 1866, стлб. 1255).

Он повторил последнюю строчку, присовокупив: «Никто не изображал еще так сильно тирана:

И мысль и вэор — каэнит на плахе.

Хорошо выражение и о династии: «Бичей кровавый род», — присовокупил он и прибавил вэдохнув: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца».

Так Александр Сергеевич иногда и прежде называл Раевского, а этот его — Овидиевым племянником.

Таушев указал Пушкину на одно сладострастное выражение, которое, по его мнению, также оригинально, сколько помню, следующее:

Встречал ли девы молодой Любовь во взорах сквозь ресницы? В усталом сне ее с тобой Встречал ли первый луч денницы?

Пушкин находил, что выражение «В усталом сне» — «хорошо, очень хорошо! но стихи не хороши, а притом это не ново», — и вдруг начал бороться с Таушевым. Потом, обратясь ко мне сказал: «А хорошо бы довести Соловкину и до такой усталости», схватил Таушева под руку, надел на него фуражку и ушел. На другой день Таушев сказывал мне, что Пушкин ему говорил, что мысль первых стихов едва ли Раевский не первый высказал. «Однако, прибавил он, я что-то видел подобное, не помню только где, а хорошо», и несколько раз повторял помянутый стих; вторую же мысль он приписывал себе, где-то печатно и лучше высказанную".2

Приводим полностью текст стихотворения Раевского "Певец в темнице".3

¹ Ел. Фед. Соловкина, жена полкового командира Охотского полка, по словам Липранди, была "одной из более интересовавших Пушкина женщин" (см. "Русский Архив", 1866, стлб. 1235).

² Вероятно Пушкин имел в виду свое стихотворение "К ней" ("Эльвина, милый аруг, приди, подай мне руку"), напечатанное в 1817 г. в "Северном Наблюдателе".

³ Стихотворение Расвского "Певец в темнице", конечно, тогда же стало распространяться в рукописных копиях. По копии, обнаруженной Е. С. Некрасовой в бумагах известного библиографа С. Д. Полторацкого, поступивших в Румянцевский музей (ныне Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина), стихотворение было напечатано в публикации "Альбом С. Д. Полторацкого" в "Русской Старине" (1887, октябрь, стр. 133— 134). Здесь, по цензурным условиям, ст. 50—52, слово "царей" в ст. 53, слово "помазанный в ст. 55 и последние восемь стихов были исключены. — Кроме текста, опубликованного Некрасовой, мне известны еще две рукописных копии. Одна находится в сборнике 1820-х — 1840-х годов, принадлежавшем известному составителю сборника сказок А. Н. Афанасьеву (1826-1871), а теперь принадлежащем В. И. Нейштадту. По этой копии текст стихотворения опубликован Нейштадтом в заметке "Певец в темнице" в "Литературной газете", 1935, № 53 (544) и в заметке "Потаенный альбом 20—40 годов" в "Литературной газете", 1935, № 54 (545) (последние двадцать стихов). Вторая копия, сделанная 25 февраля 1854 г., имеется в восьмой части сборника "Всякая всячина" (хранится в Государственном Историческом музее в Москве). Из втих трех текстов - дучший в сборнике Нейштадта. Этот текст мы и печатаем.

О мира черного жилец! Сочти все прошлые минуты, Быть может близок твой конец И перелом судьбины лютой!

- 5 Ты знал ли радость? светлый мир Души награду непорочной?
  Что составляло твой кумир Добро, иль гул хвалы непрочной?
  Читал ли девы молодой
- 10 Аюбовь во взорах сквозь ресницы? В усталом сне ее с тобой Встречал ли яркий луч денницы? Ты знал ли дружества привет? Всегда с наружностью холодной
- 15 Давал ли друг тебе совет Стремиться к цели благородной? Дарил ли щедрою рукой Ты бедных золотом и пищей? Почтил ли век под сединой
- 20 И посещал ли бед жилища? Одним исполненный добром И, слыша стон простонародный, Сей ропот робкий под ярмом, Алкал ли мести благородной?
- 25 Сочти часы, вступя в сей свет, Поверь протекший путь над боздной, Измерь ее — и дай ответ Потомству с твердостью желозной. Мой век, как тусклый метеор,
- 30 Сверкнул в полуночи невримый И первый вопль, как приговор Мне был судьбы непримиримой. Я неги не любил душой, Не знал любви, как страсти нежной,
- 35 Не внал друзей, и разум мой Встровожен мыслию мятежной. Забавы детства презирал, И я летел к известной цели, Мечты мечтами истреблял,
- 40 Не зная мира и веселий. Под тучей черной, грозовой, Под бурным вихрем истребленья, Средь черни грубой, боевой, Средь буйных капищ развращенья
- 45 Пожал я жизни первый плод, И там с каким-то черным чувством Привык смотреть на смертный род, Обезображенный искусством. Как истукан, немой народ
- 50 Под игом дремлет в тайном страхе: Над ним бичей кровавый род И мысль, и ввор казнит на плахе, И вера, щит царей стальной,

Узда для черни суеверной, 55 Перед помазанной главой · Смиряет разум дерэновенный. К моей отчизне устремил Я, общим элом пресытясь, вворы, ... С предчувством мрачным вопросил 60 Сибирь, подземные затворы И книгу Клии открывал, Дыша к земле родной любовью; Но хладный пот меня объял --Листы залиты были кровью! Я бросил свой смущенный взор С печалью на кровавы строки, Там был подписан приговор Судьбою гибельной, жестокой: "Во праж и Новгород и Псков Конец их гордости народной. Они лышали шесть веков Во славе жизнию свободной". Погибли Новгород и Псков! Во прахе пышные жилища! И трупы доблих их сынов Зверей голодных стала пища. Но там бессмертных имена Заатыми буквами сияли; Богоподобная жена, Борецкая, Вадим — вы пали! С тех пор исчез, как тень, народ, И глас его не раздавался Пред вестью бранных непогод. На площади он не сбирался Сменять вельмож, смирять князей, Слагать неправые налоги, Внимать послам, встречать гостей, Стыдить, наказывать пороки, Войну и мир определять. Он пад на край своей могилы, Но рано ль, поздно ли, опять Восстанет он с ударом силы! 1

Тематически первые пять строф стихотворения Пушкина "Ты прав, мой друг, напрасно я презрел" связаны с первою частью стихотворения Раевского "Певец в темнице", носящего характер исповеди.

Раевский в тюрьме, в ожидании судебного приговора, накануне "перелома судьбины лютой" в своем стихотворении вспоминал свою жизнь, суровую и безрадостную:

Мой век как тусклый метеор Сверкпул в полуночи незримый... Я неги не любил душой,

¹ Под текстом подпись: 38 Егерского полка майор Раевский.

Не знал любви как страсти нежной, Не знал друзей, и разум мой Встревожен мыслию мятежной. Забавы детства презирал...

Этим же темам посвящены первые пять строф пославия Пушкина; но вместо негативных положений Расвского Пушкин утверждает:

Я знал досуг... Я дружбу внал... Я знал любовь...

Раевский от темы личной переходит—и этот переход очень жарактерен для него как поэта-революционера—к теме гражданской:

Как истукан немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

Читая историю, поэт и там увидел листы, залитые кровью. Мрачное прошлое освещается лишь бессмертными именами Борецкой и Вадима. Свободный народ "пал на край своей могилы". "Но, — заканчивается стихотворение, — рано ль, поздно ли опять Восстанет он с ударом силы".

Эти мажорные заключительные стихи перекликаются со стихами послания "К друзьям":

Пора, друзья, пора воззвать Из мрака век полночной славы. Царя-народа, дух и нравы И те священны времена, Когда гремело наще вече И сокрушало издалече Царей кичливых рамена.

В ответ на эти призывы Пушкин пишет строфы (начиная с щестой), полные глубокого пессимизма. Заключительная строфа уже намечает тему стихотворения "Свободы сеятель пустынный", которое таким образом по своему происхождению является последним ответом поэта на обращения к нему не смирившегося и в тюрьме поэта-декабриста.

И. МЕДВЕДЕВА

ПУШКИНСКАЯ ЭЛЕГИЯ 1820-х ГОДОВ И "ДЕМОН"

Белинский писал по поводу темы демона у Пушкина: "Не будучи демоническим поэтом, Пушкин имел право и не мог не знать иногда муки сомнения: ибо этой муки совершенно чужды только натуры мелкие, ничтожные, сухие и мертвые".1

Во время пребывания Пушкина в южной ссылке происходили события, глубоко волновавшие его: подъем, развитие и падение революционной борьбы в Европе. Он тяжело переносил свою оторванность от политической борьбы.

Эдесь, лирой северной пустыни оглашая, Скитался я в те дни, как на брега Дуная Великодушный грек свободу вызывал.²

Между тем уже в послании к В. Л. Давыдову з ввучат, здесь же преодолеваемые, сомнения по поводу победы Неаполитанской революции:

Но те в Неаполе шалят, А та едва ли там воскреснет... Народы тишины хотят, И долго их ярем не треснет. Ужель надежды луч исчез? Но нет! — мы счастьем насладимся, Кровавой чашей причастимся — И я скажу: "Христос воскрес".

К 1823 г. положение в Европе выяснилось. Карбонарское движение в Италии было подавлено еще в мае 1821 г., революция в Испании разгромлена, а вождь испанских революционеров — Риего — казнен (ноябрь 1823 г.) Было подавлено революционное движение в Португалии, неудачей кончились попытки восстания во Франции. После Веронского конгресса всё замерло в тисках Священного союза, руководимого русским царем.

¹ В. Г. Белинский, "Сочинения Александра Пушкина". Статья пятая. Л., ГИЗ, 1937, стр. 281—282.

^{2 &}quot;К Овидию" (1821), ст. 99-101.

³ "В. Л. Давыдову" (1821), ст. 53—60.

В России происходила ликвидация либеральных начинаний первых лет царствования. Побеждал реакционный мистицизм. Либеральные друзья Пушкина, вместе с ним переживавшие разочарование в своих надеждах на успех западных революций, казалось, бездействовали. Разговоры в среде будущих декабристов порою вызывали у Пушкина сомнения в реальных возможностях оппозиционных сил России. Эти настроения отразились в "Евгении Онегине" и в медитативной лирике (целый цикл стихотворений Пушкина 1822—1823 гг.).

Настроения эти звучат с большой отчетливостью в цикле стихотворений, впервые публикуемых здесь в полном виде. Одно из этих стихотворений восстановлено из отрывков, относимых к вариантам двух разных произведений. Другое восполнено чтением не читавшихся ранее в рукописи стихов, а также двумя строфами, считавшимися отдельным стихотворением.

I

В любом современном собрании сочинений Пушкина читатель найдет шестистрофное послание "Ты прав мой друг". Послание написано необычным для Пушкина разм ром — правильно чередующимися строками пятии четырехстопного ямба. Это единственный опыт Пушкина в данной форме. Адресат послания до последнего времени не был известен. Послание, казалось, носило характер традиционной унылой элегии. Юноша-поэт наслаждался жизнью, был влюблен, пировал с друзьями, его посещало вдохновение; но вот он приобретает опыт, видит жизнь в ее наготе и "всё прошло! — остыла в сердце кровь!" Несколько странной кажется эта тема у Пушкина среди лирики 1822 г.

Для читателя-исследователя, знающего, где найти дополнения к известным текстам пушкинской лирики, предоставляется возможность в некоторых собраниях сочинений, в отделе примечаний, в виде транскрипции, в виде бессвязных набросков прочесть продолжение послания "Ты прав, мой друг". Продолжение это даже в его бессвязности раздвигает рамки темы, делает послание глубоко содержательным, существенным для пушкинского мировозэрения, возбуждает интерес к адресату. Тема стихотворения — ничтожество "избранников молвы", сомнение в возможности победы правды и свободы.²

Узнав продолжение, невозможно читать послание в его "сокращенном виде". Почему же до сих пор мы не имеем полного текста послания? Обратимся к рукописям Пушкина.

¹ Любопытно, что тем же размером (то же как единственный опыт) написана дума Рылеева "Борис Годунов". Она была напечатана в "Полярной звезде" на 1823 г. (книжка появилась в конце 1822 г., но Пушкин мог знать думу и раньше).

² На политическое содержание этих набросков было обращено внимание Б. Мейлахом в его статье "Новое о политической эволюции Пушкина" ("Литературная газета", 1936, 5 июля, № 38).

В тетради Пушкина 1821—1823 гг., на трех листах разбросан черновик строфического послания "Ты прав, мой друг". Видна большая работа над каждым стихом, иные слова густо замараны чернилами. Черновик сложный, но ясно видны пометы переноса отдельных стихов, отчетлива разбивка на правильные четверостишные строфы. Среди стихов — прозаическая запись, имеющая характер программы послания: "Ко всему была охота. Ко всему охладел. Ветреный, я стал безнадежен «?». Теперь кого упрекну и это смешно". 6 строф читаются довольно легко, остальные 7 — с трудом. Иные только начаты или намечены вторым или третьим стихом.

На переломе первой части послания, составляющей известные 6 строф, написано:

Разоблачив пленительный кумир Я вижу

Намечена строфа, которая должна стать переходом ко второй части послания. В этой намеченной строфе повидимому заключается главный момент сомнения всех редакторов, не решавшихся дать полный текст послания. Правда, некоторые из дальнейших строф тоже не полны, некоторые взаимно исключают друг друга, и требуется внимательный анализ для отбора и заполнения пропущенного в стихе, из наличных вариантов. Но всё это гораздо более разрешимо, чем заполнение разрыва в самом начале второй части послания.

В той же самой тетради, на 19 листов раньше ² наброска послания, находится черновик трех четверостиший, известных читателю в качестве стихотворений 1821 г.

Красы лаис, заветные пиры
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной...

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный...
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Аюбил мечту и славу и любовь — И многому я в жизни верил, Когда еще кипела в седце кровь И сам с собой я лицемерил.

Размер строф и их тема не вызывают никакого сомнения—перед нами куски послания "Ты прав, мой друг". Анализ основного черновика дает возможность даже определить время, когда Пушкин, оставив листы 55—57-й своей тетради и, повидимому, вообще прервав работу, затем

¹ Тетрадь Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина, № 2365, лл. 55-57.

² Там же, л. 36.

вновь начал набрасывать строфы послания, открыв тетрадь на первом попавшемся свободном листе. Перерыв этот заметен в рукописи после строфы, оканчивающейся стихом:

Очарованьем, упоеньем

После этого в рукописи небольшой пробел, отмеченный звездочкой, и цитированный выше прозаический набросок (программа). Такое перебрасыванье черновика работы из одной части тетради в другую и даже из тетради в тетрадь, как известно, постоянно производилось Пушкиным. В следующей стадии работы он собирал и ставил на места разрозненные части произведения. В данном случае — стихотворение не было закончено.

Первый раз в печати отдельные строфы послания П. В. Анненков поместил в "Материалах для биографии А. С. Пушкина" (строфы 1-ю, 3-ю, 5-ю, и 6-ю). Его пополнил В. Е. Якушкин в "Описании рукописей Пушкина", напечатав и строфы 4-ю, 6-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю, 11-ю, 14-ю, а также отдельно от послания, как самостоятельные наброски, три строфы: "Красы лаис, заветные пиры" и следующие.

Первым редактором, установившим связь текстов обоих автографов, был Л. Н. Майков. В "Материалах для академического издания сочинений А. С. Пушкина" он указал на то, что строфы "Красы лаис, заветные пиры" и следующие "повидимому принадлежат к той же пьесе, или составляют вариант к ней". Попытку объединить все строфы двух автографов сделал П. А. Ефремов в томе примечаний, добавлений и поправок к изданию сочинений Пушкина 1905 г.4 К довольно полному тексту основного автографа он механически присоединил указанные Майковым три строфы. Однако в старом академическом издании собраний сочинений Пушкина⁵ послание опять появилось в основном тексте в прежнем "сокращенном" виде, а элополучные три строфы помещены как отдельное произведение. Семь строф из тринадцати приведены редактором в примечании и даны в форме неудобочитаемой транскрипции. Следующую попытку вновь объединить строфы послания сделал Брюсов в издании сочинений Пушкина 1920 г. Под общим заглавием "Наброски элегий", самим заглавием сняв с стихотворения характер послания, Брюсов дал всю сумму строф в произвольном порядке, присоединив к ним еще и наброски другого стихотворения, о котором мы будем говорить ниже. Заслугой Брюсова, по сравнению с его предшественником Ефремовым, является решение задачи с начатой в черновике послания

¹ Т. І, изд. Анненкова, 1855, стр. 88—89.

² "Русская Старина", т. XLII, 1884, стр. 95 и 104—105.

³ Изд. 1902, стр. 176.

⁴ Т. VIII, стр. 188—190.

⁵ Т. III, ред. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова, 1912, стр. 102—107.

⁶ Т. І, стр. 187—189.

строфой "Разоблачив пленительный кумир". Брюсов поставил на место зачина строфы — вполне доработанную и явно предназначавшуюся в это место строфу из числа трех отбившихся. Редакторы последних советских изданий собраний сочинений Пушкина, учитывая отсутствие точных указаний Пушкина, отказались от печатания "сводного" текста послания.

Вопрос о послании решается в связи с юбилейным академическим изданием "Собрания сочинений" Пушкина. Анализ черновиков, произведенный для этого издания, дает возможность, кроме чтения отдельных стихов и восстановления строфы "Разоблачив пленительный кумир", поставить на место и первую из отбившихся трех строф 1— "Красы лаис, заветные пиры". В результате возможно реконструировать большое 14-строфное послание, хотя и незаконченное в целом и недоработанное внутри отдельных строф:

Ты прав, мой друг, напрасно я презрел Дары природы благосклонной. Я знал досуг, беспечных муз удел И наслажденья лени сонной,

Красы лаис, заветные пиры И клики радости безумной, И мирных муз минутные дары И лепетанье славы шумной,

Я дружбу знал— и жизни молодой Ей отдал ветреные годы, И верил ей за чашей круговой В часы веселий и свободы—

Я знал любовь не мрачною [тоской] Не безнадежным заблужденьем, Я знал любовь прелестною мечтой Очарованьем упоеньем —

Младых бесед оставя блеск и шум, Я знал и труд и вдохновенье. И сладостно мне было жарких дум Уединенное волденье.

Но всё прошло! — остыла в сердце кровь, В их наготе я ныне вижу И жизнь и свет и дружбу и любовь, И ранний опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав, Душа час от часу немеет, В ней чувства нет. Так легкий лист дубрав В ключах кавказских каменеет.

¹ Третья строфа — "Любил мечты и славу и любовь" — является вариантом строфы основного автографа "Но всё прошло! — "

Разоблачив [пленительный] кумир, Я вижу призрак безобразный... Но что ж теперь тревожит хладный мир Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне Столь величавым и прекрасным, Ужели в сей позорной глубине Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой, Кого любил к чему стремился, Кого ж, кого возвышенной «душой» Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой Языком Истины свободной, Но для толпы ничтожной и глухой Смешон глас сердца благородный.

Я замолчал

И встретил я то малое число

[Встречались мне наперсники молвы], [Но что в избранных] я увидел, Ничтожный блеск одежд

. . . .

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран льстец,
Иль предрассудков раб послушный.

Глубокое содержание темы послания останавливает внимание читателя на адресате. Сейчас адресат М. А. Цявловским установлен — это "первый декабрист", кишиневский собеседник Пушкина, Владимир Федосеевич Раевский. Послание Пушкина является ответом на стихотворение арестованного Раевского² "Певец в темнице".

Тема "разочарования" у Пушкина заменяется проблемой отношения к людям и политической борьбе. Здесь в наброске послания—тема конфликта поэта и толпы. Толпа—это "избранники молвы", "ничтожный блеск" которых обманул вдохновенного проповедника "правды и свободы", говорившего с ними "языком души". В последних строфах послания—зерно темы "политической басни"— "Свободы сеятель пустынный".

 $^{^1}$ См. выше работу М. А. Цявловского "Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому".

² Раевский был арестован в Кишиневе 6 февраля 1822 г. "Певец в темнице" датируется этим же годом.

now the yell -Hanpreus.

Послание не было доработано Пушкиным. Тогда же им овладела идея иного воплощения волнующей его темы. Приблизительно в то же время (в самом изчале 1823 г.) Пушкин начал работать над стихотворением, которое целиком до настоящего времени не было известно читателю. Отдельные куски его в качестве вариантов к двум известным стихотворениям 1823 г. печатались в некоторых полных собраниях сочинений лишь в отделе примечаний.

Ниже даем попытку конструирования из этих разрозненных, но внутрение единых фрагментов одного целостного замысла.

Пушкин писал это стихотворение в черновой тетради, той самой, где шла работа над планами исторической поэмы о Владимире и Мстиславе, набрасывались стихи к "Братьям разбойникам" и "Бахчисарайскому фонтану", где находится окончательно не прочтенная до сих пор, по неразборчивости имен, запись "Только революционная голова, подобная..." Рядом с этой записью расположен черновик на трех листах.²

Первые три наброска его сделаны карандашом. Первый представляет собой, повидимому, зачин стихотворения, — в нем — тема 10-й и 11-й строф послания "Ты прав, мой друг", тема веры в "избранников молвы":

Бывало в сладком ослепленье
Я верил избр(анным) дущам,
Я мнил — их тай(ное) рожденье
Угодно [властным] небесам.
На них указывало мненье,
Едва приближился я к ним...³

Этот набросок-вступление оставлен Пушкиным. Он начал работать над основной частью темы. По ходу работы можно предполагать, что в послании "Ты прав, мой друг" Пушкин не был удовлетворен поэтическим воплощением темы разочарования. В самом деле, момент, когда человек, "мучимый противоречьями существенности", теряет веру в торжество истины и необходимость борьбы, т. е. самый острый момент темы, является быть может самым слабым в послании. Пушкин нашел способ наиболее действенного изображения этого душевного состояния. Он пошел по пути поэтической конкретизации. Так родился образ демона в лирике Пушкина.

В следующем, втором карандашном наброске черновика — первые стихи о демоне:

Мое спокойное незнанье Строптивый демон возмущал,

¹ Тетрадъ № 2366 Всесоювной Библиотеки им. В. И. Ленина.

 $^{^{2}}$ Tam see, as. 40 of. — 42.

³ Там же, л. 40 об.

⁴ Заметка Пушкина о стихотворении "Демон" 1827 г. (?).

И я его существовавье С своим невинным сочетал. Я видел мир его глазами ¹

В третьем карандашном наброске, дающем незначительный вариант четырех стихов предыдущего, следуют стихи:

Непостижниое волненые Меня к лукавому влекло И я желал И разгадать добро и зло ²

Текст стихотворения занимает середину листка до низу, и начиная со стиха "Паситесь мудрые народы" переходит на поля, сперва справа (два стиха в трех разных редакциях) и затем слева. Окончательная последовательность замыкающих стихов, повидимому, достигнута не сразу.

Гипотеза о двух независимых набросках совершенно отпадает. Между тем эта ошибочная гипотеза, возникщая из сопоставления не до конца прочитанного текста отдельных строк с двумя известными стихотворениями, определяла отношение к черновику прежних исследователей. Автограф неделим. Вот как он может быть реконструирован в его полном виде:

Бывало в сладком ослепленье ³ Я верил избранным» душам, Я мнил — их тайаное» рожденье Угодно властным небесам, На них указывало мненье, Едва приближился я к ним

[Души] беспечное незнанье [Строптивый] демон возмут (ил) И он мое существованье 10 С сво(им) навек соединил. Я стал взирать [его глазами], Мне жизни дался бедный клад, С его неясными словами Моя душа эвучала в лад. Взглянул на мир я взором ясным И [усмехнулся] в тишине: Ужели он казался мне Столь величавым и прекрасным? Чего мечтатель молодой, Ты в нем искал, к чему стремился, 20 Кого восторженной (душой) — Боготворить не устыдился? [И взор я бросил на] людей, Увидел их надменных, низких,

¹ Тетрадъ № 2366 Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина, л. 41 об.

² Там же. д. 41 об.

³ Первые шесть стихов даются в качестве вступления предположительно.

Жестоких, ветренных судей, Глупцов, всегда элодейству близких. Пред боязливой их толпой. [Подкупленной, тупой], холодной, [Смешон] [глас] правды благо (родно)й, Напрасен опыт вековой.

30 Паситесь мудрые народы, К чему спасенья вольный клич, Стадам не нужен дар свободы, Их должно резать или стричь, Наследство их из рода в роды Ярмо с гремушками [да бич].

Вступление, как уже было сказано, повторяет тему двух строф послания "Ты прав, мой друг". Дальше Пушкин вводит образ демона. Он не останавливается на его характеристике, она очень коротка: строптивый (в вариантах "лукавый") демон, "неясными словами" объясняет поэту ничтожество мира, "разоблачает" "пленительный кумир". Дальше Пушкин вновь возвращается к теме послания, к характеристике "избранников толпы", и заканчивает стихами:

"Паситесь мудрые народы" и т. д.

Написав эти концевые пять стихов, Пушкин, очевидно, остался доволен только ими, как наиболее сильными. Тогда же он, повидимому, переписал их и как законченное стихотворение показал или переслал некоторым из друзей. Что дело происходило именно так, можно судить по наличию этих стихов как цельного произведения в списках и рукописных сборниках того времени. Стихотворение это мы находим в тетрадях Вяземского и Каверина, а также в одном из донесений жандармского полковника И. П. Бибикова Бенкендорфу: "Je joins ici des vers qui circulent même en province et qui vous prouveront qu'il y a encore des malveillants". 2

Дальше следует несколько испорченный текст:

Паситесь русские народы, Для вас не внятен славы клич, Не нужны вам дары свободы,— Вас надо резать—или стричь.

Тема разочарования — расслоилась на две. Одна из них — тема демона, проблема "вечных вопросов", становление человеческой личности, другая — тема политического скептицизма.

Обе эти темы волновали Пушкина и заставляли искать форм для их воплощения. В конце 1823 г. Пушкин реализовал свою лирическую

¹ Ср. Б. А. Модзалевский. "Пушкин под тайным надвором", 1925, стр. 16—17.

 $^{^2}$ Перевод: "Сообщаю эдесь стихи, которые ходят даже в провинции, и которые вам докажут, что еще имеются влонамеренные".

тему в "Демоне" и стихотворении "Свободы сеятель пустынный". Но прежде чем были созданы эти вещи, происходил процесс сложный и в высшей степени любопытный. Пушкин пытался ассимилировать лирические замыслы в большом, центральном своем произведении.

Ħ

Генеалогия Онегина ведется от "Кавказского пленника". О своем первом разочарованном герое, пленнике, Пушкин писал: "Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19 века".¹ Пушкин был недоволен созданным характером: "Пленник зелен" — писал он Бестужеву позднее,² а в 1830 г. уже прямо говорил: "Кавказский пленник первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил".³ Чаадаев обвинял Пушкина в том, что его пленник недостаточно blasé.⁴ По поводу этого замечания Чаадаева Пушкин писал Вяземскому: 5 "Чедаев по несчастью знаток по этой части". Выражение "по несчастью" достаточно характеризует отношение Пушкина к одной из основных черт романтического характера. Это было незадолго до начала работы над "Евгением Онегиным". Пушкина продолжал занимать всё тот же характер молодого человека XIX в.

Характер создавался на фоне его европейских прототипов в лице байроновских разочарованных героев, "Адольфа" Бенжамена Констана, "Рене" Шатобриана и многочисленных демонических героев "ужасных" романов, каковы "Монах" Льюиса, "Мельмотт Скиталец" Матюрина и др. Онегин был задуман, как герой, гораздо больше blasé, чем "пленник", но отношение Пушкина к этой черте героя существенно изменилось. Онегин должен был стать в ряд с героями европейского романа, следовательно и ему надлежало носить черты демонизма. Однако ему прежде всего надлежало быть русским характером, органически связанным с русской действительностью.

Онегин, сын своего века и собрат европейского демонического героя, генетически в ряде черт связан с образом демона, чуть намеченным в стихотворении "Бывало в сладком ослепленье". Скука, как результат скептического восприятия мира и общества, язвительные речи,

¹ Письмо к В. П. Горчакову, октябрь — ноябрь 1822 г.; текет и датировки писем Пушкина здесь и ниже даем по "Полному собранию сочинений" (т. XIII, Академия Наук СССР, 1939).

² Письмо к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г.

³ Заметки о ранних поэмах.

⁴ Письмо к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. — Перевод: "пресыщенный".

⁵ Письмо к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г.

⁶ О связи некоторых строф "Демона" с "Евгением Онегиным" и "Кавказским Пленником" в свое время обстоятельно писал Л. И. Поливанов ("Русский Вестник", 1886. № 8, стр. 827—850).

роль соблазнителя — вот свойства Онегина, являющиеся читателю с первых строк ромака.

Онегин — "искуситель роковой". Для влюбленной Татьяны становится мучительный вопрос — добро или зло олицетворяет ее идеал:

Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или неверный искуситель Мои сомненья разреши.¹

Сон Татьяны, в котором она среди пирующих бесов узнает Онегина, психологически оправдывается ее размышлениями о загадочном характере героя.

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жил, или Корсар,
Или таинственный Сбогар,²

Тема Онегин — демон может быть усмотрена и в так называемых лирических отступлениях романа, в строфах, посвященных дружбе Пушкина и Онегина.³

Сперва Онегина язык Меня смущах; но я привык К его язвительному спору, И к шутке, с желчью пополам, И злости мрачных эпиграмм.

Дружба эта должна была превратиться в неразрывный союз, с превосходством Онегина. Об этом свидетельствует набросок черновой строфы 2-й главы, долгое время числившейся вариантом "Демона":

Мне было грустно, тяжко, больно, Но, одолев меня в борьбе, Он сочетал меня невольно Своей таинственной судьбе — Я стал взирать его очами, С его печальными речами Мои слова звучали в лад.5

Последние стихи, как видим, перенесены Пушкиным в Онегинскую строфу из стихотворения "Бывало в сладком ослепленье".

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, стр. 67, ст. 58—60 (Письмо Татьяны).

² Там же, гл. III, строфа XII, стр. 56.

³ Там же, Основной текст, гл. I, строфы XV — XVI, стр. 23—24.

⁴ Там же, строфа XVI, стр. 24.

⁵ Там же, Черновые рукописи, строфа XVI6, стр. 279. lib.pushkinskijdom.ru

В предисловии к I главе "Евгения Онегина" Пушкин писал, что глава "в себе заключает сатирическое описание петербургской жизни молодого русского, в конце 1819 года". Это писано в 1824 г. Тогда же, в письме к брату, Пушкин высказал по поводу "Евгения Онегина" как бы нечто противоположное. Он писал: ",Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал". Через год, в ответе Бестужеву на его письмо с критикой романа, Пушкин уже решительно восклицал: "Где у меня сатира? о ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово сатирический не должно бы находиться в предисловии".2 Как понять противоречивость этих высказываний? Повидимому, называя сатирическим описание жизни Онегина, Пушкин имел в виду некоторую примесь иронии и в описании петербургского света, в характеристике самого героя и других действующих лиц романа. Между тем критика готова была понимать весь роман как сатирический, что и возмущало Пушкина.

Именно демонизм, разочарованность Онегина с самого начала даны Пушкиным иронически. В последующих главах демонизм Онегина становится чертой, приписываемой ему фантазией Татьяны.

Дав в первой главе, а отчасти и разбросав по другим главам заменические признаки модного разочарованного героя, Пушкин по ходу движения романа постепенно снимает с него маску разочарованного скептика-демона. Онегин знакомится с Ленским. В беседах с ним он поддается если не силе его страстной аргументации, то обаянию его искренности, свежести его чувств.

Он охладительное слово В устах старался удержать 4

Тот самый Онегин, который со скучающим видом высмеивал любовный идеал Ленского, восклицая: "Поверь—невинность это вздор", — не хочет "обмануть" "доверчивость души невинной".

Наконец, сама Татьяна, не переставшая и после исчезновения своего героя мучиться загадкой его личности, начинает сомпеваться в подлинности демонических черт Онегина:

Сей демон 6 милый и опасный Созданье ада иль небес,

¹ Письмо Л. С. Пушкину, январь (после 12)— начало февраля 1824 г. (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 87).

² Письмо к А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 г. (там же, стр. 155).

³ Ср.: Иль даже Демоном моим (гл. VIII, строфа XII).

⁴ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, Основной текст, гл. II, строфа XV, стр. 37.

⁵ Там же, Беловые рукописи, строфа V (первоначальный слой), стр. 575.

⁶ Начало стиха даем по черновой рукописи. В основном тексте — "Чудак печальный и опасный".

Сей ангел, сей надменный бес — Что ж он? Ужели подражанье, Ничтожный призрак, иль еще Москвич в Гарольдовом плаще. 1

Последним наиболее сильным аргументом против псевдодемонизма Онегина Пушкин делает его вспыхнувшую страсть к Татьяне. Влюбленность Онегина наделена чертами юношеской робости:

С ней речь хотех он завести И — и не мог...

Насколько жизнь и наблюдения подсказывали Пушкину разоблачение демонизма своего героя, можно судить по тому, как подобная маска снималась с реальных современников Пушкина. Особой печатью демонизма был отмечен, как известно, приятель Пушкина Александр Раевский, называемый Мельмотом и пушкинским демоном. Пушкин долго был под обаянием скептического ума Раевского. Наблюдая его в Одессе, Пушкин мог убедиться, в какой мере этому отрицателю были свойственны вполне человеческие заблуждения и страсти. С. Г. Волконский писал Пушкину: 2 "Неправильно вы сказали о Мельмоте, что он в природе ничего не благословлял, прежде я был с вами согласен, но по опыту знаю, что он имеет чувства дружбы — благородными и неизменными обстоятельствами".

Остатки шифрованной X главы "Онегина", как известно, приоткрывают предполагаемую судьбу героя. Онегин — один из тех молодых людей, которые были связаны с революционной молодежью 1820-х годов.

Аиберальные настроения Онегина проскальзывают в разных местах романа. Такова строфа, в которой Пушкин описывает деревенские "реформы" Онегина. Таковы разговоры с Ленским на темы столь характерные для декабристского круга молодежи: "о вековых предрассудках", о "договорах минувших племен", о "добре и зле".

В черновых строфах мировоззрение Онегина дано более отчетливо. Отчасти это объясняется цензурными условиями. Вместо стиха "В своей глуши мудрец пустынный" и сл. в черновике было:

Свободы [соятель пустынный] Ярмо он барщины старинной Оброком легким заменил.4

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений, т. VI, Академия Наук СССР, 1937, Основной текст, строфа XXIV, стр. 149; Черновые рукописи, стр. 441.

² Там же, т. XIII, письмо к Пушкину от 18 октября 1824 г., стр. 112.

³ Там же, т. VI, Основной гекст, гл. II, строфа IV, стр. 32.

⁴ Там же, Черновые рукописи, стр. 265.

В той же черновой редакции романа изложено идеологическое credo Онегина:

Не думал, что добро, законы, Любовь к отечеству, права Для оды звучные слова, Но понимал необходимость... ¹

Однако, колеблясь в той доле скептицизма, которой надлежало быть в характере Онегина, Пушкин, в беловой редакции той же II главы, в соответствующей строфе изменил существо взглядов своего героя. Он оставил за ним черты лишь идеологической терпимости и даже уважения к тем, кто призван был к проповеди высоких идей, хоть Онегин и думал,

...что добро, законы Любовь к отечеству, права Одни условные слова.²

В окончательном тексте, в котором строфа об идеологии Онегина вовсе выпущена, мера скептицизма осталась примерно той же, что и в беловой редакции главы. Скептицизм Онегина, его эгоистическая программа жизни, основанные на его прошлом опыте и былых увлечениях, прямо соприкасаются с темой идеологической разочарованности, выраженной Пушкиным в последних строфах послания и стихах "Паситесь мудрые народы". И так же как эти лирические создания Пушкина, как мы увидим далее, далеко не свидетельствуют об отказе поэта от вольнолюбивых идей, так и скептицизм Онегина отнюдь не противоречит догадкам о его близости к декабристскому кругу.

Связь с "Евгением Онегиным" в работе Пушкина над двумя лирическими темами (темой демона и темой политического скептицизма) отчетливо устанавливается черновиками главы романа. На лл. 24—30 черновой тетради писаны строфы о деревенской жизни Онегина, его знакомстве с Ленским и разговорах двух друзей. На первом из указанных листов, в строфе IV, Пушкин впервые написал уже цитированный начальный стих будущего стихотворения "Свободы сеятель пустынный". Стих этот, ассоциирующийся с евангельской притчей о сеятеле, подсказал Пушкину неожиданную интерпретацию его старой темы. На следующем листе тетради он набросал свое "подражание басни умеренного демократа Исисуса» Хериста», остановившись на стихе "Благие мысли и труды". После этого стиха в черновике едва разборчивая запись: "Пасит м", что, конечно, означает перенос сюда стихов "Пасит «ссь» мудрые народы»" и следующих. Любопытно, что создание

¹ Там же, строфа XIVa, стр. 276—277.

² Там же, "Беловые рукописи", строфа XVIII, XI, стр. 561.

³ Тетрадь Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина, № 2369.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Письмо к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.

политической "басни" Пушкина совпадает во времени с работой над строфой романа, выражающей политический скептицизм Онегина. Все шесть листов черновика могли быть заполнены в один день.

В той же II главе в самом ее конце сделан набросок строфы "Мне было грустно, тяжко, больно", являющийся переработкой темы демона из стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье". Лирическое отступление с образом демона-Онегина должно было занять место среди тех же самых строф о разговорах Онегина и Ленского. Строфа начата непосредственно за отброшенной, где Владимир "Со вздохом и потупя взор" слушал как Евгений развенчивал его любимых поэтов. В самом конце черновика главы Пушкин набросал три почти законченные четверостишия:

Мою задумчивую младость Он для мечтаний охладил Я [неописанную] сладость В его беседах находил

Я стал взирать его очами [Открыл] я жизни бедный клад «С его печальными речами» «Мои слова звучали в лад»²

В замену прежних заблуждений В замену веры и надежд [Отверженных] [без сожалений] Для легкомысленных невежд.

Набросок свидетельствует об отказе присоединить лирическую тему демона к строфам романа. Стихи "Мою задумчивую младость" — есть первый вариант Пушкинского "Демона".

В "Разговоре книгопродавца с поэтом" 3—произведении, написанном в качестве предисловия к "Евгению Онегину", звучит та же тема скептицизма, но уже в совершенно иной функции. Поэт раскаивается в мечтах и восторгах своей молодости:

Мне стыдно идолов моих. К чему, несчастный, я стремился? Пред кем унизил гордый ум? Кого восторгом чистых дум Боготворить не устыдился?

¹ А. С. Пушкин. "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, "Черновые рукописи", гл. II, строфа XVIa, стр. 279.

² Ст. 3—4-й, как явно предполагавшиеся к переносу в данную строфу, о чем можно судить по рифмам, взяты из чернового отрывка "Евгения Онегина" (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, "Черновые рукописи", гл. II, строфа XVI6, стр. 279).

³ Стихотворение написано в 1824 г. Напечатано в качестве вступления к I главе "Евгения Онегина" при первых двух изданиях 1825 и 1829 гг.

Эти пять стихов — есть переработка стихов 19—22-го стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье":

Чего мечтатель молодой
Ты в нем искал, к чему стремился
Кого восторженной (душой)
Боготворить не устыдился?

В VI главе романа, неоднократно разрабатывавшего тему "бездушных гордецов", в строках:

Среди лукавых, малодушных, Шальных, балованных детей, Злодеев и смешных и скучных, Тупых, привязчивых судей...¹

находим мы и тему стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье":

И взор я бросил на людей: Увидел их, надменных, низких, Жестоких, ветренных судей Глупцов, всегда элодейству близких и т. д....

От послания и стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье", после создания "Сеятеля" и "Демона" оставалась элегическая тема разочарованности. Сама по себе эта тема была неинтересна Пушкину 1823 г.

Но удачные стихи он пытался сохранить. Так, ввел он в "Альбом Онегина" строфу послания "Ты прав, мой друг". В послании:

Свою печать утратил резвый нрав, Душа час от часу немеет, В ней чувства нет. Так легкий лист дубрав В ключах кавказских каменеет.

В черновике "Альбома Онегина":

Я видел: легкий лист дубрав В ручьях кавказских каменеет. Не так ли резвый <?> нрав В волненьи общества мертвеет.²

В беловой рукописи "Альбома Онегина":

Шветок полей, листок дубрав В ручье Кавказском каменеет. В волненьи жизни так мертвеет И ветренный и лежный нрав. 3

¹ А. С. Пушкин. "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР 1937. "Примечания к Евгению Онегину", стр. 194.

² Там же, "Черновые рукописи", гл. VI, "Альбом Онегина", стр. 433.

³ Там же, "Беловые рукописи", стр. 615.

Ш

1 декабря 1823 г. Пушкин послал в письме А. Тургеневу свое новое стихотворение "Свободы сеятель пустынный". Оно следовало в письме после не пропущенных цензурой строф "Наполеона" и сопровождалось замечанием: "Я закаялся и написал на днях подражание басни умеренного демократа Исисуса» Хориста» (Изыде сеятель сеяти семена своя)".

Тема "Сеятеля" претерпевала ряд изменений. Зародыш темы— в послании "Ты прав, мой друг". Там политический скептицизм последних строф в соединения с личной разочарованностью звучал резче. Также звучат и б последних стихов, в стихотворении "Бывало, в сладком ослепленье" — это заключительный аккорд лирической темы "разочарования". Но вот, отбросив 30 стихов, Пушкин оставляет последние 6, и они внезапно приобретают характер политической эпиграммы. Делается вполне понятным их хождение в многочисленных списках и интерес к ним жандармов.

"Сеятель" — стихотворение, вобравшее в себя элемент политической эпиграммы и темы "разочарования". Оно сложно. Образ сеятеля придает ему трагический оттенок. Горечь скептических стихов свидетельствует о глубокой ненависти и к "ярму" и к "бичу". В стихотворении под маской скептической философии — тема обличительная. Эго почти политический памфлет. Как бы прямым продолжением скрытой в басне темы являются строфы стихотворения "Недвижный страж дремал". Вспомним такие стихи, как:

От сарскосельских лип до башен Гибралтара: Всё молча ждет удара, Всё пало — под ярем склонились все главы,2

И после строфы о революционных бурях, промчавшихся по Европе, стихи:

Давно ль—и где же вы, зиждители свободы? Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу— Вот кесарь—где же Брут? О грозные витии, Целуйте жеза России
И вас поправшую железную стопу. 3

Скептицизм "Сеятеля" мог казаться правительству одним из выражений революционной пропаганды. Пушкин не мог и думать о напечатании своего стихотворения; впервые его опубликовал за границей Герцен.⁴

¹ Дата стихотворения до настоящего времени не установлена, она колеблется между октябрем 1823 г. — февралем 1825 г.

² Строфа II.

³ Строфа V.

^{4 &}quot;Полярная Звезда" на 1856 г.

В середине декабря 1823 г. Пушкин написал стихотворение "Демон". Образ "лукавого" или "строптивого" совратителя-демона был впервые намечен Пушкиным летом того же года. В стихотворении "Бывало, в сладком ослепленье" демон открывает "ослепленному" юноше глаза на ничтожество мира, человеческого общества, человеческих кумиров:

Я стал взирать его глазами
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад
Взглянул на мир я взором ясным
И усмехнулся в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?

В начале декабря 1823 г., когда эта тема, отчасти поглощенная романом, — кристаллизовалась в окончательной форме политических стихов "Сеятеля", Пушкин стал работать и над окончательным воплощением образа своего демона в лирике. Тогда был сделан первый набросок, являющийся как бы развитием стихов 7—18-го стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье".

После строфы:

В замену прежних заблуждений В замену веры и надежд [Отверженных] [без сожалений] Для легкомысленных невежд

повидимому, должны были следовать строфы о скептическом миросозерцании поэта. На этом набросок обрывается.

Сопоставление стихов 7—18-го стихотворения "Бывало, в сладком ослепленье" и цитированного наброска с самим "Демоном" убеждает в любопытной эволюции образа демона в творческой работе Пушкина.

Демон, очерченный более явственно, утратил свои романтические черты. В новом демоне черты "злобного" мелкого, раздраженного беса. Белинский назвал его "демоном средней руки", из самых нечиновных", утверждал что это "демон не из самых опасных, и что это скорее чертенок, нежели чорт", таким и хотел его видеть Пушкин:

Неистощимой кловетою Он провиденье искущал; Он звал прекрасное мечтою, Он вдохновенье презирал. Не верил он любви, свободе.

¹ Г. В. Белинский. "Сочинения Александра Пушкина", "Статья четвертая". А., 1937, ГИЗ, стр. 230.

² Там же, "Статья одиннадцатая", стр. 527.

³ Там же, "Статья пятая", стр. 281—282.

Со своим лирическим демоном Пушкин проделал то же самое, что с демоническим характером героя своего романа.

Генезис образа демона в творчестве Пушкина требует особого исследования и прежде всего сопоставления с демоническими героями и демонами мировой литературы.

Предлагаемый анализ образа демона, взятого как воплощение скептических настроений, как конкретизация "разочарования", — лишь часть этой темы. Но мы обязаны все-таки вспомнить одно имя, упомянутое Пушкиным в его позднейшей заметке о "Демоне". В заметке этой Пушкин пишет: "Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим", и Пушкин не хотел ли в своем "Демоне" олицетворить сей дух отрицания или сомнения?

Заметка писалась, очевидно, в 1827 г.

Вероятно, Пушкин знал отрывки из трагедии Гете еще в лицейские времена и во всяком случае до отъезда на юг. Повидимому, когда создавался "Демон", Пушкин помнил о Мефистофеле, ибо Гетевская интерпретация "духа отрицающего" была ближе ему, уходящему от байронизма, чем образ Люцифера или Манфреда. Какими-то чертами своего злобно-клеветнического характера демон подобен Мефистофелю. Этим, повидимому, и ограничивается возможная связь образов.

IV

Молодой Пушкин отдал дань модному жанру так называемой унылой элегии. Типичны в этом отношении его элегии: "Уныние" (1816), "Желание" ("Медлительно влекутся дня мои", 1816), "Месяц" (1816) и др.

Аналогичные элегии начала 1820-х годов, хотя и включают в себя спорадически тему уныния, уже мало похожи на ранние подражания Мильвуа. В годы появления в литературе первых элегий Баратынского для Пушкина вопрос о чисто элегическом жанре был уже решен. Восторженно приветствуя нового поэта и ставя его элегии выше своих, Пушкин как бы освобождает в поэзии свое место элегика. Медитации на темы о смерти и уходящей молодости периода ссылки не могут уже быть причислены к чисто элегическому жанру. Пушкин ищет и постоянно находит в лирике новые функции и формы для традиционных тем.

В 1824 г. в предисловии к I главе "Евгения Онегина" Пушкин писал, что его "справедливо будут осуждать за некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие". Ни одна из строф I главы романа не может быть всерьез приравнена к модному жанру унылых элегий, вроде "Бдения"

¹ Имеется вариант "стихи" (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, стр. 527).

или "Уныния" Баратынского. Пушкин имел в виду в "Евгении Онегине" не элемент традиционной элегии, а "унылые" настроения, которыми овеяны некоторые строфы лирических отступлений и разочарованный скептицизм своего героя. Кюхельбекер в своей статье (об элегии) объявлял войну "русскому байронизму", вводившему в оборот темы разочарования, скепсиса, уныния. В этом плане Кюхельбекер осудил "Кавказского Пленника", самый характер разочарованного героя. Не одобрял он и "Демона", который, по его мнению, "не проистек из души самого поэта..." Может быть именно полемическим задором врагов унылой элегии объясняется то, что Пушкин, как бы нарочно, дразня их, употребляет в "Евгении Онегине" самые ходовые эпитеты и формулы традиционно элегического лексикона, "Исчезло счастье юных лет", "И о былом воспоминать", "увядшее сердце", "чуждый свет", "печальный глас" и др. Между тем именно в романе Пушкин резко выступает против установившейся традиции разочарованных героев и в то же время соверщает сложный эксперимент с элегической темой разочарования, дающей самые неожиданные и новые результаты. Для Пушкина отказ от традиционно-элегического жанра связан с необходимостью создания новых видов поэзии.

Еще в 1820 г. в стихотворении "Погасло дневное светило", Пушкин экпериментирует с традиционно-элегической темой уныния и уже тогда выходит победителем в своем опыте. Другим опытом в этом же роде является цикл демонстрируемых нами стихотворений 1822—1823 гг.

Совершенно не случайно в период возникновения темы "разочарования" в ее новой философской трактовке Пушкин обращается к сцене из "Фауста" Гете — "Пролог в театре". Эпиграф из "Пролога" "Gib meine Jugend mir zurück!" был выбран Пушкиным к "Кавказскому Пленнику", снят оттуда и переставлен к наброску стихотворения "Таврида" 1822 г. "Таврида" — лирическое воспоминание, но уже в первых стихах звучат какие-то нотки будущей темы "разочарования". Нет сомнения, что Пушкин выбрал эпиграф, читая весь "Пролог" и остановившись на всей теме монолога поэта об утраченной молодости. Гетевский поэт или, вернее, сам Гете, жалея о прошлом, восклицает:

So gib mir auch die Zeiten wieder, Da ich noch selbst im Werden war, Da sich ein Quell gedrängter Lieder Ununterbrochen neu gebar...

Ich hatte nichts und doch genug Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug. Gib ungebändigt jene Triebe, Das tiefe schmerzenvolle Glück,

¹ Письмо к Н. Глинко от 16 сентября 1834 г.

Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe, Gib meine Jugend mir zurück! ¹

Ламентация Гете об утрате "неукротимых желаний", потребности бороться, "сильно ненавидеть" и "сильно любить" — созвучны Пушкину.

Кроме эпиграфа, выбранного из "Пролога в театре", Пушкин воспользовался и самой идеей пролога в своем "Разговоре книгопродавца с поэтом", предназначенном стать прологом к роману "Евгений Онегин".

Омертвелую традицию унылого воспоминания о былом — еще в послании "Ты прав, мой друг" — Пушкин обновил новым содержанием.

В стихотворении "Бывало, в сладком ослепленье" Пушкину хотелось конкретизировать то душевное состояние человека, которое назвал он в своем плане "разочарованным" и которое дал в послании описательно. Отсюда — образ демона. Однако и в послании "Ты прав, мой друг" и в стихотворении "Бывало, в сладком ослепленье" еще существуют элементы темы "погибшей молодости" в ее традиционной элегической функции. Это не удовлетворяет Пушкина. Он ищет способа дать ту же тему в ином, новом повороте и достигает этой цели в первых стихах "Демона".

Пушкин ищет такого воплощения темы, в котором запечатлелась бы самая внутренняя борьба, противоречия чувств и идей. "Демон" и "Свободы сеятель пустынной" решают эту проблему.

¹ Перевод: Так верни мне то время, когда я сам еще был в брожении, когда беспрерывно возникал источник всё новых и новых песен... Я начего не имел, но у меня было довольно: стремление к истине и наслаждение обманами. Верни неукротимые порывы, глубокое и мучительное счастье, силу ненависти и мощь любви, верни мне мою юносты!

А. М. КУКУЛЕВИЧ н Д. М. ЛОТМАН

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАЛЛАДЫ ПУШКИНА "ЖЕНИХ"

Глубокий интерес к фольклору, как известно, проявлял Пушкин во все периоды своего творчества, последовательно углубляя к нему отношение в связи с общей эволюцией своего поэтического мировозэрения. В статье "Пушкин и фольклор" М. К. Азадовский по этому поводу пишет: "В эпоху «Руслана и Людмилы» Пушкин воспринимал, главным образом, литературную сторону народного предания; в южный период перед ним открылось историческое значение народной словесности; в Михайловском он понял и осознал фольклор как выражение народности и как могучий творческий источник".1

В 1815 г. Пушкин создает "Бову", произведение, в котором переплетается влияние лубочных сборников с влиянием Радищевского "Бовы" и "Орлеанской Девственницы" Вольтера, причем последнее явно превалирует. Примерно то же можно сказать и в отношении первой поэмы Пушкина "Руслан и Людмила".

Решительно обращается Пушкин к фольклору лишь в период своей южной ссылки, под влиянием друзей-декабристов. Именно там складывается у него взгляд на народную поэзию, как на поэзию в основном оппозиционную и героическую. В селе Михайловском поэт развивает и углубляет этот взгляд. Характерно, что первые записи Пушкиным народных песен в Михайловском — это записи песен о Степане Разине.

Баллада "Жених", написанная Пушкиным в период михайловской ссылки, открывает собою ряд произведений в "народном духе".

Сам факт, что в центре ее стоит образ героической девушки, является следствием органической связи первой сказки Пушкина с кругом его фольклорных интересов того времени (героическая тематика песен о Степане Разине и пр.).²

¹ М. К. Азадовский. "Пушкин и фольклор". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, 1937, стр. 181.

² Следует отметить, что сам Пушкин смотрел на балладу "Жених", как на свою первую сказку, явившуюся в этом отношении "пробой пера". Сохранился список простонародных сказок, сделанный рукой поэта (Л. Б. Модзалевский. "Рукописи Пушкина", т. І, изд. "Асаdemia", Л., 1929, № 30, л. 82), где "Жених" стоит на первом месте. Правда, он впоследствии был вычеркнут Пушкиным, но это говорит лишь о том,

Можно предполагать, что "Жених" начат Пушкиным в конце 1824 г. и закончен в 1825 г., так как первый черновой набросок находится в рукописи между частью поэмы "Цыганы" и IV главой "Евгения Онегина", а отрывок белового автографа, с незначительными поправками (стр. 117—128), помечен 30 июля 1825 г. (публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Черновой набросок баллады в своих первых строфах значительно отличается от канонического текста. Но он представляет собою лишь отрывок и заканчивается описанием приезда жениха на свадебный пир (стихом "А вот и сани скачут").

Баллада "Жених" впервые была напечатана в июле 1827 г. в "Московском Вестнике" (т. IV, № 13, стр. 3—10) с подзаголовком: "Простонародная сказка", который был снят в издании 1829 г.

В. Г. Белинский писал, что "эта баллада и со стороны формы и со стороны содержания насквозь проникнута русским духом, и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». В народных русских песнях, вместе взятых, не больше русской народности, сколько заключено в этой балладе".2

В оценке баллады к Белинскому присоединились поэже А. Н. Кирпичников, Вс. Ф. Миллер⁴ и Н. Ф. Сумцов. 5

Последний, сличая сюжет "Жениха" с двадцатью вариантами народных сказок о девушке и разбойниках, пришел к выводу, что Пушкинская баллада целиком отражает сюжет народной, в частности русской, сказки.

Противоположный взгляд на балладу был высказан представителем реакционной критики А. Мартыновым.

В "Обзоре стихотворений А. Пушкина, помещенных в полном собрании сочинений его", "расправляясь" с великим русским поэтом, Мартынов мимоходом замечал по поводу "Жениха": "Содержание «баллады» довольно занимательно, но язык искусственный, книжный, а не народный, каким бы следовало рассказать это домашнее происшествие русской старины".6

"Народность" Пушкинской баллады отрицал и А. И. Незеленов, объявивший "Жениха" "вещью положительно неудачной".

что сам поэт колебался — отнести ли ему балладу в число сказок; весьма возможно, что он предполагал издать свои сказки отдельно, согласно этому списку, и потому вычеркнул "Жениха", как произведение не вполне соответствующее по форме и по содержанию остальным сказкам.

¹ Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина, тетрадь № 2370, л. 29 об., 30 и 30 об.

² В. Г. Белинский, "Сочинения", т. VII, изд. 2-е, Солдатенкова, стр. 516.

 $^{^3}$ А. Н. Кирпичников. "Очерк по истории новой русской литературы", т. І. СПб., 1836.

⁴ Вс. Ф. Миллер. "Пушкин, как поэт-этнограф". М., 1899.

⁵ Н. Ф. Сумцов. "А. С. Пушкин. Исследования". Харьков, 1900.

⁶ "Маяк", 1843, т. XI, стр. 91.

Б. В. Томашевский в "Теории литературы" (изд. 1925 г., стр. 116) справедливо отмечает, что стихотворная форма баллады (размер и строфа) "заимствована у Бюргера, который написал ею свою известную балладу Lenore".

Ни в каких других произведениях Пушкина эта сложная строфа не встречается. Мы даже вправе предположить, что она впервые на русском языке появилась именно в данной балладе, поскольку два существовавших до 1824 г. перевода — подражания Бюргеровой "Леноре" не передают полностью ее строфы и размера. Подражание Жуковского ("Людмила", 1808 г.) написано сплошь четырехстопным хореем без строф, с парными рифмами; вольный перевод П. Катенина ("Ольга", 1816 г.), котя и сохраняет порядок рифм Бюргеровой строфы, написан всё тем же хореем. Таким образом остается предположить, что со строфой "Леноры" Пушкин мог ознакомиться только по подлиннику. Сравнивая переводы этой баллады Жуковским и Катениным, Пушкин отдает предпочтение последнему, сумевшему показать "Ленору" в "энергической красоте ее первобытного создания".1

Нет необходимости доказывать, что подобное суждение о переводе также предполагает знание подлинника. Использование Пушкиным формы именно этой баллады не случайно. Баллада Г. А. Бюргера воспринималась в России в 1820-х годах как типическое произведение немецкого романтизма. Она была крайне популярна в литературных кругах, в связи с полемикой между Грибоедовым и Гнедичем в 1816 г. по поводу перевода Катенина.

Пушкин, характеризуя в 1830 г. период былого увлечения романтизмом, уподобляет свою музу Леноре:

Как часто, по скалам Канказа, Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне! ³

Романтическая, в представлении Пушкина, баллада типа "Леноры" повлияла не только на форму "Жениха", но отчасти и на его содержание. Однако следует отметить, что элементы романтической баллады, несравненно богаче представлены в черновике "Жениха", нежели в каноническом тексте; это говорит о том, что Пушкин от них освобождался в процессе работы над рукописью.

¹ Статья "О сочинениях Павла Катенина", помещенияя в "Литературном прибавлении" к "Русскому Инвалиду" (1833, № 26, стр. 206—207).

² Произведения преромантиков (каковым являлся и сам Г. А. Бюргер, поэт "бури и натиска"), связанные с фольклором и народной стариной, воспринимались в ту пору в России как произведения романтические. Особенно это было характерно в отношении немецкой литературы конца XVIII и начала XIX в., которзя целиком, разве за исключением позднего Гете, представлялась литературой романтической, — в противовес французской, проникнутой в основном принципами классицияма.

^{3 &}quot;Евгений Онегин", гл. VIII, строфа IV.

⁴ Курсив здесь и ниже наш. Л. Л., А. К.

Прежде всего укажем, что черновая рукопись в своей первой части вдвое распространеннее канонического текста (24 стиха первой соответствуют 12 стихам второго). Эта распространенность черновой рукописи происходит за счет развития в ней психодогических сцен романтического характера, которые почти вовсе отсутствуют в каноническом тексте.

Согласно одному из вариантов черновика Наташу встречают не "отец и мать", а одна мать:

И кинулась ¹ рыдая ² мать В слезах Наташу обнимать

Этот, казалось бы незначительный, вариант имеет до известной степени принципиальное значение. Дело в том, что в "Леноре" Бюргера, а также в ее русских подражаниях, мы встречаем диалог дочери с матерью. Ср. Жуковского:

"Расступись, моя могила; Гроб, откройся; полно жить; Дважды сердцу не любить".
— Что с тобой, моя Людмила? Мать со страхом возопила.
О, спокой тебя творец! —

и т. д

("Людмила", 1808 г.)

Не менее характерен в этом отношении другой пример: в черновой рукописи "Жениха" весьма детально, со всеми "романтическими" аксессуарами, изображено душевное состояние Наташи после ее прихода домой и после встречи с будущим женихом.

Черновая рукопись 3
Стоит бледна как полотно
Открыв недвижно очи
И всё глядит она в окно
В печальный сумрак ночи

Татьяна ^{4} их не слышит Дрожит и еле дышит

Наташа снова задрожит. И взоры снова устремит⁵ То в окны то к порогу Молясь тихонько богу.

. . . .

¹ Бросилась (приписано сверху и зачеркнуто).

² родная<?>

³ Считаем своим долгом выразить благодарность Н. В. Измайлову, любезно оказавшему нам содействие в прочтении Пушкинской черновой рукописи.

⁴ Так; об имени героини см. дальше.

⁵ Первоначально:

а) И взор недвижно устремит

б) И взор уныло устремит

В каноническом тексте этим десяти стихам соответствуют два:

Наташа их не слышит, Дрожит и еле дышит

Черновая рукопись

Хоть след его нам укажи 1 Но безответна и бледна 2 Молитву лишь творит она Стоит Наташа 3...
И более ни слова.

Канонический текст:

"Хоть только след нам укажи". Наташа плачет снова И более ни слова.

Как видим стихи:

Но безответна и бледна Молитву лишь творит она

в каноническом тексте отсутствуют.4

Итак, в каноническом тексте налицо ослабление элементов романтической баллады по сравнению с черновой рукописью, кроме приведенных примеров, которые мы подробнее рассмотрим ниже; в черновике более развита загадочность завязки, столь характерная вообще для романтической композиции.

- 1 Далее отрывочные фразы.
- 2 Далее эачеркнуто два стиха.
- 3 Стих начат.
- 4 "Романтичность" чернового текста "Женика" сказывается также в частичных совпадениях приведенного отрывка с известной балладой П. Катенина "Наташа" (1814), являющейся своего рода перепевом "Леноры" Бюргера и предвосхищающей метрикострофический размер "Ольгн" (1816); ср:

Не пила три дни не ела, Как больная исхудела; Ни покоя ей ни сна, И как мертвая бледна. На колени пала с стоном Пред иконою святой; С земным молится поклоном: "Со святыми упокой". Чуть живую подхватили, Тут же к стенке посадили, И усталым, слабым сном, Свет вздремала под окном

Эту балладу следует признать одним из источников лишь первоначальных набросков "Жениха", поскольку в дальнейшей работе над текстом Пушкин от нее отходит, вопреки предположению самого П. Катенина (см. его письмо к Н. И. Бахтину от 10 сентября 1827 г.: "Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину", СПб., 1911, стр. 95).

В каноническом тексте к Наташе "приступают" после ее возвращения домой всего лишь один раз, а в черновой рукописи — три раза (мать при встрече, отец и мать, мать "На утро, плетя... косу") и все три раза она отмалчивается. В черновой рукописи Пушкин подробно изображает оцепенелость героини:

Эти стихи скорее напоминают Жуковского. Слова "уныло" (из первоначального чтения) и "очи" (в данном контексте, разумеется) по своей семантике соответствуют колориту его баллад. Изображение природы, котя и скупо, всего лишь одним стихом, дает почувствовать аромат романтического пейзажа, развернутого Жуковским в его "Людмиле":

Вот усыпала звездами
Ночь спокойно свод небес;
Мрачен дол и мрачен лес.
Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зерцало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны.

Настроение этих 12 стихов Пушкин передал одним стихом:

И всё глядит она в окно В печальный сумрак ночи.

Рудименты романтической баллады присутствуют и в каноническом тексте, тем не менее следует подчеркнуть, что баллада "Жених" в своем окончательном виде несравненно ближе к реалистической новелле в "народном духе", нежели к романтической балладе. Рудиментами баллады, кроме строфы, о которой мы говорили выше, являются также элементы драматической формы. Диалог в романтических балладах несет функцию эмоционального орнамента; такую же, примерно, функцию он несет и в балладе Жуковского. Пушкин, сохраняя традиционную для баллады форму вводного диалога (разговор Наташи с женихом на свадебном пире), придает ей иную функцию. В балладе "Жених" диалог не является лишь эмоциональным орнаментом, построенным на слабо варьированных повторах ("Ленора"), а напряженно развивает динамику сюжета (раскрытие тайны).

Пушкину, воспитанному на образцах французской поэзии эпохи Просвещения, был, разумеется, чужд идеалистический "туман" немецкого романтизма. Не менее чужда была ему и поэтика одного лишь музыкального звучания слова, связанная, как известно, с основным положением романтической эстетики. В одном только месте баллады, наиболее "романтическом" по своему содержанию, Пушкин допускает звуковую инструментовку, создающую настроение зловещего лесного пейзажа:

С тропинки сбилась я: в глуши Не слышно было ни души, И сосны лишь да ели Вершинами шумели.

Но характерно, что даже в этих стихах Пушкин не изменяет требованию логической ясности семантики слов; он лишь умело сочетает ее с звучанием, отнюдь не делая упора на последнем. В непосредственной связи с романтической мелодикой стиха стоит прием повторов, столь излюбленный в балладной поэзии, где он играет роль фактора, нагнетающего известные эмоции. Подобную функцию повторы могут играть лишь тогда, когда поэт игнорирует реальную семантику слова. У Пушкина в "Женихе" повторы занимают большое место, но функция их не романтическая, а фольклорная. Именно повторы в огромной мере придают "Жениху" характер народной песни или сказки.

Наиболее частая форма их диплоза и анафора:

- И долго приступали,
   И отступились наконец
- 2) Опять румяна, весела, Опять пошла с сестрами...
- 3) Раз у тесовых у ворот
- 4) И статный, и проворный, Не вздорный, не зазорный
- И лисью шубу, и жемчуг,
   И перстни золотые,
   И платья парчевые.
- 6) *Не* век девицей вековать *Не* всё касатке распевать.
- 7) Не пьет, не ест, не служит.

Из семи примеров, по крайней мере, шесть представляют собою по содержанию стилизацию под народные пословицы и поговорки; повторы эту стилизацию подчеркивают.

Если обратимся теперь к отдельным мотивам "Жениха", то заметим, что один из них, — а именно, мотив "сна" Наташи, построен по принципам балладной поэтики. Этот мотив в "Женихе" Пушкина является романтически-оформленным использованием народной сказки. Весьма

¹ Ср. Н. Ф. Сумцов. "А. С. Пушкин. Исследования". Харьков, 1900.

возможно, что здесь мы имеем дело с влиянием баллады Жуковского "Светлана" (1810—1812), которая в свою очередь связана с "Ленорой" Бюргера.¹

Приведем соответствующие места из "Светланы" и "Жениха",

СВЕТЛАНА

В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.
Что-ж?.. В избушке гроб, накрыт Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...

жених

Зашла я в лес дремучий
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.
И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит...

Следует отметить, что описание сна Наташи, в свою очередь, отразилось на V главе "Евгения Онегина" (сон Татьяны).²

В сне Татьяны мы имеем сложное переплетение источников. С одной стороны, он несомненно связан со "Светланой" Жуковского (вспомним эпиграф к V главе: ("О не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана!"), с другой стороны, он перекликается с ранее написанным "Женихом". Любопытна следующая деталь: в "Женихе" Наташа говорит: "Вдруг слышу крик и конский топ"; в "Евгении Онегине" Татьяна слышит "людскую молвь и конский топ" (гл. I, строфа XVII). В "Евгении Онегине", так же как и в "Женихе" и в "Светлане", героиня заблудилась в лесу. "Дороги нет" ("Евгений Онегин"). "С тропинки сбилась я" ("Жених"), "Возвратиться следу нет" ("Светлана"). Героиня находит избушку; в "Евгении Онегине"— "шалаш убогой", который освещен— "ярко светится окошко" (та же деталь в "Светлане" и в "Женихе").

Связь "Евгения Онегина" с "Женихом" можно проследить и по иной линии. В черновой редакции баллады Пушкин три раза называет героиню Татьяной.

Три дня купеческая дочь Наташа пропадала.

¹ Мотив "сна" имеется также в упоминавшейся балладе П. Катенина "Натаща" (стр. 103 и сл.), автор которой внервые, правда в незаслуженно резкой форме, указал на зависимость "Жениха" от "Светланы" Жуковского, имея в виду, очевидно, тот же мотив "сна" (см. письмо П. А. Катенина к Н. И. Бактину от 28 ноября 1827 г.— Ср. Н. Ф. Сумцов, цит. соч., стр. 100—101).

² Впервые на это указал М. Л. Самарин ("Наукові записки наук дослидчої катедри історії української культури", № 6, Харьков, 1927, стр. 307—314).

"Татьяна" надписано сверху и зачеркнуто; "Наташа" зачеркнуто и восстановлено.

- 2) Татьяна их не слышит
- 3) На них он 1 (ирэб.) поглядел

Как известно, героиня "Евгения Опегина" в свою очередь называлась сперва Натальей.

Об имени "Татьяна" Пушкин писал в "Евгения Онегине":

Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье *старины* Иль *девичьи*...²

Нам кажется, что оба имени в равной степени являлись для Пушкина символом "старины или девичьей" и тем самым подчеркивали народный русский колорит романа и баллады. Имя же Натальи связывалось в представлении Пушкина с героиней исторической повести Карамзина — "Наталья боярская дочь" (1792). В пользу этого предположения говорит также тот факт, что целый ряд лирических сцен ІІІ главы "Евгения Онегина", которая, кстати сказать, писалась одновременно с "Женихом", напоминают аналогичные сцены в "Наталье боярской дочери" (зарождение любви героини, ее разговор с няней и пр.).

Несомненным рефлексом романтической баллады является сама композиция "Жениха". Завязка баллады таинственна. Автор словно что-то скрывает, чего-то не договаривает. В конце баллады всё становится ясным и понятным. Сюжет "Жениха" весьма правдоподобен и реалистичен в отличие от композиции, которая создает иллюзию романтической фантастики. Рассказываемое Наташей сновидение представляет собою, как мы уже говорили, традиционное место баллады ("Светлана"), вследствие чего оно и наиболее "романтично". Но тут же следует оговориться, что в подлинно-романтических балладах мотив сна отсутствует и его заменяет реально-фантастическое происшествие, тогда как в "Женихе" само сновидение оказывается мистификацией, поскольку оно является здесь замаскированной формой изложения реального события (сказочный мотив).

Подведем некоторые итоги.

Использование Пушкиным элементов романтической поэзии весьма ограничено. В процессе работы над "Женихом" Пушкин, по мере возможности, от них освобождается; он берет и переосмысляет только то,

¹ Он на Танюшу

^{2 &}quot;Евгений Онегин", гл. II, строфа XXIV.

³ К этой же традиции "фольклорных" имен примыкает имя героини "простонародной" баллады П. Катенина — "Натаща". Быть может связь "Жениха" с балладой Катенина следует усматривать также и в одноименности их героинь.

⁴ Ср. П. В. Владимиров. "Пушкинский сборник Киевского университета", 1899, стр. 23.

что не противоречит в принципе реалистическим и рационалистическим установкам его поэтической культуры.

Реалистическая направленность баллады "Жених" несомненно явдяется результатом того, что в основе ее сюжета лежит народная сказка-новелла.

В известном отношении "Жених" Пушкина реалистичнее (в смысле правдоподобия) самой сказки. Так, например, неправдоподобный мотив прихода девушки в гости к разбойникам по их приглашению заменен у Пушкина более правдоподобным: девушка заблудилась.

Тем не менее, однако, "Жених" по своей композиции "романтичнее" сказки. Народная сказка не знает обратимой композиции. В сказке "О девушке и разбойниках" сначала говорится о том, где была девушка и свидетельницей чего она явилась: затем описывается ее возвращение домой, куда она приходит, как правило, невзволнованной. Так, например, в белорусской сказке мы имеем следующую ремарку: "и лягла спакойне спаць". В немецкой сказке, примерно, то же: "Da erzählte das Mädchen seinem Vater alles wie es zugetragen hatte". 2

Следовательно, баллада "Жених", будучи "романтичнее" народной сказки по своей композиции, в то же время реалистичнее романтической баллады по своему сюжету.

Перейдем теперь к рассмотрению источников *сюжета* баллады.

Сумцов в цитированной работе произвел весьма детальное сличение баллады с двадцатью вариантами сказки-новеллы о "девушке и разбойниках" и отметил мотив сватовства в "Женихе", резко расходящийся по сюжету с аналогичным мотивом в русских сказках. Сватовство имеется в некоторых сказках (например, белорусская сказка "Королевна и разбойники". 3 Аф., № 200), но, с одной стороны, эти сказки во всем остальном весьма далеки от сюжета Пушкинской баллады, с другой стороны, в них, как правило, сватаются не один, а все разбойники -("ие сваталися дванадцаць кавалерау").

Кроме того, народные (в частности русские) сказки не знают мотива свадебного пира, созыва гостей, участия судей и пр. В качестве улики девушка рассказывает в них, обычно, не сон, а сказку (исключение представляет всё та же белорусская сказка, в которой королевна рассказывает сон).

Наиболее, казалось бы, близкий к Пушкинскому "Жениху" вариант русской сказки, приводимый Афанасьевым в качестве приложения к белорусской сказке № 200, отличается от него тем, что вовсе не содержит мотива сватовства (разбойники являются просто знакомыми купца).

¹ А. Н. Афанасьев. "Народиые русские сказки", 1873, № 200.

² Br. Grimm, № 40.

³ А. Н. Афанасьев, там же, № 200.

Сказка из сборника бр. Гримм "Der Räuberbräutigam", которая, как мы предполагаем, легла в основу сюжета "Жениха", содержит в себе все мотивы Пушкинской баллады, в отличие от русских народных сказок, из которых каждая в отдельности всей совокупности этих мотивов не содержит.

Вопрос о влиянии Гриммовских сказок на Пушкинские неоднократно подымался исследователями. Окончательно он решен в положительном смысле М. К. Азадовским в его статье "Источники сказок Пушкина". В. В. Томашевский в комментарии к изданию однотомника сочинений Пушкина 1937 г., расширяя вопрос о влиянии бр. Гримм на пушкинские сказки, впервые отмечает в качестве литературных источников баллады "Жених" и "Сказки о Балде" — Гриммовского "Женихаразбойнака" и "Сказку о глупом великане". Однако в пользу своего предположения Б. В. Томашевский не приводит соответствующих доводови ограничивается только констатацией факта. Между тем, вопрос в данном случае очень сложен. М. К. Азадовский доказал, что источником для сказок "О рыбаке и рыбке", "О мертвой царевне" и "Царе Салтане" послужил французский перевод сказок бр. Гримм, выпущенный в 1830 г., стало быть, данное издание не могло явиться источником для "Жениха", к тому же "Der Räuberbräutigam" (равно как и сказка о глупом великане) в нем отсутствует. Таким образом надлежит тщательно проаналивировать параллельно тексты Пушкина и бр. Гримм и установить пути знакомства Пушкина с Гриммовской сказкой. Обычно все ссылаются на незнание Пушкиным немецкого языка. Уже М. К. Азадовский в цитированной работе указал на возможность знакомства Пушкина с немецким подлинником через Жуковского и Вульфа. Поэт, конечно, не говорил по-немецки, не владел свободно и литературным текстом, но прочесть и понять несложный текст Гриммовской сказки он вполне мог.

"Der Räuberbräutigam" написан не на диалекте, как некоторые Гриммовские сказки.

Стремясь создать произведение на тему народной сказки, Пушкин, естественно, должен был обратиться к сюжетному материалу последней. Немецкая сказка сборника бр. Гримм подтверждает, что Пушкин опирался преимущественно на этот извод народной сказки. В этот период сборник бр. Гримм представлялся Пушкину еще в романтическом свете, соответствующем первоначальному замыслу "Жениха" в форме романтической баллады. Ниже увидим, что Пушкин творчески перерабатывал Гриммовский сюжет в духе русской народности.

Рассмотрим мотивы обеих сказок:

- 1. Отец выражает желание выдать дочь замуж.
- а) Сказка бр. Гримм: отец ищет "einen ordentlichen Freier".3

¹ Br. Grimm. "Kinder- und Hausmärchen", № 40.

^{2 &}quot;Временник Пушкинской комиссии", т. 1, 1936.

 $^{^3}$ Π е ho е в о д: "порядочного жениха".

б) "Жених":

"Согласен", — говорит отец; Ступай благополучно, Моя Наташа, под венец: Одной в светелке скучно. Не век девицей вековать, Не всё касатке распевать, Пора гнездо устроить, Чтоб детущек покоить.

- 2. Мотив сватовства (характеристика жениха).
- a) Сказка бр. Гримм: "Nicht lange so kam ein Freier, der schien sehr reich zu sein, und da der Müller nichts an ihm auszusetzen wusste, so versprach er ihm seine Tochter".1
  - б) "Жених" (сваха характеризует жениха):

Собою парень молодец, И статный и проворный, Не вздорный, не зазорный, Богат, умен, ни перед кем Не кланяется в пояс...

В черновой рукописи мы имеем набросок выпущенной впоследствии строфы, в которой дается описание богатой одежды жениха:

(Вся эта строфа заменена в каноническом тексте одним стихом: "Вот и жених, и все за стол").

- 3. Мотив посещения девушкой дома жениха.
- a) В сказке бр. Гримм после сватовства девушка отправляется в гости к жениху. Она переходит из одной комнаты в комнату. "Aber es war alles leer und keine Menschenseele zu finden".
- б) В каноническом тексте "Жениха" нет ни упоминания о "комнате", ни указания на то, что она была пуста, однако в автографе

¹ Перевод: "Некоторое время спустя появился жених, который казался очень богатым, и так как мельнику не к чему было придраться, то он обещал ему свою дочь".

² Очевидно, вариант предыдущего стиха.

³ Сапожки с подковкой.

⁴ Перевод: "Но всюду было пусто, не видно было ни души".

Майковского собрания мы находим следующий стих, соответствующий стиху 126-му окончательной редакции:

"Пустая комната. Гляжу..."1

- 4. Мотив свадебного пира, отсутствующий в народных сказках.
- a) Сказка бр. Гримм: "Als der Tag kam, wo die Hochzeit sollte gehalten werden, erschien der Bräutigam, der Müller aber hatte alle seine Verwandte und Bekannte einladen lassen".²
  - б) "Жених":

... И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.
Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Здравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

- 5. Жених обращается к молчавшей невесте.
- a) Сказка бр. Гримм: "Die Braut sass still und redete nichts. Da sprach der Bräutigam zur Braut: nun mein Herz, weisst du nichts? erzähl uns auch etwas!"³
  - б) "Жених" (говорит жених):

А что же, милые друзья, Невеста красная моя Не пьет, не ест, не служит: О чем невеста тужит?

- 6. Невеста рассказывает сон.
- a) В немецкой сказке: "Sie antwortete: So will ich einen Traum erzählen".4
  - б) "Жених":

Откроюсь на удачу. Душе моей покоя нет, И день и ночь я плачу. Недобрый сон меня крушит... "Мне снилось", говорит она...

и т. п.

 $^{^1}$ Аюбопытно, что в немецкой сказке мы имеем само слово "комната" — die Stube.

² Перевод: "Когда пришел день, на который назначена была свадьба, появился жених, мельник же созвал всех своих родных и знакомых".

³ Перевод: "Невеста сидела тихо и ничего не говорила. Тогда жених сказал невесте: «Ну, сердце мое, ты ничего не знаешь? Расскажи нам тоже что-нибудь»".

⁴ Перевод: "Она ответила: «Так я расскажу сон»".

- 7. Рассказ сна несколько раз перебивается.
- а) В сказке бр. Гримм невеста несколько раз сама себя перебивает словами: "Mein Schatz, das träumte mir nur".1
  - 6) У Пушкина жених три раза перебивает рассказ Наташи:
    - 1) "А чем же худ, скажи, твой сон? Знать жить тебе богато".
    - "А чем же худ, скажи, твой сон? Вещает он веселье…"
    - "Ну, это говорит жених —
       Прямая небылица!
       Но не тужи, твой сон не лих,
       Поверь душа девица".

Наташа всякий раз отвечает: "Постой, сударь, не кончен он..."

- 8. Улика.
- a) В сказке бр. Гримм невеста показывает отрубленный палец с кольцом: "«und da ist der Finger mit dem Ring». Bei diesen Worten zog sie ihn hervor und zeigte ihn den Anwesenden".²
  - б) "Жених":

"А это с чьей руки кольдо?" Вдруг молвила невеста, И все привстали с места.

- 9. Чрезвычайно важная психологическая деталь, которая отсутствует в типичных народных сказках—реакция жениха.
- a) Сказка бр. Гримм: "Der Räuber, der bei der Erzählung ganz kreideweiss geworden war..." ³
- б) Пушкин пользуется этим штрихом, несколько видоизменяя его: "Жених дрожит бледнея"
  - 10. Мотив суда и поимки разбойника.
- a) Сказка бр. Гримм: "Der Räuber... sprang auf und wollte entfliehen, aber die Gäste hielten ihn fest und überlieferten ihn den Gerichten. Da ward er und seine ganze Bande für ihre Schandthaten gerichtet".4
- б) У Пушкина в балладе отец по просьбе Наташи приглашает на свадьбу "суд":

"На славу мед варите, Да суд на пир зовите" (....) Жених дрожит бледнея

¹ Перевод: "Мой милый, это мно только снилось".

 $^{^2}$ Перевод: "«И вот палец с кольцом». С этими словами она его вынула и по-казала присутствующим".

³ Перевод: "Разбойник, побледневший при этом рассказе как мел..."

⁴ Перевод: "Разбойник... вскочил и хотел сбежать, но гости его задержали и передали его судьям. Тут он и вся его шайка за их злодеяния были казнены".

Смутились гости. — Суд гласит: "Держи, вязать злодея!" Злодей окован, обличен И скоро смертию казнен, Прославилась Наташа! И вся тут песня наша.

Таким образом в обоих произведениях налицо задерживающие жениха гости ("die Gäste"), решающий его дело — "суд" ("die Gerichte") и казнь ("da ward er... gerichtet").

11. Заглавие.

И, наконец, отметим такую показательную деталь, как аналогичность заглавий Гриммовской сказки и баллады Пушкина. Пушкин называет свое произведение "Женихом", несмотря на то, что главной героиней его является Наташа, что ярко подчеркивает самим окончанием Пушкинской "песни":

Прославилась Наташа! И вся тут песня наша.

В немецкой же сказке тематический упор делается именно на разбойников и их "Schandthaten", что также отразилось на концовке: "Da ward er und seine ganze Bande für ihre Schandthaten gerichtet".

Поэтому вполне естественно, что сказка бр. Гримм носит заглавие "Der Räuberbräutigam" ("Разбойник-жених"). Название же Пушкинской баллады нельзя иначе объяснить, как признав его следствием влияния Гриммовской сказки. К этому остается добавить, что народные сказки на данный сюжет, с которыми Пушкин мог быть знаком в устной традиции, как правило, названий не имеют, а если и получают их при напечатании, то в этих названиях всегда отражается героиня сказки "Королевна и разбойники", "Дочь купца и разбойники" и т. д.

Не следует, конечно, думать, что поэт буквально следовал одноименному немецкому образцу. Немецкая сказка послужила лишь отправной точкой его сюжета. Материал ее был им коренным образом переработан, так что получилась баллада, исполненная национального русского колорита. Мы вправе утверждать, что Пушкин не ограничился гриммовским сборником. Ряд деталей, о которых речь пойдет ниже, говорит в пользу того, что Пушкину был известен и русский извод этой международной сказочно-новеллистической темы, хотя он и отсутствует в числе сказок, записанных самим поэтом. Быть может, именно совпадение сюжета немецкой и русской сказок явилось для Пушкина в известной мере поводом к написанию "Жениха". Аналогичную ситуацию мы наблюдаем при возникновении некоторых пушкинских сказок в 1830-х годах.

В балладе "Жених", несмотря на ее органическую связь с международным фольклорным сюжетом, Пушкин (как он делал это и в дру-

тих аналогичных случаях) создал замечательное произведение чисто русского колорита. По уже приведенному выше определению Белинского, эта баллада стала народнее "народных русских песен вместе взятых".

Рассмотрим несколько примеров этого превращения международного сюжета в специфический национальный. Героиня немецкой сказки — дочь мельника. У Пушкина она — дочь купца. Последнее, разумеется несравненно ближе русскому сказочно-песенному колориту. Так, например, в сказке афанасьевского сборника (приложение к № 200) фигурирует "купеческая дочь". Аналогичный же персонаж мы встречаем в народной песне:

У Софронова купца Солучилася беда И не малая; Что не сто рублей пропало И не тысяча его; Пропала у него Дочь любимая его — Душа Катенька.¹

В немецкой сказке к отцу приходит свататься сам жених. Пушкин, разумеется, знал, что в русском быту подобный факт был бы невозможен и потому он изобразил сватовство жениха при посредстве свахи, являющейся излюбленным персонажем русского свадебного фольклора.

Рассмотрим еще один пример: В одном из автографов "Жениха" (ныне автограф Пушкинского Дома, № 69) Пушкин сделал следующую замену в 126-м стихе баллады. Вместо первой редакции:

Пустая комната. Гляжу...

близкой, как мы видели гриммовской сказке, Пушкин дал вторую редакцию в чисто русском стиле:

Изба освещена. Гляжу...

Безразличная, в отношении национального колорита, "комната" заменяется русской "избой". В немецкой сказке героиня при появлении разбойников прячется за "бочку" ("das Fass"). Тонкий вкус Пушкина подсказал ему, что "бочка", излюбленная реалия западноевропейского фольклора, отнюдь не характерна для русского фольклора, и потому героиня его "Жениха" прячется за "печку". Число разбойников в немецкой сказке не определено. У Пушкина:

Взошли двенадцать молодцов.

Число "двенадцать" весьма распространено в русских сказках (см. Афачасьев, № 200). Кроме того, это число фигурирует в пушкинских за-

¹ См. сборник "Русская баллада" в изд. "Библиотека поэта", 1936, стр. 361.

писях сказок под № 7: "Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. 12 братьев приезжают..." и т. д.¹ Говоря об отличии "Жениха" от Гриммовской сказки, необходимо отметить, что Пушкин смягчает жестокость немецкого варианта. В "Женихе" ни слова не говорится о трупах убитых девушек, засоленных в огромной бочке; невеста уличает разбойника не отрубленным пальцем с кольцом, а лишь одним кольцом: "А это с чьей руки кольцо?" (кстати мотив улики при помощи одного кольца мы встречаем в русской сказке, см. вариант к № 200 в Афанасьевском сборнике).

Вместе с тем Пушкин отказывается и от тех незначительных элементов фантастики, которые присутствуют в немецкой сказке (говорящая птица).

О "руссификации" говорят варианты 3-го (от начала) стиха.

1-й вариант: Она домой в четверту ночь

2-й вариант: Она на двор в четверту ночь

Канонический текст: Она на двор на третью ночь

Замена слова "домой" словами "на двор" придает стиху колорит русского фольклора, точно так же, как слова— "на третью ночь" (вместо "в четверту ночь") отражают стремление Пушкина соблюсти в своей балладе фольклорный закон троичности. Следует отметить, что-характерная прибаутка, которую говорит сваха ("У вас товар, у нас купец"), появилась в тексте "Жениха" не сразу. Ее нет ни в черновых набросках баллады, ни в первом издании 1827 г. ("Московский Вестник"). Впервые она появляется во втором издании "Жениха".2

Таким образом Пушкин стремился внести в текст "Жениха" русские фольклорные элементы даже после того, как баллада была им напечатана.

Само собой разумеется, что глубоко национальный русский колорит "Жениха" достигается не только приведенными частными изменениями, а общим движением текста от романтической баллады типа Бюргера, Жуковского и др. к форме новеллистической сказки в русском народном духе. Сжатый стиль сказки-новеллы идет на смену растянутой композиции баллады. Выше отмечалось, что основное отличие немецкой сказки от Пушкинской баллады заключается в глубоко русском национальном колорите последней. Этот колорит далеко не исчерпывается теми примерами отдельных мотивов, которые мы приводили, по сравнению с аналогичными в немецкой сказке. Он представлен в "Женихе" несравненно шире, и создается здесь не сюжетом, который международен, а фольклорным орнаментом в широком значении этого слова. Последний взят Пушкиным не только из русских сказок, но также из русских народных песен (свадебных и др.). На два источника (сказка

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. III, "Academia",. 1937, стр. 271.

² В "Собрании сочинений", ч. II, 1829, стр. 44-45.

и песня) указывает сам текст баллады: с одной стороны мы имеем подзаголовок "Простонародная сказка", с другой стороны — концовку: "И вся тут песня наша".

Прибаутки, поговорки, пословицы и, наконец, простонародная лексика так же щедро используются Пушкиным в этой балладе, быть может даже больше, чем в последующих сказках. Пушкин использовал для "Жениха" фольклорное наследие в целом, не проводя резкой грани между его отдельными жанрами. Выше мы говорили, что данная баллада представлялась Пушкину своеобразной "пробой пера" в области фольклорной поэзии, отсюда — естественно богатое использование поэтом сокровищницы народного творчества.

Приведем примеры, характеризующие фольклорность пушкинской баллады. Прежде всего отметим две народные песни, записанные самим Пушкиным, которые в какой-то мере могли повлиять на "Жениха".

1. Свадебная песня (образ молодца, коня и девушки, стоящей у ворот):

Мимо дворика батюшкина, Мимо терема матушкина Пролегала тут дороженька; Пробегал тут добрый конь; За конем бежит добрый молодец...

и т. д.

2. Песня о Степане Разине:

Что не конский топ, не людская молвь

Ср. в "Женихе":

Вдруг слышу крик и конский топ.

Центральными мотивами "Жениха" являются сватовство и свадебный пир, и потому вполне понятно, что вокруг них группируется основная масса фольклорных образов и выражений. Мы уже отмечали обрядовую прибаутку свахи:

У вас товар, у нас купец.

Сюда же следует отнести ответ отца, стилизованный под свадеб-

Не век девицей вековать, Не всё касатке распевать, Пора гнездо устроить, Чтоб детушек покоить.

Поведение свахи изображается прибауткой:

Она сидит за пирогом, Да речь ведет обиняком.

Сваха обещает невесте со стороны жениха традиционный обрядовый подарок — шубу:

А подарит невесте вдруг И лисью шубу и жемчуг.¹

Состояние невесты выражено двустишием с поговорочной рифмой

А бедная невеста Себе не видит места.

Подобного рода рифму мы имеем в словах Наташи:

Зовите жениха на пир, Пеките хлебы на весь мир.

Изображая свадебный пир, Пушкин отмечает его обрядовую сторону:

За стол невесту повели; Поют подружки, плачут.

Мотив перебивания рассказа сна Пушкин также использует в целях навыщения баллады элементами русского фольклора. Жених толкует сон Наташи в духе народных верований ("Знать жить тебе богато" и пр.), тогда как в Гриммовской сказке невеста сама перебивает свой рассказ и к тому же малозначащими словами: "Mein Schatz, das träumte mir nur".²

Фольклорные эпитеты в "Женихе": невеста красная, вода студеная, ворота тесовые, тройка лихая, душа-девица, девица-краса и т. п.

Просторечия: сон *крушит*, *охает* семья, *тужила* мать, *тужил* отец, *постой* сударь, *светелка*, *ручка* (в стихе: Ей праву *ручку* рубит, изд. 1827 г.) и т. д.

Мне ночесе мало спалось, А во сне много виделось. Разгадайте, подруженьки, Разгадайте, разведайте, Разгадайте мой страшен сон: Будто пустая хоромина, Пустая не покрытая; Как во той во хоромине На печище котище сидит, На полу ходит гусина...

и т. д.

("Песни, собранные П. В. Киреевским", новая серия, вып. 1, № 33, М., 1915, стр. 15.)

¹ Ср. описание сговора в "Плотничьей артели" А. Ф. Писемского: "Товар ваш, Иван Иваныч, показался, ум-разум расступился, пожалуйте *шубу* на стол, станем богу молиться и по рукам биться" ("Сочинения Писемского", СПб., т. III, 1861, стр. 8—9).

² Русский свадебный обряд знает песню, в которой невеста рассказывает виденный ею сои и предлагает его растолковать.

K фольклорным элементам относятся, наконец, *повторы*, о которых у нас шла речь выше. 1

Прямое цитирование фольклорного материала, какое мы наблюдаем в "Женихе", говорит о том, что к 1825 г. Пушкин еще только овладевал этим материалом. В 30-х годах он более скупо расходует свое знание фольклора и вместе с тем достигает большего эффекта.

Мы можем, несколько схематизируя, составить примерно следующий ход творческой истории "Жениха": первоначально он должен был явиться обработкой, в духе романтической баллады, сказки Гриммовского сборника "Der Räuberbräutigam", с которой Пушкин, по всей видимости, незадолго перед тем познакомился. Но, с одной стороны, органическая чуждость Пушкину мистического немецкого ромаитизма, и, с другой—его собственные фольклористические интересы, шедшие совершенно из других источников, заставили его отказаться от своего первоначального намерения и обусловили движение текста "Жениха" в сторону русской народной сказки-новеллы.

¹ Ср. также образцы весьма распространенной в песенном фольклоре так называемой "этимологической фигуры": "диву дивовалась" и "током слевы точит".

д. п. якубович

АНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

I

Давно обращено внимание на отношение Пушкина к античности, на общую роль, которую античный мир играл в творчестве и мировоззрении Пушкина в течение всей его жизни.

Однако давние тщательные изучения отношений Пушкина к литературам и истории древнего мира обычно велись у нас на эмпирическом изучении материалов, без стремления синтезировать, систематизировать и — главное — осмыслить большую проблему, покрываемую понятием — Пушкин и античность.

Большинство исследований, относящихся к этой теме, посвящено раскрытию частных связей между Пушкиным и тем или другим представителем античных литератур. На смену старым работам, преимущественно только называвшим и цитировавшим указанные самим Пушкиным его произведения, связанные с античностью, работам, не выходившим по существу за рамки общего обзора, регистрирующего и аннотирующего факты, относимые к теме, позже пришли отдельные углубленные штудии, посвященные вскрытию конкретных связей, не лежащих явно на поверхности. Наконец, в самое последнее время исследователям, на основе их личных изысканий и обобщения добытых другими исследователями материалов, удалось поставить проблему шире и внести в нее некоторые начатки систематики.

¹ Ср. Пав. Черняев. "А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов", Казань, 1899. — С. Любомудров. "Античные мотивы в поэзии Пушкина", изд. 1-е, 1899; изд. 2-е, 1901.

² Работы А. И. Малеина, М. М. Покровского, Г. Гельда и др.

³ Симптоматичен интерес к теме в самое последнее время. Ср. М. Я. Немировский. "Пушкин и античная поэзия". "Известия Северокавказского педагогического института", т. XIII, 1937. — И. И. Толстой. "Пушкин и античность". "Ученые записки Института Герцена", вып. XVI, 1938. — Н. Ф. Дератани. "Пушкин и античность". "Ученые записки Московского Государственного педагогического института", вып. IV, 1938. — М. М. Покровский. "Пушкин и античность". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 4—5, 1939. — И. Д. Амусин "Пушкин и Тацит". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 6, 1940.

Однако и самая методология специальных работ об античности и Пушкине продолжает вызывать в отдельных случаях сомнения и круг фактов остается явно не исчерпанным до конца, проблема берется статически и даже осмысление отношений Пушкина к определенному древнему классику зачастую подменяется простой случайной цитатой о нем из Пушкина.

Между тем, так же как нельзя серьезно судить о подлинно-философских интересах Пушкина на основании стихов пятнадцатилетнего лицеиста

Друзья! почто же с Кантом Сенека, Тацит на столе, Фольянт над фолиантом? Под стол холодных мудрецов, Мы полем овладеем; Под стол ученых дураков! Без них мы пить умеем.

нельзя судить и об отношениях даже юного Пушкина к античности по упоминаниям в лицейских стихах ряда античных имен. В порядке регистрации должно и иногда соблазнительно упомянуть, что еще в лицее в системе учебного курса лицеисты знакомились с именами Сенеки и Тацита, но никаких выводов отсюда еще сделано быть не может. Между тем иногда склонны забывать это. Тацит в 1814 г. звучит для Пушкина, понятно, иначе, чем в 1825 г., и иначе чем в 1836 г. Точнее говоря, в 1814 г. он вовсе еще не "звучит" (ср. "Евгений Онегин", черновики I главы: "Не мог он Тацита (понять)").

Вопрос о роли античности для Пушкина не может быть сполна решен и без рассмотрения вопроса об отношении к античности других русских и западных современников Пушкина.

Наконец, вопрос о самом круге непосредственных источников и античных интересов Пушкина далеко еще не может быть признан разрешенным. Достаточно будет указать, хотя бы, например, на материалы личной библиотеки поэта, в этом отношении далеко не изученные.

При этом основной упор будущий исследователь проблемы, в отличие от старых, берущих материал сплошь и рядом статично, должен сделать на эволюционном подходе Пушкина к явлениям "античности". Категория "античности" не оставалась для Пушкина чем-то неизменным. Наоборот, ее функция менялась с его собственным ростом художника. Смысл обращений Пушкина к древнему миру был многозначащ. И. И. Толстым справедливо было отмечено недавно, что античность, воспринятая Пушкиным первоначально в аспекте мифологической символики, как некоего классового шифра, воспринятого дворянством запада, затем явилась приметой гражданской лирики. Однако

¹ Цит. статья "Пушкин и античность".

границы и конкретный материал этих стадий остаются до сих пор неуточненными и едва намеченными.

В ранний период античность предстояла Пушкину преимущественно своей декоративно-мифологической, номенклатурной стороной. Как один из существеннейших элементов литературного образования она давала молодому Пушкину школьные ритмические и жанровые образцы древних поэтов, раскрывала перед ним мир мифологии в самых общих контурах, знакомила его с общими чертами не столько, конечно, философских доктрин, сколько философских мироощущений и настроений древности. Такова была роль анакреонтики для Пушкина-лицеиста, таково было его поэтическое восприятие гедонизма и эпикуреизма. В систему образования входила школьная латынь, и Пушкин — ученик Кошанского, друг Дельвига, Илличевского, прикасался в обязательной мере к античным писателям, т. е.:

Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал.

Вариант:

Читал украдкой Апулея, А над Виргилием зевал.

Обычно принято считать доказанным, что античность владела душой лицейского поэта через французский классицизм, через посредство французских переводов, сквозь призму французских учебных пособий и антологическую поэтику самих французских поэтов, преимущественно лириков. Таков был нередко путь, которым шли русские поэты-лирики, предшественники и современники Пушкина. Однако в эту концепцию необходимо ввести и существенные коррективы.

Исследователи античных интересов молодого Пушкина также нередко с излишней прямотою склонны делать выводы о близких знакомствах поэта непосредственно с древними поэтами, текстами, мифами и т. п. только на тех основаниях, что Пушкин вводит в свои стихи упоминания или даже краткие характеристики этих поэтов, или говорит о знакомстве с ними своих героев, или даже цитирует на языке первоисточника отдельные выражения, фразы, оперирует теми или другими образами. В действительности, из них явствует только, что он был человеком своей эпохи, ничуть не более.

Помимо роли французского классицизма, подменившего собою подлинную античность и популяризировавшего взамен ее зачастую только ее внешние наряды, следует тщательно учесть, что образы, ситуации и персонажи мифологии, латинские эпиграфы и изречения являлись в пушкинское время естественным внешним орнаментом школьного и дворянско-салонного образования, отнюдь не свидетельствуя о каком-то глубоком проникновении в философские и мифологические дебри текстов древних авторов.

Сам Пушкин прекрасно и неоднократно изображал это явление внешне-обязательного полупросвещения хотя бы в "Евгении Онегине". Молодой человек, выходя в свет, как и он сам.

...знал довольно по латыне, Чтоб эпиграфы разбирать, Потолковать об Ювенале, В конце письма поставить vale, Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха.

Кажется можно сделать наблюдение, что "vale" появляется именно в письмах, затрагивающих античные темы, или обращенных к адресату, заинтересованному античностью.

Знаменитые строки, обычно относимые к индивидуальной биографии Онегина, в сущности говоря— сатирическая констатация типического положения с античностью для молодого человека начала века.

Из того, что последний "бранил Гомера, Феокрита" и был мастером науки "страсти нежной, которую воспел Назон", следует только то, что можно было заниматься всем этим отнюдь и не читая помянутых писателей в подлинниках. Латынь была скучной обязанностью, которая Пушкину поэже вспоминалась как "зевота" над Вергилием и Цицероном. Понятно, с большим удовольствием молодой человек

По кровле и в окошко лазил
 И забывал латинский класс
 Для алых уст и черных глаз.²

В этом отношении характерны первоначальные варианты строф VI и VII первой главы "Евгения Онегина", безразлично оперирующие разными именами. Например: "не мог он Тацита (понять)", "Не мог он Ливия (понять)", "Не мог он Федра понимать", и даже: "Не мог он tabula спрягать", или: "не мог он aquila спрягать" 3 (sic!).

Точно так же характерно нейтральны и первоначальные замены: "Бранил Виргилья, Феокрита", затем "Бранил Биона, Феокрита", или: "Бранил Тибулда, Феокрита".

Самая амплитуда называемых имен характерна, как уровень, о котором свободно болтает любой дэнди, но и только. Истинное отношение Пушкина-лицеиста к античности может быть всего прямо-

¹ Ср. в письме к П. Вяземскому от 27 марта 1816 г. подпись "valeas", ср. "vale" под письмом Гнедичу от 24 марта 1821 г. и в других письмах из Кишинева.

² Черновая рукопись "Евгения Онегина".

³ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, стр. 219. — Ср. также: "Да помнил он (не без греха) Виргилья целых три стиха", или: "Да из Катулла три стиха". Tabula (доска), aquila (орел) — существительные, служившие примером 1-го склонения.

линейнее, естественнее вскрывается из первоначального варианта первой строфы "осьмой" главы "Евгения Онегина":

> Читал охотно Елисея, А Цицерона проклинал.¹

Василий Майков смешил, латинский оратор был докучливой школьной обязанностью, обузой.

Не мог понять, не мог спрягать, бранил, проклинал, охотнее читал "Елисея": такова неизменная, естественно правдивая картина отношения Пушкина-лицеиста к урокам древних классиков и нет нужды подменять ее картиной вымышленного к ним пиэтета, и чуть ли не серьезных изучений.

Латынь из моды вышла ныне: Так, если правду вам сказать, Он знал довольно по латыне, Чтоб эпиграфы разбирать...

Таков был первый школьный этап, определенный и подчеркнутый самим Пушкиным не без юношеской бравады, но с большой точностью. Но за школьником стоял уже поэт.

"Из положительных знаний, отражающихся в лицейских стихотворениях Пушкина, — отметил Я. Грот, — замечательно его знакомство с греческим и римским миром. Еще в родительском доме, до поступления в лицей, он прочел в переводе Битобе всю Илиаду и Одиссею. Впрочем, свои познания в мифологии он почерпнул не из одного чтения французских поэтов, но и из книг, специально посвященных этому предмету. Без сомнения и Кощанский, объясняя на своих уроках поэтические произведения древних, присовокуплял к тому толкования из истории литературы и мифологии. В 1817 г. Кошанский издал учебник в двух томах под заглавием "Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию, обозрение классических авторов, мифологию и древности греческие и римские". Это перевод сочинения Эшенбурга с некоторыми дополнениями переводчика. Но прежде издания этой книги Кошанский уже пользовался ею при своем преподавании. Таким образом нам становится ясным, почему Пушкин еще в Лицее так любил заимствовать из древнего мира образы и сюжеты для своих стихотворений".2

К этому следует добавить, что еще в 1811 г. Кошанский издал "Цветы греческой поэзии", антологию, по которой, в частности, Пушкин мог познакомиться впервые с Мосхом (греческим поэтом II в. до н. э.).

Несомненно, Кошанский, особенно в обстановке Царского Села, сыграл большую роль во вкусах лицеистов. Характерно, что не только Дельвиг и Кюхельбекер черпали свои сюжеты из древнего мира, но

¹ Курсив здесь и ниже мой. Д. Я.

² "Пушкин, его лицейские товарищи и наставники". Статьи и материалы Я. Грота, изд. 2-е, СПб., 1899, стр. 7.

и Илличевский в 1827 г. издал именно "Опыты в антологическом роде", правда, отожествляя последний с мелкими лирическими пьесами. Еще на лицейской скамье, он же, читая "Плутарха для юношества" Бланшарда, мечтал издать дополнения к нему, собирая разные известия о "60 великих мужах, им пропущенных". Таковы были мечты ляцеистов. Как сообщает тот же Илличевский в 1814 г.: "В латинском мы плыли, плыли (начали было читать Федровы басни и Cornelii Nepotis de vita etc.), да вдруг и наехали на мель" 2 (болезнь Кошанского, почти на полгода прекратившая занятия).

Приведенные факты до сих пор не были ни проверены по материалам, ни осмыслены, котя по поводу книг Кошанского было замечено: "Это были не столько руководства, сколько повторительные курсы к устному преподаванию учителя". 3

Между тем, на них необходимо остановиться подробнее. Как ни расценивать фигуру Николая Федоровича Кошанского (1782—1831) и деятельность его в Лицее, следует признать бесспорным, что, несмотря на известный педантизм, может быть подчас скучное рутинерство, архаичность вкусов и некоторую реакционность, свойственную многим преподавателям "классикам", а также, несмотря на перерывы в своих занятиях по причине болезни (запоя), именно он, Кошанский, был главным проводником античности в среду лицеистов.

Ведя курс латинского языка в Лицее, Кошанский являлся выдающимся специалистом-знатоком в области изучения древнего мира, автором нескольких изданий классических писателей, составителем латинской грамматики, переводчиком древних поэтов и их толкователем. Благодаря изданным им книгам мы можем довольно точно судить об объеме и характере его преподавания лицеистам.

По замечанию историка Лицея 6 — "Все эти книги служили классными руководствами в Лицее: для него и на суммы его печатались".

Несмотря на то, что Кошанский в Лицее преподавал латинскую словесность, нет никакого сомнения, что лицеисты знали и его выдающуюся хрестоматию из греческих поэтов—"Цветы греческой поэзии, изданные Николаем Кошанским, доктором философии, надворным совет-

¹ Там же, стр. 64.

² Там же, стр. 60. Перевод: "Корнелия Непота о жизни (замечательных людей...)".

³ А. Малеин. "Н. Ф. Кощанский". "Памяти Л. Н. Майкова", СПб., 1902, стр. 187.

⁴ И. Селезнев ("Историчаский очерк имп. 6. Царско-сельского Анцея", СПб., 1851) указывает, что с 10 мая 1814 г. по 1 июня 1815 г. Кошанского заменял Галич и отчасти Георгиевский.

⁵ По руководству Вредера двумя изданиями: 1811 г. (М.) и 1815 (СПб.). Ср. также ряд других учебных пособий, изденных Кошанским по латинскому языку: "Таблицы" (1803 и 1806), "Правила" (1807), "Учебная книжка латинского языка, с французского" (1.09).

⁶ И. Селезнев. "Исторический очерк имп. б. Царско-сельского Лицея". СПб., 1861.

ником и профессором Российской и латинской словесности при императорском Царско-Сельском Лицее, М., 1811".

Книга наставника, выпущенная в год основания Лицея, конечно, не могла хотя бы в той или иной мере не попасть в поле зрения лицеистов. Говоря на уроках латинской словесности о литературе греков, Кошанский, понятно, должен был постоянно ссылаться на свой труд, и самая книга его, несмотря на некоторую недоступность ее материала для лицеистов, должна была проходить через их руки. По аналогии с ней можно заключать отчасти и о методе преподавания латинской литературы. Вот почему необходимо остановиться на ней подробнее, тем более, что и в последующие годы Пушкин, как увидим, несомненно обращался непосредственно к ней. "Цветы" состояли из следующих разделов: І. Текст греческий творений Биона и Мосха в сопровождении биографий обоих писателей и подробного ученого комментария к ням. ІІ. Российские переводы, сделанные самим Кошанским из Биона (стр. 263—288); 1 отрывок "Клитемнестры" трагедии Софокла (стр. 289—318), 2 стихотворения Мосха (стр. 311—346) 3 и, наконец, шестая песнь Одиссеи (стр. 346—363). 4

Книга посвящена Александру I (вначале стихотворное посвящение, датированное 30 августа 1811 г., дающее образец стихов самого Кошанского). Здесь между прочим, находились стихи:

Потух во мгле веков блиставший свет Эллады, И муз и Граций сонм объяла скорби тень: Монарх! ты дал им кров, призвав в российски грады, И распростер на них отрад и света сень.

Далее следовало полустихотворное, полупрозаическое обращение "К читателям" (стр. IX—XXVIII), вероятно хорошо известное лицеистам.

Цель книги определялась здесь Кошанским как поиски цветов, не всеми виденных:

Их сами времена от тления спасли. Ах, как бы посадить на русской их земли! Боюся, что они в руках моих завянут, Зефиры, Грации, Амур от них отстанут.

^{1 &}quot;Смерть Адониса", "Мальчик птицелов", "Ученик учитель", "Музы с Эротом", "Беспечность", "Времена года", "Песнь Ахиллесу и Дейдамии", "К Гесперу", "Кто счастлив?", "Желанье и восторг", "Отрывки Бионовы" (о Гиацинте, о разных предметах).

² Выбор этого текста объясняется тем, что он был найден за несколько лет до составления "Цветов", в одной из рукописей библиотеки Московской синодальной типографии и впервые издан X. Ф. Маттеи в 1805 г. Вскоре, однако, филологической критикой было с несомненностью установлено, что найденный текст Софоклу не принадлежит, а является произведением позднего, неизвестного автора.

^{3 &}quot;Бежавший Эрот", "Похищение Европы", "На смерть Биона", "Мегара, супруга Геркулеса", "К спокойствию", "Своенравие любви", "Алфей", "Эпиграмма" (Пашущий Эрот).

⁴ Эпизод с Навзикаей.

Здесь же упоминались имена Анакреона, Фесписа, Феокрита, Аристарха, Эсхила, Эврипида, Софокла и др., перечислялись и пояснялись античные понятия (керамик и др.), и образы мифов (паны, сатиры, силены, дриады, Стикс, Флегетон, Парки, Арион, Пирам и Физбе), делались ссылки на латинскую литературу— "Метаморфозы" Овидия, сатиры Ювенала, оды Горация: "К Левконое" и "К Постуму" и т. п.

Как всегда в своих работах Кошанский старался перебросить мост между древностью и современной Пушкину литературой, цитируя ее и замечая: "Мы видели некоторые бесценные остатки сих произведений в творениях Державина, Карамзина и Дмитриева; Костров показал нам язык богов Гомеровых. Что может быть любезнее произведения Богдановича. Кто не плакал о бедствии Эдипа, изображенного Озеровым?" (стр. XXV). Именно на фоне античности цитировалось заключение державинского "Памятника". Идиллия Биона характеризовалась как "средина между строгостию циников и веселием эпикурейцев" (стр. 61).

Ряд тем, характерных для анакреонтики со ссыдками на "Антологию", был также здесь назван. По поводу жалоб на скоротечность жизни замечалось: "Сими мыслями наполнены почти все сочинения древних".

И, не называя поэта, Кошанский здесь же ставил ту тему (которую, по рассказу И. И. Пущина, предложил в 1811 г. в Лицее и на которую отозвался Пушкин): "Так некто из наших авторов говорит:

Роза дважды не алеет, Рви ее, пока цветет; Всё в подлунной сей истлеет, Брось, мой друг! труды сует!" (стр. 64)

Мифы об Арионе, Дедале, Прозерпине, Пигмалионе, Адонисе, нимфе Эхо, Орфее и Эвридике, Леде—т. е. весь круг антологических представлений, постоянно встречающихся в стихах Пушкина-лицеиста, назван в книге Кошанского. Очевидно, встречаясь с этими именами у поэтов, Кошанский пояснял их лицеистам в духе Эшенбурга. Как видим, даже поверхностное знакомство с одними "Цветами" уже было достаточным, чтобы пробудить интерес лицеистов к поэтической древности Эллады, как пролегоменам к латинской древности, тем более, что Кошанский подчеркивал желание, "чтобы русские любимцы Муз обратили внимание на словесность греков, необходимую, кажется, для образования нашего отечественного языка, и если возможно соединяли бы ученость со вкусом".

Аналогичные мысли высказывал Кошанский и в книге "Руководство к познанию древности Г. Ал. Миленя изд. с прибавлениями и замечаниями в пользу учащихся в императорском Московском университете Николаем Кошанским, М. 1807". Эта долицейская книжка, "обязанная бытием" М. Н. Муравьеву, также дает представление о про-

паганде классицизма, ведшейся Кошанским. Ср., например: "Древние служат примером для образования ума и вкуса; нравы и обряды древних показывают красоты писателей; памятники учат превосходству художников. Словесность и изящные искусства обязаны археологии". Или: "Все великие поэты достигли высокости единственно глубоким учением древностей" (стр. 8). "Самая приятная часть древностей мифология; она дает жизнь и душу поэзии и живописи". Таким образом, для Кошанского древность — ядеальный мир норм и эстетических канонов, черты которого он хочет прививать русскому искусству и литературе, законы которого он рекомендует изучать по "бессмертным сочинениям" Винкельмана, Менгса, Зульцера и др.

О чтениях Федра Кошанским дает, конечно, представление его издание "Басни Федра с примечаниями и словарем. Изд. 2 учебное, очищенное Н. Кошанским, СПб., 1832" (1-е издание 1812 г.). Оно выросло из его занятий в Лицее, о чем сам он сообщает в "Уведомлении" ("В 1814 г. возложено было на меня издать Федра для воспитанников императорского Царскосельского Лицея").

Любопытно отметить в этом издании указание на то, что "Федр, отпущенник Августов, жил в золотое время латинской словесности, и писал так легко, забавно и прекрасно, как наш И. А. Крылов". Аналогии с русскими писателями довольно часто встречались в лекциях Кошанского и этим приближали античных писателей к пониманию его слушателей. Каждая из басен Федра давалась Кошанским только в оригинале в сопровождении кратких комментариев под текстом. Уже на первых страницах в этих комментариях многое должно было обращать на себя внимание лицеистов. Пушкин и его товарищи знакомились с определением слова "Тугаппиз": "Сие слово в начале не имело ничего ненавистного и вначило Государя" (3); Кошанский перед ними вскрывал политические аллегории: "Многие думают, что сия баснь заключает предсказание гибели Се тновой, который помышляя о верховной власти, хотел вступить в брак с Ливиею, вдовой Друза, сына Тиверия, государя мнительного, предвидевшего его намерение" (6) или "Сия баснь написана в укоризну правления Тиверия. Злоупотребления тогда были столь велики, что самая невинность не имела защиты" (по поводу первой басни о волке и овце).

Другой автор; которого читал в Лицее Кошанский, был Непот. О характере этого курса дает представление книга "Корнелий Непот о жизни славнейших полководцев с замечаниями, хронологическою таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов. Издание учебное, очищенное. Н. Кошанского, докт. фил., надв. сов. и професс. Лицея, СПб., 1816". Здесь давались характеристики Мильтиада, Фемистокла, Аристида, Алкивиада, Ганнибала, Катона и др., чьи имена

¹ Цензурное разрешение генвари 19 дня 1816.

постоянно ввучат в лирике Пушкина. В промежуток с 1 августа до 15 декабря 1813 г. в латинском классе была прочтена из этой книги жизнь Мильтиада. По поводу географического словаря указывалось, что он "может быть полезен при чтении и других древних писателей".

Важнейшим, подлинным пособием к изучению античности являлась "Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошачским".² Русский перевод книги готовится Кошанским во время занятий его в Лицее (предисловие помечено: "декабря 7-го 1816. Царское Село").

Руководство охватывало как греческую, так и римскую словесность и состояло из следующих отделов: "Археология", "Обозрение классических авторов", "Мифология", "Древности". Это был, таким образом, компендиум, по которому можно было серьезно ознакомиться с античностью во всех ея важнейших проявлениях. Особо следует подчеркнуть, что в конце каждого раздела давалась полная для своего времени библиография предмета на разных языках, в том числе и исходящая от самого Кошанского библиография русских переводов древних писателей. Прекрасно владея предметом, Кошанский в то же время подавал лицеистам античность под углом зрения историко-литературных аналогий: "остается желать, когда наш Август... дарует мир вселенной, и элатой век России" (стр. V). Столь излюбленная впоследствии аналогия между Александром I — победителем и просвещенным монархом — и Августом, таким образом, впервые преподносилась Пушкину еще лицейским наставником, а собственная литературная эпоха уже тогда рассматривалась как ожидаемый золотой век русской литературы.

Помимо раздела мифологии, особенный интерес в курсе Эшенбурга-Кошанского представляли для лицеистов характеристики древних литератур и отдельных писателей. Многое навсегда входило в представления об античности именно из этого источника. О греческих писателях здесь говорилось, что они "достигли неизъяснимой, им только одним свойственной прелести, равно очаровательной во всех их прочих произведениях..." "где такое обилие слов; такое счастливое сочинение и состав выражений; такой вкус и изящество в выборе и расположении оборотов; наконец, такое чрезвычайно приятное согласие звуков в стихах и прозе" (стр. 223).

Лицеистам должны были запоминаться карактеристики Анакреонта: "Лирический певец любви и вина", замечательный "по лирическим красотам, по резвой веселости и по их живой откровенной прелести" (стр. 248). Эта характеристика и этот эпитет "резвый" не случайно повторяются Пушкиным в его "Гробе Анакреона" (1815):

¹ Шаяцкин. "Из неизданных бумаг Пушкина", 1903, стр. 335.

² Т. І. СПб., 1816 (цензурное разрешение СПб., марта 21 дня 1816 г.)

Резвый наш Анакреон, Красотой очарованный, Нежно гимпы ей поет, Виноградом увенчанный...

Но поет одну любовь.

И только в позднейшей, послеляцейской редакции определяется иначе (ближе к Грессе)— как "сладострастия мудрец".

В руководстве Пушкин также находил беглые характеристики Сафо, Пиндара, Мосха, Биона, Афинея, Эпиктета ("раб Эпафродита"), Саллюстия. Тиртей был охарактеризован здесь так: "Сей Поэт-герой умел воспламенять в высочайшей степени дух мужества и славы сво-ими элегическими стихами и военными песнями, исполненными высоких чувств героизма и любва к Отечеству".

Несомненно лицеистов более интересовали римские писатели, особенно поэты, и в первоначальных представлениях о них сыграли свою роль и сведения "руководства", небезинтересные с этой точки зрения. О Тибулле было сказано, что он "занимает первое место в числе римских элегических поэтов. Он умел соединить нежность чувствований с самым благородным и истинным образом выражений..." 2

На этом фоне понятны заявления юного Пушкина:

В пещерах Геликона Я нехогда рожден, Во имя Аполлона Тибуллом окрещен...

и обращение к лирикам — "наследники Тибулла и Парни" — в любовной элегии "Любовь одна — веселье жизни хладной" (1816).

О Проперции указывалось: "главнейшее достоинство состоит в страстных выражениях, в богатстве поэзии и чистом исправном слоге, но он весьма часто оскорбляет благонравие и скромность, и при том слишком расточает пиитические украшения" (412).

Характерно, что эти оценки Тибулла и Проперция Пушкин воспринял и сохранил, не переоценивая заново, и позже. В 1825 г. он, перечисляя "гениев" римской литературы, назвал имя Тибулла и не назвал Проперция, да и позже не проявлял к последнему особого интереса, хотя несомненно был знаком с ними в оригинале.

Характеризуя Горация, Эшенбург отмечал: "в Сатирах его и Стихотворных посланиях везде виден какой-то важный и благородный тон, смешанный с нежными шутками и весьма тонкой насмешкой" (стр. 420).³

¹ Уже здесь Пушкин мог получить указание на французский перевод "Пира ученых".

² Указан перевод его эле ия на русский язык, сделанный Дмитриевым.

³ На русском явыке существовали в то время следующие переводы Горация: "Десять посланий первой книги" — А. Кантемира, 1744 г. (2-е изд. 1778); "Письмо о стихотворстве и несколько од" — Н. Поповского, 1753; "Сатиры" — Ив. Баркова, 1763; то же — В. Анастасевича, 1811, Муравьева-Апостола (перевод в прозе); оды и письмо о стихотворстве — анонима, 1802; оды — Мерзлякова; то же — Дмитриева.

Страницы "Руководства", посвященные Овидию, не выходят из рамок обычных школьных определений ("стихи его легки, плавны и приятны") и задерживают внимание читателя на эпизоде ссылки Овидия "в Томи, на границе Фракии".1

Упоминались в "Руководстве" и Петроний (о чем ниже) и Тацит ("его творения служат образцом Истории и Политики"). Отдел мифологии обстоятельно знакомил с "собранием историческах и баснословных преданий или чудесных повестей о древних богах и полубогах" Эллады и Рима. Вакх и Эол, Эскулап и Фортуна, Флора и Парки, Нереиды и Дриады, эпизоды похищения Прозерпины, миф о Дафне, история Аполлона у царя Адмета, превращение Актеона и приключение Эндимиона—все эти и многие другие баснословия, упоминаемые поэже Пушкиным, пересказывались здесь по "Метаморфозам" и становились известными, иногда впервые именно отсюда, уже в лицейскую пору. Более яркие мифы запоминались в образах, другие—западали в сознание лишь привычной античной номенклатурой. Так мифология приходила не только из оригиналов и не только из французских текстов.

Как свидетельствует С. Д. Комовский, Кошанский ² "употреблял все средства, чтобы как можно более познакомить его (Пушкина) с теорией отечественного языка и с классическою словесностью древних". Если и были между ними серьезные столкновения (свидетельство Корфа и Комовского о зависти Кошанского к стихам Пушкина мало вороятны),— это были только эпизоды столкновения архаического педанта и нарушающего традиционные правила юноши.

Говоря о несомненном влиянии на юного Пушкина Кошанскогоантичника, следует заметить, что обычные представления о нем как только о "гонителе" и суровом "Аристархе", педантично нивелирующем вкусы молодежи в духе классициэма, связывались для Пушкина, повидимому, преимущественно с Кошанским-преподавателем российской словесности³ и касались больше всего стихотворной практики Пушкина

¹ Овидий был переведен у нас: две героиды — В. Рубаном, 1774; героида XI — Ив. Соколовым, 1808; элегии — А. Тинкавом, 1768; "Превращения" — Вас. Майковым, ок. 1775 г. (8 книг), Г. Козицким, 1772 (1-я и 2-я книги), К. Рембовским, 1794—1795 (все 15 книг прозой), П. Соколовым, 1808 (кн. 1—3, рядом с латинским текстом); избранные печальные элегии — Ф. Колоколовым, 1795; "Плач, писанный во время изгнания в Тавриде" — Ив. Срезневским, 1797.

² Ср. Н. К. Пиксанов. "Н Ф. Кошанский". Пушкин, "Собрание сочинений", под редакцией С. А. Венгерова, т. I, 1907, стр. 250—259.

³ Аюбопытно сравнить тип литературного педанта, каким он сложился у Пушкина ("Моему Аристарху") и у Дельвига. Стихотворение последнего "К А. С. Пушкину" звучит почти как ответ на послание Пушкина, как защита Пушкина от Кошанского: "тебе дь дрожать пред завистью", "склоняся — дар небес в безвестности укрыть?" "Нет, Пушкин, рок певцов бессмертье не забвенье, Пускай Армениус ученьем напыщен, В архивах роется и пишет рассужденье, Пусть в Академиях почетный будст член — Но он глупед — и с ним умрут его творенья! Ему ли быть твоих гонителем даров". Дельвиг — "певец Темиры" восхищался Пушкиным, который "прямой идет стезей".

и других лицейских поэтов. Последнее обстоятельство не могло затемиять для лицеистов громадного культурного значения Кошанского как преподавателя античности, знатока, на что у нас до сих пор вовсе не обращалось внимания.

К тому же, не только пособия, но и самые лекции Кошанскогоантичника несомненно были насыщены богатым материалом, вольно или невольно закладывавшим "краеугольный камень" в отношение Пушкина к античности. Об этом свидетельствуют и лекции адъюнкта Кошанского П. Е. Георгиевского. Последний, как и Галич, часто заменял Кошанского (на известной лицейской карикатуре, изображающей наставников Лицея у Разумовского, Георгиевский тянет за ноги Кошанского, едва ли не нетрезвого, во всяком случае потерявшего твердую почву).

Лекции Георгиевского (введение в эстетику), сохранившиеся в записи А. М. Горчакова, свидетельствуют, что в них попадались и материалы Кошанского. Отмечу некоторые характеристики героев древности, несомненно запомнившиеся Пушкину и его товарищам: "Фемистока пре-имуществовал пред другими даром слова и политикою. Потом Перика, славившийся многими другими качествами, приобрел великую славу красноречием, и почитается знаменитым оратором. Он был более нежели оратор. Он был министр и полководец — и назван Юпитером красноречия... По уверению многих он первый написал речь для собрания народного".

Итак, вот фон, на котором лицеист-Пушкин характеризовал Чаадаева: "Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес", — вот смысл, который он вкладывал позже в свои слова о Греции:

Гроба Тезея и Перикла.

Записи лицейских лекций неоднократно говорят также о Пиндаре (137), Тиртее, Омире, который "был учителем политиков, героев и каждогочеловека" (139); упоминают ряд произведений Биона, Овидия, Тибулла, Проперция; дают ссылки на Катулла, Сафо, Анакреонта, Марциала, указывают на необычность (т. е. принципиальную разность от языка прозы) языка Горация и Гомера. Любопытна и здесь оценка Горация: "Гораций превышает Катулла большею красивостию и исправностию, но не имеет того добросердечия" (по поводу песен). "Гораций имел более вкуса, нежели творческой силы, или гения, но его ум столько соединял разнообразных талантов, что заставляет ревновать самих гениев... По силе и краткости можно назвать его Тацитом, ...но покрасивости (élégance) Гораций пребудет всегда единственным, более любимцем мужей, нежели юношей, ибо его красоты требуют зрелости вкуса, размышления и всегда открываются новые" (154).

^{1 &}quot;Красный Архив", 1937, кн. 1, "Анцейские лекции по записям А. М. Горчакова".

² См. там же вводную заметку и примечания Б. Мейлаха, стр. 129.

По поводу Овидия лицеистам внушалось: "Сочинения и несчастия Овидия равно прославили его. Потомство наслаждается одним, но причины других и по сие время отыскать не можем. Ссылка его есть тайна... он жаждал возвратиться в Рим и всяческою лестию старался преклонить Августа на милость. Овидий более воет (wimmert), нежели печалится, более женски, нежели мужски сетует... Поямой поэтический характер Овидия открывается во всей силе в его «Превращениях», занимающих знаменитое место между прекраснейшими произведениями древности". После сведений об "Ars amandi" 2 давалось заключение: "Итак, Овидий, занимая место после Виргилия, Горация и Тибулла, сими образцами совершенства знаменовал первую степень падения словесности у римлян, потому что не имел довольно строгого вкуса и не довольно обрабатывал свои сочинения" (160). По поводу ссылки Овидия в Томы указывалось: "вспоминаем как наказание несоразмерно с преступлением..." "покойся милый прах Назона! И сей жертвы довольно будет для истлевших костей бессмертного Овидия". Последние сведения, вероятно, были менее значительными для лицеистов, чем эпизоды "Метаморфоз" и "Искусства любви", но позже именно они припомнились Пушкину ("прах Овидиев", "его тоскующие кости").

О Тибулле лицейские лекции гласили: "А Тибулл из всех древних поэтов есть единственный, коего образ чувствования так сопряжен с романическим, что мог бы легко почесться поэтом новейших времен. Его поэзия имеет нечто мечтательное и сентиментальное, чего тщетно б кто стал искать у других поэтов древности. Его мечтательное чувство любви поразительно, все предметы отделаны им с мечтательною тонкостию (délicatesse). Его живейшее чувство к сельской жизни везде обнаруживается. Его наречие дышит удивительною нежностию и приятностию. Словом у Тибулла только научиться елегии любви". И к словам о его песнях "кои, кажется, были писаны для покоющейся любви и для слуха искренней дружбы" в лицейских лекциях было сделано морализующее примечание: "В. Каких же редких удовольствий лишены не сведущие в древних языках!".

Таким образом и на этом фоне становится понятным, почему Пушкин, может быть еще в кредит своим латинским наставникам, спешил именовать себя именно "крестником Тибулла". Именно у него — лирика, элегика, поэта сельской жизни, — возможно, берет Пушкин в одном из самых ранних своих стихотворений имя охраняемой любовником Делии, как несколько поэже у Катулла — имя Лесбии.

Чтобы покончить с кругом учебного чтения, формировавшего представления лицеистов об античности, следует еще назвать упомянутого

¹ Интересно происхождение этих суждений. Они взяты из "Лицея" Ла Гарпа.

² Перевод: "Искусство любви".

³ За Дмитриевым переводили у нас Тибулла и Батюшков и Дельвиг, подражал ему Д. Давыдов.

Илличевским как любимое чтение — Плутарха. "Плутарх для юношества иди жития славных мужей всех народов..." (изд. П. Бланшардом, пер. с франц., изд. 2-е, М., 1814 и следующих годов) знакомил с краткими биографиями Гомера, Гезиода, Пиндара, Перикла, Диогена, Зенона, Лукулла, Цезаря, Цицерона, Юлия Брута, Августа, Мецената, Горация, Вергилия, Овидия, Т. Ливия, Сенеки, Плиния и др. Ряд анекдотов и эпизодов из жизни Горация и Овидия Пушкин и его товарищи могли найти именно в этой книге (ср. ниже). После всего вышесказанного вряд ли можно сомневаться, что школа Кошанского, Галича, Георгиевского для своего времени стояла на достаточном научном уровне н в смысле базы для самостоятельного восприятия античности давала немало. Каковы бы ни были иногда личные отношения Пушкина с его преподавателями, он должен был признавать, что, даже учась "понемногу, чему нибудь и как нибудь", он получил большой запас сведений о древнем мире и имел возможность уже в Лицее свободно ориентироваться в образах, мифологии, номенклатуре античности. "Успехи его в латинском хороши" — признавал Кошанский, 2 хотя и понимал, что в Пушкине "больще вкуса к изящному нежели прилежания и основательности" (отзыв 20 ноября 1812 г.). Это не помещало аттестовать успехи Пушкина "в латинской словесносты" в выпускном свидетельстве (9 июня 1817 г.) как "весьма хорошие".

Энаменательно, что в 1830 г., вспоминая о лицейских годах Дельвига, Пушкин, отметил: "Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды к Диону, к Лилете, Дориде писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял".

Кажется, в этих словах Пушкина можно видеть вообще позднюю оценку своего лицейского профессора, толкнувшего лицеистов, между

¹ Галич замещал Кошанского именно по кафедре русской и латинской словесности, пробыв в лицее до июня 1815 г., продолжая читать в латинском классе Корнелия Непота. В 30-х годах он издал "Роспись идеалам греческой пластики". На 2-м году обучения в Лицее латинскому языку продолжалось изучение спряжений, синтаксиса и проходили первые опыты в переводах. На 3-м — повторение правил грамматики и переводы (с латинского на русский) — Федра, Корнелия Непота; на 4-м году переводы на русский, изучение идиотизмов и синоним (по методе Гардена) и сочинения на латинском языке или переводы на него с русского. В 5-й год — аналитическое чтение Цицерона и Вергилия и "руководство к переложению красот латинского языка на русский. В 6-й год — продолжение предыдущего и переложение по-русски лучших мест из поименованных писателей". (И. Селезнев. "Исторический очерк имп. б. Царско-Сельского Лицея". Спб., 1861).

^{2 15} марта 1812 г., ср. 20 ноября 1812 г. "Успехи его в латинском довольно хороши" (там же, аттестация 15 декабря 1813 г.). В период с октября по декабрь 1816 г. Пушкин не был аттестован по латинскому языку.

прочим, к изучению Горация и научившего первому пониманию античной "гармонии" и "классической стройности".

Говоря о роли лицейского воспитания в вопросе знакомства Пушкина с древностью, следует также иметь в виду, что и "геттингенец", слущатель Герена, И. К. Кайданов (1780—1843) постоянно держал своих воспитанников в кругу близких представлений. Как показывает его посвященная Разумовскому книга "Основания всеобщей политической истории, ч. І, Древняя история, изданная... в пользу воспитанников Царско-Сельского Лицея адъюнкт-профессором Иваном Кайдановым" (СПб., 1814), лицеисты вынесили из уроков истории богатое знакомство с фактами древнего мира, его синхроникой и этнографией. "История рода человеческого, — поучал Кайданов вслед «Элементам Всеобщей истории» Милота, — есть важнейший для нас предмет по ближайщему его к нам отношению". По хандбухам Герена и других "знатнейших" историков Запада (Кайданов называет Мейнерса, Гуго, Гейне, Морица) Кайданов излагал гражданскую и политическую историю древнего мира. рядом с рассказами о Мильтизде, Фемистокле, Аристиде, Леониде останавливаясь и на именах Фесписа, "первого, подавшего мысль о трагедии", великих трагиков, "Изиода", Пиндара и других представителей древней литературы. Дух преподавания виден из того, что Кайданов рядом с трудами Фергюссона и О. Гольдсмита определяет "Considérations" Монтескье как сочинение, которое "должно служить наставлению для правительств и частных людей". Впрочем, анализируя причины падения римской империи, он идет скорее за Тацитом и Мейнерсом, чем за Монтескье (433—438). Беглые очерки посвящал Кайданов на своих лекциях и "наукам и художествам" древнего Рима ввек Августа (428-430). Всё это было дополнением к лекциям Кошанского.

Знакомство Пушкина с античным миром шло отнюдь не только через французскую литературу, как это принято думать, но и через русскую. Это не снимает, конечно, совершенно несомненной роли и французского посредничества, но эта роль должна быть значительно уточнена и сужена. Уже одних русских источников было бы достаточно, чтобы объяснить мощное вторжение античной стихии в лирику Пушкина-лицеиста.

Нельзя также забывать, что крупнейшие русские поэты, на творчестве которых Пушкин рос, значительную долю своего творчества уделяли переводам и подражаниям древних поэтов. На путях русского классицизма стоят имена Ломоносова, Державина ("Анакреонтическая поэзия", 1804), Востокова, Дмитриева, Мерэлякова, Карамэина, В. Л. Пушкина, Гнедича, Жуковского, Батюшкова, Д. Давыдова. Среди лицеистов культивировались антологические мотивы (Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер). Все они — и югда через французское или немецкое посредство, иногда непосредственно из общения с древними оригиналами—создавали русское представление об античности. Лирический поэт эпохи,

когда слагался юношеский поэтический облик Пушкина, не мог существовать, был не представим без античных мотивов, без игры мифологией, без антологического номенклатурного орнамента. Подлинная ученость и первоклассные переводы и подражания шли здесь рядом с общеобязательной и чисто-внешней модой. И силу античного мироощущенья и глубокую серьезность освоения античности Россией именно в это время показывают лучше всего, может быть, не тонкие лирические вещи Батюшкова, а тот факт, что именно в эту эпоху переводилась Гнедичем "Илиада" (впервые переводы печатались в журналах именно в годы пребывания Пушкина в лицее).

Через прикосновение к подлинному классицизму русский народ приобщался к вершинам древней мировой культуры и русская литература обращалась к познанию собственной народности. Недооценивать значения этих симптоматических фактов невозможно и подменять их обращениями к одной французской антологической поэзии неправомерно.

Пушкин, конечно, заинтересовавшись школьным Горацием, воспринимал его и через посредство Ломоносова и Державина; Тибулла—через Батюшкова. Когда умер Державин, Дельвиг отозвался на его смерть стихотворением, насквозь пронизанным античными мотивами, где Державин дан как собрат древних поэтов:

И Пиндар узнал себе равного, Флакк философа брата. И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар. Веселье в Олимпе! Державии поет героев России. 1

Тот же Дельвиг приветствовал и самого Пушкина на том же языке, заимствованном из баснословий античности:

Ода, стихотворное дружеское послание, прозаическое письмо, элегия—все жанры эпохи говорили на языке полном если не античных образов, то античной терминологии. Поэты мыслили анологиями с древностью. Батюшков писал о себе из деревни Вяземскому: "Маленький Овидий, живущий в маленьких Томах, имел счастие получить твою большую хартию."

О самых обыденных вещах поэты говорили в перемежку с упоминаниями древних божеств. И Батюшков и за ним Пушкин писали на этом условном смещанном поэтическом языке и только гораздо поэже,

¹ Этот образ вполне соответствует поэтической доктрине Кошанского: "Самая величайшая похвала Биону есть сравнение с столь многими великими Поэтами" ("Цветы греческой поэзии", стр. 210).

в своих замечаниях на Батюшкова, Пушкин вскрыл всю нелепицу этого, по существу разностильного, классического только по внешности, стиля.

Но в 1815 г. "На Пинде славный Ломоносов" был для него прежде всего "Пиндаром Холмогоров" ("Тень Фон-Визина"), "чувствительный Гораций" объе инялся с Державиным ("Городок"), сам он "питомец важных муз" воображался "в числе воюющих корнетов" ("К Галичу") и т. п.

Обыденщина нарочито смешивалась с высоким классицизмом. Этот стиль mixte менее всего преследовал цель снижения классицизма, он свидетельствовал только о бытовом поэтическом жаргоне. Лицейские стихи Пушкина, как и стихи его современников, до краев переполнены античной номенклатурой даже тогда, когда они вовсе не говорят об античных темах. Характерно в этом отношении послание к В. Л. Пушкину, всё построенное на игре в античность.

Из имен древности, звучащих для лицеиста индивидуальнее, особенно выделяется имя Анакреона. Поэзия греческого мелика и приписанное ему в анакреонтике было известно Пушкину и по французским и русским поэтам, подражателям Анакреона, и по русским переводам. Не только "Анакреонтическая поэзия" (СПб., 1804) Державина и подражания Ломоносова, Гнедича, Жуковского, но и тщательные переводы Анакреона Н. Львовым (1794) и И. Мартыновым (1801) давали возможность и без французского посредничества прикоснуться к интересной для Пушкина-лицеиста тематике, нашедшей столь широкое отражение и в его собственных стихах этой поры и по-новому в годы его зрелости.

Пушкинская анакреонтика лицейских лет касается обычно самых общих мотивов, усвоение которых вполне было возможно и через прозаические русские переводы с греческого. Характерны, например, в стихотворении "Гроб Анакреона" мотивы: я стар, но могу петь и плясать; жизнь быстротечна — будем плясать с Вакхом. Ср. еще в переводе Львова:

Хотел на ней Иракла Я подвиги воспеть, Но лира возглашала Единую любовь

и у Пушкина:

Хочет петь он бога брани, Но поет одну любовь.

Римские поэты, кроме того, доходили к Пушкину-лицеисту и через французские переводы и подражания и через русские (Гораций, Овидий, Катулл, Тибулл).² Но здесь помогали усвоению особенностей ритмики, отдельных образов, эвфонии и школьные изучения оригиналов.

¹ В библиотеке Пущкина впоследствии было издание 1829 г. (№ 5).

² Батюшков вольно переве из Тибулла: З элегии I кн. (1814), элегию из кн. X (1810), псевдотибулловскую элегию II, кн. (1809). Отзывы Пушкина об этих переводах более поэдние (1830), но Пушкин, конечно, знал их еще в Лицее.

Свидетельство самого Пушкина о роли лицейских чтений Горация для Дельвига, пусть в несравненно меньшей мере, но всё же должно быть распространено и на Пушкина, хотя установить, откуда в его творчество попали такие, например, горацианские формулы, как "не весь я предан тленью" или характеристика сельского уединения в горацианском духе (VI сатира II книги в послании к Юдину, 1815), 1 невозможно. Но то что Пушкин твердо запомнил и впоследствии (1833) каламбурно "обыграл" именно фразу "О rus!" ("О деревня!") из той же сатиры, едва ли не свидетельствует в пользу раннего обращения именно к латинскому тексту "Тибурского мудреца". Вероятно, и самый эпизод о "бессмертном трусе" ("Послание В. Л. Пушкину"), известный лицеистам по Плутарху и лекциям Кошанского, уже в то время был читан и по стихам самого Горация в оригинале.

Как бы то ни было, необходимо отметить, что из всех поэтов античности Гораций занимает в течение всей жизни Пушкина первое место по количеству обращений к нему. Не может сравниться с ним даже Овидий, хотя он и имел для Пушкина большее значение. Но большинство обращений к Горацию не свидетельствуют о глубине. Только в двух случаях за всю жизнь Пушкин близко соприкоснулся со стихотворной тканью и образами самих стихов Горация. Это перевод оды к Меценату и перевод оды к Помпею Вару. Сюда же относится и обновление темы оды "К Мельпомене" ("Я памятник..."). Во всех остальных случаях возможно подозревать только чисто внешнее обращение Пушкина к венузийскому лирику — всё это может быть только цитаты (вдобавок, преимущественно первых или близких к началу стихов) Горациевых од, возможно просто сохранившихся в памяти от лицейской учебы, как наиболее четкие и красочные формулы. При этом нельзя не обратить внимания на то, что Пушкин имеет дело преимущественно с I книгой од (пять случаев), со II (тои случая) и с III (два случая). т. е. касался лирики Горация, следующей греческим образцам. IV книга од, с римской тематикой, никак не затронута Пушкиным ни в одном случае. Наконец, раз вспомнил Пушкин II эпод, раз — II книгу сатир, и один раз процитировал фразу из "Посланий".

Ниже (стр. 111) приводится таблица его обращений к Горацию.²

Гуляя по берегам царскосельских озер с Вергилием в руках ("с моим Мароном"), Пушкин, несомненно, пользовался не только переводом, но и латинским подлинником. Экземпляр "Буколик", "Георгик" и "Энеиды" Виргилия в оригинале, в издании 1817 г., с автографом Пушкина сохраняется и по настоящее время. Но, повидимому, и здесь только отдельные латинские поэтические формулы западали в память, тем более, что

 $^{^1}$ Ср. наблюдения Б. Томашевского ("Временник Пушкинской Комиссии", τ . 3, 1937 стр. 218).

² В таблицу не включены упоминания Пушкиным Канидии, Мевия.

Год	1835 1830 1830 1824 1825 1835 1835 1835 1835 1835 1835 1835 183	1821	1825	182 2 1830
Произведение	Парей потомков, Меценат а) Письмо Вяземскому б) Послание к Давыдову Черновик послания к Вельможе Мои замечания об русском театре 19 октября а) Послание В. А. Пушкнну б) Кто из богов мне возвратил Путешествие в Арэрум Цисьмо к Катенину (Путешествие в Арэрум Цезарь путешествовал в) Евгений Онегин б) Я паматник	Письмо к А. Тургеневу	Евгения Онегин	Пасьмо к П. Катенину Об А. Мюссе
Характер обращения	Перевод а) Упоминание б) Пересказ Цитата-эпиграф (сагре diem) Питата Эпиграф а) Ссылка б) Перевод Цитата Цитата Цитата раттія mori) а) Цитата б) Кспользование	Цигата (Beatus qui procul)	Цитата-эпиграф (О rus, ст. 60)	(a) Harara (non erat his locus, cr. 19) (6) Kommentapnä (difficile est proprie communia dicere, cr. 128)
Сочивения Горация	Karfa oa Karfa oa I (Maecenas atavis) " I " XI (Tu ne quaesieris) " I " XXVI (O matre pulchra) " I " XXVII (Nunc est bibendum) " II " VII (O saepe mecum) " II " IX (Non semper imbres) " II " XIV (Eheu fugaces, Postume) " III " XXX (Exegi monumentum)	Книга эподов Эпод II (Beatus ille qui procul negotiis)	Книга сатир Кн. II Сатира VI (Hoc erat in votis)	Послания Кн. И Послание III (De arte poetica)

Пушкин не хотел следовать совету Батюшкова — "простясь с Анакреоном", петь войну и спешить за Мароном.

Нет необходимости останавливаться подробно на роли французских посредников между Пушкиным и античностью. Конечно, Пушкин— "француз" мог, как это свидетельствует его сестра, читать Гомера, в переводе Битобе, еще до Лицея. Конечно, французских поэтов, оперировавших античной номенклатурой, он читал до Лицея и в Лицее. Всё это давно выяснено, но вместе с тем и сильно переакцентировано от Анненкова до Л. Майкова. Пусть ритмическое своеобразие, жанры кантаты, эпиграммы и пр. могли у Пушкина-лицеиста восходить к французским поэтам с их порой антологической образной внешностью. Но — подчеркнем еще раз—с мифологией Пушкин мог быть впервые и детально знаком и без них, по одним русским источникам, учебникам, переводам, подражаниям. В смысле овладения античностью, как миросозерцанием, как эстетической школой, Парни, Башомон, Лафонтен, Бертен давали Пушкину меньше всего, и не им обязан он своими представлениями о древнем мире.

Среди французских поэтов, читавшихся Пушкиным в лицейские годы, только Грессе да Парни имеют с Пушкиным точки соприкосновения в вопросе об отношении к античности. Но, например, с Грессетом Пушкина могла сближать здесь всего лишь внешняя манера своеобразного жонглирования мифологической номенклатурой. В "Chartreuse" Грессе пересыпает стихи упоминаниями Пинда, Терпсихоры, Гермеса, Олимпа, Аполлона, Пегаса, Вакха, Помоны, Парок, смехов (les Rires), но нет и речи о вдумывания в сущность мифологических образов.

Строки Грессе (приводимые и Ла Гарпом) об Овидии Пушкин цитировал и в 30-х годах лишь затем, чтобы с ним не согласиться. Грессетовские характеристики античных поэтов беглы и поверхностны и не схожи с пушкинскими:

Je vois sortir l'ombre volage D'Anacréon ce tendre sage, Le Nestor du galant rivage... Horace l'ami du bon sens, Philosophe sans verbiage, Et poète sans fade encens.¹

Только манера упоминаний древних писателей, на ряду с новыми, при перечислении книг библиотеки пленила на миг Батюшкова ("Мои пенаты") и Пушкина ("Городок"):

¹ По экземпляру сочинений Грессе в библиотеке Пушкина, т. 1, стр. 63. Перевод: "Я виж, как возникает легкая тень Анакреона, этого нежного мудреца, Нестора любовной страны... Гораций, друг здравого разума, философ без болтовни, поэт без приторного каждения".

Je vois Saint-Réal et Montagne Entre Sénèque et Lu ien; Saint-Evrémont les accompagne.¹

Но всё это только черты стиля эпохи "французского классици зма", а не влияния индивидуальных французских поэтов. Античность здесь не при чем.

Известно, что Оссиана Пушкин читал по переводам Кострова, а не по переводам Летурнера. Поэты Эллады приходили сначала из переводов Кошанского, Львова, Мартынова. Понимание античности воспитывалось на подражаниях Державина и Батюшкова.

Все имеющиеся сближения пушкинской лицейской лирики с Парни также меньще всего касаются сферы античности. Древний мир дается у Парни вдумчивее и конкретнее, чем у Грессе, но всё же настолько по внешнему, не затрагивая сущности античного мировоззрения, что нет ни одного стихотворения Парни, о котором можно было бы утверждать, что у него, через него лицеист Пушкин воспринял какойлибо античный миф или даже отдельный образ. Так, например, пушкинскую "Леду" акад. Л. Н. Майков в свое время сближал с "Ледой" Парни. 2 Но даже те строфы, которые он приводил (опуская несхожие), слишком общи по сходству. Пейзаж, Леда и Лебедь, улыбка, стон всё это любой поэт мог вычитать из самого мифа, увидеть, угадать по любой картине. У Пушкина индивидуальны размер (смена ритмов), подробное описание лебедя, Леды, данной как "нимфа лесов", и описание разоблачения Зевеса, узнанного в лебеде, наконец, морализующая концовка. Античный мотив разработан здесь, как и в других случаях, мимо Парни. Точно так же и в стихотворениях "К живописцу" и "Фиал Анакреона" антологический колорит может быть связан не только с Парни, но и с стихотворением Анакреонта, известным Пушкину в русском переводе. З Увлечение Пушкина Парни вообще ничего не решает в вопросе об античности у Пушкина. Наоборот, правильно замечание Майкова по поводу сопоставления "Фавна и пастушки" с "Les Déguisements de Vénus": "в последнем нет ничего греческого, кроме имен: понимание античной красоты было совершенно чуждо Парни" (стр. 242). Даже наиболее антологический цика стихотворений Парни "Переодевания Венеры", объединенный именем пастуха Миртиса, цикл, к которому Пушкин был в разное время более внимателен ("Торжество Вакха", "Про-

¹ Перевод: "Вижу Сен-Реаля и Монтеня между Сенекой и Лукианом; Сент-Эвремон сопровождает их".

 $^{^2}$ "Сочинения Пушкина", т. I, изд. Академии Наук, 1900, Примечания, стр. 42-45.

³ Ср. там же, стр. 182—184, 251 и сл. Стихотворение "К живописцу" представляет несомненное сходство с № 28 из "Анакреонтен". "Физл Анакреона" Л. Н. Майков сопоставляет с №№ 3 и 10 перевода Львова (№№ 31 и 10 в "Anthologia lyrica", изд. Hiller-Crusius).

зерпина"), дает условно жеманную Грецию, без всяких попыток проникновения в ее индивидуальный колорит, быт, мировозэрение. Миртис, гоняющийся за Прозерпиной, Венерой, Дианой, вакханкой, наядой; поцелуи, наслаждения, античная номенклатура — вот всё, что говорило эдесь об античности.

В таком же положении находится и связь Пушкина с другими французскими поэтами. "Амур и Гименей" сопоставлялся с Башомоном и баснею Лафонтена — случай, ничего не дающий для нашего вопроса. Наоборот, пушкинское "Торжество Вакха" (1817), как это доказано А. И. Малеиным, обнаруживает "замечательное знание деталей Вакхова культа", восходящее отнюдь не к французской поэзии.

А. Майков высказал предположение, что здесь источником были лекции Кошанского. Малеин по этому поводу заметил: "Справедливость этого замечания можно легко подтвердить тем, что в руководстве по классическим древностям Эшенбурга, которым пользовался Кошанский при своем преподавании в Лицее и которое он впоследствии перевел, в главе о Вакхе в можно найти вкратце все данные, составившие содержание стихотворения Пушкина". Кошанский также "мог показывать своим ученикам и античные изображения вакхических шествий по изданию Монфокона, на которое ссылается Эшенбург". Как показали Майков и Малеин, пушкинское "Торжество Вакха" основано и на материалах непосредственно латинской литературы (Овидий, "Искусство любить", кн. I, ст. 541 сл. и 64 эпиллий Катулла, ст. 251—264).4

Могут быть отмечены черты сходства части "Торжества Вакха" — стихотворения, несомненно восходящего к разнороднейшим материалам, — и с фюжитивной французской поэзией, но в ней это только боковые эпизоды, восходящие к тем же античным описаниям, но не имеющие, например, пленивших Пушкина (как и Батюшкова) античных восклицаний — Эван, эвое!

Наиболее близким к Пушкину, как мне кажется (и может быть это единственный случай несомненно французского посредничества), является начало XVII элегии Бертена ("La Vendange" — "Сбор винограда"), начинающееся аналогичными риторическими вопросами-восклицаниями:

Quels cris dans les airs retentissent! Quels chants sur ces coteaux d'un ciel ardent brûlés? Déjà, le thyrse en main, s'unissent

 $^{^1}$ Пушкин, "Собрание сочинений", т. І, под редакцией С. А. Венгерова, 1907, стр. 394 и сл.

 $^{^2}$ Т. II, СПб., 1817, стр. 54—57. — Вторая часть вышла в 1817 г., следовательно, переведена была значительно раньше, т. е. в стихотворении 1817 г. Пушкин мог уже быть знакомым с ее данными. $\mathcal{A}$. Я.

³ Ср. также Met., IV, 11—29.

⁴ Здесь Вакх дается в окружении Сатиров и Силенов, Вакханки с к риками "Эвой! Эвой!" с тирсами, тимпанами, с "ужасными напевами".

Les Faunes aux Sylvains mêlés:
Les fougueux Égipans bondissent,
Et sous leurs pas au loin gémissent
La terre et les bois ébranlés.
Le front chargé des fruits d'une heureuse vendange,
La bouche teinte encor des raisins qu'il a bus,
Et penché sur son char, le dieu vainqueur du Gange
Du plus riche des mois nous verse les tributs.¹

Позже Пушкин познакомился с обработкою сюжета о Вакке и его шествии у Шенье, но в лицейский период это знакомство еще не состоялось.

Однако важнее, чем эти достаточно общие черты, что образ батюшковой "Вакханки" (написана не поэднее февраля 1815 г.),² сказался своей пластичностью и высокой экспрессивностью на пушкинском описании бега вакханок в финальной части "Торжества Вакха":

У Батюшкова:

... она упала

И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас
И по роще раздавались
Эвое! и неги глас!

У Пушкина:

Но воет берег отдаленный. Власы раскинув по плечам, Венчанны гроздьем, обнаженны, Бегут вакханки по горам. Промчалися...

Махая тирсами...

...их вопли раздаются, И гул им вторит по лесам: Эван, эвоэ!

и т. д.

Любопытно, что Батюшков, переводя в своей "Вакханке" IX картину "Переодеваний Венеры" Парни, дал для Пушкина больше, чем французский прецедент (Парни), у которого вовсе отсутствует (как и у Бертена, упоминающего только "крики" и "песни") эвуковая картина (вопли, вой, стоны, возгласы "Эвое!"), как раз и прельстившая Пушкина и насквозь пронизывающая его образ ("ужасные голоса",

¹ Перевод: "Что за клики раздаются в воздухе! Что за пенье слышится на склонах, палимых жгучим небом? Уже с тирсом в руках собираются фавны вперемешку с Сильванами: буйные Египаны пляшут, и под их стопами далеко сотрясается земля и поколебавшиеся леса. С челом, нагруженным виноградом урожая, с устами, еще окрашенными выпитым виноградным соком, наклонясь на колесницу, бог победитель Ганга льет нам приношения богатейшего месяца".

² К. Н. Батюшков, "Сочинения", ред. Д. Д. Благого, "A cademia", 1934, стр. 500—501.

"вопли", "гул", "вой", "гремят"). Пушкин с удивительной проницательностью подхватил эту характерную для древних поэтов, отсутствующую у их французских подражателей и только отмеченную Батюшковым, звукопись греческого оргиастического культа.

У Овидия, как и Катулла, вакханки именно вопят и кричат "Эвоэ" (exululatque, evoeque sonat 1), быют в тимпаны и завывают, "ingens clamor, Bacchei ululatus".2

Характерно, что впоследствии сам Пушкин по поводу "Вакханки" Батюшкова заметил: "Подражание Парни, но лучше подлинника, живее". И— тем самым осудив свой собственный опыт — усумнился по поводу слова "Эвоэ!": "Может быть слишком громкое слово". Пушкин хорошо знал Парни и в Лицее, но, очевидно, в вопросе восприятия античности Батюшков и тогда был уже для него "лучше" и "живее".

Несомненно уже в лицейские времена батюшковские антологические стихи и особенно переводы из Тибулла уводили поэтическую настроенность Пушкина к страстной выразительности стиля, к пластике подлинных античных образов, к колориту бытовых деталей древности.

Само собою разумеется, что при учете французского посредничества в осврении Пушкиным-лицеистом античности, рядом с французскими и русскими поэтами необходимо также учитывать и чтение Пушкиным его французских авторитетов по истории литературы — Вольтера, Лагарпа, Буало — представителей, с энтузиазмом относившихся к древности в XVII и XVIII вв. Так, многое в Вергилии воспринималось через Вольтера и Ла Гарпа. В "Лицее" Ла Гарпа давались очерки о Гомере и греческих трагиках, об Овидии, Горации, Катулле, Проперции, Тибулле, Ювенале, Персии, Петронии. Как известно, Пущин перевел отсюда "Об эпиграмме и надписи древних", где стихотворные примеры даны были в переводах Дмитриева, Илличевского и Пушкина.

Впрочем, нет основания полагать ни в коем случае, что и это посредничество было решающим.

Говоря о лицейской поре, нельзя миновать и еще одного круга повседневных реальных впечатлений Пушкина, настойчиво обращавших его внимание к древней мифологии. Эго — окружение Царского Седа, значение которого в этом смысле еще не учтено до сих пор.

Царское Село широко встречало лицеистов образами древнего мира, конкретными воплещениями книжной мифологии в пластическом искусстве. Царское Село, конечно, было живой школой мифологии, всякий день окружавшей лицеистов: бюсты и статуи садов, дворцов,

¹ Met., VI, 597. Перевод: "Завывает и восклицает — Эвоэ". Ср. также Met., III, 528: festisque fremunt ululatibus agri" ("Поля оглашаются праздничными криками") и 535.

² Met., XI, 15—17. Перевод: "громкий крик, вакхические вопли".

³ Ср. М. М. Покровский. "Пушкин и античность". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 4—5, 1939, стр. 28—36.

лестниц, галереи, всё, даже в условности своей, говорило на каждом шагу о древнем мире и создавало трудно представимую сейчас во всей полноте атмосферу домашности и привычности по отношению к его образам. Беллона, Минерва — были привычные лики, глядевшие на лицеиста не только со страниц книг, но и с перекрестков аллей, с "антиков", расставленных между кленами, дубами и липами, где происходили ежедневные прогулки из года в год. Даже на потолках, на сводах дворца и самой церкви, где ангелы были больше подобны купидонам, теснились мифологические существа, с арок и наоконников глядели лепные маски. Кариатиды поддерживали Растреллиев дворец: мраморные девушки в шлемах, работы итальянских мастеров, стояли у колонн. Геркулес с палицей и Флора с венком возвышались близ озера. Даже со стен частных домов царскосельских "обществ" (Теппера и др.), где бывал юноша Пушкин с друзьями, их, прежде всего, встречали барельефы, перекликающиеся с ампирной архитектурой Царского Села. Над подъездом директора Лицея на лире сидела Минервина сова.

Под сенью мирною Минервиной эгиды

- писал Пушкин и пояснял: "Т. е. в школе".

Даже объясняясь с крепостной девушкой, лицеист говорил о Купидонах, Зефирах, Катонах, Амурах. Даже "святая богородица" привычною ассоциацией связывалась в речевых образах с "древней Афродитою", а имя Христа с "верным Купидоном". Этот условный язых получил особое значение щеголеватой саизегіе в обращениях к друзьям "пиитам" (ср. "Батюшкову", "Мое завещание", "К С. Л. Пушкину").

Никто не пытался до сих пор обратить внимание на состав скульптурных изображений, находившихся в Царском Селе в лицейские годы Пушкина. Между тем можно отметить, что некоторые определенные статуи сохранились там до наших дней с времен Екатерины; другие, известные нам только по названиям, заведомо были известны Пушкину. В связи с античными образами, в разные времена интересовавшими Пушкина, отмечу, что в Царском Селе лицеистам были известны скульптурные группы "Дафна и Аполлон", "Меркурий", "Плутон и Прозерпина", "Бахус на бочке", что еще с 1787 г. стояла там статуя "Нибы с дочерью" (Ниобы с младшей дочерью, копия с известной группы Ниобы Медичи), имелись изображения "Мальчика на дельфине" и "Гермафродита" 2 (вероятно дворца Фарнезе). 3

Особый интерес для лицеистов представляла, конечно, Камеронова галерея с ее мраморными статуями и бюстами, изображавшими богов

¹ Ср. Яковкин. "История села Царского", т. III, 1829, стр. 40-43.

² Tam жe, crp. 294—296, №№ 1, 36, 51.

³ При Пушкине заведомо были стоящие и до наших дней у Екатерининского дворца 4 итальянские статуи: Virtu, Iole, Libica (Сивилла), Clori; в 1754 г. были установлены статуи Аполлона, Марса, Амфитриты, Сивиллы Персидской, Давида. Ср. А. Бенуа. "Царское Село" (1711—1762), 1910, прим. 329 и 326.

и героев. Можно думать, что в "Воспоминаниях в Царском Селе" в стихах:

А там, в безмольни, огромные чертоги, На своды опершись, несутся к облакам. Не здесь ли мирны дни вели земные боги? Не се-ль Минервы росской храм?

Пушкин имел в виду не столько самый Екатерининский дворец (обычное толкование комментаторов), сколько именно Камеронову галерею, или, как эвали ее лицеисты, "колоннаду".

Сопоставление старых материалов с сохранившимся составом бюстов галереи позволяет установить, что в галерее находились, между прочим, изображения: Дицерона, Ю. Цезаря, Горация, Овидия, Сократа, Сенеки, Катона, Сапфо, Гиппократа, Александра Македонского, Антиноя, Фесписа и др.

Таким образом все эти имена были связаны для лицеистов и с конкретными изобразительными ассоциациями. Бронзовый бюст носатого человека с надписью "Nason"— это и был Назон, которого "Эрот и грации венчали". Среди бюстов единственный изображал не человека древнего мира, но и он был тот, кто именовался "Пиндаром Холмогора".

Боги и полубоги, о которых Кошанский говорил на порой скучноватых "лекциях", толпились вокруг и служили предметами восхищений, а порой и шуток.

К нагому броизовому Гераклу (копия из собрания Фарнезе), стоявшему у входа на великолепную лестницу "колоннады", лицеисты запросто обращались с эпиграммой, записанной от имени Кюхельбекера рукою Пушкина в лицейском журнале "Жертва Мому, или Лицейская Антология" (1814)— "Виля Геркулесу, посвящая ему старые свои штаны":

Алкид штанами пусть владеет Когда других он не имеет. Сей бог туда войдет с ногами, с головой и т. д.²

В "Воспоминаниях в Царском Селе 1829 г.", вспоминая Лицей и его сады, Пушкин особо отметил их населенность "кумирами богов" и вряд ли можно сомневаться в том, что еще поэже в стихотворении "В начале жизни школу помню я" творчески отражены воспоминания именно садов Лицея, впервые давшие Пушкину зрительные олицетворения античного мира и подсказавшие ему передачу жуткого очарования античной скульптуры:

¹ Ср. Яковкин, цит. еоч., стр. 301.

² Сб. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 471.

Аюбил я светлых вод и листьев шум, И белые в тени дерев кумиры, И в ликах их печать недвижных дум. Всё — мраморные циркули и лиры, Мечи и свитки в мраморных руках, На главах лавры, на плечах порфиры — Всё наводило сладкий некий страх Мне на сердце; и слезы вдохновенья, При виде их, рождались на глазах.

Может быть младой лик Дельфийского идола и "другой женообразный, сладострастный", явились гораздо позже и в иных встречах, но стихотворение, лучше чем какое-либо другое, помогает уяснить и значение лицейских впечатлений Пушкина для его прикосновения к познанию подлинной античной эстетики сквозь внешнюю мишуру классицизма.

В этой связи необходимо упомянуть и еще об одном вопросе о возможности воздействия на Пушкина-лицеиста других изобразительных искусств. Несомненно, в какой-то мере, не только скульптура, но и живопись на темы древнего мира иногда играла свою роль в восприятии античности. Картины дворца и рисунки книг, бывшие перед глазами лицеистов, однако, слишком плохо могут быть ∨чтены, но с этой точки врения был бы интересен анализ полотен Рубенса, Буше, Фрагонара в связи с образами лицейских стихов Пушкина. Отмечу, что сохранились документальные сведения (с датой 10 июля 1824 г.) о необходимости ремонта следующих "сюжетов" Екатерининского дворца в период с 6 марта 1825 г. по 31 августа 1826 г., т. е., конечно, находившихся там и ранее — во время пребывания Пушкина в Лицее: "Аврора, сопровождаемая утренними часами и Зефиром, Диана с Нимфами и гением, замечающая Эндимиона, Зефир и Флора. По углам группы: 1. Похищение Ганимеда, 2. Борей и Кефал, 3. Геба и Меркурий, 4. Похищение Европы".1

Впрочем, как я отметил, для Пушкина-лицеиста пока скорее можно фиксировать воздействие слуховых образов, едва ли не в большей мере, чем зрительных. Крайне любопытно (как это уже бегло отмечалось), что образов, данных на языке красок, лицейская анакреонтика почти не знает. Все божества, все атрибуты называются, действуют, говорят, звучат, но почти никогда не описываются в цветовой их образности. Кажется, единственным исключением является нагнетательно упорный эпитет "черные" в применении к волосам Вакха.

¹ А. Бенуа. "Царское Село", 1910, Приложения, стр. 45. Ср. также описание античных сюжетов на плафонах Екатерининского дворца (там же, текет, стр. 102 и сл.)

Ср.: в "Блаженстве" (1814) у Эрмиева сына— "плющ на черных волосах"; в "Монахе" (1813) у Вакха— "плющ на черных волосах"; в "Торжестве Вакха" (1816?) у Вакха— "в чернокудрявых волосах".

Среди рисунков самого Пушкина вообще, и в частности лицейских, античные мотивы занимают совершенно ничтожное место (Гермес, герма). Происхождение одного из них, находящегося среди черновиков 4-й песни "Руслана и Людмилы" и, следовательно, относящегося уже к послелицейскому времени (январь 1818 г.), как мне кажется, тоже является графическим дополнением словесного текста, а не востроизведением рисунка. Это — фигуры плавающих тритонов, трубящих в изогнутые рога или раковины. Всего вероятнее, думаю, видеть здесь воспоминание о следующих стихах из "Похищения Европы" Мосха, переведенных Н. Ф. Кошанским: 3

Ныряют вкруг его пучинные тритоны, Играющий в морях бесчисленный народ, И трубят на рогах согбенных брачный ход.

Этим припоминанием, видимо, и должно объяснять то, что непосредственно подле Пушкин несколько раз воспроизвел и автограф своего лицейского наставника ("Н. Кошанский").4

Не переобременяя себя школьной латынью ("ты не под кафедрой сидишь, латынью усыпленный", "в латынщину вперяя разум свой") и вовсе не зная языка греческого, Пушкин тем не менее, как мы видели, через дебри обязательных изучений, а иногда и помимо них, мог соприкасаться с красотами античных поэтов, понимая их как поэт, и рос на них как поэт. Естественно, что с лицейских лет античность касалась Пушкина почти исключительно грациозно-шаловливой своей стороной, а не героической (ср. "Монах", песнь II), хотя Кошанский и Георгиевский и старались извлечь из нее уроки гражданственности для вверенной их нопечению молодежи, морализуя по поводу образцов "великих мужей" Плутарха и Непота.

Трудно сказать, откуда в стихи лицеиста спускались сонмы больших и малых божеств — амуров, купидонов, фавнов, сатиров, силенов, нимф. Они резвились, купались и порхали на дворцовых плафонах, улыбались как мраморные "кумиры" садов, глядели с гобеленов и полотен, гнездились в книгах французского и русского классицизма, наконец, оживали под сенью российского феатра. Сказать, где узнан был впервые

¹ Тетрадь № 2370, л. 2.

² См. воспроизведение в книге "Рисунки поэта" ("Academia", 1933, стр. 37); комментарий (стр. 192) трактует их здесь как "акторские фигуры", как "одно из лишних докавательств влияния балетных постановок".

^{3 &}quot;Цветы греческой повяни", стр. 320.

^{*} K тому же кругу представлений относятся и рядом находящиеся пифры и нееколько ниже — профиль Кюхельбекера.

сюжет Леды — через статую, картину Леонардо, Корреджио или Теолона, миниатюру Буатарда, или кого-либо другого, или непосредственно из литературно-книжных источников (античных или французских), невозможно, и гадать об этом нецелесообразно. Можно лишь учитывать тот материал, который заведомо был перед глазами. Самые собственные имена в ранней "античной" лирике Пушкина беспредметны и, видимо, лишены конкретных ассоциаций; Арист, Клит, Климена, Хлоя, Дорида — не скрывают за собою индивидуальностей древнего мира. Имя Дамона называл Кошанский, упоминал Дельвиг, встречалось оно у французских поэтов — его, как и другие, можно было вводить для придания примитивно-античного колорита. Это только — античные маски, только замены русских синонимов. Парнас и Лета, Геликон и Елизиум — только сигналы стиля, дишь обязательный язык, взамен еще не найденного собственного, одни декорации, на фоне которых начинает, однако, малопомалу разыгрываться собственное действие. Всякий жанр также имел свои атрибуты, свои приметы. В элегии были естественны упоминания Зефиров, 1 Парок, Ахерона, Леты; в оде как и в XVIII в. оставались обязательными Беллона, Марс, Минерва; в идиллии — сатиры, купидоны, Дорида, Хлоя, Зефир; в эпиграмме — Клит, Арист; в посланиях: Арист, Аристарх, Вакх, Эпикур, Пинд, Иппокрена, имена поэтов, с нарочитой щеголеватостью (Назон, не Овидий; Марон, не Вергилий; Флакк, не Гораций), Тииский певец (Анакреонт), парнасские цветы и т. п.; в сатире были естественны имена Ювенала и Петрония. Купидон изображался в виде птицы; не знающий любви именовался Катоном; эпитеты были не оригинальны, традиционны: богиня слепая (Фортуна), Парка старая, Эрот проказливый. Пушкин-лицеист воспроизводит механически всю эту обязательную номенклатуру, мало задумываясь над ней: Фебовы жрецы (поэты); дети пафосские (амуры), чада Белонны (воины) и т. п. Очень редко образ несколько остраняется, например: "Фебовы сестрицы" ("Послание Галичу"); "Наморщенный Харон" ("Тень Фон-Визина"), или свидетельствует о применении знаний конкретного культа, например: "Излей пред Янусом священну мира чащу" ("На возвращение Александра І").

В стихах 1815—1817 гг. свое особое место занимают также воспроизведения античного анекдота, античной новеллы, античного мифологического сюжета ("Амур и Гименей", "Истина", "Фиал Анакреона"), подготовивших позднейшие произведения Пушкина аналогичного жанра ("Художник и сапожник", "Аквилон"). Рядом с игрой мифологическими именами характерна в эту эпоху для Пушкина манера вместо нейтраль-

¹ Пушкин почти одновременно употребляет форму Зефир и Зефир. Вторая, более привычная в русской литературе, постепенно вытесняет первую. Как и большинство поэтов этого стиля Пушкин в эту пору безразлично и одновременно употребляет как греческие, так и латинские имена (Афродита—Киприда—Венера, Меркурий—Эрмий, Батус—Вакх—Либер и т. д.).

ных общих определений ("несравненный Виргилий", "мой Марон") давать беглые характеристики античных деятелей, в первую очередь поэтов. При этом последние сплошь и рядом еще раскрываются для него лишь своими общими поверхностными признаками: "Презрев Платоновы химеры", "мудрый друг вина Катон", "скучный раб Эпафродита" — Эпиктет, "добрый Сократ", "злой циник" — Диоген ("Послание Лиде"), "резвый наш Анакреон", "гроб Анакреона", "пускай любовь Овидии поют" ("Сон").

Необходимо отметить и не частые, но значительные случаи, когда мифологические понятия конкретизируются им, реализуются в ощутимые живописные образы, не просто: Клофо, Флора, Помона, а и: "толстый Ком с надутыми щеками", "душевных мук волшебный исцелитель, мой друг Морфей, мой давний утешитель" ("Сон").

Может быть отсюда, по аналогии с античной манерой, возникают и руссифицированные олицетворения в том же стихотворении:

Стуча, гремя колосами златыми, Катится Спесь под окнами моими.. На скучный бал Рассеянье летит... Приди, о Лень! приди в мою пустыню И в поздний час ужасный бледный Страх.

Однако в Лицее уже Пушкин ярко и оригинально прорывается к глубокому пониманию ряда реальных явлений античности, а не только ее условной, или живописной мифологической стороны.

Послание "К Лицинию" (1815) исключительно по зрелости своей мысли и силе формы. Оно — не только высшее достижение лицейских лет в этом жанре, но и во всей эволюции отношений Пушкина к античности занимает выдающееся место.

Задача Пушкина — нарисовать картину древнего Рима, придав ей смысл политической сатиры, обратимой и на собственную современность. Бичующее обличение низкопоклонства перед патрицием дает формулу

Смотри, как ликторы народ несчастный гонят, ^{1}

за которой ощущаются какие-то реальные впечатления едва ли не окружающей русской действительности. Это — зародыш позднейшей пушкинской формулы:

И чтоб не потеснить гуляющих господ Пускать не велено сюда простой народ!

Гражданская патетика этого послания, всё равно, продиктована ли она литературными воздействиями, или самобытна, выражена с поразительной энергией, предвещающей декабристскую гражданскую лирику.

¹ Первоначально: "Как ликторов полки народ несчастный гонят". — Ср. работу над стихотворением в "Летописи Государственного литературного музея", кн. 1, 1936, стр. 53, 71—72.

скрывавшуюся в античной оболочке. Недаром сам Пушкин и позже ценил свое обращение "К Лицинию", ставя его во главе посланий и вообще своих стихотворений. Обличения угодничества ("все ниц пред идолом"), продажности ("где всё на откупе: законы, правота") противопоставлены былой славе вольного народа. Изнеженность развратного Рима сопоставлена с суровой простотой его былой демократии. Все эти темы, и позже волновавшие Пушкина как русского поэта, впервые поставлены им на античном материале:

Я сердцем Римлянин; кипит в груди свобода; Во мне не дремлет дух великого народа,

и самый город впервые, с замечательной силой, именно в античном обличии, противопоставлен деревне:

В деревню принесем отеческие лары.

В стихотворении "К Лицинию" Пушкин впервые показал, что в благополучной античности он уже мальчиком различал и гул "народного волненья"; за идиллической жизнью пастухов чувствовал и реальных людей — рабов. Центральный нерв античности, основная причина гибели Рима, нащупана им верно и четко сформулирована в словах концовки:

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.

Это философски-политическое объяснение смены исторических формаций, вероятно, подсказано Пушкину литературой об античности или передовыми лицейскими профессорами.

Мне представляется, что всего скорее эта концепция сформировалась у Пушкина под влиянием идей Монтескье. В книге последнего "Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadance" главы III и IX ("Deux causes de la perte de Rome") посвящены в особенности анализу причин возвышения и падения Рима. Любопытно, что во введении к изданию книги 1814 г. (из 5 тома "Энциклопедии" Даламбера) те же мысли сформулированы с большой четкостью, не оставляя сомнения, что именно отсюда усвоил их молодой Пушкин.

Ha стр. VI находим: Il trouve les causes de la grandeur des Romains dans l'amour de la liberté, du travail et de patrie, qu'on leur inspirait dès l'enfance.

Ha стр. VII среди причин упадка Рима указаны: dans les proscriptions de Sylla, qui avilirent l'esprit de la nation et la préparèrent à l'esclavage". 2

¹ Идея гибели республики от восстаний рабов отчасти проводится и у популярного у нас в эти годы Гиббона в его "Истории упадка и разрушения Римской империи", ч. 1, гл. 2, и у Робертсона.

² Перевод: "Он находит причины величия римлян в любви к свободе, к труду и к отечеству, внушавшейся им с детства". "В проскрипциях Суллы, унизивших дух народа и подготовивших его к рабству".

Для нас важно, что шестнадцатилетний Пушкин уже понял эту концепцию, придал ей доминирующее значение и нашел исключительную по поэтической четкости формулировку. Важно и то, что, понимая античность столь углубленно, он пользовался этим пониманием для интерпретации собственной действительности уже в эти годы.

Рядом с Мароном и Назоном — как символами поэзии прекрасного — он безошибочно назвал уже в это время и два других имени древнего мира, связанных с полятической сатирой:

Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом.1

Нет нужды знать, наполнялись ли эти имена уже в это время для Пушкина конкретным содержанием. Важно, что как символы определенных настроений они уже существовали для него и именовались им.

Стихотворение "К Лицинию" должно было звучать и читаться в передовых кругах русской общественности как направленное и на русскую действительность, предвосхищающее позднейшие декабристские апелляции к "потомству". Пушкин узнал и первый в русской поэзии художественно олицетворил это новое звучание античности. Недаром он напечатал послание с вымышленным подзаголовком "С латинского" и первоначально озаглавил его "Лициниусу".2

Так, латынь повернулась к Пушкину новой стороной уже в Лицее. Ведь и "К Временщику" (1820) Рылеева укрывало обличительные тирады по адресу Аракчеева за аналогичным заголовком: "Подражание Персиевой сатире к Рубеллию". Ведь и позже свое стихотворение "На выздоровление Лукулла" (1835) Пушкин назвал "Подражание латинскому".

В сущности говоря, "К Лицинно" готовит на десятилетие раньше и пафос рылеевского "Гражданина" (1824—1825), делающего и новый вывод о необходимости

. . . . борьбы За угнетенную свободу человека;

призывающего к поискам "свободных прав", в "бурном мятеже", восставшего народа; зовущего от "праздной неги" к образам Брута и Риеги.

Возможно, что помимо "Петрона и Ювенала" политическо-сатирическая функция античного материала подсказывалась также высокой трагедией французов, культивировавшей именно эту функцию и этим поэже привлекавшей внимание декабристов-поэтов.

Римский колорит "К Лицинию" близок гражданской декламации "Горациев" Корнеля (акт IV, сцена 5) или его же парным рифмованным

¹ Именно так печатался этот стих впервые в "Российском Музеуме" (1815). Ср. в послании того же года "К Батюшкову": Иль вдохновенный Ювеналом, Вооружась сатиры жалом, Подчас прими ее свисток, Рази, осмеивай порок. Шутя показывай смешное И, если можно, нас исправь", а также в 1817 г.: "и с гневной музой Ювенала глухого варварства начала Сатирой грозной осмеять" ("Послание г В. Л. Пушкину").

² В рукописном автографе подзаголовок отсутствовал.

стихам в "Цинне" — трагедии о заговорщике против Августа, например акт I, сцена 2:

"Avec la liberté Rome s'en va renaître.

Et nous mériterons le nom de vrais Romains".1

Это новое значение античности в Лицее мелькнуло для Пушкина эпизодически, но как органическая черта, прочно вошедшая в его позднейшее творческое сознание. На следующих стадиях она окрепла и осталась приметой античного материала до конца жизни Пушкина.

В этой же системе дана характеристика Чаадаева ("Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, У нас..."), построенная на противопоставлении "оков службы царской", низменного "здесь" гражданскогероическим образам древности.

Надпись Пушкина внешне восходит к дмитриевской надписи к портрету Карамзина:

В Аркадии он был бы пастушком,

В Афинах Демосфеном,

но крайне характерно, что из нейтрально антологической сферы Пушкин перенес смысл своей надписи в сферу гражданственно античную.

Постепенно и важное для декабристов имя Тацита получает у Пушкина свое звучание. Ср. в эпиграмме "На Каченовского" ("Наш Тацит,—т. е. Карамзин, — на тебя захочет ли взглянуть?"). По отдельным использованиям гражданских античных образов Пушкин начинает приближаться к декабристской терминологии. Таково сближение Нерона и Тита в стихотворении "Се самый Дельвиг тот" (1820) как двух типов монарха: неограниченного и развращенного и просвещенного и благодетельного. В этой эпиграмме, вероятно, заключался намек на русского монарха.²

II

В годы, непосредственно следующие за Лицеем (с июня 1817 г. по 1819 г. включительно), в произведениях Пушкина замечается убыль античных мотивов и античной терминологии. Ничего значительно нового, равного "Лицинию" и "Торжеству Вакха", в этой сфере за этот период не создано. Ср. в 1818 г. "Другу от друга", "Юрьеву". Впрочем, последние строки этого послания предвещают скульптурную пластику и выразительную живость позднейших античных образов Пушкина:

Украдкой Нимфа молодая, Сама себя не понимая, На Фавна иногда глядит.

 $^{^1}$ Перевод: "С свободой Рим возродится и мы будем достойны имени истинных римлян".

² О связи с оперой Метастазио, переведенной Я. Княжниным под заглавием "Титово милосердие" (1790), см. ,А. А. Дельвиг, "Полное собрание стихотворений". Ред. и примеч. Б. Томашевского, 1934, стр 512—513, и статью М. А. Цявловского "Пушкин о цареубийстве" в журнале "Огонек", 13 мая 1926 г., № 21 (165), стр. 14 (здесь предложено толкование: Тит — Александр I; Нерон — Аракчеев).

В 1819 г. стансы Елизавете, Толстому, послания Энгельгардту и Щербинину оперируют мифологическими клише, не прорываясь сквозь границы лицейского классицизма. Беллона и Киприда здесь всё те же обязательные приметы стиля, что и Цитера и Клио в "Вольности", не больше. Скорее, лишенное этих внешних атрибутов античности стихотворение "Домовому" производит впечатление навеянности античным жанром, типа обращений Тибулла и других римских поэтов к "стражу садов" Приапу (hortorum custos, Тибулл I, 1, 17 и др.), мирных просьб Тибуллова селянина к ларам (Тибулл I, 1, 19-24; I, 3, 34-35; I, 10, 15—18; П. 1, 17—20), или образа Горациева Фавна, хранящего от дождей» ветров и зверей поместья поэта (Оды, I, 17; III, 18), или хоанителей границ — Приапа и Сильвана (эпод 2). Здесь и речи нет о подражаниях, но есть еще до обращений к Шенье глубоко тонкое понимание античного мировоззрения, свидетельство о внимании к образцам, позволяющее свободно творить "во вкусе древних", вызывающее определенную антологическую ассоциацию.

В конце молитвенного обращения к домовому, выдержанного в стихотворении "Домовому" в тонах архаизированной лексики ("тук", "сень", "сей"), было бы естественным упоминание жертвоприношения. Оно заменено "вдохновением".

В библиотеке Пушкина сохранилось собрание стихотворений Катулла, Тибулла и Проперция в оригинале, в одном томе (изд. 1812 г.) с надписью: "Поэту Пушкину А. Тургенев" (№ 714). Вероятно, подарок был сделан в лицейские годы Пушкина или несколько поэже.²

Тема, близкая "Домовому", интересовала Пушкина и в неоконченном наброске "Могущий бог садов— паду перед тобой" (ноябрь 1818 г., с прямым обращением к Приапу).

В шутливой стихотворной "Записке к Жуковскому" (1819), упоминающей "парнасских девственниц-богинь", может быть отмечена деталь:

Кипарис — как символ уныния, как атрибут Прозерпины был хорошо знаком Пушкину по Горацию (Оды, II, 14, 23),3 (Эподы, V, 18).4

Некоторая ослабленность интереса Пушкина к античным образам в первые послелицейские годы может быть поставлена в связь, между

¹ Позже Пушкин процитировал первые слова эпода "Beatus ille qui procul..." (Счастлив тот, кто вдали (от дел)) в письме к А. И. Тургеневу 1821 г. (7 мая).

² В библиотеке Пушкина был также французский перевод Катулла в комментированном издании 1806 г. (№ 713)

³ Позже Пушкив цитирует отсюда стих о Постумии.

 $^{^4}$ Поэже Пушкин упомянул отсюда отравительницу Канидию (ср. также эпод III и эпод XVII).

прочим, и с работой его над поэмой. Начатая еще в Лицее "Руслан и Людмила", в самом своем жанре отталкивающаяся от "высокой" классической поэмы, должна была, тем самым, неминуемо вести к спаду античных образов, даже пародическому к ним отношению, замене их национальными образами народной, русской мифологии.

Если в лицейскую пору оссианическая тематика сосуществовала с античной в лирике, как равноправные поиски специфического лирического колорита, то в поэме, такой, какою создавал ее Пушкин первоначально ("Руслан и Людмила", "Кавказский Пленник", "Гавриилиада", "Братья-разбойники", "Бахчисарайский фонтан"), звучали еще порой отголоски оссианизма ("Руслан..."), но античность просто не находила себе места.

"Руслан и Людмила" была принципиально отлична не только от высокой поэмы, но и от шутливой, типа "Душеньки". Характерно: первая песня не дает ни одного античного образа, имени, термина; во второй и третьей упоминания Амура, Гимена и Фидия (в черновиках: Парнасса, Мельпомены, Кастальского тока, Пинда, Геликона) лежат совершенно вне повествования, находятся в авторских отступлениях.

В четвертой песне Пушкин называет Жуковского "северным Орфеем", без углубления в образ и смысл этого эпитета (в черновике было: "наш Тиртей" и даже: "наш Шиллер", "наш Гете").

Правда, Ратмиров пир вызывает у него "античную" ассоциацию, но только для того, чтобы оттолкнуться от нее:

Я не Омир: в стихах высоких Он может воспевать один Обеды греческих дружин И звон и пену чаш глубоких.

И следующее сравнение пришедшей к Ратмиру девы:

Как лицемерная Диана Пред милым пастырем своим

дано не на фоне подлинного античного мифа о Диане и Эндимионе, а на фоне имени Парни (Милее, по следам Парни...), т. е. как припоминание VII—VIII отрывков из "Les Déguisements de Vénus". Пастушок (le berger) Миртис Парни заслоняет еще здесь Овидиева охотника—Актеона, которым Пушкин заинтересуется позже.

Повидимому, единственным воспоминанием о непосредственно античном первоисточнике (Овидий, "Метаморфозы", IV, 170—189) являются строки:

Так Лемноса хромой кузнец, Прияв супружеский венец Из рук прелестной Цитереи, Раскинул сеть ее красам, Открыв насмещливым богам Киприды нежные затеи. Овидий, рассказывает эпизод Veneris adulterium, также не называя Гефеста, обозначает его термином "Lemnius", намекает на его кузнечное ремесло ("fabrilis dextra"), описывает раскинутую им над Венерой и Марсом сеть ("catenas") и указывает на смех богов ("superi risere"), называя, кстати сказать, Венеру, как и Пушкин, также Цитереей (ст. 190).1

Наконец, последние две песни "Руслана..." вовсе обходятся без античной мифологии. Упоминания в лирическом эпилоге "Дориды" и "богини тихих песнопений" звучат почти чужеродно самой поэме и отнюдь не "антично".

Сам Пушкин в посвящении к "Кавказскому Пленнику" сказал про горы Кавказа "новый для меня Парнас", употребив последнее слово уже как стершуюся стилистически метонимию.

Только в "Гавриилиаде" (1821) ангичная мифология снова могла припомниться в связи с библейской. И, в самом деле, Пушкин вспомнил Элладу, но также лишь затем, чтобы сказать:

Всех удалил, как древний бог Гомера, Когда смирял бесчисленных детей; Но Греции навек погасла вера, Зевеса нет, мы сделались умней!

В "Бахчисарайском Фонтане" нет ни одного античного имени. Античный образ появляется в поэме уже в совершенно новой функции лишь в 1824 г. в "Цыганах". Но за это время и в пушкинской лирике античность получает абсолютно новое значение, к которому и переходим.

Метод, которому следовал Пушкин в стихотворении "Домовому", в лирике ссыльного Пушкина 20-х годов получил обновление. Начиная с 1820 г. отношение Пушкина к античности получает новое направление, он начинает понимать ее по-новому, глубже, серьезнее, органичнее, чем раньше. Здесь сыграл роль ряд обстоятельств, имевших место в это время и несколько ранее.

Прежде всего, Пушкин по выходе из Лицея сблизился с кружком А. Н. Оленина, крупнейшего у нас поклонника и знатока античного мира, владевшего греческим языком. В его салоне обсуждались вопросы перевода древних, античного стиля и искусства. С ним были связаны

¹ Близость к латинскому первоисточнику здесь несомненна. Гораздо дальше от Пушкина тот же эпизод расскаван в "Одиссее" Гомера (II, 8, ст. 268 и сл.). Французские лирики также совершенно по-иному касались этой темы. Ср., например, у Бертена в Épitre": "On sait qu'un jour, pour mieux tromper Vulcain, Mars et Vénus dans vos bois descendirent". ("Известно, что однажды Марс и Венера, чтобы обмануть Вулкана, сошли в ваши леса").

Гнедич и Жуковский. Вероятно, в интересе Пушкина к Элладе оленинский круг сыграл свою роль. Не случайны неоднократные упоминания Пушкиным Гомера именно в эту пору.

И самая работа Гнедича в эти и последующие годы над "Илиадой", конечно, переносила интересы с античности римской на античность греческую.

В 1820 г. вышла и брошюра Уварова "О греческой антологии" с переводами Батюшкова.

Затем, в известной мере, сыграло свою роль и то обстоятельство, что ссыльный Пушкин оказался впервые на юге в непосредственной близости к местам, смежным со странами древних культур. Пейзаж Крыма и Кавказа, Черное море, отдельные слабые, но всё же живые следы древнего мира приближали его к конкретному пониманию, и самая природа юга невольно объяснялась соотнесениями с природой Греции и Италии, до некоторой степени аналогичной природе Крыма. Революционные события, всколыхнувшие потомков древних народов, дали новую могучую волну живого интереса к ним и аналогий с их минувшей культурой, литературой и гражданственностью.

Всё это заставило Пушкина резко изменить прежнее "лицейское" отношение к античности на новое, уже ранее подготовленное.

Наконец, немаловажную роль сыграло и обращение Пушкина к поэзии Андре Шенье. В результате не только новые античные мотивы зазвучали в лирике и поэме Пушкина, но и старое повернулось по-новому, осмыслилось, стало близким, сочетаясь с лично пережитым.

С Шенье Пушкин, как известно, познакомился по изданию Латуша 1819 г. еще до высылки на юг (6 мая 1820 г.). Видимо, уже тогда было создано стихотворение "Дориде", где один стих — почти буквальный перевод из Шенье. По немного более позднему определению самого Пушкина, Шенье для него явился "истинным греком, из классиков классиком".² Феокрит, ранее никогда не примеченный особо Пушкиным, идиллия, ранее никогда его не привлекавшая, теперь названы Пушкиным как приметы древности истинной Греции, как стиль, которым повеяло на него сквозь Шенье. Шенье, воспитанный на конкретных обращениях к поэтическим созданиям древнего мира, поэт, на всем своем творчестве носивший отпечаток живого, а не "псевдоклассического" устремления к антич-

¹ В сб. "Археологические труды А. Н. Оленина" (т. І, вып. 1, СПб., 1877) напечатаны его исследования о технических терминах Гомера в связи с переводом "Илиады" Гнедича ("Переписка А. Н. Оленина с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровой Илиады"). См. также другие его работы в "Систематическом указателе книг и статей по греческой филологии" П. Прозорова, СПб., 1898. ("Опыты о доспехах, статуях, одежде гладиаторов, изображениях на вазах". Ср. А. Кукулевич. "«Илиада» в переводе Гнедича". "Ученые Записки Ленинградского Государственного увиверситета", Серия филологических наук, № 2, 1939.

² Письмо Вяземскому 4 ноября 1823 г., черновик ("от него так и пышет древностию, Феокритом и анфологием").

ности, неоклассик, разорвавший оковы условного стиля, был и для Пушкина символом раскрепощения от этого стиля. Пушкин воспринял этораскрепощение французской поэзии как указание на возможность аналогичного пути для себя и для русской поэзии ("даже недостатки «его» проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения").

Не зная греческого языка, Пушкин, через "напитанного древностью" поэта впервые почувствовал живой аромат и очарование эллинизма. Он потянулся к Шенье, а за ним и к другим, ранее известным только номенклатурно, возможным для него источникам знакомства с поэзией древних греков.

Не следует преувеличивать конкретного влияния Шенье на *опре-* деленные антологические стихотворения Пушкина. Важнее влияние эстетического метода Шенье на лирическую ткань пушкинских фрагментов вообще. Ср., например, тот же метод в стихотворениях: "Мой друг, забыты мной" и "Умолкну скоро я" (оба 1821 г.).

По поводу стихотворения "Дориде" Пушкин дает адрес не к Шенье, а к античности (помета его в рукописи: "Подражание древним или как котите"). И в обеих "Доридах" — шестистищии и девятистищии — у Пушкина впервые появляются чисто греческая пластика, напоминающая о спокойной скульптуре и строгой живописи, афористические стихи ("Я верю: я любим; для сердца нужно верить" или: "...желаний томный жар, стыдливость робкая, харит бесценный дар, нарядов и речей приятная небрежность"). Пушкин сразу же нашел точность определений, похожих на уверенные удары резца по мрамору, передающие в нем самые тончайшие оттенки. Самая мелодика рифмующих двустиший, построенных на полутонах, на эвфонии слов, на упоминании неназванных имен — "и ласковых имен младенческая нежность" или: "и имя чуждое уста мои шептали" — всё это свидетельствует о новой эстетике, которая в эту пору стала окрашивать для Пушкина античность и, что важнее, не только античность, но и лирику самого Пушкина.

С другой стороны, внешняя мишура мифологии заменилась развернутыми античными образами, сквозь которые Пушкин органически смотрит на мир, подходит к явлениям живой жизни. Прикрепленная в стихотворении к конкретному пейзажу Тавриды, поданному как полуантичный, реальная девушка, тем не менее, воспринимается Пушкиным как полубогиня, как Нереида. Характерно, что Пушкин даже жертвует первоначальным словом "олив", заменяя его через "дерев", хотя оливы, т. е. маслины, подходили бы и к реальному пейзажу Тавриды, как и Греции, и давали бы большее внешнее представление об античности. Но это кажется уже несерьезным поэтическим ухищрением. Картина настолько антологична в целом, что она в нем не нуждается.

Пушкин, конечно, прекрасно знал и, нет сомнения, вспомнил по поводу собственного впечатления V картину из "Переодеваний Венеры":

Des Naïades la plus jolie
Se jouait au milieu des eaux;
Tantôt sous le cristal humide
Elle descend, remonte encor,
Et présente au regard avide
De son sein le jeune trésor;
Tantôt, glissant avec souplesse,
Elle étend ses bras arrondis,
Et sur l'onde, qui la caresse,
Elève deux globes de lis.

Myrtis, écartant le feuillage, Voit tout, et de plaisir sourit.¹

Но эта картина играющей в волнах нимфы, увиденной пастухом, прошла и сквозь менее схожий, но более строгий, очищенный от сладострастья французской эротической поэзии образ наяды Шенье:²

Là j'épie à loisir la nymphe blanche et nue Sur un banc de gazon mollement étendue, Qui dort...3

Спящая наяда Шенье, под ропот волн уронившая свою увенчанную тростником голову на руку, больше схожа с мраморной статуей, белеющей на дерновой скамье. Образ Пушкина, наоборот, совершенно реалистичен: реальная девушка купается в зеленых волнах Тавриды, и только нарочито взвешенная архаичность пушкинской лексики ("лобзающих", "дерев", "младую", "воздымала", "власов") в соединении со словами "Нереиду" и "полубогиня" дает налет пластического античного спокойствия, уже сам по себе в корне отличающий пушкинский образ от образа Парни. Это не резвящаяся ложноклассическая нимфа, но и не мраморная статуя. Наконец, многословной картине Парни и восьмистишию Шенье Пушкин противопоставил форму шестистишия, гораздо более напоминающую лапидарную антично-эпиграмматическую форму.

¹ Перевод: "Самая прекрасная из наяд забавлялась среди вод; то она опускается под кристалл струй, снова подымается и являет жадному взору сокровище юной груди; то, с гибкостью скользя, она протягивает округлые руки и над волной, ее ласкающей, подъемлет две лилейных округлости... Миртис, раздвинув листву, всё видит и улыбается от удовольствия".

² "Poésies antiques «Etudes et fragments»", X, "Je sais quand le midi leur fait désirer l'ombre". См. изд. 1862 г. под редакцией Веср de Fouquières, стр. 126; в изд. Латуша "Fragment d'Idylles, VI".

³ Перевод: "Там я невозбранно разглядываю белую и нагую нимфу, которая спит, истомно растянувшись на дерновой скамье..."

⁴ Этого нет у Гесснера ("An Daphnen") — его Муза подсматривает в гротах за нимфами, увенчанными тростником. Близкий перевод "Наяды" Шенье дал Баратынский в "Северных Цветах на 1827 г.", стр. 330.

⁵ О том, насколько тонко воспринял и усвоил Пушкин античное представление о нереидах и почувствовал "вкус древних", можно видеть по описанию Нереид в эпиллии Катулла "Пелей и Фетида" (64, ст. 15—18).

здесь школой новой пушкинской элегии, Античность является реалистической и гармонической одновременно. Характерно: в сущности говоря, в той же антологической манере написано и "Редеет облаков летучая гряда", хотя элегия здесь вовсе освобождена от мифологической номенклатуры и даже от налета архаики: вечерняя звезда даже не названа по имени - прием, на котором и построено всё стихотворение ("и дева юная во мгле тебя искала И именем своим подругам называла"). Будь она названа своим античным прозвищем, антологический характер пьесы был бы обнажен еще явственнее.

 Δ о сих пор не было обращено внимания на то, что элегия связана и с определенным произведением подлинно античного происхождения, знакомым Пушкину, вероятно, еще в Лицее, но в пору увлечения манерой Шенье переосмысленным заново.

Имею в виду идиллию греческого лирика Биона ¹ — обращение к Гесперу. Она была помещена в оригинале в "Цветах греческой поэзни" Кошанского, с его же переводом и пересказом. Нет сомнения, что в момент работы над своей крымской элегией Пушкин располагал этими текстами.

Вот начало перевода Кошанского:

О Геспер тихий и предестный! Краса полунощи, Киприды свет любезный, Приветствую тебя! Приветствую твой блеск с вечерней тищиною; Как ясен он средь звезд... (Стр. 282).

Интересно, что Пушкин в своем обращении к вечерней звезде сохранил нагнетательное повторение слова звезда, замененное в переводе Кошанского двойным повторением слова "приветствую", но имеевшееся в оригинале:

> "Εσπερε, τας έρατας χρύσεον φάος 'Αφρογενείας, "Εσπερε, χυανέας ίερον, φίλε, νυχτός ἄγαλμα²

В этом отношении интереснее для нас прозаический пересказ Кошанского, где сохранено двойное обращение к звезде, видимо обратившее на себя внимание Пушкина.

Приведу пояснения Кошанского ("нечто об осьмой Идиалии", стр. 97): "Содержание сей Идиални весьма просто. Поэт приветствует вечернюю звезду, или звезду Венеры и просит, чтобы она, когда зайдет луна, пролила тихий блеск свой и озарила его шествие; ибо он не хищный лев нарушитель покоя, но страстный, идущий на свидание с любезной. О Геспер! — говорит он — будь другом мне и ей". Оценивая

¹ Кошанский отмечает, что она приписывалась также Мосху.

² Перевод: "Вечерняя звезда, волотой светоч желанной Афродиты, Вечерняя звезда, милая, священное украшение темносиней ночи".

идиллию, Кошанский замечает: "Сие приветствие Гесперу излилось в тихом и ровном спокойствии души Бионовой, которое бывает уделом сердец чувствительных и нежных. Оно написано в каком то духе уныния, ожидания и надежды; прочитать его, невольно придешь в некоторую томную меланхолию". И еще: "Сия идиллия доказывает образованность чувствований, которые с утончением нравов переливаются из пламенных порывов в тихое меланхолическое ощущение".

Вот та настроенность и тот подлинно эллинский первообраз, к которому восходил Пушкин, опять-таки создавая на его основе свою реалистическую каменскую элегию "во вкусе древних". Характерно, что первоначальное ее заглавие так и было дано Пушкиным: "Таврическая звезда" и только в печати озаглавлено "Элегия", так же как для всего цикла, открываемого этой элегией и "Нереидой", было первоначально дано общее заглавие "Эпиграммы во вкусе древних".1

В том же цикле центральное место занимает и следующее стихотворение, первоначально озаглавленное "Морской берег. Идиалия Моска". Так же как и для предыдущего, и для него послужили материалом "Цветы греческой повзии". Стихи Биона и Мосха, вероятно, памятные в общих чертах с лицейской скамьи, очевидно ожили для Пушкина в пору его обращений к творчеству эдлинских поэтов и его художественного метода, близкого Шенье. Стихотворение глубоко проникает в сущность диалектики античного мировоззрения, противопоставляя сладкому шуму спокойного моря — заботы и думы земли и одновременно неверности бурной "слепой пучины", предпочитая "надежную тишину" берега. Это стихотворение имеет исключительное значение для мироощущения и стиля таких пушкинских вещей, как, например, позднейшие "Поэт" и "Арион". и крайне существенно констатировать генезис этой античной "школы". То, что оригинал "Земли и моря", т. е. идиалию Моска, Пушкин нашел в той же антологии Кошанского, общеизвестно. 2 Там же (стр. 341) был дан и русский перевод (Кошанского).

Но никто не обратил внимания на тот комментарий, который дал Кошанский идиллии Мосха. Между тем он любопытен как потому, что мог быть знаком Пушкину еще с лицейских лет, так и потому, что при незнании греческого языка он помогал Пушкину лучше усвоить дух оригинала во время его переводческого процесса и несомненно служил для него пособием.

Вот этот комментарий — "Нечто о пятой идиллии" (стр. 241): "Может быть сие небольшое произведение родилось в счастливое время прогумки по берегу моря, или реки, когда волны после бури утихали; или в приятную минуту размышления об участи, когда Поэт сравнивал

¹ См. снимки в "Сочинениях Пушкина", т. II, изд. Академии Наук, 1905, стр. 351—357.

² Оригинал можно найти также в книге Любомудрова "Античные мотивы в поээми Пушкина", изд. 2-е, 1901, стр. 35. Там же и русский перевод.

всегдашнее плавание по водам с тихою и беспечною жизнию на твердой земле, когда почувствовал всю цену спокойствия и почел себя счастливым, видя, что судьба не определила его искать пропитания на бурной стихии ... Слог сей Идиллии очень приятен. Тринадцать стихов, ознаменованных печатью Гения и брошенных Поэтом случайно, остались невредимыми чрез две тысячи лет и дошли до наших времен. В первом стихе заметим выражение $\ddot{\sigma}$ $\ddot{\sigma}$

Чрезвычайно любопытно, что, переводя первый стих идиллии,

τὰν ἄλα τὰν γλαυκάν ὅταν ὥνεμος ἀτρέμα βάλλῃ,1

Пушкин пошел буквально за своим учителем-комментатором.

Когда по синеве морей Зефир скользит и тихо вест.

Еще любопытнее, что у Моска ни слова не говорится о забвении муз, да и вообще не может говориться о музах, так как его поселянин не является поэтом. Пушкин же буквально последовал приведенной экзегезе Кошанского:

Тогда ленюсь я веселее И забываю песни Муз: Мне моря сладкий шум милее.

В черновике:

И забываю голос муз, Мне моря тихой вид милее.³

Этот пример еще раз и с абсолютной точностью показывает, что Пушкин обращался к греческим первоисточникам не через французов, а через посредство своего русского наставника — Кошанского.

Последний также подчеркивает в своем примечании, переходя к описанию Мосхом бури: "может быть не много есть описаний бури, столь коротких и сильных" (он сравнивает Мосха в этом отношении с Гомером и Вергилием). Пушкин еще усилил это описание:

И гром гремит по небесам И молнии во мраке 4 блещут.

И забываю важных муз, Мие волны мирные милее.

¹ Перевод: "Когда ветер слегка волнует синее море".

² Это было отмечено еще С. С. Любомудровым: "правда, селянин Моска превратился в самого поэта, отчего при изображении его наслаждения тихим спокойным морем проглядывает новая черта, он «забывает песни муз»". Однако Любомудров не мог объяснить происхождения этой "новой черты".

³ MAR

⁴ Первоначально: "в пучине". lib.pushkinskijdom.ru

У Моска далее следует распространенное описание жизни рыбака. 1 И здесь Пушкин также следует за пояснением Кошанского. "Слова Московы относятся не к одним рыбакам, но ко всем мореплавателям". Пушкин ограничивается строками:

И жалок мне рыбак суровый: Живет на утлом он челие.²

По поводу "платана" оригинала, под которым селянин Моска забывается сладким сном αὐτὰρ ἐμοὶ γλυκὺς ὕπνος ὑπὸ πλατάνῳ βαθυφύλλῳ³, Кошанский говорит относительно "вязов" (стр. 245).

Пушкин в первом варианте сказал:

Я внемлю шуму смирных вод Под темным явором долины,

но затем вовсе выбросил этот образ.

Можно отметить также, что в "Цветах греческой поэзии" (стр. 244) указано: Плиний "говорит, что море ужаснее всех стихий". Кажется и это замечание не осталось без внимания Пушкина, совпав с его собственной точкой зрения во всем цикле стихотворений, посвященных морю: "Земля и море", "К морю" (1824), "Так море древний душегубец" (1826), "Арион" (1827).

Любопытно, что, кроме Пушкина, в эту же эпоху ту же идиллию Моска перевел Шелли ("When winds that move not its calm surface sweep"), также работавший над тем, чтобы усвоить античный стиль английской поэзии. Нет, впрочем, оснований думать, что Пушкин знал этот перевод в момент работы над своим стихотворением.

В России до Пушкина Бион, как и Мосх, были переводимы очень мало. Пушкин подчеркивал в 1825 г. в письме к брату свое обращение к обоим поэтам: "Над или под «Морем и Землею» должно было поставить «Идиллия Мосха». От этого я бы не удавился— а Бион <т. е. Воейков> старик при своем остался б".

¹ Описание тяжести его жизни, сравнение ладъи с домом, характеристика его труда — "море и рыба" (θάλλασσα και ίχθύες).

² Первоначально ближе к Мосху:

В опасном он челне живет Его труды среди пучины

Cp. καὶ πόνος ἐντὶ θάλασσα.

³ Перевод: "Но мне сладок сон под щироколиственным платаном".

 $^{^4}$ Перевод: "Когда легкое дуновение ветра волнует его спокойную поверхность".

⁵ Из Биона 11 переводов, из Моска — 6 (см. Прозоровский, цит. соч., стр. 20—21 и 27). Позже Пушкина "Землю и море" Моска перевели Загорский ("Благонамеренный", 1822, ч. 19, стр. 304—305) и Масальский ("Северные Цветы" на 1825), а по французскому переводу Леонара — Грибоедов (?) в "Радуге" на 1830 г. Переводы обоих поэтов в 1826 г. выпустил в числе прочих переводов А. Ф. Мерзляков.

В число антологических эпиграмм этого времени Пушкин отнес также "Красавицу перед зеркалом" (1821) и "Музу" (1821). Последнее стихотворение, как обычно принято считать, является переработкой IX фрагмента А. Шенье ("Toujours се souvenir m'attendrit et me touche").¹ Следует, однако, подчеркнуть, что, заинтересовавшись образом учителя игры на флейте и ученических пальцев, касающихся скважин дерева ("А fermer tour à tour les trous du bois sonore"),² Пушкин не мог найти в нем кроме общеидиллического тона ничего специфически античного. Ни одно слово у Шенье, как и у французских предшественников его стихотворения, не звучит как говорящее о древнем мире.³

Совершенно не то у Пушкина. Впервые традиционный сюжет о ребенке, соперничающем с отцом — музыкантом, или учителем, представлен у Пушкина как сюжет об эллинской Музе, дающей первые уроки вдохновения юному поэту. Самое заглавие, упоминание "семиствольной цевницы", важных гимнов, "внушенных богами", и песен мирных "фригийских пастухов" и "божественного дыхания" — всё переводит сюжет в подлинно антологический план, делает из стихотворения Пушкина первую попытку создания мифа в мировоззрительно античном роде, не говоря уже о всем тончайшем колорите, имитирующем гармонический тон древней идиллии. Не случайно Пушкин именно этим стихотворением открывал весь антологический отдел в собраниях своих стихов. Не случайно, вписывая его в альбом Н. Иванчину-Писареву, он, по свидетельству последнего, сказал: "Я их люблю — они отзываются стихами Батюшкова".4 Очевидно, понятие классической гармонии продолжало ассоциироваться у него с подражаниями древним русских поэтов, а не французских, даже тогда, когда одним из посредствующих звеньев в смысле отправного толчка были стихи французские.

К своим собственным "подражаниям древним" Пушкин отнес также тристих "Юноше" ("Счастливый юноша, ты всем меня пленил"), "Дионею", "Деву", "Ночь", "Приметы" и "Красавицу перед зеркалом". Все эти стихотворения имеют меньше прямой связи с античностью, чем "Муза", "Нереида", "Редеет облаков" и "Земля и Море". Но большинство из них созданы единым творческим методом в годы 1820—1821. Только "Юноша" и "Ночь" позднейшего происхождения (1825 и 1823 гг). При этом в оглавлении издания 1826 г. стихотворению "Юноша" был придан подзаголовок "Сафо". Этим фрагмент расшифровывался как обращение греческой поэтессы к женоподобному отроку, на мотив легенды о Сафо и Фаоне, пересказанной в героиде Овидия и знакомой Пушкину по переложениям еще в Лицее. Кошанский, переводя "Руководство"

¹ Перевод: "Всегда это воспоминание меня трогает".

² Перевод: "Закрывать одно за другим отверстия звонкого дерева".

³ Комментаторы Шенье соотносят эту его вещь с "Lycas et Milon" Гесснера и эклогой Ж. Б. Руссо.

⁴ Ср. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 649.

Эшенбурга, определял Сафо как известную "по чрезмерчой любви своей к Фаону, которая была виною, что несчастная в отчаянии бросилась со скалы в море". Следует заметить, что, сохраняя эротический колорит аналогичных обращений мелики Сафо, Пушкин тонко переводит их в план более возвышенный, говоря не только о физических, но и о душевных качествах:

Душою гордою и пылкой и незлобной,

Именно в этом смысл нового поворота его имитации античного фрагмента. "Дионею" сам Пушкин впервые напечатал в 1825 г. в более полном виде, чем это стихотворение вошло в позднейшие издания. Здесь "Дионея" представляет собою обращение подруги к подруге, что также как будто, говорит о стиле Сафо:

Ты с нынешней весной от наших игр отстала; Я тайну сердца твоего Давно, поверь мне, угадала.

При этом Хромид первоначально был назван Кларисом, а Дионея— Галатеей. Первоначальное заглавие "Антологический отрывок" стало ненужным при вхождении стихотворения в целый антологический цикл.

Стихотворение "Дева" почти не связывается тематически с древними образцами. Может быть Пушкин имел в виду намек на фрагмент Сафо "Обиженной", где девушка не отвечает на ласки, хмурит брови, "копит обиду". Еще менее "античным" по своему содержанию может быть названа "Ночь" ("Мой голос для тебя"). Кажется, Пушкин отнесением этого стихотворения к отделу "Подражаний древним" хотел только несколько стушевать его автобнографический оттенок, подчеркивая в то же время принцип гармонизации стиха, характерный для всего отдела.3

Гораздо строже в антологическом жанре выдержаны "Приметы": сочетание "пастух и земледел", конкретность деревенских наблюдений, южный колорит (виноград), архаика языка ("леты, предречь, ветр, младых, мразовлоне, окличут, печальны, элак") — всё говорит о тончайшей стилизации, об изобретательных способах передачи антологической картинки средствами русского поэтического языка, о стремлении художника перевоплотиться в элементарную, но гармоническую и целостную психологию

¹ На русском языке еще в XVIII в. неоднократно переводилась стихами и прозой "вторая ода Сафы (к подруге)" — Сумароковым, Г. Козицким, Д. Хвостовым, Державиным, П. Голенищевым-Кутузовым, И. Виноградовым, В. Жуковским, Е. Люценко; Гими Венере, четверостишия "На измену ее любовника", "Кто часто близ тебя". В 1808 г. вышли в переводе В. Анастасевича "Стихотворения Сафы, объясненные примечаниями" (СПб., см. "Указатель" П. И. Прозорова, стр. 71—72).

² Впрочем, в рукописи был вариант "Хризеида" (тетрадь ЛБ № 2365, л. 34).

³ Любопытно, что в изд., "Стихотворений 1826 г." Пушкин свое "К Лицинию, включает не в отдел "подражания древним", а в "послания", хотя и сопровождает его (в оглавлении) пометой: "С латинского". Здесь дело не исключительно в одном жанровом распределении, а и в принципивльно разном художественном методе.

сельского поэта, по образу Тибулла, греческих идилликов или Вергилия как автора "Георгик" (1 книга, описание примет).

К пушкинскому пониманию античности в этот период тесно примыкает и его может быть сильнее всего в чистом виде обнаруживает и описательное, созерцательно-бесстрастное четверостишие "Красавица перед зеркалом". Его задача — передать ясность отражения, какая бывает в чистой воде, в незамутненном зеркале, и только.

Однако это лишь один из аспектов античности, типичных для времени его пребывания в Крыму, в Киеве, в Каменке.

В июле 1821 г., вновь исходя из античных образов, Пушкин создал свой "Кинжал", где политический пафос воплощался в формулах заимствованных из фразеологии Французской буржуазной революции. Это язык республиканского классицизма (лемносский бог, бессмертная Немезида, Зевсов гром; образы Кесаря, перешедшего Рубикон, державного Рима, вольнолюбивого Брута, усталого Аида и Эвмениды — Кордэ).

Характерно, что и в стихотворении 1823 г. "Недвижный страж дремал" вновь встречается тот же образ: "Вот Кесарь—где же Брут?"

Всё античное приобрело для Пушкина в период его пребывания в южной ссылке новую функцию. Пушкин переосознает древнюю Грецию и как современную себе Грецию, при деле освобождения которой он присутствует, с которой почти соприкасается. Естественно, что гражданская патетика древних образов начинает для него звучать по-новому. Гимны в честь свободы — Элевферии — окрашиваются именами вождей древних республик, перекликаясь с вольномыслием зреющего южного декабризма.

"Все говорили об Леониде и Фемистокле..." "Странная картина! — пишет Пушкин В. Л. Давыдову (черновик от первой половины марта 1821 г.). — Два великие народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира". Рядом с мифологией и гармонической красотой Пушкина интересует тема героизма. Байрон в Греции, умирающий за дело ее освобождения, — это только позднейший символ тех настроений, которые охватили и русский романтизм этих лет. В письме к брату 4 сентября 1822 г. Пушкин восклицает: "воспевать Грецию, великолепную, классическую поэтическую Грецию, Грецию, где всё дышет мифологией и героизмом..."

Характерно, что в Кишиневе самые образы античных поэтов переосмысляются Пушкиным в плане сближений с собственным изгнанием. Овидий больше не поэт любви. Как и сам Пушкин, теперь он, прежде всего, изгнанник и элегик. Эта оценка не изгладится и поэже. Вспоминая в 1836 г. об Овидии, Пушкин на первое место поставит его ссыльные "Tristia", чуть было не забыв сначала даже о "Матаморфозах".

На юге тема ссыльного Овидия, знакомая еще по Лицею как тема чисто книжная, ожила в кажущемся соседстве с местами ссылки Овидия,

в отождествлении их с местами собственной ссылки. Отсюда потянулись и нити дальнейших аналогий и жгучий интерес к эпизодам биографии, т. е. прежде всего к самим стихам Овидия, до того казавшимся чуждыми.

В стране, где Юлией венчанный, И хитрым Августом изгнанный Овидий мрачны дни влачил; Где элегическую лиру Глухому своему кумиру Он малодушно посвятил...

Так вырастало — иносказание. Пушкин — Овидий, хитрый Август, глухой кумир — Александр I. Встал как поэтическая формула вопрос о "вине", о линии поведения ссыльного поэта. Пушкин жадно углубился в автобиографические признания "Тристий" и осудил "малодушие" Овидия, словно вспоминая "Плутарха" лицейских времен: "в надежде возвращения в Рим, он хвалит Августа даже до подлости". Но, осуждая низкопоклонство, чтобы отметить "разность" между Овидием и собою ("Октавию — в слепой надежде — молебнов лести не пою"), Пушкин, вместе с тем пленился образом Овидия-страдальца: "Героиды" и "Метаморфозы" заслонились "скорбями", окрасившими стих за стихом послания самого Пушкина. Не только в его глазах, но и в глазах всего поколения писателей — будущих декабристов, образ Овидия был дорог и окружен ореолом, как символ страдания, несправедливых гонений, как своеобразно обличающий тиранство голос ссыльного поэта. Овидий становился полным значения сюжетом для элегии.

Еще Батюшков заметил Гнедичу: "Овидий в Скифин — вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса".¹

Для Пушкина тема Овидия имела свою неизбежность как символ пострадавшего поэта, сближающийся с собственной биографией. Так и Баратынского, испытавшего своеобразную ссылку в Финляндии, где он отбывал солдатчину, Пушкин назвал именно этим именем:

Обнять милее мне В тебе Овидия живого³

н Баратынский непрочь подчеркнуть перемену восприятия Пушкиным Овидия в послании Богдановичу:

Так Пушкин молодой, сей ветреник блестящий, Всё под пером своим шутя животворящий (Тебе, я думаю, знаком довольно он: Недавно от него товарищ твой Назон Посланье получил)...

¹ Начало вюля 1817 г.

² Отмечено в цитированной работе проф. И. И. Толстого.

К началу 20-х годов относятся и следы нового интереса Пушкина к латинскому языку. Ср. латинские обороты именно в письмах к Гнедичу, А. Тургеневу (от 7 мая 1821 г.), Н. Раевскому (от начала февраля 1822 г.).

Имя Овидия всё время на языке Пушкина. В отрывке письма Нащокину он пишет: "Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно так скучать в ней, как говорит предание". Он читает "Тристии" и "Понтийские элегии" по-французски, порой цитирует оригинал, применяя начальную цитату "Тристий" об отправляемой в Рим книжке стихов к отправляемому в столицу "Кавказскому Пленнику". Игра "применением" становится постоянной. И видно, что разговор об Овидии для него гораздо более животрепещущ в это время, чем разговор о присланном Гнедичем переводе "Рыбаков" Феокрита, о которых он отзывается ляшь в пределах любезности: "в награду за присылку прелестной Вашей Идиллии (о которой мы поговорим на досуге)."1 Зато ему всегда "досуг" говорить об Овидии. В послании "Чаадаеву" (1821) тема изгнания и раскаяния по поводу былой жизни открывается стихами:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет, Где прах Овидиев — пустынный мой сосед...

И всё послание выдержано в тонах, предваряющих послание "К Овидию" (отречение от славы, воспоминания о пирах, врагах, жалобы на отсутствие друзей, обращение к "богиням мира" — музам, упоминание "цевницы", благодарность "богам", овидиев термин "к печалям я привык" г и стих

И жизнь перенесу стоической душою...

— всё это несомненно свидетельствует о поисках антологического оформления послания об изгнании. Характерно, что та же тема об "изгнаннике неизвестном" взята и в стихотворении "Кто видел край", где воспоминания о Крыме даны были первоначально на фоне отброшенного затем варианта:

В моих руках Овиднева лира, Счастливая певица красоты, Певица нег, изгнанья и сазлуки.

На этом фоне явилось послание "К Овидию" (26 декабря 1821 г.), почти каждый стих которого, как доказано, соотносится с определенными мотивами, местами, стихами и образами Овидиевых "Тристий". Пушкин выполнил этим посланием пожелания современников-романти-

¹ В черновике еще: "достойной чистой Музы древности, о которых мы поговорим на досуге".

^{2 &}quot;Тристии" переводились по-русски "печали".

³ Ср. А. И. Малеин. "Пушкин и Овидий". "Пушкин и его современники", вып. XXIII—XXIV, 1916, стр. 45—66.

ков об осуществлении счастливой элегической темы, "поверяя" на собственном опыте поэтические картины овидиевых посланий. "Тристии" были прочитаны им насквозь, жадно, внимательно — их лучшие образы остановили внимание Пушкина. Читая Овидия по-французски, он несомненно обращался и к латинскому (цитата из "Тристий", II, 208, в примечании к посланию "К Овидию").1

Как уже отмечалось, Пушкин систематически продолжал представлять себя в образе Овидия не только в стихах, но и в своих письмах. Говоря об Овидии в послании:

В отчизне варваров безвестен и один
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь,

он писал о себе Гнедичу: "Пожалейте обо мне: живу меж Гетов и Сарматов, никто не понимает меня". Кроме уже указанных аналогий (Тристии, III, 3, 5—6 и V, 10, 37) Пушкину здесь могли вспомниться и стихи:

Так тому проживать тяжело между Бессов и Гетов, Кто у народов в устах только всегда проживал

(Тристии, IV, 1, 67, перевод Фета).

И в VIII строфе первой песни "Евгения Онегина" (май 1823 г.) Пушкин, скользнув по теме "науки страсти нежной", обратил внимание читателя на Назона "страдальца", "в Молдавии, в глуши степей" (первоначально: "За что в изгнаньи кончил он").

Вопрос о точном месте ссылки Овидия и об его отношениях с Юлией — дочерью Августа, интересовал Пушкина. Он посвятил ему ряд пассажей (примечание к стихотворению "К Овидию" в беловой рукописи, напечатанное впоследствии как примечание к строфе VIII первой главы "Евгения Онегина" при первом отдельном издании главы, Замечания на Анналы Тацита"). Он перечитывал для этой цели Вольтера ("Философский Словарь", статьи: "Овидий", "Август Октавий") з и сопоставлял его с другими известными ему данными (мнением П. П. Свиньина в "Воспоминаниях в степях Бессарабских").4

¹ Ср. также латинскую цитату в письме от 29 апреля 1822 г. Нельзя согласиться с А. Маленным, что Пушкин "не изучал Овидия" на том основании, что у Пушкина музы "не услаждают" печали певца, у Овидия же "те quoque Musa levat Ponti loca iussa petentem" ("Муза дася утетение и мне, направляющемуся по приказу в области Понта") (Тг, IV, I, 19). Последний образ ведь дан Пушкиным в послании "Чаадаеву".

² А. И. Малеин, основываясь на неясном примечании к стихотворению "Овидию" в изд. Л. Поливанова, ошибочно утверждал, что эта заметка напечатана при стихотворении в "Полярной звезде". См. "Пушкин и его современники", вып. XXIII — XXIV, стр. 62.

³ Ср. цитированную статью А. Малеина, стр. 62-63.

^{4 &}quot;Отечественные Записки", ч. V, СПб., 1821, стр. 7. — Позже у Пушкина в библиотеке имелись сочинения Овидия (№ 621) параллельно на французском и латинском языках, 1834—1835 гг. Здесь в томе I имеется очерк "Об Овидии", вт. IX (а не X, как ошибочно указано в описании Б. Л. Модзалевского "Пушкин и его современники", вып. IX—X, СПб., 1910) разрезаны "Тристии".

Видимо, в этой же связи, хотя возможно поэже, Пушкиным подожен ряд закладок в книге его библиотеки (№ 641) — "Bibliothèque Universelle de Romans", 1776, т. V (июль), ч. 1, (стр. 120, 121, 122, 123, 136, 137). До сих пор не было отмечено, что все эти страницы заложены на рассказе об "Изгнанниках Августова двора" — все говорят об Овидии в ссылке, в Томах, об Овидии и Юлии.

Подчеркивая в стихотворении "К Овидию" аналогию положений:

Как ты, враждующей покорствуя судьбе, Не славой, участью я равен был тебе

и (первоначальное окончание) разницу поведения:

Но не унизил ввек изменой беззаконной Ни гордой совести, ни лиры непреклонной,

Пушкин вместе с тем хочет подчеркнуть и еще одно отличие от Овидия; он "изгнанник самовольный". Этим, повидимому, Пушкин хотел отметить политическую причину своей ссылки.

Как бы то ни было, Пушкин четко сознавал, что круг применений по поводу античного образа встревожит цензуру, и всячески стремился "обмануть ее", печатая стихотворение без подписи, хотя особенно ценил его. Характерно, что даже массонская ложа, в которую Пушкин входил одно время, в Кишиневе носила именно имя Овидия. Она была закрыта как политическая. Имя Овидия не было благонадежным.

Что тема Овидия ассоциировалась у Пушкина с гражданской элегией, показывают стихи того же послания, многозначительно поставленные в концовке:

Скитался я в те дни, как на брега Дуная Великодушный грек свободу вызывал...

Тема освобождения Эллады то и дело вплетается в лирику Пушкина. То он упоминает і Небо Греции священной ("Гречанке", 1822), то прямо обращается к героической женщине Греции— новой Андромахе, отправившей мужа в бой за свободу родины. Лирический отрывок Пушкина звучит в тоне древнего сколия:

Но знамя черное свободой восшумело. Как Аристогитон, он миртом меч обвил, Он в сечу ринулся— и падши совершил Великое, святое дело.

Имя Аристогитона— не просто имя античного героя, но сознательно взятое имя тираноборца: Аристогитон и Гармодий — убийцы древнего тирана Гиппарха, скрывшие под миртами мечи. Это тема пушкинского "Кинжала". Характерно, что образы обоих стихотворений перекликаются.

¹ Античной застольной песви. lib.pushkinskijdom.ru

на этот раз с образами VIII гимна Андре Шенье ("дева Эвменида", Немевида, Гармодий и его друг). Подобно тому как Шенье культивировал и вторую функцию античных образов— гражданственно-политическую, делал это и Пушкин.

Так и естетические фрагменты, и элегия, и послание, и ода южного периода по-разному использовали образы античности, находя в ней все новые и новые, дотоле неизвестные свойства.

И в письмах этих лет античность присутствует прочно и постоянно. С удовольствием Пушкин играет каламбуром, вырабатывая эзоповский язык: "О други, Августу мольбы мои несите! Но Август смотрит сентябрем... Кстати: получено ли мое послание к Овидию?"

Античный материал становился постоянной оболочкой политического "применения" — иносказания. Так и брату 30 января следующего года Пушкин пишет: "Ты не приказываешь жаловаться на погоду — в августе месяце — так и быть, а ведь неприятно сидеть взаперти, когда гулять хочется".

В Кишиневе же Пушкин вспоминает Горация, впервые, как сатирика ("Куда не досягает меч законов,² туда достигает бич сатиры. Горацианская сатира тонкая, легкая и веселая...")³

В 1821 г. в том же смысле Пушкин писал:

Не тем, что у столба сатиры Разврат и злобу я казнил, И что грозящий голос лиры Тирана в ужас приводил...

Любопытно, что и в 1824 г. Пушкин перефразировал ту же тему, оставаясь, однако, в пределах античного образа:

О муза пламенной сатиры! Приди на мой призывный клич! Не нужно мне гремящей лиры! Вручи мне Ювеналов бич!

Из Вергилия для Пушкина начинает звучать стих о данайцах (19 августа 1823 г. Вяземскому).

В эти же годы, пользуясь для скрытого обозначения своей ссылки терминологией древного мира (например в послании "Ф. Глинке": "меня постигнул остракизм", "эгида ссылки", Москва — Афины), Пушкин продолжает игру именами гражданских героев древней Греции, за которыми прячет своих современников: Будущий вождь Союза благоденствия —

¹ Выражение "смотреть сентябрем" было обычно в языковом обиходе 20-х гг. Ср., например, у Вяземского: "Забавный комик на сцене может в домашнем быту смотреть сентябрем, а трагик быть весельчаком" ("Северные Цветы на 1827 г.", стр. 156).

² Перекличка со строками "Кинжала": "Где Зевсов гром молчит, Где дремлет меч закона".

³ Вяземскому, 1 сентября 1822 г.

Ф. Глинка — Аристид: "я — не Фемистока" ("Л. Пушкину"). Обычное латинское изречение становится знаком его вольнолюбивого фрондерства: "Vale, sed delenda est censura".1

Кажется, можно отметить, что в гражданской лирике Пушкина нет никаких соответствий одам Пиндара. Едва ли Пушкин хорошо знаком был с ними. Зарактерно, во всяком случае, что в посвящении "Гаври-илиады" (1821) он неодобрительно отмечает.

... пиндарических похвал Высокопарные страницы.

ставя их в один ряд со старым "усыпительным журналом". И упоминание Пиндара рядом с Гомером (письмо брату 4 сентября 1822 г.) ничего в сущности не выражает, являясь только традиционной калькой. Ведь и позже Пушкин считал: "Гомер неизмеримо выше Пиндара, ода стоит на низших степенях «творчества»".

Едва ли можно предполагать — скажем попутно — и близкое знакомство Пушкина с греческими трагиками. Не имея возможности читать их в подлиннике, Пушкин вместе с тем никогда не цитирует их в переводах, и его стихи вроде

Там наш Катенин воскресил Эсхила гений величавый

конечно, являются комплиментом скорее Катенину, чем Эсхилу. ³ Также "всуе" (ср. письмо Вяземского Пушкину от 19—20 февраля 1820 г.) ⁴ упоминается обычно и Аристофан.

В числе стихотворений 1822 г. перекликаются с античной тематикой послание "Друзьям" (пир Вакха, Музы, благословляющие венками, скифская жажда, скоротечная жизнь) и в некоторой мере подводящее к теме "Прозерпины" стихотворение "Люблю ваш сумрак неизвестный" (холодная Лета, "они, бессмертие вкушая, их поджидают в Элизей", чистый пламень пожирает несовершенство бытия"). Однако эти темы уже знаменуют стилистический отход от манеры Шенье и подражаний древним, свидетельствуя скорей о философских устремлениях Пушкина, о расширении круга интересующих его вопросов сознания, бытия.

¹ Перевод: "Здравствуй, но цензура должна быть уничтожена".

² В библиотеке Пушкина имеется позднейший, частично разрезанный, перевод Пиндара И. Мартынова, 1827 г. (№ 286) с параллельным греческим текстом. Разрезаны часть оды 1 (олимпийской; и примечания к XII оде пифийской в ч. I и стр. 17—32, 161—185; 225—241 в ч. II).

³ Ср. также в письме Катенину от 19 июля 1822 г. "Прощей Эсхил".

^{4 &}quot;Хотя я и не великий грек, но смею поручиться, что без всякого оскорбления греческой чести можно всегда назвать Аристофаном комика, которого бесстыдная дерзость выводит на сцену гражданина честного с намерением предать его осмеянию общественному" (имеется в виду ближайшим образом Шаховской, за которым с арзамасских времен укрепилась кличка "Аристофан").

В 1823—1824 гг. с античными темами может быть связано уже упомянутое шутливое послание А. Л. Давыдову, говорящее о III оде I книги од Горация на отъезд Вергилия в Афины:

Когда чахоточный отец Немного тощей Энеиды Пускался в море наконец, Ему Гораций, умный льстец, Прислал торжественную оду, Где другу Августов певец Сулил хорошую погоду. Но льстивых од я не пишу...

ит. д.

В духе той же оды Горация выдержан и набросок, в котором Пушкин обращается к кораблю с просьбой сохранить дорогую женщину:

Морей красавец окриленный, Тебя зову — плыви, плыви И сохрани залог бесценный, Мольбам, надеждам и любви, Ты, ветер, утренним дыханьем...

и т. д.

У Горация аналогичное обращение к отцу ветров и мольба к кораблю сохранить бережно "души другую половину" (т. е. Вергилия):

...reddas incolumem precor Et serves animae dimidium meae.¹

Пушкин любил это стихотворение Горация, как показывает и поздней-шая русская цитата из него о "Горациевом мореплавателе".

Кажется, не случайно именно в эту пору происходит и переосмысление Пушкиным Парни, а именно двух фрагментов его "Переодеваний Венеры".

Рассказ об Актеоне по греческим источникам был обработан Овидием.² От Кошанского Пушкин слышал легенду уже в Лицее. Эшенбург говорит о Диане: "единственный из смертных, к которому не могла быть она равнодушна, был пастух, или охотник Эндимион" (стр. 39 по поводу мифа об Актеоне).

Дельвиг в своих "Купальницах" упоминал:

Дерзкого ж, боги, (Кто бы он ни был) молю, обратите рогатым оленем, Словно ловца Актеона, жертву Дианина гнева!

¹ Перевод: «Молю, верни невредимым и сохрани вторую половину моей души".

² "Met.", III, 131—252.

Пушкин хотел разработать эту тему:

В лесах Гаргафии счастливой За ланью быстрой и пугливой ¹ Стремился долом Актеон. Уже на темной небосклон Восходит бледная Диана, И в сумраке пускает он Последнюю стрелу колчана.

Как показывают сохранившиеся планы этого же замысла (Актеон, ип fat и т. д. и Морфей влюблен в Диану), Пушкин хотел сплавить воедино два древних повествования: одно об Актеоне, подсмотревшем Диану в Гаргафии во время купанья и в наказание превращенном ею в оленя, который растерзан своими же собственными собаками (Овидий), и второе — предание о карийском пастухе Эндимионе, влюбленном в Диану. На основе этих двух мифов Пушкин хотел создать новый, собственный, как бы впервые соревнуясь с античной тематикой.

По его замыслу в Диану также влюблен Морфей, усыпляющий соперника Эндимиона перед свиданием. Об этом от соблазненной им нимфы Феоны, видимо мстящей Морфею, узнает Актеон. В отличие от Эндимиона он не засыпает, видит купающуюся Диану и умирает в гроте Феоны. Именно, присматриваясь к мифу об Эндимионе, Пушкин вновь мог обратить внимание и на "Переодевания Венеры" Парни (фрагменты VII, VIII), на упоминаемое в них имя Тheone. Пастух Миртис-Эндимион встречается здесь с самой Дианой и преследует ее нимфу:

La Nymphe de nouveau s'enfuit. Le berger toujours la poursuit. Dans une grotte solitaire, De Diane asile ordinaire, Elle entre; et sa main aussitôt Saisit et lève un javelot.

Нимфа восклицает:

"Diane est jalouse et cruelle: Si je l'invoque, tu péris".

За ланью быстрой и рогатой, Прицелясь к ней стрелой пернатой ("Прогулка в Академию Художеств", 1814).

¹ Этот стих сближается со стихами, приводимыми Батюшковым, известными Пушкину:

² Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т II, "Акаdemia", 1936, стр. 480—606.

³ Тема карийских рощ, пещеры, источника, в связи с размером гекзаметра, интересовала Пушкина и позже (1827) в наброске "В рощах карийских любезных ловцам". В свое время я пытался объяснить его связью с эпизодом "Цеикса и Гальщионы" Овидия, также имеющим отношение к мифу о Морфее.

Появляется Диана:

Diane approche, arrive, passe Au loin elle conduit la chasse, Et laisse la nymphe à Myrtis! 1

Конечно, жеманная манера перезачи мифа у Парни не могла герьезно увлечь Пушкина в эти годы. Интересовала его сама тема.

Творческое создание мифа в античном роде — такова была новая, смелая задача, пленившая Пушкина, еще не разрешенная им на этом материале, но уже поставленная.²

В 1821—1822 гг. он обратился к сюжету о Проверпине, мифу, знакомому ему в общих чертах с лицейских лет. В августе 1824 г. "Проверпина" была закончена как "Подражание Парни". Пушкин имел в виду 27-ю картину "Переодеваний Венеры" — цикла, которым он и раньше интересовался. Он местами близко переводит формулы Парни (ср., например, "Son indifférence est jalouse" и "Равнодушна и ревнива"), местами освобождает свой перевод от перегрузки античной номенклатурой (у Пушкина не упоминаются Минос, Стикс, Харон, Цербер, Атропос), иногда вводит ряд имен, отсутствующих у Парни (Элизей, Лета, Флегетон, нимфы Пелиона, аид вм. les enfers).

Независимыми от Парни строками являются как раз не антологические по материалу стихи, посвященные описанию "любви часов". Интересно отметить, что заключительный образ Парни, не номенклатурно, а по существу ближе у Пушкина к подлинным античным представлениям.

У Парни:

Ouvre la porte diaphane D'où sortent les Songes heureux.⁵

У Пушкина:

И счастливец отпирает Осторожною рукой Дверь, откуда вылетает Сповидений ложный рой.

¹ Перевод: "Нимфа снова убегает. Пастух всё преследует ее. Она входит в уединенную пещеру, обычное пристанище Дианы; и сейчас же ее рука схватывает и подымает копье". "Диана ревнива и жестока; если я призову ее, ты погибнешь". "Диана приближается, подходит и проходит, далеко сопровождает охоту и оставляет нимфу Миртису".

² А. Малеин в заметке "Что такое Гаргария?" ("Пушкин и его современники", вып. XXVIII, 1917, стр. 99—101) справедливо обратил внимание на раздвоение у Пушкина образа Дианы (луна на небосклоне и купающаяся богиня), трудность преодоления которого может быть и заставила поэта бросить стихотворение.

³ Тетрадь ЛБ № 2367; в тетради ЛБ № 2365 заглавие и подзаголовок отсутствуют. Поэже Пушкин печатал стихотворение с подзаголовком "Подражание".

⁴ Перевод: "Ее безразличие ревниво".

⁵ Перевод: "Отворяет прозрачную дверь, откуда выходят счастливые сны".

"Счастливые сны" Парни Пушкин чрезвычайно удачно заменил словами "Сновидений ложный рой". Ложные сны — эпитет, обычный для античного мировозэрения (ср. Овидий, Мет., XI, 614: Somnia vana). Существенно и еще одно отличие от Парни: повествуя об увлечении Прозерпины, Пушкин называет "счастливца" просто юношей, явно избегая буколического термина Парни "le berger", чтобы не создавать впечатления искусственной пасторали на тему о пастушке.

О пристальном, разнообразно выражающемся внимании Пушкина 20-годов к античным темам свидетельствует, между прочим, и попытка его перевести гекзаметром "L'Aveugle" ² A. Шенье ("Внемли о Гелиос, серебряным луком звенящий", июнь 1823 г.). Миф о слепом Гомере, отчасти созданный на основании гимнов, приписывающихся самому Гомеру, отчасти на псевдогеродотовом рассказе, заинтересовал Пушкина в эти годы у Шенье не только самим образом поэта-слепца, принятого пастухами за бога, но и возможностью именно на этом сюжете полемизировать с защитниками русского александрийского стиха. Пушкин нарочито переводит начальные 24 стиха поэмы Шенье гекзаметром.

В апокрифически-легендарном образе "величавого", но "несчастного" старца-поэта:

Горд и высок; висит на поясе бедном простая Лира, и голос его возмущает волны и небо

уже намечается подход Пушкина к вновь заинтересовавшему его позже чисто зрительному образу другого несчастного античного старца—Овидия "Цыган".

О том, что образ Овидия еще раз—и вновь по-новому— пленил Пушкина, свидетельствует и начало послания из Михайловского "К Язы-кову" (20 сентября 1824 г.):

Издревле сладостный союз Поэтов меж собой связует: Они жрецы единых муз; Единый пламень их волнует; Друг другу чужды по судьбе, Они родня по вдохновенью. Клянусь Овидиевой тенью: Языков, близок я тебе.

Аналогия с судьбой Овидия вновь всплыла, но творческая задача и метод ее разрешения стали уже не теми, что прежде. В послании "К Овидию" была аналогия и было использование автобиографических сетований—стихов Овидия. В "Цыганах" Пушкин впервые в своем творчестве ввел античный образ в ткань повествования, вложив рассказ об Овидии в уста одного из действующих лиц поэмы. Повидимому,

¹ Перевод: "Пастук".

² Перевод: "Слепец".

мысль об этом заронил сам Овидий, в "Посланиях с Понта" (III, 2, 41—42), вложивший в уста старику Гету, на фоне рассуждений о славе, рассказ об Оресте и Пиладе ^{1} и былом Тавриды, сохраненный молвой ("nomina fama tenet"). ^{2}

Овидий в элегии и Овидий в поэме, конечно, даны разно.

В "Цыганах" старик-цыган рассказывает про старика-римлянина, так же как Овидиев старый Гет—про греков, живших среди гетов. Это—"из рода в роды звук бегущий". Создается иллюзия преемственности живого общения с самим Овидием:

Царем когда то сослан был Полудня житель к нам в изгнанье. (Я прежде знал, но позабыл Его мудреное прозванье).

Овидий, на этот раз, дается именно в тонах Гомера Шенье, как "святой старик":

Он был уже летами стар, Но млад и жив душой незлобной; Имел он песен дивный дар³ И голос шуму вод подобный.

Но к этим романтическим тонам у Пушкина теперь примешиваются реалистические краски — "иссохший, бледный",

Не разумел он ничего, И слаб и робок был как дети; Чужие люди за него Зверей и рыб ловили в сети,

Античный образ наполнился реалистическим содержанием, материалом реальных легенд, слышанных Пушкиным в Кишиневе, воспоминаньями о собственных кочеваниях столичного дэнди-поэта, заброшенного к современным "варварам".

Ответные рассуждения Алеко о бренности славы и обращение его к Овидию ("Певец любви, певец богов, скажи мне, что такое слава?") несомненно прямо отвечают рассуждениям о славе (gloria) и передаче имени потомству ("а memori posteritate legar") самого Овидия в том же эпизоде "Понтийских писем" (ст. 29—36). Этот эпизод со старым Гетом,

¹ Пушкин внимательно должен был оценить и введение материалов об Овидии в роман ("Мученики" Шатобриана, кн. VII).

² Ср. "Forte senex quidam, cœtu quum staret in illo, Reddidit ad nostros talia verba sonos" ("Случайно какой-то старик, находившийся в этом собрании, такими словами ответил на мои речи").

³ Первоначальные варианты: "когда то сослан был Царем латинец к нам в изгнанье И мир у нас его забыл " (или: "И царь его совсем забыл"); "Он был сед и стар, Но был ребенок..."; "Имел он песен нежный дар И глас, журчанью вод подобный". Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. IV, Академия Наук СССР, 1937, стр. 442—443 и 457.

уроженцем Тавриды ("Est locus in Scythia, Tauros dixere priores..."), вообще один из наиболее поэтических в книге, привлек внимание Пушкина в том же 1824 г. и другой темой. Раосказ овидиева Гета (ст. 48—96) и состоит из пересказа мифа об Оресте, Пиладе и Ифигении, о развалинах храма Дианы, обагренных кровью жертвоприношения. Развалины этого, еще существовавшего во времена Овидия ("templa manent hodie"), "грозного храма" имел в виду Пушкин и в "Отрывке из письма к Д." ("Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических"). Пушкин вспомнил рассказ из овидиевых "Понтийских писем", столь интересовавших его в южной ссылке.

В 1824 г., в Михайловском, вспоминая, с одной стороны, образ Овидия, с другой—впечатления "морского берега Тавриды" 1820 г., Пушкин вновь вспомнил и вторую тему овидиевых "Посланий". Он пишет послание "Чаадаеву", где античные образы вновь тесно сплетены с гражданственными намеками. Он хочет верить овидиевому мифу и использует Ореста и Пилада, как параллель былой, политически одухотворенной дружбе своей с Чаадаевым.

И вместо "обломков самовластья" теперь пишет имена "на камне, дружбой освященном".

На ряду с пьесами, имеющими отдаленное антологическое звучание, типа элегий Шенье ("Ты вянешь и молчишь") и типа "применений" ("Аквилон"), в октябре 1824 г. в Михайловском Пушкин отдался и разработке непосредственно античной темы. Романтический по своему заданию замысел поэмы о Клеопатре, однако, не является простой обработкой какого-либо определенного новейшего сюжета о Клеопатре. Пушкин не пошел ни дорогой Шекспира ("Антоний и Клеопатра"), ни путем, которым несколько позже пошел Жанен ("Вагпаче"). Пушкин

¹ Перевод: "Есть местность в Скифии, предки назвали ее страной тавров..."

² Ср. также в "Путеществии Онегина" вариант: "Он эрит поэту край священный, с Атридом спорил там Пилат..." Ср. и письмо брату из Кищинева от 24 сентября 1820 г.

³ Языком античных образов осуществлена и стихотворная шутка 1824 г. в письме к А. Г. Родзянко.

⁴ У Шеньс в "Jeune fille, ton cœur avec nous..." также звучат мотивы Горация, Тибулла, Овидия. У Пушкина античными приметами остались роскошные колесницы, отсутствующие у Шенье.

 $^{^5}$ Кроме басни Федра на эту тему, знакомую Пушкину с детства, между ним и Лафонтеном стояла также басня "Дуб и тростъ" Крылова.

опять-таки выбрал боковой, апокрифический рассказ о Клеопатре, найденный им у Аврелия Виктора — незначительного римского историка IV в. н. э. В рукописи "Клеопатры" Пушкин прямо записал "Aurelius Victor", а поэже, приспособляя стихи о Клеопатре к прозаическому рассказу о ней ("Мы проводили вечер на даче"), раскрыл свой источник:

"Надобно знать, что в числе латинских историков есть некто Аврелий Виктор, о котором, вероятно, вы никогда не слыхивали.

- Aurelius Victor? прервал [Вершнев], который учился некогда у езунтов, Аврелий Виктор, писатель IV-го столетия. Сочинения его приписываются Корнелию Непоту, и даже Светонию; он написал книгу de Viris illustricus> о знаменитых Мужах города Рима, знаю...
- Точно так, продолжал Алексей Иванович, книжонка его довольно ничтожна, но в ней находится то сказание о Клеопатре, которос так меня поразило. И что замечательно, в этом месте сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту: Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint...²
- Прекрасно! воскликнул В(ершнев». Это напоминает мне Саллюстия помните? Tantae . . .
- Что же это, господа? сказала хозяйка, уж вы изволите разговаривать по латыни! Как это для нас весело! Скажите, что значит ваша латинская фраза?"

Быть может, с именем Аврелия Виктора Пушкина познакомил еще в Лицее Кошанский, упомянув об одноименном его произведении по поводу читаемых им "De viris illustribus" К. Непота. В эпоху Пушкина и гораздо позже Аврелию Виктору еще приписывалось это произведение.

Быть может, Пушкин натолкнулся на "Знаменитых мужей" с именем Аврелия Виктора в Михайловском, пользуясь библиотекой Тригорского, где Осипова имела ряд книг греческих и латинских историков. До наших дней сохранились принадлежавшие ей сочинения Геродота, Диодора Сицилийского, Цезаря, Светония, Саллюстия в русских переводах. На русский язык, впрочем, Аврелий Виктор вообще не был переведен, и Пушкин мог иметь дело, кроме оригинала, разве только с французским переводом.

Всего вероятнее, как это предполагалось, что не частое имя Аврелия Виктора всплыло перед Пушкиным в связи с его новыми историческими интересами и занятиями, в частности с его вниманием к Тациту.

¹ Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VIII, Академия Наук СССР, 1938, стр. 421.

 $^{^2}$ Перевод: "Клеопатра отличалась такой страстностью, что часто предлагала себя, и была такой красоты, что многие покупали ночь ее ценою смерти".

³ Б. Л. Модзалевский. "Поездка в Тригорское", 1903, стр. 45-46.

⁴ М. М. Покровский. "Пушкин и римские историки". "Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому". М., 1909, стр. 485. — А. И. Малеин. "Пушкин, Аврелий Виктор п Тацит". "Пушкин в мировой литературе", Л., 1926, стр. 11—12.

Так вновь подтвердилось памятливое внимание Пушкина к преданиям древности:

... дней минувших анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей ¹

писал Пушкин в первой главе "Онегина". Сам он имел особый вкус к наиболее редким изводам исторического анекдота.

В Михайловском один из таких раритетных "анекдотов" послужил отправной точкой "Клеопатре". Эти стихи свидетельствуют уже, что Пушкин не только творит "в антологическом роде", но и создает самостоятельные картины, свободно оперируя античным материалом.

В особенности колоритны характеристики любовников царицы, противопоставленных как типы, — воина Рима и выученика Греции:

И первый Аргилай, клеврет Помпея смелый, Изрубленный в боях, в походах поседелый.

... Критон, изнеженный мудрец, Воспитанный под небом Арголиды, От отроческих дней поклонник и певец И пламенных пиров и пламенной Киприды.

Ссылка в село Михайловское совпала с временем, когда кристаллизовались исторические взгляды Пушкина. От романтических поэм он
перещел к исторической драме. Кишиневские попытки писать на тему
из русской истории не носили широкого характера и остались незаконченными. Михайловское дало "Бориса Годунова". Исторические концепции
Пушкина созрели. Окруженный историческими воспоминанями, погруженный в летописи, изучая Карамзина, читая Шекспира, он осмыслял не
только прошлое, но и настоящее. "История народа принадлежит поэту".
В новом взгляде на мир опять-таки сыграла известную роль и античность: обращение Пушкина к древним историкам, новые исторические
аналогии из древнего мира. Факты этого рода обследованы лучше
многих других,² и остается здесь только напомнить о них и уточнитьнекоторые детали, чтобы уяснить, какое место они занимали в общей
картине "античности в творчестве Пушкина".

Мы видели выще, какое большое место еще в Лицее занимало изучение Корнелия Непота, как увлекались лицеисты Плутархом. Кошанский, Галич, Кайданов, Куницын не раз на своих лекциях поминали имена римских историков, клеймили тиранов древности, сближали золо-

Времен (минувших) Анекдоты помнил он Он энал, что значит Рубикон.

¹ Вариант:

² М. М. Покровский. "Пушкин и римские историки". — Его же, "Античность и Пушкин". — А. И. Малеин. "Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит". — И. Д. Амусин. "Пушкин и Тацит".

той век римской литературы с "дней Александровых прекрасным началом", подсказывали аналогию: Александр I—Август; воспитывали в лицеистах дух высокой античной гражданственности, увлекая примерами жизни знаменитых людей. Иллюстрации из жизни древних республик, обобщения их исторического опыта, прошедшие сквозь призму французского энциклопедизма, с юных лет готовили почву для исторического мировозэрения Пушкина. Язык исторических и литературных "применений" был ему привычен. Он играл им и на нем мыслил. От стихотворения "К Лицинию" и первых обращений к Чаадаеву и эпиграмм, через образ Овидия, до послания "Чаадаеву" 1824 г., прерывисто, но в одном направлении, шла одна из основных линий восприятия античности Пушкиным.

Следует особо подчеркнуть, что в эпоху юности Пушкина эта линия отражала на себе идеологию тех передовых слоев русского общества, из которых набирались будущие декабристы. Широко известно, какое огромное воспитательное значение имела античность в их кругу, какую роль она играла в формировании их исторических, т. е., прежде всего, общественно-политических взглядов.

Еще В. И. Семевским в свое время был собран материал (ныне его можно дополнить), позволяющий говорить о несомненно значительном воздействии на идеологию декабристов деревних писателей, на ряду с новейшими писателями, историками, экономистами и философами. Так продолжалась традиция деятелей Французской революции и Радищева. Якушкин вспоминает, что еще в 1818 г. "Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и др. были у каждого из нас почти настольными книгами". Н. Тургенев в 1821—1824 гг. делал выписки из Плутарха и "Т. Ливия. Чтение жизнеописания Гракхов Плутарха наводило декабристов на мысль определить размеры землевладения законом; "любовь к вольности и народодержавию" возникла в них под влиянием изучения греческой и римской истории, чтения Плутарха и Корнелия Непота.

Кошанский, читая этих писателей с лицеистами, невольно толкал их к вольнолюбивым семенам "лицейского духа".

Члены Общества соединенных славян переводили Саллюстия, 5 члены Южного общества (и среди них Пестель) увлекались "Государством" Платона и его "Законами". 6

Выше указаны конкретные отзывы Пушкина разных периодов на революционизирующее значение древних писателей, преимущественно героических образов древнего мира.

¹ В. И. Семевский. "Политические и общественные идеи декабристов". СПб., 1909.

² Там же, стр. 220.

³ Там же, стр. 216, ср. еще стр. 679.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ Там же, стр. 228.

⁶ Там же, стр. 228.

Имена Брута, Цезаря, Овидия, Августа — вот новая номенклатура, приметы новой струи античности в творчестве Пушкина, с чужих слов пробивавшейся еще в Лицее как "лицейский дух", своеобразнее быющей в эпоху греческого восстания в ряде полулегальных намеков ("allusions"), культивированной в эпоху ссылок.

Еще во время пребывания Пушкина в Одессе (24—25 июня 1824 г.) перед ним возникла новая античная аналогия к событиям собственной его жизни. Он писал с оказией ("спустя рукава"): "Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти еще неизвестно. Тиверий рад будет придираться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня". Вспомним хотя бы лицейскую характеристику, какую давал Кошанский этим персонажам древней истории, и раскрытие им басенных аллегорий Федра. Сеян — воплощение злоупотреблений. Тиверий — мнительный Тиран, при котором "невинность не имела защиты". Сеян — Воронцов. Тиберий — Александр I.1

Так, с разных сторон, подходил Пушкин к аналогиям с древним Римом по поводу исторических обстоятельств, исторических людей и своей собственной судьбы. Рядом с поэтическими образами античности всплывал интерес к древней истории. Она помогала понимать закономерности собственной истории, которую осмыслял будущий автор "Бориса Годунова". И не случайно имена Аврелия Виктора, Саллюстия, Непота и прежде всего Тацита вновь попали в поле эрения Пушкина, лишь только он сосредоточился на эпохах "великих мятежей" русской истории в 1824—1825 гг., и "в пяльцах" у него оказалась историческая трагедия.

В эти дни, когда он опасался возможного своего заключения в Шлиссельбург, у него возникла еще одна историческая аналогия. Он писал Дельвигу: "Некто Вибий Серен, по доносу своего сына, был присужден римским сенатом к заточению на каком-то безводном острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не должно лишать способов к поддержанию жизни. Слова достойные ума светлого и человеколюбивого! — Чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был одним из величайших государственных умов древности".

¹ В том же письме находится и другая аналогия (по поводу разочарования в участниках греческого восстания, недостойных "защищать свободу"), направленная по адресу "современных Мильтиадов" ("Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы"). То же в черновике письма к В. Л. Давыдову.

² Письмо П. А. Осиповой от 25 июля 1825 г.

^{3 23} июля.

Итак, приготовляясь к своей трагедии, Пушкин читал Тацита и в нем нашел исторический эпизод, в известной мере аналогичный своему собственному положению.

Этот эпизод ("Анналы", кн. IV, гл. 28—30) находится среди рассказов Тацита об эпохе тяжелейших гонений и доносов, организованных Тиберием, и повествует о Вибии Серене, проконсуле Испании, обвиненном по закону о злоупотреблении властью и за свой жестокий нрав сосланном на пустынный остров. Приведем этот эпизод:

"В то же консульство случился возмутительный пример этого страшного жалкого века: сын явился обвинителем своего отца. И тот и другой назывался Вибием Сереном. Ввели с сенат отца, отягощенного ценями, и сына обвинителя, роскошно одетого веселого молодого человека. Сын, выступая в одно время как обвинитель и как свидетель, уличал отца в элоумышлении против Тиберия... «Отец» обратился к сыну, взывал к богам мстителям, «да возвратят они его в ссылку, где он будет далеко от этой страшной безнравственности, где накажут преступного сына...»" 2

Пушкин остановил свое внимание не на фактах старой ненависти Тиберия к изгнаннику Серену, а на том, что Тиберий всё же "возразил Галлу Азинию, предложившему заключить Серена на остров Гиар или Дионузу, что на этих островах нет воды, и что если кому дарована жизнь, то надо дать и возможность жить".

Последние фразы, процитированные Пушкиным, позволили ему по новому взглянуть на Тиберия и на отношение к нему Тацита; его соображения получили развитие в "Замечаниях на «Анналы»". Вместе с тем Пушкин, несомненно, намекал Дельвигу и на близость ситуации Серенов к своему положению, когда отец шпионил за ним, а он вынужден был ссориться с отцом. Ведь всего девять месяцев тому назад он писал Жуковскому: ""...предложить отцу моему быть моим шпионом. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем... Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет".

Надо полагать, что возникший в Михайловском первый замысел "Скупого Рыцаря" поддерживал ту же ассоциацию (отец доносит на сына, сын вызывает отца).

Ужасный век, ужасные сердца.

Но если Пушкин ставил себя в положение Серена-отца, то, вероятно, и потому также, что надеялся в 1825 г. на "светлость и человеколюбие ума" своего Тиберия — Александра I, ожидая от него также "дос-

¹ Ср. также "Анналы", кн. IV, гл. 13.

 $^{^2}$ "Летопись Кая Корнелия Тацита". Перевод Алексея Кронеберга, ч. 1, 1858, стр. 210—211.

³ 31 октября 1824 г.

тойных" слов на тему: "человека, коему дарована жизнь, не должно лишать способов к поддержанию жизни."1

В "Замечаниях на «Анналы»" (Пушкин работал над кн. І по французскому тексту), писанных, повидимому, в то же лето, но несколько позже, Пушкин, как это можно считать доказанным, решает ряд вопросов в связи с "Борисом Годуновым". Таково замечание: "Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью, то Тиберий прав".

Но, сопоставляя своего Годунова с Тиберием как узурпатора и двуличного лицемера, он явно не упускал из виду и старой аналогии между Тиберием и Александром I, имея в виду те же качества. Он трезво смотрит на жестокость Тиберия ("но и Тиберий не пощадил бы его"), берет под сомнение искренность его возмущения ("Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, котя и притворялся иногда, будто бы негодовал на оную. Но сие уже впоследствии..."), считает его довершителем уничтожения республики. Замечания преимущественно относятся к приходу Тиберия к власти и стремятся внести уточнения в концепции и формулировки Тацита. Пушкин исходит из концепции: Тацит — бич тиранов. Но он с тонкой проницательностью подлинного историка взвешивает все его аргументы, вносит отдельные сомнения, осторожно вводит собственные полугипотезы.

Так, в вопросе о том, кто приказал убить Агриппу, Тиберий или Ливия, он вместо Тацитова ответа — "неизвестно", предлагает свой: "Вероятно, Ливия". Материалом к этому могло послужить замечание Тацита же: "он из страха, она из злобы мачехи". Очевидно, Пушкин в своем предположении руководствовался психологическим соображением, что женщина-мачеха была опаснее. Но тут же прибавил: "но и Тиберий не пощадил бы его". Эта поверка древнего писателя общечеловеческими, современными реалиями крайне характерна для отношения Пушкина к античным писателям.

Приводя слова Тацита о смерти Юлии, Пушкин добавляет: "славная своим распутством и ссылкой Овидия" и опять-таки пробует упрекнуть Тацита в неточности: "не от нищеты и голода, как пишет Тацит: — Голодом можно заморять в тюрьме". Опровержение совершенно реальное, чисто житейское, стремящееся снять слой декламации.²

Вообще, веря страницам Тацита, посвященным неслыханным злодеяниям Тиберия, Пушкин хочет выказать максимум беспристрастия

 $^{^1}$ В том же письме к Дельвигу Пушкин писал: "обо мне намерены передоложить. Напрасно: письмо моей матери ясно".

² На самом деле у Тацита нет слова "голод", а есть "изнурение" ("tabes") и Пушкин был введен в заблуждение французским переводом (см. Г. Гельд. "По поводу замечаний Пушкина на «Анналы»", "Пушкин и его современники", вып. 36, 1923, стр. 60).

нового историка, ученика Карамзина, подходящего к образу Годунова. Он немного иронизирует над отсутствием в нем беспристрастия, над его наивностями ("прибавляет он важно"; "не от зависти, как думает Тацит"). Этот взгляд Пушкин отчетливо сформулировал три года спустя в черновом тексте "Записки о народном воспитании", характеризуя Тацита как "великого сатирического писателя, впрочем, опасного декламатора, исполненного политических предрассудков".

Но, разумеется, в этой характеристике, направленной в руки царю, Пушкин не мог повторить важнейшего, расшифровать слова "сатирический писатель" как — "бич тиранов".

Нам кажется, однако, что нет оснований к установившемуся у нас взгляду, что Пушкин "защищает" Тиберия от нападок Тацита. Так, например, седьмое замечание Пушкина на 52-ю главу Тацита отнюдь не свидетельствует о защите Тиберия. Пушкин только, исходя из Тацитова материала, объясняет, почему "Тиберий не мог доволен быть Германиком", почему "откровеннее и вернее" хвалил Друза. Но здесь нет "защиты" Тиберия от Тацита, как нет ее и в других замечаниях.

Как бы то ни было, на материале античной истории Пушкин пробовал собственные исторические концепции. Характерно, что и в "Графе Нулине" его заинтересовала "мысль пародировать историю (т. е. рассказ Тита Ливия) ^{2} и обработку римского сюжета Шекспиром, которым он так был занят в период работы над "Борисом Годуновым".

К 1825 г. относится также ряд лирических произведений Пушкина, так или иначе связанных с античностью ("Вакхическая песня", "Ех ungue leonem", "Движение", "Сафо"). Всего показательнее относящаяся к маю 1825 г. "Ода Его Сият. Гр. Д. И. Хвостову".

Следует подчеркнуть, что, кроме пародирования самого жанра высокой прозы, это стихотворение является последней расправой Пушкина и с номенклатурным восприятием античности, когда-то свойственным и ему самому. Это обнажено в бессмысленном перечне античных имен в заключительных стихах:

И да блюдут твой мирный сон Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея, Гебея, Псиша, Крон, Астрея, Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

В Михайловском Пушкин возвращался к античности и по другим поводам.

¹ М. М. Покровский. "Пушкин и античность", стр. 51.

² Ср. Б. М. Эйхенбаум. "О замысле графа Нулина". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, 1937, стр. 352.—Первоначально Пушкин написал: "Брут не изгнал бы царей [Цари под кинжалом] и мир и история были бы но те. Итак, Республикою, Консулами, Диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазительному происшествию" и т. д. — Эпизод с Лукрецией, по Титу Ливию, изложен также Овидием в "Фастах" (кн. II, ст. 785—852).

³ Перевод: "По когтю узнают льва".

В письме к Гнедичу (23 февраля 1825 г.) он ждет "совершения" его Гомера: в предисловии к I главе "Евгения Онегина" вновь упоминает имена "Ювенала, Петрона, Катулла, Апулея"; в статье "О предисловии Лемонте" говорит о "сокровищнице гармонии" древнегреческого языка, его обдуманной грамматике, "прекрасных оборотах, величественном течении речи", указывает на его значение для языка славянорусского, сочетавшего в себе книжное и простонародное наречия.

Осмысляя значение греческого языка, Пушкин в том же 1825 г. определяет и значение древних литератур в целом. Одним из внешних поводов к этому явилась статья Бестужева "Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов" в мартовской книжке "Полярной Звезды". Пушкин реагировал на нее первоначально в письме к Бестужеву (от конца мая — начала июня 1825 г.):

"У римлян век посредственности предшествовал веку гениев — грех отнять это титло у таковых людей, каковы Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они, кроме двух последних (Виноват! Гораций не подражатель), шли столбовою дорогою подражания. Критики греческой мы не имеем".

В наброске статьи ответа Бестужеву это же место было еще доработано:

"О греческой поэзии судить нам невозможно, до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия, но мы знаем, что Геродот мил прежде поэзии Эсхила—гениального творца трагедии.1

Невий предшествовал Горацию, Энний — Виргилию, Катулл — Овидию, Гораций— Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо поэже. Всё это не может подойти под общее определение г-на Бестужева".

Может быть, с чужого голоса, но уверенно, Пушкин говорит эдесь о периодизации древних литератур, о ряде таких менее известных имен как Невий и Энний. Всё это свидетельствует о глубоком внимании Пушкина к своей теме. Но, может быть, наиболее значительным высказыванием его об античности, зрелым и продуманным, являются его строки в статье того же года "О поэзии классической и романтической", хотя за основу деления Пушкин и взял критерием признак одной формы. Характерно уже то, что именно на оселке античности Пушкин пробует разрешить важнейшие литературные проблемы, его волнующие:

"Гими Ж. Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, «Освобожденный» Иерусалим от "Энеиды" — однако ж все они принадлежат к роду классическому. К сему роду должны отнестись то стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам или коих образцы они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь".

¹ Ошибка Пушкина: Эсхил (524—456 гг.) был старшим современником Геродота (484—425 гг.).

Это представление об универсальности классицизма как фундамента мировой литературы крайне характерно для Пушкина. Он продолжает:

"Какие же роды стихотворения должно отнести к поэзии романтической? — Все те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими".

Итак, романтизм почти сводится Пушкиным к трансформации античных форм. За этим следует внушительная концовка данного раздела:

"Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности".

Характерно, что эта декларация уважения к древней культуре без изменений была перенесена Пушкиным и в новый проект его статьи в 1834 году.¹

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее исследование должно было содержать еще две главы. О содержании их мы можем судить по двум сохранившимся планам. Первая из ненаписанных глав должна была содержать анализ антологической лирики 30-х годов ("Переводы", "Надниси", "Памятник"). Последняя глава исследования касалась прозы (она означена в плане: "От поэмы к повести из древнего мира"). В ней намечена к разбору "Клеочатра" ("Египетские ночи") и "Повесть о Петронии". Основные темы этой главы: "Замысел романа", "Смысл исторического романа", "Аллюзни", "Стиль".

Смерть помещала Д. П. Якубовичу написать эти главы.

 $^{^1}$ См. С. М. Бонди. "Историко-литературные опыты Пушкина". "Литературное-Наследство", № 16-18, 1936, стр. 421-442.

И. Д. АМУСИН

ПУШКИН И ТАЦИТ

I

Тацит был знаком Пушкину уже в Лицее. Впервые он упоминает о нем в лицейском стихотворении 1814 г. "Пирующие студенты". Лекции лицейских профессоров словесности и древней истории — Георгиевского, Кайданова — должны были привить вкус и уважение к Тациту. Так, например, Кайданов в своих "Основаниях всеобщей политической истории", главу "Республика, превращенная в империю" начинает со следующего обзора источников этого периода: "Источники: сочинения Диона Кассия, кн. LI—LXXX, в особенности же летописи неподражаемого историка философа Тацита, суть вернейшие источники Римской истории сих времен... История Патеркула, содержащая царствования Августа и Тиберия, написана по замечанию Геерена в духе ласкательства". 2

Изобразив в светлых красках правление Августа, Кайданов клеймит Тиберия (кровожадный, мрачный, свирепый и т. п.) и последующих императоров.

Не менее выразительно охарактеризовал Тацита и Кошанский в учебном пособии для лицейских лекций: "Ручная книга Древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. Санкт-Петербург, 1816 г." В этой книге, которую, по свидетельству Я. К. Грота, З Кошанский имел на своих лицейских лекциях еще до ее издания на русском языке, о Таците говорится следующее: "Его творения служат образцом истории и политики; благоразумный выбор деяний, тонкость и точность наблюдений, почерп-

¹ См., например, "Лицейские лекции по записям Горчакова" ("Красный Архив", № 1, 1937, стр. 135).

² Основания всеобщей политической истории. Часть 1. Древняя История, изданная по повелению Министерства народного просвещения в пользу воспитанников императорского Царскосельского Лицея адъюнкт-профессором Иваном Кайдановым. Санкт-Петербург, 1814, стр. 371—372.

³ Я. К. Грот. "Пушкин, его лицейские товарищи и наставники". Изд. II, СП6., 1899, стр. 7.

нутых из глубины человеческого сердца, сила и выразите ьность слога, вот те качества, в коих никто еще доселе не мог с ним сравниться".1 В "Плутарке для юношества" П. Бланшарда, бывшем в круге чтення лицеистов, о Таците в интересной для нас связи с Тиберием можно прочесть, например, следующее: "Описание царствования Тиверия считается образцовым произведением Тацита и политики. Остаток его истории, говорит Перро д'Абланкурт, мог быть сочинен кем-нибудь другим. В Риме не было недостатка в писателях для точного изображения пороков Калигулы, глупости Клавдия и жестокостей Нерона, но для описания жизни столь хитрого государя, каков Тиверий, надлежало быть Тациту: он только мог обнаружить притворные его добродетели, распутать интриги, определить причины происшествий и отличить действительное от мнимого. Вот в чем состоит великое дарование сего историка! Честность, управлявщая проницательным его умом, не позволяла ему скрывать истины даже и в то время, как она оскорбляла собственные его чувства, приличные истинному республиканцу древнего Рима". Георгиевский, по записям Горчакова, говорил о Горации, что "по силе и краткости можно назвать его Тацитом". Встественно повтому, что уже из Лицея Пушкин мог вынести высокое представление о Таците.

Летом 1825 г. в с. Михайловском, в разгар напряженной работы над "Борисом Годуновым", над Карамзиным и летописями, Пушкин штудирует Тацита с пером в руках и пишет дошедшие до нас не полностью замечания на "Анналы". В 1826 г. в "Записке о народном воспитании", представленной Николаю I по двукратному предложению шефа жандармов Бенкендорфа, говоря о постановке преподавания истории, Пушкин призывает не искажать республиканских рассуждений [Тацита, великого сатирического истолненного декламатора, исполненного латинских предрассудков]..." 5

^{1 &}quot;Ручная книга", т. I, стр. 498. Примечательно, что и здесь, как и у Кайданова, Патеркул невыгодно противопоставляется Тациту: "Сей писатель (т. е. Патеркул, — И. А.) пристрастен и наполнен ласкательства к Тиверию и недостойному его любимцу Сеяну" (см. там же, стр. 497). Характеристика Тацита — самая блестящая из всех восемнадцати характеристик римских историков, данных Кошанским.

² "Плутарх для юнощества или жития славных мужей всех народов от древнейших времен и доныне, изданное Петром Бланшардом", перевод с французского, издание второе, М., 1814, ч. IV, стр. 17—18.

^{3 &}quot;Красный архив", 1937, № 1, стр. 154.

⁴ Ср. позднейшие высказывания ученых, например Мериваля: "Дух едкой сатиры выступает постоянно сильнее и открытее; последнее и самое зрелое из его произведений — Анналы, совершенно сатира" (курсив здесь и ниже мой, — И. А.) (Ch. Merival., "History of the Romans under the empire", т. VII, 1862, стр. 343).

⁵ "Сочинения Пушкина", т. IX, полутом II, изд. Академии Наук СССР, 1929, При мечания, стр. 65. По другому варианту это место читается так: "Именно в сем окончательном курсе историю должно будет явить со всех ее сторон — не таить от них

В 1828 г. в письме по поводу "Бориса Годунова" Пушкин писал: "Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи <в "Британике">, был исполнен Тацитом, духом Рима".¹

В 1835 г. в одном из набросков к "Египетским ночам" ("Мы проводили лето на даче у княгини...") мы находим одно очень интересное упоминание о Таците, свидетельствующее о том, что "проникнут духом Тацита" был не только Расин, но и сам Пушкин. Говоря об Аврелии Викторе (IV в. до н. э.), герой замечает: "книжонка его довольно ничтожна, но в ней находится то сказание о Клеопатре, которое так меня поразило. И—ито замечательно, в этом месте сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту: Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint...²

— Прекрасно! — воскликнул Вершнев. — Это напоминает мне Саллюстия — помните? Таптае . . . " 3

Приписывавшуюся Аврелию Виктору книгу "De viris illustribus urbis Romae" Пушкин читал в 1824—1825 гг., что явствует из того, что на автографе стихотворения "Клеопатра" (1825, вошедшем позднее в текст "Египетских ночей"), в котором Пушкин использовал цитированное известие Аврелия Виктора о Клеопатре, имеется собственноручная пометка Пушкина: "Aurelius Victor". Эта попутно возникшая у Пушкина ассоциация между стилем Аврелия Виктора, Тацита и Саллюстия — крайне характерна. Интересно наблюдение, сделанное по этому поводу А. И. Малеиным, что выводы позднейших специальных исследователей стиля Аврелия Виктора целиком совпадают с определением Пушкина.

Наконец, в том же 1835 г. Пушкин начинает писать повесть из римской жизни "Цезарь путешествовал", где в своем рассказе о Петронии— главном персонаже повести— ближайшим образом следует 18-й и 19-й главам XVI книги "Анналов" Тацита. В этой повести, как это

республиканских рассуждений Тацита (великого сатирического писателя, впрочем опасного декламатора и исполненного политических предрассудков)..." (Там же, стр. 64—65).

Лишь в самое последнее время пересмотрен вопрос о якобы капитулянтском характере этой записки Пушкина. См. А. Цейтлин. "Записки Пушкина о народном воспитании". "Литературный Современник", № 1, 1937, стр. 266—291.— В связи с этим замечание Пушкина о Таците приобретает для нас особое значение.

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. V, "Academia", 1936, стр. 284.

 $^{^2}$ Перево д: "Она отличалась такой похотливостью, что часто торговала собой, такой красотой, что многие покупали ее ночь ценою жизни".

³ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII , Академия Наук СССР, 1938, стр. 421.

⁴ А. И. Малеин. "Пушкин и Аврелий Виктор". Сб. "Пушкин в мировой литературе", ГИЗ, 1926, стр. 12. Так, например, Лео говорит, что в стиле Аврелия Виктора "Sallustisch-taciteisches Gepräge und Ethos den Eindruck des grossen historischen Stils hervorruffen wollen" (Fr. Leo. "Die Griechisch-römische Biographie" Leipzig, 1901, стр. 307).

жоказал И. И. Толстой, отмечается сознательная попытка Пушкина максимально приблизиться к речевому стилю античного повествования, причем влияние античного слога "Анналов" Тацита выступает с несомненностью.

1825 год имел исключительное значение в жизни Пушкина. Именно в 1825 г. Пушкин почувствовал, что его душа "созрела для творчества". И, несомненно, важнейшей вехой в жизни и творчестве Пушкина явилось создание "Бориса Годунова". Работа над "Борисом Годуновым" настолько поглощала мысли и интересы Пушкина, что, по его собственным словам, выбор книг для чтения, в сущности, ограничивался в то время только источниками "Бориса Годунова". В это же время Пушкин обращается к внимательному изучению Тацита. Если учесть круг мыслей и интересов поэта летом 1825 г., строгий выбор книг и целиком захватившую его работу над "Борисом Годуновым", то вряд ли в это время обращение к Тациту могло быть случайным. Чем же в таком случае оно было вызвано?

Как известно, Тацит был весьма популярен в среде, близкой декабристам, и среди самих декабристов. Люди, переживавшие фотиевщину и аракчеевщину, действительно могли зачитываться Тацитом, Плутархом, полными превознесений республиканских доблестей и бичевания тирании. Тацит — последний представитель "патрицианского образа мыслей" (Энгельс) 2 — принадлежал к тем авторам, которые способствовали формированию республиканских воззрений декабристов. Из древних писателей это были Тацит, Плутарх, Цицерон, Тит Ливий, Корнелий Непот. Декабрист Якушкин писал, например, в своих воспоминаниях: "В это время мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и др. были у каждого из нас почти настольными книгами". В Н. И. Тургенев, читавший Тацита в 1822 г., записал в своем дневнике: "С Тацитом я расстался как с приятелем, хотел кончить это чтение и сожалел, когда кончил". Тацит и так ярко изображенная им эпоха І века империи служили как бы историческим приговором александровско-аракчеевской деспотии. И совершенно не случайно, на знаменитый 7-й вопрос Следственной комиссии "Откуда заимствовали первые вольнодумнические и либеральные мысли, т. е. от внушений ли других или от чтения книг?" Пестель в своих показаниях писал, между прочим: "Я сравнивал величественную славу Рима во дни Республики с плачевным ее уделом

¹ И. И. Толстой. "Пушкин и античность". "Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. Герцена", т. XIV, 1938, стр. 80 и сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, "Сочинения", т. XV, 1935, стр. 606.

³ И. Д. Якушкин. "Записки". Изд. 2-е, 1905, стр. 19.

^{4 &}quot;Архив братьев Тургеневых", вып. 5, Дневники Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. Пгр., 1921, стр. 323.— Еще раньше в письме к Вяземскому от 30 июня 1819 г. Тургенев писал: "Было время, когда подобно Тациту, и всё думать, и всё говорить я позволял себе" ("Остафьевский архив", т. 1, стр. 275).

под правлением императоров". Каховский показал на допросе, что он был "воспламенен героями древности". Насколько сильно было влияние древних авторов на умы, видно также из характерного рассказа Якушкина о том, как он только что познакомившемуся с ним полковнику Граббе прочел несколько писем Брута к Цицерону: Граббе, который за минуту до этого чтения собирался ехать к Аракчееву, после этого чтения решительно изменил свои намерения, никогда больше у Аракчеева не бывал и вскоре вступил в тайное общество. Не случайно также, что в обороте политической терминологии того времени получили право гражданства символические образы мрачно изображенного Тацитом императорского Рима. Так, например, В. Н. Каразин в доносе, поданиом гр. Кочубею 4 июня 1820 г., т. е. непосредственно после высылки Пушкина на юг, приводя стихи "Поэты", прочитанные Кюхельбекером в СПб. Вольном обществе любителей российской словесности,

В руке суровой Ювенала Злодеям грозный бич свистит И краску гонит с их ланит, И власть тиранов задрожала!

сообщает: "Кюхельбекер, изливая приватно свое неудовольствие (ссылкой Пушкина, — И. А.), называл государя Тиберием... В черте наимилосерднейшей нашел Тиберия — безумец!" 2 К этой же аналогии между Александром I и Тиберием приходит и Пушкин.3

Лето 1824 г. в Одессе было временем вражды между Пушкиным и графом Воронцовым. Издевательская командировка на борьбу с саранчой, перехваченное атеистическое письмо Пушкина и, наконец, отставка—вот биографическая основа для этой аналогии. В письме к П. А. Вяземскому (24—25 июня 1824 г.) Пушкин писал: "Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. — Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня". Осенью 1824 г.

^{1 &}quot;Восстание декабристов. Материалы". Центрархив, т. IV, стр. 91. — Ср. также показания Борисова II (там же, т. V, стр. 22), Андреевича II (там же, т. V, стр. 371—372) и др. О степени популярности Тацита среди декабристских кругов ср. также любопытное свидетельство декабриста Н. Р. Цебрикова (сб. "Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов", М., 1931, стр. 264): "Но Ермолов, еще раз повторяю, имея настольною книгою Тацита и комментарии на Цесаря, ничего в них не вычитал, был всегда только интриган и никогда не был патриотом..."

^{2 &}quot;Русская Старина", 1899, т. 98, май, стр. 278.

³ До этой апалогии с Тиберием Пушкин, как известно, сравнивал Александра I с Августом в стихотворении "К Овидию". Ср. стих. "В стране, где Юлией венчанный" из письма Гнедичу 24 марта 1821 г. и письмо к Л. С. Пушкину в октябре 1822 г.

⁴ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, стр. 98. Не исключена возможность, что Пушкин читал Тацита в Одессе у Воронцова, воспитанного на образцах древней литературы и не расстававшегося со своими любимыми авторами — Тацитом, Титом Ливием и Горацием.

Пушкин приезжает на место своей новой ссылки, в с. Михайловское, берется за изучение только что вышедших X и XI томов "Истории государства Российского" Карамзина, в 1825 г. принимается за создание "Бориса Годунова" и, как сказано, начинает изучать "Анналы" Тацита.

Помимо отмеченной популярности Тацита среди близких Пушкину декабристских кругов, помимо личных мотивов обращения к Тациту, в период напряженных размышлений о проблеме монархии вообще, еще одно обстоятельство должно было усилить этот интерес к Тациту. Тацит, пользовавшийся в Европе репутацией разоблачителя "тайн деспотии" ("secreta dominationis"), был в начале XIX в. объектом преследования со стороны Наполеона.¹

Даже Шатобриан, назвавший Тацита в одной из своих статей в "Мегсиге de France" (от 4 июня 1807 г.) чуть ли не революционером или заговорщиком, "взявшим на себя месть народов", возбудил против себя гнев императора. Наполеон пытался даже изгнать Тацита из школьных программ и заменить его Юлием Цезарем. Во время аудиенции в Эрфурте Наполеон в беседе с Виландом и Гете всячески поносил Тацита "несправедливого хулителя человечества". М. Жозеф Шенье, брат казненного Андре Шенье, поплатился даже отставкой от должности за обращенную к Наполеону фразу: "et son пот ргопопсе fait pâlir les tyrans" ("одно произнесение яменя Тацита заставляет тиранов бледнеть"). 3

Пушкин был в курсе этих "гонений" на Тацита. Об этом имеется совершенно точное свидетельство самого Пушкина. В 9-м пункте своих замечаний Пушкин пишет: "С таковыми глубокими суждениями не удивительно, что Тацит, бич тиранов, не нравился Наполеону, удивительно чистосердечие Александра в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю".4

¹ Материал по втому вопросу имеется в работе итальянского ученого F. Romarino "Cornelio Tacito nella storia della coltura" (изд. 2-е, Milano, 1898). — Ср. М. М. Покровский. "Пушкин и римские историки". "Сборник, посвященный В. О. Ключевскому", М., 1909, стр. 482.

² Цитирую по Гастону Буассье: "L'opposition sous les Césars". Paris, 1905, стр. 297 ("qui s'est chargé de la vengeance des peuples"); русский перевод В. А. Яковлева: Г. Буассье. "Общественное настроение времен римских цезарей", Пгр., 1915, стр. 250.

³ М. М. Покровский. "Пушкин и римские историки", стр. 482. Ср. Е. В. Тарле. "Наполеон", 1939, стр. 93.

⁴ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. V, "Academia", 1936, стр. 269. Фраза до сих пор читалась неправильно. См. об этом ниже заметку В. В. Гиппиуса (стр. 181).

Наконец, намек на Тацита Пушкин мог найти и в XI томе "Истории государства Российского" Карамзина, содержанием которого является история царствования Бориса Годунова.

Так, в XI томе— столь важном для "Бориса Годунова" — Карамзин, отмечая "огромный психологический перелом", совершившийся в Борисе в 1600 г., начавшиеся повальные подозрения в измене, разгром боярских семей, пишет: "Все в ужасе — и Вельможи усердные подобно Римским сенаторам Тибериева или Неронова времени с воплем кидаются на мнимых элодеев, как дикие звери на агнцев, грозно требуют ответа и не слушают его в шуме".2

Отметим, что в своей "Истории" Карамзин упоминает Тацита неоднократно. В предисловии к "Истории государства Российского" он пишет: "доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное!.. «не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоем месте!» есть правило гения". Десятый том Карамзин прямо начинает цитатой из Тацита. О Таците он вспоминает и в связи с Иваном Грозным.

Характерно, что Карамзина даже прозвали русским Тацитом. Так, Рылеев в стихотворении "Пустыня" (1821), перечисляя (как Пушкин в "Городке") своих любимых писателей, писал:

Иль Тацит-Карамзин С своим девятым томом.⁶

Тот же Рылеев, посылая Булгарину одну из своих дум ("Курбский"), писал ему в письме от 20 июля 1821 г.: "В своем уединении прочел я девятый том Русской истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин!— Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита". Еще в 1818 г. Пушкин в эпиграмме на Каченовского (по поводу разбора предисловия "Истории" Карамзина) писал о Карамзине: "Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?" Естественно, что работа над Карамзиным должна была еще более усилить интерес Пушкина к Тациту, за изучение которого он и принимается.

Тацит велик, но Рим, описанный Тацитом,

Достоин ли цера его.

В сем Риме, некогда геройством знаменитом, Кроме убийц и жертв не вижу ничего.

(Карамайн, "Сочинения", т. І, М., 1820, стр. 184).

¹ Еще в 1797 г. в стихотворении "Тацит" Карамзин писал:

² Карамзин. "История государства Российского", т. ХІ. СПб., 1824, стр. 101.

³ Карамзин. "История государства Российского", т. І. СПб., 1818, стр. ХХ—ХХІ.

⁴ Там же, т. Х, 1824, стр. 5.

⁵ Там же, т. IX, 1821, стр. 20.

⁶ К. Ф. Рылеев, "Полное собрание сочинений", изд. "Асаdemia", 1934, стр. 105.

⁷ Там же, стр. 458.

⁸ Л. Гроссман замечает: "пленившись шекспировской исторической философией, Карамзин выразил ее в форме живописных и драматических анналов Тацита". (Л. Гроссман. "Пушкин". 1939, стр. 320).

Выше была уже отмечена неполнота дошедшей до нас рукописи замечаний Пушкина. Впервые произвольно выбранными отрывками они были опубликованы П. В. Анненковым в 1855 и 1874 гг.¹ Возможно, что часть недошедших до нас замечаний пропала еще до того, как бумаги попали в руки Анненкова. Ныне рукопись восьми замечаний хранится в Музее им. А. С. Пушкина (рукопись № 3266). Последнее дошедшее до нас 9-е замечание, впервые опубликованное В. Е. Якушкиным,² находится в другой, переплетенной тетради (№ 2367, л. 60), причем вслед за этим листом много листов вырвано.

Последнее, 9-е замечание, начинающееся словами "с таковыми глубокими суждениями неудивительно, что Тацит, бич тиранов, не нравился Наполеону...", вовсе не вытекает из дошедших до нас первых восьми замечаний, ибо в них Пушкин, полемизирующий с Тацитом, ни одного "глубокого" суждения Тацита здесь не отмечает. Напрашивается предположение, что замечания Пушкина дошли до нас не полностью: перед 9-м замечанием имеется, несомненно, лакуна.

В этих девяти замечаниях, излагающих первую книгу "Анналов" Тацита, внимание Пушкина привлечено исключительно Тиберием.

В 1-м замечании (Ann., I, 3, 4, 5, 6) Пушкин излагает обстоятельства прихода к власти Тиберия, т. е. убийство Тиберием Агриппы Постума, родного внука Августа, "имевшего право на власть" (Пушкин). Пушкин пишет: "Первое элодеяние его (замечает Тацит) было умершвление Постумы Агриппы, внука Августова". Характерна следующая ремарка Пушкина: "Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью — то Тиберий прав".4

¹ П. В. Анненков. "Материалы", 1855, стр. 170—171.—Его же. "А. С. Пушкин в Александровскую эпоху". 1874, стр. 301—302.

² "Рукописи поэта, хранящиеся в Румянцевской библиотеке". "Русская Старина", 1884, т. XLII, май, стр. 352.

³ Только в 6-м замечании Пушкин ссылается на эпизоды с самоубийством Мессалины (Ann., XI, 37, 38) и Сенеки (Ann., XV, 63).

⁴ В этом вопросе, важном для решения проблемы Бориса Годунова, заметна, кажется, перекличка с известными положениями Макиавелли. Так, например, в гл. IX 1-й книги "Рассуждений о первой декаде Тита Ливия" (пер. под ред. Н. Курочкина, СПб., 1869, стр. 148, 149 сл.), озаглавленной "О необходимости быть одному, если желаемь основать новую республику" еtс., Макиавелли неоднократно повторяет, что "Ромул заслуживает извинения в убийстве брата и соправителя" (стр. 149); глава IV-я 3-й книги называется "Государь не может считать себя безопасным, пока живы те, которых он лишил престола" (там же, стр. 375). Ср. также гл. VIII "Il Principe" "О тех, кто добывает княжества злодеянием" (Соч., т. I, Academia, 1934, стр. 250). С этими общензвестными положениями Макиавелли Пушкин мог познакомиться также через Сисмонди ("De la Littérature du midi de l'Europe") и Женгенэ (Р. L. Ginguené. "Histoire littéraire d'Italie". Paris, т. 8, 1819), которых он читал на юге (Женгенэ Пушкин читал в 1822 г.; см. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 486—490). Непосредственное знакомство Пушкина с Макиавелли состоялось, очевидно, позднее (см. Table-Talk). Следует, однако, учесть

Во 2-м замечании (Ann., I, 8) Пушкин чрезвычайно тонко оттеняет характер скрытого презрения Тиберия к "подлости" римских сенаторов.

В 3-м замечании (Ann., I, 10, 11) Пушкин полемизирует с Тацитом по поводу завещания Августа и его отношения к Тиберию.

В 4-м замечании (Ann., I, 11, 12, 13, 14) Пушкин излагает главы Тацита, содержанием которых является разыгранная Тиберием комедия с отказом от власти. И здесь Пушкин возражает Тациту: "Тиберий не допускает, чтобы Ливия имела много почестей и влияния, не от зависти, как думает Тацит".

В 5-м замечании (Ann., I, 15) Пушкин излагает первое действие тибериевой власти — уничтожение народных собраний, перенос комиций в сенат "следственно и довершение уничтожения республики". В пяти словах Пушкин замечательно формулирует смысл этого политического акта Тиберия: "тень правления перенесена в сенат".

В 6-м (Ann., I, 34, 35, 43; XI, 37, 38; XV, 63) и 7-м (Ann., I, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 36, 37, 48, 49, 50, 51, 52) замечаниях, излагая обстоятельства усмирения бунтов германских и паннонских легионов, Пушкин, в противоположность Тациту, отдает предпочтение Друзу, а не Германику, становясь, таким образом, на сторону Тиберия, а не Тацита. ^{1}

В 8-м замечании (Апп., I, 53) Пушкин, введенный в заблуждение неточностью французского перевода Dureau de Lamalle, напрасно полемизирует с Тацитом по поводу обстоятельств смерти Юлии, дочери Августа.²

Наконец, в 9-м замечании Пушкин говорит в первой части об отрицательном отношении Наполеона к Тациту, а во второй как бы возражает Тациту, утверждающему, что Тиберий "не любил сменять своих проконсулов (и) наместников однажды назначив" з будто бы потому, что "злая душа его (Тиберия) не желала счастья многих".

большую популярность Маквавелли среди декабристских кругов, в частности у Пестеля (см. Довнар-Запольский. "Мемуары декабристов", стр. 28. Ср. В. И. Семевский. "Политические и общественные идеи декабристов". СПб., 1909, стр. 225, 217, 227).

¹ Теперь — это общее место в науке. См., например, Lübker-Ziebarth, Real Lexicon, 517 "Aufstände... von... Germanicus sch wächlich, von Drusus mit kluger Energie gedämpft. Tiberius rief Germanicus in ehrenvollster Weise ab..." Ср. у Пушкина замечание 7-е: "Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта... Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок".

² В библиотеке Пушкина имеется французский перевод Тацита Дюро "avec le texte latin en regard" 1818 г. (№ 1420) (ср. там же другое издание: 1830—1835 г., № 635, стр. 165). — Ср. заметку ²/₂Г. Г. Гельда "По поводу замечаний Пушкина на «Анналы» Тацита" ("Пушкин и его современники", вып. XXXVI, 1923, стр. 59—62). — Автор приходит к правильному выводу, что Пушкин пользовался главным образом французским текстом.

^{3 &}quot;Id quoque morum Tiberii fuit, continuare imperia ac plerosque ad finem vitae in iisdem exercitibus aut iurisdictionibus habere" (Ann., I, 80).

Пушкин везде стремится объективно выяснить психологические сложный образ Тиберия, в котором явные патологические признаки сочетаются с крупными государственными и административными способностями. И если Тацита интересовал главным образом патологизм Тиберия, то Пушкин стремится восстановить историческое лицо Тиберия. Что Пушкин именно так подходил к оценке личности и деятельности Тиберия, отказавшись от сгущенно-мрачного изображения Тацита, доказывает одно его крайне любопытное замечание в письме к Дельвигу от 23 июля 1825 г.: "Некто Вибий Серен, — пишет Пушкин, — по доносу своего сына, был присужден римским сенатом к заточению на каком-то безводном острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не должно лишать способов к поддержанию жизни. Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого! — чем белее читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности".¹

Описанный Пушкиным эпизод с Вибием Сереном рассказан Тацитом в 28, 29, 30-й главах IV книги. Рассказ Тацита, однако, не дает абсолютно никаких оснований говорить о "гуманности" и "человеколюбии" Тиберия. Наоборот, из этого рассказа явствует, что "гуманный" поступок Тиберия был вызван только желанием сделать великодушный жест; на самом же деле весь этот отвратительный процесс, направленный против ни в чем неповинного человека, был возбужден лично Тиберием, который "не скрывал своей старой ненависти к изгнаннику Серену".2 Невольная ощибка Пушкина объясняется, вероятно, тем, что его в данвом случае увлекла аналогия с собственной своей судьбой. 3 Пушкину в то время было отказано в разрешении на поездку в Петербург для операции аневризма. "Человеколюбивое" 4 решение Тиберия живо напомнило ему, по аналогии, его собственное положение человека, лишенного "гонителями" возможности лечиться в ссылке и давно возникшее сравнение между Александром I и Тиберием окончательно решилось не в пользу первого. "Даже Тиберий лучше Александра" — хотел сказать Пушкин.5

¹ А. С. Пушкин. "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР 1937, стр. 192 (курсив мой, — И. А.).

² "non occultante Tiberio vetus odium adversus exulem Serenum" (Ann., IV, 29).

 $^{^3}$ На автобиографическое значение этого отрывка указал еще П. Анненков, "Пушкин в Александровскую эпоху", 1874, стр. 303.

⁴ В начале июля 1825 г. Пушкин писал Жуковскому: "Я всё жду от человеколюбивого (курсив мой, — И. А.) сердца императора, авось любо позволит он мне современем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверенности собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства". (А. С. Пушкин, "Полное Собрание сочиненийт. XIII, Академия Наук СССР, 1937, № 182, стр. 187.) В письме к Вяземскому от 13 го июля Пушкин иронизирует по поводу "царской милости", а в письме к Дельвигу от 23 июля сообщает цитированный отрывок о Вибии Серене.

⁵ В этом смысле справедливо замечание Б. М. Эйхенбаума, что "мирюсь с Тиберием"— значит "не мирюсь с Александром I" (Б. Эйхенбаум. "О замысле «Графа Нулива»". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, 1937, стр. 351).

Однако автобиографическое значение оценки Тиберия кончается вместе с первой частью приведенного отрывка о Вибии Серене. Вторая часть "Чем более читаю Тацита..." оценка Тиберия, как одного из величайших государственных умов древности, нисколько не связанная по своему характеру с первой, является объективной оценкой, свидетельствующей об огромном историческом чутье Пушкина в понямании сложных исторических явлений, о самостоятельности его исторических суждений.

Поражает новизна и смелость такой оценки Тиберия, порывающей со всей исторической традицией.

Пушкину, правда, было известно критическое отношение Вольтера к Тациту и его характеристика Тиберия, хотя трудно точно установить, читал ли Пушкин соответствующие высказывания Вольтера до или после своих собственных занятий Тацитом. Но Вольтер в своей статье "De quelques faits rapportés dans Tacite et dans Suétone" ("О некоторых фактах, сообщенных Тацитом и Светонием") побрушивается на Тацита и главным образом на Светония за то, что ими опорочена личная жизнь Тиберия и других императоров без достаточных на то оснований. Вольтер возражает против необоснованных, по его мнению, преувеличений распущенности и разврата Тиберия, требуя доказательств этих фактов. Что же касается самого Тиберия, то Вольтер в этой же статье пишет: "Люди ненавидели Тиберия; и, конечно, если бы я был римским гражданином, я ненавидел бы его и Октавиана, так как они разрушили мою республику!" Никакой иной оценки Тиберия со стороны его государственной деятельности Вольтером не было предложено.

Пересмотр традиционного тацитовского понимания Тиберия начался в исторической науке значительно позднее Пушкина. Лишь в 1850-х и 1860-х годах появились в Европе первые в этом направлении работы Ине (Ihne), Сиверса, Амедея Тьерри, Мериваля и др., по-новому взглянувших на Тиберия. Тем замечательней глубоко оригинальное суждение Пушкина. Если ближе присмотреться к замечаниям Пушкина и его полемике с Тацитом, то заметим, что к своей заключительной итоговой оценке Тиберия Пушкин пришел путем критического, очень внимательного.

¹ Voltaire, Œuvres complètes de Voltaire, Nouvelle édition, т. XVII. Paris, MDCCCXVII стр. 32—35. — В письме к маркизе Du Deffant от 30 июля 1768 г. Вольтер писал: "Я не люблю ни перевода Тацита, ни Тацита самого, как историка. Я смотрю на Тацита, как на фанатика, брыжжущего умом" (т. XXXVI, стр. 641). О литературных достоинствах Тацита Вольтер писал в письме к De La Harpe от 2 июня 1768 г., что только Даламбер был бы способен передать выразительность и определенность Тацита ("la précision et l'énergie de Tacite"), см. т. XXXVI, стр. 618. О Таците см. также "Notes sur le Triumvirat", т. V, стр. 426: "Тацит дает понять, каким образом римский народ привык, наконец, к игу этого ловкого и счастливого тирана..." Все эти места были Пушкину известны, судя по разрезанным страницам в цитированных томах (Б. Л. Модзалевский. "Библиотека А. С. Пушкина". "Пушкин и его современники", вып. IX—X, 1910, стр. 361, № 1491).

подчас даже придирчивого изучения конкретного материала исторической картины, рисуемой Тацитом. Например в 3-м замечании, как уже было указано выше, Пушкин выражает сомнение по поводу тацитовской интерпретации причин, в силу которых Август завещал не расширять границ империи. Тотя у Тацита (Апп., I,11) говорится об этом достаточно неопределенно ("из страха ля это, или из зависти, неизвестно" — "incertum metu, an per invidiam"), тем не менее "зависть" Августа, как исторический фактор, явно смущает Пушкина-историка, и он спрашивает: "В своем завещании [мог ли] [точно ли] [он] из единой ли зависти <нрзб> советовал он не распространять пределы [Рим] империи <нрзб> [заключавшейся] простиравшейся тогда от — до" 2 (№ 2366, л. 60). Достаточно вспомнить, что Август, писавший свое завещание между 9-м и 14-м годами, т. е. непосредственно после грандиозных восстаний в Паннонии и Далмации (6-9 г. н. э.) и поражения Вара в Тевтобургском лесу, был под впечатлением победы варваров, чтобы понять глубокий исторический смысл возражения Пушкина.

Другой пример. В 9-м замечании Пушкин иронически относится к "важному" заявлению Тацита о том, что Тиберий не любил сменять своих наместников в провинциях, так как "злая душа его не желала счастия многих".

Пушкин совершенно справедливо возражает здесь Тациту. Известно, что политика Тиберия в провинциях явилась одной из выдающихся положительных сторон его государственной деятельности. Не имея возможности остановиться здесь на этом подробнее, укажу лишь, что объективно-исторический смысл введенного Тиберием принципа долголетней несменяемости управителей провинций вытекает из сообщенных Тацитом же, в интересующем нас месте, фактов (Ann., I, 76, 80). В объяснении же этого здесь у Тацита, несомненно, недостает объективно-исторического критерия.

Вместе с тем показательно, что ирония Пушкина имеет также своим источником здесь не подлинное выражение Тацита, а слово французского перевода Дюро, не совсем точно передавшее латинский подлинник: "d'autres par envie pour ne point multiplier les heureux". В латинском подлиннике: "quidam invidia, ne plures fruerentur" (Ann., I, 80) Тацитом употреблен глагол "fruor", который здесь означает "пользоваться доходами"; по словам других, Тиберий делал это "из зависти, чтобы не увеличивать числа пользующихся выгодами (доходами); таков

^{1 &}quot;... Augustus addiderat... Consilium coërcendi intra terminos imperii" (Ann., I, 11).

² Характерны раздумья и желание Пушкина представить себе точные границы империи, о чем у Тацига ничего не говорится.

³ Tacite, traduction nouvelle avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, t. I, Paris, MDCCCXVIII, p. 283. — Перевод "другие из зависти, чтобы не увеличивать числа счастливых".

точный смысл этой фразы Тацита". И действительно, достаточно вспомнить большую популярность Тиберия в провинциях, достаточно вспомнить влагавшуюся в уста Тиберия притчу о мухах сытых и голодных, которой он объяснял свой принцип многолетней несменяемости управителей провинций, чтобы понять неуместность напыщенного (или, по словам Пушкина, "важного"), но не совсем точного французского перевода и расплывчатости Тацита (causae variae traduntur...). Как бы там ни было, критический подход Пушкина к рассказам Тацита о Тиберии совершенно очевиден. У него явно выступает — отмечаемая всеми исследователями Пушкина — новая "позиция историка", взглянувшего на трагедию истории "глазами Шекспира". Наблюдения над отдельными конкретными фактами позволили Пушкину сделать общую, блестящую и оригинальную оценку Тиберия, независимо от обаяния Тацита, властно определившего историческую традицию.

Таким образом совершенно очевидно, что первая восторженная характеристика Тиберия в цитированном письме к Дельвигу имеет сугубо-автобиографическое, преходящее значение. Пушкин путем внимательного изучения Тацита и благодаря своему замечательному чутью пришел к объективной и беспристрастной оценке Тиберия как государственного деятеля, и тут "мирюсь с Тиберием" означает большее, чем только "не мирюсь с Александром".

Ш

Карамзин называл Годунова одним из разумнейших властителей в мире. Этот отзыв о Годунове, несомненно, перекликается с пушкинской характеристикой Тиберия как величайшего государственного ума древности, так же, как и Годунов, начавшего свою государственную деятельность непоправимым "злодейством"— убийством законного наследника. Неизбежность мысленной аналогии между этими двумя трагическими фигурами— выдающихся государственных деятелей-узурпаторов—подводит нас к вопросу о работе Пушкина над "Борисом Годуновым".

Работа над "Борисом Годуновым" поставила в центр внимания Пушкина проблему царя-узурпатора. Общеизвестно, что Пушкина вообще привлекал к себе этот вопрос. Изучение Шекспира оживило перед ним образы Макбета, Ричарда III и Генриха IV. Наполеон, образ которого никогда не переставал волновать Пушкина, уже в сказке о Бове трактуется Пушкиным как узурпатор. А в заметках на полях статьи М. П. Погедина "Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия", напечатанной в "Московском Вестнике" за 1829 г., Пушкин, возражая Погодину, замечает: "Не то: смотри Карамзина. А Наполеон, убийца Энген-

 $^{^1}$ Перевод (Кронеберга): "другие — из зависти, чтобы досталось попользоваться немногим" (I, 80).

² Josephus. "Antiquitates". XVIII, 6, 5.

ского, и когда? ровно 200 лет после Бориса". Императора Александра I Пушкин часто связывал с событиями 11 марта 1801 г.²

Если вспомнить, что Пушкин мог подойти к Тациту и через Карамзина, то естественно, что интерес к Тиберию-узурпатору, убийце законного, с точки зрения Пушкина, наследника власти— Агриппы Постума— тем более был не случайным.³

И действительно, в 1-м же замечании Пушкин подробно останавливается на этом событии и дает также следующую характеристику Агриппы Постума: "Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть, и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. — Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием хитрого мятежника".

Но более детальный анализ замечаний Пушкина на "Анналы" Тацита может, думается мне, привести, несомненно, к ряду еще и других наблюдений.

Мнение Пушкина, что Агриппа "нравился черни" и что люди, подобные Агриппе, могут иметь большое число приверженцев, расходится с точкой зрения Тацита. У Тацита, по поводу Агриппы, мы находим следующее: "rudem sane bonarum artium et robore corporis stolide ferocem, nullius tamen flagitii compertum" (Ann., I, 3)⁴ ("Агриппа был, правда, необразован, груб, глупо горд телесною силою, но не уличен ни в каком преступлении").⁵ "... differebant:... trucem Agrippam, et ignominia accensum, non aetate, neque rerum experientia tantae moli parem" (Ann., I, 4)⁶ ("Агриппа жесток, говорили в народе, раздражен бесчестием, молод, неопытен, — и ему не совладать с такою громадой").

Как видно, тацитовская характеристика не дает оснований утверждать, что Агриппа "нравился черни", что жестокие неопытные люди,

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. V, "Асаdemia", стр. 569.—Ср. стихотворение Ламартина "Наполеон", заинтересовавшее Пушкина в 1824 г.

² "Дневник Пушкина" 1833—1835 гг. Под ред. Б. А. Модзалевского, ГИЗ, 1923, стр. 8, 9 и 10, записи от 8 и 17 марта 1834 г.

³ Вопрос о связи "Бориса Годунова" с работой Пушкина над Тацитом впервме в антературе совершенно правильно был поставлен давно, а теперь и вновь подкреплен акад. М. М. Покровским. См. его статьи: "Пушкин и римские историки". "Сборник, посвященный В. О. Ключевскому", М., 1909. — "Пушкин и античность". "Временник Пушкинекой Комиссии", т. 4—5, 1939, стр. 27, 50—53.

⁴ Перевод (Дюро): "...jeune homme... d'une ignorance grossière, et stupidement enorgueilli de la force prodigieuse, à qui toute fois on n'avait point de crimes à reprocher" (I, 3, стр. 151).

⁵ Летопись Кая Корнелия Тацита, перевод Алексея Кронеберга, М., 1858.— В дальнейшем изложении, за исключением оговоренных случаев, русский перевод дается по Кронебергу.

⁶ Перевод (Дюро): "...on craignait dans Agrippa sa férocité naturelle, irritée par l'ignominie, sa jeunesse, son inexpérience, inhabile à porter le fardeau d'un si vaste empire" (1, 4, стр. 153).

которым не справиться с управлением государством, могут иметь "большое число приверженцев".

Чем же, в таком случае, следует объяснять это расхождение Пушкина с Тацитом? Имеются основания предполагать, что Пушкин (увлеченный в то время мыслыю о Димитрии Самозванце) не согласился с тацитовской характеристикой Агриппы как с неправдоподобной. Дело в том, что вскоре после убийства Агриппы началось движение Ажеагриппы, раба убитого Агриппы Постума — Клемента. Этот крайне интересный для Пушкина эпизод с римским рабом-самозванцем, который "едва не ввергнул республику в раздоры и гражданскую войну", рассказан Тацитом в 39 и 40-й главах II книги "Анналов". Тацит сообщает, что раб Агриппы Постума — Клемент, "волнуемый нерабскими мыслями". узнав о смерти Августа, решил увезти Агриппу с места его ссылки на острове Планазии и представить германским войскам. Но Агриппа был убит, и Клемент, "решившись на более важное и отчаянное дело, похишает прах Агриппы, увозит его в Этрурию, на мыс Козу, скрывается в неведомых местах и отпускает себе бороду и волосы: летами и наружностью походит он на своего господина. Там, при помощи тайных сообщников распускает он слух, что Агриппа жив. Сначала эту весть сообщают друг другу шопотом, как всё запрещенное, потом молва распространяется между возмутителями, всегда жаждущими переворотов..." (Ann., II, 39). "А между тем по всей Италии распространилась весть о спасении Агриппы волею богов; в Риме этому верили, уже везде стали говорить о походе на Остию, появились тайные сборища" (Ann., II, 40).

Если же придерживаться вышеприведенной тацитовской характеристики Агриппы (Ann., I, 3, 4), то, в самом деле, может вызвать сомнения то обстоятельство, что такое заведомо непопулярное в народе имя как Агриппа может завоевать столь мгновенный успех и увлечь за собой даже римских граждан в обстановке еще не начавшегося террористического деспотизма Тиберия.

Что Пушкин читал II книгу "Анналов"— не подлежит никакому сомнению. 23 июля 1825 г., сообщая в письме к Дельвигу известный уже нам эпизод с Вибием Сереном из IV книги "Анналов", Пушкин пишет: "Чем более читаю Тацита, тем больше мирюсь с Тиберием". Пушкин, продолжающий внимательно присматриваться к Тиберию после IV книги "Анналов" (кстати, в 10-й главе V-й книги Пушкин мог найти рассказ о появлении еще одного самозванца— лже-Друза¹),

¹ Ср.: "alliciebantur ignari fama nominis et promptis graecorum animis ad nova et mira" (Ann., V, 10) ("незнавшие его греки, всегда склонные верить в чудесное и небывалое, были привлечены громким именем"). Ср. у Пушкина:

Опасен он, сей чудный самозванец Он именем ужасным ополчен.

не мог, разумеется, пройти мимо такого, крайне созвучного ему эпизода. ^{1}

В дошедших до нас замечаниях Пушкин, правда, прямо не ссылается на II книгу "Анналов", но это не может избавить нас от необходимости изучения вопроса, важного для уяснения иллюстративных исторических источников "Бориса Годунова".

Этот сам по себе исключительно интересный для Пушкина (вообще склонного к историческим аналогиям и параллелям) эпизод представлял для него тем более выдающийся интерес, что уже в I книге "Анналов" (им тщательно изученной) бросается в глаза последовательность хода исторических событий, связанных с моментом прихода к власти и Тиберия, и Годунова.

Чтобы убедиться в этом, следует присмотреться к тем главам I книги "Анналов", которые изложены Пушкиным в его замечаниях.

Разумеется, сходство жизненных ситуаций в теме об узурпаторе, в обстановке борьбы за власть, должно предостеречь от увлечений различного рода сближениями. Несомненно, образ русского самозванца Пушкин создавал, имея перед собой "Историю государства Российского" Карамзина. Но тот факт, что, наряду с Карамзиным, Пушкин в то же самое время штудирует и Тацита, что его внимание привлекает Тиберий как узурпатор и перед ним развертывается история римского самозванца, заставляет нас ближе присматриваться к тому материалу, которым пользовался Пушкин.

Так, не случайно в первом же замечании Пушкин подробно останавливается на "первом элодеянии Тиберия", начавшего свое правление с "умершвления Постума Агриппы, внука Августова". Аналогия с "первым элодеянием" Бориса напрашивается сама собою. В этой же 6-й главе І книги "Анналов", на которую ссылается Пушкин, можно прочесть любопытную деталь этого убийства. "Когда Центурион, — пишет Тацит, — доложил ему (т. е. Тиберию, — И. А.), по военному обычаю, что приказ его исполнен, он отвечал, что ничего не приказывал, и что отчет в поступке должно отдать сенату. Саллустий Крисп, участник тайны, отославший приказ к трибуну, опасался, узнавши это, чтобы не обвинили его самого, и тогда равно было опасно, что бы он ни отвечал: истину нли вымысел" (Апп., І, б). И тут заметно сходство с поведением московского убийцы (см. в первой сцене "Бориса Годунова" ответ Шуйского на вопрос Воротынского, почему он не уничтожил Бориса после следствия в Угличе).

¹ Сличая текст заметок Пушкина с текстом "Анналов", видим, что заметки составлялись Пушкиным не всегда в последовательном порядке глав Тацита. Так, краткая заметка 7-я составлена на основе разнообразного материала "Анналов" в следующем порядке глав: 1—52, 36, 37, 52, 48, 49, 50, 51, 52, 28, 25, 26, 29, 30, 27.

Далее, в 4-м замечании Пушкин излагает комедию, которую разыграл Тиберий, принимая власть, и использует при этом материал 11 12 и 13-й глав I книги "Анналов".

В этих же главах имеются и такие детали этой "комедии": после похорон Августа сенаторы обратились к Тиберию с просьбами принять власть, но Тиберий "много разглагольствовал об обширности империи и о своем бессилни" (Ann., I, 11).¹ "Сенаторы боялись одного: как бы он не заметил, что они его поняли² (At patres, quibus unus metus si intellegere viderentur). Они начали рассыпаться в сожалениях, обетах, проливать слезы; воздымали руки к богам, к статуе Августа, к коленам Тиберия" (Ann., I, 11).

Всё это напоминает знаменитую сцену в Девичьем поле (вынужденное коленопреклонение, притворные слезы и т. д.)

Примечательно, что в этой сцене Пушкин резко отступает от основного текста Карамзина. У Карамзина искренность и вдохновение действовали даже на равнодушных и лицемеров, а экзальтированные матери не слушали даже криков выпавших из их рук грудных младенцев.

Дальше мы читаем у Тацита: "Между тем, когда сенат низошел до униженных, неотступных молений..." (Апп., I, 12) "Утомленный, наконец, общими возгласами и отдельными мольбами, Тиберий начал понемногу уступать. Не то, чтобы он сказал прямо: «Я принимаю власть», а только перестал отказываться и заставлять себя просить (Sed ut negare et rogari desineret)" (Ann., I, 13).

В той же 1-й сцене Шуйский говорит Воротынскому:

Чем кончится? Узнать не мудрено: Народ еще повоет да поплачет, Борис еще поморщится немного, Что пъяница пред чаркою вина, И наконец по милости своей Принять венец смиренно согласится...

Обращает на себя внимание еще одна сходная деталь. Тиберий перешел к политике террора (закон об оскорблении величества) в 16 г. н. а., т. е. через два года после принятия власти. Ровно через два года

^{1 &}quot;Борис Годунов": (сп. 3-я, "Кремлевские палаты"): Вы видели, что я приемлю власть Великую со страхом и смиреньем.

² Ср. неприкрытую игру между Борисом и боярами в диалогах Шуйского с Воротынским в 1-й сцене "Бориса Годунова".

³ Карамзин. "История государства Российского", т. Х. СПб., 1824, стр. 234—235.—Версию о притворных слезах и т. д. Пушкин мог найти в примечаниях к Х тому Карамзина и у Щербатова. См. Комментарий к Борису Годунову Г. О. Винокура (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 466—467).

после своего воцарения, в 1600 г., совершается огромный психологический перелом в настроении Бориса. Именно в этом месте своей "Истории", описывая этот перелом, приведший Бориса к восстановлению той страшной системы, когда сонмы изветников устремились к царским палатам "из домов боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки — на людей всякого званья — самые жены на мужей, самые дети на отцов, к ужасу человечества!" 1 — Карамзин сравнивает этот период с "Тибериевым временем".

Несомненное сходство в развитии исторических событий до появления обоих самозванцев еще больше должно было привлечь внимание Пушкина к рассказу Тацита о римском самозванце. Имеющиеся данные дают право предполагать, что чтение II книги "Анналов" предшествовало написанию 9-й и 10-й сцен "Годунова" ("Москва, дом Шуйского", "Царские палаты").

Как известно, Пушкин начал работу над "Борисом Годуновым" в начале 1825 г. и возобновил свою работу после перерыва в мае 1825 г. К этому времени им были написаны первые пять сцен. 13 июля 1825 г. Пушкин сообщает Вяземскому о предпринятом им новом "литературном подвиге" и впервые выписывает полное первоначальное начименование трагедии.

Исследователи Пушкина полагают, что к этому времени, т. е. к 13 июля 1825 г., Пушкин написал первую часть трагедии, т. е. кончая сценой в корчме на Литовской границе. Это вытекает из того, что выписанное в письме к Вяземскому полное наименование трагедии на-ходится в рукописи при списке действующих лиц только первой части.

Таким образом последующие две интересующие нас сцены— "Москва, дом Шуйского" и "Царские палаты" — писались, очевидно, уже в конце июля. В письме к Дельвигу от 23 июля Пушкин ссылается на IV книгу "Анналов", следовательно, время чтения II книги и работы над 9-й и 10-й сценами — хронологически совпадают.

Что касается 39-й и 40-й глав II книги "Анналов", то, как легко заметить, сюжетное сходство истории самозванца Клемента с Дмитрием Самозванцем в "Борисе Годунове" здесь настолько выпукло, что распространяется даже на подробности. По совершенно справедливому замечанию М. М. Покровского, этот рассказ Тацита о Ажеагриппе прямо просится в рамки "Годунова". Теперь должно стать ясно также

¹ Карамзин. "История государства Российского", т. XI. СПб., 1824, стр. 107—108. Ср. слова "дети на отцов" и эпизод с Вибием Сереном.

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 284, 396 и сл. — Б. В. Томашевский, статья "Борис Годунов" в "Путеводителе по Пушкину", кн. XII, стр. 64.

³ М. М. Покровский. "Пушкин и античность". "Временник Пушкинской Комиссии", г. 4—5, 1939, стр. 51.

и то, почему Агриппа, по характеристике Пушкина, "нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума".

В следующей, в 40-й главе II книги "Анналов" Тацит так описывает нерешительность Тиберия при известии о появлении самозванца: "Тиберий не знал на что решиться: усмирить ли раба своего силою оружия или предоставить времени рассеять пустое легковерие" (Tiberium anceps cura distrahere, vine militum servum suum coerceret an inanem credulitatem tempore ipso vanescere sineret) (Ann., II, 40).

Подобный же психологический мотив неуверенности, шатания "между страхом и позором", находим мы и в Годунове Пушкина, и в той же тацитовской последовательности.

Тиберий у Тацита, "колеблясь между стыдом и страхом, то полагал, что не следует всего бояться, то, что ничего не следует презирать" (перевод мой, — U. A.). ("Modo nihil spernendum, modo non omnia metuenda, ambiguus pudoris ac metus reputabat") (Ann., II, 40).

Еще очевиднее связь Пушкина с текстом Тацита из французского перевода Дюро: "Incertain s'il enverrait des troupes contre son esclave ou s'il laisserait ce vain fantôme se dissiper de lui-même, sachant qu'il ne faut rien mépriser, ni tout craindre, combattu par la honte et par la peur..."

Слово "fantôme" отсутствует в латинском тексте. Отсюда мы в праве, кажется, сделать тот вывод, что в данном месте Пушкин зависел не столько от латинского текста, сколько от французского перевода. Предположение это подкрепляется дальнейшим, поравительно близким, совпадением с тем же французским текстом. Когда, наконец, Шуйский уходит выполнить распоряжение Годунова, Борис произносит свой знаменитый монолог, в котором, между прочим, читаем:

Пушкин

Тацит

Но кто же он, мой грозный супостат? Кто на меня? Пустое имя, тень... Безумец я! Чего ж я испугался? На призрак сей подуй—и нет его. Так решено: не окажу я страха—

Но презирать не должно ничего...

fantôme
modo non omnia metuenda (ni tout craindre)
modo nihil spernendum (il ne faut rien
mépriser)

IV

Так, в работе над Тацитом, у Пушкина скрестились различные интересы.

Тацит был настольной книгой декабристов — и Пушкин в самый разгар напряженной творческой работы спешит поближе ознакомиться с "бичем тиранов" и попутно сводит счеты с Александром I путем невыгодного для него сравнения с таким тираном-монстром, как Тиберий.

¹ Перевод (Кронеберга): "Колеблясь между страхом и позором, он то всего боялся, то все презирал".

Для работы над "Борисом Годуновым" Пушкин, следовавший Карамзину в изображении внешнего хода событий и не согласный с ним в ряде основных концепций, ищет исторических аналогий, находит их у Тацита, и в "Борисе Годунове" мы можем отметить бесспорные следы внимания Пушкина к самозванцу Тацита.

Крайне характерен, однако, момент обращения к Тациту летом 1825 г., в Михайловском. Пребывание в Михайловском можно назвать периодом кристаллизации исторических взглядов Пушкина, созревания его исторических концепций. В Михайловском совершается переход от романтических поэм к исторической драме ("История народа принадлежит поэту"-писал в это время Пушкин), от субъективного к объективному восприятию истории. В этом процессе известную роль играет и античность. Пушчин, обращаясь к античности, проделывает, в сущности, то же самое, что делали все радикальные и передовые люди его времени, для которых античность играла и познавательную и утилитарно-политическую роль в одно и то же время. 1 Для Пушкина же. у которого особенно сильно была развита склонность к сравнительноисторическому мышлению, задача понять закономерности русской истории в значительной мере могла быть решена по аналогии с такими периодами, в которых и фактически, и логически законченные закономерности выступают с особой четкостью. Такую полноту и законченность исторического процесса и представляет собой античность. В этом. очевидно, и заключается причина обращения Пушкина к изучению Римской истории вообще, а через Тацита - к периоду принципата.

История римского принципата, столь богатая различного рода смутами, представляла для Пушкина интерес во многих отношениях. Г. О. Винокур справедливо указывает, что "удар, разразившийся после 14 декабря 1825 г., переживался Пушкиным очень тяжело, но идейно он уже заранее должен был быть подготовлен к тому, чтобы обладать возможностью взглянуть на эту трагедию «взглядом Шекспира» (письмо к Дельвигу в феврале 1826 г.)". 2 А "шекспиризм" Пушкина подсказал ему ту "позицию историка", которая послужила основой и исходным пунктом его дальнейшего развития.

Чтобы научиться смотреть на жизнь в перспективе, Пушкину надо было оглянуться назад: в этой связи интересовали его и "Анналы" Тацита.

Краткие, скупые замечания на "Анналы" показывают, что Пушкин, в противоположность римскому историку, видит закономерности исторического процесса. Пушкин догадывается, что поражение республики,

¹ См. В. И Семенский. "Политические и общественные идеи декабристов". СПб., 1909, стр. 216, 220, 227, 228, 402, 403, 531, 551 и др.

 $^{^2}$ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 460.

ликвидация последних ее остатков (уничтожение комиций) является не столько актом личного произвола императора, сколько проявлением исторической необходимости. Пушкин обсуждает даже вопрос о "государственной необходимости" убийства Тиберием Агриппы Постума (замечание 1-е). Но вместе с тем, эта объективная позиция летописца не заслонила перед Пушкиным действительные ужасы римского, как и современного ему деспотизма, и он приветствует в Таците "бич тиранов".

вас. гиппиус

АЛЕКСАНДР I В ПУШКИНСКИХ "ЗАМЕЧАНИЯХ НА АННАЛЫ ТАЦИТА"

Политический смыса "Замечаний" Пушкина на "Анналы" Тацита можно считать общепризнанным: отдаленные события римской истории Пушкин сопоставлял с современностью, Тиберия—с Александром I (причем сопоставление отнюдь не означало отождествления). Этот "второй план" пушкинских "Замечаний" раскрыт им самим в заметке, опубликованной поэже других (девятой по счету пушкинских изданий). Но заметка эта первым ее публикатором, В. Е. Якушкиным, была прочтена ошибочно, и эта ошибка, до сих пор не исправленная, затемняла пушкинскую мысль.

В публикации Якушкина ("Русская Старина", 1884, № 5, стр. 352) первый абзац заметки читался так:

"С таковыми суждениями 1 неудивительно, что Тацит [бич] тиранов, не нравился Наполеону,— но удивительно чистосердечие Наполеона в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к сврему мертвому карателю..."

На самом же деле Пушкин не противополагает оценку Наполеона его чистосердечию, а сопоставляет оценку Наполеона с оценкой Александра I.

Слов "чистосердечие Наполеона" в пушкинской рукописи нет. Пушкин написал: чистосердечие Ncanдра—т. е. зашифровал имя Александра I, заменив его первую половину латинским N. Эта-то буква, в связи с упоминанием Наполеона в предшествующей строке, и вводила в заблуждение редакторов.

Смысл пушкинской фразы станет еще очевиднее, если обратиться к первоначальному рукописному слою. Сгачала было написано:

"С таковыми суждениями не мудрено, что Тацит не нравился Наполеону, но чистосердечие Ncaндра удивительнее". В этом контек-

¹ Последующие издания добавили неразобранный Якушкиным эпитет: *глубокими* суждениями.

² Переделав окончание фразы на "удивительно чистосердечие Nсандра", Пушкин продолжал так: "который в том признавался, не опасаясь людей, всегда готовых видеть тут отвращение тирана к своему карателю". В числе вариантов были такие уточнения; "который прямо в том признавался", "признавался в том безо всяко(го)" (не дописано).

сте еще более ясно, что речь идет о двух разных лицах. Остается неясным, какие чистосердечные признания Александра I Пушкин имел в виду. Разумеется, Пушкину со слов живых свидетелей могло быть известно многое, что нигде документально не отразилось.

В этой же связи приобретает особый интерес никак до сих пор не объясненная фраза в письме к Пушкину Плетнева от 14 апреля 1826 г.: "Я бы очень желал, чтобы ты несколько замечаний своих на Тацита пустил в ход с цитатами. Это у многих повернуло бы умы".

Письмо Плетнева, как показывает всё его содержание, отвечает на недошедшее до нас письмо Пушкина: повидимому, в этом письме Пушкин не только осведомлял Плетнева о своих "Замечаниях", но как-то намекал и на их политический смысл; это можно видеть из слов Плетнева, которые, в целом, всё же остаются загадочными: "Это у многих повернуло бы умы". Предложение Плетнева "пустить в ход" замечания на Тацита означало, очевидно, предложение напечатать их. Но зашифрованное имя Александра I говорит скорее о том, что "Замечания" Пушкина не предназначались для печати.

С. А. БУГОСЛАВСКИЙ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ В ЗАПИСИ ПУШКИНА

Известно шестьдесят русских народных песен, записанных Пушкиным в период михайловской ссылки (1824—1826 гг.) и во время его поездки в Оренбургскую губернию (сентябрь 1833 г.). Одиннадцать песен сохранилось в автографах поэта, сорок девять — в копиях П. В. Киреевского и других лиц.

Пушкин (между октябрем и декабрем 1833 г.) передал П. В. Киреевскому через С. А. Соболевского тетрадь со своими песенными записями. В бумагах поэта сохранился конспект чернового плана его предисловия к сборнику; тетрадь — автограф с записями песен, переданных Киреевскому, утрачена; только одна песня из этого цикла дошла в автографе Пушкина. "Покойный Пушкин, — сообщает Киреевский, — доставил мне 50 №№ песен, которые он с большой точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, где именно; вероятно, что он записал их у себя в деревне Псковской губернии".¹

В данной статье пользуемся текстами пушкинских песенных записей по "Полному собранию сочинений" в девяти томах.²

Удаленность села Михайловского-Зуева (ныне Пушкинский заповедник, Великолуцкого округа, Пушкинского района, Калининской области) и близлежащих сел от крупных центров позволяла надеяться на сохранность старого песенного репертуара. Предположения эти до известной степени оправдались.

В поисках песен я обошел в июле—августе 1937 г. деревни: Вороничи, Зимари, «Савкино, Петровское.³ Запись текстов и мелодий,

¹ Примечание в сборнике "Песни, собранные П. В. Киреевским" (новая серия, изд. под редакцией акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского, вып. 1, М., 1911, стр. 54).

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в девяти томах", т. III, "Academia", 1935, стр. 407—408; здесь в комментариях даны все сведения об автографах песенных записей Пушкина.

³ Большую помощь оказали мне, указав на исполнительниц песен и познакомив меня с ними, ленинградский педагог Л. П. Богданова, работавшая в детской экскурсионной туристской станции Ленинградского отдела народного образования в дер. Зимары, профессор Педагогического института в Ростове-на-Дону К. А. Иеропольский, проживавший летом 1937 г. в деревне Савкино в доме М. Е. Ивановой, от которой мною записан ряд песен, и учащиеся ленинградских средних школ Л. Брылькова, В. Зальнауш, С. Лазаревич, Н. Михайлов, Н. Королькова.

сделанная на слух без фонографа, производилась мною от следующих лиц.

Степани да Ефимовна по прозвищу Кучериха (Куцариха — по местному произношению; фамилий у многих жителей этих мест нет), 76 лет, вдова кучера, служившего в усадьбе (у кого именно, не удалось установить), неграмотная. Живет Степанида Ефимовна сейчас в семье своего сына в дер. Петровское (старое ганнибаловское имение около 3 км от Михайловского). Пела она слабым старческим голосом, часто переходя от пения на неустойчивых интонациях к говору. От нее записаны мною песни: "Ах, зачим, сестрицы, пособралися", "Трубцистая коса", "Дорогие кашники" и "Барашек" ("Жена моя, женушка").

Матрена Ефимовна Иванова, 70 лет, проживающая уже около 50 лет в дер. Савкино, неграмотная. Родилась в дер. Снегово, (около 5 км от Савкино). Помнит сына поэта, Григория Александровича Пушкина. Живо рассказывала о том, как со своим двоюродным братом, служившим у Г. А. Пушкина поваром, ходила на барскую облаву и вместе с крестьянами "киями" (палками) загоняла волков. М. Е. Иванова ряд песен исполняла на один и тот же слегка вариируемый ею напев. Причитания невесты она пела со слезами. От нее записаны песни: "Закатилось теплое солнышко", "В цистом поле", "Между гор покаменью", "Бояры, вы бояры", причитание невесты, "Мы все песни перепели", частушки-болтушки.

Матрена Ефимовна Иванова послужила советскому художнику Щербакову моделью для портрета Арины Родионовны.

Наталья Петровна (без фамилии) из дер. Зимари, родилась в дер. Курплеватке, в 10 км от дер. Зимари, 65 лет, неграмотная. Поет очень бойко, четко; словоохотлива. От нее записаны: "Растопися баненька", частушки о Пушкине, "Трубцистая коса", "Лунёк", "Процекал руцей", "У меня, свет-гостейка", "Зародилася я" (на два голоса с Екатериной Ивановной).

Екатерина Ивановна (без фамилии), из дер. Зимари, 80 лет, неграмотная, живет в одной избе с Натальей Петровной. Спела на два голоса с предыдущей исполнительницей песню "Зародилася я" и начало песни "Князёк молоденький".

Каждой из названных исполнительниц песен я читал все тексты пушкинских песенных записей. На знакомые песни все они реагировали очень живо, изумлялись и выражали радость, что Пушкин знал

¹ В № 3—4 литературно-художественного журнала "В наши дни" (изд. газеты "Пролетарская Правда", г. Калинин, 1937) напечатан ряд легенд о Пушкине, записанных О. В. Ломан в дер. Бугрово близ Пушкинского заповедника. Нового конкретного материала, основанного на передаче подлинных фактов, в этих записях нет. Все собранные О. В. Ломан легенды о Пушкине восходят к фактам, известным в литературе о Пушкине (запись поэтом песен от слепцов, дуэль, "хоронить везли крадком") или созданы в новое время под впечатлением бесед советских лекторов (Пушкин "барщину енял с крестьян", "из Петербурга выслан за то, что мужиков любил" и т. п.).

и записывал их песни. Незнакомые тексты некоторых певиц оставдяли безучастными, у других они вызывали интерес. Некоторые песни в пушкинской записи были известны исполнительницам, но они забыли эти песни и сами не могли их воспроизвести.

Мы нашаи у названных исполнительниц только свадебные песни, близкие к записям Пушкина.

Обратимся к рассмотрению пушкинских записей свадебных песен, сравнительно с текстами наших записей и изданными вариантами. В наших записях передаем лишь наиболее яркие фонетические черты.

От Степаниды Ефимовны Куцарихи записана мною песня "Трубцистая коса вдоль по улушке пошла".1

Пушкин

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася:
"Коса ты косынька!
Ужели ты моя?"
— Я тогда буду твоя,
Как в божью церковь вступлю,
Золотой венец приму!

Степанида Ефимовна

Трубцистая коса Вдоль по улушке пошла. Замцужная пчёлушка За ею гонялася, За косу хваталася, Не беднуйся, девушка, Не беднуйся, красная, На родного батюшку; Не гоняйся, девушка, Не беднуйся, красная, На родные матушку. Уж победнуйся, красная, Победнуйся, девушка, На свата разлучника. Ён ходил частёшенько, (2 раза) Говорил тихошенько, (2 раза) Цюжу сторону хвалил. Во цюжом-то батюшке Пшаном поле сеяно, Да сытой 2 поливано, А сытой — поливано, Тыном огорожено. Не жила, не ведала, Пожила, — проведала, Во цюжого батюшки (2 раза)

¹ Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в девяти томах", т. III, "Асаdemia", 1935, стр. 283, № 5 (мелодия песни — в нашем нотном приложении II, № 1). В дальнейшем записи песен у Пушкина цитируем по данному изданию (т. III), поэтому указываем только страницы и номера песен.

² Сыта — медовое питье.

Горем поле сеяно, Слезами поливано, (2 раза) Крущиной горожено.

Песню эту знает и Наталья Петровна (дер. Зимари), но она поет ее на другой мотив (тот же, что и "Растопися, баненька"). Песня "Трубчистая коса" известна и сейчас на Севере, в Пинежье. Напев Степаниды Ефимовны отдаленно сходен с песней "А не пава по сеням кодила" (б. Вятской губ.), в сборнике: "Песни русского народа, вологодские, вятские, костромские"; записаны в 1893 г. Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым.¹

От той же Степаниды Ефимовны Куцарихи записана также слелующая свадебная песня, близкая к пушкинскому варианту (мелодия № 2):

Пушкин (стр. 296, № 23)

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Верее молилися:
"Верея, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати".
Сватушко, догадайся!
Ва мошёночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся
А копейка ребром становится,
Она к девушкам норовится.

Степанида Ефимовна

Дорогие кашники, Не путям вы ехали, Не путям вы ехали, В огород заехали, Кацарык ³ нарезали, (2 раза) Кацарык напарили, Пуза позаправили.

Вариант М. Е. Ивановой

Бояры вы, бояры, Возьмите вы бороны. Не путям вы ехали, В огород заехали, Коцарык нарезали, Горшки понапарили, Пуза понаправили.

Пушкинская запись и наши значительно отличны одна от другой, но по ритмическому складу до слов "Сватушко, догадайся" обе песни однородны (вероятно, они пелись на сходные мелодии). Со слов "Сватушко, догадайся" (в записи Пушкина) звучит иной интонационноритмический склад. Вероятно, это четверостишие внесено как куплет из другой песни, исполнявшейся на новый мотив. На это указывает и то,

 $^{^1}$ "Песни русского народа". Изд. Русского географического общества, СПб., 1899, стр. 311.

² После этой строки, вероятно, переписчиком пущкинского автографа пропущена строка: "Тыну поклонилися". Она необходима по ритму напева. Стих этот имеется в тексте "Русалки" ("Княжеский терем"), где песня цитируется буквально.

³ Кацарык — кочан капусты.

что четыре стиха со слов: "Сватушко, догадайся" повторяются в трех различных пушкинских записях (№ 23, № 24, № 25), сделанных очевидно от одной и той же певицы, по своей инициативе заканчивавшей все три песни одним понравившимся ей припевом.

М. Е. Иванова пела "Бояры вы, бояры" на ту же слегка измененную мелодию, что и Степанида Ефимовна.

Песня "Между гор по каменью" (стр. 282, № 2) в исполнении М. Е. Ивановой сходна с пушкинской записью лишь по началу текста и по одинаковой ритмической структуре, что указывает и на родство мелодий обеих песен.

Пушкин

Между гор по каменью Серебром ручей бежит. По тому по ручейку Ходила гуляла княгиня душа: Искала княгиня душа Самоцветна камушка: Нашла, нашла камушек. Нашла самоцветненький: Разломила камушек. Его на три граночки: Первую граночку Ее родну батюшке. Вторую граночку Родной ее матушке. А третью граночку Ладу милому. —

М. Е. Иванова

Между гор по каменью Руцеёцек процекал. Как во этом руцеёцке Мил коня поил, К воротишкам привязал, К воротишкам привязал, Красной девке приказал: "Красна девица-душа, Сбереги добра кона".

Записанные Пушкиным песни: "Мимо дворика батюшкина" (стр. 285, № 7), "Собрала невеста подружек" (стр. 285, № 8), "Все песни перепели" (стр. 297, № 24) М. Е. Иванова также знала.

— "Всё свадьбишные, — это всё пели", — говорит она. Но спеть их она не могла, позабыла.

Песня "Собрала невеста подружек" сходна по началу текста (первые шесть стихов) с олонецким вариантом и с заонежскими.

По содержанию и по тексту к пушкинской записи близок северноукраинский вариант песни.³

¹ В. Дашков. "Описание Олонецкой губ.". 1842, стр. 211.

² Кижская волость. — П. Н. Рыбников. "Песни". Петрозаводск, 1862, стр. 388.

³ Напечатан в "Этнографическом сборнике" (изд. Русского географического общества, вып. I—II, СПб., 1853, стр. 357).

Из свадебной "Мы все песенки перепели" (стр. 299, № 28)^{*} М. Е. Иванова пела только начало в таком варианте:

Мы все песни перепели, От князя пива не видали.

Пели эту песню, по словам М. Е. Ивановой, "как приедут с невестой на кашу; круго поют" — добавляет она (см. мелодию $\mathbb{N}_2$ 4). На этот же напев Иванова пела и "Бояры вы, бояры, возьмите вы бороны".

От Натальи Петровны из дер. Зимари записана песня "Растопися, баненька" (мелодия № 5). У Пушкина (стр. 288, № 12) запись обрывается на шестом стихе.

Пушкин

Затопися, баненька, Раскалися, каменка! Расплачься, княгиня душа, По своей сторонушке, По родимой матушке, По родимому батюшке, и пр.

Наталья Петровна

Растопися, баненка, Разгорися, каменка, Разгорися, каменка, Растошнися, девушка, Растошнися девушка, По своей сторонушке, По своей сторонушке, По девичьей волюшке. Не спешися, девушка, По цюжому батюшке. У цюжого батюшки Поле горем сеяно, Слязам поливано, Слязам поливано, Круцыной горожено, А у родна бацюшки Поле пшаной сеяно (2 раза), И сытой поливано И сытой поливано (2 раза), А кисяёй горожено.²

Белорусский вариант этой песни записан в с. Бобровки, б. Тверекой губ., Ржевского уезда.³

Песня б. Вятской губ. "Ой, растоплялася банюшка, разгоралася каменка" в сборнике "Песни русского народа" сходна с приведенными

¹ Растошнися — востоскуйся.

² Ср. аналогичный конец песни "Трубчистая коса" (запись от Кучерихи).

³ Напечатан в "Этнографическом сборнике" (изд. Русского географического общеетва, вып. I.—II, СПб., 1853, стр. 257).

⁴ Изд. Русского географического общества, СПб., 1899, стр. 99.

вариантами только процитированными начальными словами и интонационно-мелодическим складом песни.

На мотив песни "Растопися, баненька" пела Наталья Петровна величальную песню "Княгиня дущенька" (ср. стр. 292, № 17), добавив, что за исполнение этой песни "денег дадут, у кого какая сила". На тот же мотив пела старуха 80 лет Екатерина Ивановна начало песни "Князек молоденький" (стр. 293, № 18).

Записанная Пушкиным свадебная песня "Уж вечер на дворе вечерестся" (стр. 299—300, № 29) известна нам только в небольшом отрывке, записанном в дер. Зимари Л. П. Богдановой.

Не гиблитесь, не гиблитесь, слеги дубовые, Неужели ж я, молодешенька, тяжелешенька? А грузила меня, молоденьку, эла круцинушка.

Запись Л. П. Богдановой

Этим материалом исчерпываются наши записи песен, вариантов пушкинских текстов (см. также "Приложение II", где помещены песни, не вошедшие в пушкинский цикл).

Сравнение наших записей с пушкинскими подтверждают предположение П. В. Киреевского о том, что Пушкин записал все свадебные песни в с. Михайловском или в близлежащих деревнях, что запись эта сделана поэтом от крестьян. Нет оснований предполагать, что Пушкин записывал песни в Михайловском от Арины Родионовны, которая была носительницей иной песенной традиции.

Обратимся к ряду других записей народных песен, сделанных Пушкиным, сравнительно с известными нам вариантами этих песен.

Свадебная песня "Много, много у сырадуба" в записи Пушкина (стр. 301, № 30) является сокращенной редакцией песни, встречающейся в более полном виде на Севере. 1

Сравним также одонецкий вариант, также сходные четыре стиха с началом песни ("Много, много...") в свадебном сиротском плаче, записанном в 1886 г. во Владимирской губ. Наконец, укажем на вариант

¹ Мезенский и архангельский варианты см. в сборнике "Песни, собранные П. В. Киреевским" (новая серия, вып. 1, №№ 8 и 28); там же, стр. 357 — московский д стр. 353 — тульский варианты.

² В. Дашков. "Описание Олонецкой губернии". СПб., 1842, стр. 210.

^{3 &}quot;Русские плачи". Изд. "Советский писатель", 1937, стр. 236.

в сборнике "Песни северо-восточной России", записанные Александром Васнецовым в Вятской губ.¹

Свадебная песня "По меду, меду, по паточному" (ср. стр. 302, № 32) отдаленно сближается с текстом вологодской песни, записанной Истоминым и Ляпуновым, гакже с более пространной песней Московской губ. 3

Свадебная "Как при вечере, вечере" (стр. 290, № 14) близка к тексту песни Смоленской губ., а также Уфимской губ. Варианты этой песни имеются также у П. Сахарова. Мотив этой песни о соколеженихе, прилетающем к невесте, имеется также в записанном нами от М. Е. Ивановой (дер. Савкино) причитании невесты.

Свадебная шуточно-сатирическая песня "Как сказали-то Иванушко хорош да хорош!" (стр. 298, № 26) очень распространена в нынешнем Архангельском крае. Северный вариант этой песни (текст и мелодия) напечатан в сборнике: "Северные русские народные песни", собрала А. Я. Колотилова; запись и обработка мелодий С. Бугославского. Свадебная песня "Ты рекалимоя, реченька" (ср. стр. 301, № 31) известна в Поморье, на Пинеге, в Мезени. Пушкинская запись (четыре стиха) близка к тексту заонежской песни в и к аналогичному новгородскому варианту. 9

Более отдаленно сходство пушкинской записи этой песни со среднерусскими вариантами; ^{10} ср. также рязанский вариант, записанный проф. Е. Будде. ^{11}

К записанной поэтом свадебной песне "Во сыром бору на клену" мы нашли лишь один сходный по началу текста белорусский вариант "У борку, у борку, у приборку там висит колыська на шоуку".12

Две записанные Пушкиным под одним заглавием песни: "Песня о сыне Сеньки Разина" ("Во городе-то было во Астрахане"

¹ "Песни северо-восточной России", записанные А. Васнецовым в Вятской губ. М., 1894, стр. 257.

² Изд. Русского географического общества, 1899, стр. 122.

^{3 &}quot;Песни, собранные П. В. Киреевским", новая серия, вып. 1, № 48.

⁴ См. "Сборник русских народных песен" Н. А. Римского-Корсакова, ч. II, СПб., 1876, стр. 68, № 74.

⁵ См. "Крестьянские песни", записанные в селе Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губ. Н. Пальчиковым, 2-е изд. Юргенсона, М., 1896, стр. 198.

^{6 &}quot;Сказания русского народа" (СПб., 1838, стр. 186), "Песни русского народа" (СПб., 1838, стр. 196) и "Песни северо-восточной России", записанные А. Васнецовым в Вятской губ. (М., 1894, стр. 260).

⁷ Огиз-Севгиз, Архангельск, 1936, стр. 48-49.

⁸ "Песни, собранные П. Н. Рыбниковым", ч. III, Петрозаводск, 1864, стр. 363.

^{9 &}quot;Сборник русских народных песен" А. К. Аядова, 1898, № 12.

^{10 &}quot;Песни, собранные П. В. Киреевским", новая серия, вып. 1, №№ 302, 346, 409 414, 466, 585, 898.

^{11 &}quot;Русский Филологический Вестник", т. XXVIII, Варшава, 1892, стр. 78.

¹² Р. В. Шейн. "Белорусские народные песни". СПб., 1874.

и "Как на утренней заре, вдоль по Каме, по реке", стр. 272—274, №№ 1, 2) принадлежат к категории песен "голытьбы", доброжелательных к вождю крестьянского восстания.¹

Пушкинские записи — это северные варианты песен, о чем свидетельствует имя "Сенька" вместо неизвестной на Севере уменьшительной формы "Стенька". В ряде известных вариантов обе песни слиты воедино. Вторая, записанная Пушкиным песня "Как на утренней заре" является непосредственным продолжением первой. По деталям текста и последовательности изложения сюжета пушкинская запись ближе всего к двум северным вариантам: к записи песни, произведенной в б. Вологолской губ., и к новгородскому варианту.

Близость пушкинских записей песен о Разине к северным вариантам свидетельствует о том, что записаны они в с. Михайловском. Узнав, повидимому, ранее донские казачьи песня о Степане Разине (оня отразились в "Братьях разбойниках"), Пушкин спрашивал их и у исполнителей Михайловского и окружных деревень. Запись произведена Пушкиным, вероятно, осенью 1824 г., когда поэт просил брата прислать ему "историческое, сухое известие о Степьке Разине".

Песня о Степане Разине, поэже (в июне—июле 1836 г.) переведенная Пушкиным на французский язык для Лёве Веймара, взята поэтом из сборника Чулкова-Новикова.⁴

Песня этого сборника "У нас то было, братцы, на тихом Дону" является сокращенной редакцией донской песни (вариант ее я записал у донских казаков летом 1936 г.). И эта песня также принадлежит к категории песен голытьбы о Разине.

Интересно сопоставить пушкинские записи народных песен о Степане Разине с его же оригинальными песнями на ту же тему. Три песни о Разине, сочиненные Пушкиным на основании его тщательного изучения языка и поэтики русских народных песен, значительно отличаются от его записей и по форме, и по содержанию. Оригинальные песни Пушкина о Степане Разине—вполне законченная литературная форма, песни, не нуждающиеся в интонационной и ритмической опоре на мелодию. Песни-стихотворения Пушкина интонационно и ритмически вполне завершены в сфере произносимой речи, не связанной мелодией. Кроме того, Пушкин в этих песнях сочетает элементы эпических и лирических песен. Ср. эпические (былинные) обороты: "Что ни конский топ, ни

¹ В печати известно свыше ста вариантов двух записанных Пушкивым песен о Разине (см. "Песни и сказания о Разине и Пугачеве", вступительная статья А. Н. Лозановой, изд. "Асаdemia", 1935, стр. 409).

^{2 &}quot;Песни русского народа". Изд. Русского географического общества, 1899, стр. 263.

^{3 &}quot;Великорусские песни в народной гармонизации", записанные Е. Э. Линевой, вып. II, Песни новгородские. Изд. Академии Наук, 1909, стр. 38.

⁴ Изд. 1780, ч. І, №№ 134, 137.

людская молвь" и "трубы трубача", взятые из широко популярных "Древних российских стихотворений" Кирши Данилова.¹

Оригинальные песни Пушкина о Разине—это синтез разнородных фольклорных элементов, сделанный поэтом-мастером, сконцентрировавшим в своем произведении различные элементы фольклора и книжности. И тематика оригинальных стихотворений Пушкина о Разине—новейшая балладно-романтическая. Всё это резко отличает три песни о Разине, сочиненные Пушкиным, от его же записей двух песен, в которых вся речевая сторона, ее ритмика и синтаксическая структура опираются на мелодию, связывающую все речевые элементы.

Другие оригинальные стихотворения песенного стиля, написанные Пушкиным в период михайловской ссылки, также значительно отличаются от его записей народных песен. Такова особенно песня девушек в "Евгении Онегине" ("Девицы-красавицы, душеньки-подруженьки"), по языку, стилю и ритмике примыкающая к городским песням-стихотворениям. Такова же и песня "Колокольчики звенят", более близкая к плясовым народным песням по ритмике, чем по лексике и стилю.

Ближе по стилю, языку и ритму к крестьянскому фольклору песня "Черный ворон выбирал белую лебедушку" (черновой набросок 1825 г. песни об арапе).

Записывая в Михайловском народные песни от крестьян, Пушкин на основании своих записей преодолевал традиционные элементы песенных стихотворений своих современников.

По сообщению Киреевского, Пушкин, передавая ему свои песенные записи, сказал: "Там есть одна моя; угадайте". Позднее Киреевский сообщает, что Пушкин говорил ему о нескольких им сочиненных песнях.²

Резкое отличие пушкинских оригинальных песен от его записей и наличие в последних вариантов, которые отличаются от крестьянских бытовых, позволяет ставить вопрос о том, что среди известных нам шестидесяти народных песен, записанных Пушкиным, нет ни одной, сочиненной поэтом.

Обратимся к дальнейшим пушкинскам записям. Песню "Во славном городе во К < иеве>" (стр. 274, № 3), вариант распространенного сюжета о братьях разбойниках и сестре, Пушкин знал из Чулковского песенника (ч. I, № 135), но записал он иную более распространенную, хотя и не законченную псковскую редакцию (в песне встречается местное

¹ Сборник этот был в библиотеке Царскосельского лицея, позже и в личной библиотеке Пушкина.

² "Вот эту пачку, — сказал Киреевский, — дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — продолжал Киреевский, — никак не могу сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина нойдут за народные" (Ф. Н. Буслаев. "Мои воспоминания". "Вестник Европы", 1891, октябрь).

слово "пелегали" — "лелеяли"). Первые два стиха — былинная формула, что также до некоторой степени подтверждает предположение о северном происхождении варианта.

Песни "Из Гурьева городка" и "Ур (альски» казаки были дураки" (стр. 276—277, № 5, 6) — отрывки казенных враждебных Пугачеву солдатских песен; сохранились они в записной книжке, бывшей у Пушкина во время его пребывания в Оренбурге (сентябрь, 1833 г.). Пушкин не закончил записи, почувствовав, видимо, антинародность и фальшь этих официозных, канцелярских песен. Полную редакцию первой песни записал в 1840 г. И. Железнов, уральский казак. 1

Песня "Друг мой милый, красно солнышко мое" (стр. 278, № 7) встречается в девяти песенниках 1810—1854 гг.² Стиль, образы, ритм песни позволяют относить ее к сентиментальным романсам новой городской формации (ср. песни Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, Шаликова и др.).

Наличие записи этой песни в болдинской тетради позволяет предположить, что запись сделана Пушкиным от его соседки по Болдину П. П. Кротковой, от которой в октябре—ноябре 1833 г. поэтом записана, по свидетельству П. Д. Голохвастова, аналогичная по стилю песня "Как у нас было на улице" (стр. 280, № 11). В крестьянском фольклоре мы не встречали вариантов этой песни.

Женская песня "Во лесах во дремучиих" (стр. 278, № 8) очень близка к вологодскому варианту.³ Пушкинская запись — сокращенный вариант песни; сделана, очевидно, в Болдине.

Песня "Не беленька березанька к земле клонится" (стр. 279, № 9) записана Пушкиным на Ураде: на это указывает местное слово "хурта" (выога, метель) и совпадение текста с уральским вариантом Н. Г. Мякушина. Здесь читается в последней строке песни "ко городу ко Яицкому" вместо — "ко городу ко незнамому", как в пушкинской записи.

Рекрутская песня "Один-то был у отца у матери единый сын" (стр. 279, № 10) по тексту и сюжету совпадает с двумя казачьими песнями: с записанной на Урале И. И. Железновым ⁵ и с другой, записанной там же Н. Г. Мякушиным. ⁶ Песня записана Пушкиным осенью 1833 г. на Урале, записана точно, что ясно из сравнения ее с другими

¹ Приведена в статье Н. О. Лернера "Песенный элемент в «Истории Пугачева»" ("Пушкин 1834 г.", Пушкинское общество, 1934, стр. 11).

² Сб. "Рукою Пушкина", 1935, IX отдел, стр. 457.

^{3 &}quot;Песни русского народа". Изд. Русского географического общества, СПб., 1899, стр. 225, "семейная".

⁴ "Великорусские народные песни, собранные акад. А. И. Соболевским", т. VI. 1898, стр. 328; ср. также т. I, 1895, №№ 17—20.

^{5 &}quot;Очерки быта уральских казаков", т. III, 1888, стр. 124.

⁶ "Сборник уральских казачых песен". СПб., 1890. — Ср. "Великорусские народные лесни, собранные акад. А. И. Соболевским", т. VI, № 131.

вариантами. В пушкинском варианте не дается конца последних семи стихов.

Мы не нашли вариантов песни, дошедшей в автографе Пушкина "Как за церковью, за немецкою". Пушкин цитировал из нее в одном из писем жене: "Как не дай, боже, хорошу жену; хорошу жену— в честный пир зовут". Пояснительная приписка к слову "примолвили"— "пригласить" говорит о том, что и это также запись, а не оригинальное сочинение.

Обратимся к тем пушкинским записям необрядовых песен, к которым нам удалось найти варианты.

"Долина-долинушка" (стр. 310, № 7) широко распространена и на Севере и в среднерусских районах. Почти буквально совпадает пушкинская запись с сокращенным северным вариантом песни "Сяду под рябинушку, да запою долинушку". 1 К пушкинской записи "Долины-долинушки" близка по тексту песня в сборнике "115 русских народных песен" Даниила Кашина (вып. II, № 7). Целый ряд вариантов указан в примечаниях к № 68 "Песен Пинежья" (т. II, стр. 450). Чаще с таким же началом— "Долина-долинушка, раздолье широкое"— встречается в сборниках песня с другим содержанием (сын жалуется матери на то, что он еще не женат). 2

Запись песни "Долина-долинушка" сделана Пушкиным, вероятно, в Михайловском, в 1824 г.

Песня "На зоре то было, на зорюшке" (стр. 311, № 8), если судить по указанию места события— уездный город Алатырь, 6. Симбирской губ., — записана, вероятно, в Болдине в 1830-х годах.

Варианты, близкие к этой песне, находятся в песенниках 1780, 1810 гг. По сюжету, а частично и по тексту пушкинская запись сближается с песнями б. Рязанской и Астраханской губ. Волее отдаленно сходна она с сызранским вариантом (в нем также упоминается г. Алатырь). Пушкинская запись песни "Вдоль по улице по Шведской" (стр. 312, № 9) является сокращенной редакцией старой песни городского про-исхождения, встречающейся в сборниках XVIII и XIX вв. Перечень вариантов этой песни дан в статье М. Н. Сперанского "К вопросу о песнях, записанных А. С. Пушкиным". Пушкинская запись сделана,

¹ "Северные русские народные песни", собраны А. Я. Колотиловой, обработаны С. Бугославским. ОГИЗ — Севгиз, 1936, № 34, стр. 34. — См. также "Песни Пинежья", под общей редакцией Е. В. Гиппиуса, т. П. Изд. Академии Наук СССР, М., 1937, стр. 187.

^{2 &}quot;Великорусские песни в народной гармонизации", записанные Е. Э. Линевой, вып. И. Изд. Академии Наук, 1909. — "Песни, собранные П. В. Киреевским", вып. 1. М., 1911, Добавление II, №№ 1801, 1928.

³ "Великорусские народные песни, собранные акад. А. И. Соболевским⁶, т. I. СПб., 1895, №№ 127, 128.

^{4 &}quot;Песни, собранные П. В. Киреевским", вып. И, ч. 2, №№ 2418, 2422.

^{5 &}quot;Пушкин и его современники", вып. 38—39, 1930.

вероятно, в Болдине; текст ее ближе всего к Тульской песне. Несколько вологодских вариантов песни привел Е. А. Терещенко, причем песня значится как свадебная.

В песне "Беседа моя, беседушка" (стр. 314, № 11) после трех строк речевых реплик следуют две следующие одна за другой песни: "Лучинушка" и "Сестрицы, голубушки, ложитеся спать". Это, конечно, механическое соединение различных песен, сделанное переписчиком. Пушкинская запись "Лучинушки" по тексту ближе всего к новгородскому варианту в записи Е. Э. Линевой. Запись сделана, повидимому, в Михайловском. О песне "Лучинушка" Пушкин вспоминает в стихотворении "В поле чистом серебрится". 4

"Девушка крапивушку жала" (стр. 316, № 12) — бытовая песня о солдатчине. Вариант ее напечатан у Д. Кашина.⁵

Повсеместно распространенная песня о Ванюше-ключнике и князе Волконском записана Пушкиным от певца, забывшего начало песни; в записи она начинается со второго куплета, со стиха: "Туто жилпоживал господин Волконский князь" (стр. 318, № 16). По совпадению ряда подробностей сюжета и текста пушкинская запись ближе всего к северным вариантам песни. Пушкинский текст сокращен так же как в псковском варианте, в собрании песен А. И. Соболевского. Пушкинская запись песни о Ванюше-ключнике сближается и с новоторжским и с новгородским вариантом. В

Песня о Ванюше-ключнике записана Пушкиным, повидимому, в Михайловском; запись сделана точно, со всеми пропусками, допущенными певцом, позабывшим часть текста песни.

Песня "Бежит речка по песку" (стр. 319, № 17) с ее резко отрицательным отношением к временщику Аракчееву возникла в пушкинское время (военные поселения относятся к 1810—1834 гг.). В основу текста этой песни легла старая казачья песня; один из ее вариантов "Что пониже было города Саратова", с отрицательной характеристикой "вора-собаки", князя Меншикова, сподвижника Петра I, очень близок к тексту пушкинской записи.

Какой-то безвестный певец решился спеть Пушкину песню, за исполнение которой крестьян били батогами и ссылали. Это явно свидетель-

¹ П. В. Шейн. "Великорусс", т. І. СПб., 1900, 89-90.

² "Быт русского народа", т. И. СПб., 1848.

^{3 &}quot;Великорусские песни в народной гармонизации", вып. II. Изд. Академии Наук, 1909, стр. 30.

⁴ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. II, "Academia", стр. 116.

^{5 &}quot;115 русских народных песен". М., 1868, вып. И, № 9.

⁶ Т. І, № 39; см. в этом же томе вологодский вариант, № 28.

^{7 &}quot;40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым". М., 1882, стр. 23—24, № 9.

⁸ Новгородские песни, записанные Е. Э. Линевой, стр. 40.

ствует о том, что Пушкина считали не за "барина", а за "своего" человека.

У Е. Э. Линевой имеется вариант этой песни, в котором контаминировались отрывки трех старых песен: о Разине, о насилиях Меншикова и об Аракчееве. Текст об Аракчееве в этой записи Линевой близок к пушкинскому.

Песни, записанные Пушкиным в Михайловском или близлежащих деревнях, обнаруживают самое близкое текстуальное родство с севернорусскими (архангельскими, вологодскими, менее с пинежскими) вариантами. Такое же родство обнаруживают и мелодии свадебных песен, записанные мною в Пушкинском заповеднике. Родство это заключается не только в том, что ряд песен встречается и поныне на Севере. Например песню "Зародилась я", записанную от Натальи Петровны в дер. Зимари, поет весь Север, мелодия песни "Протекал ручей" почти тождественна напеву северной песни "Не огонь горит, не смола кипит" и т. д. Помимо общности с северным репертуаром, песни Пушкинского заповедника и по своему музыкальному стилю органически родственны северным русским песням.

Мелодии наших записей свадебных песен в пушкинских местах и мелодии свадебных песен Севера (пинежские, архангельские и др.) являются древнейшей разновидностью русских обрядовых песен, близких к причитаниям.

Близко к причитаниям звучали и свадебные песни, которые слушал и записывал Пушкин. "Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный", — записал Пушкин в "Путешествии из Москвы в Петербург".²

Диапазон мелодий, записанных в Михайловском и северных, — небольшой (в пределах чистой квинты, кварты, реже октавы); свадебные песни состоят из короткой четырех- а нередко и двухтактовой фразы. Это музыкально-речевая форма, недоразвившаяся до широкой мелодии, до ритмически развитой песни. Мелодико-ритмические формы свадебных песен пушкинских мест являются более интонационным приемом, чем мелодически и ритмически оформившейся песней. Все исполнительницы, от которых мы записывали песни, пели различные тексты на такие весьма обобщенные формулы-интонации, не ставшие еще настоящими музыкально-развитыми песнями.

То же самое наблюдаем и у севернорусских певиц в исполнении свадебных песен: они также поют различные тексты на одни и те же три-четыре полуречитативных коротких напева, легко поддающихся ритми-

¹ "Великорусские песни в народной гармонизации", вып. І. Изд. Академии Наук, 1904, стр. 67.

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в тести томах", т. V. "Асаdemia", 1936, стр. 368.

ческим изменениям в зависимости от текста. Такого же типа и северные напевы былин, но лишь в ином мелодико-ритмическом стиле.

Очень сходен с северным также и своеобразный стяль музыкальных частушек, поющихся в Пушкинском заповеднике: на тех и на других не отразились еще симметричная ритмическая структура и мелодика, навеянная аккордовым складом аккомпанемента.

Музыкальное родство песен Пушкинского заповедника с севернорусскими поддерживается также наблюдениями и в области живой речи.

В фонетике северных и псковских говоров наиболее яркая черта — мена ч и и (в пушкинских местах не встречается замены и на ч, а только ч на и); в морфологии — дательный множественного числа вместо творительного ("цеботам гору топтали", записано в б. Вологодской губ.). Но наиболее показательна лексика. Целый ряд местных слов пушкинских мест встречается также и в Архангельском крае, например: ба́иць (рассказывать), баский (красивый), векша (белка), ваа́быль (в самом деле), зану́да (заноза), засе́к (закром), ладить (собираться), ме́жинь (страда во время жатвы и сенокоса), назвя́каться (напиться водки), пага́лицца (полюбопытствовать), стану́ха (женская рубаха; на Севере так называется нижняя ее часть из домотканного полотна, пришиваемая к верхней, сделанной из лучшей ткани). 1

В области фонетики и морфологии язык пушкинских мест соприкасается и с севернорусскими и с белорусскими говорами, что объясняется частично как результат позднейшего взаимодействия, но частично и как сохранение здесь элементов старой речи, откуда впоследствии выделились и белорусские и севернорусские наречия.

Записи русских народных песен Пушкин начал в годы творческой зрелости, подходя к фольклору с определенными, ясно осознанными запросами и с вполне сложившимися взглядами.

В раннем детстве Пушкин жил в мире сказок и песен няни, бабушки, крепостных; поэт-подросток воспринимал народное творчество как непосредственный слушатель, безраздельно поглощенный впечатлениями; так слушали крестьяне своих мастеров фольклора. Это была пора наивной веры ребенка-Пушкина в народный вымысел. Из поэтических высказываний Пушкина мы знаем, что эти детские впечатления были сильными и волнующими (стихотворение "Сон"). Те же сказки и песни няни сохранили впоследствии и для зрелого поэта свое непосредственное очарование. Напомним часто цитируемые в научной литературе письма Пушкина к брату, к П. А. Вяземскому о сказках и песнях, которые он слушает снова от няни в Михайловском; напомним стихотворение "Зимний ве-

¹ Словарный материал Пушкинского заповедника берем из работы К. А. Иеропольского "Говор дер. Савкино, Пушкинского района, Псковского округа" ("Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР", Л., 1930, т. III, кн. 2).

чер", а также грустное раздумье последних лет поэта: "Не слышу... Ее рассказов, мною затверженных От малых лет, но никогда не скучных" ("Вновь я посетил...", 1835, вариант).

В лицейский период и в годы, предшествовавшие южной ссылке, поэт не мог остаться вне поэтического круга многочисленных "русских народных песен", созданных поэтами, его старшими современниками и сверстниками. В этих русских песнях элемент западноевропейской сентиментальной любовной лирики преобладает; немногие образы и стилистические формы крестьянского фольклора звучат здесь как элемент стилизованный, украшающий, с оттенком экзотики.

Таковы ранние песни М. В. Попова, таково огромное количество песен в рукописных сборниках XVIII в., таково и большинство стихотворений авторов XVIII в., помещенных анонимно как народные в чрезвычайно популярном в быту города и усадьбы в конце XVIII и в начале XIX в. сборнике Чулкова (1770—1774) и в новом его издании, дополненном Новиковым (1780).

Чулков как и переиздавший его сборник Новиков не проводили никакой грани между крестьянским фольклором и песенной лирикой и пасторалями своих современников. Этот новый сплав в области текста и в области музыки (сильно итальянизированной) и воспринимался с конца XVIII в. как "русская народная песня".

Мы знаем, что песенник Чулкова и Новикова был настольной книгой Пушкина; его материалами поэт часто пользовался, но поэтическое чутье и крепко усвоенные с детства элементы фольклора помогли ему уже в годы юности разграничивать народно-творческое непосредственное начало от поэднейших стилизованных песен.

В то время как печатались в журналах, в песенниках и распевались в быту стилизованные "русские песни" И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, А. Ф. Мерзлякова (им подражал и дядя поэта — Василий Львович), когда лицейские товарищи Пушкина писали и тексты, и музыку к подобным песням (Дельвиг, Яковлев), когда поэты из крестьян, хорошо знавшие свою деревенскую бытовую песню, всё же шли по руслу модного песенного течения, юный Пушкин остался в стороне от этого течения. Лишь в стихотворении "К Наташе" (1814) звучат, и то не очень ярко выраженные, стилистические обороты и песенноречевые интонации этого типа русских песен-романсов. В раннем стихо-

¹ В стихотворении "Зимний вечер" поэт просит пяню спеть две песни. Первая — "За морем синичка не пышно жила", напечатана в 1-й части пессиника Чулкова (№ 196), а с мелодией в сборнике Ив. Прача (№ 94); вторая — "По улице мостовой шла девица за водой", имеется также в сборнике Прача (№ 37). На экземпляре сборника Прача (изд. 1806 г.), хранящемся во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина, имеется пометка бывшего владельца этого сборника В. Ф. Одоевского: "появилась около 1811 г.". Обе песни по мелодической структуре — поздние городские песни. Возможно, что Арина Родионовна усвоила их из репертуара "барышень" дворянского круга.

² Вар.: распевов.

творении "Под вечер осенью ненастной" (1814), вскоре и прочно укрепившемся в городском песенном быту (песенники, 1 лубочные картинки, репертуар шарманщиков, о чем пишет А. Н. Островский в комедии "Шутники", д. II, явл. 4), эвучит уже новая фольклорная струя, проникшая в городской быт из крестьянских повествовательных баллад на реальные бытовые темы.

В эту же струю песен-рассказов влилась и, данная Пушкиным первоначально как "молдавская песня", "Черная шаль", печатавшаяся уже с 1825 г. в песенниках как анонимная народная песня.

Всё это свидетельствует о том, что впечатления детства от сказок, от песен, от народных лубочных книжек были настолько сильны у юноши-Пушкина, что служили ему как бы противоядием против "заражения" модными песенными течениями, шедшими в разрез с песнями няни и бабушки.

Только из живой звучащей речи окружавших юного Пушкина близких ему лиц, а не из литературных источников поэт мог позаимствовать элементы просторечья, которые мы встречаем в "Городке" (1815); из элементов устно-бытового песенного репертуара псэт мог создать песню-сатиру "Вкруг я Стурдзы хожу" (1819, имитация песни "Круг я печки хожу") или "Жив, жив курилка" (имитация начала детской игровой песни; см. Сборник И. Прача, № 136).

Из живой речи и из фольклорной традиции заимствовал Пушкин и те элементы просторечья, которые вызвали известные упреки в "мужиковстве" "Руслана" на страницах "Вестника Европы".

Период южной ссылки обогащает поэта новыми живыми фольклорными впечатлениями (песни донских, кубанских казаков и др.). В практическое усвоение Пушкиным народного языка и поэзии теперь вносится струя критического осознания им значения, ценности и направленности этих элементов.

М. К. Азадовский в работе "Пушкин и фольклор" гобедительно доказывает воздействие на отношение Пушкина к фольклору декабристов, с которыми поэт тесно связан был в период южной ссылки. Существенно и то, что К. Ф. Рылеев совместно с А. А. Бестужевым первые оценили народные песни как агитационное средство. Оба декабриста создали ряд песен на ходовые мелодии народных и солдатских песен, перефразируя их текст, чтобы внедрить в массы близкие и понятные им песни, но с новым идеологическим содержанием (ср. "Ах, тошно мне", "Царь наш, немец прусский", "Ты скажи, говори", "Уж как шел кузнец да из кузницы", совместно написанные Рылеевым и Бестужевым).

^{1 &}quot;Песни казанских студентов 1840—1868 годов", собрах А. П. Аристов. СПб., 1904. Здесь напечатана популярная в городском быту мелодия песни "Под вечер осени непастной".

² "Временник Пушкинской комиссии", т. 3, 1937, стр. 752—782.— "Литература и фольклор", Л., 1938.

Вэгаяд Пушкина на фольклор становится всё шире и глубже: "Но есть у нас свой язык; смелее! — песни, обычаи, история, сказки". Фольклор ставится Пушкиным в один ряд с обычаями и с историей; фольклор должен помочь созданию русского литературного языка.

Под влиянием декабристов, проявивших большой интерес к казачьим и так называемым "разбойничьим" песням, в которых выразилась вековая народная жажда освобождения и вражда к угнетателям, Пушкин начинает с еще большим вниманием вслушиваться в эти мотивы крестьянских песен.

Первым творческим результатом нового отношения Пушкина к фольклору и итогом живого воздействия на поэта народных песен явилась поэма "Братья разбойники". Новейшие исследователи поэмы В. А. Закруткин и Н. К. Гудзий установили воздействие на Пушкина "разбойничьих" песен (в большинстве своем это — песни разинского цикла); с частью из них поэт был знаком раньше из Чулковского песенника. Изучение донских и кубанских казачьих песен может дать еще кое-что новое в освещении текста и источников "Братьев разбойников".

"Фольклорные интересы Пушкина в михайловский период являются прямым продолжением тем и интересов, возникших на юге", — пишет М. К. Азадовский. Действительно, пушкинские записи песен свидетельствуют о том, что поэт выбирал для записи преямущественно песни, характеризующие обычаи народа, темы исторические, повествовательные. 4

Своим тонким чутьем, своим глубоким проникновением в народное творчество Пушкин воспринял народные песни так, как их понимал сам народ. "Песня—притча о жизни", "песня—быль", так гласит часто повторяемое певцами изречение.

Период южной и михайловской ссылки поэта был стадией прогрессивного романтизма, идеологические черты которого раскрыты в работе Б. С. Мейлаха. В годы михайловской ссылки в отношении к народному творчеству Пушкин стоит уже на грани художника-реалиста, трезвого ученого, историка и почти филолога, значительно опередившего

^{1 &}quot;«Братья разбойники» Пушкина". "Ученые записки Государственного Педагогического института им. Герцена", т. II, 1936. — Его же. "Разбойничий фольклор в «Братьях разбойниках» Пушкина". "Резец", 1936, № 2.

 $^{^2}$ "«Братья разбойники» Пушкина". "Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук", 1937, № 2—3.

^{3 &}quot;Временник Пушкинской комиссии", т. 3, 1937, стр. 158.

⁴ Пушкин находил опору своим воззрениям на народное творчество у своих друзей декабристов. Кюхельбекер в "Мнемозине" (1824, ч. II, стр. 42) писал: "Вера праотцев нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности" (см. подробнее в книге Б. С. Мейлаха "Пушкин и русский романтизм", 1937, стр. 105). А. Бестужев писал о том, что "новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его" ("Полярная Звезда, на 1823 г.", стр. 43).

^{5 &}quot;Пушкин и русский романтизм". Изд. Академин Наук СССР, 1937. lib.pushkinskijdom.ru

фольклористов своего времени, нередко подправлявших тексты своих записей, игнорировавших местную лексику.

Ряд фактов свидетельствует о том, что для Пушкина, поэта, пристального наблюдателя речи и фольклора, превалировали слуховые восприятия.

Преобладание у Пушкина звуковых образов над графическими словесными является, вероятно, причиной того, что детские впечатления от сказывания сказок и пения песен оказались сильнее последующего итения юношей-поэтом стилизованных песен в альманахах и журналах. Звуки живой речи воздействовали на поэта сильнее, ярче, чем зрительные формы литературного языка. Аналогичный процесс наблюдаем у ребенка-Горького, с трудом заучивавшего стихи по книге, но помнившего множество песен и сказок бабушки.

Пушкин проявлял живой интерес и к музыкальной стороне песен. Поэт часто просил старуху Ушакову, в московском доме которой он часто бывал в 1826—1827 гг., диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы.¹

Композитор А. Н. Верстовский сообщает, что он часто играл Пушкину песню эпохи Петра I "На матушке, на Неве-реке молодой матрос корабли снастил", и эта песня, по словам Верстовского, "приводила его в восторг".²

"Кто из знавших коротко Пушкина, не слыхал, как он прекрасно читал русские песни".³

Ряд аналогичных фактов в совокупности свидетельствует о высокоразвитых слуховых восприятиях поэта, о тесной связи музыки речи и напевов в его творческом сознании.

Записывая русские народные песни тщательно в большом количестве, циклами, с примечаниями, Пушкин уже в Михайловском, повидимому, задумал осуществить научное издание песен, предполагая его осуществить совместно с С. А. Соболевским (1828 г.). Н. М. Языков писал брату 16 декабря 1831 г.: "Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность... ведь они издавались без всякого толку".

12 октября 1832 г. П. В. Киреевский пишет Н. М. Языкову, что Пушкин "намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много". ^{4}

Сохранился автограф чернового наброска плана предисловия поэта к предполагаемому сборнику. После заголовка "Вступление" и слов "оригинальность отрица..." (вероятно, "отрицательного сравнения")

¹ Л. Майков. "Пушкин". 1899, стр. 362; запись Н. С. Киселева.

^{2 &}quot;Щукинский сборник", вып. 9, М., 1910, стр. 362.

³ "Москвитянин", 1843, т. II, стр. 237 (цитируем по статье акад. В. Ф. Миллера "Пушкин, как поэт-этнограф", 1899).

⁴ Цитирую по сборнику "Рукою Пушкина" (1935, отдел IX).

в этом эскизе следует перечень исторических песен; в особую рубрику выделены казацкие и свадебные песни.

В предполагавшемся сборнике, как и в записях песен, Пушкин был верен преобладающему у него интересу к песням конкретно-повествовательным, свидетелям быта, исторического прошлого, неуклонной воли народа к освобождению.

Творческое использование Пушкиным русской народной песни — особая значительная тема исследования. Мы остановимся только на некоторых наиболее ярких известных фактах влияния песенного фольклора на творчество поэта.

Широкий размах, удальство, воинственный запал, на ряду с этим и задорная шутка, темы о тихом Доне, о коне, о боевых схватках,—все эти типичные черты донских казачых песен, отчасти стиль и интонации этих песен улавливаются в стихотворениях Пушкина 1829 г. "Дон", "Делибаш", "Был и я среди донцов".

Стихотворение 1822 г. "Узник" ("Сижу за решеткой..."), повидимому, также навеяно народной песней. Мы знаем две редакции народной песни "Орёлик": одна — "Летавши по воле орел молодой" встречается чаще на Севере, другая восходит несомненно к Пушкинскому "Узнику".1

Записи русских народных песен 1825—1828 гг.² свидетельствуют о том, что Пушкин старался разгадать своеобразие ритмической структуры народных песен с целью их усвоить в своей творческой практике.

В плаче Ксении по женихе ("Борис Годунов") явно звучат интонации и стиль народных причитаний (ср. интонационную структуру записанных Пушкиным причитаний невесты, стр. 284, № 6; стр. 289, № 13).

"Евгений Онегин", особенно главы IV, V, VI, напасанные в Михайловском, наполнены преданиями простонародной старины и звучащей песней. "В избушке распевая, дева прядет..." (гл. IV, строфа XLI); пастух поет у памятника Ленского (гл. VII, строфа VII), "две песенки старинных дней" упоминаются в гадании Татьяны (гл. V, строфа VIII: "Там мужички-то всё богаты").

¹ Таковы два варианта, напечатанные в сборнике "Песни довских и кубанских казаков", составленном С. Бугославским и И. Шишовым (Музгиз, 1937, стр. 58—59). Первый вариант едва ли восходит к стихотворению Пушкина; он, вероятно, является той народной песней, которая навеяла Пушкину его "Узника". Этот вариант повсеместно распространен; его записывали и на Севере и в глуши старых центральных губерний, куда не проникало тогда еще творчество Пушкина (см. мою запись вологодского варианта песни в сборнике "Песни революции, к 30-летию 1905 года", Музгиз, 1935, стр. 20).

² Сб. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 306—319.

³ Песню "У Спаса в Чигасах за Яузою" Пушкин мог найти в популярном песеннике Глазунова 1819 г. или в иной редакции, более близкой к тексту, упоминаемому в романе, мог слышать и в Михайловском. Эта редакция песни записана в селе

В период создания сказок, повестей, драматических и исторических сочинений Пушкин сам становится в ряды гениальных мастеров фольклора, проявляя в своем творчестве много раз повторявшийся в истории культуры русского народа процесс усвоения чужого материала и переработки его до уровня самобытного национального искусства.

Мы наблюдаем в творчестве поэта в 1830-е годы, с одной стороны, синтез различных фольклорных жанров, а с другой, их анализ по социальным категориям и применение как красочного социально-стилевого материала, характеризующего ту или иную общественную среду или персонаж.

Некоторые пушкинские сказки облечены в ритмическую форму народно-песенных жанров. Местами слышится в них былевой трехударный тонический народный стих. Из сочетания сюжетов и образов народно-сказочного эпоса с интонациями и ритмом русского былевого эпоса получился новый сказочно-песенный жанр неповторимых музыкальных сказок Пушкина.¹

В "Русалке" (сцена "Княжеский терем") Пушкин воспользовался своими наблюдениями над свадебным обрядом и песнями, записанными в Михайловском.²

"Русалка" Хор.

- 1) Сватушка, сватушка, Бестолковый сватушка! По невесту ехали, В огород заехали, Пива бочку пролили, Всю капусту полили, Тыну покловилися, Верее молилися: "Верея ль, вереюшка, Укажи дороженьку По невесту ехати".
- 2) Сватушка, догадайся, За мошоночку принимайся, В мошне денежка шевелится, К красным девушкам норовится.

Свадебные песни в записи Пушкина

- 1) Бестолковый сватушко, По невесту ехали, В огород заехали, Пива бочку пролили Всю капусту полили, Верее молилися: "Верея, вереюшка, Укажи дороженьку По невесту ехати!" (Стр. 296, № 23)
- 2) Сватушко, догадайся!
  За мошёночку принимайся!
  В мошне денежка шевелится
  К красным девушкам норовится.

(Конец песни, стр. 297, 298, № 24 и № 25)

Бобровки Тверской губ., Ржевского уезда: "И шли смярды богатей, грябли золото лонатами" ("Этнографический сборник", изд. Русского географического общества, вып. I—II, СПб., 1853, стр. 275). Вариант этой песни см. также в сборнике "Песни северо-восточной России", записанные Александром Васнецовым в Вятской губ. (М., 1894, стр. 241).

¹ В 1820-х — начале 1830-х годов былины (термин этот введен в науку Сахаровым в 1830 г.) назывались "богатырскими сказками", что могло дать Пушкину импульс к сближению сказок с былинами.

² Ср. наблюдения С. М. Бонди: А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1936, стр. 633.

Сват.

 Станешь дарити— Не стану корити. (Конец песни, стр. 296, № 21.)

Один голос.

По камушкам, по желтому песочку Пробегала быстрая речка.

Между гор по каменью Серебром ручей бежит, (стр. 282, № 2.) Течешь, речка, не колыхнешься, На крутой берег не взольешься, Желтым песком не возмутишься. (стр 302, № 31).1

Как известно, песенный материал для "Капитанской дочки" Пушкин заимствовал из сборника Чулкова — Новикова 1780 г. и из сборника Ив. Прача 1790 г., как доказал акад. А. С. Орлов. Указание А. С. Орлова подтверждается автографом повести, где приведено начало песни "Не шуми, мати..." и добавлено Пушкиным — "и проч. стр. 147" — ссылка на страницу экземпляра сборника Чулкова — Новикова. В

В "Домике в Коломне" Пушкин упоминает "жалобные напевы" нопулярных сентиментальных песен, получивших, благодаря песенникам, распространение в городской среде: романс на слова И. И. Дмитриева с музыкой или Ф. М. Дубянского или Ф. Тица и песенку Ю. А. Нелединского-Мелецкого с мелодией Себастьяна Жоржа.

Русская народная песня была неизменным спутником всей жизни поэта.

Восприняв в детские годы интуитивно непосредственно звучащий материал живой речи, сказок, песен, Пушкин, по мере расширения своего кругозора и углубления в различные стороны общественной и творческой жизни народа, находит в фольклоре, в частности и в русской народной песне, всё новые элементы.

¹ Ср. замечание С. М. Бонди: Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1936, стр. 633, прим. 3.

² См. статью "Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина" ("Художественный фольклор", вып. 2—3, изд. Государственной Академии художественных наук, М., 1927, стр. 80—95).

³ Сб. "Рукою Пушкина", 1935, стр. 617.

ПРИЛОЖЕНИЕ /

ТЕКСТЫ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ В 1937 г.

№ 6.¹ "Боярышная" (свадебная). Поется при выходе невесты на крыльцо. Записана от С. Е. Кучерихи.

- 1. Ах, зацим, сестрицы, пособралися, Зацим, ластушки, посляталися?
- 2. Ах, ежели б да на супредки Шли бы с прялодкой.
- 3. А если на игрища

  То шли бы с забавопкой.
- Сама дагодалася молоденька, Наверно, продумал ² меня родитель мой,
- Наверно, продумал меня родитель мой, Продумала — сударыня матушка.
- № 7. "Барашек". Записана от С. Е. Кучерики.
- 1. Жана моя, жо́на Жана молодая.

Примев: Вот и дюли, люшеньки Жана молодая.

- 2. Жана молодая
  Горазд китра была.
  Припев: Вот и люли, люшеньки,
  Горазд китра была.
- 3. Горазд хитра была, Мужа омманила.

Припев.

4. Прошлой нодью было Янилась ³ оведка.

Припев.

Янилась овецка,
 Янила барана.

Припев.

Жана моя, жона
 Жана молодая,

Припев.

7. Жана молодая, Покажи барана.

Припев.

8. Муж мой, муженецек. Ясный соколоцек.

Припев.

9. Я того барана До трех дён не смотрю.

Припев.

10. На третёй денёцек Ты сходи к обедне.

Припев.

11. Ты сходи к обедне, Богу помодися.

Припев.

12. Слава тебе, господи, Два денька проходят.

Прицев.

13. Два денька проходят, Третий наступает.

Припев.

14. Муж сходил к обедне, Богу помолился.

Припев.

15. Жана моя, жо́на, Жана молодая,

Припев.

Жана молодая,
 Покажи барана.

Припев.

17. Муж мой, муженёцек, Ясный соколодек.

Припев.

18. Я того барана В поле прогоняла.

Припев.

19. В поле прогоняля.
Откуль взялись волки.

Припев.

20. Этого барана Тут же разорвали.

Припев.

21. Што-й-то за барашек В красной-то рубащке.

Припев.

¹ Первые пять номеров входят в вышерассмотренный пушкинский цика.

² Продумал — просватал.

³ Янилась — ягнилась

- № 8. М. Е. Иванова, от которой записана мелодия песни, запомнила только начало гекста: "Закатилось тёплое солнышко все за темные луга".

  № 9. М. Е. Иванова запомнила только начало песни:
  - В цистом поле, в поле при долине, Там стояла берёзушка бела.
  - 2. Щто под этой под берёзой Там сидела Пава.
  - 3. Эта Пава крицит Павла Пава дорогая...¹

№ 10. Причитание невесты-сироты. Записана от М. Е. Ивановой.

Спроту то я в тебя, сударыня-матушка, Што за цим жо к нам пособралися красные девушки, Ни по прежнему ко мне собиралися красные девушки. Ино продумали горькую сиротушку. Что надоела я тобе, сударынька-матынька. Надоела-то я тобе веселыим гуляньицем. А еще надоела я тобе светлыим платыщем. Всё не думала я горюшко, сиротинушка, Што продумали меня, горькую спротинущку. Мне бедной сиротинушке воць не спалося. Приляцел ко мне ясён сокол, Вынимал с моей косы алы лентоцки, Приносил ко мне влатой венец. Не думала я, горька сиротинушка, Што продумала меня сударыня-матынька. Беднёшенько мне на тебя, горькой сиротоньке, Кабы был в меня родитель-батюшко, Не продумал бы меня горькую сиротушку, такую молодёщеньку.

- М. Е. Иванова исполнила два куплета "часту шек-болту шек", почти сказывая мелодические контуры уловить не удалось):
  - 1. Моя молодость проходит, Что с высокой трубе дым, Меня батюшка просватал, Я не гуливала с ним.
- Моня тятенька просватал, В поле сеяли овёс.
   А по дому выйти можно, Горазд малец не хорош.
- № 11. "Частушки-болтушки" о Пушкине (произведение очень слабое по качеству текста). Записаны от Натальи Петровны (дер. Зимари). Напев и степенное, неторопливое их исполнение анологичны севернорусским частушкам.
  - По могилоцки ходила, Пташецкой взвивалася.
  - 2. Стала Пушкина будиць, Слезам обливалася.
  - 3. Возьму в руки я лопату Могилоцку разрываць,
- 4. Гробову доску разрою $T_{\text{оцу}}$ 2 белую смахну.
- 5. Погляди, Пушкин, на нас, Как стараемся об вас.
- Мне кабы белой бумаги
   Да еще б вито пяро,

¹ Среднерусские варианты этой песни см. "Песни, собранные П. В. Киреевским", вып. И, ч. 2, №№ 1983, 240, 2685.

² Тоца — ткань, покрывало.

- 7. Я бы срисовала глазки, Как у Пушкина было.
- 8. Какая я, такая я Бесцастная зарожена.¹
- Мое сцастье у саду Для Пушкина слажено.

- 10. Кто про Пушкина вспомянет.
  - Завсегда плацу горазд.²
- 11. Век слевами хаживать Да с моих веселых глаз.

№ 12. "Зародилася я" — городской романс 1880—1890-х годов, занесенный в деревню. Пели его дувтом Наталья Петровна и Екатерина Ивановна (дер. Зимари). Перед исполнением этой песни, которую исполнительницы ценят высоко, Наталья Петровна сказала: "Надо такие петь, чтобы книгу развернуть было". Очевидно, это-указывает на литературное происхождение песни.

Зародилася я, как в поле былинка,³ Лет с пятнадцати я по людям ходила, Где дяцей я кацала, там коров доила, Подонвши я коров, в карогод ⁴ ходила. В карогоде я гуляла, девоцка красива, Хоть красива да бедна, и плохо одевши. Никто вамуж не берет, девоцку за это. Пойду с горя на мастырь,⁵ богу помолюся, Не создаст ли мне господь той доли сцастливой Не полюбит ли меня молодец красивый. Во саду-то, во садоцке жалко пташки пели, Не мое ли это сцастье, сцастье приляцело.⁶

№ 13. "Аунек" — свадебная шуточная. Записана от Натальи Петровны (дер. Зимари). Мелодия очень сходна с очень популярной в начале XIX в. городской песенкой "Мне моркотно молоденьке", известной из сборника Ив. Прача и многих последующих песенников. Она переведена была на французский язык и вошла в парижское изданиерусских песен "La Balalayka, Chansons populaires russes, traduits par Paul de Julvécourt, Paris, 1857. Ed. Déloy, Desmé". Это — ранний образец частушечного напева западноевропейского типа (из тонов трезвучий I, IV, V ступеней лада).

- 1. Лунёк по городу ходил, Перепёлоцек соцыл ⁷
- 2. Перепелок не нашел, Сам заплакал и прищёл.
- 3. Устал, устал наш лунёк, Устал милый животок.
- 4. Ты присядь, присядь лунёк, Присядь, милый животок.
- 5. По-малёшеньку, По-тихошеньку.

- 6. Лу́нек поженьку протя́не И другую протягне́.
- 7. Лу́нек крылышком тряпёхне И другим тряпехне.
- 8. По головушке подроци,⁸ По другой стороне.
- 9. Ты устань, устань лунёк, Устань, милый животок.
- Я пошёл, лунёк, плясать,
   Я пошёл, лунёк, страдать.

¹ Зарожена — рождена.

² Плацу горазд — склонен к плачу.

³ Каждая строка песни повторяется.

⁴ Карогод — хоровод.

⁵ На мастыръ — в монастыръ.

⁶ М. Горький приводит в "Моих университетах" часть песни, сочиненной, по его словам, вором Башкиным: "Некрасива я, бедна, плохо я одета, никто замуж не берет девицу за это".

⁷ Соцыл — искал.

⁸ Подроци—потрогает.

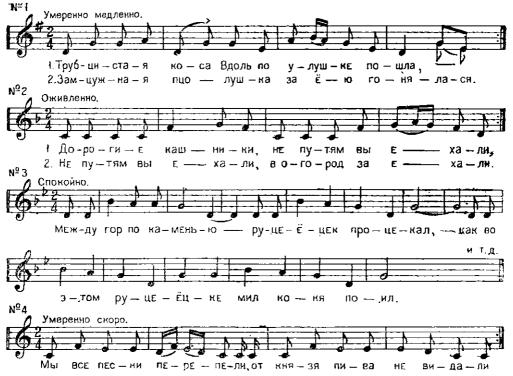
№ 14. "Процекал руцей". Записан от Натальи Петровим (дер. Запари).

- Процекал руцей
  Да рецка быстрая,
  Да рецка быстрая,
  Да вода цистая.
- 2. Как на этой на реке Да я воду брада, Диво видела Непомерное.
- 3. Муж коня поил, Не коня поил, А жану губил, А жану губил.
- А жана ему Слово мурнула: "Не губи ты меня Среди белого дня,
- А губи-тко меня,
   А губи-тко меня
   Да цёмной нопушкой,
   Ах, цёмной нопушкой.
- 6. Ах, цёмной нопушкой Малы детушки

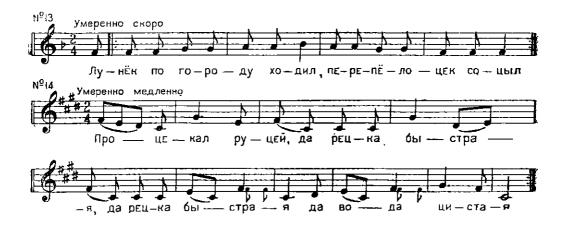
- Спаць полягуць,
- 7. Спаць полягуць
  Да поравоспутца,
  Да с лавок свалются,
  Да мамки хватются.
- 8. Эх, родный батюшка, Родный батюшка, Гле наша матушка, Гле наша матушка?
- 9. Ваша матушка, Ох, ваша матушка, Да во сыром бору, Да бере ягоды.
- Родный батюшка, Да со-донской казачушка. Омманул ты нас.
   Омманул ты нас.
- 11: Ох, наша матушка, Да во болотинки, Да во болотинки, Да под колодинкой.

ПРИЛОЖЕНИЕ !!

мелодии песен

в. л. комарович ВТОРАЯ КАВКАЗСКАЯ ПОЭМА ПУШКИНА

I

Неоконченная поэма о Гасубе и Тазите, впервые опубликованная (под неверным заглавием "Галуб") Жуковским (в "Современнике" 1837 г., т. VII), своим возникновением обязана впечатлениям Пушкина от поездки на Кавказ в 1829 г. Мало того, что первый набросок этой поэмы—в той же тетради Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина (№ 2382), где и первоначальная редакция "Путешествия в Арэрум", самое содержание этого последнего настолько близко местами к содержанию отрывка, что дает как бы ряд прозаических к нему вариантов. В самом деле: в окрестностях Владикавказа, в одном из осетинских аулов, Пушкин, согласно "Путешествию", был очевидцем той самой сцены, которая служит поэме введением:

"Путешествие в Арзрум"

"...попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с горьким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб.

Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке... положили его на арбу.

Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела.

Поэма

Обряд творится погребальный.
В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
Все жлут. Из сакли наконен

Все ждут. Из сакли наконец Выходит между жен отец.

Два узденя за ним выносят На бурке хладный труп. Толпу По сторонам раздаться просят, Слагают тело на арбу И с ним кладут снаряд воинской: Неразряженную пищаль

Волы тронулись. Гости поехали В дорогу шествие готово, следом.

И тронулась арба. За ней Адехи следуют сурово.

Использование одного и того же виденного материала несомненно. Надо при этом еще отметить, что и место погребения, так точно указанное в поэме,

Вблизи развалин Татартуба.

не забыто также и в "Путешествии", — непосредственно перед приведенным уж описанием похорон: "видны следы разоренного ауда, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде" и т. д.; да и причастность Татартуба к рассказу о смерти и погребении наездника едва ли придумана; вслед за описанием татартубского минарета в "Путешествии" читаем: "Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченые на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка". Этому прямо и соответствует ранний вариант указанного места поэмы: "Хищник смелый сын Гасуба" и т. д. Самый род смерти погребаемого в поэме "наездника" — от руки "супостата" или, как было сперва, "казака" — соответствует тому, что говорится далее в "Путешествии": "Черкесы нас ненавидят... Почти нет никакого способа их усмирить... по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови".

Темой поэмы и было избрано это самое "мщение крови".

В поэме о Тазите мы имеем, как видно, дело с одним из тех пушкинских замыслов (вроде "Египетских ночей" и "Кирджали"), при воплощении которых испробованы были поочередно и стихи и проза. Ее сюжет восходит, как показано, к впечатлениям Пушкина на пути от Георгиевска к Владикавказу, между 15-м и 22-м мая 1829 г.²

Но за счет только зрительных впечатлений дороги весь использованный в поэме этнографический материал отнести конечно нельзя, тем более, что повстречавшиеся Пушкину похороны были, если верить "Путешествию", осетинскими, в поэме же осетинцев, на основании, очевидно, каких-то других данных, заменили адехи.

В поисках этих дополнительных этнографических источников второй кавказской поэмы Пушкина (как принято называть отрывок о Гасубе) Н. О. Лернер сделал указание на сохранившиеся в библиотеке Пушкина "Записки" графа Сегюра: пересказанная там ³ докладная записка П. С. По-

¹ Здесь и ниже курсив мой. В. К.

² Даты путевых записок, легших в основу "Путешествия".

³ См. "Mémoires ou souvenirs et anecdotes par M. le Comte de Ségur", 3 éd., tome second, Paris, 1827, pp. 266—379; в библиотеке Пушкина — под № 1378, см. "Пушкин и его современники", вып. ІХ—Х, стр. 335. Внимание Пушкина к 2-му тому "Мемуаров" Сегюра могла привлечь рецензия на него в "Московском Телеграфе" за 1826 г. (ч. VIII, отд. "Современные летописи", стр. 368—371).

темкина о быте и нравах кавказских горцев упоминает, действительно, Татартуб как чтимое горцами место, сообщает и об обычае горских князей воспитывать сыновей в удалении от семьи, у подвластных им узденей. Роль, однако, этих почерпнутых из "Записок" Сегюра сведений в истории создания поэмы о Тазите весьма, надо думать, невелика, что особенно бросается в глаза при учете не самих "Записок", а русского их источника, который извлечен Лернером из Бартеневского "Русского Архива" и Пушкину, вероятно, известен не был. А у Сегюра вм. "Татартуб" читается "Таtarlouff", вм. "уздень" — "ousder", т. е. неверно переданы даже общие с поэмой названия, не говоря уж о том, что адехи не упоминаются вовсе не только у Сегюра, но и в подлинной записке Потемкина.¹

Ценное указание сделал С. М. Бонди на "Тифлисские Ведомости" ва 1829 г., где в №№ 22, 23, 24 и 25 от 31 мая, 7, 14 и 21 июня (т. е. как раз в период между прибытием Пушкина в Тифлис и вторичным его там появлением на обратном пути из Арэрума) печатался ряд статей поручика Новицкого под заглавием "Географико-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе". Отсюда, согласно указанию "Путеводителя по Пушкину", Пушкин и мог взять "свое название — адехи". Пушкинской склоняемой форме на и тут везде, однако, соответствует лишь несклоняемая форма на е: "народ адехе", "земли адехе", "климат у адехе" и т. п. Да и сообщаемые затем сведения (о воспитании у адехе) не передают всего, что, как видно из поэмы, знал о нем Пушкин; Татартуб же и вовсе не упомянут. Да и вообще вопрос об адехах, заменивших в поэме осетинцев "Путешествия", сводить к одному лишь названию нельзя.

Колорит народности, которую избрал Пушкин, названием в поэме не ограничивается.

Свой переезд от Ставрополя до Тифлиса Пушкин совершал в 1829 г. как раз в тот момент, когда весь Северный Кавказ был полон молвой о черкесах — адиге (adighé) или адыге и их особенно непримиримой

 $^{^1}$ Молчат об адехах и "Записки о Керчи" Ф. Ф. Вигеля, тоже цитируемые Лернером, коть и они Пушкину известны быть не могли: написанные в 1827 г., они в печати впервые появились лишь в 1864 г.

² См. "Сочинения Пушкина", т. VI, "Путеводитель по Пушкину", приложение к журналу "Красная Нива", ГИХЛ, 1931, стр. 255.

³ Что Пушкин вообще "Тифлисскими Ведомостями" пользовался, доказывает несомненное заимствование из них в "Путешествии" (гл. 2) подробностей о хранении грузинами вина в "огромных кувшинах", в одном из которых утонул "недавно русский драгун". — Ср. "Тифлисские Ведомости" 1829 г., № 14, от 5 апреля, отд. "Разные известия": "Вино в Кахетии отстаивается в кувшинах огромной величины, которые заканываются в землю... Говоря о величине кахетинских кувшинов, мы расскажем... забавный анекдот, случившийся прошедшею весною. В деревне пропал человек, которого нигде не могли отыскать. Наконец у берега открытого кувшина увидели его одежду, по сей примете догадались об его участи, и нашли его труп плавающим на поверхности вина".

в тот момент ветви — абадзехах. Еще за год до появления Пушкина на Кавказе, тотчас после объявления русско-турецкой войны, "абадзехи, собравшись на реке Урупе (между Ставрополем и Майкопом) в количестве до 800 человек, вызывали от разных закубанских племен князей для совещания о вторжении в пределы кавказской области". 2 Опорой им служила Анапа, турецкая еще тогда крепость. Но и взятие Анапы русскими (12 июня 1828 г.) не прекратило ни сношений через нее абадзехов с турками, ни их тайных то тут то там сборищ. 30 апреля 1829 г., т. е. за день до отъезда Пушкина из Москвы на Кавказ, турецкий паша Сеид-Ахмет, высадившись с небольшим отрядом близ Суджук-Кале, обратился к абадзехам и другим горским племенам с воззванием, "приглашая прислать старшин для совещания на гору Птшовалес, возвышающуюся в 28-ми верстах от крепости Анапы". Собрание и состоялось "в половине мая"; разъехалось же "с тем, чтобы вновь собраться к 31 мая в балке, называемой Тхазюлиш, недалеко от Анапы". 5 15 мая 1829 г., т. е. в день отъезда Пушкина из Георгиевска в Владикавказ, сам Паскевич доносил военному министру Чернышеву, что, "по сведениям, доставленным от пограничных начальников, в недавнем времени к абадзехским берегам прибыли из Трапезонда 2 военных судна с грузом военных припасов, и на одном из них прислан турецкий правительственный чиновник с возмутительными фирманами, призывающими горские народы восстать против русских. Между черкесами распространился слух, что турки уже сделали десант и что до 60-ти судов их скоро прибудут к абадзехским берегам. Обстоятельства сии возбудили движение закубанских народов — и абадзехи составляют сборища на реке Псефиро, с намерением вторгнуться в границы наши или покорных нам народов". 6 27 мая, т. е. на другой день после прибытия Пушкина в Тифлис, полковник Широкий доносил генералу Еманцелю, что абадзехи

¹ Что все горские племена северо-западного Кавказа (между Кубанью и Черным морем) одинаково назывались во времена Пушкина не только черкесами, но и адые (адехе) и что, кроме того, абадзехи — одно из племенных их подразделений, видно из целого ряда документальных данных XVIII—XIX вв.; так, на приложенной к первому тому кавказских "Актов" "карте Кавказа с показанием политического его состояния до 1801 года", указанная выше область названа: "Адыге Черкесы". — См. "Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею", т. І, Тифлис, 1866. Приложение. — "Народы, обитающие... по левую сторону реки Кубани, — читаем в указанной выше статье "Тифлисских Ведомостей, — известны под названием Адехе или Черкесов... В состав сих народов входят: Убыхи, Гуаие, Нашухайды, Шапсуги, Абадзехи и т. д.". Ср. еще докладную записку Лапинского, составленную в 1860 г. ("Акты", т. X, стр. 847).

² См. "Кавказская линия под управлением генерала Емануеля", "Кавказский Сборник", т. XV, Тифлис, 1894, стр. 368.

³ Там же, стр. 390—392.

⁴ Там же, т. XIX, стр. 147.

⁵ Там же, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 146.

жобираются на правой стороне реки Белой с тем, чтоб 30-го выступить в набег. А днем раньше, 26 мая, абадзехи, в самом деле, попытались взять с налету Анапу. 2

Приведенных фактов достаточно, чтобы, коть приблизительно, восстановить ту "молву" о "злодействах" черкесов, которой "полна была", по словам Пушкина в "Путешествии", "здешняя сторона": нет сомнения, что из черкесских племен "молва" эта чаще других упоминала именно абадзехов, чье название, смешавшись с общенародным названием черкесов— "адиге" или "адехе", только и могло породить пушкинское адехи.

Приведенные факты проливают свет и на другие этнографические детали поэмы и объясняют, прежде всего, почему какой-то съезд адехов использован Пушкиным для вступительного, особенно характерного, значит, сравнения: потому, конечно, что съезды адыгов-абадзехов в мае 1829 г., те самые, о которых писались приведенные выше рапорты, тревожили тогда на Кавказе всех. Недаром и назван Пушкиным такой съезд не только "кровавым", но и "тайным" (в черновом варианте):

Не для тайного совета

«с исправлением на:

Не для тайных совещаний

Объясняются и упоминаемые затем "расспросы кунака" — о готовности, очевидно, к выступлению отдельных аулов. Понятным становится далее и упоминание в поэме Анапы ("И с бою взятыми рабами Суда в Анапе нагружать"): ближайший к месту расселения абадзеков турецжий порт Анапа играл, как показывают приведенные донесения, первенствующую тогда роль в их сношениях с Турцией.

Упомянут, наконец, в одном из черновых вариантов поэмы тот эгредводитель абадзехов, чье имя тоже должна была донести до слуха Пушкина "молва".

Темиргоевский князь Джембулат Айтеков, "известный своей храбростью и необузданным характером", не желая подчиниться царскому
правительству "и найдя приют у абадзехов", составил себе набегами
"громкое имя" как раз в 1828—1829 гг. Он первенствует, в частности,
и на всех упомянутых выше съездах 1829 г.; сам поддерживает сношения с Селд-Ахмед-пашой; сам предводительствует, наконец, смелым
набегом за Кубань 10 сентября 1829 г., когда составленный им отряд
в 500 человек "из самых отборных всадников, большей частью, узденей", изрубил у станицы Казанской, северо-западнее Ставрополя, казачий разъезд сотника Гречишкина, вызвав переполох не только среди

¹ Там же, стр. 149.

² Там же, стр. 152.

высшего командования на Кавказе, но даже в Петербурге. Выехавший двумя днями раньше (8 сентября) по направлению к Ставрополю же, с Минеральных Вод, Пушкин о гибели отряда Гречишкина услышать должен был, конечно, еще в дороге. Имя предводителя "немирных абадзехов и попадает в черновики поэмы, в соответствующем к тому же-географическом кадре:

Отец

Где был ты?

Сын

Около станиц Кубани, близ лесных границ.

Отец

Кого ты видел?

Сын

Джембулата.

Этнографический колорит поэмы, отличающий ее от соответствующего эпизода "Путешествия", простой заменой осетинцев адехами, как видим, не ограничивается: названию "адехи" соответствует ряд других очень точных и, по тому времени, характерных признаков избранной поэтом народности. Его знакомство с нею нетрудно объяснить собственной его ссылкой на "молву". — Так; но кто между ним и ею мог быть посредником? Им мог быть некий Шора — Бекмурзин-Ногмов, кабардинский уздень как раз из племени абадзехов, историк своего племени и усердный собиратель и переводчик его песен, оставивший после себя целое их собрание, с историческими и этнографическими пояснениями, под заглавием: "История Адыхейского народа"; труд этот закончен был, правда, в 1843 г., т. е. после смерти Пушкина, 3 но созда-

¹ "Кавказский Сборник", т. XV, Тифлис, 1894, стр. 370, 408, 409; т. XIX, 1898, стр. 149, 155, 156, 159—161.

² Судя по воспоминаниям сопровождавшего его М. И. Пущина, Пушкин в эти дни как раз ждал встречи на переездах с черкесами (Л. Майков. "Пушкин", 1899, стр. 391).

³ Впервые напечатан под заглавием "О Кабарде", в 1847 г., в "Закавказском Вестнике"; отрывками — в газете "Кавказ" за 1849 г. (в №№ 36, 37, 39 и 40); с подлинной, исправленной рукописи под редакцией и с предисловием Ад. Берже — в приложении к "Кавказскому календарю на 1862 год", Тифлис, 1861 г.; и, наконец, отдельной книгой в Пятигорске — в 1891 г. Краткая биография Ногмова есть, кроме того, в "Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею", т. XII, Тифлис, 1904, стр. X.

вался несомненно еще при его жизни и, что особенно важно, при его, возможно, содействии: издавший труд Ногмова кавказовед Ад. Берже, в биографической вступительной заметке об авторе, передает со слов лично знавших его "некоторых кабардинцев", что "Ногмов познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске; что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыхейского языка на русский". Сообщение это, до сих пор в литературе о Пушкине не использованное никак, прямо разъясняет, откуда и почему в поэму о Тазите попали, вместо осетин, адехи.

Правда, года, когда Ногмов познакомился с Пушкиным, Берже точно не указывает, слова же: "во время бытности его «Пушкина» в Пятигорске" могут одинаково подразумевать и 1829-й и 1820-й. Но, когда бы знакомство ни состоялось, самое сообщение на почве сходных поэтико-этнографических интересов возникнуть могло лишь в 1829 г., так как в 1820 г. Ногмов, судя по тому, что о нем сообщает тот же Берже, русского языка не знал еще вовсе и, следовательно, никаких его переводов в первый свой приезд на Кавказ Пушкин исправлять не мог. Напротив, к 1829 г. Ногмов русским языком владел уже настолько, что с успехом и "необыкновенным усердием", по словам Берже, обучал содержавшихся в Нальчике аманатов. Нальчик — одна из тех крепостей, которые в 1829 г. встретились Пушкину на пути и о которых упомянуто в "Путеществии"; аманаты тоже не обойдены там вниманием

¹ О переводах Шорой кабардинских стихотворений уже в 1826 г. сообщах в "Московском Телеграфе" (ч. VII, отд. 1, стр. 37) Нечаев в статье "Отрывки из путевых записок о Юго-восточной России": "В стихотворениях кабардинских, древних и новых, — читаем здесь, — не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образу арабских и персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное". Тут же сообщаемые сведения о "черкесских бардах", носивших название Ге-ю-ко, совпадают с аналогичным сообщением в "Истории Адыхейского народа" (о тожестве автора которой с Шорой, упоминаемым у Нечаева, см. "Акты", XII, стр. X).

² Биографическую о нем справку см. в "Словаре кавказских деятелей", 1890, стр. 21.

³ См. "Кавказский календарь на 1862 год". Приложение, стр. 12.

⁴ В упомянутой выше статье 1826 г. Ногмов охарактеризован как "известный всем приезжим (на Горячие воды) Шора". — См. "Московский Телеграф", 1826, ч. VII, отд. I, стр. 35". — Эту статью Нечаева Пушкин знал хорошо, судя по тем несомненным заимствованиям, которые сделаны им отсюда в стихотворение "Обвал". Ср. с ним следующее место статьи: "падения снежных глыб случаются здесь весьма не редко. Недавно огромный клуб снега и каменьев, скатившись с вершины Казбека, совсем было прекратил течение Терека... Но чрезвычайная быстрота реки скоро пробила путь под глыбою, по которой потом ездили как по мосту..." Там же, стр. 27.

⁵ Родившись в 1801 г., Ногмов, по указанию Берже, приступил к изучению русского языка только на 25-м году, т. е. не раньше 1825 г., чему соответствует неточность его переводов в 1826 г. (отмечаемая Нечаевым).

(в гл. 1). Пятигорск же, родину Ногмова, Пушкин в 1829 г. знал, по его словам, "как свои пальцы".1 Никто лучше Ногмова не мог информировать Пушкина и о "тайных совещаниях" абадзехов: состоя с 1818 г. на русской военной службе, сперва при начальнике Кавказской линии, генерале Дельпоццо, потом (с 1826 г.) при полковой канцелярии 1-го Волжского казачьего полка, Ногмов, природный абадзех, будучи тем не менее "предан Русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях" (Нечаев), несколько раз был "секретно посылаем", по словам Берже, "для собирания сведений о сборище неприятеля", и знал, следовательно, как опытный лазутчик, о сборищах абадзехов больше чем кто-либо. Есть, наконец, некоторое сходство в поэтических переводах Ногмова (в его "Истории") с тем переводом грузинской песни Туманишвили, который Пушкин в 1829 г. получил от неизвестного ² и включил в "Путешествие" в своей обработке: дословнопрозаический перевод там и тут одинаково передает песенный характер подлинника тем, что подразделяет текст на стихи или строфы; научить этому Ногмова и мог Пушкин.

Нет, таким образом, оснований сомневаться в том, что сообщает Берже о содействии Ногмова Пушкину "в собирании местных народных преданий". Крепость Нальчик, где мог с Ногмовым встретиться Пушкин, ближайшая к Татартубу. Предание о Татартубе Ногмов внес в свой труд: "На берегу реки Терека, выше соединения ее с рекою Малкою. находятся в большом числе башни или минареты. На кабардинском языке их называют жулат, сокращенное из Журитла Ант, т. е. «часовня для доброхотных дателей». По преданию они основаны нашими предками в доевности и были посещаемы для очищения и принесения жертв. Если между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее надвое и возвращались во-свояси. Этот обряд назывался «жулат». Кабардинцы рассказывают, что... (татарский) хан Жанибек совершенно присвоил себе жулаты и обратил их в минареты. Но предамие продолжало сохраняться в пословице; народ вместо клятвы говорил для утверждения своих слов: Татартуп пенжесен — да буду в Татартупе многажды!.. " 3 Устно-народное происхождение рассказа, записанного к тому же жителем соседнего с Татартубом Нальчика, не подлежит сомнению. 4 Его-то и мог услыхать от Ногмова Пушкин,

¹ Передано М. И. Пущиным, см. Л. Майков. "Пушкин", стр. 392.

 $^{^2}$ См. об этом статью Л. Б. Модзалевского и В. Д. Дондуа ("Временник Пушкинской Комиссии", т. 2, 1936, стр. 297—301).

³ См. "Кавказский календарь на 1862 год". Приложение, стр. 25.

 $^{^4}$ Предавия и обряды, связанные с Татартубом, отмечаются и кавказоведами современными: "Местность, известная под названием $Tamz \rho my\pi$, т. е. татарский lib.pushkinskiidom.ru

прежде чем тот включил его в свою "Историю Адыхейского на-рода".

Таков же рассказ этой "Истории" об аталычестве и о кровной мести: "Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который нередко еще за месяц добивался этой чести. До 7-ми лет воспитатель (бофхако) князька няньчил своего воспитанника (кана), напевая ему: «лелай, лелай, мелай, мой свет, выростешь велик, будешь молодцом, отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня, старика» и т. п. В 16 лет воспитатель одевал молодого князя как можно лучше, снаряжал ему хорошего коня, снабжал богатейшим оружием и отвозил в отцовский дом, в который до того сын не мог ездить; при этом возвращении соблюдалось множество обрядов. Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холопами и потом отпускал с честью домой. Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания... Адыхе стыдились забывать обиды или оскорбления и старались за них мстить. В случае убийства обиженные искали случая и средства отомстить не только виновному, но и всему его роду. Дети и родственники мстили кровью за кровь. Виновный мог однако же прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужеского пола, воспитав его со всем рачением как сына и потом наградив его лошадью, оружием и одеждою, доставив его с большою церемониею обратно. В этом случае мальчика называли *тлечежипкан*, т. е. «за кровь воспитанный» ".1

Не потому ли в сюжете Пушкина оба обычая сближены: кровомщение и аталычество? Впрочем, это только предположенье. Бесспорнее другое: зависимость Пушкинской поэмы от самого материала, который удалось собрать Ногмову, приурочившему его как раз к тем адыхе или адыхам (вм. адыге), которых подразумевает и чуть-чуть видоизмененная форма адехи у Пушкина. Но стоит остановиться и на деталях.

колм, носит следы древнего городища... Городище пользовалось прежде у кабардинцев и чеченцев величайшим уважением: клятва, произнесенная при Татартупе, считалась священною; преступники, прибегавшие под защиту Татартупа, были неприкосновенны; эдесь происходили народные собрания и приносились жертвы". — См. Е. Г. Вейденбаум. "Примечания и объяснения к Путешествию в Арзрум" в сборнике "Кавказская поминка о Пушкине", 1899 г., стр. 48.

¹ См. "Кавказский календарь на 1862 год". Приложение, стр. 33—34. — "Аталык и аталычество считались крупным политическим и социально-экономическим фактором в общественном укладе черкесов", — говорит современный кавказовед. "Аталычеством дорожили в равной степени обе стороны, и родители и воспитатели, так как феодал увеличивал через аталыков круг своих преданных клиентов и доброхотов... Аталыкам (воспитателям) втог адат был дорог потому, что через своих питомцев они входили своими людьми в семью богатого патрона, покровительством которого пользовались и далее для своих целей". — См. проф. В. П. Пожидаев. "А. С. Пушкин о Кавказе (к стодетию пребывания поэта на Кавказе)". Владикавказ, 1930, стр. 12.

Фольклорно-этнографический свой материал Ногмов постоянно называет "сказаниями старцев", указывая, что таково адыхейское народное названье изустных преданий вообще.¹

С этим нельзя не поставить в связь частое употребление самого слова "старец" в черновиках поэмы:

Толпу раздаться старцы просят... Четыре старца вслед за ним На бурке мертвеца выносят... Над нею старцы... И старец к мрачному отцу Подходит грустный и спокойный... И в горе старец им любуясь... Ему ж печальный старец мнит...

Замечанье Ногмова о жертвоприношеньях у Татартуба (см. выше) отозвалось тоже в черновом варианте:

Мулла приближился с ножом Где ж конь любимой;

появленье аталыка с Тазитом верхом:

Два всадника явились вдруг

то же восходит, вероятно, к приведенному выше рассказу Ногмова. Туда же восходит чествование аталыка ("Потом наставника ласкает" и т. д.) и, может быть, связанное с обрядом "жулат" упоминание о стрелах в черновом варианте сцены погребения:

И лук, и стрелы и седло.

П

Вообще, фольклорно-этнографическому элементу в поэме отводилось сперва места больше, чем было потом оставлено. Соответствует этому и другое разительное отличие первого из сохранившихся набросков поэмы (ЛБ, тетрадь № 2382, лл. 22об. — 23), — его метр: четырехстопный хорей вместо принятого поэже четырехстопного ямба. Отметив первый эту замену, С. М. Бонди никак, однако, не связал с ней ни тематики, ни жанра задуманной Пушкиным вещи. Сделать это, однако, можно. У избранного сперва для рассказа о Тазите размера к 1829 г. в поэтике Пушкина наметилась довольно четко вполне определенная жанрово-тематическая функция, — с тем при этом, чтоб и поэже, в 1830-е годы, заявлять о себе в ряде шедевров. Говорим о четырехстопном хорее пушкинских сказок. Использование в трех из них (в "Сказке

¹ Ср. цитированный труд, стр. 13, 15, 42.

² С. М. Бонди. "Новые страницы Пушкина". М., 1931, стр. 70.

о царе Салтане", в "Сказке о спящей царевне" и в "Сказке о золотом петушке") именно этого метра отнюдь не случайность. Еще в 1822 г. сделан был набросок хореической сказки о царе Никите. Фольклорная тема и позже не раз срасталась у Пушкина всё с тем же четырехстопным хореем: в 1828 г. им написан "Утопленник"; в 1829 г. "Стрекотунья белобока", "Жил на свете рыцарь бедный" и начало какой-то сказки "Полюби меня, девица". 1 Фольклорному (у Пушкина) метру соответствует фольклорная стилистика: уже в хореическом вступительном отрывке имеем песенный зачин в виде усеченного отрицательного сравнения (похорон с битвой или с пиром):

Не для тайного совета, Не для битвы до рассвета, и т. д.

как и в отрывке последней редакции:

Не для бесед и ликований, Не для кровавых совещаний и т. д.

Сходное начало в "Братьях разбойниках" ("Не стая воронов слеталась" и т. д.) заимствовано, как известно, из народных песен.² Сходный стилистический прием дважды использован в "Песнях западных славян": "Не два волка в овраге грызутся. Отец с сыном в пещере бранятся" ("Песня о Георгии Черном"); "Не два дуба рядом вырастали. Жили вместе два брата родные" ("Сестра и братья"). Есть такое начало и в одной из собственно народных песен пушкинской записи:

He беленька березанька к земле клонится, Не камыш-трава во чистом поле расшаталася.

По-народному эпичен затем прием трикратного повторения одного и того же вариирующегося мотива (отъевд Тазита из дому), с повтором каждый раз одной и той же словесно-синтаксической формулы ("Тазит опять коня седлает Два дня, две ночи пропадает"); прием этот — основной в построении любого песенного или сказочного сюжета у Пушкина, начиная с "Жениха" (1825) и кончая последней из сказок (1834). Припомним трикратный крик "золотого петушка", трикратный вопрос коро-

Хищник смелый, сын Гасуба, Вся надежда старика Близ развалин Татартуба Пал от пули казака. В ночь погода зашумела, Взволновалася река. Уж лучина догорела В дымной кате мужика.

^{1 &}quot;Утопленник", "Стрекотунья белобока" и "Жил на свете рыцарь бедный" близки к хореическому отрывку о Тазите также и чередованьем рифм (мужских и женских). Ср., например:

² См. статью Н. Котаяревского во 2-м томе "Собрания сочинений Пушкина", под ред. С. А. Венгерова, 1908, стр. 122.

левича Елисея (с одним и тем же, каждый раз, пояснением: "Я жених ей"); трикратное закидыванье в море невода, трикратное появление вурдалака в песне про Марко Якубовича и т. д.

Самый, наконец, сюжет отрывка слагается из мотивов в первооснове едва ли не народно-сказочного происхождения.

Три поездки Тазита по невысказанному прямо, но несомненнопредполагаемому заданию отца, несоответствие этому заданию результата поездок, неудачное затем сватовство неудачника — меньшого, заметим, из двух сыновей — всё это мотивы общеизвестной народной сказки о дурачке, среди бесчисленных вариантов которой 1 есть даже и такой, где как бы предвосхищен самый нравственный облик Тазита: это вариант "про милосердного (или жалостливого) хлопця", кроме украинской версии известный и в русской, где милосердным оказывается или "батрак" или "вдовьин сын" и т. п.² Органически присущий этому варианту сказки о дураке мотив "благодарных животных" (выручаемых дураком в ущерб себе при выполнении задач или служб) в едва ли не предусматривался и Пушкиным; в первом конспекте поэмы (соответствующем хореическому наброску) три поездки Тазита не только четко, -- как в сказке, — периодизированы ("І день", "ІІ день", "ІІв"), но и, кроме того, прямо поставлены в какую-то тематическую связь с животными: "I — день — лань — грузинский купец. II — день — орел — казак". Пушкин, очевидно, сперва котел, соответственно песенному зачину поэмы, и в рассказ о трех поездках Тазита внести элемент песенного же параллелизма, к каждому из проявлений - "жалостливости" героя присовокупив аналогичный мотив (или только образ?) из сказок: пощада купцу могла сопровождаться пощадой лани, пощада казаку — пощадой орлу-Песенная параллель: орел-казак Пушкину вообще была знакома и нравидась.4

Подлинно-этнографическому колориту рассказа должны были таким: образом соответствовать, по первоначальному замыслу Пушкина, и песенные приемы стилистики и сказочный характер сюжета. Словом, задумана была сперва не поэма собственно, а одна из предшественниц тех скато

¹ Библиографию их см. хотя бы у А. Веселовского в "Поэтике сюжетов" (Собрание сочиневий, т. II, вып. 1, 1913, стр. 133—136).

² А. М. Смирнов. "Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок". Известия II Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1912, т. XVII, кн. 3, стр. 147.

³ См. о нем там же, стр. 154, а также: Н. П. Андреев. "Указатель сказочных. сюжетов по системе Аарне", 1929, №№ 553, 554.

⁴ Ср. в "Путешествии в Арэрум": "орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже", т. е. подобно линейным казакам на постах. Ср. также в одной из записанных Пушкиным от уральских казаков песен:

зок в стихах, интерес к которым так, казалось, неожиданно возобновляется у Пушкина через два года после первого наброска о Тазите.¹

Этот первый набросок был, однако, сразу же оставлен. Вторичный же приступ к работе отмечен с самого начала существенной переменой в замысле.

Второй черновой набросок (ЛБ, тетрадь № 2373, лл. 3—12 об.), сделанный едва ли раньше 1833 г. и, подобно первому, сопровожденный кратким планом поэмы, в целом дает несколько любопытных сокращений как раз по части этнографических подробностей; устранен, прежде всего, казак; стих "Убит рукою казака" зачеркнут и тут же приписано: "Изменой от своих убит", чему, вероятно, и соответствует в 3-й (беловой) рукописи отрывка знакомое уже нам черкесское имя убийцы: Джембулат; но и оно, при окончательной обработке, заменяется этнографически совершенно уже неопределенным "супостат". Сокращается затем описание погребального обряда: вычеркивается та самая подробность, которая внесена в соответствующее место "Путешествия" и, значит, как и казак, этнографически достоверна:

Неразряженную пищаль [Сдув порож . . .] [Сдув порож с полки] ...

Ср. в "Путешествии": "Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох" и т. д.

Отброшен и включенный было сперва в описание похорон ритуал жертвоприношения ("Мулла приближился с ножом Где ж конь любимой").

Изменена, тоже в ущерб этнографической выразительности или точности, и картина первого появления Тазита (вместе с узденем-воспитателем); стих:

Два всадника явились вдруг

изменяется на менее конкретный:

Из-за горы явились вдруг

Утратил в окончательной обработке свою конкретность и вопрос-Гасуба о повстречавшемся Тазиту купце; первоначальный вариант:

> Зачем... Не вздумал пристрелить его На повороте близ утеса

 $^{^1}$ Замечательно, что и другой бесспорный их прототип — хореический отрывок "Полюби меня девица" — вписан в ту же тетрадь (ΛE 2382), что и наш отрывок, и, подобно ему, тоже связан с кавказскими впечатлениями 1829 г. См. С. М. Бонди, цит. соч., стр. 113—114.

прямо воссоздает ту конкретную обстановку, которая зарисована в "Путешествии". "Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростью неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича мне издали: не останавливайтесь, ваше благородие, убьют! ... Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников". (гл. 1-я).

Неслучайный характер всех этих отмен и поправок бесспорен: вписанный рядом с вторым черновиком новый (окончательный) планлоэмы разительно отличается как раз тем, что последовательно ослабляет, как и самый набросок, фольклорные и этнографические элементы первого плана. Так, "Обряду похорон" (в 1-м плане) соответствует во 2-м более краткий заголовок: "Похороны"; заголовку 1-го плана: "Козак" соответствует этнографически неопределенный во 2-м плане заголовок: "Убийца"; заголовок: "меньшой сын", сказочная периодизация действия (по дням) и упоминания животных ("лань", "орел") во 2-м плане вообще исчезают, как исчезает в соответствующем наброске и сказочный метр, 4-стопный хорей.

Но дополнения во 2-м плане еще, пожалуй, выразительнее, чем отмены.

Сохраняя ту же приблизительно фабулу, что и намеченная в 1-м плане ("отец его гонит" = "6. Изгнание"; "Любовь и отвергнутый" = "7. Любовь. 8. Сватовство. 9. Отказ"), 2-й план вносит, однако, еще несколько таких заголовков, которые дополняют и расширяют ее. Так, в перечень встреч Тазита внесен многозначительный заголовок: "Раб", а перед перечнем, в виде мотивировки поведения Тазита, во 2-м плане стоит: "Черкес-христианин"; и далее, "монах" 1-го плана во 2-м плане конкретизируется как "миссионер", "сражение" или "битва", заканчивающая поэму, согласно 1-му плану, во 2-м дополняется указанием (под № 13) на смерть в ней героя; особо предусмотрен, наконец (под № 14), эпилог, оказавшийся, должно быть, необходимым тоже лишь после того, как углубился и расширился смысл задуманной вещи.

Что обусловило такую эволюцию замысла?

Ответ надо искать в литературной истории тесно с ним связанного "Путеществия в Арзрум".

Ш

Связь эта не такова, чтоб говорить о случайном совпадении двух законченных независимо друг от друга текстов; уже ранний план "Путе-шествия" (сохранившийся в рукописи) содержит указание на общий

Он был со стражей? Сын:

Нет, один.

¹ Ср. вопрос Гасуба:

Goral a decelui che Gene I good - went - youndyse Comme de la Jacque de la Destra Kusque en verile Bis valetya constituent, Mouve a divine noparphoto of Municipality of Sunter wounder Cresion Languette control comments of the services of the serv near afr nyen wagens work carried heres Ulayof land zunbrurage Off les de les contractors de 23. noustander Konnow About All Tenter bunn now how down how Wywar down auton office de monte morte.

Wywar down auton office de man harden.

I was to the proper to the man harden.

The same to the proper to the same works. mos Sa who wirmenter of what word of war of the form of the transfer of the doubter of the surprise of the Da wer

с "Путешествием" эпизод поэмы: "Осетинцы", "Похороны". Эпизод этот попадает затем в самую раннюю редакцию "Путешествия", в послужившие для него основой "путевые записки" 1829 г., читающиеся к тому же (как и план) в той самой тетради Пушкина (ЛБ, № 2382, лл. 1, 14), где читается (лл. 22—23) и первый набросок поэмы (с планом же).¹ Самый приступ к поэме (в ноябре—декабре 1829 г.) совпал с началом работы над будущим "Путешествием".

Тем многозначительнее совпадение одного из отброшенных поэже вариантов 1-й главы "Путешествия" с одним из разделов окончательного плана поэмы, — отрывка о миссионерах с 10-м разделом плана: "Миссионер". Что касается отрывка, его бесспорная тематическая связь с Шатобрианом уже отмечена.²

Но миссионер лицом к лицу с "дикарями" в литературу впервые введен не Шатобрианом, Литературный его прообраз - Ментор Фенелона, породивший, еще в первой половине XVIII в. тот тип "отшельника"-философа, без которого не обходился уже потом сентиментальнодидактический роман вплоть до "Эмиля" Руссо, где "отшельник"-философ преображается в "отщельника"-миссионера, "Савойского викария". И если нет еще у Руссо собственно дикарей, то и их сблизил впервые с "отшельником" опять-таки тоже не Шатобриан, а задолго до него Мариво, ⁴ потом Вольтер, ⁵ потом, уже по следам Руссо, Бернарден де Сен-Пьер и Мерсье. Даже налет католической ортодоксии, чуждый и отшельникам-деистам (у Вольтера, Бернардена де Сен-Пьера) и "Савойскому викарию" Руссо, у Шатобриана не столь уж оригинален: он есть у Мерсье, есть в "Инках" Мармонтеля, где ужасам испанского завоевания Перу и Мексики противопоставлено идиллическое обращение дикарей проповедью Лас-Касаса; 7 есть он в поэме аббата Делиля "Сады" (1782), в переведенной у нас "арзамасцем" Воейковым.9

¹ См. В. Якушкин. "Рукописи Пушкина". "Русская Старина", 1884, т. 44, стр. 346—347, 349—350.

² "Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, A., 1937, стр. 334—335.

³ Сопоставление с ними кавказских горцев было в литературе пушкинской эпохи широко распространенным.

⁴ В пятитомном, анонимно изданном в 1713—1714 гг. романе Мариво "Les Aventures de *** ou les Effets surprenants de la sympathie", где изображена "жизнь пустынника на острове среди «добродетельных» дикарей". См.: Ф. де Λα-Барт. "Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции", Киев, 1905, стр. 43.— СЕичгез de Mariveaux. Théatre complet, Paris, 1878, Préface par Ed. Fournier, p. V.

⁵ В романе "L'Ingénu".

⁶ Мерсье не без основания считал прообразом "Atala" свой много раньше появившийся роман "Homme sauvage".— См. Mercier. "Tableau de Paris". С предисловнем Gustave Desnoiresterres, Paris, 1853, p. XIII.

⁷ Les Incas, ou la Destruction de l'empire du Pérou, par M. Marmontel, Paris, 1777.

⁸ О долгой популярности которой см. Edmond Estève. "Etudes de littérature préromantique", Paris, 1923, pp. 72—75.

⁹ См. "Вестник Европы", 1810, март, № 6, стр. 194.

Не без последователей, был, наконец, и Шатобриан. Четверть века, отделяющая появление "Начезов" (1826) от появления "Атала" (1801) породила не одно подражание сентиментально-экзотической эпопее Шатобриана. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что именно предусматривал Пушкин, внося в 10-й раздел окончательного плана поэмы слово "миссионер": не превращение в миссионера самого Тазита, как думал Анненков, а встречу Тазита с новым действующим лицом, традиционным персонажем сентиментально-экзотических романов об Америке и путешествий. Последний из черновых набросков поэмы, намечающий переход от 9-го раздела плана ("Огказ") к 10-му ("Миссионер"), рисует Тазита таким же "странствующим мальчиком" (упомянутым в отрывке "Путешествия" о миссионерах), как Шактас перед встречей с миссионером в "Атала":

Тазит сокрылся . . . . . . по горам
Он как сайгак чрез бездны скачет.

Обращение Тазита отнюдь, таким образом, не позади изображенных в отрывке событий, а еще только лишь впереди, чего тоже обычно не видят. Чувство сострадания, которое руководит поступками Тазита, лишено в написанной части поэмы каких бы то ни было признаков не то что конфессионализма, идеологической преднамеренности, но простого даже отчета в нем себе со стороны юноши. Оно в нем безотчетно:

Как знать? Незрима глубь сердец;

оно по-пушкински стихийно — как влюбленность, как вдохновенье:

В мечтаньях отрок своеволен, Как ветер в небе,

— сравнение прямо приравнивающее "мечтанья" Тазита к "сердцу девы" и "мечтаньям тайным" поэта в известном отрывке "Родословной моего героя" ("Зачем крутится ветр в овраге"). Но наивной безотчетности "мечтаний" противостоит физическая мощь Тазита ("Я беден, — говорит он, — но могуч и молод"), его ни в чем им самим не заподозренная пока что связь с традиционным бытом родного аула: "Тебе я буду сын и друг", заверяет он отца девушки, "Твоим сынам кунак надежный". А ответ старика: "Ты мой рассудок искушаешь, Иль испытуя иль шутя", прямо, со всей силой подчеркивает простодушие Тазита. Тазит в своих душевных движениях инстинктивен, как женщина, и простодушен, как ребенок. Недаром он, юноша, назван (один раз) отроком. Сочетание

¹ "Тазит является снова между народом своим в качестве учителя", см. "Материалы биографии А. С. Пушкина", 1873, стр. 219.

² Ср. у Анненкова ("Материалы", стр. 220): "Тазит был уже христианином, еще в ауле своего отца".

этих-то признаков Пушкин и озаглавил в соответствующем (2-м) разделе программы словами: "Черкес-христианин".

Простодушие "дикаря", который "добродетелен" в силу одного первобытно-природного своего состояния, еще Вольтером окончательно узаконено было как типический признак идеального дикаря вообще, дикаря "ingénu", как назван Гурон Вольтера. А у Шатобриана этот искомый синтез, под прямым влиянием Руссо, воплощен в Шактасеюноше (из "Атала"), в Шактасе-сахеме (из "Начезов"), и наконец (в тех же "Начезах") в Утугамизе (Outougamiz) по прозванью "le simple". Юный дикарь, брат Целуты и побратим Рене, с первого же появления в романе показан, действительно, под отмеченным этой кличкой традиционным углом эрения: "On retrouvait le frère dans la sœur, avec cette différence qu'il y avait dans les traits du premier plus de naïveté, dans les traits de la seconde plus d'innocence. Égale candeur, égale simplicité sortait de leurs cœurs par leurs bouches".

Утугамиз, так же как Тазит, — христиания сам не зная того, христианин по природе: рискуя своей собственной жизнью, он сохраняет жизнь другу-европейцу, и гений дружбы во сне говорит ему: "Que les vertus de la nature te servent d'échelons pour atteindre aux vertus plus sublimes de la religion de cet homme a qui tu as devoué ta vie".²

Сходство с Пушкиным, — пока только лишь тематическое, — дальше распространяется на сюжет и мотивы.

Родственник Утугамиза, сахем Адарио (Adario), лишившийся сына при столкновении с французами (начало 2-й части), дышит одной только местью: "Le poids du chagrin paternel avait enfin courbé ce front inflexible: Adario n'était plus qu'un mort resté quelques jours parmi les vivants pour se venger" и, подобно старику Гасубу, мстить он хочет во исполнение священного долга перед родиной и умершим, как блюститель традиционного у Начезов обычая кровной мести. Мститэлем же избирает последнего в роде, своего племянника, юного Утугамиза. Но месть, задуманная сахемом, распространяется на побратима Утугамиза, Рене. Во имя высшей, чем сама месть, дружбы Утугамиз мстить отказывается. Отказ этот вызывает следующую отповедь из уст Адарио: "Nous chercherons un autre guerrier, jaloux de faire vivre son nom dans la bouche des hommes. Toi tu prendras la tunique de la vieille matrone; le jour tu

^{1 &}quot;Les Natchez", ч. I, кн. 3. — Перевод: "Брата можно было узнать в сестре, с тою разницей, что в чертах первого больше было простодушия, в чертах второй — больше невинности. Одинаковое чистосердечие, одинаковая бесхитростность исходили из их сердец через их уста".

² Там же, ч. 1, кн. 12. — Перевод: "Пусть природные добродетели послужат тебе ступенями для достижения более возвышенных добродетелей религии того человека, которому ты посвятил свою жизнь".

³ Там же, ч. II. — Π е ревод: "Тяжесть родительского горя склонила, наконец, к земле непреклонное чело: Адарио был уже только мертвец, оставшийся на несколько двей посреди живых ради мести".

iras dans les bois abattre de petits oiseaux avec des flèches d'enfant; la nuit tu reviendras secrètement dans les bras de ta femme qui te protégera, elle te donnera pour postérité des filles que personne ne voudra épouser". Проклятье Гасуба тоже выражается в подборе уничтожающих достоинство воина образов; некоторые из них с приведенными из "Начезов" не схожи вовсе, некоторые имеют отдаленное сходство, один, наконец, тожествен: "Ти prendra la tunique de la vieille matrone". "Ты не чеченец—ты старуха". Образ—необычайный; тожество его у Шатобриана и Пушкина усугубляется тем, что тожественна породившая его там и тут ситуация, укор за отказ от долга кровной мести. Впрочем то же сравнение воина со старухой почти одновременно появляется, кроме отрывка о Гасубе, также в одной из "Песен западных славян", и при этом в той, источника для которой ви у Мериме, ни у Вука Караджича отыскать нельзя ("Воевода Милош"):

Тематическая близость поэмы о Тазите к эпизоду "Начезов" несомненна. В собственном творчестве Пушкина этому соответствует связь второй кавказской поэмы с первой и, через нее, с "Цыганами".

Разрыв героя (Алеко, Тазита) с общинной жизнью — там табора, тут аула — такова общая тема обеих поэм. Оба героя — на одном и том же, восходящем к Руссо, культурно-историческом перепутье: от "состояния цивилизации" (état de civilisation) к "состоянию природы" (état de nature), — таков Алеко (и Рене); или, обратно, от "состояния природы" к "состоянию цивилизации" — таков Тазит (и Утугамиз). Изгнание из общины определяет судьбу того и другого. Но определяет по-разному, потому что один и тот же конфликт изображен там и тут под разным углом зрения: при вторжении в полудикую общину "человека цивилизации" — при его надуманной и обреченной на неуспех попытке укрыться в ней от "страстей" и "судеб", исторических судеб своей цивилизации — морально первенствует община; напротив, при органическом выделении из полудикой общины одного из ее сынов навстречу цивилизации — первенствует этот, оправданный историей, выходец. И один

¹ Там же, ч. II. — Перевод: "Мы поищем другого воина, ревниво домогающегося, чтоб имя его жило в устах людей. Ну, а ты наденешь на себя одеяние старухи; днем ты будешь по лесам бить маленьких птичек детскими стрелами; ночью ты будешь тайно возвращаться в объятия жены, которая будет над тобой первенствовать; она народит тебе дочерей, которых никто не захочет взять замуж".

² Ср.: "Nous chercherons un autre guerrier jaloux de faire son nom dans la bouche des hommes" с пушкинским: "чтоб слуха Никто о роблом не имел"; ср. также: "tu iras... abattre de petits oiseaux avec des flèches d'enfants" с пушкинским: "Чтоб дети русских деревень тебя веревкою поймали и как волчонка [мышонка] затерзали".

и тот же закон мести — там продиктованный эгоистическими страстями индивидуалиста-упадочника, тут скрепленный консервативным обычаем общины горцев — одинаково избран Пушкиным для завязки трагического конфликта: "Или хоть мщеньем наслажусь", — говорит Алеко; "Ты долга [мес<ти>) не забыл! Упился ты его стенаньем", — говорит Гасуб.

Впрочем, кроме тематических, есть и мелкие текстуальные совпадения. Речь воспитателя Тазита введена была первоначально в рассказ сходно с тем, как введена в "Цыганах" заключительная речь старика:

> И старец. . . Подходит важный и спокойный. Он рек: тому 13 лет.

Ср. в "Цыганах": "Тогда старик, приближась, рек". Сходно выражены изгнание Тазита отцом невесты и изгнание Алеко отцом Земфиры:

"Цыганы"

"Тазит"

Ступай, оставь меня в покое!

Есть сходство и в том, как передано там и тут самое состояние изгнанника (в поэме о Тазите едва лишь намеченное в черновике):

Настала ночь; в телеге темной Огня никто не разложил, Никто под крышею подъемной До утра сном не опочил.

Но под отеческую сень Не возвратился сын изгнанный. Настала ночь и снова день

(Тетрадь АБ, № 2273, л. 12).

Менее уловима связь поэмы о Тазите с "Кавказским Пленником". Недостаток подлинно-местных красок, преобладание любовной интриги (в поэме о Тазите сведенной, напротив, к побочному эпизоду), отсутствие у героя ясно выраженного характера — всё это первую кавказскую поэму Пушкина резко отличает, не к ее выгоде, от второй. Впрочем, исходя из недостатков первой поэмы, Пушкин и мог подойти ко второй. С этой стороны заслуживает особого внимания один основной недостаток, на который указал А. Тургеневу в юношеской поэме Пушкина Вяземский: "Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи в своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов?.. Что тут корошего, что он, Как черная зараза губил ничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было что воспеть. Поэзия бы не союзница палачей..." Пушкину этот отзыв был, вероятно,

^{1 &}quot;Остафьевский Архив", т. II, 1926, стр. 274-275.

известен. Выбор темы для второй кавказской поэмы этим отзывом отчасти, возможно, и обусловлен. В частности, слова "если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть", относясь непосредственно к эпилогу первой поэмы, объясняют, почему для второй, говорящей как раз вместо завоевания "племен" о их "просвещении", тоже предусмотрен был (в окончательном плане) "Эпилог": он-то, в согласии с пушкинским построеняем эпилогов вообще (в "Цыганах", "Полтаве"), и должен был, очевидно, "воспеть", как советовал Вяземский, мирную культурно-просветительную деятельность завоевателей.

Но ни эпилога, ни миссионера в дошедшем до нас отрывке нет. И недаром.

Ни новообращенный горец, ни тем более миссионер из простого подражания шатобриановским дикарям и миссионерам возникнуть у Пушкина, конечно, не мог бы. Какие же факты из истории Кавказа или из эпохи, современной Пушкину, могли данному замыслу послужить опорой?

IV

Вопрос об обращении кавказских горцев в христианство к 1829 г. был уже не нов. Он возник перед русским правительством при первых же успехах его завоевательной политики на Кавказе. Все попытки разрешить его наличными у царского правительства средствами лишь оправдывали "черкесское негодование" Пушкина. 1 Но Пушкин мог знать и о миссионерах Российского библейского общества, образовавших колонию близ Пягигорска, у подошвы Бештау, в бывшем черкесском ауле Каррас, в 1806 г. Вот впечатления от этой колонии у автора "Путевых записок о юго-восточной России", относящиеся к 1826 г.: "Верст восемь от Горячих вод, при подошве Бештовой горы, поселилось с давнего времени несколько семейств немецких колонистов. Чистенькие домики окружены садами; по середине селения протекает ручей, который, разделяясь на побочные канавки, орощает огород каждого земледельца. Везде довольство, порядок, опрятность. Особенного внимания заслуживают из них гернгутеры... Тут же имеют свое пребывание миссионарии, присланные из Эдинбурга для обращения горских народов. Прежде находилась в колонии и заведенная сими отцами арабская типография; теперь перенесена она в Астрахань". В Основанная тем же пастором Патерсоном, который в качестве делегата от Британского библейского общества всячески содействовал организации его русского

¹ Ср. "Замечания архиеп. Евгения на начертание правил об устройстве миссионерского общества 1834 года". "Акты", VIII, № 172.

² См. "Записку по делу Шотландской колонии близ горы Бештау". "Акты", т. VIII, стр. 315, 316, а также стр. 310—312.

^{3 &}quot;Московский Телеграф", 1826, ч. VII, отд. I, стр. 32.

филиала, колония миссионеров в Каррасе подверглась участи, общей с Библейским обществом, закрытым, как известно, тотчас после расправы над декабристами (указами от 12 апреля и 15 июля 1826 г.), по наветам Шишкова и Аракчеева, твердивших имп. Николаю о "тожестве декабристов с библейскими деятелями".2

У пятигорских миссионеров отнята была помещавшаяся в их колонии типография, з на что и намекают "Записки" Нечаева. Впрочем, самую колонию в 1826 г. еще пощадили, как это тоже видно из тех же "Записок". Не на долго, однако...

Итак, в 1829 г. "апостольство" среди черкесов, к которому взывал Пушкин, он только и мог найти тогда среди шотландских колонистов Пятигорска. Не знать их колонии он не мог. Бештау, у подощвы которой она была расположена, упомянута Пушкиным, как излюбленное место прогулок, и в письме к брату 24 сентября 1820 г. ("жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолиного Бешту") и в программе "Кавказского пленника", и в первой главе "Путешествия" ("величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении"); русское же Библейское общество, бессменным секретарем которого, от основания до закрытия, был давний друг Пушкина, А. И. Тургенев, а членами --Орлов, Инзов и многие другие из друзей и знакомых поэта, было ему знакомо, конечно, издавна, что одно уже могло привлечь его внимание к Каррасу и в 1820 и в 1829 гг. При заезде в Пятигорск на обратном пути из Арзрума, вместе с Михаилом Пущиным, на приглашение последнего "сейчас же всё осмотреть" (в первую очередь, надо думать, шотландскую колонию) Пушкин ответил отказом, "говоря, что знает тут всё, как свои пальцы".4

В плане "Романа на кавказских водах", отразившем впечатления как раз этого периода, есть следующая запись: "Cavalcade, Бешту".5

Шотландских миссионеров Плтигорска только и мог, таким образом, подразумевать заголовок "Миссионер" в окончательном плане поэмы о Тазите, чем оправдывается, с другой стороны, и один из предыдущих в нем заголовков: "Раб" (соответствующий встрече Тазита с беглым рабом); как видно из отчета пятигорских миссионеров наместнику Кавказа барону Розену в 1835 г., посильная борьба с рабством выгодно отличала именно миссионеров Библейского общества от русских правительственных или римских. Больше того: практика пятигорских миссионеров могла подсказать самый образ Тазита.

¹ А. Пыпин. "Российское библейское общество". "Вестник Европы", 1868, август, етр. 655—657.

² Там же, декабрь, стр. 745.

³ Там же, август, стр. 658, 675.

[♣] Л. Майков. "Пушкин". 1899, стр. 392.

⁵ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. IV, ГИХА, 1936, стр. 598, 600.

^{6 &}quot;Акты", т. VII, № 234.

Шора-Бекмурзин-Ногмов, признанный выше посредником между Пушкиным и преданиями адехов, мог несомненно интересен быть Пушкину и сам по себе, как живой представитель нарождавшегося в 20-30-х годах типа обруселого черкеса, отразившегося, кроме "Тазита", в "Измаиле-Бее" и героях Марлинского. Уроженец окрестностей Пятигорска, Шора происходил от абадзехского узденя, во второй половине XVIII столетия выселившегося в завоеванную уже русскими Кабарду. "Какие именно обстоятельства вынудили и сопровождали это выселение — неизвестно", — говорит Ад. Берже. Однако "род Бекмурзина" не раз упоминается во всевозможных донесениях и актах времен наместничества графа Гудовича (1791—1800 гг.) и позже, в связи с заведенными Гудовичем в Большой и Малой Кабарде "родовыми судами и расправами", рассчитанными на искоренение среди кабардинцев "буйства" и "хищничества",1 т. е. в частности той самой кровной мести, в отказе от которой состоит подвиг Тазита, связанного, таким образом, с Шорой и с традициями его рода самой характерной своей чертой. Тем более заслуживала бы внимания личность самого Шоры. "Для характеристики его внутреннего развития, - говорит Берже, - к сожалению, у нас не было данных. А такая характеристика представляла бы живой интерес, как и всё, касающееся внутреннего мира и нравственных качеств человека, который в праве быть назван передовым в той среде, в какой назначено ему было судьбою родиться и жить". Некоторые черты для такой характеристики можно всё же извлечь из сообщаемых тем же Берже внешне-биографических фактов, из "Путевых записок" Нечаева и из самой, наконец, "Истории адыхейского народа". Из этой последней видно, прежде всего, что ее автор христианин, а из биографического очерка Берже видно, с другой стороны, что в детстве и ранней молодости Шора был мусульманином. Следовательно, христианство Шора принял уже взрослым как прозелит. Есть затем все основания утверждать, что случилось это как раз под влиянием пятигорских миссионеровшотландцев. "Благоприятные отзывы о нем управы колонии Шотландцев" глухо упоминает, в числе своих источников, всё тот же Ад. Берже. "Записки" Нечаева объясняют, что к таким отзывам могло дать повод участие Ногмова в издательской деятельности миссионеров. Упомянув о существовании в Пятигорской колонии "арабской типографии", заведенной там, потому что "черкесы пишут на своем языке арабскими буквами", Нечаев тут же затем добавляет: "Один из узденей, занимающийся разным торгом на Горячих водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт особой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой

^{1 &}quot;Акты", т. І, стр. 747; т. ІІ, стр. 268, 961—962; т. ІІІ, стр. 637, 640—641 и т. д. 2 "По возвращении от кумыков, Шора Ногмов сделался муллою в своем ауле. Но звание это не соответствовало врожденным его наклонностям и потому он вскоре от него отказался" ("Кавказский календарь на 1862 г.", Приложения, стр. 6).

человек успел выучиться... пяти языкам, кроме природного: арабскому... татарскому или турецкому..., абасинскому... и русскому. Одни из них стали ему известны в школе, другие от здешних миссионеров",1 что и нельзя не поставить в связь с издательской деятельностью этих последних, так как из отчетов русского библейского общества известно, что как раз турецкий и татарский переводы Библии печатались у колонистов в Каррасе.² Сами, наконец, миссионеры в указанном выше "Отчете" барону Розену (от 5 октября 1835 г.) не без гордости отмечали: "в продолжение 3-х лет у нас служил типографщиком один из черкесов, воспитанный шотландскими миссионерами", в котором и надо, как видно, признать Шору Ногмова. Восстанавливается, таким образом, одна ценная биографическая деталь о том самом обрусевшем адехе. которого местное на Кавказе предание справедливо связывает с Пушкиным в качестве помощника при ознакомлении поэта с этнографией края; ценна она тем, что разительно совпадает с намеченной для "Тазита" фабулой.

Это совпадение и позволяет признать в Ногмове живой прообраз Тазита, — тип, встретившийся в жизни Пушкину и еще раз поэже, в лице одного из сотрудников "Современника", автора очерка "Долина Ажитугай", Султана Казы-Гирея; и примечание, которым сопроводил Пушкин публикацию этого очерка, лишний раз подтверждает, что Тазит взят из жизни: в биографии Султана Казы-Гирея сам Пушкин как бы узнает и указывает тему своего собственного героя: "любопытно видеть... как... магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения".4

Ни миссионера, однако, ни встречи с ним Тазита в отрывке поэмы, как уж сказано, нет. Больше того: как раз дойдя до 10-го раздела программы, в точности совпадающей с отрывком, и даже зачеркнув большую часть предыдущих, которую он уже выполнил, Пушкин работу над поэмой оставил. Непреодолимым, как видно, препятствием для окончания поэмы оказался не кто иной, как миссионер. Объяснение этому подсказывается цензурной историей неизменно связанного с поэмой "Путешествия в Арзрум".

Черновой его отрывок о миссионерах выпал, как известно, из контекста соответствующей главы еще до первой (частичной) ее публикации; в той беловой рукописи статьи "Военная Грузинская Дорога", которая, до напечатания в "Литературной Газете" в 1830 г., была на просмотре у имп. Няколая, соответствующее место читается уже с сокращением: вся тирада о миссионерах "Африки, Азии и Америки", начиная с гневного обращения к русскому духовенству ("Лицемеры! Так ли

^{1 &}quot;Московский Телеграф", 1826, ч. VII, отд. I, 36.

² А. Пыпин, цит. соч., "Вестник Европы", 1868, август, стр. 658, 675.

^{3 &}quot;Акты", т. VIII, стр. 324.

⁴ "Современник", 1836, т. 1, стр. 169.

исполняете долг христианства? Христиане ли вы?"), была из этой беловой рукописи уже заранее удалена с заменой в несколько малозначащих слов ("Кавказ ожидает христианских миссионеров"). Но даже и в таком урезанном виде место это Николая не удовлетворило: он всётаки нашел повод вступиться за всецело зависевшее от него русское духовенство: таков несомненно смысл его собственной к данному месту поправки.¹ Причиной же исключения панегирического отрывка о западных миссионерах было недоброжелательство Николая I к иностранным миссионерам вообще, перешедшее после польской революции 1831 г. в уже открытое гонение и распространившееся также, в частности, на пятигорских колонистов. Кавказский наместник, барон Розен, с самого своего прибытия на Кавказ (в 1831 г.), возбуждает вопрос о их выселении за границу, угрожая в случае их оставления "неблагоприятными последствиями в отношении утверждения владычества нашего в горах Кавказских".² Точку зрения Розена поддерживает Бенкендорф.

Тема о Тазите и миссионере, при вторичном приступе к ней Пушкина около 1833 г., неожиданно оказывалась, с точки зрения цензуры, запретной. Деятельность пятигорских миссионеров, которую предстояло, как советовал Вяземский, "воспеть", объявлялась, чуть ли не официально, угрозой русскому могуществу на Кавказе: мнение барона Розема было мнением самого Николая. Царская цензура, неизбежная в те годы для Пушкина, не дала ходу и его второй кавказской поэме.

¹ См. статью Т. Г. Зенгер "Николай I — редактор Пушкина" ("Актературное Наследство", вып. 16—18, 1934, стр. 518). Здесь, впрочем, имеется неточность: Николаю (или Бенкендорфу) принадлежат только вычерки; приписка, вызванная вычерками, вопреки мнению автора примечания в "Историческом Вестнике", писана Пушкиным.

² Отношение к Д. Н. Баудову от 10 января 1835 г. ("Акты", т. VIII, стр. 320).

³ "Акты", т. VIII, стр. 321.

ВАС. ГИППИУС

ПУШКИН В БОРЬБЕ С БУЛГАРИНЫМ В 1830—1831 гг.

Борьба между Пушкиным и Булгариным в период "Литературной Газеты", несмотря на большое количество относящихся к этому вопросу работ, до сих пор освещена не во всех необходимых подробностях. Отсюда — возможность недоразумений и не вполне четких точек зрения. Если еще в 1884 г. был дан совершенно правильный ключ к полемике этих лет в известном обзоре П. П. Вяземского "Пушкин по документам Остафьевского архива" ("Вообще все нададки на Булгарина вертелись на его сношениях с полишией"), то, с другой стороны, в последней по времени специальной работе на эту тему П. Н. Столпянского пасквили и доносы Булгарина трактованы как средства простой самозащиты ("И если расположить в хронологическую таблицу эпиграммы, заметки Пушкина о Булгарине и выходки Булгарина о Пушкине, то мы увидим, что последние являются следствием первых. Булгарин сам не бросал перчатки. а только поднимал ее"). В советском пушкиноведении сделано многое для прояснения истинной роли Булгарина как литературного и политического врага Пушкина; исключительную ценность в этой связи представляет работа Г. О. Винокура "Кто был цензором «Бориса Годунова»".2 Она раскрывает истинный — и именно политический — смысл тех обвинений в плагиате из "Бориса Годунова", которые предъявляли Булгарину Пушкин и его друзья. Общая картина, таким образом, ясна, но по частным поводам недоразумения и пробелы при изучении литературной борьбы 1830-1831 гг. еще воэможны. Задача настоящей статьи --- обратить внимание на некоторые не замеченные до сих пор моменты этой борьбы.

"Литературная Газета" уже в программе своей, помещенной в первом же номере, — внешне корректно, но вполне решительно, хотя и в за-

¹ П. Н. Столпянский. "Пушкин и «Северная Пчела»". "Пушкин и его современники", вып. XIX—XX, 1914, стр. 166—167.

^{2 &}quot;Временник Пушкинской комиссии", т. 1, 1936, стр. 203—214. — Предположение что цензором "Бориса Годунова" был Булгарин, впервые высказано Б. В. Томашевским в "Путеводителе по Пушкину" (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений". Приложение к журн. "Красная Нива", т. VI, М.—Л., 1931, стр. 65).

шифрованной для непосвященных форме, -- отмежевалась от Булгарина. После заявления: "Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных Цветах», будут постоянно участвовать и в «Литературной Газете»" пояснялось в скобках: "Разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты". Здесь несомненно имелся в виду исключительно Булгарин, участник "Северных Цветов" на 1827, 1828 и 1829 гг., т. е. той поры, когда роль Булгарина как информатора III отделения не была еще для круга "Северных Цветов" известной. Смысл замечания был ясен: в "Литературную Газету" приглашаются все сотрудники "Северных Цветов", кроме Булгарина.¹ Так понял, конечно, и сам Булгарин, немедленно отозвавшийся на это замечание и попытавшийся придать делу оборот, не обидный для себя. Приведя фразу об "издателях журналов", Булгарин добавлял: "Теперь мы получили письма от двух писателей, прозаика и поэта, не журналистов, которые поручают нам известить публику, что и они не могут участвовать в издании «Литературной Газеты», хотя и помещали свои статьи в «Северных Цветах», ибо участвуют в другом издании". 2 Вслед за этим в №№ 4 и 5 "Северной Пчелы" Булгарин рецензирует последний выпуск "Северных Цветов" (на 1830 г.) - выпуск, в котором он уже не участвовал. Булгарин прежде всего сводит счеты с Сомовым как рецеязентом "Выжигина", не раз задевает то косвенно, то и прямо Дельвига, а затем (в № 5) делает выпад и против пушкинского круга в целом: "У наших доморощенных Вальтер Скоттов, Гете, Байронов, Джонсонов и Аристофанов главный порок в Выжигине тот, что он продается, а не тлеет на полках вместе с их бессмертными творениями".

Как видим, к литературной полемике Булгарин на первых же порах примешивает личные инсинуации: упреки в своекорыстии, завистливости и т. п. Дело этим не ограничилось, и Булгарин исподволь начинает прибегать к политической дискредитации противников и к доносам. Первый опыт такого доноса—на Пушкина—можно видеть в отзыве (в № 5) о стихотворении "Дар напрасный": "Лучше прочих «стихов»: А. С. Пушкина Отрывок из 7 главы Онегина, Зимний вечер, 2 ноября, а особенно 26 мая 1828 года. Эта последняя пьеса генияльное вдохновение, в роде той, которая носит название Демон. Превосходно!"

Мнимый комплимент был построен нарочито двусмысленно. Что сопоставление двух "вольнодумных" стихотворений — "Дара напрасного" и "Демона" — делались не спроста, показывает позднейшее упоминание Булгариным "Демона" уже в другом соседстве: в рецензии 1831 г. (№ 266) на

¹ Сотрудничество Воейкова и Раича в "Северных Цветах" ограничилось "Севершыми Цветами" на 1825 год. А. Е. Измайлов в 1830 г. уже не был "издателем".

² "Северная Пчела", 183), № 3, от 7 января. — Если это поручение не было просто выдумано Булгариным, то "поэтом" мог быть Подолинский. Затрудняюсь назвать возможного "прозаика".

немецкий перевод "Бориса Годунова" (общий пасквильный смысл этой рецензии был раскрыт Г. О. Винокуром в его названной выше работе). Заканчивая эту рецензию, Булгарин писал: "Но разборчивые любители изящного требуют более от вдохновенного автора поэм: Цыганы, Кавкавский Пленник, Бахчисарайский Фонтан, Руслан и Людмила, от автора бессмертных творений, каковы Демон, Андрей Шенье и т. п...."

Невинные и даже комплиментарные в глазах публики, эти указания имели в виду определенного адресата, который знал, что именно "Андрей Шенье" был поводом для официального, по "высочайше утвержденному" решению Государственного совета установленного, секретного надзора за Пушкиным. Не могло быть случайным и сопоставление "Дара напрасного" с "Демоном". Как реагировала на "Дар напрасный" официальная Россия— в лице митрополита Филарета— известно. Нет оснований думать, что этот булгаринский укол имел в судьбе Пушкина какие-нибудь последствия, но, во всяком случае, приведенный отзыв Булгарина должен быть понят не как простодушный комплимент, а как род политического доноса.¹

Всё это было, конечно, только предвестиями полемической бури, первый период которой относится к марту и апрелю 1830 г.

Донос Булгарина от 11 марта (анекдот о Гофмане) известен достаточно хорошо. Следует, однако, точнее прокомментировать пасквильную характеристику Пушкина в этом "анекдоте": "бросает рифмами во всё священное, чванится пред чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан". Если последний намек был просто грубой и наглой клеветой, 2 то первые два обвинения должны были намекать на конкретные факты: на "Гавриилиаду", — предмет недавнего следственного дела, и на политическую лирику Пушкина.3

¹ Ср. письмо С. П. Шевырева к С. А. Соболевскому от 15 (27) февраля 1830 г. из Рима, где отзыв "Северной Пчелы" процитирован ("Литературное Наследство", № 16—18, М., 1934, стр. 742). К сожалению, письмо опубликовано, повидимому, с купюрами и вопроса об отношении Шевырева к рецензии Булгарина полностью не выясняет.

² Клевету эту повторил Н. И. Греч в своих воспоминаниях о Булгарине, несмотря даже на общий благожелательный к Пушкину тон этих воспоминаний. Процитировав приведенную фразу о "питом кафтане", Греч поясняет: "В то время Пушкин действительно старался о получении звания камер-юнкера, единственно для того, чтоб возить свою красавицу жену ко двору и в большой свет". Поддерживая булгаринскую версию, Греч не счел нужным проверить даже хронологию событий.

³ Современники расшифровали булгаринский пасквиль сразу. Так, корреспондент Шевырева, имя которого пока остается нераскрытым, писал ему из Петербурга в Италию 18 апреля 1830 г.: "Недавно Булгарин в Северной Пчеле своей смешал Пушкина с грязью: величал его и бессимсленным и злодеем, развращающим народ, и даже подлецом, шмыгающим в передних, чтоб добиться шитого мундира!! Каково вам это кажется?... Разумеется, что всё это он говорил иносказательно, но так, что всякий мужик поймет о ком дело идет..." Русский Архив, 1878, кн. II, № 5, стр. 49.

Статьи Булгарина о "Евгении Онегине" вошли в историю русской литературы и в пушкинскую биографию, главным образом, своим эстетическим приговором ("совершенное падение, chûte complète"). Но не менее важно, что Булгарин продолжает и эдесь, при явной притом поддержке Бенкендорфа, линию политической дискредитации Пушкина. В первой же статье (№ 35) Пушкину ставилось на вид молчание о "великих подвигах русских современных героев", т. е. о кавказских завоеваниях ("Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии..." и т. д.). Донос был адресован непосредственно Николаю І. Это подтверждается письмом Бенкендорфа к Николаю. Бенкендорф сочувственно цитировал эти именно булгаринские доводы.

Во второй статье, от 1 апреля (№ 39), доносы Булгарина продолжались: "Подъезжают к Москве. Тут автор забывает о Тане и вспоминает о незабвенном 1812 годе. Внимание читателя напрягается; он готов простить поэту всё прежнее пустословие за несколько высоких порывов; слушает первый приступ, когда поэт вспоминает, что Москва не пошла на поклон к Наполеону, радуется, намеревается благодарить поэта, но вдруг исчевает очарованье. Одна строфа мелькнула — и опять то же! Читатель ожидает восторга при возэрении на Кремль, на древние главы храмов божиих; думает, что ему укажут славные памятники сего C давянского Pима — не тут то было. Вот в каком виде представляется Москва воображению нашего поэта:

Прощай, свидетель падшей (?) славы (?????)

Весь этот пассаж и цитата с шестью вопросительными знаками заслуживает внимания уже потому, что они непосредственно отозвались в последующих полемических статьях Пушкина. Небрежные слова Пушкина: "Критику 7-й песни в «Северной Пчеле» пробежал я в гостях и в такую минуту, когда мне было не до Онегина" и т. д.—нельзя, конечно, принимать за чистую монету.

Таким образом к марту и началу апреля 1830 г. относятся три политических доноса Булгарина на Пушкина: первый имел общий характер и был зашифрован; второй — указывал прямо, что Пушкин не желает включаться в политически благонамеренную литературу, а идет своим путем; в третьем — этот "свой" путь раскрывался, как неуважение к религиозным и национальным святыням, притом при помощи грубой передержки: пушкинская строка о "падшей славе" имела в виду славу Наполеона; вырванная из контекста, она преподносилась, как сомнение поэта в славе России.

Новый донос Булгарина заставил Пушкина поспешить с опубликованием статьи о "Записках Видока". "Француз отвечал подлинно так,

^{1 &}quot;Литературная Газета", 1830, № 20 от 6 апреля.

что скромный и храбрый журналист о двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить" — так вспоминал об этом Пушкин в болдянской полемической статье. Впоследствии в своих "Воспоминаниях" Булгарин, не навывая Пушкина, пытадся опорочить его как полемиста, становясь в позу оскорбленной невинности: "Ведь без означения имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналисте, историке, романисте, статистике, сельском хозяине, проживающем в Париже или Китае!!!1 Напечатав, вы можете сказать в обществе: это Булгарин!" На самом деле пущкинский памфлет никаких устных комментариев не требовал. Булгария был узнан. Разоблачено было самое главное, самое потаенное и, казалось, недоступное разоблачению в его писательском облике: разоблачена была его продажность, его связь с III отделением. Пушкинская эпиграмма "Не то беда, что ты поляк", где имена Видока и "Фиглярина" прямо отожествлялись, могла появиться, конечно, только после ваметки о "Записках Видока". Вяземский сообщает об этой эпиграмме А. И. Тургеневу как о свежей новости 25 апреля 1830 г.; только в апреле отозвались на нее и Булгарин с Гречем. Между тем до сих пор неопровергнутой остается датировка пушкинской эпиграммы февралем: так датировали ее и Н. О. Лернер (в "Трудах и днях Пушкина") и А. Г. Фомин (в статье "Пушкин и журнальный триумвират") и комментарий в издании "Academia". Оснований для этого не приводилось (последнее издание глухо ссылается на "биографические данные"). Февраль невероятен уже потому, что эпиграмма Пушкина несомненно связана с булгаринским "Анекдотом" и с вызвавшей его статьей Дельвига: Пушкин разоблачает лицемерную самозащиту Булгарина, изобразившего себя в виде невинно пострадавшего "иноземца". Но статья Дельвига появилась 7 марта, "Анекдот" Булгарина — 11 марта. Между тем ошибочная датировка эпиграммы февралем дала основание П. Столпянскому утверждать, что выходки Булгарина вообще "являются следствием" заметок Пушкина, что "Булгарин сам не бросал перчатки, а только поднимал ее". Первым звеном в хронологической цепи эпиграмм и заметок Пушкина и "ответных" заметок Булгарина Столпянский помещает именно эпиграмму "Не то беда, что ты поляк".2

Итак эпиграмма "Не то беда..." написана не раньше 11 марта и не поэже 25 апреля, когда о ней упоминает Вяземский. Как известно, она появилась 26 апреля в "Сыне Отечества" с фальсифицированным окончанием, и об этой-то фальшивке в правительственных кругах говорили, как о "благородном поступке". Этим была упрочена победа Булгарина

3 См. письмо А. А. Дельвига Пушкину от 8 мая 1830 г.

¹ К этому времени был уже опубликован "Китайский анекдот" Пушкина (из "Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений") — в томе XI посмертного вздания (1841).

² "Пушкин и его современники", вып. XIX—XX, 1914, стр. 167.

и Бенкендорфа над Пушкиным, — победа, которой Бенкендорф в своей переписке с Николаем упорно добивался.¹

На самом деле фальсификация Булгарина преследовала цели не "мщения", а заметания следов: взамен строки о Видоке нужно было пустить в ход строку безобидную, удалив тем самым из эпиграммы ее жало. Подлинной местью Булгарина, обнаруживщей и подлинную меру его "благородства", — местью и за "Записки Видока" и за эпиграмму — был новый пасквиль на Пушкина ("подражатель Байрона", потомок "негритянского принца" и т. п.) во "Втором письме из Карлова".2

Однако еще раньше и почти непосредственно вслед за "Видоком" появился грубый выпад против Пушкина в "Сыне Отечества". Пародии на "Литературную Газету" "Сын Отечества" начал помещать начиная с № 13 (вышел в свет 29 марта 1830 г.). Пародии помещались под видом материала несостоявшегося альманаха "Альдебаран". Как объекты пародии здесь фигурировали Дельвиг ("барон Шнапс фон Габенихтс", он же "Аполлон Зевесов", он же "Санрим Санрезонов"), Вяземский ("П. Коврыжкин") и др. Сначала нападки на Пушкина были сравнительно невинны. Но в № 16 (вышел в свет 19 апреля 1830 г.), в "запоздалом предисловии к Альдебарану", приписанном "П. Коврыжкину", журнал Греча уже прямо состязался с булгаринской газетой в клеветнических выпадах против Пушкина и прямо повторял его пасквильный материал: "Другой приятель мой, также старый дворянии, прозвищем Ряпушкин, превосходящий подражаниями Вальтера Скотта и Вашингтона Иовинга, уже более десяти лет занимается статистикою и физическою географией передних в знатных домах. Поднимаясь беспрестанно на цыпочки, он верно вскоре возвысится, и тогда будет вам другая беда, когда, в исчислении жителей передних, он не покажет издателей Альдебарана!" 3

¹ Столкновение Пушкина с Булгариным в клеветнически-извращенном виде отражено было в заметке "Северного Меркурия", № 124, от 15 октября 1830, отд. "Смесь": "Некто написал на кого-то критическую статью, дозволив себе употребить в ней личности, клеветы и некоторые особенные невежливости на счет своего противника, который рассудил за благо делать с своей стороны возражение — и своеручно написал оное на щеке дерэкого Зоила. Оскорбленный критик, чувствуя всю неприятность происшедшего с ним случая, прибегнул к подьяческим средствам, коими думал удовлетв эрить себя в полученной обиде. Он принес жалобу своему начальнику, которому подробно объяснил всё дело. — «Чего же вы теперь ищете? — спросил сей последний, по выслушании жалобы. — Я ищу справедливости, ваше превосходительство» — отвечал проситель... «По моему мнению, вам уже оказана должная справедливость» — возразил тот". Вероятно, до Бестужева-Рюмина дошли слухи и о письме Пушкина к Бенкендорфу (от 24 марта 1830 г.) и о резолюции 1830 г., — конечно через хорошо осведомленного Булгарина.

^{2 &}quot;Северная Пчела", 7 августа 1830.

³ В том же № 16 мельком упомянуто, что Булгарин "не любит неудачных подражаний Байрону" — это было намеком на совсем недавнюю фразу Булгарина: "О том, что Онегин есть неудачное подражанье Чайльд-Гарольду и Дон Жуану, давно уже

Расшифровка пасквильного псевдонима "Ряпушкин" не нуждается, конечно, в доказательствах. Эгот выпад немедленно был подхвачен подтолоском гречевского журнала — "Северным Меркурием" М. Бестужева-Рюмина. В статье "О самолюбии" Бестужев-Рюмин заставляет Дельвига обращаться за советами к своему "сердечному другу и знаменитому писателю" Емельяну Емельяновичу Корюшкину ("он бы написал за меня статью, как обыкновенно всегда это делает"). Фамилия "Корюшкин" осмысляется только в связи с гречевским "Ряпушкиным"; правда, о Пушкине ничего прямо компрометирующего здесь не сказано, но вряд ли неумышленно Корюшкин сделан был тезкой Пугачева.¹

Клеветнический намек "Сына Отечества" о "передних в знатных домах" с одной стороны продолжал тему булгаринского "Анекдота", с другой — подготовлял выпад Н. Полевого: "Утро в кабинете знатного барина", появившееся во второй майской книжке "Московского Телеграфа" (цензурное разрешение 2 июня 1830 г.). Поводом для памфлета Н. Полевого было, как известно, стихотворение "К вельможе", напечатанное 26 мая 1830 г. в "Литературной Газете"; для намеков "Сына Отечества" не было ровно никакого — даже и внешнего — повода.

7 августа 1830 г. — через четыре месяца после "Видока" и без всякого нового непосредственного повода Булгарин напечатал свое "Второе письмо из Карлова" с выпадом и против Пушкина и против его предка, Ганнибала. В ответ на это в "Литературной Газете" от 9 августа появилась заметка, почти наверно написанная Пушкиным: "Новые выходки противу так называемой аристократии..."; в том же номере было дано и объяснение булгаринским выходкам: раскрыто было авторство Пушкина в отношении заметки о Видоке: "Издателю Северной Пчелы Литературная Газета кажется печальною: сознаемся, что он прав, и самою печальнейшею статьею находим мнение А. С. Пушкина о сочинениях Видока". Тем самым имена Видока и Булгарина связывались уже печатно; намек был ясен большинству читателей. 10 августа Пушкин выехал в Москву, а 31 августа — в Болдино. В болдинских поле-

объявлено было в русских журналах" (вторая статья о "Евгении Онегине"). Стихотворные же пародии на Пушкина ("Африкана Желтодомова") в N9 17 были пресны и как пародия бессмысленны.

^{1 &}quot;Северный Меркурий", 1830, № 52, 30 апреля. — Дельвиг подвергался в "Северном Меркурий" систематической травле. См. особенно фельетон "Сплетница", где выведены четыре издателя — Греч, Булгарин, Полевой и Дельвиг — под видом четырех мастериц, хозяек магазинов, и Дельвиг под видом сплетницы Аделанды Ивановны Габенихтсиной. О позднейших, более грубых намеках "Северного Меркурия" на Пушкина см. ниже. Отметим попутно, что пушкинскую заметку о цене "Евгения Онегина" комментаторы связывали до сих пор только с заметками "Северной Пчелы", хотя сам Пушкин ясно говорит, что "Северная Пчела" лишь повторила это "милое обвинение". Заметка Пушкина вызвана заметкой "Северного Меркурия" в № 60 от 19 мая 1830 г., где цена семи глав "Онегина" сопоставляется с ценой "Истории" Карамзина и "Басен" Крылова, отсюда и пушкинские упоминания о Крылове. К Бестужеву-Рюмину относятся и слова Пушкина об авторе, "чьи сочинения не продавались".

мических статьях Пушкин пытался найти достойные и вместе с тем приемлемые для цензуры формы ответа на оскорбления Булгарина. Но. борясь с Булгариным в своих болдинских статьях и стихах. Пушкин не внал, что Булгарин готовит еще одно выступление против него, превосходящее по оскорбительности все предыдущие. Сдавая в октябре 1830 г. в печать последний, 12-й том собрания своих сочинений (цензурное разрешение 14 октября 1830 г.), Булгарин включил в него "сатирическую повесть" "Предок и потомки". В повести использован мотив Рип-Ван-Уинкая Вашингтона Ирвинга: некий стольник царя Алексея Михайловича, Сергей Сергеевич Свистушкин, замерз и проспал во льду двести лет. Он наводит справки о своих потомках и узнает об одном: Никандре Семеновиче Свистушкине. Ему объясняют, что он поэт, то есть "сочиняет вирши, сказки и разные другие побасенки". Предок догадывается, что это "должен быть веселый человек"; ему отвечают: "Aа, он будет весел до тех пор, пока вы станете хвалить его вирши, а чуть наменнете, что не хороши, так и укусит". В книжной лавке Свистушкин спращивает сочинения своего потомка. Ему дают две "тоненькие книжонки": одна называется "Воры", другая — "Жиды" т. е., конечно, "Братья-разбойники" и "Цыганы"). Самого Свистушкина ищут у барона Шнапса фон Габенихтса, на "заседании любимых сынов Аполлона, поклонников Вакха, Лени и Свободы". Поэт и его товарищи характеризуются так: "Ваш потомок и его товарищи, право, в существе, добрые ребята и вовсе не опасны. Винные пары и угар от самолюбия перевернули мозг в их голове, и тщеславие заглушило все другие чувствования. Они сами не знают, чего хотят и что делают! Вопят противу всего в чаду винного упоения; помахивают деревянными кинжалами ^{2} и грозят бумажными перунами негодования, а на деле лижут прах ног каждого сильного, из одной надежды получить что-либо, и ради обеда прославляют в посланиях блистательных шутов". На всё это "предок" отвечает: "Какой это потомок мой? Это маленькое вубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна!". В финале повести то же повторяется еще раз: "даже мой потомок похож на обезьяну, а книжник назвал еще его славным человеком за то только, что он пишет сказки о ворах и негодяях!"

В этом непристойном пасквиле Булгарин сосредоточил всё, что писал против Пушкина за последнее время и он сам и Полевой: 3

¹ На эту забытую повесть Булгарина впервые обратил внимание Я. З. Черняк, сделавший о ней в 1938 г. сообщение в Пушкинской комиссии в Москве.

² Несомненный намек на пушкинский "Кинжал". Ср. цитируемое ниже цисьмо Булгарина к Дубельту от 23 апреля 1845 г.

³ В сентябре 1830 г. в "Новом живописце" Полевого была затронута и тема "предка и потомка", но в гораздо более пристойной форме и без прямых указаний на Пушкина См. "Вольный мученик" в № 17 (цензурное разрешение 26 сентября 1830 г.), где изображен Увар Сарвилович Прибыльский, который гордится знатными предками, не смущаясь тем, что один из его предков некогда был сослан "за воровские дела свои

и выпады против наружности Пушкина (ср. известные пародии в "Новом Живописце" при "Московском Телеграфе", подписанные "Обезьянин"), и инсинуации по поводу стихотворения "К вельможе" (ср. у Полевого: "а стихотворцу скажи, что по четвергам я приглашаю его всегда обедать у себя. Только не слишком вежливо обходись с ним" и т. д.), и собственные выпады по поводу пушкинской родословной, всё это вместе с попытками опорочить Пушкина как поэта. Но потому ли, что сочинения Булгарина в пушкинском кругу вообще мало читались, потому ли, что смотрели на издание 1830 г. как на простую перепечатку уже известного материала, - пасквиль Булгарина остался, повидимому, незамеченным, и ни современники, ни последующая литература о нем не упоминали. Мы не знаем, прочел ли Пушкин новый пасквиль Булгарина (прочесть его он мог не раньше 5 декабря 1830 г., когда приехал из Болдина в Москву). Во всяком случае, Пушкин не только оставил его без внимания, но отказался и от мысли напечатать свой "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". О причинах такого воздержания точных данных нет. В своих полемических набросках Пушкин предвидел возможность ответа и на самые недостойные выходки: "Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае изъяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены..." ("Письмо к издателю «Литературной Газеты»"). Скорее всего следует думать, что Пушкин оставил мысль об "изъяснениях перед публикой", предвидя цензурные затруднения. Ведь еще раньше выяснилось, что эпиграмму "Не то беда, что ты поляк" нельзя было напечатать в подлинном виде, как ни старался об этом Дельвиг (см. письмо его к Пушкину от 8 мая 1830 г.). Если в 1830 г. "Мою родословную" Пушкину отсоветовал печатать Дельвиг, то позднейшее (1831 г.) запрещение "Моей родословной" Николаем I показывает, что и в 1830 г. не было шансов на ее разрешение. С конца 1830 г. положение Булгарина особенно окрепло; к новому 1831 г. он получил — уже третий — брильянтовый перстень (за "Петра Выжигина") при письме Бенкендорфа, в котором удостоверялось "высочайшее" покровительство Булгарину и разрешалось "дать оному (отзыву) гласность": Бенкендорф писал: "При сем случае государь император изволил отозваться, что его величеству весьма приятны труды и усердие ваше к пользе общей и измену с крымскими людьми". Фраза "Я уверен, что он завидует собаке, которая имеет право лежать в кабинете знатного барина" — отсылала к "Утру в кабинете знатного барина" и, стало быть, к Пушкину. Непосредственно задет был Пушкин в фельетоне "Делать карьер" в № 17 "Нового живописца" (цензурное разрешение 3 ноября 1830 г.): "Какой-то писатель не посовестился сказать, что старинное местничество заменяло у предков наших point d'honneur. Прочтите в «Северных Цветах» сброд слов, названных мыслями (1828 г., стр. 216)". Имелись в виду "Отрывки из писем,

и что его величество, будучи уверен в преданности вашей к его особе, всегда расположен оказывать вам милостивое свое покровительство". Эти усиленные "милости" к Булгарину были, повидимому, связаны с начавшимся в ноябре 1830 г. польским восстанием. Поляк Булгарин не только не казался подоэрителен, но, напротив, становился особенно полезен как знаток польских дел и отношений; эту сторону "трудов и усердия" Булгарина необходимо помнить для понимания дальнейшей полемики.

Пушкин, однако, не отказался от борьбы с Булгариным. В конце 1830-в начале 1831 г. в Москве он знакомит Максимовича со своими болдинскими полемическими статьями. Максимович в это время готовит к печати альманах "Денница" на 1831 год. "Денница", вышедшая в конце февраля 1831 г., сыграла существенную роль в литературной борьбе этого времени. Правда, из материала полемических статей Пушкина было напечатано здесь только возражение критикам "Полтавы". Но здесь же напечатаны были две эпиграммы на Булгарина, обе анонимно и под общим заголовком "Эпиграммы". Первая — "Не то беда, Авдей Флюгарин" — написана была Пушкиным, вторая — "Поверьте мне — Фиглярин-моралист" — Баратынским. Новая Пушкинская эпиграмма была вариантом эпиграммы, искаженной Булгариным; главной целью ее было конечно, так или иначе сопоставить имена Видока и Булгарина (или его очевидного псевдонима). Печатная судьба этой второй Пушкинской эпиграммы крайне любопытна. Четвертая строка ее напечатана была в "Деннице" так:

Что въ свъть ты въдокъ фигаяринъ

("Ведок" — через "ять" и со строчной буквы, как и "фиглярин").

Однако в списке опечаток было помещено: "На стран. 137 в стихе 4, напеч. ты въдокъ фигляринъ чит. ты видокъ фигляринъ". Вероятно это был не простой технический недосмотр с последующим исправлением, а попытка обойти цензурные препятствия, превратив "Видока" в имя нарицательное ("видок" — лазутчик, шпион).

Та же книжка "Денницы" открывалась статьей издателя (не подписанной) "Обозрение русской словесности 1830 года"; в статье этой Максимович решительно стал на защигу Пушкина против Булгарина. Не без ехидства сказано о "Сыне Отечества": "Он был в сем году оживлен прекрасным Вечером на Кавказских водах и Эпиграммой Пушкина на Булгарина (Не то беда, что ты поляк и пр.)". О "Северной Пчеле" сказано: "Ее поведение литературное было столь особенно, что летопись наша не может дать понятия о том, не вошед в подробности; и обвинительная хроника Пчелы необходимо будет Chronica scandalosa". К этому месту сделано общирное примечание, разоблачающее Булгарина как "критика" Пушкина (о пасквилях его, где Пушкин не назывался, умалчивалось). Устанавливалась полнейшая беспринципность Булгарина,

изменившего отношение к Пушкину, вообще, и к VII главе "Онегина", в частности, только с появления в "Литературной Газете" критики на "Димитрия Самозванца". 1 Далее разоблачены личные мотивы булгаринских выпадов против Пушкина; сделан намек и на элементы политического доноса в его статьях: "Статья сия (т. е. статья о "Димитрии Самозванце". В. Г.), писанная Дельвигом, приписана была Пушкину: и по выходе VII главы Онегина, в С. Пчеле помещена на него статья, которая начинается стетическим допросом: зачем Пушкин, съездив за Кавказ, не печатает поэм и од на великие подвиги русских воинов, а издает Онегина?" (стр. XLV—XLVI).2

Статья Максимовича была отредактирована Вяземским: Максимович посылал ему рукопись в Остафьево и получил от него ряд замечаний как по существу статьи, так и стилистических. Максимович учел почти все замечания Вяземского. Как мне удалось выяснить, самый эпизод об ошибке Булгарина, приписавшего Пушкину статью Дельвига, стал известен Максимовичу от Вяземского. Выясняется далее, что в оценке "Латературной Газеты" (которая и в тексте "Денницы" достаточно сдержана) Максимович первоначально пользовался пресловутыми терминами "литературная аристократия" и "знаменитые писатели": это вызвало отпор со стороны Вяземского. Из письма Вяземского к Максимовичу от 23 января 1831 г., до сих пор неизданного, привожу то, что относится к настоящей теме.³

"Статья о Дмит. (рии» Самозв. (анце», напечатанная в Газете, не Пушкина, а Дельвига, он при мне писал ее, а Пушкина и в Петербурге не было. Надобно это заметить, потому что Булгарин этою ошибкою еще более в дураках.

"Охота Вам держаться терминологии вралей и вслед за ними твердить о литературной аристократии, об аристократии Газеты? Хорошо полицейским и кабацким литераторам (Булгарину и Полевому — разумеется, имею здесь в виду не торговлю Полевого; хотя он торговал бы и церковными свечами, то всё по слогу, по наглости, по буянству своему был бы он кабацким литератором) горланить против аристократии, ибо они чувствуют, что людям благовоспитанным и порядочным нельзя знаться с ними, но Вам с какой стати приставать к их шайке? Брать ли слово аристократии в смысле дворянства, то кто же из нас не дворянин и почему Пушкин чиновнее Греча, или Свиньина? Брать ли его в смысле

¹ Максимович напоминает, что в 1828 г. отрывок из той же самой VII главы был, с позволения Пушкина, перепечатан в "Северной Пчеле" из "Московского Вестника" и при этом был сопровожден примечанием: "Повторение стихов А. С. Пушкина (с его позволения!) никогда не может быть излишним".

² Статья Максимовича вызвала озлобленный отклик в "Сыне оточества" № 20. Попутно высмеяна была "Песня" Пушкина ("Пью за здравие Мери"), перепечатанная с грубыми опечатками. Рецензия подписана: "Сотрудник Сына Отечества Максим Хохлович".

³ Подлинии — в Библиотеке Академии Наук Украинской ССР.

не дворянства, а благородства, духа вежливости, образованности, выражения, то как же решиться от него отсторониться и употреблять его в виде бранного слова, вслед за санкюлотами французской революции. ибо они составили сей словарь, или дали сие значение? Брать ли его в смысле аристократии талантов, то есть аристократии природной, то смешно же вымещать богу за то, что он дал Пушкину голову, а Полевому лоб и Булгарину язык, чтобы полиция могла достать языка. Обвиняйте Газету в бледности, в безжизненности, о том ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многом Вы справедливы. Но мне жаль видеть, что и Вы тянете туда же и говорите о знаменитости. об аристократии. Оставьте это Северной пчеле и Телеграфу, у них свой argot, что называется свой воровской язык, но не принадлежащему шайке их неприлично марать свой рот их грязными поговорками. Если мне не верите, спросите Киреевского. Я уверен, что он будет моего мнения. — Вообще слишком много говорите Вы о Булгарине. Обозрение литературы у Вас обозрение Булгарина. Дайте ему несколько киселей в <- - - > и отпустите с богом. У вас он проходит сквозь строй: это утомительно для зрителей.

"Вот всё, что я заметил необходимого. Во многом мнения наши не согласны, но у каждого свое. Об этом и речи нет. Благодарю Вас за доверенность и отплатил Вам откровенностью".

По содержанию письмо это примыкает к статье Вяземского "О духе партий, о литературной аристократии", напечатанной в № 23 "Литературной Газеты" от 21 апреля 1830 г. и к заметке: "С некоторых пор журналисты наши", напечатанной в № 36 "Литературной Газеты" от 25 яюня 1830 г., а написанной, повидимому, Дельвигом (в новейших изданиях "Сочинений" Пушкина она помещается в отделе "Dubia"). Наиболее существенно в этом письме безоговорочное отнесение Булгарина к "полицейской литературе" и каламбур о "языке", опять-таки связывающий Булгарина с полицией. С этими выражениями Вяземского-отца следует сопоставить приведенные выше слова Вяземского-сына: "Вообще все нападки на Булгарина вертелись на его сношениях с полицией".

К этому времени в "Северной Пчеле" установился в отношении Пушкина тон пренебрежения и замалчивания, иногда сменявшийся намеками, понятными лишь хорошо осведомленному читателю. Так, в рецензии на "Сочинения Веневитинова", т. II, в "Северной Пчеле" (№ 75, от 4 апреля 1831 г.), читаем две безобидање на первый взгляд фразы: "Об Онегине автор судиг так, как судят все образованные, беспристрастные люди. Статья на французском языке об отрывке из Бориса Годунова есть плод приязни и угождения". Но о I главе "Онегина" (а не обо всем "Онегине") Веневитинов, полемизируя с Полевым, писал: "Я не вижу в его творениях приобретений, подобных Байроновым, делающих честь веку..." "Я не знаю что тут народного, кроме имен петербургских улиц и рестораций". Булгарин, конечно, знал, что делал,

солидаризируясь с этой статьей Веневитинова и одновременно опорочивая восторженный отзыв Веневитинова о сцене в Чудовом монастыре ("дань приязни и угождения").

"Борис Годунов", вышедший в декабре 1830 г., так и не удостоился самостоятельной рецензии, котя еще в № 5 за 1831 г. Греч обещал "вскоре напечатать в Северной Пчеле разбор сей поэмы". В № 133 от 17 июня 1831 г. появилась заметка с объяснением, почему "Борис Годунов" до сих пор не разобран (как "творение первоклассного ноэта" он достоин "подробного, основательного, во всех отнощениях обдуманного разбора, а на это надобно время"); тут же сообщалось, что присланная в редакцию статья о "Борисе Годунове" будет напечатана в "Сыне Отечества", так как в "Пчеле" она "заняла бы несколько нумеров сряду".

В № 167 от 28 июля 1831 г. напечатана рецензия на анонимную брошюру "О Борисе Годунове", где о трагедии по существу ничего не говорилось, но репутация Пушкина попутно взята была под сомнение (сказано, что никому нельзя запретить судить о поэте современном, "ибо знаменитость сего поэта может быть оправдана потомством, но может быть и отринута"). И только в № 266 "Северной Пчелы" от 23 ноября 1831 г., уже после обоих фельетонов Ф. Косичкина, Булгарин под видом рецензии на немецкий перевод "Бориса Годунова" выступил с оценкой трагедии, — оценкой, которую Г. О. Винокур в своем комментарии к "Борису Годунову" с полным основанием назвал "грубо-издевательской". Отзыв о "Повестях Белкина", вышедших без имени Пушкина, в счет не идет.

Таким образом на этот раз непосредственных поводов для возобновления полемики "Северная Пчела" Пушкину не давала. С другой стороны, многое отвлекало Пушкина от полемики: и события личные и события общественные.

Следя в течение лета 1831 г. из своего царскосельского уединения за литературной и общественной жизнью, сопоставляя подлинные исторические трагедии с "собачьей комедией нашей литературы", Пушкин чувствует, что неспособен продолжать всерьез полемику с недавними врагами. "Обозрения словесности не надобно: чорт ли в нашей словесности? — пишет он Плетневу 11 июля 1831 г.² о «Северных Цветах». — Придется бранить Полевого да Булгарина. Кстати ли такое аллилуия на могиле Дельвига". Нащокину 21 июля 1831 г. он пишет: "Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что всё, что называют у нас

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1936, стр. 450.

² Л. Б. Модзалевский датирует это письмо условно первой половиной июля 1831 г. (до 11 июля). Повидимому, написано оно именно 11 июля, судя как по почтовому штемпелю, так и по первым же словам письма: "Двор приехал" (это было 10 июля).

критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился;: возражать серьезно— невозможно, а паясить перед публикой не намерен"...

Полного молчания Пушкин не выдержал: но настроение, сказавшееся в словах "возражать серьезно невозможно", отозвалось в двух статьях "Феофилакта Косичкина", напечатанных в том же 1831 г.

Статьи Феофилакта Косичкина требуют самого внимательного изучения как замечательные образцы пародийно-полемического метода Пушкина, впервые развернутого здесь с таким изумительным блеском-Ироническая маскировка; мнимое согласие с позицией противника для того, чтобы обезоружить противника, чтобы взорвать его позиции изнутри; неуловимые переходы от иронического тона к серьезному, от серьезного к ироническому; прямая пародия, притом в несколько адресов сразу, — всё это оказалось в руках Пушкина верным средством, чтобы в условиях цензурного и полицейского надзора, во враждебном литературном окружении путать карты своих врагов и тем вернее достигать цели. Изучение полемического метода Пушкина в целом — увело бы за пределы данной задачи и темы; замечу только, что приемы полемики в статьях Феофилакта Косичкина многое уясняют в позднейших полемических выступлениях Пушкина — хотя бы в "Письме А. Б." к издателю "Современника".1

Статьями Феофилакта Косичкина Пушкин включился в ту журнальную борьбу, которая уже велась в течение всей первой половины 1831 г. между "Телескопом" и "Молвой" Надеждина, с одной стороны, и "Московским Телеграфом" и "Сыном Отечества" с "Северной Пчелой"— с другой. Он включился и в самую тему— совместных насмешек над Орловым и Булгариным, которая была выдвинута "Молвой" и "Телескопом". Но тема была Пушкиным осмыслена и оформлена гораздо острее и тоньше: вялые и мало содержательные насмешки надеждинского журнала подняты были на высоту подлинной сатиры.

В "чрезвычайном прибавлении" к № 4 "Молвы" (цензурное разрешение 27 января 1831 г.) приложено было объявление о выходе романа "Марфа Ивановна Выжимкина". Объявление составлено было как пародия на булгаринские романы, обещаны были три части: "1) простороманическая, до французской кампании, 2) исторически-романическая, во время французской кампании и 3) романически-сатирическая, после французской кампании". В дальнейших номерах печатались жалобы издателя этого романа Анемподиста Шупальца на якобы ожидавшиеся контрафакции этого романа: делалась ссылка на письмо С. П. Галуховского в № 3 "Литературной Газеты". Однако, если "М. И. Выжимкина" и была задумана как пародия, то замысел этот оказался очень скоро реализован А. А. Орловым, который написал роман под этим именно заглавием, отнюдь не преследуя никаких паро-

¹ См. мою работу "Литературное общение Гоголя с Пушкиным" ("Ученые записких Пермского университета", вып. 2, 1931).

дийных заданий. Еще ближе к пушкинской теме подошел автор реценвии на "Хаыновских степняков" Орлова.¹ Здесь имеем уже ироническое сопоставление Булгарина с Орловым: "Каждый гений имеет полоажателей. Шиллер заплатил дань Шекспиру; Шиллеру Жуковский; Жуковскому толпа юношей, одаренных талантами... Гений Ивана Выжигина породил наконец достойных себя подражателей" и т. д. В этих насмешках над Булгариным как романистом не было еще и намека на разоблачение общественного лица Булгарина. Но в одном из следующих номеров "Молвы" появились намеки и этого рода, правда, рассчитанные лишь на осведомленного читателя, так как Булгарин прямо не назывался. В № 14 "Молвы" (цензурное разрешение 7 апреля 1831 г.) Максимович выступил с ответом Полевому на критику его "Обозрения русской словесности", речь о котором шла выше. Полевой назвал "Обозрение" Максимовича "распространенной похвалой Литературной Газете", а самого Максимовича "дезертером истины". Эти то слова и дали повод Максимовичу затронуть Булгарина как литературного союзника Полевого.

"Кого можно назвать дезертером? — спрашивает Максимович. — Если бы, напр., кто-нибудь, положим, хоть и не из природных русских, воспитывался в России, вступил бы в русскую службу; потом перешел бы в стан неприятельский и бегал бы, напр., под орлом французским; потом опять сделался бы русским: такой проходец, для которого ubi bene, ibi patria был бы дезертер Отечества, и еще дважды".

Выражения "бегал бы под орлом французским" и "ubi bene, ibi раtгіа" дословно перешли в пушкинский памфлет. Вместе с тем несомненно, что в этой характеристике Булгарина отразились более ранние памфлеты Пушкина, печатные и рукописные: те и другие были Максимовичу известны. Сравним хотя бы: "как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество"; или "такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому... В пушкинских статьях 1830 г. имелось в виду только участие Булгарина в наполеоновской армии; теперь слова о циничном отношении Булгарина к своему отечеству могли иметь и другой, скрытый смысл: они могли намекать на отношение Булгарина к своему польскому отечеству, против которого именно в это время, в период восстания 1830—1831 гг., он выступал, выполняя разнообразные задания Бенкендорфа.

^{1 &}quot;Молва", № 11, цензурное разрешение 17 марта 1831.

² О внакомстве своем с болдинскими полемическими статьями Пушкина Максимович упомянул сам в примечании к заметке Пушкина о "Полтаве": "Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел".

В полемике Максимовича с Полевым Пушкин однако не участвовал, и только полемика, завязавшаяся в мае—июне 1831 г. между Надеждиным и Гречем, заставила Пушкина нарушить молчание.

Надеждин решил смешать Булгарина с грязью, рецензируя "П.И.Выжигина" вперемежку с романами А. А. Орлова. Но из сопоставления втого он не сумел извлечь ничего, кроме голого факта, что вот-де появилось много разных "Выжигиных". И для насмешки над булгаринскими "Выжигиными" Надеждин не нашел лучшего аргумента, чем грубые националистические выпады: "Нет, это не Выжигин!.. Даже сдается, что этот рыцарь печального образа совсем не русский!.. И в покойнике — может быть от воспитания в кухне Гологордовского, между поляками и жидами — черты русской народности слишком мало приметны... Но Петр Иванович знается и имеет дело почти с одними поляками..."1

Если единственный козырь Надеждина — польское происхождение Булгарина, то козыри Греча — политическая благонадежность Булгарина и полученные им брильянтовые перстни. На это он намекает достаточно прозрачно: "Но что сказать о том журналисте, который ... старается оскорбить, унизить, одурачить пред публикою — и кого? Какогонибудь жалкого бумагомарателя? Нет! человека, который своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам, который обратил ими на себя внимание первых особ в государстве ... "

Попутно Греч, так сказать, прикрикнул на Надеждина, посмевшего упрекнуть Булгарина в недооценке пословицы "Глас народа — глас божий". "Голос толпы никогда на может быть голосом правды и благоразумия, — поучал Греч, — ... на этом голосе основано правило самодержавия народов, пагубное начало и первая причина всех внешних неустройств в Европе . . . " ²

Вмешавшись в полемику Греча с Надеждиным, Пушкин не только довел до конца начатое Надеждиным (и начатое очень неискусно) разоблачение Булгарина: одновременно он разоблачил полемические приемы Греча, попутно преподав неудачливому полемисту Надеждину урок подлинной иронии.²

Ирония Пушкина в "Торжестве дружбы", разумеется, в первую очередь направлена на Булгарина и для него совершенно убийственна. Эта сторона дела почти не требует комментариев. Но ирония Пушкина направлена и на благонамеренного "Николая Ивановича": уже в первых строках разоблачено "сходство душ и занятий гражданских и литературных двух друзей"; что разумелось под "гражданскимя занятиями" —

^{1 &}quot;Телескоп", 1831, № 9.

^{2 &}quot;Сын Отечества", 1831, № 27, стр. 65.

^{3 &}quot;Торжество дружбы" (в рукописи первоначально— "Глас дружбы") написано, очевидно, в июле (цензурное разрешение номера—2 августа) и вероятно после 21 июля, т. с. после цитированного выше письма Нащокину.

было очевидно. Не оставил без ответа Пушкин и толкование пословицы о гласе народа. Ему не удалось бы, конечно, распространить свою иронию на внимание к Булгарину "первых особ в государстве", но слова, непосредственно предшествующие о "чести", приносимой согражданам — Пушкиным приведены как ироническое резюме всей защиты Греча.

Как и в эпиграмме своей ("Не то беда, что ты поляк") Пушкин и здесь далек от шовинизма. Не над польской национальностью Булгарина издевается Пушкин, а над его переметничеством и "принципом" "ubi bene, ibi patria", над равной готовностью "бегать под орлом французским или русским языком позорить всё русское, были бы только сыты". В рукописи к этим словам была сделана многозначительная сноска: "Смотри Литературную Газету", т. е. устанавливалась связь со статьей о Видоке.

Повторяя на все лады фразу Греча "Две глупейшие, вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки", — "Феофилакт Косичкин" становится в позу патриота булгаринского типа, усваивает стиль его речи, пронически заступаясь за "матушку Москву", и бьет "патриотов" их собственным оружием: "В Москве, да, в Москве!... Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?... Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях Сына Отечества и Северной Пчелы. Больно для русского сераца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду".

Намеки последних строк раскрываются без труда, но весь пассаж о "матушке Москве" становится понятен только в свете второй Булгаринской статьи о "Евгении Онегине", в свете клеветнических обвинений Пушкина в отсутствии патриотизма.

Второй статьей Феофилакта Косичкина— "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем" — разоблачение Булгарина было доведено до конца.¹ Еще в мае 1830 г. Пушкин писал Плетневу: "Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа «Фаддей Выжигин». Теперь некогда, а со временем можно будет написать это". Но и одно "содержание" романа достигало цели. Пушкин, благодаря своему "эзоповскому" языку, добился того, что Булгарин и Видок были окончательно отождествлены в печати ("Глава XVI. Видок или маску долой!").

Вторая статья Косичкина—"Несколько слов о мизинце Булгарина" — прокомментирована до сих пор недостаточно, а частично — ошибочно.

^{1 &}quot;Несколько слов о мизинце" написано вскоре после 8 сентября 1831 г., т. е. после выхода № 201 "Северной Пчелы", цитируемого Пушкиным (в тексте ошибочно № 101). Сохранился отрывок черновика, написанный на обороте письма П. А. Плетнева от 5 сентября 1831 г. Цензурное разрешение "Телескопа" № 15, где статья напечатана, — 27 сентября.

Отмечу сначала одну второстепенную деталь: упоминание о Пролазе и Высоносе сопровождено в академическом издании 1929 г. под редакцией Н. К. Козмина таким комментарием: "Пролаз и Высонос — «дурацкие персоны», изображенные на лубочных картинках". В комментированных изданиях "Асаdemia" 1936 г. то же самое повторено с некоторой вариацией: "Пролаз и Высонос — «дурацкие персоны» старинных лубочных картинок и балаганных представлений". Между тем Пушкин просто цитирует (хотя и не совсем точно) комедию Княжнина "Чудаки". Пролаз и Высонос — действующие лица этой комедии. У Княжнина Высонос говорит Пролазу:

Довольно, кажется, мы крови пролили И помнится у нас по полной оплеухе.

A. IV, SBA. XII 1

Существеннее, однако, другое: нераскрытым до сих пор оставалось заглавие главы XVIII и последней "Настоящего Выжигина" — "Мышь в сыре". Между тем финальный характер этого заголовка заставляет предполагать в нем особый пародийный смысл.

Заголовок "Мышь в сыре" несомненно отсылает читателя к басне Дмитриева "Мышь, удалившаяся от света" (перевод басни Лафонтена — "Le Rat qui s'est rétiré du monde"). Смысл этой аналогии на первый взгляд кажется почти безобидным: Выжигин-Булгарин, который в предыдущей главе "раскаивается и делается порядочным человеком", уподобляется дмитриевской "благочестивой мыши", разжиревшей в работе над своей келейкой, выскребленной в голландском сыре. Можно видеть в этом намеки на внешний облик Булгарина, о котором еще 3 марта 1825 г. Плетнев писал Пушкину: "Вяземский болеет и не на шутку. А Булгарин так, слава богу, жирнее день ото дня". Любопытно, что сам Булгарин в своих частных письмах изображал себя "удалившимся от света" и благоденствующим; этям заявлениям он придавал демонстративно-благонамеренную окраску: "Мы живем в Петербурге как у Христа за пазухой, - писал он В. А. Ушакову 6 января 1823 г. — Тихо, смирно, взяточники и мошенники кроются во мраке; честным и добрым защита. Только я решительно отказался от света и обществ светских. Я счастлив дома в полном смысле слова"...2 Возможно, что подобные заявления Булгарин делал не в одной дружеской переписке и что до Пушкина они дошли. Но пародийность указа-

¹ Из той же сцены "Чудаков" Пушкин взял эпиграф и к главе IV "Капитанской дочки". На этот раз это слова Пролаза:

Ин изволь и стань же в позитуру,
 Увидишь, проколю как я твою фигуру.

у Пушкина — "Посмотришь! проколю" и т. д.).

² Н. Лернер. Письма Ф. В. Булгарина к В. А. Ушакову. "Русская Старина",. 1909, № 11.

ния на "Мышь в сыре" этим не ограничивается; необходимо учесть в дальнейший текст басни.

Однажды пред нее явилось, воздыхая, Посольство от ее любезных земляков; Оно идет просить ващиты от дворов Противу кошечья народа, Который вдруг на их республику напал И Крысополис их в осаде уж держал. 1

Но мышь отказывается помочь своими землякам, обещая только молиться за них. Вряд ли можно сомневаться, что "Мышь в сыре" намекает не на одно ожирение Булгарина, а и на поведение Булгарина во время польского восстания.² Нет, разумеется, никакой надобности предполагать в замысле Пушкина намек на какой-нибудь конкретный факт, на какое-нибудь действительное обращение поляков к Булгарину. Но общая позиция Булгарина во время восстания была всем хорошо известна. Если верно, что именно Булгарину было поручено составить текст правительственного сообщения о начале польского восстания, а затем текст прокламаций Дибича — факты эти не могли не быть известны Пушкину. 3 Пушкин мог знать и о том, что Бенкендорф выдвигал кандидатуру Булгарина на роль русского правительственного агента в Варшаве для "усмирения умов". 4 И уж несомненно известны были Пушкину статьи "Северной Пчелы", изображавшие восстание как дело рук "бешеных демагогов", которые "в точном смысле слова бросаются на людей, чтсб укусить",5 или такие отзывы о сторонниках Лелевеля (с которым, кстати сказать, Булгарин переписывался вилоть до 1830 г.): "не только честные люди, но и хищные волки не приняли бы этих политиков в свое общество".6

Как известно, во время польского восстания Пушкин не был на стороне восставших. Но и отрицая восстание, Пушкин видел в нем исторически значительное национальное движение, а не простые бесчинства "разъяренной черни и развращенных солдат", как изображались события в написанном Булгариным правительственном сообщении. Это был для него "спор славян между собою", спор исторической важности.

¹ У Лафонтена: "Ratopolis était bloquée".

² Памфлет начат Пушкиным вскоре после 8 сентября, т. е. всего через несколько дней после получения известия о взятии Варшавы.

³ М. Лемке. "Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг." Изд. 2-е, 1909, стр. 276 и 581—592.

⁴ М. И. Сухоманнов. "Исследования и статьи", т. II, 1889, стр. 290—291.

^{5 &}quot;Северная Пчела", 1831, № 147, 4 июля ("Перечень письма из Варшавы от жителя того города к родственнику из Петербурга").

^{6 &}quot;Северная Пчела", 1831, № 150, 8 июля.

Но только презреняем отвечает он на переметничество Булгарина, которому еще до начала восстания противопоставлял подлинных польских патриотов—Костюшко и Мицкевича.

Заглавие "Мышь в сыре" было блестящим образцом "эзоповской" пародии: внешне безобидное, оно таило в себе разоблачительный смысл.

Предваряющие слова о мнимом романе: "Он поступит в печать или останется в рукописи, смотря по обстоятельствам", звучали угрозой, которую Булгарин мог принять и всерьез. Во всяком случае, после "Настоящего Выжигина" он позволил себе в том же году один только выпад против Пушкина: это — уже названная выше статья о немецком переводе "Бориса Годунова", где показная лесть чередовалась с попытками исподтишка дискредитировать Пушкина литературно и политически. Пушкин изобличался здесь в искажении русской истории, в заимствованиях из Шиллера, В. Скотта и Байрона, а в числе "бессмертных творений" Пушкина, превосходящих "Бориса Годунова", опять, как и в начале 1830 г., издевательски названы были "Демон" и "Андрей Шенье".¹ A степень "принципнальности" булгарянской критики определяется тем, что первые же попытки переговоров между Пушкиным и Гречем о журнальном сотрудничестве — переговоров, в конце концов, безуспешных, — вызвали крутой поворот в оценках Пушкина на страницах "Северной Пчелы".2

Отношения между Пушкиным и Булгариным в период "Современника" не входят в план настоящей статьи: здесь к общеизвестным данным пока нечего прибавить. Но нельзя пройти мимо некоторых фактов, относящихся ко времени после смерти Пушкина.

В 1839 г. Булгарин сдал в цензуру новое, семитомное издание своих сочинений; издание задержалось и вышло в свет только в 1843—1844 гг. Цинизм Булгарина обнаружился здесь в полной мере: в состав тома V включена была повесть "Эстерка" с сохранением ее прежнего подзаголовка (из изданий 1827—1828 и 1830 гг): "Посвящено Поэту А. С. Пушкийу", а в томе VII была перепечатана вышеупомянутая пасквильная повесть "Предок и потомки". Оба тома разрешены были цензурой в один и тот же день: 2 февраля 1839 г.

¹ К этому времени тождество Пушкина и Косичкина было уже раскрыто в печата Н. Полевым. В рецензии на "Вечера на хуторе", восставая против анонимов и псевдонимов вообще, Полевой писал: "Например, как не сказать спасибо г-ну А. Орлову за то, что на каждой своей книжонке он выставляет прославленное свое имя? Этого и довольно, чтобы не взять ея в руки. И наоборот, когда А. С. Пушкин выставляет свое имя на книге, о как не взять ея в руки и не прочесть?... Предположим напротив, что он под своим сочинением выставит прозвание какого-нибудь Косичкина: кто станет заглядывать в него? Кто подумает, что этот Косичкин — Пушкин!" ("Московский Телеграф", 1831, № 17, цензурное разрешение 2 октября 1831 г., стр. 92).

² См. отзыв о VIII главе "Евгения Онегина" в "Северной Пчеле" 1832 г., № 50 (приведен В. Зелинским в "Русской критической литературе о произведениях А. С. Пушкина", ч. III, 1907, стр. 140).

В 1846 г. вышли в свет "Воспоминания" Булгарина. В предисловии Булгарин лицемерно заверял, что признавал всегда гениальность Пушкина, а порицал ("смело и откровенно"!) будто бы только "слабое", и только "для возвышения превосходного". Там же Булгарин имел бесстыдство заверять, что никогда не хвастал дружбою "ни Крылова, ни Пушкина, ни кого бы то ни было". И рядом с этими заявлениями ов исподтишка продолжал уже посмертную политическую дискредитацию имени Пушкина перед властями: выклянчивая у Дубельта деньги под залог имения, он тут же попрекал правительство "благодеяниями", окаванными "сочинителю Гавриилиады, Оды на Вольность и Кинжала". Все эти позднейшие факты бросают свет и на полемяку 1830—1831 гг.

 $^{^1}$ Письмо от 23 апреля 1845 г. (М. Сухоманиов. "Иссаедования и статьи", т. $II_{\rm t.}$ 1889, стр. 282).

ПИСЬМО А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО К К. Ф. РЫЛЕЕВУ

<1825> 12 мая

(Москва)

Деньги получил — благодарю. Живу теперь часто грустно, а сперва рассеянно. Балы гулянья спектакли — всё комедия, и как говорят Пущин (которого я часто вижу) все комедианты. Теперь что то нездоров. Главная моя утеха — Якубович — ты его полюбишь, его напрасно много бранят. — Уехал ли Грибоедов? Я бываю у них часто, сестра его преумная девка. В Москве я нашел столько умных женщин, что едва себе верил, между прочими Бибиковы сестры как свет. Скажи Муханову, что я танцовал со всеми его кузинами и что Александрина очень о нем интересовалась. Что никто ни строчки ко мне? Ты философствуешь, братья ленятся, Оржинский спит, Муханов бесится и пишет только к Толстому. — Нехудо написать на всякой случай на Дмитровку — может быть я с планами своими и захвачу здесь ваши письма. Всё, братец, прияск цветных каменьев смутил — смертная охота и необходимость понять жену. Есть на примете — надо воротиться, а я в Москве; вот слово загадки но не для всех! —

Кланяйся Одоевскому, Гречу, Булгару— что они пописывают? Я мало читаю, а с литераторами мало вижусь— скучной народ. Нечаев посылает портрет Шаликова. Полевой был у меня, Коченовский зовет— но все бранят, а я смеюсь их глупостям.

Прости, спешу. У меня Павлов.

Твой Александр.

Р. S. Брату Николаю кланяется Василевский. Я с ним ездил любоваться Кремлем. С военными собираемся в Бородино—вот предмет для филологической оды. Я уже говорю наперед...

¹ В оригинале: с литературами.

Что твои поэмы?

Сегодня обедаем у Вяземского.

Я рапортовался больным.

Р. S. Денег будет мне мало, тем более что 50 рублей украли из бумажника, но я возьму на время у Нечаева.

Печатается по подлиненку, кранящемуся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР ("Архив Бестужевых". Из собрания "Русской Старины").

Писано Бестужевым из Москвы, где он пробыл с 24 апреля до половины мая 1825 г. В Москву он сопровождал мужа в. кн. Анны Павловны -- принца Оранского, впоследствии короля Нидерландского.

Впервые Бестужев ездил в Москву в 1823 г. и провел там три недели с 19 февраля по 12 марта.

А. А. Бестужев уже в 1823 г. является заметной фигурой в литературе. Неудивительно, что москвичи радуш зо встретили его. Вскоре после отъезда Бестужева из Москвы, Каченовский писал в Петербург Булгарину о том, что "А. Бестужев прелюбезный человек" и что "наши *эажиточные* литераторы давали для него праздники".1

В этот первый свой приезд в Москву Бесгужев познакомился со многими московскими писателями и учеными. Пребывание Бестужева в Москве было сплошным праздником: вечера сменяли балы и балы — вечера.

Теперь Бестужев опять в Москве, и опять у него непрерывные праздники. "Балы, гулянья, спектакли", — пишет он в публикуемом письме, а в написанном того же 12 мая письме к матери сообщал: "Вот уже я три недели в Москве, любезная матушка, и день летит за днем невидимо, хотя и не всегда весело. Первые две недели я был в вихре: праздники, и балы, и театры ежедневно. Москва взбесилась; теперь всё стихает, и я брожу по оградам монастырей". 2

С К. Ф. Рылеевым Бестужев познакомился, вероятно, в "Вольном обществе любителей российской словестности", в которое Рылеев вступил на полгода поэме Бестумева, в апреле 1821 г. Рылеев был близок и с братьями Александра, но особенно дружен он был с Александром. "Он был лучший мой друг", — писал Бестужев о Рылееве в своей "Записке о членах Северного общества". 3 Рылеев даже распечатывал "по праву дружбы" письма, адресованные Бестужеву. 4 Бестужеву Рылеев написал несколько стихотворений и посвятил свою лучшую поэму "Войнаровский", для которой Бестужев приготовий жизнеописание Войнаровского и Палея. Вместе они издавали "Полярную Звезду", вместе слагали народные революционные песни, например, "Ах, где те острова", долгое время жили в одном доме. Бестужев всегда с любовью вспоминал своего друга; в письме к матери из Сибири он просил передать жене Рылеева: "я до последней искры памяти не забуду ее ко мне приязни, равно как и дружбы ея супруга".5

С И. И. Пущиным Бестужев познакомился, вероятно, еще в Петербурге, когда тот служил в СПб. Уголовной палате; 18 декабря 1823 г. Пущин был назначен судьей Московского надворного суда; в декабре 1824 г. Пущин был в Петербурге, где встре-

^{1 &}quot;Русская Старина", 1903, т. XII, стр. 606.

 ² "Памяти декабристов". Сборник материалов, т. І, А., 1926, стр. 50—51.
 ³ "Восстание декабристов". Материалы, т. І, ГИЗ, 1926, стр. 444.
 ⁴ Ср. П. Корелин. "Из архива К. Ф. Рылеева". "Былое", 1925, № 5 (33),

⁵ Письмо от 25 апреля 1829 г. "Русский Вестник", 1870, т. 87, май—июнь, erp. 258 - 259.

чался с Бестужевым, как то видно из записи последнего в "Памятной книжке".1 В Следственной комиссии Бестужев, между прочим, показывал о Пущине: "в бытность мою в Москве (в мае) он повторял то, что говорил и раньше, именно, что «начинать прежде 10 лет и подумать нельзя ".2

Главная моя утеха — Якубович. О своем общении с А. И. Якубовичем в Москве Бестужев сообщал Следственной комиссии 27 декабря 1825 г. "При поездке моей в конце апреля в Москву, для провождения с. в. принца Оранского, я встретился там с прежним своим приятелем Якубовичем. Он по всему замечательное лицо, и мы сощлись в приязнь... Либеральничали вместе, — но друг другу совсем еще не открылись. Рассеянная жизнь, балы и театр не оставляли мне в 3 недели моего пребывания в Москве время на другое". 3 Якубович за участие в знаменитой дуэли Шереметева с Завадовским был выслан в 1818 г. на Кавказ; в 1824 г. он получил разрешение приехать для лечения в Петербург. В Петербурге у него собиралось большое общество, между прочим, А. Бестужев, Рылеев, Одоевский, Кюхельбекер. В донесении Следственной комиссии говорилось о знакомстве членов Северной думы с приехавшим из Грузии капитаном Якубовичем, которому Бестужев открых о существовании тайного общества; Батенков в Следственной комиссии показал, что на одном из обедов у директора Российской американской компании Бестужев, указывая на Якубовича, сказал: "такие молодцы всё сделать могут".5 Сам Бестужев в своей записке о членах Северного общества показывал, что "приезд и намерение Якубовича зажгло потухшую искру — начать действие".6

С. Д. Нечаев, между прочим, писал Бестужеву из Москвы 9 ноября 1825 г.: "Давыдов (Д. В.) догадывается, что «Кровь за кровь» (замок Эйзен) родом из Кавказа. Якубович был твоею музою". 7 Возможно, что петербургские друзья-декабристы из литераторов тоже воздействовали, в свою очередь, на Якубовича: по крайней мере, в № 138 "Северной Пчелы" за 17 ноября 1825 г. под инициалами А. Я. была напечатана статья "Отрывки о Кавказе. Из походных записок" ("Письмо к издателям" "Северной Пчелы"), о принадлежности которой Якубовичу говорили еще современники; так Пушкин в письме от 30 ноября 1825 г. спрашивал А. А. Бестужева: "Кстати: кто писал о горцах в Пчеле? вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева, etc. — в нем много, в самом деле, романтизма".8

Утверждать категорически, что статья в "Северной Пчеле" о горцах написана Якубовичем, нельзя, но об этом можно говорить, как о факте весьма вероятном.9 К сожалению, до нас почти не дошло произведений пера Якубовича, которые можно было бы сравнить с данной статьей в отношении стиля и содержания. Если не считать его каких-то исторических записок, которые до нас не дошли, ^{10} то мы имеем только его письмо к сестре и письмо к Николаю I из Петропавловской крепости от 28 декабря 1825 г. Но письмо к сестре относится уже к 1841 г. и оно не только по времени но, главное, по своему тону и настроению не характерно для Якубовича 1825 г. Что касается письма к Николаю I, 11 то по стилю оно не расходится со статьей "Северной

^{1 &}quot;Памяти декабристов". Сборник материалов, т. І, Л., 1926, стр. 70.

Восстание декабристов", т. I, стр. 444.

^{2 &}quot;Восстание декаористов, т. т., отр.
3 Гам же, стр. 434.
4 П. А. Каратыгин. "Записки", т. І. "Акаdemia", А., 1929, стр. 230—233.
5 М. В. Довнар-Запольский. "Мемуары декабристов". Киев, 1906, стр. 165.
6 "Восстание декабристов", т. І, стр. 444.
7 "Русская старина", 1889, т. ІІ, стр. 319—320.
8 А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. ХІІІ, Академия Наук СССР, 244. 1937, стр. 244.

⁹ Ср. примечание Б. А. Модзалевского к "Письмам Пушкина", т. I, М.—А., 1926, етр. 529.

¹⁰ Ср. "Антературный Вестник", 1901, т. VI, Хроника, стр. 205. — "Россия", 1901, № 870, 27 сентября.

^{11 &}quot;Из писем и показаний декабристов". Под редакцией А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 73—81.

Пчелы" — "Отрывки о Кавказе" А. Я. Можно было бы указать на то, что Д. Давыдов еще в начале 1824 г. в письме к Якубовичу (от 3 января) советовал ему "описывать наши набеги и поиски".1

Накануне восстания и в самый день восстания Бестумев поддерживал с Якубовичем тесную связь, но его поведение на Сенатской площади привело Бестужева к выводу, что "в нем было более квастовства, нежели крабрости".2 В письме к братьям Николаю и Михаилу из Пятигорска от 28 июля 1835 г. Бестужев, рассказывая о своем участии в походах на горцев, между прочим, писал: "Аннейцы молодцы; все очень помнят Александра Ивановича; черкесы — тоже. Но все те, которым он кланялся, кроме Атажука, или умерли, или убигы".3

Уехал ли Грибоедов? Грибоедов усхал на Кавказ в мае; 27 октября он был в станице Екатериноградской, откуда 22 ноября 1825 г. писал письмо Бестужеву и в этом письме, между прочим, поручал Бестужеву обнять Рылеева, "искренне, по-республикански".

До знакомства с Грибоедовым Бестужев был предубежден против него, по поводу истории с Истоминой и дуэли между Завадовским и Шереметовым, но, прочитавши его комедию "Горе от ума", он, несколько раньше познакомившийся с Грибоедовым у Н. Муханова, ^{4} сам поехал к Грибоедову, чтобы завязать с ним дружеские отношения (об этом Бестужев рассказывает в статье "Знакомство с Грибоедовым").5 И, действительно, между ними установилась тесная дружба, крепкая и взаимным уважением, и общностью литературных, политических и общественных взглядов, Вместе с Грибоедовым и Кюхельбекером Бестужев бывал на репетициях в театральном училище. 7 Еще до знакомства с Грибоедовыми Бестужев корошо отозвался в своем обэоре 1823 г. о "Молодых супругах" Грибоедова, в но особенно высоко оценил он его комедию "Горе от ума": "«Горе от ума» -- феномен, какого не видали мы от времен «Недоросля». Толпа характеров, обрисованных смело и резко... невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах... будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных".9 В Следственной комиссии Бестужев показал, что он не принимал Грибоедова в члены тайного общества, "во-первых, потому, что он меня старее и умисе, а во-вторых, потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен".10

Бибиковы сестры, т. е. сестры Ильи Гавриловича Бибикова (1794—1867), полковника, адъютанта в. кн. Михаила Павловича. Мих. А. Бестужев в своих "Записках" отмечает, что "благородный, прямой Бибиков" был "члоном нашего общества", что он находился в дружеских отношениях с Александром Бестужевым и что он принимал участие в переводе Михаила Бестужева в лейб-гвардии Московский полк, а равно и в судьбе брата Павла,11

¹ "Библиографические записки", 1858, № 18, стб. 553; то же в статье: "К литературной и общественной истории 1820—1830 гг." Слобщил В. Е. Якушкин ("Русская Старина", 1888, XI, стр. 332).

 ² "Восстание декабристов", т. І, стр. 446.
 ³ "Русский Вестник", 1870, т. 88, стр. 61.

^{4 &}quot;Па чяти декабристов". Сборник материалов, т. І, Л., 1926, стр. 69. 5 "Воспоминания братьев Бестужевых". Редакция П. Е. Щеголева. Изд. "Огни", Пгр., 1917, сто. 342—353.

⁶ Подробнее об этом см. у Н. К Пиксанова: "Грибоедов и Бестужев". "Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук", т. XI, 1906, кн. IV, стр. 49—78, и в книге: "Грибоедов. Исследования и карактеристики". Л., 1934, стр. 161—190, "Грибоедов и А. А. Бестужев". — Ср. также статью "Грибоедов и декабристы" в "Вечерней Красной газете", 1929, 11 февраля, № 38 (2066).

7 П. А. Каратыгин. "Записки", т. І, А., 1929, стр. 217.

8 "Полное собрание сочинений А. Марлинского", ч. ХІ, СПб., 1838, стр. 235.

9 Там же, стр. 198—199.

¹⁰ П. Е. Щеголев. "А. С. Грибоедов и декабристы". СПб., 1905, стр. 9.
11 "Воспоминания братьев Бестужевых". Редакция П. Е. Щеголева. Изд. "Огни", Пгр., 1917, егр. 90—91, 93, 333.

Скажи Муханову. Н. А. Муханов (1802—1871) — адъютант ген.-адъютанта гр. Голежищева-Кутузова; у Н. А. Муханова Бестужев познакомился с Грибоедовым; брат Николая — Петр (1799—1854) был декабристом.

Александрина. О ней см. в письме Н. Муханова к брату Александру.1

Оржинский — Ник. Ник. Оржицкий (1796—1861), декабрист, отставной штабротмистр акт. рекого гусарского полка; о нем Бестужев часто упоминает в своей "Памятной книжке 1824 г." Ник. Муханов писал своему брату Александру 10 марта 1825 г.: "Кляняйся от меня Бестужеву и благодари, что познакомил меня с Оржевским — весьма милым и достойным человеком".2

В журнале "Сын Отечества" за 1819 г. (ч. 58, № 51, стр. 223-224) напечатано стихотворение "Прощанье гусара" за подписью "Оржицкой". В декабристской литературе оно не отмечено, как принадлежащее Оржицкому, но, повидимому, оно принадлежит именно ему и написано было им по случаю выхода в отставку.

Муханов бесится и пишет только к Толстому. Николай Муханов писал брату Александру тогда же: "ноговори насчет войны с Александром Толстым".3

Всё, братец, прииск цветных каменьев смутил. В письме к матери, написанном в тот же день, Бестужев писал об этом так: "Я видел всю знать московскую, да и меня видали все, а это для будущего не лишнее. Теперь (между нами будь сказано) кочу войти в один дом, чтобы запустить брандер для зимы. Ничего еще нет, но я бы желал, чтоб сбылось, ибо всё по моральной и политической части меня арранжирует. Герцогу рапортовался больным и здесь думаю пробыть еще с неделю. Никаких положительных планов нет. Пожить здесь необходимо, чтобы свести знакомства".4

Кланяйся Одоевскому, т. е. кн. А. И. Одоевскому, к которому Бестужев относился с особой симпатией,5

Нечаев, Степан Дмитриевич (1792—1860) — поэт и археолог; сотрудничал в "Полярной Звезде", в "Московском Телеграфе" и в других изданиях. В одном из своих литературных обзоров Бестужев отзывался о стихотворениях Нечаева, как "приятных безделках". 6 А. Тургенев, наоборот, считал, что стихи Нечаева "полны мыслей и чувства". 7 В одном примечании к письмам А. А. Бестужева Кс. Полевой писал: "В Москве, в 1825 году, летом... Бестужев точно заехал оттуда (из Марьиной рощи), возвращаясь с гулянья вместе с С. Д. Нечаевым, у которого и жил гостем. Мне памятно это посещение: тут в первый раз я увидел А. Бестужева".8

И. М. Снегирев записал в своем дневнике под 13 мая 1825 г.: "Утром заезжал я к Нечаеву, где застал отъезжающего А. Бестужева, с которым мы приятно встретились и простились".9

Полевой был у меня, т. е. Н. А. Полевой. Бестужев близко познакомился с ним в 1823 г., а в 1825 г., будучи в Москве, бывал у братьев Полевых на квартире; в свою очередь и Полевой во время своих приездов в Петербург бывал у него и в обществе близких его друзей. 10 Зимою 1824 г. Рылеев, проезжая через Москву, ежедневно посещал Полевого. Тем неожиданнее был резко отрицательный отзыв Бестужева о

[,]I<u>Ш</u>укинский сборник", т. X, М., 1911, стр. 427—430.

² Там же, стр. 427.

³ Там же, стр. 430.

⁴ д. Памяти декабристов". Сборник материалов, т. І, Л., 1926, стр. 51.

5 См. письмо А. Бестужева к братьям Николаю и Михаилу, от 16 июня 1828 г. ("Русский Вестник", 1870, т. 87, стр. 233).

6 "Полное собрание сочинений А. Марлинского", ч. ХІ, СПб., 1838, стр. 197.

7 Письмо к кн. Вяземскому, от 28 мая 1825 г. "Остафьевский Архив", т. ІП,

етр. 130.

^{8 &}quot;Русский Вестник", 1861, т. III, стр. 325.
9 Ср. "Памяти декабристов". Сборник материалов, т. I, М., 1926, стр. 81.— См. письма Нечаева к А. Бестужеву от 25 мая и 9 ноября 1825 г. в "Русской Старине", 1888, т. XII, стр. 502—503; 1889, т. II, стр. 319—320.
10 "Предисловие" К. А. Полевого к "Письмам А. А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым". "Русский Вестник", 1861, т. III, стр. 285—286.

"Московском Телеграфе" Полевого, появившийся в "Полярной Звезде" на 1825 г.: "Неровный слог, самоуверенность в суждениях, резкий тон в приговорах, везде охота учить и частое пристрастие — вот внаки сего телеграфа а смелым владеет бог, его девиз". 1 Так разошелся Бестужев с Полевым, а событие 14 декабря и вовсе развело их дороги. В Дербенте Бестужев познакомился с "Историей" Полевого и в 1830 г. написал Полевому свое первое письмо, которое и положило начало их дружеской, весьма интересной переписке. Дружба Бестужева с Полевым основывалась в значительной степени на их личных симпатиях и затем на общности их литературных взглядов. Полевой глубоко ценил Бестужева как писателя и уважал его как человека, как личность; в этом отношении большой интерес представляет его письмо к Бестужеву от 25 сентября 1831 г.2 Полевой видит "беспорядочное, нестройное" в себе и "гармонию, ровную силу" в Бестужеве; романтически настроенный Полевой сознает тяжесть страдания Бестужева и тут же спрашивает: "не все ли прекрасное есть молитва от демона земли, или вопль страдания в когтях этого демона?" Он видит в Бестужеве человека, "отмеченного Зевеса любовию".3

Каченовский зовет. Положительное отношение Каченовского к Бестужеву проявилось, между прочим, в письме Каченовского к Булгарину, от 2 января 1823 г. 4 Во "Взгляде на старую и новую словесность в России" Бестужев с похвалою отозвался об исторических и критических статьях Каченовского, 5 а также об его языке. Положительное отношение Бестужева к Каченовскому вызвало протест Вяземского в письмах к Бестужеву 20 января и 9 марта 1824 г.6

Брату Николаю кланяется Василевский. Д. Е. Василевский -- учитель и друг Н. Бестужева (с 1829 г.), профессор Московского университета; умер после 1847 г.7 Это был прогрессивный ученый, который дворянству предпочитал "народ московский и крестьян окружных сел".8 6 Марта 1823 г. Василевский писал, между прочим, Н. Бестужеву: "Monsieur Александр Александрович, братец твой был в Москве и посетил меня однажды в полночь, а другой раз в полдень; когда меня дома не бывает. Итак, я имел честь видеть его только однажды и то ночью, когда он походил уже на дремлющего Гомера; я приходил к нему несколько раз повидаться и поговорить, но не имел счастия застать дома и потому виделся только с вашим Анисимом. Поклонись ему от меня".9

С военными собираемся в Бородино. Некоторые заметки о поездке в Бородино е принцем Оранским вошли в отрывок "Осада". 10 В свой первый приезд в Москву Бестужев не только знакомится с литераторами и учеными, но внимательно изучает московскую старину. Из отрывочных записей, которые он вел во время своего пребывания в Москве, видно, что он успел посетить ряд монастырей, Архив иностранной коллегии, и не только посетить, но и познакомиться, и изучить памятники старины: его московские записки испещрены зарисовками памятников, хронологическими датами. Бестужев писал Н. А. Полевому об особой своей склонности к занятиям историей:

^{1 &}quot;Полное собрание сочинений А. Марлинского", ч. XI, СПб., стр. 203. 2 "Из переписки Н. А. Полевого с А. А. Бестужевым". "Известия

^{2 &}quot;Полное соорание сочинений А. Марлинского", ч. XI, СПб., стр. 203.
2 "Из персписки Н. А. Полевого с А. А. Бестужевым". "Известия русского явыка и словесности Академии Наук", 1929 т. II, кн. 1, стр. 208—213.
3 Письмо от 13 марта 1830 г., там же, стр. 206 (курсив мой, — Г. П.).
4 "Русская Старина", 1903, т. 116, стр. 603.
5 "Полное собрание сочинений А. Марлинского", ч. XI, СПб., 1838, стр. 237.
6 "Русская Старина", 1888, т. XI, стр. 330.

о "Русская Старина", 1888, т. XI, стр. 330.

7 О нем см.: в "Воспоминаниях братьев Бестужевых". Редакция П. Е. Щеголева, Изд. "Огни", Пгр., 1917, стр. 305, 308—309; рассказы сестры Елены — "Архив Бестужевых" № 5569, л. 192; статью М.: "Н. А. Бестужев" в "Заре", 1869, т. VII, стр. 21—25—особой пагинации, но, главное, его письма к Николаю Бестужеву, как из-за границы (1821), так и из Москвы и позже (40-е годы) из Малоярославца ("Архив Бестужевых", № 5581). r", № 5581). 8 A --

^{8 &}quot;Архив Бестужевых", № 5581, лл. 22—23. ⁹ Там же, л. 23.

^{10 &}quot;Полное собрание сочинений А. Марлинского", ч. XII, СПб., 1839, стр. 159—160.

"Это мой конек, Николай Алексеевич, и самый невинный: не сбивает и не брыкается. Когда то замышлял я сесть на борзого... писать историю Новгорода, моей родины... но и тогда я не иначе бы принялся за труд, как поверив на месте все подробности и долго, пристально погрузясь во тьму летописей, с фонарем критики".¹ Симпатии Бестужева к истории и прежде всего новгородской, нашли свое отражение и в поэтических произведениях Бестужева: "Роман и Ольга", "Замок Нейгаузен", "Изменник" и "Ревельский турнир". О последнем Пушкин в письме к Бестужеву, от конца мая или начала июня 1825 г., заметил: "Твой турнир напоминает турниры W. Scott'а". Таким образом Бестужев раньше Загоскина, Булгарина, даже прежде Пушкина начал висать исторические повести, раньше других проявив в них свои симпатии к В. Скотту.

Г. Прохоров.

¹ "Русский Вестини", 1861, март, етр. 295.

П. А. САДИКОВ

И. П. ЛИПРАНДИ В БЕССАРАБИИ 1820-х ГОДОВ

(по новым материалам)

£

Заметки И. П. Липранди о пребывании Пушкина в Кишиневе, опубликованные П. И. Бартеневым в "Русском Архиве" 1866 г., долго пользовались репутацией наиболее достоверного и точного источника для уяспения биографии Пушкина и установления историко-бытового фона ряда произведений поэта. Даже отрывки из воспоминаний таких близких к Пушкину людей, как В. П. Горчаков и А. Ф. Вельтман, при всей их искренности и красочности, не могли стать в уровень с показаниями И. П. Липранди по богатству и, считалось, ясности содержания. За последние годы появился ряд материалов, которые позволяют корректировать И. П. Липранди, но всё же основная ценность его рассказов не понижается. Были сделаны попытки оценить мемуары И. П. Липранди и с точки зрения их политической направленности путем уяснения биографии их автора и его психодогического образа. При этом личность И. П. Липранди превратилась в эловещую, можно сказать, демоническую фигуру политического двурушника, совмещавшего в себе и роль члена тайного политического общества и "холодного сыщика"-провокатора, в одно и то же время приятеля и предателя "первого декабриста" В. Ф. Раевского, и искреннего друга Пушкина; И. П. Липранди оберегал сосланного поэта от разных случайностей, вызываемых пылким и несдеожанным его нравом, а Пушкин в свою очередь платил ему неприкрытой приязнью и увековечил его в образе Сильвио в "Выстреле".1

В основание такого нового построения характеристики И. П. Липранди легли слова Ф. Ф. Вигеля, бросившего по адресу И. П. Липранди и по поводу близкого его знакомства в 1815 г. со знаменетым

¹ Ср. Л. П. Гроссман. "Исторический фон «Выстрела» (К истории политических обществ и тайной полиции 20-х годов)". "Новый Мир", 1929, кн. V, стр. 203—223. — С. И. Штрайх. "Знакомец Пушкина — И. П. Липранди". "Красная Новь", 1935, кн. II, стр. 213—218.

Видоком — главою парижской сыскной полиции — и его агентами язвительное замечание: "После я лучше понял причины знакомства с сими людьми; так же как они, Липранди одною ногою стоял на ультрамонархическом, а другою на ультрасвободном грунте, всегда готовый к услугам победителей той или другой стороны".

Наиболее сжато и отчетливо очерченная концепция образа И. П. Липранди и вытекающая из нее характеристика его заметок о Пушкине была формулирована С. Я. Гессеном при новейшем издании последних: "Заслуженный участник русско-французских войн, — читаем мы там, и затем начальник военной и политической полиции во Франции, бреттер и дуэлист, деятельный член кишиневской ячейки тайного общества и близкий друг Пушкина, военный историк и библиофил, впоследствии стяжавший позорную славу как один из первых русских политических провокаторов, предатель петрашевцев и вдохновитель гонения раскольников — таковы основные черты биографии Ив. Петр. Липранди Пушкин хорошо запомнил этого своего загадочного (1790—1880). кишиневского приятеля, послужившего ему прототипом героя «Выстрела» и соединявшего, по его выражению, «ученость истинную с отличными достоинствами военного человека». «Он мне добрый приятель, — писал Пушкин из Кишинева Вяземскому, — и (верная порука за честь и ум) не любим нашим празительством и в свою очередь не любит его» (письмо от 2 января 1822 г.). Быть может, Пушкин и ошибался. Есть основания подозревать, что уже в бытность свою в Кишиневе И. П. Липранди занимался политическим шпионажем (см. П. Е. Щеголев «Декабристы». Л., 1926, стр. 25—26). Арестованный 17 января 1826 г. по делу декабристов, он уже 19 февраля освобожден был с аттестатом, а в своих воспоминаниях совершенно умолчал о своей заговорщицкой деятельности, притворившись даже не понявшим тайных причин ареста В. Ф. Раевского и преследования М. Ф. Орлова, принадлежавших к той же кишиневской ячейке". 1 "В этих своих позднейших воспоминаниях Липранди, по существу, продолжал и развивал версию, пущенную им в оборот еще в 1822 г., т. е. в самый момент разгрома кишиневской ячейки, --когда, в беседе с С. И. Тургеневым, он сводил всё дело к «неблагоразумию» Орлова, который «мог избежать многих хлопот», а В. Ф. Раевского характеризовал просто как «болтуна». Впрочем, тогда же, подчеркивая свою якобы непричастность к событиям, Липранди говорил

¹ С. Я. Гессен. "Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников". Л., 1937, стр. 587—588 (исправляем в цитате слова Пушкина из заметки к "Цыганам"). — Или еще категоричнее: "Занятый... политической реабилитацией не столько Пушкина, сколько самого себя, Липранди совершенно искажает характер кишиневских революционных связей Пушкина и вовсе умалчивает о собственной заговорщицкой деятельности. Но так как факт принадлежности Липранди к кишиневской ячейке всё-таки оставался непреложным, мемуарист сознательно снижает значение кишиневских событий чачала 1820-х гг. ..." (Там же, стр. 22.)

Тургеневу о том, что «подозревает многих в том, что они агенты Орлова в армии». В своих «Воспоминаниях» Липранди проявил ещебольшую осторожность и предпочел умолчать об этих своих «подозрениях» из опасения навести осведомленного читателя на собственный след: деятельный агент III отделения в прошлом как раз принадлежал к числу активнейших «агентов Орлова в армии»".1

Вынеся такой категорический приговор автору, С. Я. Гессен всётаки заметил: "Вопреки всем этим умолчаниям, искажениям и даже политическим инсинуациям, воспоминания Липранди в остальном чрезвычайно точны и интересны и служат первостепенным источником для обрисовки кишиневской и отчасти одесской жизни Пушкина".

В дальнейшем мы постараемся показать, что картина, нарисованная новейшими исследователями этого вопроса (Л. П. Гроссманом, С. И. Штрайхом и С. Я. Гессеном), должна быть существенным образом изменена: "исторический фон" для "Выстрела" (образ Сильвио) должен быть сильно ограничен, а на вопрос о "загадочности" личности самого Липранди, о причинах его "умолчаний" и сознательной лжи о его, якобы, революционной деятельности в Кишиневе должен быть дан иной ответ.

II

Далекая окраина, поздно присоединенная к Российской империи, Бессарабия привлекала (в особенности в 1820-х годах, когда она сделалась ареной крупных политических событий) большое количество международных бродяг и авантюристов, политических эмигрантов, бежавших уголовных преступников и т. п. Вместе с тем в самом составе войск 2-й армии было изрядное количество офицеров иностранного происхождения — молдаван, греков, сербов, французов. Немало находилось там штрафованных офицеров, а среди солдат — и разжалованных в рядовые за разные проступки.² Наконец, во вторую армию направляли и бывших "семеновцев"... Таким образом армейский состав был в достаточной степени и пестрым, и не слишком надежным в отношении политической лойяльности. Следует отметить также, что сам бессарабский наместник, генерал И. Н. Инзов, считался лицом, происхождение которого было весьма загадочно; молва упорно делала из него незаконного сына какой-то очень высокопоставленной особы, чуть ли не самого Павла I: под стать своему начальнику и оба его адъютанта, братья Малевинские, по замечанию И. П. Липранди, "были люди скромные, подобно своему генералу; их происхождение, как тогда думали, было таинственное, как в самого И. Н. Инзова".3

¹ Там же, стр. 22.

² Н. В. Басаргин. "Записки", II. 1917, стр. 30.

^{3 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1223.

Подполковник Камчатского полка И. П. Липранди также поражал умы вновь прибывающих молодых офицеров своею "таинственностью". В его прошлой служебной деятельности действительно был один "загадочный момент, который заставил его, делавшего блестящую военную карьеру и в 24 года бывшего уже подполковником, перейти из службы по генеральному штабу (как тогда значилось — "по квартирмейстерской части свиты его величества") в один из армейских рядовых полков. Кн. С. Г. Волконский, одно время сослуживец И. П. Липранди, в своих "Записках" упомянул об этом моменте, но крайне глухо, так же, как и о характере обязанностей, которые нес И. П. Липранди за время их совместной службы в штабе корпуса Винценгероде: "Как молодой человек, - говорит Волконский, - он приобрел уважение, любовь своих товарищей и доверенность начальников...; служа в том же генеральном нітабе, состоял он при второй армич и, по неприятностям с высшим начальством по его роду службы, перешел в один из егерских полков 16-й дивизии..." 1 Сам И. П. Липранди также не любил говорить об этом. В позднейшем автобиографическом отрывке (1850-х годов) он упомянул о своем переходе только вскользь: "По возвращении в 1819 г. из Франции с корпусом графа Воронцова в Россию служба в 1820 году занесла меня в Бессарабию... "2 Это, повидимому, весьма неприятное по воспоминаниям происшествие, однако, может быть разгадано из одной случайной обмольки И. П. Липранди; как ни старался скрыть он, слух о нем разнесся даже в Петербурге, и Пушкин, приехав в Бессарабию, передавал И. П. Липранди столичные о нем толки. — У И. П. Липранди была дуэль, окончившаяся смертью его противника: "Будучи еще в Петербурге, он (Пушкин) услышал о двук из моих «столкновений, из коих одно в дек. 1818 года, по выходе корпуса Воронцова из Франции; об этих поединках он слышал рассказ графа

^{1 &}quot;Записки С. Г. Волконского". СПб., 1901, стр. 317—318 (курсив здесь и ниже мой, — П. С.). Здесь Волконский допустил первую неточность в своем рассказе: Липранди был назначен не в егерский полк, а в Камчатский пехотный, 20 января 1820 г. ("Восстание декабристов", т. VIII, Л., 1925, стр. 343).

² Рукописное отделение Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Собрание Помяловского, карт. 23, черновая биография Липранди, л. 7; биография написана писарским почерком, но корректирована лично И. П. Липранди; цитированное место — его автограф. — В сохранившемся "аттестате" И. П. Липранди, 1860-х гг., собственноручно им заверенном, указано, что Липранди после окончания кампании 1815 г. поступил в оккупационный корпус гр. М. С. Воронцова и оставался во Франции при сводной драгунской дивизии до 1 ноября 1818 г., причем составил "подробное описание Арденским лесам"; затем он был, "по возвращении в Россию, командирован и топографической съемке Виленской губернии для составления статистического описания оной губернии, где находился до перевода из квартирмейстерской части", т. е. 20 января 1820 г. был назначен в Камчатский полк, а оттуда переведен (состоя уже штаб-офицером при М. Ф. Орлове и только числясь при полку) 25 авг. 1821 г. в полк Охотский той же 16 дивизии. (Из собрания Л. Б. Модзалевского, которому ва сообщение приношу благодарность.)

А. Д. Гурьева, свидетеля катастрофы, и знал все подробности довольноверно". Надо полагать, что последнее обстоятельство повлекло за собой известное наказание для оставшегося в живых и заставило его перейти в число рядовых офицеров того же б-го корпуса, в котором он делал, как увидим далее, первые этапы своей карьеры, начиная с 1812 г.

Таким образом Волконский запамятовал, полагая, что причиной недовольства высшего начальства И. П. Липранди были какие-то служебные "неприятности" "по роду его службы". Но самый "род службы" И. П. Липранди, штабного офицера, носил очень специфический характер. Впоследствии он поведал о нем с исчерпывающей откровенностью.

В 1860—1870-х годах, когда в широких кругах дебатировался с разных точек зрения так называемый "восточный вопрос", И. П. Липранди начал печатать выдержки из своего общирного сочинения о Турции, а частично и вновь составлял, на основании собранных им материалов, полупублицистические-полунаучные очерки и статьи. Одна из них, носящая несколько нескладный заголовок дидактического характера 2 и написанная в канун Русско-Турецкой войны, трактовала о способах военной разведки и шпионажа и необходимости постановки русской контрразведки. В большом примечании к своему "труду" И. П. Липрандишаг за шагом и изложил все свои прежние "опыты" и "заслуги" в области не только военного, но и чисто подитического сыска. "Я не говорю здесь, — писал он, — о том, что в продолжение войны в Финляндии в 1808-1809 годах, состоя в разных корпусах..., в особенности при полковнике (потом посланнике в Бразилии) бар. Тейль фон-Сераскеркене, в Умео, я был близким свидетелем распоряжений названных лиц по предмету собрания сведений и не только всё по этому предмету переписывал своею рукою, но неоднократно опрашивал лиц, доставлявших те сведения. В 1813 г., находясь при блокаде Кистрина, на меня возложено было ген.-от-кав. Капцевичем собрание через лазутчиков сведений о состоянии оной, где я по этой причине сделал связи; отсюда я был послан в Мезерич и Зеленциг к открытию тайных складов в монастырях оружия. В том же и последующих годах, исправляя должность обер-квартирмейстера пехоты корпуса ген.-ад. бар. Винценгероде, з управлял секретным отделением канцелярии оного, в котором сосредоточивалось всё, до

^{1 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1455.

^{2 &}quot;Важность иметь положительные сведения о происходящем на правом берегу Дуная и о тайных кознях в княжествах; с указанием на единственные средства к достижению того, в полном объеме высшей тайной «заграничной полиции»" ("Чтения в Обществе истории и древностей российских", 1877, км. 3, стр. 53—80).

³ С. Г. Волконский, будущий декабрист, служил также в штабе у Винценгероде и безусловно должен быть энать о деятельности И. П. Липранди в области контрразведки.—

предмета относящееся; архив этого отделения, в наизлагаемого **1826** года. был передан мною в генеральный В 1815 году, оставаясь при кавалерии кн. Воронцова во Франции, его светлость поручил мне наблюдение за существовавшим тогда во Франции обществом заговорщиков под названием «булавок», что поставило меня в сношение с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденах и Шампании; составленная мною секретная статистика этих мест, представленная в 1818 г. князю, свидетельствует о сказанном мною".1 "В бытность мою в Бессарабии, когда возникла гетерия, на меня возложено было ген.-от-инф. Сабанеевым и ген.-м. Орловым собрание сведений о действиях турков в Придунайских княжествах и Болгарии, для чего я неоднократно был послан под разными предлоими в турецкие крепости. Ознакомился я с этим предметом при постоянном изучении страны и свойств жителей, из коих каждого племени и разных званий находилось знатное количество в Кишиневе и в других местах Бессарабии, куда они бежали из Константинополя и разных турецких областей. В 1823 году, во время служения моего при кн. Воронцове, на меня возложено было несравненно уже в больших размерах, между другими занятиями, продолжение и этого".2 Рассказав затем, как в 1826—1827 гг. он продолжал, по поручению Воронцова и Киселева, собирать подобные сведения, И. П. Липранди карактеризовал и размеры этой своей деятельности: на него было сделано два покушения, иностранные консулы всячески старались заставить его удалиться из Молдавии, куда он переехал в 1827 г. "А между тем, — горделиво прибавлял И. П. Липранди, - агенты мои в разных местах Австрии, в Турции до самого Адрианополя, успели собрать самые досговерные сведения не только о состоянии областей турецких и Австрии, но и о всех приготовлениях турков, состоянии их крепостей, флотилии, характере и свойствах пашей и других начальствующих лиц и т. п....Независимо сего я доставлял фирманы, заключавшие распоряжения Порты. Агенты мои проникали в тайны иностранных консулов и т. п.; я умалчиваю о бесчисленном множестве других сведений о расположении умов разных классов народа, способах края и т. п...."

В 1820—1822 гг. развить свою агентуру по военной разведке в такой степени И. П. Липранди еще не мог, но и тогда он снабжал своего начальника, М. Ф. Орлова, сведениями в этом направлении.

¹ "Чтения Общества истории и древностей российских", 1877, кн. 3, стр. 56—57. — Об этом эпизоде И. П. Липранди рассказал и в "Замечаниях на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля" ("Чтения Общества истории и древностей российских", 1873, кн. 2).

² Там же, стр. 53. — В цитированной выше рукописной, не предназначавшейся для печати автобиографии И. П. Липранди еще более уточняет характер своих занятий в Кишиневе: "В начале ген. Сабанеев поручил мне, между прочим, и описание границ с Турцией, а в 1821 году вместе с тем и надзор за перебегающими гетеристами из Турции..."

Далее И. П. Липранди повествует, как из области военной он перешел уже в область чисто политическую, сначала охватывавшую объекты за пределами империи, а потом направленную и на изыскание "врагов внутренних". В конце 1827 г. он получил от начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева предложение составить записку "О средствах учреждения высшей тайной заграничной полиции". Записка (через И.И. Дибича) была представлена самому Николаю I, одобрена им, и в апреле 1828 г. И. П. Липранди назначили начальником этого нового учреждения. И. П. Липранди старался оправдать доверие П. Д. Киселева. В том же году, он, по его словам, "имел неоднократные случаи рассуждать с покойным графом Бенкендорфом о высшей тайной полиции" (очевидно, специально приезжая для этого в Петербург), а в 1831 г. составил по данному вопросу особую "записку", за что и удостоился получить от шефа жандармов официальную благодарность и признание, что "в сочинении сем весьма много истинно полезного". "Дело Петрашевского в 1848 и 1849 годах известно, - продолжает беззастенчиво исчислять свои «заслуги» Липранди, - равно как и другие важные секретные дела, возлагавшиеся на меня в продолжение восьми лет бывшим г. министром внутренних дел гр. Перовским; в 1849 г., по поручению его сиятельства, я составил подробную записку о секретной или политической статистике, включающей в себе предмет высшей тайной полиции в полном историческом развитии. Таковы с 1808 года практические занятия мои не об одной Турции".

Так, от военной контрразведки И. П. Липранди дошел постепенно до службы в министерстве внутренних дел и гласно, в печати, сам обо всем этом рассказывал. Важно, однако, подчеркнуть, что в начале 1820-х годов он далеко еще не был тем, чем стал впоследствии. Пушкин совершенно не ошибался в письме к Влземскому (2 января 1822 г.), утверждая, что И. П. Липранди в то время был "не любим правительством" и "в свою очередь не любит его".1

Когда М. Ф. Орлов, знавший, конечно, как и С. Г. Волконский, о прежней деятельности И. П. Липранди во Франции, получил в половине 1820 г. командование 16-й дивизией, он сделал "подполковника Камчатского полка Липранди 1-го" своим штаб-офицером. В этом своем звании И. П. Липранди, как видели мы, держал в своих руках по заданиям М. Ф. Орлова, все нити военного шпионажа. Одновременно И. П. Липранди, как и другим штабным офицерам дивизии, Орловым поручались некоторые следственные дела. Так, в декабре 1821 г., во время своей совместной поездки с Пушкияым в Измаил и Аккерман, И. П. Липранди производил расследования в 31-м и 32-м Егерских пол-

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 34.

ках, а затем, в 1822 г., вел следствие и в Охотском полку. Но всё это были поручения, исходизшие только от Орлова, и И. П. Липранди являлся только выполнителем его приказов. О своих близких отношениях с Орловым он открыто говорил стоящим у него часовым, убеждая их показывать на следствии без всякой боязни чистую правду: "Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молиге бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так и вестовые, наставление сие передайте один другому". Такие речи через тайных агентов командира корпуса ген. Сабанеева стали известны этому последнему, а потом доведены были им до начальника штаба армии П. Д. Киселева, и еще более усилили отрицательное отношение их к И. П. Липранди.

Киселев, с конца 1821 г., спешно пытался организовать в армии настоящую тайную полицию. Подыскивались люди, на которых можно было бы возложить обязанности военно-полицейских агентов; Киселев. между прочим, запращивал об этом и начальника штаба 6-го корпуса ген. О. И. Вахтена, сильно недолюбливавшего Сабанеева и интриговавшего против него. Вахтен, без ведома И. П. Липранди, в пику Сабанееву, попытался было выдвинуть кандидатуру И. П. Липранди на должность начальника состоящей при главной квартире б-го корпуса (в г. Тирасполе) обычной жандармской военной команды. "Сколько я знаю, — писал Вахтен Киселезу 26 ноября 1821 г., — и от всех слышу, то Липранди один только, который по сведениям и способностям может быть употреблен по части полиции; он даже Воронцовым по сему был употреблен во Франции; а лучше об нем Вам скажет Михайла Федорович, который уже сделал ему разные препоручения; другого же способного занять сие место не внаю". Предложение, однако, потерпело фиаско. Вахтен выдвигал И. П. Липранди, явно интригуя против Сабанезва, который не терпел в эти годы И. П. Липранди, как "либералиста", участника ненавистной ему кишиневской "шайки". Так, например, 20 января 1822 г. Сабанеев писал Киселеву (очевидно в подтверждение уже ранее высказанному при личном с ним свидании мнению): "Я буду просить молодова Липранди себе в адъютанты. Это законно без приказа - редкий молодой человек, совершенно не похожий на братца своего".5

Вэгляды Сабанеева на И. П. Липранди разделял и Киселев, когда 27 апреля 1822 г. писал своему приятелю, влиятельному дежурному генералу при Главном штабе, А. А. Закревскому: "У нас в армии

^{1 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1431—1432, 1270.

² Там же, стб. 1433.

³ После некоторых колебаний, Киселев в 1822 г. из ряда кандидатов на данную должность поставил во главе этой тайной полиции бывш. Одесского полицеймейстера Достанича ("Сборник Русского исторического общества", т. 78, стр. 95, 101, 112).

⁴ Архив Пушкинского Дома Академии Наук СССР, № 29. 6. 84 (Кис. 5), лл. 15—17 об., лл. 25—26 об.

⁵ Tam me, № 29. 6. 103 (Kmc. 24), лл. 243—244 (№ 100).

служат два брата Липранди, один подполковником, другой майором, и один на другого вовсе не похожи; последний офицер прекраснейший, и я его буду просить в старшие адъютанты".1

Таким образом И. П. Липранди был действительно "нелюбим правительством" в 1820—1822-м годах—в лице своего непосредственного начальства, по крайней мере. В дни пребывания в Бессарабии Пушкина И. П. Липранди не служил в тайной полиции, провокатором-агентом быть не мог. Всё это относится к более поздним годам.

Остается выяснить, в какой мере И. П. Липранди был причастен и к "тайным" союзам, стоявшим, по выражению Вигеля, на "ультрасвободном грунте", т. е. к кишиневской ячейке Союза Благоденствия, "активнейшим членом" которой он, будто бы, являлся.

Радикализм убеждений И. П. Липранди в молодости не подлежит сомнению. Когда в 1814 г. корпус Дохтурова, в котором тогда служил И. П. Липранди, стоял в Белостоке, с И. П. Липранди познакомился артиллерийский офицер И. Ф. Радожицкий, давший любопытную зарисовку своего нового знакомца: "Другой капитан Λ ., горячий итальянец. называвший себя мартинистом, обожатель Вольтера, знал наизусть философию его и думал идти прямейшею стезею в жизни. С пламенными чувствами и острым, хотя не всегда основательным умом, он мог вернее других отличать хорошее от дурного, благородное от низкого; презирая лесть, он смеялся над уродами в нравственном мире. С веселым нравом, большою начитанностью и знанием света, он был весьма любезен в обществе; но пылкость характера заводила его часто в безрассудства. Бывши в Або, он вызывал на дуэль одного из врагов своих через газеты: два месяца учился колоться; наконец встретился с противником и дал ему смертельный штос". 2 — Характеристика, как видим, блестящая: перед нами действительно передовой офицер периода наполеоновских войн.

^{1 &}quot;Сборник Русского исторического общества", т. 78, стр. 93.

^{2 &}quot;Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И(вана) Р(адожицкого)", ч. III, М., 1835, стр. 351—352. О том, что здесь упомянут именно И. П. Липранди, свидетельствует он сам ("Русский Архив", 1866, стб. 1457), исправляя неточность в рассказе о последствиях своей дуэли. — Радожицкий очень красочно описывает всех товарищей И. П. Липранди, занимавшихся в это время черчением карт Гродненской губернии: "В обществе подобных людей никогда не было пустого разговора. Вошедши первый раз к ним и прислушиваясь к беседе, я подумал, что нахожусь посреди университетских профессоров. Часто речь заведется от безделицы и распространится на все отрасли наук: о математике, о физике, об истории и литературе или о военной науке, о политике или о философии и богословии. Каждый чертит или рисует в своем углу на длинном столе, слушает оратора, опровергает, противоречит, переходит в другую материю и сам ораторствует... В свободное время, после занятий в чертежной, по вечерам ходили мы к добрым знакомым своим на бостон, нногда влюблялись и волочились. В воскресные и праздничные дни, в Казино или в доме Благородного Собрания, участвовали на бальных вечерах и танцах". (Там же, стр. 353-354.) — В "аттестате" Липранди сказано, что из Белостока он был "послан для обозрения области и Гродненской губернии".

С годами "пылкостъ" И. П. Липранди, конечно, сильно остыла, "вольтерьянство" потускнело, а намерение итти "прямейшею стезею" всё больше сменялось "житейской опытностью", но "либерализм" оставался, и в Кишеневе его квартира являлась местом, куда собирались Раевский, Охотников, Пушкин, Горчаков, Вельтман, где смело спорили и говорили на самые разные и часто весьма "свободные" темы. Об И. П. Липранди, как близком помощнике и стороннике политики, проводимой М. Ф. Орловым в своей дивизии, доносили, как мы видели, агенты Сабанеева. Однако всё это еще далеко от действенного участия в тайном революционном обществе, в качестве его члена. Либерально настроенных офицеров, подобных И. П. Липранди, было не малое число, и из них лишь очень кемногие попали в Союз Благоденствия, а затем и в другие "тайные" организации.

Что И. П. Липранди является членом Союза Благоденствия имеются всего лишь два свидетельства — и оба они совершенно не заслуживают доверия. Первое — оговор известного предателя декабристов полковника Н. И. Комарова. Перечислив несомненных членов "Союза", Комаров прибавил к ним всех, о которых он только слыхал — и среди ряда других имен находим и "полк. Липранди, отставн., квартир. части, жил в Кишиневе". 1 Комаров, в своей глухой ссылке, не мог даже правильно отметить служебного положения И. П. Липранди, состоявшего во время существования Союза Благоденствия в полках 16-й дивизии еще на действительной службе и вышедшего в отставку только в конце 1822 г., чтобы затем, через несколько месяцев, вновь поступить к гр. М. С. Воронцову "по особым поручениям". По оговору Комарова И. П. Липранди в 1826 г. был арестован, но скоро выпущен, так как "все главнейшие члены Южного и Северного обществ утвердительно отвечали, что Липранди не только не принадлежал к Обществу, но не знал о существовании оного и ни с кем из членов не имел сношений. Сам Комаров не подтвердил своего показания, сделав онсе гадательно". Вот и всё. Липранди был освобожден, "с аттестатом", как и другие, оговоренные Комаровым. 3 Поэтому получение им "аттестата" нельзя рассматривать, как вознаграждение за какие-то особые, данные им будто бы на следствии, показания. То же надо сказать и о полученных им 5 мая 1826 г. 2000 руб. — все те, кто сумел поселить в членах Следственной комиссии убеждение в своей непричастности к заговору, также получали подобные суммы. Так, например, Грибоедов (кстати сказать, сидевщий, во время ареста, в Главном штабе вместе с И. П. Липоанди), не только получил

¹ М. В. Довнар-Запольский. "Мемуары декабристов". Киев, 1906, стр. 30.

² "Восстание декабристов". Материалы, т. VIII, Л., 1925, стр. 114. — О Липранди спрашивали самого Пестеля ("Восстание декабрястов", т. IV, М. — Л., 1927, стр. 431).

³ Напр.: братья Исленьевы, Стояновский, Фурнье (Довнар-Запольский, цит. соч., стр. 31. — "Восстание декабристов", т. VIII, стр. 89, 189).

"аттестат", но и годовое "не в зачет" жалование и был произведен в следующий чин.

Итак, первое свидетельство о принадлежности И. П. Липранди к Союзу Благоденствия должно отпасть. Второе находим в цитированных уже записках старого сослуживца И. П. Липранди и члена Южного общества декабристов, кн. С. Г. Волконского. По словал последнего, И. П. Липранди "был — в уважение его передовых мыслей и убеждений — принят в члены открывшегося в этой дивизии (16-й) отдела тайного общества, известного под названием «Зеленой книги». При открытии в 20-х годах восстания в Италии, он просил у начальства дозволения стать в ряды волонтеров народной итальянской армии и по поводу неприятностей за это, принятое, как дерзость, его ходатайство он принужден был выдти в отставку и, выказывая себя верным своим убеждениям и званию члена тайного общества, был коренным другом маиора, сослуживца его по 32-му Егерскому полку, Владимира Федосеевича Раевского..." 1

Волконский писал свои воспоминания в 1862 г., не для печати, уже в глубокой старости, по свидетельству его сына, "не желая пользоваться никакими печатными или рукописными материалами" и основываясь "исключительно на указаниях своей памяти". Немудрено, что он сделял в них ряд фактических ошибок, пере іначивая иногда фамилии хорошо ему знакомых, казалось бы, лиц, а в рассказах об участниках южного отдела Союза Благоденствия и затем Южного общества — допуская хронологические неточности и зачисляя в число "членов" заговорщиков лиц, в тайные общества не входивших и известных только своими "свободными" суждениями в кругу молодых офицеров Тульчина, в том "юном тульчинском обществе", которое ярко обрисовал в своих воспоминаниях другой декабрист, Н. В. Басаргин. В.

И относительео И. П. Липранди Волконский дал согершенно неверные показания. Положившись на свою память, передавая слухи (с И. П. Липранди, после заграничной своей совместной службы в корпусе Винценгероде, он, по всей видимости, больше уже не встречался), поддавшись естественому чувству негодования, когда узнал о дальнейшей "деятельности" И. П. Липранди в качестве уже настоящего агента ІІІ отделєния, Волконский спутал биографии двух лиц в одну. Такое глубоксе недоразумение и позволило поверившим Волконскому, но не подвергшим его рассказы хотя бы малейшему критическому анализу исследователям дать совершенно фантастические биографию и характеристику И. П. Липранди.

^{1 &}quot;Записки С. Г. Волконского", етр. 318.

² Там же, II, стр. 402.

³ Так было, например, с гр. Олизаром, превратившимся у Волконского в "Оливера", с К. Ф. Клейном, никогда не бывшим членом тайных обществ ("Записки С. Г. Волконского", стр. 402, 404, 409. — Н. В. Басаргин. "Записки", стр. 2, 5—6).

Ш

Выше уже был нами упомянут "молодой Липранди", которого так хвалили Сабанеев и Киселев. Это был младший брат мемуариста, Павел Петрович (1796—1864), впоследствии известный генерал, участник Крымской кампании, в молодости — хороший знакомый и Пушкина. С его то именем и следует связывать многое, что неосновательно приписывается до сих пор его старшему брату — Ивану Петровичу.

Павел Липранди не оставил после себя никаких записок и воспоминаний, но его устные рассказы послужили сыну его. Р. П. Липранди. основой для печатной биографии отца. 1 Детство П. П. Липранди было не радостно. Поступив в 1808 г. пансионером в число кадетов Горного корпуса, он через два года вынужден был покинуть корпус, так как отец его умер, 2 оставив всё имущество второй жене и детям от второго брака. Мальчика приютил из милости приятель старика Липранди, богатый купец М. И. Кусовников, с сыном которого он и воспитывался. "С ужасом всегда вспоминал Павел Петрович, — рассказывает его сын, — свое пребывание у Кусовникова: быть без гроща в кармане и на чужих хлебах дело не сладкое". В 1812 г. сын Кусовникова поступил в военную службу; это же решил сделать и 16-летний Павел Липранди, мечтая попасть в "лихие гусары". В конце 1812 г. добрался до Тарутина и "свалился как снег на голову" своему старшему брату Ивану Петровичу, который в то время исправлял должность оберквартирмейстера в 6-м корпусе ген. Дохтурова. Вид юноши был, однако, настолько жалок, что Дохтуров не допустил его до поступления в гусары, а оставил его при своем штабе волонтером, очень заботился о нем и баловал его. Однако молодой Павел Липранди заболел тифом и едва не умер; от него заразился и старший брат. Поправившись, оба брата бросились догонять армию, и скоро пути их разошлись. Младший, зачислившись в Псковский мушкетерский полк, сделал всю заграничную кампанию вплоть до самого Парижа, участвовал в 17 боях и в 1816 г. был назначен в адъютанты к командиру 16-й пехотной дивизии ген. Ф. И. Талызину. Через два года "штабс-капитан П. П. "Липранди 2" был

¹ Р. П. Липранди. "Генерал-от-инфантерии Липранди" ("Военный Сборник", 1900, № 12, стр. 213—235). — Другая биография П. П. Липранди ("Военный Сборник", 1871, т. 80, № 8) составлена на основании сведений, сообщенных И. П. Липранди.

² Отец братьев Липранди был вовсе не "потомок испанских грандов" или "мавр" по происхождению, как полагает С. И. Шграйх, а скромный буржуа г. Мондовии в Пьемонте (куда предки его, действительно, переселились из Барселоны в начале XVII в.), владелед суконной и шелковой фабрик; в 1785 г. Пьетро Липранди переселился (по приглашению) в Россию, пользовался затем покровительством Зубова и в 1800 г. был уже директором Александровской мануфактуры в Москве. И. П. Липранди, по его собственным словам, после смерти отца всей дальнейшей карьерой "был вобязан своей силе и здоровью, не будучи аристократического кружка".

переведен в гвардейский гренадерский полк, оставаясь попрежнему адъютантом у своего старого начальника, а когда тот был зачислен "состоять по армии", то и П. П. Липранди перешел в январе 1820 г. из гвардии в один из полков всё той же дивизии—32 Егерский полк. В конце 1820 г. он был назначен новым начальником 16 дивизии М. Ф. Орловым состоять при дивизионном штабе; будучи по делам службы в Одессе, П. П. Липранди представился начальнику б-го корпуса Сабанееву, который и ранее знал его, и сумел произвести на него очень выгодное впечатление, так что Сабанеев сначала прикомандировал его к штабу корпуса, а затем, в 1822 г., добился назначения его своим адъютантом. В последней должности П. П. Липранди снискал большое доверие сначала Сабанеева, а затем и самого Киселева и, в ноябре 1823 г. был уже подполковником. Так биографии обоих братьев Липранди сплелись вновь. Во время службы своей в 32-м Егерском полку П. П. Липранди очень близко сошелся с В. Ф. Раевским и стал его "коренным другом" и, по всей видимости, — членом кишиневской ячейки Союза Благоденствия.

Много лет спустя, в 1858 г., Раевский, приехав из сибирской ссылки в Москву, прежде всего бросился разыскивать своих прежних знакомых по Сибири (Волконских, вернувшихся в Россию несколько ранее, родных Никиты Муравьева и др.) и старых товарищей по Бессарабии-Вельтмана, Горчакова, К. К. Данзаса (секунданта Пушкина в его последней дуэли), а также генерала "П. П. Липранди 2-го," который был в это время в Петербурге, но скоро вернулся. Необычайно тепло вспоминал Раевский об этой встрече: "Липранди (генерал от инфантерии) возвратился. Я в тот же вечер поехал к нему. Как дружески, как крепко обняли мы друг друга после 36-летней разлуки! Мы служили оба в 32 Егерском полку манорами (он по производству моложе меня); оба состояли при генерале Орлове до рокового дня, когда я был арестован. Но он до ареста моего поступил к генералу Сабанееву, который арестовал меня. Честный, прямой, без унижения, без происков, ласкательств и лакейства... многие не любили его. Но в замену того Семеновский полк 1 любил его и был предан ему до фанатизма. Вообще, где ни служил он в генеральских чинах, офицеры и солдаты не только почитали, но и любили его с привязанностью. Он был до того доступен, что ни вестовой, ни слуга не спрашивали приходящих, а тотчас отворяли двери. Между высшими властями и при дворе он имел хитрых врагов... 15 июля были мои именины и в то же время Горчакова... И старые мои товарищи: Липранди, Ховен сенатор (в Кишиневе, где я служил, тогда он был свитским капитаном), Вельтман, Горчаков, и сын мой с молодым человеком, вышедщим из Петербургского лицея,

¹ Им командовал в 30-х — 40-х годах П. П. Липранди.

Волконским, обедали у нас в гостинице. По окончании обеда выпили по бокалу шампанского. Я простился с ними этим. Прошлых 36 лет как не бывало! Мы были молоды попрежнему".1

С И. П. Липранди Раевский также встретился в тот же свой приезд в Россию, в 1858 г. Явившись из Москвы в Петербург и получив от III отделения разрешение пробыть в столице только 8 дней, Раевский поспешил узнать адреса своих старых знакомых и в том числе "действительного статского советника Липранди Ивана Петровича". "С ним, как и с братом его Павлом Петровичем, мы служили вместе в Кишиневе и с обоими я был в самых искренних приязненных отношениях... Ив. П. Липранди жил на даче на Черной речке...",2—заметил Раевский—и только: никакого дифирамба, подобно посвященному Павлу Петровичу, не имеется в опубликованном отрывке записок. Свидание их всё же состоялось, и Раевский, по свидетельству И. П. Липранди, оставил ему "собственноручное изложение всего дела"—конечно в тех пределах, в которых нашел это необходимым.3

На эти товарищеские, но не очень близкие отношения указывает и эпитет, который придал И. П. Липранди Раевский в своем сохранившемся письме к Охотникову от 23 ноября 1820 г.: "Кланяйся от меня почтенному Липранди, всем вашим и Федор Федоровичу мое истинное почтение скажи". Совсем иной оттенок искреннего огорчения носит упоминание (14 июня 1821 г.) о его брате Павле, когда прошел уже, очевидно, слух, что его прикомандировывает к себе Сабанеев (в Тирасполь из Кишинева): "Как сожалею о потере Липранди! Я писал к нему" 5 (сам Раевский в ближайшее время должен был по приказу М. Ф. Орлова переехать в Кишинев для преподавания в дивизионных военных школах и рассчитывал, поэтому, очутиться вновь в кругу друзей и политических единомышленников).

¹ П. Е. Щеголев. "Возвращение декабриста. В. Ф. Раевский в 1858 году" ("Современник", 1912, № 12, стр. 287—300; также: "Декабристы". М. — Л., 1926, стр. 81). — Р. П. Липранди в биографии своего отца рассказывает, что тот, проживая в Москве в конце 50-х годов, ближайшими знакомыми имел А. Ф. Вельтмана и В. П. Горчакова.

² П. Е. Щеголев. "Декабристы", стр. 82-83.

^{3 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1438, прим.

^{4 &}quot;Красный Архив", 1925, т. 6 (13), стр. 302. — Приписываем это упоминание Ивану П. Липранди как потому, что П. П. Липранди находился в это время еще в 32-м полку, так и по упоминанию о Федоре Федоровиче Орлове, приехавшем к брату, М. Ф. Орлову. как раз в это время; у М. Ф. Орлова Охотников и мог встретиться с обоими.

⁵ Там же, стр. 304. — Здесь Раевским безусловно упоминается уже П. П. Липранди, так как И. П. Липранди в это время спокойно числился на службе в Камчатском полку (а с 25 августа 1821 г. — в Якутском), состоя прикомандированным штаб-офицером при Орлове и занимаясь, по его поручениям, собиранием сведений о действиях гетеристов в Молдавии и Валахии; ни о каком желания его бросить службу, чтобы стать в число волонтеров, борющихся за свободу Италии, в таких условиях не могло быть и речи; примечание в "Красном Архиве" к этому месту письма Раевского, основанное на ошибочном рассказе Волконского, неверно.

На долю Павла Липранди выпала обязанность расследования (в конце 1821 — начале 1822 г.) претензий солдат в Камчатском полку; следствие неожиданно вскрыло целый "бунт" некоторых из солдат, выведенных из себя жестоким обращением офицеров, и стало роковым во всем "деле" М. Ф. Орлова, приведя его к вынужденной отставке. Успех П. П. Липранди доставил ему похвалу со стороны агентов ген. Сабанеева, как "весьма благомыслящему", хотя и "молодому человеку". Подобная аттестация убедила Сабанеева в необходимости окончательно приблизить к себе П. П. Липранди, сделать его своим постоянным адъютантом. Но на П. П. Липранди уже имел свои виды и сам начальник главного штаба армии Киселев, прочивший его в свои старшие адъютанты. 2 Словом, перед скромным офицером 32-го Егерского полка открывался путь к быстрому продвижению по службе, — и он вступил на него.

Однако новые обязанности не мешали П. П. Липранди поддерживать самые близкие отношения и с Охотниковым, и с Раевским. Последнего он уполномочил даже получать все письма и посылки, которые могли придти на его имя в место старой службы (в Аккерман). А когда ген. Сабанеев решил, наконец, арестовать Раевского, то именно Павел Петрович Липранди сделал всё, чтобы облегчить удар, помещать полному разоблачению кишиневской ячейки Союза Благоденствия и отвести опасность от нарождающегося в Тульчине Южного тайного общества.

Обстоятельства ареста Раевского, в общем, известны, но до сих пор правильно не истолкованы. Раевский был предупрежден (да и сам это предчувствовал) о возможности преследования. Аресту предшествовал обыск, так что Раевский сумел уничтожить некоторые "преступные доказательства". Сам Раевский рассказал об этом в отрывках из своих воспоминаний.

Последнее предупреждение было сделано Пушкиным, который услышал разговор Инзова с Сабанеевым, настаивавшим на задержании Раевского. Этот опубликованный отрывок воспоминаний "первого декабриста" оканчивается словами: — "Спасибо, — сказал я Пушкину, — я этого почти ожидал, но арестовать офицера по одним подозрениям — отзывается турецкой расправой; впрочем, что будет. Пойдем к Липранди, только ни слова о моем деле". Второй отрывок повестствует уже о самом моменте обыска: "В квартире моей был шкаф с книгами, более 200 экземпляров французских и русских. На верхней полке стояла «Зеленая книга»,

¹ Подробности этого очень важного эпизода нами будут сообщены в особой статье.

² См. выше, стр. 273.

^{3 &}quot;Красный Архив", т. 13, стр. 306 (письмо Раевского от 1 февраля 1822 г. к своему бывшему начальнику, командиру 32-го Егерского полка и также члену Союза Благоденствия А. Г. Непенину).

^{4 &}quot;Вестник Европы", 1874, июнь, стр. 857. — Отрывок этот сообщен был, повидимому, Л. Ф. Пантелеевым (ср. Н. О. Лернер. "Где бумаги В. Ф. Раевского?". "Каторга и Ссылка", 1926, № 2 (26), стр. 143—145).

статут общества «Союза Благоденствия»; в ней 4 расписки принятых Охотниковым членов и маленькая брошюра «Воззвание к сынам Севера». Радич (адъютант Сабанеева) спросил у Липранди, брать ли книги? Липранди отвечал, что не книги, а бумаги нужны. Как скоро они ушлия обе эти книги сжег и тогда был совершенно покоен".1

Пушкин "прибежал" к Раевскому вечером ("в 9 часов пополудни") 5 февраля 1822 г., немедленно после отъезда Сабанеева от Инзова, и говорил Раевскому впопыхах, в большой тревоге — "весьма торопливо и изменившимся голосом". Действительно, времени, очевидно, терять было нельзя — и вместо того оба они отправились к "Липранди", причем Раевский запретил Пушкину говорить о своем "деле". Но Раевский хорошо давал себе отчет в своих поступках; он знал, конечно, что "И. П. Липранди 1-й" уже уехал из Кишинева в длительный отпуск еще накануне, 4-го февраля, так как отъезд этот предполагался еще давно (о выезде И. П. Липранди знал и Пушкин, пересылавший с ним письма в Москву и Петербург). 2 Идя в квартиру "Липранди", Раевский, поэтому, явно рассчитывал застать там П. П. "Липранди 2-го", 3 от которого, как от лица близкого уже к Сабанееву, думал получить наиболее точную и ясную информацию. Повидимому, они не застали Павла Липранди, и Пушкин отправился домой, а Раевский к себе — дожидаться решения своей судьбы. Запрещение Раевского Пушкину касаться в беседе с Павлом Петровичем своего "дела" вполне понятно: это значило бы посвящать не члена "Союза" во многое, что могло бы только повредить и Пушкину и всему "делу" — разговор должен был происходить только с глазу на глаз.4

¹ П. Е. Щеголев. "Владимир Раевский. Первый декабрист". ("Декабристы", стр. 30.) — К сожалению, автор, имевший в руках рукопись "записок", ограничился только краткими из нее выдержками, не сообщив, исчерпываются ли ими всё им виденжое и опубликованное, или отрывки эти имеют продолжение.

² Ср. в письме Раевского к А. Г. Непенину от 1 февраля 1822 г.: "Липранди 1-й еще здесь" ("Красный Архив", т. 13, стр. 306. — А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 34—36, №№ 23—29); получив разрешение на отпуск 30 января, И. П. Липранди указывает, что он выехал из Кишинева 4 февраля ("Русский Архив", 1866, стб. 1481). — В цитированном нами "аттестате" И. П. Липранди указано также, что он был в отпуске "с 30 января 1822 г. на три месяца".

³ Надо думать, что П. П. Липранди во время своего пребывания в Кишиневе останавливался именно у Ивана Петровича, как, в свою очередь, и Иван Петрович останавливался у брата, когда ему впоследствии приходилось бывать в Тирасполе.

⁴ Пушкину всё время, как справедливо отмечает П. Е. Щеголев ("Декабристы", етр. 39—40), дело Раевского казалось "таинственным, важным и страшным", но он не знал, в чем же оно, в сущности, состоит, и только мучился догадками (ср. там же, со ссылкой на воспоминания И. И. Пущина; также письмо Пушкина Жуковскому от 20-х чисел января 1826 г. — А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 257, № 240). — Очень возможно, что Раевский поспешил и сам "отделаться", так сказать, от Пушкина, чтобы не подвергать его дальнейшим онасностям, и рекомендовал ему поскорее вернуться к Инзову — узнать там что-либо новое. Во всяком случае, это было последнее свидание Пушкина и Раевского.

П. П. Липранди явился к Раевскому через несколько часов, но уже в виде официального лица, командированного Сабанеевым, сопровождаемый адъютантом и клевретом последнего Я. Н. Радичем (впоследствии занявшим "доходное место" кишиневского полицеймейстера), который и должен был произвести самую процедуру обыска.

Через несколько лет, 16 февраля 1827 г., отвечая в качестве подсудимого перед комиссией военного суда при войсках Литовского корпуса, в крепости Замостье, Раевский на вопрос членов комиссии: "Какие именно бумаги находились у Охотникова непозволительные и не было ли у него в то время книги, которую читал полковник Непенин и майор Юмин, ибо вы сказали, что ссылка Непенина на полкови. Бистрома была только предлогом к его оправданию?" — вновь рассказал, как и когда происходил у него обыск: "1) Когда приказано было г. корпусным начальником опечатать бумаги мои и сам я был арестован, то для взятия бумаг моих был послан адъютант его подполковник Радич (ныне полицмейстер в г. Кишиневе) и забрал оные в присутствии подполковника Липранди, ныне адъютанта его высокопревосходительства.2— 2) Когда я объявил, что в шкафе или в бюро находятся бумаги капитана Охотникова, то г. Радич их не взял, а на другой день уже прислан он был опечатать и забрал бумаги капитана Охотникова". Раевский при этом вполне резонно указывал своим судьям, что если бы знал, что бумаги Охотникова, "заключают что либо... вредное, то имел бы 24 часа, дабы их вынуть", — умодчав о том, как П. П. Липранди сбил с толку недалекого Радича.3

Конечно, сразу ориентироваться в положении вещей и не допустить возможности, чтобы в руки власти попали самые опасные документы, мог только человек, который хорошо знал эти документы даже по их внешнему виду и был посвящен в тайну их местонахождения—т. е. член Союза Благоденствия. П. П. Липранди, столь высоко ценимый и Сабанеевым и Киселевым "благомыслящий" офицер, — вполне очевидно — и был одним из таковых членов. Более того, пользуясь своим новым положением при корпусном командире, он предостерег от провала и тульчинское ядро заговорщиков, наладив с ними постоянную информационную связь. Н. В. Басаргин, писавший свои воспоминания еще при жизни П. П. Липранди, не счел нужным скрывать эту его роль. Рассказав о временной приостановке "действий" Тульчинской управы из-за опасе-

¹ А. Г. Непенин — командир 32-го Егерского полка, принятый в члены Союза Благоденствия полковником Бистромом; майор Юмин — офицер того же полка; его роль, как первого предателя Раевского и, возможно, провокатора во всем деле, вскрывается нами в другом месте.

² П. П. Липранди в 1827 г., когда производился Раевскому допрос, был уже подполковником, а Сабанеев получил чин "генерала-от-инфантерии", почему Раевский, как бывший военный, и назвал его полным титулом— "высокопревосходительством".

³ Архив Пушкинского Дома, 3168. XVI в. 44 (Из бумаг П. Е. Щеголева). — "Ответвые пункты майора Раевского по черным его бумагам".

ний разоблачения, когда в Кишиневе разразилось "дело" Раевского, Басаргин поясняет: "Стали допрашивать его самого, но твердости его характера общество было обязано тем, что не было открыто прежде. Всё то, что делалось по этому следствию и с Раевским, передавал нам бывший адъютант Сабанеева Липранди (после известный генерал), коротко с нами знакомый". Васаргин не называл здесь П. П. Липранди прямо членом тайного общества, но это вполне объясняется тем, что официально, так сказать, прежний Союз Благоденствия перестал существовать еще за год до ареста Раевского, Тульчинская управа нового "общества" пока бездействовала, да и сам Басаргин в это время уже не стремился быть очень активным членом ее, где властно руководил Пестель, мало склонный посвящать колеблющихся во все "тайны".

Так и остался П. П. "Липранди 2-й", скромный, выдержанный, умеющий молчать, когда надо, офицер, неразоблаченным участником бессарабской организации В. Ф. Раевского. Его миновала и расправа 1825—1826 гг., он не попал и в знаменитый "алфавит декабристов", куда были занесены для памяти Николая I все подозрительные по "происшествию 14-го декабря" лица. П. П. Липранди продолжал делать служебную карьеру, в меру возможностей оставаясь верным принципам, усвоенным под руководством Раевского и Охотникова. "Толковитый малый", по выражению Киселева, он скоро стал ближайшим помощником последнего по предпринятой им большой работе по истории войн с Турцией, а сдружившийся с П. П. Липранди Сабанеев поручал ему ответственные задания по обследованию входивших в корпус полков и открытию злоупотреблений и надругательств над солдатами.

"Коренной друг" Раевского, П. П. Липранди был, конечно, хорошо знаком и с Пушкиным, но сведений об этом сохранилось очень немного. Когда в начале 1824 г. Пушкин вместе с И. П. Липранди поехал в Бен-

¹ Здесь Басаргин подразумевает, очевидно, новое "общество" — "южное".

² Н. В. Басаргин, цит. соч., стр. 14—15. — Следует отметить, что П. Е. Щеголев редактор "Записок" Басаргина, упорно, вопреки прямому указанию текста, считал несомненно упомянутого здесь П. П. "Липранди 2-го" — И. П. "Липранди 1-м" (см. там же, "Указатель", стр. 286).

³ Сдержанность и скромность П. П. Липранди должен был признать даже элоречивый Ф. Ф. Вигель, столь не любивший его брата; так, подчеркивая, что "фанфаронство" старшего Липранди будто бы "вселяло некоторый страх" его противникам, Вигель в другом месте, по поводу своего посещения П. П. Липранди в Тирасполе (в 1823 г.), говорит: "Братья были сходны между собою точно так же, как день походит на ночь и зима на лето" ("Записки", ч. VI. М., 1892, стр. 176, 102—103).

^{* &}quot;Сборник Русского исторического общества", т. 78, стр. 95, 261. — М. О. Гершензон. "История молодой России". М.—П., 1923, стр. 36—37 (доклад П. П. Липранди от 1 мая 1822 г. о причинах дезертирства в 7-й дивизии известного "палочника" ген. С. Ф. Желтухина). — Сабанеев летом 1822 г. всюду был сопровождаем П. П. Липранди. — Ф. Н. Лугинин записал, например, в своем дневнико под 19 июня: "1-ая станция (от Кишинева) Мирени, 25 в., на этой станции встретили мы Сабанеева, который стал с Лепранди смотреть лагирь".

деры, то по дороге они остановились в Тирасполе у Павла Петровича, затем все трое по приглашению Сабанеева провели у последнего вечер и далее продолжали путь уже совместно. Вернулся Пушкин в Тирасполь вдвоем с П. П. Липранди и переночевал у него. П. П. Липранди пытался устроить свидание Пушкина и Раевского, сам выхлопотал разрешение на это у Сабанеева, но встретил, как известно, категорический отказ Пушкина, который был уже, очевидно, посвящен во все дрязги штабной корпусной жизни и опасался доноса в главную квартиру Киселеву со стороны О. И. Вахтена, противника Сабанеева: конечно, Вахтен воспользовался бы случаем, чтобы обвинить последнего в потачке "государственному преступнику" Раевскому, что косвенно могло сильно повредить и опальному поэту.¹

Дальнейших сведений об отношениях П. П. Липранди и Пушкина у нас не имеется.

IV

В то время как в Кишиневе развертывались трагические события с Раевским, И. П. Липранди ехал в свой длительный отпуск, направляясь в Москву. Спокойно оставался он в Херсоне несколько дней, пока туда не проникли слухи из Кишинева (между прочим — и об известном столкновении Пушкина с Тодором Балшем) и не был им получен вызов М. Ф. Орлова заехать к нему в Киев, так как Орлов получил уже "известие о готовившейся ему опале". В Киеве М. Ф. Орлов, видимо, дал И. П. Липранди соответствующие наказы и письма к влиятельным лицам в Петербург, и И. П. Липранди направился туда прямо, минуя Москву. В Петербурге И. П. Липранди закончил свои и М. Ф. Орлова дела ³ и узнад о всех переменах в 16-й дивизии. М. Ф. Орлов фактически уже был отстранен от командования, П. С. Пущин уволен, штаб-офицеры, близкие к М. Ф. Орлову, были переведены в разные полки... Сам И. П. Липранди получил назначение в 33-й Егерский полк, которым хотя и командовал его старый сослуживец Н. С. Старов (иззестный по дуэли с ним Пушкина), но полк входил в состав

^{1 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1463, 1469—1470.

^{2 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1422 и 1481. — К М. Ф. Орлову со сведениями о кишиневских "происшествиях" Раевский, Охотников, П. П. Липранди (и, возможно, П. С. Пущин, замещавший Орлова по командованию 16 дивизией на время его отсутствия) послали еще в январе "нарочных курьеров", а затем в Киев поехал и сам Охотников "просить дивизионного командира, чтобы он приехал скорее"; Орлов замедлил отъездом, Охотников также задержался, а тем временем Раевский был арестован; Орлов в Кишинев так и не вернулся; Охотникова допрашивали уже в Следственной комиссии по "делу" Раевского ("Красный Архив", т. 13, стр. 306. — "Русская Старина", 1883, кн. XII, стр. 657).

^{3 &}quot;Русский Архив", стб. 1484.— В Петербурге И. П. Липранди пробыл немного более недели и побывал, между прочим, у влиятельной при дворе, известной поклонницы архимандр. Фотия, двоюродной сестры М. Ф. Орлова, гр. А. А. Орловой-Чесменской, которой привез от ее кузена письмо.

17-й дивизии сурового и крайне жестокого ген. С. Ф. Желтухина. Очутиться на положении рядового полкового офицера с громкой славой "либералиста" и ярого сторонника бывшего дивизионного командира, вная отношение к себе Сабанеева и Киселева—всё это не могло быть приятным и явно грозило полным крахом дальнейшей служебной карьеры. Наконец И. П. Липранди не мог не беспокоиться и о судьбе брата, дружески-близкие отношения которого с Раевским он, конечно, знал хорошо, хотя и не имел точных сведений, на чем "тайном" базируется эта связь.

И. П. Анпранди всячески, повидимому, затягивал свое возвращение на юг — в надежде, что за время его отсутствия гроза уже пройдет...

Прибыв в Москву, он столкнулся, между прочим, с С. И. Тургеневым, также братом "заговорщика" (Н. И. Тургенева). С. И. Тургенев знал, вероятно, от брата, что ранее существовало какре-то тайное политическое "общество", в начале 1821 г. уже ликвидированное. И вот, неожиданно, С. И. Тургенев вновь услыхал от П. Я. Чаадаева и М. А. Фонвизина, что "арестованные во 2-й армии офицеры Непенин и Раевский объявили на допросе о каком то вовсе несуществующем обществе". Московские слухи всё это связывали с историей отставки М. Ф. Орлова. Понятно, с какою жадностью стал расспрашивать Тургенев недавно приехавшего с юга И. П. Липранди, интересуясь и кишиневскими событиями и степенью участия в них близкого всей семье Тургеневых Пушкина.

Сентенции, занесенные С. И. Тургеневым в свой днезник, и послужили поводом для С. Я. Гессена сделать вывод об особой "версии" преднамеренно-лживых, якобы, показаний "провокатора" И. П. Липранди. Однако, если отвлечь от них все заключения самого С. И. Тургенева, человека не вренного, который не мог представить себе вполне все порядки тогдашней армейской среды и палочной солдатчины, то рассказы И. П. Липранди оказываются такими, какие и должен был передавать человек в его положении— то, что знал наверное, а не слухи, которые нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть.

Прежде всего И. П. Липранди сообщил Тургеневу об офицерском "разгроме", при котором и сам оказался пострадавшим. Затем он передал, по секрету (так как не хотел, очевидно, своими сообщениями повредить кому-либо) о ряде "происшествий" во 2-й армии, подобных "историям" с солдатскими протестами в Камчатском и Охотском полках — "кучу подобных и более нелепых историй «так квалифицировал эти рассказы уже сам Тургенев», которых, однако, не хотел делать гласными и в коих начальство вело себя весьма слабо и податливо". Осудил И. П. Липранди и поведенле М. Ф. Орлова, слишком самона-

¹ Архив Пушкинск. Дома, Архив бр. Тургеневых, Дневн. С. И. Тургенена, 7 мая 1822 г., № 29, л. 42.

деянное и в этом отношении "неблагоразумное" — он мог бы избежать "многих хлопот, по случаю коих многие пострадали кроме и более его"; это была совершенная правда, трезвая оценка результата действий М. Ф. Орлова, слишком понадеявшегося на свои возможности и влияние. О Раевском И. П. Липранди сообщил С. И. Тургеневу прежде всего биографические сведения, отметил его положительные стороны, но также указал и на несдержанную, чересчур открытую проповедь "либерализма" среди лии, за которых нельзя было ручаться. Видимо, такая оценка совпадала с мнениями и других, и С. И. Тургенев обобщил все сведения, записав в своем дневнике: "Говорят, он человек с характером и умом и, кажется, болтун неблагоразумный". На самый жгучий вопрособ "обществе" — И. П. Липранди промодчал, так как положительного, как мы знаем теперь, ничего не знал. Зато он высказал "подозрения", что "многие" суть "агенты" Орлова "в армии", т. е. на языке разведчика Липранди — люди, разделяющие возэрения М. Ф. Орлова, ему преданные и готовые его всегда поддержать. Штатский С. И. Тургенев, не зная всех оттенков отнощений между крупными военачальниками тогдашней 2-й армии, не понял намеков и недоуменно отметил: "Что за агентство и чье!", сам уже комментируя затем, что подобная партизанщина и борьба отдельных начальников "войной могла бы прекратиться" -- в общенациональной борьбе, когда личные интересы должны будут исчезнуть. Позиция Киселева во всех этих делах получила в оценке И. П. Липранди очень четкую и резкую характеристику, как "нечистая". Наконец на запрос С. И. Тургенева о Пушкине И. П. Липранди сообщил на первый взгляд удивительные вещи: "Он ведет жизнь беспутную, бродит по кабакам, делает долги и весь в рубище - однако же притом пишет стихи, и даже трудится над ними". — Но эдесь, во-первых, исполнялось пожелание самого Пушкина, который просил И. П. Липранди перед его отъездом указать скуповатым Сергею Львовичу и Надежде Осиповне, что сын их крайне нуждается в деньгах. А так как

^{1 &}quot;При выезде моем из Кишинева 4 февр. 1822 г. в Петербург Александр Сергеевич... просил, что в случае отец будет расспрашивать о его житье-бытье, то дал бы понять, что он часто нуждается в средствах. Словом, Пушкин был очень недоволен, что ему недостаточно высылают денег". О том, что Пушкин "терпит... иногда недостаток в приличном одеянии" И. Н. Инзов писал гр. Каподистриа еще в апреле 1821 г., а сам поэт в письме Л. С. Пушкину, 4 сентября 1822 г., настойчиво напоминал брату: "Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-la lui de ma part" ("Русская Старина", 1887, № 1, стр. 243—244. — А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, стр. 46). — Сворх поручений в Петербург, Пушкин дал И. П. Липранди еще и письма в Москву - Вяземскому и Чаздаеву ("Русский Архив", 1866, стб. 1481). Последние письма И. П. Липранди вернул Пушкину по приезде в Кишинев обратно, так как "не застал" адресатов в Москве (хотя Чаздаев, например, как видно из дневника С. И. Тургенева, был там недели за три до встречи С. И. Тургенева и И. П. Липранди). Возможно, что Липранди и не счел нужным особенно разыскивать Виземского и Чаадаева, чтобы еще раз не подвергнуться щекотливым и опасным расспросам.

И. П. Липранди считал С. И. Тургенева, как брата А. И. Тургенева, лицом, естественно, весьма близким к семейству Пушкиных, то он и выполнил эту просьбу своего кишиневского приятеля, обрисовав самыми мрачными красками степень его нуждаемости. С другой стороны, акцент на "беспутное времяпрепровождение" Пушкина был сделан, конечно, предумышленно: необходимо было во что бы то ни стало снизить политическую позицию Пушкина, в пору, непосредственно предшествовавшую разгрому "орловщины" в Кишиневе, особенно гласно, открыто и крайне неосторожно дебатировавшего вопросы, в которых можно было легко найти жестоко отягчающие обстоятельства не только для поднадзорного, как Пушкин, но и для многих из его окружавших и уже пострадавших в известной степени лиц. Осторожный кн. П. И. Долгоруков, слышавший подобные высказывания Пушкина, прямо указывает в записях своего дневника всю опасность для Пушкина этой линии его поведения.¹ В январе же — феврале 1822 г. произошли в жизни Пушкина события и другого порядка: во второй половине января состоялась дуэль Пушкина с С. Н. Старовым, резкое столкновение его с И. Н. Лановым на обеде у Инзова (28 января), а в начале февраля разравился публичный скандал с Тодором Балшем.2 Слухи о таком поведении Пушкина достигали уже Петербурга и особенно тревожили С. Л. и Н. О. Пушкиных. 3 Но это всё же были, как тогда выражались, "шалости" иного сорта, гораздо более простительные горячему юноше, нежели "либерализм" и "вольномыслие". Этой то завесой И. П. Липранди безусловно и старался приркыть Пушкина, чтобы дать слухам о нем определенное направление, политически невинное.

Рассказы Липранди, его вид и настроение всё-таки поразили С. И. Тургенева настолько, что он выразил свои сомнения по поводу содержания беседы, записав: "Впрочем, всему сказанному Λ чипранди верить нельзя, и он полусумасшедший".

В таком крайне удрученном состоянии возвращался И. П. Липранди по необходимости в Бессарабию, к месту своей новой службы, в 33-й Егерский полк. Однако сначала направился он в Одессу, чтобы там, вероятно, попытаться устроиться или у добряка гр. Ланжерона, или в в 7-м корпусе ген. Рудзевича — и таким образом избежать возможных дальнейших преследований со стороны Сабанеева. Повидимому, понытки эти остались безрезультатными, и И. П. Липранди поспешил

¹ М. А. Цявловский. "Новое о Пушкине в Кишиневе". "Новый Мир", 1937, № 1, етр. 289 (запись в дневнике под 11 января 1822 г.)

² Там же. — П. И. Бартенев. "Пушкин в южной России". "Русский Архив". стб. 1165—1167. — В. П. Горчаков. "Воспоминание о Пушкине" (М. А. Цявловский. "Книга воспоминаний о Пушкине". М., 1931, стр. 203).

^{3 &}quot;Русский Архив", 1866, стб. 1482—1483.— От огорчения С. А. Пушкин даже плакал.

⁴ Дневн. С. И. Тургенева, Запись 28 мая 1822 г., № 29, л. 46.

к брату в Тирасполь — узнать от него необходимые сведения обо всем происшедшем, а заодно и постараться увидеть самого Раевского, который также желал этой встречи и просил П. П. Липранди устроить ее. П. П. Липранди, учитывая, очевидно, свое новое и зависимое положение коглусного адъютанта, рекомендовах обратиться за разрешением к Сабанееву, но И. П. Липранди лучше знал отношение к себе последнего 1 и решил сначала попытаться устроить свидание, так сказать, "полулегально", при помощи коменданта крепости, своего старого знакомого. Свидание и состоялось во время прогулки Раевского, которого И. П. Липранди "на другой день застал (с унтер-офицером ему преданным) сидящим в назначенном месте". Разговаривал И. П. Липранди всего полчаса, так как дольше оставаться он "опасался", да и в присутствии третьего лица, хотя бы и "очень преданного", сказать чтолибо особо важное было ед а ли возможно. Раевский всё же сумел передать И. П. Липранди своего "Певца в темнице" и поручил сказать Пушкину, что он пишет ему "длинное послание".2

Неизвестно, как провел свои первые дни И. П. Липранди в 33-м Егерском полку, но, повидимому, вскоре сам начал хлопатать об отставке—и получил ее через несколько месяцев (11 ноября 1822 г.). Безусловно, отставку И. П. Липранди никак нельзя связывать с высказанным, якобы, желанием его поступить в итальянские революционные войска. Во-первых, положение дел в Италии к концу 1822 г. вовсе не было таково, чтобы туда особенно можно было стремиться: революционное движение было разбито и всюду царила жесточайшая реакция; вовторых, И. П. Липранди, как только что мы имели случай показать, далеко не был способен в этот именно момент на то, чтобы жертвовать всей своей будущностью; наконец,—главное,—в отставку он вышел с производством в следующий чин (полковником), т. е. отставка была вполне нормальной, а не явилась для него каким-то наказанием (как, например, это случилось с П. С. Пущиным, отставленным с тем же чином генерал-майора). 3

С. Г. Волконский и в этом случае передавал какие-то, явно темные, слухи. Даже злобствующий против И. П. Липранди Вигель и тот не приводит этих данных, а только замечает, что И. П. Липранди "был

¹ И. П. Липранди прямо указывает на возможность отказа, хотя и пытается несколько завуалировать свою нерешительность: "Брат советовал просить мне позволения у самого Сабанеева, который близко знал меня со Шведской войны, и отказа, может быть, и не было бы; но я, знавши, как Раевский дерзко отделал в лицо Сабанеева на одном из допросов в следственной комиссии, не хотел отнестись лично" ("Русский Архив", 1866, стб. 1449). Сведения о "дерзости" Раевского получены были, конечно, от П. П. "Липранди 2-го".

^{2 &}quot;Русский Архив", 1866, етб. 1449—1450.

³ В официальном "аттестате" И: П. Липранди сказал, что он "за болезнью уволен от службы полковником и с мундиром 1822 г., ноября 11".

переведен в липейный егерский полк и, наконец, принужден был оставить службу". "Всё это, — прибавил Вигель, — показывает, что начальство смотрело на него не с выгодной стороны". А между тем сообщения Волконского дали возможность С. И. Штрайху (соединившему их с намеками Вигеля, что после устроения И. П. Липранди при Воронцове — в половине 1823 г. — у него завелись подотчетные суммы и он из "совершенной нищеты" снова стал отличаться "совершенно бедуинским гостеприимством") сделать уже совсем невозможный и исторически неверный вывод: "Итак, в Италию — воевать в рядах революционеров-карбонариев против «законной» власти — Липранди не поехал, а впечатление было сделано. В передовых рядах русского офицерства загадочный полковник приобрел репутацию отчаянного защитника угнетенных и отъявленного врага угнетателей. Теперь офицерываговорщики из дивизии М. Ф. Орлова откровенничали при Иване Петровиче без всякой оглядки".2 Но после весеннего разгрома 1822 г. в Кишиневе не было уже в 16-й дивизии никаких "офицеровзаговорщиков", з сам Орлов только номинально (до апреля 1823 г.) числился еще дивизионным командиром, а И. П. Липранди, повидимому, вовсе в это время не склонен был казаться "отчаянным защитником угнетенных... "Наоборот, читая его "Записки" и сопоставляя его постоянные заезды к брату, П. П., в Тирасполь, в резиденцию Сабанеева, его тщательное выполнение самых разнообразных "поручений" гр. Воронцова, можно заключигь, что И. П. Липранди старался постепенно восстановить свою служебную репутацию, исправить невыгодное о себе мнение Киселева и Сабанеева, о котором он начинает отзываться значительно лучше, чем ранее. "Либерализм" времен "орловщины" у И. П. Липранди явно идет на сильную убыль. Но и здесь — до поры он еще не участник в "тайной" политической полиции, ни у Киселева, ни у Воронцова.

Восстановление И. П. Липранди в октябре 1825 г. вновь в службе (с прежним, так сказать, "служебным стажем"— подполковником)— конечно, результат этих усилий. С. И. Штрайх хочет видеть в этом опять-таки нечто знаменательное в созданной им "биографии" Липранди,

¹ Ф. Ф. Вигель. "Записки", ч. VI. М. 1892, стр. 117.

^{2 &}quot;Красная Новь", 1935, кн. 2, стр. 217.

³ Сам Вигель ("Записки", ч. VI, стр. 176, 116) называет ряд "молодых офицеров генерального штаба", находившихся в это время в Кишиневе, "бывшими либералами", "безгласными и не блеющими более овцами", лищенными "пастыря".

⁴ К Киселеву, однако, И. П. Липранди всё время питал некоторую неприязнь, даже в 60-х годах еще иронизируя над Н. С. Алексеевым, слишком поздно разуверившимся в своем "идоле" ("Русский Архив", 1856, стб. 1454—1455); но это, конечно, было уже проявление не политического антагонизма, а чисто личных неприязненных чувств.— О том, что в 1823 г. Липранди добился такого "успеха" у Сабанеева, что стал тайным осведомителем по военным вопросам, см. П. А. Садиков. "«Записки о гетерии» 1821 г. И. П. Липранди" (печатается во "Временнике Пушкинской Комиссии", т. VII).

совершенно произвольно истолковывая и обобщая сведения, которые может дать ему его источник - "Записки" Вигеля. Но вся подозрительная осведомленность и клопотливость" И. П. Липранди ограничилась тем, что он через неделю после ликвидации восстания Черниговского полка (3 января 1826 г.) послал ваписку Вигелю с вопросом, не слыхал ли тот чего-либо "об ужасном происшествии, бывшем в окрестностях Белой церкви", где в то время проживал прямой начальник И. П. Липранди гр. Воронцов, — и только. А на другой день, 11 января 1826 г., И. П. Липранди был арестован — как мы знаем уже (см. выше, стр. 275) по оговору Комарова. По словам Вигеля, который должен был отправить его с фельдъегерем в Петербург и забежал к нему, чтобы "освободить" у И. П. Липранди посланный накануне свой ответ, он нашел арестованного "чрезвычайно упавшим духом". Действительно, арест сбивал только что наладившуюся, казалось, карьеру. Заключение, хотя и краткое и окончившееся вполне благополучно, уже навсегда перебросило И. П. Липранди в другой лагерь и определило всё его дальнейшее поведение.² Как мы видели, в 1827 г. он с удовлетворением принимает от Киселева "пост" начальника тайной политической полиции, хотя временно еще и в военной ее разновидности.

Отношения Пушкина и И. П. Липранди — общеизвестны. Пушкин, безусловно, высоко ценил И. П. Липранди, всегда тепло относился к нему,³ но всё-таки это не была та настоящая дружба, которая связывала его, например, с В. П. Горчаковым или Н. С. Алексеевым. Очень ценил,

^{1 &}quot;Внимательно следил он за всеми событиями со времени смерти Александра I, усердно и аккуратно оповещая о них Вигеля, который в своих «Записках» отмечает подобрительную осведомленность и хлопотливость Липранди в связи с восстанием Черниговского полка" ("Красная Новь", 1935, кн. II, стр. 217). — "Слежка" "за всеми событиями" заключалась лишь в том, что по возвращении из Одессы, куда И. П. Липранди ездил, он сообщил Вигелю, что Александр I, по слухам, тяжело болен. Вигель отмечает, что Кишинев в это время был переполнен самыми нелепыми слухами о "прочествиях" в столице и в Тульчине ("Записки", ч. VII, стр. 75—82).

² Во время следствия И. П. Липранди был очень удобно помещев в Главном штабе вместе с А. А. Тучковым, Н. П. Воейковым и ген. Ф. Г. Кальмом и пользовался вместе с ними относительной свободой, очевидно, успокоившись за свою дальнейшую участь: "Ils étaient très proprement logés et faisaient chercher leur diner chez A. Voéikoff; le soir ils jouaient au boston", — рассказывает сидевший вместе с ними В. П. Зубков (Б. Л. Модзалевский. "В. П. Зубков и его записки". "Пушкин и его современники", вып. IV, СПб., 1906, стр. 127). Все они были освобождены. Любопытно отметить, что И. П. Липранди уже в апреле 1826 г., т. е. сейчас же почти по выходе из заключения, уговаривал Льва Сергеевича Пушкина поступить в жандармы, доказывая ему, что служба там "чисто военная", не то что в ІІІ отделении ("Русский Архив", 1866, стб. 1487—1488).

³ Пушкина нисколько не удивило быстрое освобождение И. П. Липранди по делу о декабристах, и он искрение сожалел, что в разное время съездили они "на казенный счет" и "нигде не столкнулись" (письмо Н. С. Алексееву от 1 декабря 1826 г., см. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. XIII, Академия Наук СССР, 1937, № 299, стр. 309).

в свою очередь, и И. П. Липранди Пушкина как человека. Личные встречи их прекратились рано: сам И. П. Липранди говорит, что видел в последний раз Пушкина за две недели до его отъезда из Одессы в 1824 г.; "два — три письма в нескольких строчках, из коих последнее было из Орла, когда он ехал на Кавказ к Паскевичу, заключили наши отношения", добавляет Липранди, следовательно, в 1829 г., в начале мая. И. П. Липранди уже не стремился увидеться в эти годы с Пушкиным, но после его смерти встречался с его родными еще в 1840 г.

Знал ли Пушкин о позиции И. П. Липранди, когда тот сделался уже прямым советником и соратником гр. Бенкендорфа? Судя по письму Пушкина к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 г., где И. П. Липранди включен еще Пушкиным в число ближайших кишиневских приятелей, такой осведомленности не было у поэта, совсем не задолго перед тем закончившего в Болдине "Повести И. П. Белкина", среди которых находился и "Выстрел". Но более поздняя запись Пушкина, именно составленная им в 1833 г. "Программа записок", кажется, позволяет подозревать, что Пушкину, наконец, к этому времени стало известным новое поприще деятельности человека, которого ранее, в 1824 г., он считал совмещавшим "ученость истинную с отличными достоинствами военного человека".

"Программа" 1833 г. выдержана Пушкиным в строго-хронологической точности: "Кишинев — Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти — Каменка — Фонт — Греческая революция — Липранди — 12 год — mort de sa femme — le rénégat — Паша Арэрумской". Здесь, за темой о "греческой революции" ("гетерии" в Придунайских княжествах), о которой по роду тогдашней своей деятельности очень много интересных сведений сообщал Пушкину именно И. П. Липранди, невольно должен был появиться и рассказ о самом И. П. Липранди. Далее, естественно, намечалась тема о "1812 годе" — времени, к которому относились особенно увлекательные повествования И. П. Липранди, участвовавшего чуть ли не во всех наполеоновских войнах, и, возможно, некоторая интимная тайна всё того же И. П. Липранди — о "смерти его жены" (очевидно, первой, так как в конце 1820-х годов Липранди

¹ Но, конечно, И. П. Липранди не устраивал для Пушкина своего рода "общеобразовательных экскурсий", как утверждает Л. П. Гроссман (цит. соч., стр. 220): в 1821 г. Пушкин сам напросился в поездку с И. П. Липранди, едва добившись отпуска от Инзова, а в 1824 г. И. П. Липранди привозил в Бендеры книги и карты вовсе не ради Пушкина, а по приказанию Воронцова. — Ср. выскавывания Липранди о литературе и "игре в стихи" Пушкина в его письмах к А. Ф. Вельтману 1860 г. (мож публикация во "Временнике Пушкинской Комиссии", т. VII).

² А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. VI, "Academia", М., 1938, стр. 245.

³ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. VI, ГИХА, изд. 4-е, М., 1937, стр. 413.

женился на молдаванке З. Н. Самуркаш, умершей в 1877 г.). Затем следует совершенно загадочный переход к темам: "ренегат" и "паша Арэрумский". Если последняя может быть вскрыта в конце 4-й главы "Путешествия в Арэрум" (эпизод с восточным приветствием одного из пашей поэту) или в главе 5-й (посещение гарема Османа-паши), то тема "le rénégat" — "ренегат", "изменник" — не заключается в "Путешествии" (если не считать незначительного рассказа о переводчике, русском офицере, бывшем евнухе гарема одного из сыновей шаха, так как в полном смысле ренегатом этого офицера называть трудно). Остается догадка, что тема эта близка к предыдущим и непосредственно вытекает из них, т. е. из "Липранди" и "1812 г.". Тогда допустимо предположение, что ренегатом в записках должен был явиться сам Иван Петрович Липранди 1-й: в 1833 г., Пушкин, принужденный постоянно обращаться к шефу жандармов и начальнику III отделения гр. А. Х. Бенкендорфу, мог уже, конечно, узнать о сношениях последнего по чисто ведомственным вопросам со своим бывшим кишиневским приятелем, когда-то одним из ярых "агентов" М. Ф. Орлова и либералистом, а теперь агентом тайной полиции, — и заклеймил И. П. Липранди позорным именем "ренегата". Все эти соображения, однако, пока не выходят из круга чистых догадок и нуждаются в новом подтверждающем материале.2

^{1 &}quot;Алфавит декабристов" ("Декабристы", изд. Центрархива, т. VIII, стр. 343). — Впрочем, возможно и более широко толковать эту тему, также связывая ее с братьями Липранди, но косвенно. Дело в том, что благодаря П. П. и И П. Липранди Пушкия ближе поэнакомился с вете аном отечественной войны — ген. Сабанеевым (1824 г.). "Пушкин не раскаивался в этом посещения, — передает И. П. Липранди, — был весел, разговорчив, даже до болтовни, и очень понравился Пульхерии Яковлевне, жене Сабанеева. После ужина, в 11 часов, мы ушли. Простое обращение Сабанеева, его умный разговор, сделали впечатление на Пушкина, и когда мы рассказали ему первый брак Сабанеева, то он сделался для него, как он выразился, «лицом очень интересным»". Сабанеев также мог многое поведать о 1812 г., и, предполагая в записках говорить после темы "Липранди" о 1812 г., Пушкин мог вспомнить о ген. Сабанееве, с которым его свели Липранди, и о загадочной судьбе первой жены этого "интересного" генерала ("Русский Архив", 1866, стб. 1463).

² Линия, намеченная "Программой записок" (от Ипсиланти к деятелям войны 1829 г.), в 1833 г. вообще занимала Пушкина: в кратком плане к "Езерскому" он, например, писал: "Я видел Ипсиланти, Ермолова, Паскевича" (Н. В. Измайлов. "Поэма Пушкина о гетеристах". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, 1937, стр. 347). В беседе с Пушкиным в Орле в 1829 г. Ермолов высказывал недовольство Историей Карамзина, а "о записках кн. Курбского говорил он сопатоге" (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VIII, А садемия Наук СССР, стр. 446). Курбский был настоящим ренегатом-изменником, бежавшим в Литву и оттуда водившам полки против родины. Таким образом в разговорах с Ермоловым уже мелькали темы о ренегатстве и, вероятно, о 1812 г., героем которого являлся сам Ермолов. Но вслед за такими разговорами от Пушкина полетело письмо, как указано выше (стр. 291), к Липранди, также герою Отечественной войны, который мог многое рассказать и о "1812 г." и об "Ипсиланти". Всё это также, видимо, находится в какой-то связи друг с другом, но также пока не поддается дешифровке.

V

Если канва для биографии И. П. Липранди может быть распутана и отделена от биографии его младшего брата Павла Петровича сравнительно легко, то построение характеристики И. П. Липранди в кишиневский период его жизни, т. е. такового, каким знал и помнил его Пушкин, значительно сложнее. Созданный исследователями (Л. П. Гроссманом и особенно С. И Штрайхом) образ "мрачного провокатора" и "холодного сыщика" не может считаться отражением действ тельного, исторического "Липранди 1-го", штаб-офицера у М. Ф. Орлова. Образ этот носит на себе следы явных реминисценций из повести Пушкина и впечатлений от позднейшей деятельности И. П. Липранди уже настоящего агента и сотрудника III отделения. Мемуарные показания, положенные в основу такой характеристики, заимствованы преимущественно из показаний Ф. Ф. Вигеля, автора, к данным которого следует относиться с высокой степенью осторожности и критичности, так как в своих отзывах о современниках он не только бывал односторонен, но и жестоко пристрастен. Уже самым внешним видом И. П. Липранди едва ли похож был на героя "Выстрела": И. П. Липранди, как мы знаем, почти всё время бывший военным при Пушкине, и после отставки своей в конце 1822 г., по всей вероятности, продолжал носить свой мундир "отставного полковника", не выделяясь от сугубо военного кишиневского общества, и тем резко, конечно, отличался от Сильвио, ходивщего "вечно пешком, в изношенном черном сюртуке". Далее, образ жизни и отдельные черты характера И. П. Липранди, какие сообщают нам его ближайшие современники, знавшие его гораздо ближе чем Вигель, никак не позвоаяют делать сближение его внешности с образом Сильвио. Как мы видели, Радожицкий рисует И. П. Липранди в 1814 г. исключипылким, веселым, общительным и живым собеседником.2

¹ Вигель ("Записки", ч. VI, стр. 115), например, отзывался о М. Ф. Орлове только как о "благодушном мечтателе", который в Кишиневе "более чем когда бредил въявь конституциями"; устроившись в Кишиневе, он, будто бы, стал "жить не как русский генерал, а как русский боярин"; "прискорбно казалось не быть принятым в его доме, — иишет Вигель, — а чтобы являться в нем, надобно было более или менее разделять мнения хозяина... Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и маиор Раевский (совсем не родня г-же Орловой) с жаром витийствовали" и т. д. — Основываясь на подобных показаниях, межно построить также "характеристику" кишиневских "либералистов", но исторически заведомо неверную. И. П. Липранди в своих заметках, следует сказать, относится и к Орлову, и к Охотникову, и к Раевскому с большим уважением, даже с пиететом, и нигде не позволил себе таких желчных выходок по отношению к ним, как Вигель, котя в 1860-х годах, будучи уже "маститым деятелем" III отделения, конечно, никак не разделял их политических взглядов и настроений.

² Л. П. Гроссман (цит. соч., стр. 217) отбросил все эти указания, цитируя данное место из записок Радожицкого, так как они явно противоречат рассказам Вигеля, положенным им в основу своих построений. — Как бы ни изменился И. П. Липранди к 1820-м годам, едва ли мог бы он совсем превратиться из веселого собеседника в вечно угрюмого человека.

Вельтман называет его вполне "оригинальным по острому уму и жизни человеком", у которого собиравшаяся военная молодежь встречала "живую, веселую беседу...".1 Тот же Вельтман зарисовал "с натуры" такую картинку: "Некогда в Бессарабии, в благополучном городе Кишиневе, в один прекрасный вечер Пушкин, Горчаков и я на широком дворе квартиры А(ипранд)и, помнится, играли в свайку и распивали чай. — «Здравствуйте, господа!» раздался подле нас осиплый, но громкий голос. Это был Ларин... — «Что тебе?» спросил серьезно Лупрандуи. — «Ах! собака, известно что: как гостей встречают?» — «А знаешь, чем гостей провожают?» — «На, провожай!» крикнул он, приподняв железную свою дубину и засадив ее в землю до половины... Мы все расхохотались на эту выходку... " Характерен далее и рассказ Вельтмана о том, как И. П. Липранди, подшучивая над Лариным, "сватал" ему какую-то "хорошенькую Зоицу", а "Саша Пушкин" протестовал, приговаривая: "На что ему две жены?" 2 С легко-веселым тоном этих зарисовок совершенно не вяжется образ И. П. Липранди, созданный Вигелем.3

Таким образом имеющиеся попытки воссоздания психологического образа И. П. Липранди не соответствуют сполна реальным фактам. Путаница с биографиями обоих братьев также длительно затемняла истину. И. П. Липранди не может считаться поэтому ни прототипом ни "историческим фоном" для героя "Выстрела". Можно говорить лишь о том, что отдельные черточки в образе жизни и характере И. П. Липранди могли отразиться в ряду других на пушкинском Сильвио. 4

Таково бреттерство И. П. Липранди, его слава наилучшего знатока дуэльного кодекса и личное участие во многих "славных поединках" с романтически-загадочной подкладкой. Такова и способность, по выражению В. П. Горчакова, "соединять прихотливую роскошь" с недостатками.⁵

¹ Л. Н. Майков. "Пушкин". СПб., 1899, стр. 125.

² А. Вельтман. "Илья Ларин" ("Московский городской листок", 1847, № 8, стр. 29).

³ Отдельные присгупы мрачности у исторического И. П. Липранди были последствием ранения в Отечественную войну, отнюдь не являясь типичными для его характера (ср. И. А. Арсеньев. "Слово живое о неживых". "Исторический Вестник", 1887 апрель, стр. 71—73). В 1870 г., по хлопотам его, состоялось приказание "внести в аттестат ген.-майора Липранди полученную им в 1812 г. контузию в правую щеку".

⁴ Н. О. Лернер достаточно убедительно показал яркое сходство образа Сильвио с героем повести А. А. Бестужева-Марлинского "Вечер на Кавказских водах в 1824 году", которую Пушкин успел, по всей видимости, уже прочесть в августе 1830 г. в "Сыне Огечества" перед своим отъездом в Болдино, где и был написан "Выстрел". Дополнительная гипотеза, выдвинутая Лернером, о сходстве судьбы Сильвио с судьбою лицейского товарища Пушкина гр. Сильверия Броглио при всем своем остроумии показывает лишь, что искать для прототипа Сильвио непременно одно, реально-историческое лицо — едва ли плодотворно (Н. О. Лернер. "К генезису «Выстрела»". "Звенья", т. V, М. — Л., 1935, стр. 125—133). — Ср. замечания Д. П. Якубовича во "Временнике Пушкинской Комиссии", т. 1, 1936, стр. 305—306.

⁵ М. А. Цявловский. "Книга воспоминаний о Пушкине". 1931, стр. 169—170. Подобные контрастные черты поражали Пушкина и в других современниках, например, в Ф. Ф. Орлове, которого он позже и предполагал вывести в "Русском Пеламе".

Ограничивая подлинную роль И. П. Липранди для "Выстрела", 1 необходимо снять с И. П. Липранди, как с автора "Заметок" о Пушкине, и незаслуженный им упрек в "политических инсинуациях" по поводу дела Раевского и Орлова, хотя его заметки, написанные в 60-х годах, конечно, не могли отразить и образ подлинного Пушкина. Этого не позволяли ни политические убеждения автора, постаравшегося просто обойти щекотливые места, поскольку их не касался П. И. Бартенев, в дополнение к статье которого заметки писались, ни цензурные условия, заставлявшие выкидывать из заметок ряд не могущих быть напечатанными мест. За Лишь обнаружением других документов (например "дневника" кн. П. И. Долгорукова, человека, стоявшего довольно далеко от Пушкина) постепенно уясняется общественно-политическая позиция Пушкина, порою поражающая откровенностью "либералиста" в условиях, в которых рядом с ним развертывалась агитация его друга В. Ф. Раевского.

¹ С. И. Штрайх отмечает в "Выстреле" принадлежность Сильвио "полицейской шапки", "bonnet de police", считая, что Пушкин "как-то невольно связывал своего героя с международными авантюристами" (между тем, этот ходовой французский термин ничего общего с полицией не имеет). Как и Л. П. Гроссман, он придает также особое значение и указанию Пушкина, что "Выстрел" был сообщен Ивану Петровичу Белкину "подполковником И. П. Л." (что, между прочим, является опечаткой издания 1882 г., перешедшей во многие позднейшие издания; у Пушкина — "И. Л. П."), а Белкин сделав был тезкой И. П. Липранди. Продолжая то же внешнее сравнение, можно добавить, что Белкин вступил "в службу в пехотный егерский полк... в коем и находился до самого 1823 года". В первоначальных замыслах Белкин помещался Пушкиным в один из других полков, стоявших также в Бессарабин, в 16-й дивизин — в "Селенгинский". (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VIII-2, Академия Наук СССР, 1940, стр. 582.) Однако, всё это детали, свидетельствующие лишь о реальных бессарабских воспоминаниях, но не о генезисе образа героя.

² История "Записок" И. П. Липранди теперь хорошо известна благодаря опубликованию М. А. Цявловским переписки издателя "Русского Архива" П. И. Бартенева и И. П. Липранди ("Летопись Литературного Музея", т. 1, М., 1937). Но кроме напечатанных там же выкинутых отрывков, существовали и другие "урезки". Так, например, в экземпляре "Русского Архива" за 1866 г., принадлежащем Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде (шифр 20.—35.— 3.—1/5), на стб. 1462 напечатан отрывок, отсутствующий в других экземплярах того же издания: "Другой капитан, Бороздиа, в Бендерах же, в противоположность товарищу своему Савоновичу, предался содомитству и распространил ожое в своей роте. Он также был судим и подвергся ваказанию. Происшествие это было поводом к известному четырехетишию, экспромтом сказанному Пушкиным" (подразумевается вичграмма "Накажи, святой угодник, капитана Борозду..." Принадлежность ее Пушкину, таким образом, имеет прямое подтверждение). -- Прямым дополнением к переписке Бартенев — Липранди служат письма последнего к А. Ф. Вельтману (1865—1866 гг.), отрывки из которых приводятся мною в публикации "«Записки о гетерии» 1821 г. И. П. Анпранди", помещаемой во "Временнике Пушкинской Комиссии", т. VII.

Aller of the state of the state

THE RESERVE OF THE PROPERTY OF

AT SHORT OF THE SECTION OF THE SECTI

г. с. глебов

Company of the compan

об "Арионе"

В "Арионе" нашли свое выражение характерные черты пушкинского мироотношения, важнейшие особенности его поэтического мышления. "Арион" — своеобразный сплав античной, современной, личной тем. В нем сливаются в единый поэтический образ отзвуки древнегреческого предания, пережитая николаевской Россией историческая трагедия, черты личной судьбы поэта.

Геродот ("История", I, 23—24) рассказывает об Арионе, что не было равного ему в игре на лире и что он первый составил дифирамб, дал ему имя и обучал дифирамбические хоры в Коринфе. Возвращаясь после посещения Сицилии и Италии в Коринф с накопленными богатствами, Арион стал жертвой заговора корабельщиков. Они решили убить Ариона и завладеть его сокровищами. Арион просил разрешения спеть песню и обещал после этого сам умертвить себя. Окончив торжественную песню, Арион бросился в море. Подплывший дельфин принял поэта на спину и вынес на берег у Тенара. На этом месте, как свидетельствует Геродот, еще в его время находилось пожертвованное Арионом небольшое медное изображение сидящего на дельфине человека.

Историю Ариона рассказывает и Овидий в "Fastes" (2, 83—118).² Следуя в общем Геродоту, римский поэт отклоняется от него в ряде существенных моментов и совсем не упоминает о создании Арионом дифирамба. Овидий утверждает, что вся земля полна славой Ариона, что его пение успокаивает волнующиеся воды, примиряет враждующих зверей и т. д. Но сведения историко-биографического порядка у него отсутствуют.

О чудесном спасении Ариона дельфином, как о широко известной легенде, упоминает Цицерон в "Tusculanes" (2, XXVII). В пушкинское время Ариону приписывался гимн Посейдону. Но Арион не был, как

¹ В библиотеке Пушкина имелась "История" Геродота в переводе А. F. Miot,. Paris, 1822 (№ 981 по описанию Б. Л. Модзалевского).

² Пушкии имел сочинения Овидия в переводе, изданном J. Ch. Poncelin, Paris, An. VII, и в подлиннике, изданном J. A. Amar, Parisiis, MDCCCXXII (№№ 1232 и 1233 и описанию Б. Л. Модзалевского).

a buy diguernor by a Wellston Swapping los leguey na course pass caster думал Геродот, "изобретателем" дифирамба, образование которого восходит, вместе с дионисийским культом, к глубокой древности. Арион был художественным реформатором дифирамба: культовую песню он превратил в искусство — в трагическое действо, заложившее основы греческой трагедии (указания лексикографа X века Свиды и современника Ариона — Солона).1

Итак, что является главным в истории Ариона? Во-первых, то, что Арион был знаменитым поэтом, музыкантом, художественным реформатором. Во-вторых, то, что Ариона спасла от угрожавшей ему гибели песня, очаровавшая дельфина.

Внимание Пушкина к образу Ариона несомненно привлекла та роль, которую сыграло искусство в спасении поэта: здесь он увидел сходственные черты в судьбе греческого поэта и своей собственной.

Имя Ариона в эпоху "нео-классицизма", конечно, не раз встречается в западноевропейской литературе.

L. Fuzelier написал текст для оперы "Arion" J.-В. Маtho, поставленной в 1714 г. в Париже. В "Encyclopédie" Дидро помещена довольно подробная заметка об Арионе. Сведения о греческом поэте имеются и в "Dictionnaire abrégé de la fable..." М. Chompré (A Toul, 1787). История Ариона нашла отражение в оде "Arion" Экушара Лебрена, балладе "Arion" А. В. Шлегеля, "Götter Griechenlands" Шиллера.

Знакомство Пушкина с названными произведениями немецких поэтов мало вероятно. Зато более чем вероятно, что Пушкин знал оду Лебрена, восхваляющую "нового Периандра" — короля Фридриха как мудреца и покровителя искусств. Впрочем, ода эта в отношении поэтических достоинств и политической тенденции не имеет ничего общего с пушкинским "Арионом".

Следует отметить, что те "французские стихи об Арионе", которые О. Н. Смирнова заставляет в "Записках А. О. Смирновой" читать Пушкина "наизусть" ("Jeune Arion, bannis la crainte" и т. д.), являются неточным воспроизведением шестой строфы оды Лебрена.

В русской литературе упоминания имени Ариона, конечно, также встречаются.

Н. Кошанский в "Цветах греческой поэзии" (1811, примечания к третьей идиллии Мосха) приводит рассказ Плиния о любви дельфи-

¹ Ср. В. Иванов. ⁷, Дионис и прадионисийство". Баку, 1923, стр. 227.— Ф. Зелинский. "Арион и трагедия". "Гермес", 1909, № 3, стр. 80—83.— Александр Веселовский. "Поэтика", т. І. СПб., 1913, стр. 331.— Ф. Зелинский. "Софокл и героическая трагедия". "Драмы Софокла", М., 1914, стр. XXXVI.— "Агіон" Крузиуса в энциклопедии Pauly-Wissowa.

² Французская энциклопедия входила в состав пушкинской библиотеки.

³ Œuvres, t. I, Paris, 1811, pp. 164—166.—Œuvres choisies, t. I, Paris, 1821, pp. 100—101.

⁴ Северный Вестник", 1893, № IX.

нов к музыке и юношам и упоминает в связи с этим о "басне Ариона" (стр. 203 и 326).

В "Подражаниях и переводах из греческих и латинских стихотворцев" А. Ф. Мерзляков напечатал гими Дионису (ч. II, 1826, стр. 24—27). Гими повествует о нападении морских разбойников на Диониса, о его похищении, о "мудром" кормщике, узнавшем в прекрасном юноше бога, о превращении разбойников в дельфинов, о спасении кормщика. Здесь нет имени Ариона, хотя некоторые черты сходства с его историей имеются.

У русских поэтов — предшественников и современников Пушкина — образ Ариона нам не встретился, хотя ими широко разработана тема о пловце, терпящем крушение.

Гораздо существенней прочих упоминаний Ариона для Пушкина был "Отрывок из сочинения об искусствах", напечатанный в альманахе С. Е. Раича и Д. П. Ознобишина "Северная Лира" на 1827 г. (Москва, 1827, цензурное разрешение от 1 ноября 1826 г.), где дается пересказ истории Ариона. Сообщая разного рода анекдоты о древнегреческих музыкантах и певцах, Делибюрадер-Ознобишин, между прочим, пишет:

"Кому неизвестна также История Ариона Метемнийского? Осыпанный дарами Периандра, Тирана Коринфа, радостный плыл он на корабле в свою отчивну Лесбос, как вдруг матросы сговорились между собою убить его, чтоб овладеть всеми его сокровищами. Тщетно обещался Арион добровольно уступить им оные; тщетно со слевами просил их, чтоб они только пощадили его жизнь. Злоден были неумолимы. Видя неизбежную свою гибель, он заклинал их всем священным, чтоб они дозволили ему в последний раз сыграть на лире. Не охотно и с трудом на сие согласились.

Тогда Поэт, исполненный высокого вдохновения, взыграз свою прощальную песнь, и, перелив в струны, с невыразнмой гармониею, все волнения души, бросился в волны. Но поверите ль, о силы чудес! невец не погиб. Дельфин, плывший близ корабля, прельщенный сладостию песней, принял его на хребет свой и благополучно донес его к мысу Тенара" (стр. 348—349).

В другом месте автор, касаясь поэтического рассказа о "выкупе Барда", называет Барда "новым Арионом" (стр. 392).

Пушкин, несомненно, читал "Отрывок из сочинения об искусствах", так как в том же 1827 г. набросал черновик статьи о "Северной Лире"² (в черновике, впрочем, нет упоминания об "Отрывках"). И весьма вероятно, что именно рассказ Ознобишина (неполный и неточный, написанный без обращения к Геродоту и Овидию)³ оживил предание об Арионе и натолкнул Пушкина на мысль по-своему использовать античное предание.

¹ Указанием на эту важную для Пушкина статью я обязан Д. П. Якубовичу.

² П. Е. Щеголев. "Неизданнаястатья Пушкина об альманахе «Северная Лираа". "Пушкин и его современники", т. XXIII—XXIV, 1916, стр. 7—8.

³ На компилятивный характор статьи Ознобишина указал Н. Половой ("Московский Телеграф", 1827, № 3, стр. 245).

Пушкинский "Арион" создавался в период ликвидации движения декабристов, суровой расправы над участниками восстания, усиления реакции во всех областях общественной жизни.

П. А. Вяземский в стихотворении "Море", посланном Пушкину, пишет:

Сюда, поэзии жрецы! Сюда, существенности жертвы! Еще эдесь светит пламень мертвый, Еще эдесь живы мертвецы.

Раздумывая о жертвах, Вяземский высказывает Пушкину свои соображения относительно его дальнейшей тактики в отношении правительства: "Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновенен в общей буре, но должен также и на будущее время дать поручительство о законности жития своего, то-есть, обещание, что будешь писать единственно для печати, и разумеется, дав честное слово, хранить его ненарушимо. Другого для тебя спасения не вижу" (курсив мой. Г. Г.).

В это же время Пушкин был обеспокоен слухами о том, что "Николая Т<ургенева» привезли на корабле в П. Б." "Вот каково море наше хваленое!", — замечает он Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г.

Страстные и горькие строки стихотворения "Так море древний душегубец", клеймящие "гнусный век", являются своего рода прологом к пьесе о гибели челна декабристов и судьбе самого поэта — к "Ариону", написанному через год.

После возвращения из михайловской ссылки Пушкин продолжает много и упорно думать о декабристах, их деле и судьбе (письма, "Записка о народном воспитании", послание "В Сибирь" и пр.).

В период ликвидации движения декабристов и политической реакции Пушкин создает "Пророка" (1826) и "Поэта" (1827), в которых формулирует свой взгляд на природу и назначение поэта. Оррмула действенного поэтического служения— "Глаголом жги сердца людей"— высказывается поэтом в атмосфере большой исторической трагедии.

Такова историческая и психологическая обстановка, в которой зародилась у Пушкина мысль об Арионе, художественном реформаторе, спасенном от гибели благодаря своему поэтическому дару.

Первоначальный набросок "Ариона" сделан Пушкиным в Петербурге через три дня после первой годовщины казни декабристов— 16 июля 1827 г.

Необычайная судьба постигла эту пьесу. Три года "Арион" лежал без движения у Пушкина. Ни в одном из известных нам документов

¹ О пушкинском понимании назначения повта см. подробнее в моих статьях "О мнимом и действительном Пушкине" ("Новый мир", 1937, № 6) и "Выгляды Пушкина на искусство поэзии" (печатается в № 8 сборников "Звенья").

этих лет, — писем, записок и т. п. Пушкина и его близких, — мы ненаходим упоминания об "Арионе". Поэт, повидимому, считал опасным не только печатать, но даже говорить о нем в обстановке террора. Только через три года "Арион" был без подписи напечатан в № 43 "Литературной Газеты" от 30 июля 1830 г. Отсутствие подписи вызывалось, повидимому, желанием Пушкина избежать возможных "применений". Пьеса появилась тоже без подписи и в книге "Венера, или Собрание стихотворений разных авторов", выпущенной в 1831 г. (цензурное разрешение от 18 сентября 1830 г.) "иждивением московского купца" О. И. Хрусталева.

Больше при жизни Пушкина "Арион" нигде, ни с подписью, ни анонимно, не печатался. Ни разу не включил его поэт и в собрания своих стихотворений. Пушкин, по всей вероятности, решил в виду острого политического смысла пьесы не раскрывать своего авторства.

И после смерти Пушкина его авторство долгое время оставалось неизвестным. В собрания сочинений, изданные в 1838—1841 гг., "Арион" не включен. Анненков смог включить его только в дополнительный том своего издания. Так, с подписью автора, "Арион" появился впервые лишь через тридцать лет после смерти поэта. Н. М. Лонгинов, напечатавший "Ариона" в № 3 "Современника" за 1857 г., писал, что он "сообщает стихотворение Пушкина, хотя и напечатанное, но не вошедшее ни в одно из изданий его сочинений" и "едва ли знакомое многим читателям". Лонгинов подчеркивал, что "хотя под этой пьесой не было выставлено имени Пушкина, тем не менее принадлежность ее поэту несомненна и положительна". Вместе с тем он, как и Анненков, указал что пушкинский "Арион" основан на "поэтическом предании" о древнегреческом поэте и музыканте.¹

В настоящее время мы располагаем только черновым автографом "Ариона". Веловой текст, с которого производился набор пьесы, утрачен.3

Основной набросок сделан выцветшими чернилами; затем идут поправки карандашом и темными чернилами. Пушкин, повидимому, начал

^{1 &}quot;Сочинения М. Н. Лонгинова", т. І, М., 1915, стр. 139, 140. — Ср. К. П. Богаевская. "Пушкин в печати за сто лет (1837—1937)". М., 1938, № 392. — Ср. "Сочинения Пушкина", изд. П. В. Анненкова, т. 7 (дополнительный), стр. 41—42 ("подлинник руки Пушкина найден нами в бумагах его" и т. д.).

² Государственный Музей А. С. Пушкина, тетрадь № 2367, л. 36.

З Отдельные варианты публиковались с рядом неточностей и ошибок Л. Н. Майковым ("Материалы для академического издания...", СПб., 1902, стр. 264), П. О. Морозовым (изд. "Просвещения", т. II, стр. 412, и старое академическое издание, т. IV, стр. 353), В. Я. Брюсовым (т. I его издания, 1920, стр. 266). Л. С. Гинзбург в докладе "О стихотворении Пушкина «Арион»" в Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности 19 ноября 1922 г. сообщил, на основании изучения автографа, месколько вариантов стихов "Ариона" ("Пушкин", сб. 1-й, под редакцией Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 290—291), но доклад этот остался неопубликованным.

переработку наброска для печати через несколько лет — перед сдачей в "Литературную Газету" — и работал в несколько приемов. Но в сохранившейся рукописи он не довел работу до конда.

В первоначальном наброске пьесы нет заголовка. Он появляется только тогда, когда происходит первая правка черновика карандашом: поэт пишет "Орион", но при последующих исправлениях "О" переправляет чернилами в "А".

Пушкин, как полазывает автограф, первоначально ведет рассказ в первом лице. Затем, подготорляя пьесу для печати, начинает место-имения первого лица ("нас", "я") заменять местоимениями третьего лица ("их", "он"). Но не кончает — на 13-м стихе работа обрывается. Пушкин, видимо, колебался: первое лицо подчеркивало личную и идейную связь поэта и пловцов, а это могло вызвать вполне определеные "применения"; замена же первого лица третьим требовала коренной переработки последних трех стихов. В конце концов Пушкин, по всей вероятности, решил, что имя Ариона может "заслонить" общественно-исторический смысл пьесы, — и в окончательной редакции оставил первое лицо. 1

"Нас было много на челне" — поэт включает себя в круг декабристов. Чрезвычайно смелое признание, политическая значимость которого очевидна! Характер этого включения соответствует историческим фактам. Поэт рассказывает о том, что делали пловцы: одни "парус напрягали", другие гребли, "кормщик умный" управлял челном. Таким образом каждый из пловцов делал свое дело, содержанием которого являлось движение челна к поставленной цели. Поэт в управлении челном не участвовал — он пел пловцам. Веря в их дело, поэт стал певцом их идей.

В обстановке последенабрьской политической реакции Пушкин, понятно, не мог печатать такого рода высказывания за своей подписью.

Большое значение для правильного понимания замысла Пушкина имеет его работа над 13-м стихом. В первом варианте речь идет о выражении радости по поводу спасения. Но это не удовлетворяет поэта. Ведь, замысел пьесы несравненно шире: он охватывает не только личное, но и историческое. Так рождается замечательный стих "Я гимны прежние пою", носящий декларативный характер. Острый политический смысл этих слов настолько ясен, что Пушкин решает заменить их другой редакцией. Он набрасывает третий вариант — "Спасен Дельфином [я] пою". Этот вариант как и заглавие показывают, что в своем первоначальном замысле Пушкин исходил из античного предания об Арионе.² Если бы

¹ В. Брюсов в комментарии к "Ариону" ошибочно утверждает: "В рукописи сначала написано в третьем лиде" ("Сочинения Пушкина", т. I, ч. 1, М., 1920, стр. 296). Ошибку эту повторяет Н. Л. Бродский в "Биографии Пушкина" (М., 1937, стр. 480).

² По поводу одного варианта 13-го стиха Ю. М. Соколов высказал догадку: "Образ дельфина, на котором спасся поэт, — может быть намек на Николая I" ("Пушкин", сб. 1-й, под редакцией Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 291). Это сближение неосновательно: в атмосфере декабрьской трагедии у Пушкина не могла возникнуть мысль о Николае как спасителе!

поэт, работая над стихотворением, не думал о судьбе Ариона, он не мог бы написать "Спасен Дельфином". Но появление дельфина в качестве спасителя, являющееся по выражению Геродота "l'évènement le plus merveilleux", не вяжется с общей реалистической концепцией пьесы и ослабляет ее идейную значимость. В окончательной редакции Пушкин восстанавливает, поэтому, наиболее удачный и яркий вариант — "Я гимны прежние пою".

Какой "человеческий смысл" выражен в "Арионе"? В дореволюционном литературоведении, на ряду с тенденцией затушевать исторический и политический смысл "Ариона", существовала и противоположная тенденция— свести весь смысл пьесы к взаимоотношению поэта и декабристов.

Другую точку зрения на "Арион" высказал уже В. Е. Якушкин: "Аллегорически, в поэтической картине изобразил Пушкин, в немногих строках, вкратце всю историю своих отношений к заговорщикам, их судьбу и свое последующее одиночество... Несмотря на аллегорию, картина по отношению к Пушкину вполне верна истине. Он был только певцом тех идей, которые лежали в основе общественного движения 20-х годов и деятельности тайных обществ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовых деятелей, певец же уцелел, буря случайно его пощадила".3

Наконец С. И. Любомудров, подчеркнув автобиографическое значение "Ариона", отметил вместе с тем, что стихотворение это "имеет и более общий смысл" — "в нем выражается идея о высоком призвании поэта".4

Отдельные верные замечания, направленные каждое на одну из сторон сложного целого, не могли раскрыть подлинного смысла "Ариона". И потому масштабы и глубина целого оставались не вполне выясненными.

Пушкин в своем замысле только исходит из факта, данного античным преданием. Но он разрушает традиционную фабулу и на ее элементах создает совершенно новый образ. Древний поэт поет священную песнь Диониса. Новый поэт поет гими свободы. Древнего поэта чудесным образом спасает дельфин. Спасение нового поэта совершается естественным образом. В рассказах античных писателей нет политики. У Пушкина она лежит в основе стихотворения.

Плывущие в челне отнюдь не враждебны, как геродотовские корабельщики, путешественнику-певцу. Взамен этого Пушкин относит себя

¹ Интересно наблюдение Д. И. Выгодского: "Из двенадцати случайно выбранных стихотворений Пушкина наиболее часто встречаются звуки ρ и κ в «Арионе». Иначе говоря, в нем преобладают звуки, входящие в состав основного образа, ставшего в данном случае звукообразом" ("Из ввфонических наблюдений", "Пушкинский сборник намяти С. А. Венгерова", М.—П., 1922, стр. 52). Следует также отметить, что звуки ρ и или оба вместе встречаются в каждом стихе "Ариона".

² Ср. Пушкин, "Собрание сочинений", под ред. С. А. Венгерова, т. IV, 1910, стр. XXXVIII (комментарий Н. О. Лернера, там же приводится мнение Н. Ф. Сумцова).

³ "О Пушкине". М., 1899, стр. 30.

^{4 &}quot;Античные мотивы в поэзии Пушкина". Изд. 2-е, СПб., 1901, стр. 38.

к числу пловцов ("нас было много"). У Пушкина их связывает идейное родство: певец поет песни, которые им близки, ими любимы. Им всем угрожает одна и та же опасность. Буря— "вихорь буйный". Этот образ расширен Пушкиным до исторических масштабов. Но подлинный— одиозный для правительства— смысл, ради которого и писалось стихотворение, заслонен именем Ариона. О чем пел певец, к чему стремились пловцы? Ответить на этот вопрос нетрудно: их всех воодущевляла мысль о свободе.

Переход в "Арионе" от грозного моря к солнечному берегу, — от смерти к жизни, — сопровождается изменением жизнеощущения, но не взглядов. Поэт говорит о неизменности своих идейных позиций. И продолжает свое поэтическое служение в новой обстановке. Это — важнейший момент. Вместе с тем меняется его чувство жизни — становится более ярким. "Риза влажная", "Сушу на солнце под скалою" — это так конкретно, так ярко, что образ кажется почти осязаемым физически. В этих словах с огромной силой выражено ощущение телесности бытия.

Имел ли Пушкин в виду конкретное лицо, говоря о "кормщике умном"? Образ этот создан Пушкиным и, разумеется, не случайно введен в стихотворение. Характеристика кормщика как умного человека, его гибель, местоимение "наш", идейная общность пловцов и певца—всё это заставляет предполагать какой-то конкретный прообраз кормщика.

Высказывалось предположение, что Пушкин, вероятно, разумел К. Ф. Рылеева. Более вероятно, однако, что мысли Пушкина при обдумывании замысла обращались к образу П. И. Пестеля. После встречи с Пестелем 9 апреля 1821 г. в Кишиневе, как известно, Пушкин отметил: "умный человек во всем смысле этого слова", "один из самых оригинальных умов, которых я знаю". В X главе "Евгения Онегина" (1830) Пушкин также подчеркнул ведущую роль Пестеля в декабристском движении.

В самом факте опубликования "Ариона" можно видеть стремление Пушкина дать знать о себе друзьям-декабристам. Ведь писать им нельзя. Но газета может дойти в "каторжные норы". Друзья узнают пушкинский стих и без подписи— "ех ungue leonem"... Узнают, что поэт "гимны прежние поет".

Факт неоднократного использования Пушкиным образов, содержащихся в "Арионе" (море, пловец, ладья), свидетельствует о жизненноважном значении этой пьесы для поэта.

¹ Об употреблении Пушкиным слова "риза" в "Арионе" и др. см. у В. В. Виноградова ("Язык Пушкина". "Асаdemia", 1935, стр. 179): "Для пушкинского языка карактерны свобода и смолость выбора церковнославянских выражений, подвергающихся трансформации", утрачивающих свой "церковнобытовой или религиозный колорит" Ср. в оде Горация "Quis multa gracilis..." (I, 5) образ "uvida westimenta".

² Ср. Н. О. Лернер. Пушкин, "Собрание сочинений", под ред. С. А. Венгерова, т. IV, 1910, стр. II. — П. Е. Щеголев. "Акафист Пушкина". "Пушкин и его современтики", т. XV, 1911, стр. 33. — Н. Лернер, там же.

Последний раз имя Ариона 1 встречается у Пушкина в конце 1835 г. В письме к П. А. Плетневу из Михайловского поэт пишет: "Ты требуешь имени для Альманаха, назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла: шуточкам привязаться не к чему".

"Шуточкам" было к чему привязаться, если бы правительство Николая I узнало подлинный поэтический и политический смысл этого слова. Желание назвать альманах именем Ариона говорит о том, что Пушкин крепко помнил о декабрьской трагедии.

Пушкин и Арион оба были поэтами, оба были художественными реформаторами, оба пережили смертельную опасность, оба спаслись. Эти сходные черты и побудили Пушкина использовать античный образ. Но он переплавляет его в соответствии со своим целями.

Пушкин полагал "полноту и равновесие чувств, тонкость соображений" характерной особенностью греческой поэзии, не допускавшей "лишнего, неестественного в описаниях, напряженности в чувствах". В "Арионе" нет и следа украшений Овидиева рассказа об Арионе. В нем нет и следа дидактизма эпиграммистов и их подражателей.

Для пушкинского "Ариона" характерны простота формы, строгость слова, пластичность образа. В этом "Арион" созвучен греческой поэзии. В этом "Арион" приближается к той "норме и недосягаемому образцу" греческого искусства, о которых писал Карл Маркс. Но вмэсте с тем, в "Арионе" есть свойственное поэзии нового времени стремительное движение, в котором у Пушкина находят выражэние лирическое переживание и чувство история. Этот своеобразный сплав античной и современной манеры поэтического выражения и обусловливает огромную впечатляющую силу пушкинского "Ариона".

"История народа принадлежит поэту", — утверждал Пушкин. Идея эта имела определяющее значение для его творчества. Не менее ясно сознавал Пушкин, что история поэта принадлежит народу.

В "Арионе" Пушкин создал образ свободолюбивого поэта — "таинственного певца" — участника большого трагического события в жизни своего народа.

¹ Среди рукописей Пушкина на листе, содержащем перечень маленьких трагедий, план статьи о народных песнях и черновики из "Путешествия Онегина", имеется запись:

Зачем ты бурн(ый Аквилон) Нас было много (на челне)

Не имелось ли внутренней связи между обоими стихотворениями и не носила ли помета "1824 Мих" под текстом "Аквилона" защитного характера, т. е. не был ли и он написам после 14 декабря?

ЕЛЕНА ГЛАДКОВА

ПРОЗАИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ ПУШКИНА

из жизни "Света"1

J

Неоконченные прозаические наброски Пушкина из светской жизни² — только часть большой темы — "Пушкин и свет", очень важной для понимания жизни и творчества писателя.

Выделение неоконченных прозаических набросков законно, так как они позволяют проследить, как на материале "света" Пушкин пробовал создать повесть из современной жизни, борясь со штампами изображения "света" в сатирически нравоучительной и отчасти романтической повести.

Разнообразные представители "света" явились действующими лицами большинства неоконченных прозаических набросков Пушкина. Пушкин как бы хотел продолжить в прозе сатирическое изображение "света", привлекшее его внимание в комедии Грибоедова "Горе от ума". И в VIII главе "Евгения Онегина", сначала названной "Большой свет", которую Пушкин писал с 24 декабря 1829 г. по 25 сентября 1830 г., и в набросках "Гости съезжались" и "На углу маленькой площади" — Пушкин шел за Грибоедовым. За образами Пушкина, как и за действующими лицами "Горя от ума", можно увидеть реальных представителей светского общества. 3 Но Грибоедовская традиция, как и психологический

¹ В этой статье я многим обязана исключительно внимательным советам и постоянным консультациям Дмитрия Петровича Якубовича, который был моим руководителем в работе.

² Дошедшие до нас прозаические наброски из жизни "света" показывают упорную работу Пушкина над этой темой. С нею связаны следующие наброски: "Наденька" (1819), план "L'homme du monde" (1828), "Гости съезжались" (1828—1830), "Роман в письмах" (1829), "На углу маленькой площади" (1830—1831), "Отрывок" (1830), "Роман на кавказских водах" (1831), "Русский Пелам" (1835; планы 1834—1835 гг.), "Мы проводили вечер на даче" (1835), "Египетские ночи" (1835).

³ В черновике, соответствующем XXVI строфе печатного текста VIII главы "Евгения Онегина", намечена целая галерея портретов, своеобразно перекликающаяся с сатирическими образами "Горя от ума".

показ светских людей в интересовавших Пушкина поэмах Баратынского "Бал" и "Наложница", были характерны в особенности для поэмы. В русской прозе конца 1820-х годов тема "света" затрагивалась гораздо более робко, лишь в нравоучительно-сатирических и романтических повестях. Так Бегичев, заканчивая свой нравоописательный роман "Семейство Холмских", писал: "Мы почти не коснулись сословия знатного богатого дворянства. А какое обширное поле..." Сам он отчасти изобразил жизнь московского светского общества (балы у Фольгиных, азартная карточная игра у Змейкина, салон Свияжской). Любопытно, что Бегичев широко использовал для изображения быта московского дворянства "Горе от ума" Грибоедова (образы Фамусова гр. Хлестовой и др.).

Схематичность образов светских людей, грубое разделение героев на положительных и отрицательных, нравоучительная тенденция в изображении действующих лиц романа — всё это было характерно не только для Бегичева, но и вообще для нравоописательной повести конца 1820-х годов. Эти же недостатки присущи очеркам жизни "света", появившимся в "Северной Пчеле", а также и роману Булгарина "Иван Выжигин". В ряде глав последнего ("Панорама московского общества", "Общество на теплых водах" и др.) Булгарин не столько описывает, сколько просто перечисляет персонажей, подчеркивая, что "лучшее московское общество" состояло из стариков, отслуживших свой век, из "матушкиных сынков" и "огромного стада всякого рода чиновников". Но портретов, образов светских людей здесь еще нет. Даже вводя в свой роман выигрышную для описания "света" тему, использованную не раз западными (В. Скотт, Бульвер) и русскими романистами — "общество на водах", Булгарин и тут не может выйти за пределы примитивного, одностороннего описания.3

В 1830-е годы, когда прозаики искали пути изображения "жизни как она есть", интерес к теме "света" усиливается. Жанр "светской" повести становится популярным. Некоторые произведения этого жанра привлекли к себе внимание Пушкина.

Бестужев-Марлинский, хорошо знавший жизнь столичного дворянства, уже в первых своих повестях из этой жизни— "Вечер на Кавказских водах в 1824 году" и "Вечер на бивуаке"— изображал светскую молодежь, затрагивая, между прочим, тему положения девушки в "свете" ("Часы и зеркало"). Наиболее типично для романтической "светской

¹ Бегичев. "Семейство Холмских", 1-е изд., 1832; 2-е изд., 1833; 3-е изд., 1841.

² Ф. В. Булгарин. "Иван Выжигин", ч. И. СПб., 1829. — "Северная Пчела", 1827. № 31, 138; 1829, № 97; 1834, № 240.

³ Примитивность психологической обрисовки оставалась характерной чертой этого жанра в 1830-е годы. См. "Петербургские нравы" (1833) и "Вся женская жизнь в нескольких часах" (1833) Сенковского.

⁴ Белинский. "О русской повести и повестях Гоголя".

повести" "Испытание". На фоне сатирического описания "света" изображены брат и сестра Стрелинские, даны их психологические характеристики, введена социальная тема (рассуждение Стрелинского о положении крестьян), показана сильная личность в конфликте с окружающим ее пустым "светом".

Пушкин, как известно, ценил "ум и чудесную живость" повестей Бестужева-Марлинского, не раз отмечал прозу Вяземского и Марлинского как образец прозаического языка. Но в целом романтическая повесть Бестужева-Марлинского была чужда Пушкину и патетикой описаний и даже авторским отношением к светским людям.

Неслучайно серьезное внимание Пушкина привлекли светские повести Павлова и особенно В. Ф. Одоевского, где в систему романтической повести включены реалистически-психологические зарисовки светских женщин. В пушкинской оценке повестей Павлова, вышедших в 1835 г., чувствуется стремление разрешить волновавший его вопрос о языке художественной прозы. Положительно отмечая чистый и свободный слог, Пушкин возражает против "близорукой мелочности нынешних французских романистов" в описаниях Павлова. В замечании о том, что "Именины" требовали "более глубины в знании человеческого сердца", чувствуется неудовлетворенность психологическими зарисовками Павлова.

В общем же Пушкин оценил повести Павлова как истинно занимательные рассказы. "Свет" в целом не был изображен Павловым, но характеристику светских людей он пытался связать с социальными вопросами (драма крепостного художника в "Именинах", отношение полковника к солдату в "Ятагане"). Это также должно было заинтересовать Пушкина. Как известно, острота постановки социальных тем вызвала запрещение перепечатки "Трех повестей" Павлова.

Повести В. Ф. Одоевского "Княжна Мими" и "Княжна Зизи" (1834) были известным этапом не только в творчестве В. Ф. Одоевского, но и в истории "светской" повести. Они создавали жизненные женские образы, рисовали картину взаимоотношений и своеобразных противоречий в жизни светского общества и таким образом наметили пути для создания реалистической повести.

В сущности В. Ф. Одоевский уже осуществлял то реалистическое изображение "света", которое ранее намечал Пушкин в набросках 1828—1832 гг. Обе повести В. Ф. Одоевского встретили положительный отзыв Пушкина. Он отмечает в письме к В. Ф. Одоевскому "истину и занимательность" "Княжны Зизи" и ставит ее выше фантастической "Сильфиды".

¹ Бестужев-Марлинский. "Вечер на кавказских водах", 1830 г., "Вечер на бивуаке" 1823 г., "Испытание", 1830 г.

Любопытно отметить некоторое сходство в выборе темы у Пушкина и В. Ф. Одоевского. В повести "Катя или история воспитанницы" В. Ф. Одоевский показывает положение воспитанницы у эгоистичной, капризной графини. Эта тема была затем раскрыта в "Пиковой даме" Пушкина.

В большинстве же случаев светская повесть создавала штампы сатирического обличения пустоты "света" без раскрытия его социальной сущности, шаблонные образы "великосветской львицы" и ее поклонника.

С этими штампами боролся Пушкин в своих критических статьях о прозе, в художественной своей практике (VIII глава "Евгения Онегина" и прозаические наброски из жизни "света").

П

Начиная в 1827 г. работу над "Арапом Петра Великого" и изображая светское общество Франции, Пушкин вносил в это описание свои мысли о "свете". Картина дворянского светского салона была дана в следующих строках: "Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управлять ее миениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания". Намеком на склонность светского общества к сплетням звучит фраза: "ничто не скрывается от взоров наблюдательного света". Развитием темы XVIII в. "щеголи" и "петиметры", но уже в виде нового не схематического, а живого образа, явилась фигура петиметра XVIII в. — Корсакова.

Первые пушкинские зарисовки жизни французского светского общества отчасти уже намечали и некоторые темы из жизни русского "света".

В 1828 г. параллельно с последними главами "Евгения Онегина" Пушкин набрасывал по-французски план романа из светской жизни "L'homme du monde" ("Светский человек"). Приводим его в русском переводе:

Светский человек ухаживает за модной дамой (имя). Он ее соблазняет, но женится на другой по расчету. Жена делает ему сцены. Та признается во всем мужу — утешает ее — посещает ее. Светский человек несчастен — честолюбив.

Появление молодой особы в свете.

Но в свете мало ль что творится О чем у нас не помышлял, Быть может, ни один журнал!

¹ Впервые напечатана в сб. "Новоселье", ч. II, 1834 (цензурное разрешение от 18 апреля 1834 г.). Пушкину эта повесть, очевидно, была известна, так как в той же части "Новоселья" напечатан его "Анджело".

² Ср. зачеркнутый вариант беловой рукописи, строфа XXVI:

Зелия любит тщеславного эгоиста; она окружена колодным недоброжелательством света; благоразумный муж. Любовник, который смеется над ней. — Подруга, отдалившаяся от нее. Становится легкомысленной, ведет себя скандально с человеком, которого не любит. — Муж ее удаляет. — Она совсем несчастна. — Ее любовник, ее друг.

- 1) Сцена из великосветской жизни на даче у гр. L. Комната полна, около чая приезд Зелии. Она отыскала глазами светского человека и с ним проводит целый вечер.
- 2) Исторический рассказ об обольщении. Связь. Любовник афиширует ее.
- 3) Появление в свете молодой провинциалки. Сцена ревности. Неодобрение света.
- 4) Слух о женитьбе. Отчаяние Зелии. Она во всем признается мужу. Благоразумный муж. Свадебный визит. Зелия заболевает возвращается в свет, за нею ухаживают и т. д. 1

Этот план до сих пор совершенно выпадал из поля зрения исследователей и комментаторов.

Он распадается на две части: первая до слов "его друг" ("son ami") почти конспект истории светского человека и Зелии; вторая, написанная на обороте листа, представляет собою переработку первой и распределение материала по главам.

"L'homme du monde" явился первым замыслом светского романа у Пушкина. Основная тема— стремление светской женщины жить вне "всех условий света", конфликт ее с окружающим обществом.

В первой части плана намечались характеры двух главных героев. Светский человек, женатый в провинции на аристократке, соблазняет Зелию. От этого варианта Пушкин отказывается, зачеркивает фразу "женатый в провинции на аристократке". Дается следующий сюжет: "Светский человек ухаживает за модной дамой (имя). Он ее соблазняет, но женится на другой..." И только два штриха говорят о состоянии героя: "светский человек несчастен, честолюбив". В описании положения героини указывается еще одна его черта: "Зелия любит тщеславного эгоиста".

Характер героини почти не раскрыт, но указано, что "она окружена холодным недоброжелательством света" и любовник "смеется над ней".

Первый пункт второй части плана намечал сцену из жизни большого света на даче у гр. L. Он явился непосредственной основой наброска "Гости съезжались".

Второй пункт вводит новый эпизод "Исторический рассказ de la séduction" (об обольщении). Возможно, что Пушкин хотел ввести сюда эпизод рассказа о Клеопатре. Именно в обстановке вечера на даче

¹ А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VIII (второй полутом — варианты), Академия Наук СССР, 1939, стр. 554.

рассказан этот эпизод в наброске 1835 г., в котором героиня носит фамилию Вольской, как и в наброске 1828 г. "Гости съезжались".

Третий пункт уточнен по сравнению с первой частью плана: там просто появление в "свете" молодой девушки, здесь — молодой провинциалки.

Четвертый пункт развивает положение первого плана.

Уже в плане проявился интерес Пушкина к элементам психологической повести. Психологические моменты выступают и в истории Зелии и в истории светского человека.

Но создаваемая на основе этого плана повесть "Гости съезжались" вышла за пределы только психологической повести. Разговор испанца и русского о "свете", об аристократии сразу же вводил социальную тему. Глава (ср. т. VIII), обычно печатаемая как третья, является, собственно говоря, не самостоятельной главой, а вариантами разговора испанца и русского в I главе. Первая фраза испанца — "Вы так снисходительны и откровенны" — непосредственно вытекает из конца диалога: "и разговор их принял самое сатирическое направление". В III главе это "сатирическое направление" фактически показано. Достаточно напомнить, что общество названо "малым стадом", в котором человек, не принадлежащий к нему, будет "принят, как чужой, не только иностранец, но и свой". Элементы сатирического описания "света" были уже и в первом диалоге. 1

В первой же главе был нарисован ряд сатирических портретов представителей "света". Такова "важная княгиня Г...", осуждающая Вольскую, отец Вольской, нанявший дочери "учителей разного рода" и потом забывший о ней, молодой Вольский, "привыкший подчинять свои чувства мнению других", Б., "ум которого почерпнут из «Liaison dangereuses»", а "гений выкраден из Жомини", Р., "который красит волосы и каждые пять минут повторяет с упоением: «Quand j'étais à Florence»", "барон W— девочка в мундире".2

В VIII главе "Евгения Онегина", создававшейся параллельно с наброском "Гости съезжались" (1828—1830), Пушкин подчеркивал: "И ныне музу я впервые на светский раут привожу". Картина светского раута сего

^{1 &}quot;Однако мне хочется дать Вам понятие о нравах нашего большого света"... В академическом издании "Собрания сочинений" Пушкина (т VIII) этот отрывок печатается как вариант III отрывка наброска "Гости съезжались". Может быть следовало объединить III отрывок с рассуждениями испанца и русского в I отрывке, так как тематически они непосредственно связаны.

² Д. П. Якубович обратил мое внимание на роман в письмах А. Зражевской "Картины дружеских связей" (1833, т. І, № 153 личной библиотеки Пушкина). Героиня его тоже носит имя Зинаиды Вольской, и ряд деталей этого романа, написанного поэже набросков Пушкина, странным образом совпадает с ними (ср. собственные имена: Томские, Лидины, Павловское, ряд стилистических и сюжетных деталей). Зражевская как писательница пользовалась покровительством Жуковского и, очевидно, бывая в том же обществе, что и Пушкин, могла наблюдать тех же самых людей.

пустотой нарисована в первой главе повести "Гости съезжались". 1 Ироническое описание усилено словами испанца в III главе: "Всякий раз, когда я вхожу в залу княгини В. и вижу эти немые неподвижные мумии, напоминающие мне египетские кладбища, какой-то холод меня пронизывает". 2

На фоне галереи портретов "блестящих" представителей "света", ва которыми, повидимому, стояли реальные люди,3 и не менее сатирической картины светских вечеров, Пушкин создавал образ "великосветской львицы". Вольская отчасти повторяет черты Татьяны последних глав "Онегина", ее презрительное отношение к мишуре светского блеска при внешней зависимости от законов "света". Но в образе Вольской едва ди не сильнее намечено страдание непосредственной страстной натуры, не желающей подчиняться унизительным законам "comme il faut". Вольская — не традиционный портрет "великосветской львицы". Всем своим поведением, всем своим обликом вплоть до странного наряда, она нарущает светские приличия -- "власть несправедливого света". Она не скрывает своей любви к Минскому, хотя он как "светский человек" и готов ее любовь принести в жертву "своей лени и благоприличию". Страстные упреки Вольской вызывают ответ Минского всего "в двух словах" во II главе, являющейся завязкой драмы (повторение ситуации плана о Зелии).

"Роман в письмах", заменивший усложненную композицию наброска "Гости съезжались", дал "новые узоры" теме "света", показывая разницу "между идеалами бабушек и внучек", между Ловласом и Адольфом. В переписке действующих лиц Пушкин рисовал картину жизни светского общества 1820-х годов, как бы оглядываясь на "свет" эпохи декабристов. На это время намекает герой "Романа в письмах" Владимир в письме к другу: "...ты отстал отсв оего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году". Скрытая ирония по отношению к обществу 20-х годов сквозит в следующих строках: "Французская кадриль заменила Адама Смита. Всякой волочится и веселится, как умеет".

Владимир — новый герой не только по сравлению с Евгением Онегиным, но и с Адольфом. В письме Владимира Пушкин развивал свои мысли о положении старинного дворянства. Тема взаимоотношения дворянства и народа является основной в характеристике Владимира, по словам Лизы, "внука бородатого миллионщика".

Ср. с близкими определениями в письме к Вяземскому около 25 января 1829 г.
 Ср. в "Пиковой Даме" изображение старой графини.

³ Уже отмечалась связь образов З. Вольской с А. Ф. Закренской и некоторая автобнографичность Минского (А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. IV, "Academia", 1937, стр. 762). Возможно, что обозначенные только буквами фамилии других персонажей были намеками на реальных лиц.

То, что Владимир не принадлежит к старинной аристократии, как бы подчеркивает объективность его суждений, когда он говорит: "Я без прискорбия никак не мог видеть унижения наших исторических родов" и т. д. Рассуждение Владимира об аристократии связано с размышлением о положения народа. "Небрежение, в котором мы оставляем наших крестьян, непростительно. Мы оставляем их на произвол плута-приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает". Эти мысли предвосхищают мысли "Истории села Горюхина".

Первое письмо Лизы (и особенно в черновой рукописи) показывает интерес Пушкина к теме положения воспитанницы. Лиза говорит "Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц дальных родственниц, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки или несносные причудницы". Лиза рассматривает эти черты характера как результат униженного и двусмысленного положения воспитанницы.

Продолжая работу над новой повестью из светской жизни "На углу маленькой площади" (1830—1832), Пушкин изменял отчасти уже использованный им план "L'homme du monde". Изменился и облик героя: "Он (рассеянный, сатирический) лжет". Первый вариант (рассеянный, сатирический) намечал характер разочарованного и озлобленного человека, но впоследствии Пушкин оставил только одну черту, предопределяющую драму героини: "Он лжет".

В первой половине плана намечались картины жизни "света", связанные с развитием образа главного героя. Например: "явление в свет молодой девушки... У них будут балы покамест не выйдет замуж"; последняя часть плана должна была раскрыть взаимоотношения главных героев: "сцены в Коломпе — он ссорится".

Сохранившаяся черновая рукопись повести "На углу маленькой площади" показывает, что Пушкин не менее пяти раз переделывал текст, подчеркивая ряд деталей обстановки, внешности героини, ее отношения к "свету".1

Любопытно, что здесь Пушкин вместо непосредственного повествования (как в отрывке "Гости съезжались") начинал с описания обстановки. Переехав с "Английской набережной в Коломну", героиня сохранила свою прежнюю обстановку и привычки светской женщины. Но живет она вне "света" и иронически относится к нему. Так, в черновике "Женат, кажется, на Вронской..." она говорит Володскому: "Я так давно не выезжаю, что я совсем раззнакомилась с аристократическим вашим кругом". Последние три слова Пушкин заменил "с вашим высшим обществом", а потом зачеркнул "высшми", оттеняя этим ироническое отношение героини к "свету".

Д. П. Якубович. "Пушкин в работе над прозой". "Литературная учеба", 1930,
 № 4, стр. 46—64.

Сатирическое изображение этого общества дано в диалоге Зинаиды с Володским, причем любопытно, что язык, выражения нарочито грубы. Так, князь Горецкий — "известная скотина". Женат он на дочери "какого-то целовальника, нажившего миллионы, того певчего, как бишь его..." В черновике еще резче: "на побочной дочери парикмахера, нажившего миллионы. Ужасная дура".1

Всё это показывает, что сатирическое изображение "света", намеченное уже в отрывке "Гости съезжались" и "Романе в письмах", Пушкин усиливал и конкретизировал как сатиру на новую знать. Володской называет "светскими аристократами" тех, "которые протягивают руку графине Фуфлыгиной" "[Вэяточнице, толстой], наглой дуре..."

За пять лет пребывания в Москве и Петербурге Пушкин достаточно познакомился с новым светским обществом и молодежью 1830-х годов, выросшей уже вне идейного воздействия декабристов и событий 1812 г. Об этом новом светском обществе в 1829 г. он писал Вяземскому: "Мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы"; а в 1830 г. в письме к Е. М. Хитрово: ² "И среди этих то орангутангов я принужден жить в самое интересное время нашего века...".3

В своем дневнике (1833—1835) Пушкин с негодованием клеймил всю ничтожность занятий и интересов придворного общества — "большого света". Это была иная форма, но, по существу, продолжающая тему художественного наброска "На углу маленькой площади". Отношение к "свету" было единым у Пушкина-мемуариста и Пушкина-художника.

Разоблачение пустоты, развращенности и преступлений большого "света", которое находится в дневнике Пушкина, отчасти объясняет, почему, набросок "На углу маленькой площади" остался неоконченным. Полностью показать этот "большой свет", который Володской презирает и с мнением которого в то же время считается, едва ли возможно было по цензурным условиям. Ведь и дневник свой Пушкин писал для потомства. Взаимоотношения же Володского и Зинаиды без темы "света" не могли быть полностью раскрыты, ибо тема отношения обоих героев к "свету" играла здесь не меньшую роль, чем в предшествующих

¹ Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VIII, ч. 2, Академия Наук СССР, 1940, стр. 727.

² Оригинал по-французски (письмо к Е. М. Хитрово от 21 августа 1830 г.).

³ Любопытно сопоставить с этим письмом описание великосветских салонов Царского села, куда Пушкин приехал летом 1831 г.: "Здешние залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго" (письмо Вяземскому от 1 июня 1831 г.).

⁴ Резкие характеристики представителей новой знати, которые дает Володской (см. выше), как бы повторяются и во внешне спокойных записях дневника (ср. например, об Уварове).

набросках, хотя Зинаида, в отличие от Вольской и Лизы, совершенно порвала со "светом".

Володской, который на 10 лет моложе Зинаиды, — новый тип светского человека. Представитель старинного дворянства, как Минский, он уже не занимает определенного места в свете, а вынужден его завоевывать. Минский и Владимир близки самому Пушкину. Их молодость совпала с 1812 годом и преддекабристской эпохой. Может быть, указание, что Минский "порочным" своим поведением восстановил против себя "свет", содержит и намек на вольнолюбивую молодежь. 1

Рассуждение этих двух героев о русской аристократии, особенно фразы Владимира об уважении к историческому прошлому, о бездеятельности помещиков и о тяжелом положении народа — в сущности, мысли самого Пущкина.

Володской эгоистичный, стремящийся занять прочное положение в "свете", обманывающий любящую его Зинаиду, резко отличается от Минского и Владимира. Возможно, что для этого образа у Пушкина не было еще достаточно материала, что могло быть также одной из причин, помешавших закончить набросок "На углу маленькой площади".

В эти же годы Пушкин подготавливал к печати автобиографический "Отрывок" о положении писателя, являющегося светским человеком.² Он писал о публике, которая считает, что писатель "рожден для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы", осторожно нападал на Булгарина и других, требовавших от него поэмы об Арзруме. Сюда же вошла тема о положении старинного дворянства. При этом любопытно противопоставление писателя—представителя старинного дворянства— новой знати. "Он столь же дорожил тремя строчками летописца, в коих было упомянуто о предке его, как модный камерюнкер тремя звездами двоюродного своего дяди".

Прозрачность ряда намеков, очевидная автобиографичность "Отрывка", видимо, и помещали появлению его в печати. К теме о положении писателя в светском обществе Пушкин пробовал вернуться позднее, в период работы над "Египетскими ночами".

Во всех этих неоконченных прозаических набросках Пушкина схематическая сатира на светские нравы, характерная для сатирико-нравоучительной повести, заменялась резкой социальной сатирой на конкретное светское общество 30-х годов. Каждая из повестей затрагивает ряд социальных и литературных проблем. "Светская" повесть Пушкина прежде всего — разновидность повести о современной жизни.

¹ В черновом автографе эта тема звучит еще более отчетливо: "В первой молодости Минский, — своими мнениями (курсив мой. Е. Г.) и поведением заслужил также порицание света, который наказал его клеветою. Минский оставил его".

² На самостоятельность этого отрывка указал С. М. Бонди ("Новые страницы Пушкина", М., 1931, стр. 107—108).

Оставив на время эту тему, Пушкин пробовал раскрыть ее на материалах недавнего *исторического* прошлого.

Значение "Рославлева" в истории работы Пушкина над изображением "света" прежде всего в том, что в нем на фоне сатирической картины "света" Пушкин создал новый образ светской женщины и вместе с тем показал и образ новой русской женщины вообще. Насмешливо наблюдательное отношение Полины к "свету" развивает эскизные зарисовки образа героини "Романа в письмах". Полина, несомненно, самый глубокий и интересный характер женщины, намеченный Пушкиным.

Если Татьяна, тосковавшая среди неразвитых, ограниченных поместных дворян, всё свое стремление к лучшему воплотила только в любовь к Онегину, то Полина, умная и наблюдательная светская девушка, выступает против светского общества, этих "обезьян просвещения"; ей стыдно за них перед Сталь — передовой женщиной Франции.

Но самое главное и новое, что отчасти дает ключ к пониманию дальнейших произведений Пушкина, это та любовь к родине и русскому народу, которой полны речи Полины, когда она говорит о Сталь. "Но пускай она вывезет об нашей светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый простой народ и понимает его".

"Рославлев" подготовлен предыдущими набросками повести из светской жизни, как подготавливались ими и другие завершенные повести Пушкана ("Пиковая Дама"). "Рославлевым" Пушкин окончательно опрокинул всё, что было традиционным для "светской" повести. Простота изложения, почти конспективный характер описаний, насыщенность повести социальными вопросами, жизненный образ Полины — всё это отличало "Рославлева" как от нравоописательной, так и от романтической "светской" повести 30-х годов.

"Рославлев" уже отвечал тем требованиям, которые Вяземский, возражая против традиционной "светской" повести, предъявлял писателям, изображающим жизнь "света": "гостинный роман должен быть романом века сего".1

Ш

Стремясь нарисовать картину современной ему жизни, Пушкин, опираясь на спыт работы над "светской" повестью и историческим романом ("Арап Петра Великого"), подходил к созданию разных вариантов "светского романа". Так возникли планы и наброски сначала "Романа на Кавказских водах" (1831), а потом "Русского Пелама" (1834—1835). Эти замыслы вносят много существенно нового в эволюцию пушкинской повести.

¹ Б. Констан. "Адольф", перевод Вяземского, СПб., 1831, стр XIV—XV lib.pushkinskijdom.ru

От "Романа на Кавказских водах", начатого в сентябре 1831 г., остались три варианта плана и ряд замечаний и дополнений к этим вариантам. Все три плана намечают основную тему — общество на водах. Эта тема дважды названа в самих планах: Кавказские воды — семья русская (1-й план), "Les eaux — une saison, 2 кто живет на Кавказе" (2-й план), "Общество на водах" (3-й план). В планах же Пушкин набрасывал картину жизни светского общества на водах: "soirées [dans] — в калмыцкой кибитке — [jeux]... толки, забавы, гулянья".3

Действие романа должно было развиваться на фоне полной опасности и приключений жизни Кавказа 1810-х годов.

Ряд деталей 3-го плана показывает, что Пушкин настолько ясно видел отдельные сцены, что уже в стадии плана начинал набрасывать эти сцены. Так, например, он пишет о старике Кубовиче: "он плетется назад" или другая фраза: "Едет коляска с дамой московской — Хлапенко опаздывает, немец берет его место — «куда вы, Адам Адамович?»".

Вслед за В. Скоттом ("St. Rennans Well"), Бульвером ("Pelham") и у нас Бестужевым-Марлинским ("Вечер на кавказских водах в 1824 году") ⁴ тема "общества на водах", позволяющая обрисовать жизнь и нравы общества, его типы, манеры, костюмы, речи, охотно использовалась писателями, интересующимися жизнью "света". На "водах" общество во всех своих слоях как бы позировало перед художником-писателем. Но и эту тему Пушкин намечал разрешить по-новому, фиксируя в планах не только описание "общества на водах", но и ряд других картин: "Москва, сцена отъезда...", "Теперешнее состояние Кавказа и прежнее..."

Введение декабриста А. И. Якубовича и брата Корсаковой, встречавшегося с декабристами, может быть, должно было вплести в традиционный сюжет новую политическую линию. Строки о декабристах в "Путешествии в Арэрум", намек на них в "Отрывке" 1830 г. и "сожженная" осенью 1830 г. Х глава "Евгения Онегина" делают это предположение возможным.

Замысел нового романа (повидимому, "Дубровский") и стремление осуществить давнюю мечту о собственном журнале отвлекли внимание Пушкина от работы над "Романом на Кавказских водах".

Но почти параллельно с этим романом Пушкин снова начинает писать повесть из светской жизни, возвращаясь отчасти к материалам неосуществленных замыслов ("Гости съезжались", "Роман в письмах", "На углу маленькой площади").

¹ Работа Пушкина над "Романом на Кавказских водах" была проанализирована Н. В. Измайловым, впервые опубликовавшим планы этого произведения. См. "Пушкин и его современники", вып. XXXVII, 1929, стр. 68—99.

² Перевод: "Воды — сезон".

³ Перевод: "Вечера [в]", "[игры]"

⁴ Н. В. Ивмайлов. "Пушкин и его современники", вып. XXXVII, 1929, стр. 68-99.

IV

Взаимоотношения представителей светского общества и "маленьких людей" — такова была новая, окончательно окрепшая тема "Пиковой Дамы". Для нее Пушкин как бы пересматривал старые наброски повестей из светской жизни.

В связи с образом Германна был изменен взятый из "Романа в письмах" образ героини. Лиза гордится своим прошлым, иронически относится к "свету", подчеркивает свою независимость, Лизавета Ивановна— несчастное, забитое существо, вынужденное скрывать свое самолюбие.

Рассуждение Лизы о положении воспитанниц, об отношении к ним общества во время балов было использовано в эпизоде появления Лизаветы Ивановны на балу, причем отрицательно изображались светские люди, пренебрегающие ею, хотя она "была во сто раз милее наглых и холодных невест".

Эпиграф о кампаньонках ко II главе в сущности подчеркивал ту же мысль. Подпись под ним "Светский разговор" придавала оттенок пренебрежения фразе светской дамы. Эпиграф перенесен из черновика седьмого письма "Романа в письмах". Там он нес функцию простой картинки разговоров в "свете", в "Пиковой Даме" Пушкин подчеркивает этими фразами основную тему — о положении воспитанницы-

Тема "света", интересовавшая Пушкина и в его дневнике, была, как и в предыдущих повестях, фоном для описания главных героев. Но центр внимания Пушкина явно переместился: главные герои "Пиковой Дамы" в отличие от героев предыдущих прозаических набросков были уже представителями иной социальной среды.

Описывая тяжелое положение Лизаветы Ивановны, Пушкин отметил: "требовали от нее, чтобы она была одета, как все, то-есть, как очень немногие".

Это замечание заставляет вспомнить сатирическую характеристику "большого света" в наброске "Гости съезжались": "человек, не принадлежащий к этому малому стаду принят как чужой". В "Пиковой Даме" Пушкин осторожно развивал в сущности ту же мысль и, как бы подводя итоги своему отношению к "свету", подчеркивал, что те, которые считали себя "большим светом", на самом деле "очень немногие".

Насколько отрицательно воспринимался Пушкиным в эти годы "свет" — напоминает его письмо П. А. Осиповой 1835 г. (около 26 октября), где он, с возмущением передавая светские сплетни о своей семье, пишет: "...la vie toute süsse Gewonheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante et c'est un vilain tas de boue que le monde".1

¹ Перевод: "...хотя жизнь и сладкая привычка, но таит в себе горечь, от которой в конце концов делается противной, а свет — гнусная куча грязи".

Наконец, Пушкин начал работу над "Русским Пеламом". Это был последний роман из жизни современного ему общества, как бы замыкающий путь остальных прозаических набросков. "Русский Пелам", повидимому, должен был явиться своеобразным "Евгением Онегиным" в прозе.

Создавая планы своего "Пелама", Пушкин воспользовался рядом эпизодов из планов "Романа на Кавказских водах". Пелам, подобно А. И. Якубовичу, — человек вне условностей света. Похищение девушки, похороны отца, дуэль, игроки — всё это повторение эпизодов и персонажей планов "Романа на Кавказских водах".

Кроме того, была своеобразно использована тема драматического наброска "Скажи, какой судьбой" для показа светской жизни Петербурга.¹ Пелам, подобно брату Вальберховой, удаляется от скуки большого света, происходящей от бранчивости женщин, "в холостую компанию". Прием обозначения героев именами реальных лиц, уже примененный в планах наброска "Скажи, какой судьбой" и "Романа на Кавказских водах", широко использовался Пушкиным для "Русского Пелама". Такие имена, как Завадовский, Ф. Орлов, кн. Шаховской, Истомина, Грибоедов, Всеволожский, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев и др., уже не только намечали характеры, но и показывали, что Пушкин, как и в "Романе на Кавказских водах", брал материал для изображения "света" из окружавшей его в 10—20-е годы среды.²

С разработкой деталей для "Русского Пелама" связан небольшой план "Les Deux danseuses". Балет Дидло в 1819 г. — Завадовский, Истомина, ее любовные увлечения — всё это должно было дополнить описание светской жизни Петербурга.

Основная ситуация "Русского Пелама": Пелам и двоюродный брат его, "médiocre fréluquet" влюблены в одну девушку, враждебно относятся друг к другу, брат тайно преследует Пелама, сватается за его невесту и женится на ней — сходна с традиционным положением "Сен-Ронаиских вод" В. Скотта. Замечание же о любовнице отца, о "незаконнорожденном" еще более подчеркивает сходство.

Непосредственных связей с романом Бульвера "Пелам" в планах, как уже неоднократно отмечалось, немного: шайка игроков Ф. Орлова, обыгрывающая Порового, замечание о легкомысленном отце, имя главного героя—Пелам и пр.

 $^{^1}$ Ср.: А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VII, Академия Наук СССР, 1936, стр. 359 и 667—673 (комментарий А. Л. Слонимского к отрывку светской комедии).

² См. примечания М. А. Цявловского к планам "Русского Пелама" в сб. "Труды Публичной библиотеки им. Ленина" (М., 1934 стр. 37—38).

³ Ср. в "Сен-Ронанских водах": Булмер преследует тайно Тирреля и женится на его невесте Кларе Мовбрай.

Но была другая, очень серьезная, органическая связь: "Пелам" Бульвера не только раскрывал образы Пелама и Гленвиля, но и показывал жизнь тогдашней Англии и уже отчасти намечал тему: "светское общество Англии на фоне жизни поместья и города".¹

Последнее и привлекло внимание Пушкина, который стремился в эти годы создать роман из современной ему жизни. Похождения русского Пелама должны были, с одной стороны, помочь создать занимательный роман, который уничтожил бы популярного "Ивана Выжигина" и его последователей, с другой — явился бы основой для широкого показа подлинной русской жизни.

Планы уже подробно наметили все приключения Пелама, встречающегося с самыми различными людьми. Замечания в планах показывают, как всесторонне Пушкин стремился изобразить общество: писатели, "Дом Всеволожских, Мордвинов и его общество, общество умных (И. Долгорукий, С. Трубецкой, И. Муравьев, etc.)". "Большое общество. Семья Пашковых еtc." Подчеркнутые Пушкиным пункты плана, как, например, "эпизоды", "история брата", "история Ф. Орлова", "Характеры", показывают, как детально разрабатывались отдельные моменты этого большого замысла. IV план и относящиеся к нему наброски, как уже отмечалось, устанавливают последовательность событий. Замена Ф. Орлова Завадовским, снятие подлинных имен писателей и декабристов "общества умных" и замена этого названия еще более глухим указанием, что Пелам сближается с холостой компанией, — показывают завершение работы над планами и некоторую маскировку цензурно опасных мест.

Описание жизни светского общества намечалось в иронических тонах: так, отец Пелама — "«frivole» в русском стиле", Пелам воспитан "7-ю французами, немцем, шв сейцарцем», англичанином". В написанной первой главе романа сатирически описывалось дворянское воспитание и жизнь семьи Пелама. Картежная фальшивая игра, брат, сравниваемый с Тартюфом, "Ф. Орлов — мошенник, франт вроде Завадовского", "общество Zavadovsky — les parasites, les actrices — sa mauvaise réputation", семья Пашковых, известная судебным процессом Андрея Пашкова с матерью, плут, по словам Вигеля. Хрущов, прожигатель жизни и автор порнографических стихов Неелов, отставной офицер и ростовщик Шишкин — вот галерея сатирических образов "Русского Пелама".

Рядом с этимя героями предполагалось показать жизнь помещиков, а в Петербурге — общество Мордвинова, дом Всеволожского, где происходиля собрания вольнолюбивой молодежи, и, наконец, декабристов — "общество умных".

¹ См. С. И. Поварнин, "Русский Пелам*. (Сб. ст. "Памяти А. С. Пушкина", Спб., 1900, стр. 329—350), и В. Я. Брюсов, "Мой Пушкин" М.—Л., 1929, стр. 105—106.

 $^{^2}$ Перево д: "общество Завадовского, приживальщики, актрисы — ее дурная репутация".

Что для Пушкина картина жизни современного ему общества была неразрывно связана с темой о декабристах, доказывает X глава "Евгения Онегина". Зашифровав осенью 1830 г. эту главу, Пушкин, видимо, не хотел отказываться от мысли написать о декабристах. Планы "Русского Пелама" отчасти намечали те же имена, что и в X главе "Евгения Онегина". Ср. "Общество умных Ильи Долгорукова — Сергей Трубецкой, Никита Муравьев etc." и в X главе:

Витийством резким знамениты Сбирались члены сей семьи У беспокойного Никиты, У осторожного Ильи.

Очевидно, зашифровав X главу "Евгения Онегина", Пушкин не отказался от намерения изобразить участников восстания 14-го декабря.

Без этой темы для Пушкина описание русской жизни 1820-х годов оказывалось немыслимо. Она органически переплеталась и с материалами романа из "светской" жизни.

Иронический тон воспоминаний Пелама о детстве, перелом, который он переживает после смерти отца, верная дружба с Ф. Орловым, которому он помогает в несчастье, отчаяние, даже самая "душевная болезнь" при потере любимой девушки— всё это показывает, как психологически глубоко намечался образ главного героя.

Пданы "Русского Пелама" — это канва большого романа, насчитывающего свыше тридцати характеров, показывающего в сущности не только жизнь светского общества Петербурга и историю одного из представителей "света" — Пелама, но намечающего и ряд других тем: история Ф. Орлова, ставшего разбойником, попавшего в нищету, дурное общество, в котором находится брат Пелама, драма артистки, брошенной любовником, жизнь помещиков. А в первой главе затрагивалась еще одна тема, которой нет в плане: студенческие кружки одного из "немецких университетов", в который был послан Пелам.

Ни последние тягостные годы жизни Пушкина, ни условия николаевской цензуры, конечно, не способствовали спокойному осуществлению этого "большого полотна". К тому же творческие силы Пушкина в эти годы были заняты исторической повестью "Капитанская дочка", которая по поставленным в ней вопросам народного движения, истории Пугачева, взаимоотношений дворянства и крестьян была для Пушкина не менее значительной.¹

¹ Многие детали из брошенного "Русского Пелама" были в ней использованы: воспитание Гринева описано в тех же иронических тонах, как и воспитание Пелама, старик слуга (и там и здесь Савельич), молодой человек попадает в лапы к опытному картежнику, герой очернен в глазах правительства и оправдан по ходатайству.

VI

И всё же, отвлекаясь от больших замыслов, в 1835 г. Пушкин еще раз пробовал написать "светскую" повесть, чтобы раскрыть волнующую его тему о положении писателя в обществе. Отчасти по аналогии с наброском "Гости съезжались" начат был отрывок "Мы проводили вечер на даче у княгини Д". Вольская с ее "огненными пронзительными глазами" — еще более страстный (с ним связана тема о Клеопатре) новый вариант образа Зинаиды Вольской наброска "Гости съезжались".

Ироническое описание светских разговоров о Сталь, светского отношения к истории Клеопатры было завершено в "Египетских ночах", в описании холодного, чопорного общества в зале княгини.

На фоне его изображался Чарский, который "вел жизнь самую рассеянную: торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах" и в то же время знал счастье только тогда, когда находило вдохновение. Для этого образа был использован ряд автобиографических моментов и "Огрывок" 1830 г. Свою любимую мысль о свободе, независимости поэта от "светской черни" Пушкин по-новому вложил в импровизацию итальянца: "Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением". "Толпа" для Пушкина была в данном случае адэкватна понятию "светское общество".

Возможно, что тема о положении поэта в "свете" заслонила первый замысел Пушкина (намерение раскрыть тему "Египетских ночей" и показать образ Клеопатры в условиях петербургского светского общества 1830-х годов). В атмосфере чопорного и пошлого светского общества Петербурга появляется итальянец-импровизатор; светский человек и в то же время поэт, Чарский вынужден скрывать свой талант, вести пустую светскую жизнь, чтобы получить "признание" и стать "своим" человеком в "свете". Насколько волновали Пушкина эти вопросы, показывают и письма Пушкина. Характеристика светского общества 1830-х годов дана в письме к Чаадаеву в 1836 г. "Приходится сознаться, что общественная жизнь у нас жалка. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству воистину могут довести до отчаяния".1

VII

Темы, освещаемые Пушкиным в прозаических набросках, пути реалистически-психологического раскрытия образов, сатирическое изображение современности и в частности картины "света" — всё это было уже актуальными вопросами, стоявшими перед русскими прозаиками 1830-х годов, работавшими над созданием реалистической повести.

¹ Оригинал по-французски.

Но только Пушкиным в его незаконченных набросках были намечены прогрессивные пути для разрешения этих вопросов и показаны подлинно художественные перспективы. Завершить дело Пушкина суждено было уже следующим поколениям писателей (Лермонтов, Толстой). Пушкинская повесть из современной жизни по глубине социальной и отчасти психологической обрисовки герсев, по значительности тем явилась по сравнению с произведениями его предшественников новым и значительно более высоким этапом развития реалистической прозы.

Для великого национального поэта тема "света" оказалась темой русской жизни, а жанр "светской" повести слишком узким. Господствующее место в прозе Пушкина занял исторический роман, который давал большие возможности для разрешения волновавших Пушкина — писателя и историка — социальных проблем.

Однако литературное значение этих неоконченных набросков повести из светской жизни велико: они были лабораторией пушкинской классической прозы, они непосредственно соотносятся с "Пиковой Дамой" и предвосхищают пути развития последующей реалистической русской повести.

Не случайно Лев Толстой, восхищенный мастерским началом повести "Гости съезжались", сказал: "Пушкин — наш учитель".

А. И. ГРУШКИН

"РОСЛАВЛЕВ"

Повесть "Рославлев" ("Отрывок из неизданных записок дамы") до сих пор не получила должной историко-литературной оценки.

В 1831 г. вышел роман М. Н. Загоскина "Рославлев". Его появление произвело впечатление преимущественно в великосветском и придворном Петербурге.

Пробуждение любви к отечеству, в том смысле, в каком она понималась в консервативных кругах, — вот основная цель, которую поставил перед собой Загоскин. "Я желал доказать, — писал он в предисловии к своему роману, — что хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, — но не изменились вместе с ними наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне". Легко заметить, что идеалы, которыми наделяет Загоскин "русскую нацию", это, собственно говоря, не что иное как пересказ уваровской формулы ("самодержавие, православие, народность"). Подобная декларация делала затруднительной позицию всякого, кто решился бы на открытую полемику с романистом, поставившим перед собой столь благонамеренные цели, и тем не менее Пушкин бросил вызов автору "Рославлева".

Героиня Загоскинского романа, Полина, — девушка из аристократической семьи, получившая французское воспитание, с детства оторванная от русской народной почвы и поэтому не сумевшая выработать в себе патриотического чувства. Отсюда — "грехопадение" Полины: в самый разгар Отечественной войны она изменяет своему жениху, русскому офицеру Рославлеву, и становится подругой жизни француза-бонапартиста. Подобный поступок не может не представляться Загоскину тягчайшим нарушением патриотической морали. Утверждая, что "интрига романа основана на истинном происшествии", он уже в цитированном выше предисловии заявляет: "я помню еще время, когда оно было предметом общих разговоров — и когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной..." Разумеется, Загоскин считает проклятия "оскорбленных россиян" законным проявлением народного негодования, но он полагает, что "несчастная" была достаточно наказана

ва свое пренебрежение нравами и обычаями родины и что в христианском сожалении ей, как пострадавшей, отказать нельзя (загоскинская Полина умирает в бедности, в полубезумном состоянии и с чувством раскаяния в душе).

Пушкин, ведущий свое повествование от лица подруги Полины, неизвестной "дамы", мотивирует написание рассказа на тему, уже использованную Загоскиным, следующим образом: "Читая «Рославлева», с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героини его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, усыпленные временем и возмутил спокойствие могилы. Я буду защитнищею тени..."

Пушкин ставит перед собой оригинальную задачу — защищать тень Полины от нападок "оскорбленных россиян" и Загоскина. Какими же художественными средствами и во имя каких принципов осуществляется эта задача?

Полемическая по отношению к Загоскину позиция оттеняется с самого начала рассказа. Полемичность чувствуется даже в описании семейного окружения Полины. "Отец Полины, — вспоминает Пушкин устами «дамы», был заслуженный человек, т. е. ездил цугом и носил ключ и взезду..." Уже эта расшифровка понятия "заслуженный человек" характерна для всей обрисовки светского общества в "Рославлеве". Характарно, что сразу после замечания о высоком положении, которое отец Полины занимал в свете, следует дополнение: "впрочем, был ветрен и прост". Зато мать Полины рисуется в тонах, более сочувственных: "Мать ее была, напротив, женщина степенная и отличалась важностию и здравым смыслом". Эта подробность любопытна, так как в романе Загоскина именно мать Полины представлена пустой, вздорной, болтушкой, глупой барынькой, помешанной на парижских модах и вообще рабски преданной всему иностранному. Даже в такой детали, как обрисовка характера матери Полины (в дошедшем до нас тексте она никакой роли не играет). Пушкин сознательно отталкивался от схемы Загоскина.

Полина с самого начала изображается Пушкиным девушкой необыкновенной, наделенной духовными запросами и поэтому чувствующей себя чуждой в окружающей ее светской среде. "Полина являлась везде; она окружена была поклонниками; с нею любезничали, — но она скучала, и скука придавала ей вид гордости и холодности". Подчеркивает Пушкин и начитанность Полины, ее знакомство с французской литературой: "от Монтескье до романов Кребильйона"; характерно, что "Руссо она знала наизусть". Эти черты Полины приобретают еще большую яркость благодаря сопоставлению с ней ее подруги, т. е. самой рассказчицы (в годы ее молодости). Этой последней не были свойственны яи "скука", ни "холодность". Эта легкомысленная и ни о чем не размышляющая барышня,

променявшая антресоли и учителей "на беспрерывные балы", типичная для аристократической женской молодежи начала XIX в., еще выразительнее оттеняет оригинальность психологического склада Полины.

Только в одном соглашается Пушкин с Загоскиным. Он подтверждает, что Полина "вероятно, ничего по-русски не читала, не исключая, как язвительно прибавляет Пушкин, — и стишков, поднесенных ей московскими стихотворцами". Но Пушкину эта деталь нужна только для того, чтобы от имени рассказчицы вступить в новую полемику с автором "Юрия Милославского", повторяющим, как выражается подруга Полины, "пошлые обвинения" русских читательниц в пренебрежении к родному языку и литературе: "мы и рады бы читать по-русски — уверяет она, но словесность наша... чрезвычайно еще ограничена... В прозе имеем ны только «Историю Карамзина»,... между тем как во Франции. Англии и Германии книги, одна другой замечательней, следуют одна за другой. Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то, воля ваша, я всё таки предпочитаю оригиналы. Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода)".1

Эти строки, совпадающие с постоянными мыслями самого Пушкина, представляют собой вполне продуманный выпад против ратоборцев "квасного патриотизма", старавшихся отгородить русское общество от "тлетворного" влияния Запада. Констатирование Пушкиным "ограниченности" русской литературы (сделанное еще до Белинского) означало протест против стремления реакционных кругов повернуть интересы образованного общества от западноевропейских влияний к архаической русской литературе XVIII в., типа сочинений Сумарокова, "которых Полина никогда не раскрывала". Этот выпад против "ограниченности" русской литературы сохранил свою актуальность и для 1836 г., когда "Рославлев" был частично напечатая в "Современнике". Опубликование данного отрывка относилось к тому самому периоду, когда Пушкин вел борьбу против шовинистического мракобесия М. Лобанова. Ссылка на книги "одна другой замечательней", выходящие "во Франции, Англии н Германии", т. е. именно на новую элободневную литературу 30-х годов, — ту, которая доставляла русскому читателю "известия и понятия", приучала мыслить, — эта ссылка была своего рода боевым провозглашением того, что как бы ни старались рыцари "официальной народности", им не удастся помещать русскому обществу следовать "за мыслями человеческого рода".

Демонстративный оттенок этого высказывания усугубляется следующим замечанием рассказчицы: "Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы

¹ Курсив здесь и ниже наш. А. Г. lib.pushkinskijdom.ru

русских торговок, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями костромских модисток". Упоминание о жалобах "русских торговок" носило также достаточно конкретный характер, ибо бешеная атака против парижских мод, во имя процветания отечественной промышленности, была неотъемлемой частью той антизападнической кампании, которая разжигалась охранительным лагерем в 30-е годы. За интересы российских промышленников, попираемые обилием привозных товаров, вступались и Булгарин, и его соратник по "Северной Пчеле", В. Бурнашев, и многие другие. Известно, что эта пропаганда находилась в свою очередь в связи с той политикой протекционизма, которой николаевское правительство старалось задобрить растушую отечественную буржуазию (ведь это был тот самый период, когда императрица Александра Федоровна, жена Николая I, укращала свои покои в Зимнем дворце русскими изделиями — специально с целью поощрения "отечественного производства"). Характерно, что и в "Рославлеве" Загоскина мотив ненависти к французским модным магазинам (именно с точки эрения охраны интересов "отечественного" капитала) красной нитью проходит через весь роман. Так, например, в V главе I части мы находим умного и добродетельного резонеракупца, пылающего непримиримой ненавистью к французам и предъявляющего этим "басурманам" обвинения следующего характера: "Бояр наших... учат уму-разуму, а нашу братью-купцов в грязь затоптали; ... нас беззащитных в разор разорили!"1

Этот резонерствующий купец, вздыхающий о разорении купеческой "братии" французскими конкурентами, является у Загоскина как бы олицетворением русской народной мудрости. Основному положительному персонажу романа — Рославлеву — только и остается, что соглашаться со всеми афоризмами этого рьяного "патриота". Мы видим, что патриотизм, сводящийся к спасению "беззащитных" отечественных капиталов от иностранной конкуренции, у Пушкина вызывает не воодушевление, а скептическую усмешку. Сведение этого вопроса к жалобам "русских торговок" было нарочитым окарикатуриванием аргументации Загоскина и его единомышленников.

Противопоставление прогрессивных традиций западной культуры застойному укладу крепостнической России имеется в описании приезда Сталь. На фоне господствующей пошлости московского общества исключением является одна Полина: "Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине!" — говорит Полина о Сталь. — "Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов! Тупые лица, тупая важность — и только!"

¹ "Рославлев" или "Русские в 1813 году", ч. І, сочинение М. Загоскина, М., 1831, стр. 136.

Ничего аналогичного эпизоду приезда Сталь мы в романе Загоскина не найдем. Вводя в свое повествование такой значительный персонаж, как Сталь, притом не имеющий непосредственного отношения к фабуле, Пушкин тем самым давал понять, что для него было неприемлемо то огульно-отрицательное отношение к Франции, к французской культуре, которое так явственно сквозило в "ура-патриотическом" произведении Загоскина. На ряду с официальной (для начала XIX в.) наполеоновской Францией Пушкин умел видеть и другую Францию, Францию передового просвещенного интеллекта, враждебную бонапартовской диктатуре. Недаром пушкинская Полина говорит о поразившей ее воображение французской писательнице: "Как я люблю ее! Как ненавижу ее гонителя!" Показывая во Франции враждебные Наполеону интеллектуальные силы, Пушкин в то же время находит эти силы отнюдь не в среде реакционной аристократии. Их воплощает в его глазах "М-те de Staël" — враг Наполеона и в то же время "друг Шатобриана и Байрона", как именует ее подруга Полины (заметим — не только Шатобриана, но и Байрона!), пламенная апологетка русского народа, понимающая в то же время интеллектуальное убожество русской аристократии. Именно эта последняя антитеза вкладывается Пушкиным в сознание как Сталь, так и ее московской поклонницы — Полины. Любопытно, что последняя хоть и "готова заплакать" от стыда за своих соотечественников, но скоро находит утешение. "Но пускай, — с жаром прододжала Полина, — пускай она вывезет об нашей светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый простой народ, и понимает его. Ты слышала, что сказала она этому старому, несносному шуту, который из угождения к иностранке вздумал было смеяться над русскими бородами: «народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову".

"Старому, несносному шуту", презирающему свой собственный народ, его вековые нравы и обычаи, противопоставлена "иностранка", даже в борьбе за бороду усматривающая признаки мужества и независимости славянского племени. Пушкин, посвятивший, как мы видели, достаточно желчные строки "квасному патриотизму", ретроградному антиевропензму панегиристов "русских торговок" и архаичной русской словесности, относится не менее враждебно к пресмыкательству перед внешними сторонами западной культуры, к холопскому отсутствию национальной гордости, столь типичному для верхушки русского дворянства.

Именно эта борьба с "квасным патриотизмом", шовинистическим, мракобесным руссофильством — с одной стороны, с дешевым, поверхностным, якобы "европеизмом", с аристократическим презрением к родине — с другой, и составляет ведущую идею пушкинского "Рославлева". Именно в этом смысл полемики с Загоскиным, как с одним из типичнейших влованией официозно-шовинистического, псевдонародного

течения. Наиболее ярко сказалась эта полемика в изображении обоими писателями как подготовки Отечественной войны, так и самих событий 1812 года.

Полемический жар загоскинского романа направлен, главным обравом, против офранцузившихся московских бар начала XIX в., противтех "недостойных" представителей русского дворянства, которые вплоть до самой войны с Наполеоном увлекались французскими обычаями, хвалили всё иноземное. Жертвой именно этой среды делает Загоскин "несчастную" Полину. Без обличения московской галломании он не смог бы объяснить историю грехопадения Полины. Но, с другой стороны, Загоскин должен показать, что война с Бонапартом разбудила патриотические доблести русского дворянства. Недаром же, по его словам, "проклятия оскорбденных россиян гремели над головою" злополучной Полины! Поэтому, даже демонстрируя недопустимое, с его точки зрения. преклонение русских бар (предвоенной эпохи) перед заморскими обычаями, Загоскин не забывает о том, что, конечно, когда настанет решительный час, с галломанов спадет заморская "дурь", в них заговорит "любовь к родимой стороне". Так, выводя "патриотически" мыслящего купца, о котором мы уже упоминали, вкладывая в его уста негодование на пагубную склонность "бояр" к иноземщине, Загоскин в то же время ваставляет его воскликнуть: "Спору нет, батюшка! Если дело до чего дойдет, то благородное русское дворянство себя покажет - постоит за матушку-святую Русь!" Ему вторит и Рославлев, главный герой романа Загоскина, целиком солидарный с воинственно-настроенным купцом: "Я могу вас уверить, что много есть дворян, которые думают то же самое". 2 Характерен и ответ купца: "Как не быть, батюшка?.. вы верно изволили читать «Мысли вслух на Красном Крыльце. Силы Андреевича Богатырева». Книжка не великонька, а куда в ней много дела — и говорят, будто ее сложил какой то знатной русской боярин, дай господи ему много лет здравствовать! Помните ль, батюшка, как Сила Андреевич Богатырев изволит говорить о наших модниках и модницах ... 3 Знаменитый Ф. Ростопчин, автор брошюры "Мысли вслух на Красном Крыльце", "знатной русской боярин", служит для купца доказательством того, что "благородное дворянство" не оскудело еще патриотами.

В другом месте Рославлев, ругающий "чванство, самонадеянность и гордость французов", получает из уст своего приятеля Сурского, менее горячего и более рассудительного, следующий ответ: "Что ж делать, мой друг? Все народы имеют свои национальные слабости; и если говорить правду, то подчас наша скромность право не лучше французского самохвальства". Хоть Загоскину и неприятны галломан-

¹ М. Загоскин. "Рославлев", ч. І. М., 1831, стр. 136.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, ч. II, стр. 45—46.

ские увлечения русских дворян, он легко находит им объяснение. Отсутствие достаточной гордости своей страной, своей нацией объясняется у некоторых "россиян" их "доведенной до апогея славянской скромностью", составляющей якобы прямую противоположность качествам французов, которые, как уверяет Загоскин, хвастают буквально каждым пустяком. Так, самые даже недостатки русских бар объясняются в конечном счете, их достоинством — природным российским добродушием и "скромностью".

Посмотрим теперь, как говорит о предвоенных настроениях русского дворянства Пушкин: "Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастию, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко".

Судя по этому описанию никак нельзя предвидеть, что если дело до чего дойдет, "то благородное русское дворянство себя покажет постоит за матушку-святую Русь", как уверяет загоскинский купец, а вместе с ним и сам Загоскин. Те, кто говорят "обо всем русском с презрением" и "шутя" предсказывают своей родине "участь Рейнской конфедерация", т. е. фактически участь колонии Бонапарта, послушной марионетки в его руках, — не похожи на будущих защитников отечества, проливающих кровь "за матушку-святую Русь". Загоскин говорит о галдомании своих соотечественников с досадой, но в то же время сохраняет к ним благожелательное отношение; они для него заблуждающиеся, но тем не менее симпатичные ему люди и, как мы видели, их заблуждения он склонен всячески оправдывать, находить смягчающие вину обстоятельства — скромность и прочие добродетели, якобы лежащие в основе самих пороков. Пушкин об этой же среде говорит не с благодушной улыбкой, а со злобой — "общество было довольно гадко". "Гадкое" общество вызывает у него только сарказм, он смотрит на это общество со стороны, оно ему чуждо и ему незачем искать для него оправдания. Если Загоскин, дружески обличая московских галломанов 1811 г., противопоставлял ям "знатного русского боярина" — графа Ростопчина, как залог будущих патриотических доблестей русского дворянства, то Пушкин с жестокой ироняей говорит о "заступниках отечества", патриотизм которых "ограничивался грозными выходками противу Кузнецкого моста". Пушкин признает "забавными" насмешки, которым они подвергались. "Простоватыми" называет Пушкин те самые шовинистические тирады, в которых Загоскин находил "много дела". Ведь совершенно ясно, что "заступники отечества", которые, по словам Пушкина, "не имели никакого влияния", — и были приверженцы С. Глинки (редактор шовинистического "Русского Вестника") и Ростопчина. Между тем, именно традиции С. Глинки возрождались в писаниях представителей официальной псевдонародности. Так, поднятые на щит официозным лагерем "Беседы русского инвалида" И. Н. Скобелева, появившиеся уже после написания пушкинского "Рославлева", написанные нарочито "простецким" языком и насквозь пропитанные официозным руссофильством, — в большой мере перепевали демагогические излияния обоих вышеуказанных идеологов "квасного патриотизма". Неудивительно, что их "творчество" импонировало и Загоскину. Пушкин и в этом вопросе резко отталкивался от последнего.

Описание самой Отечественной войны у обоих писателей не менее противоположно, чем описание предвоенной атмосферы.

"О, как велик, как благороден был сей общий энтузиазм народа русского. В каком обширном объеме повторилось то, что два века тому назад извлекало слезы умиления... из глаз всех жителей нижегородских... бесчисленные голоса отозвались на мощный голос помазанника божия; все желания, все помышления слились с его волею. Русские восстали...²

Так выглядит начало войны у Загоскина. О тех же событиях Пушкин писал непосредственно после фразы "общество было довольно гадко": "Вдруг известие о нашествия и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась".

В чем заключалось волнение Москвы, сейчас же разъясняется: "Народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули".

Какое характерное сочетание: "Народ ожесточился" — в этом чувствуется нечто серьезное, значительное, напоминающее то "остервенение народа", о котором речь идет в X главе "Евгения Онегина". Что же касается аристократов, то они реагировали на самую войну так же, как раньше реагировали на ее подготовку: мелко, пошло. Они, прежде всего, "присмирели" и "вструхнули".

Далее следует картина патриотического подъема, рисующая воскваляемый Загоскиным "общий энтузиазм" в несколько своеобразном свете. "Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостинные наполнились патриотами; кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русской; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся

¹ И. Н. Скобелев, выслужившийся из нижних чинов генерал, специализировался на сочинениях книжек "для народа" (этот Скобелев упомянут Пушкиным в "Дневнике"; известен он также политическим доносом на Пушкина).

² М. Загоскин. "Рославлев", ч. П. М., 1831, стр. 71—72.

за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни".

Это глубоко сатирическая зарисовка — первое по времени в русской литературе изображение псевдопатриотической шумихи, со всей ее фальшью и лицемерием. Здесь Пушкин поднялся до необычайно художественной обобщенности, так как уловил черту, присущую русскому дворянскому обществу во всех аналогичных ситуациях, указывая, что "гонители... Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостинные наполнились патриотами", Пушкин подчеркивает, что якобы принципиальная борьба "патриотов" и галломанов была всего лишь перелалкой, пустой болтовней в пределах гостиных. Такие штрихи, как замена французского табака русским, ярко оттеняют глубину иронического отношения Пушкина к нелепым проявлениям "патриотизма" дворянского большинства, так напоминающим "патриотические порывы" ревнителей официальной народности 30-х годов.

Если Загоскин вспоминает о событии, "два века тому назад" потрясшем "жителей нижегородских" (разумеется, он имеет в виду подвиг Козьмы Минина, организатора народного ополчения 1612 г.), то Пушкин бросает саркастическое замечание, указывающее на опошление героических традиций Минина русскими барами. Убийственны для последних портреты "патриотов", кричащих о Пожарском и Минине и проповедующих "народную войну", собираясь в то же время "отправиться в саратовские деревни"!

Пушкин, на протяжении всего рассказа подчеркивающий глубочайшую противоположность, существующую между Полиной и всей окружающей средой, отнюдь не склонен помещать свою героиню в один ряд с апологетами русского табака и кислых щей. По его словам: "Полина не могла скрыть своего презрения, как раньше не скрывала своего негодования". Заметим это "раньше", которое следует понимать как указание на период общей галломании и всеобщего презрения к отечеству. "Такая проворная перемена и трусость выводили ее из терпения. На бульваре, на Пресненских прудах она нарочно говорила по-французски; за столом, в присутствии слуг, нарочно оспоривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности наполеоновых войск, о его военном гении". Характерно и реагирование носителей "патриотического хвастовства" на эксцентричные выходки Полины: "Присутствующие бледнели, опасаясь доноса, и спешили укорить ее в приверженности ко врагу отечества".

Какова была истинная настроенность Полины, выясняется из дальнейшего изложения. Чтобы понять до конца его полемическую заостренность, нужно снова обратиться к тексту Загоскина.

Одно из наиболее эффектных и принципиально значительных мест романа Загоскина— это диалог между Полиной и ее женихом, Рослав-

левым. Диалог вызван желанием Рославлева узнать, одобряет ли невеста его желание вступить, в связи с начавшейся войной, в ряды ополчения? "Вам ли меня об этом спрашивать, Вольдемар! Что могу сказать я, когда собственное сердце ваше молчит". 1

Эта реплика, свидетельствующая о некотором недовольстве Полины чрезмерным патриотическим пылом ее жениха, жертвующего во имя интересов родины личным счастьем, вызывает у доблестного "россиянина", каким представлен Рославлев, достойную отповедь: "И так я должен оставаться хладнокровным свидетелем ужасных бедствий, которые грозят нашему отечеству; должен жить спокойно в то время, когда кровь всех русских будет литься... за существование нашей родины... Нет, Полина! или я совсем вас не знаю, или любовь ваша должна превратиться в презрение к человеку, который в сию решительную минуту будет думать только о собственном своем счастии и о личной своей безопасности". Далее Рославлев произносит пышные эффектные тирады о справедливом ожесточении русских, он поучает Полину, что в этой войне середины быть не может: "они должны или превратить Россию в обширное кладбище, или все должны погибнуть".

Полина же, наоборот, настроена сентиментально, она утверждает, что "слава, честь, лавры, все эти пустые слова, не стоят и одной капли человеческой крови", война внушает ей ужас, а "несчастных" французов ей искренно жаль.

"Это ужасно! — сказала она, — виноваты ли они? Все погибнут!.. Боже мой".²

Нужно вспомнить, что гуманизм загоскинской Полины в отношении к французам объясняется ее личной, женской симпатией к одному французу, для того чтобы понять, какой тип стремится нарисовать Загоскин. Это тип чувствительной, мягкосердечной, наивной барышни, предпочитающей личное — общественному и неспособной подняться до понимания государственной необходимости. Жених же ее, Рославлев, как мы могли убедиться, в загоскинском понимании — идеал патриота.

Посмотрим теперь, как излагает Пушкин диалог обоих названных лиц, определяющий различие их мировосприятия: "Вы чем пожертвуете? спросила она (Полина. А. Г.)... у моего брата" (брат рассказчицы это и есть Рославлев, жених Полины. А. Г.). "Я не владею еще моим имением,— отвечал мой повеса.— У меня всего на все 30 000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества". "Полина рассердилась.— Для некоторых людей,— сказала она,— и честь, и отечество, всё безделица. Братья их умирают на поле сражения, а они дурачатся в гостиных. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобы позволить таким фиглярам притворяться перед нею в любви".

¹ М. Загоскин. "Рославлев", ч. II. М., 1831, стр. 37.

² Там же, ч. И., стр. 38—40.

Полина прощает своему легкомысленному собеседнику неосторожную шутку "за благородный порыв негодования", сказавшийся в его ответе, а узнав, что он вступил в Мамоновский полк, выражает желание окончательно помириться с ним, но это лишь подтверждает, насколько образ пушкинской Полины полемически заострен против аналогичного образа в романе Загоскина. Роли переменились: у Загоскина Рославлев так и рвется в полк, обосновывая свой энтузиазм риторической фразеологией, а Полина настроена антимилитаристически. У Пушкина же дана противоположная ситуация. Пушкину чужда напыщенная риторика Загоскина. Ходульный "герой" его романа, то и дело впадающий в казенную риторику, превращен им в легкомысленного мота и "повесу"; правда, потом он и оказывается истинным героем; характерен ответ Алексея на резкое замечание Полины: "Знайте, что кто шутит с женщиной, тот может не шутить перед лицом отечества и его неприятелей", - справедливость этого замечания подтверждается добровольным вступлением Алексея в Мамоновский полк. Мот и повеса, внешне бравирующий своим легкомыслием, но на деле жертвующий своєй жизнью во имя "отечества", выгодно отличается от лицемерных носителей крикливого "патриотизма".

Что же касается Полины, то героиня загоскинского романа, не выносившая даже упоминаний о войне, под пером Пушкина превращена в спартански-стойкую патриотку.

Патетическая декламация имеет в ее устах не напускное, не фальшивое, а подлинно вдохновенное звучание. Не случаен ее гнев, когда ее ветреная подруга пробует внушить ей, что "женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта".

"Глаза ее засверкали. «Стыдись, — сказала она, — разве женщины не имеют отечества?.. Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтоб нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет! я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное... Я не признаю уничижения, к которому присуждают нас»".

Так, в уста своей героини Пушкин вкладывает первый в русской литературе протест против "уничижения" женщины в крепостнической России, против того социально-бытового уклада, который отрывал ее от общественной жизни. Пушкинская Полина, эта решительная, мужественносуровая девушка, мечтает об участии в общественной жизни.

Для чего нужно было Пушкину это абсолютное переосмысление, разрушение образов Загоскина,—выясняет дальнейший ход рассказа.

Пребывание Полины в деревне, куда ее семья бежала из Москвы, от нашествия французов, рисуется в красках, отнюдь не более привлекательных, чем московская жизнь.

Полина контрастирует с окружающей ее в провинции средой "соседей" еще больше, чем с московским "светом". "Окруженная

людьми, коих понятия были ограничены, слыша постоянно суждения нелепые и новости неосновательные, она впала в глубокое уныние: томность овладела ее душой". Любопытно, что в то время как Полина "занималась одною политикою", целые часы "проводила, облокотясь на карту России, рассчитывая версты и следуя за быстрыми движениями войск", и даже мечтала убить Наполеона, ее отец "только и думал, чтоб жить в деревне как можно более по московскому. Давал обеды, завел théâtre de Société, где разыгрывались французские proverbes, и всячески старался разнообразить... удовольствия".

Это поведение "заслуженного человека" на фоне бедствий, переживаемых родиной, еще разительнее оттеняет самостоятельность и духовную силу Полины. В этой обстановке, по Пушкину, и происходит ее встреча с пленным французом Синекуром (в романе Загоскина имя этого персонажа — Сеникур). Причина сильного впечатления, которое этот человек произвел на Полину, излагается Пушкиным так: "Он говорил мало, но речи его были основательны. Полине он понравился тем, что первый мог ясно ей истолковать военные действия и движения войск... Полина, которой надоели и трусливые предсказания и глупое хвастовство соседей, жадно слушала суждения, основанные на знании дела и беспристрастии".

Мы видим, что настроения "соседей"-помещиков характеризуются как "трусливые предсказания" (т. е. паникерство) и "глупое хвастовство". К тому и другому Пушкин относится одинаково враждебно. Так выглядят под его пером "гражданские доблести" уже не "придворной аристократии", а дворянской массы.

Бонапартист Синекур несравненно образованиее соотечественников Полины из светского круга. Он первый сумел разъяснить Полине наиболее волнующие ее вопросы. А так как в это самое время она получает письма от своего жениха, наполненные "шутками умными и плохими, пошлыми уверениями в любви и проч.", то естественно, что ее симпатии начинают склоняться в пользу Синекура.

"Даже в нынешних обстоятельствах, — с гневом говорит она о своем женихе, — с полей сражений, находит он способ писать ничего незначущие письма, какова же будет мне его беседа в течении тихой семейственной жизни?"

Рассказ Пушкина закончен на том, как Полина узнает о пожаре Москвы. Это событие еще больше укрепляет в ней патриотические эмоции. Пушкин рисует ее в состоянии "благородного восторга": "О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве. Теперь... честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу."

Но ирония судьбы такова, что о подлинном значении этого знаменательного события для России, для дальнейшего хода войны, Полина

узнает лишь из уст... Синекура, т. е. врага отечества. "Неужели... Синекур прав?" — спрашивает она себя, еще не решаясь полностью верить прогнозу последнего, столь утешительному для России. Ситуация знаменательная.

По Загоскину, Полина увлекалась Сеникуром, врагом отечества, потому что она была недостаточно предана своей родине, была плохой патриоткой. По Пушкину, именно Полина и являлась подлинной патриоткой и тем не менее она, проводившая целые дни над картой военных действий и мечтавшая о патриотическом подвиге, предпочла иностранца, бонапартиста, своим соотечественникам из светского круга. Синекур привлек внимание Полины, потому что он был умнее, образованнее, значительнее по своим человеческим качествам, чем русские дворяне, он был в большей степени человеком, чем они, а также потому, что он умел видеть в женщине интеллектуально равного себе человека, в то время как из уст ее российских собеседников она ничего, кроме пошлостей, не слышала. Как ни любила свое отечество Полина, она не могла и не хотела преодолеть в себе отвращение к русскому аристократическому обществу, не могла не относиться к "обезьянам просвещения", как она именовала светский круг, резко враждебно. Защита Полины, — цель, декларативно провозглашенная Пушкиным в самом начале рассказа, - была одновременно и обвинением русского "общества". Объективные качества этого общества, по Пушкину, таковы, что они не могли не оттолкнуть свежую, здоровую натуру, не могли не заставить ее искать настоящего человека в какой-то другой среде. При этом следует заметить, что среда бонапартистского офицерства в целом отнюдь не идеализируется Пушкиным: с явной иронией обрисованы товарищи Синекура, "фанатически преданные Наполеону, ветерпимые крикуны!" Синекур потому и представлен положительным персонажем, что, будучи преданным Наполеону, он в то же время не ослеплен его временными успехами, он с трезвой объективностью понимает опасности, которыми чревата завоевательная политика Бонапарта, и в русском народе видит не толпу "варваров", а достойную уважения силу. Его говорит голос подлинно-просвещенной Европы, ценить русский народ не в пример великосветским "обезьянам просвещения".

Если Загоскин с сочувствием говорит о "проклятиях оскорбленных россиян" по адресу отступницы Полины, то Пушкин настаивает на том, что эти оскорбленные россияне, т. е. российское дворянство, не были даже в состоянии оценивать его героиню и что их "проклятия" — лучшая похвала ей.

"Увы! — с горечью говорит он устами подруги Полины. — К чему привели ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума? Правда, сказал мой любимый писатель: «Il n'est de bonheur que dans les voies communes»".

Трагедия Полины — в ее стремлении преодолеть рамки пошлой "посредственности".

"Рославлев" — не только одно из значительнейших художественных достижений пушкинской прозы 30-х годов, но и важнейший идеологический документ. "Рославлев" — это беспощадный удар по официозной исторической беллетристике в условиях 1831 г., представленной Загоскиным. Не случайно "Рославлев" Загоскина имел и другое заглавие: "Русские в 1812 году". Целью его было показать "неизменность основных черт русской нации".

Пушкин в отличие от Загоскина показывает, что у большинства русского дворянства и главным образом "большого света" в самый критический для судеб отечества момент любовь к родимой стороне совершенно отсутствовала, что в 1812 г. подавляющая часть благородного русского дворянства держала себя трусливо, позорно, подло, и что если по его поведению судить о способности "нации" защищать "матушку... Русь", как выражался загоскинский купец, то выводы могли бы получиться самые пессимистические. В том самом 1836 г., когда Пушкин печатал начало своего "Рославлева" в "Современнике", им было написано стихотворение "Была пора" (19 октября 1836 г.), в котором говорилось:

Тогда гроза двенадцатого года Еще спала. Еще Наполеон Не испытал великого народа — Еще грозил и колебался он.

"Рославлев" Пушкина был доказательством того, что для гениального поэта и преданнейшего патриота великий народ при подведении итогов Отечественной войны отнюдь не отожествлялся с привилегированным сословием, что героизм двенадцатого года отнюдь не воспринимался Пушкиным как героизм дворянства. Русское дворянство и на фоне этой героической эпохи лишено в глазах Пушкина героического ореола. "Ожесточившийся" народ, "добрый, простой народ", не изображен в "Рославлеве", но вера в народ, в его прекрасные качества, окрашивает пламенные речи Полины. Одним из главных двигателей Отечественной войны для Пушкина было "остервенение народа", а не энтузиазм "благородного" сословия.

Таков первый вывод из пушкинского "Рославлева".

Второй заключается в следующем: для Пушкина одинаково неприемлемы как дешевый национальный "нигилизм", прикрываемый космополитической фразеологией, так и крикливый шовинистический, разжигающий слепую ненависть ко всему иностранному "квасной патриотизм". Пушкин показывает родственность обоих явлений, несмотря на их внешнюю противоположность, показывает, что одно из этих явлений легко переходит в другое. Если выпад против салонного "космополитизма" в условиях 30-х годов был актуален, как сатира на известные круги аристократической, главным образом, московской фронды, на те

жруги, которые нашли впоследствии изображение в "Современной песне" Давыдова, то критические выпады против шовинистической шумихи, против псевдопатриотического опошления традиций Минина и Пожарского были направлены против "официальной народности" 30-х годов и оголтелой антизападнической пропаганды правительственных кругов, рупором которых явился в начале 30-х годов Загоскин.

Третий вывод заключается в том, что с точки зрения Пушкина яркая, духовно полноценная индивидуальность не может не чувствовать себя отчужденной от светской и усадебно-поместной среды, не может не задыхаться в ней, не может не вступать с ней в конфликт.

И, наконец, четвертый, самый важный для нас вывод говорит о том, что в глазах Пушкина можно было быть патриотом России и в то же время сатирически беспощадно относиться к русскому дворянскому обществу, что можно быть преданным своей стране, своему народу, и одновременно ценить культуру других стран, быть гражданином мира, уважать человека и гражданина — представителя любой нации. "Рославлев" говорит о том, что патриотизм в понимании Пушкина не адекватен ни преклонению перед российской крепостнической действительностью, ни ненависти к другим народам. Особенно знаменателен протест против ненависти к французам, олицетворявщим в глазах охранительных кругов революционную "заразу" (не забудем, это дело происходило вскоре после июльской революции 1830 г.).

"Рославлев" — сильнейшее в русской литературе (и до Льва Толстого вряд ли не единственное) разрушение официозной легенды о двенадцатом годе, стремившейся использовать победу русского народа во время Отечественной войны для возвеличения самодержавной и крепостнической России.

"Рославлев" Пушкина это в то же время значительнейшая декларация пушкинского патриотизма, отрицающего лживый, лицемерный исевдопатриотизм так называемой "официальной народности".

я. и. ясинский

ИЗ ИСТОРИИ РАБОТЫ ПУШКИНА НАД ЛЕКСИКОЙ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Ì

Об интересе Пушкина к "Слову о полку Игореве" свидетельствует, между прочим, значительное число книг его библиотеки, имеющих прямоеотношение к великому памятнику древней русской литературы. Из полных изданий оригинального текста древней поэмы в книжном собрания Пушкина сохранилось пять:

- 1) "Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею", ч. І, СПб., 1805 (воспроизведение А. С. Шишковым по изданию А. И. Мусина-Пушкина первопечатного текста "Слова", введения и параллельного перевода первых издателей, примечания самого Шишкова и его прозаическое "Преложение Игоревой песни с присовокуплениями, изъятиями и распространениями, нужными для полного разумения оной").
- 2) Второе издание тех же материалов "Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова", ч. VII, СПб., 1826.
- 3) "Слово о полку Игоревом. Историческая поема, писанная в начале XIII века на Славенском языке прозою", М., 1823 (древний текст "Слова", буквальный прозаический перевод Н. Ф. Грамматина, новое "преложение стихами древне-русского размера" и примечания).
- 4) "Песнь ополчению Игоря Святославича, Князя Новгород Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия А. Ф. Вельтманом". М., 1833 (полный древний текст напечатан параллельно переводу; в книге есть отчеркивания и филологические замечания Пушкина).
- 5) Издание Вячеслава Ганки: "Слово о паку Игореве", Прага, 1821 (древний текст, напечатанный латинизированным шрифтом, сопровожден, еп regard, чешским переводом; в приложении небольшой пояснительный словарь, примечания и перевод "Слова" на немецкий язык; переплет пушкинского образца, в книгу вплетены прокладные листы для заметок).

К этим изданиям примыкает и "Ироическая песнь о походе Игоря на половцев, писанная на славянском языке в XII столетии, ныне переложенная в стихи старинной русской меры Иваном Левитским" (СПб., 1813).1

Из другой литературы, служившей Пушкину в его работе над "Словом" и наличествующей в его библиотеке, необходимо упомянуть "Историю государства Российского" — в особенности том III, в котором помещено изложение содержания "Слова", имеющее значение документа, так как Н. М. Карамзин был знаком с подлинной рукописью древнего памятника; сюда же нужно отнести и произведения исследовательского характера — брошюры кн. Н. Д. Цертелева ("О произведениях древней русской поэзии", СПб., 1820 — отдельный оттиск из "Сына Отечества", 1820, ч. 63, № XXX) и С. В. Руссова ("О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием: Слово о полку Игореве". СПб., 1834), статьи М. А. Максимовича в апрельской жнижке "Журнала Министерства Народного Просвещения" за 1836 г. и А. С. Шишкова в XI части его "Сочинений и переводов" ("Некоторые примечания на книгу, вновь изданную под названием: Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я. Пожарским, с присовокуплением примечаний"); статья эта, которую Пушкин цитирует в своих "Замечаниях на песнь о полку Игореве", в экземпляре личной его библиотеки частично разрезана. Другим сочинением, также цитированным в "Замечаниях" Пушкина, является летопись Нестора с объяснениями А.-Л. Шлёцера (перевод Д. И. Языкова, СПб., 1809—1819, в трех частях; мнение Шлёцера о "Слове", на которое ссылается Пушкин, находится на стр. 384 части 1). Повидимому, в число источников, использованных Пушкиным при изучении "Слова", входили и другие издания летописных сборников, например, "Российская Летопись по списку Софейскому Великого Новограда" (СПб., 1795) и "Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. Издал Н. Л. «Н. А. Львов»" (тт. I—VI, СПб., 1792).² В первом томе "Летописца Руского" сохранились четыре закладки, местоположение которых было зафиксировано Б. Л. Модзалевским в его описании библиотеки Пушкина. Ознакомление с текстом соответствующих страниц "Летописца" позволяет сделать вывод, что эти закладки являются вехами, которые Пушкин оставил на пути своих научных изысканий, - каждая из них так или иначе связана с отлельными местами "Слова". Первая закладка (между стр. 160—161 тома I "Летописца Руского") отмечает рассказ об отравлении князя Ростислава Владимировича греком котопаном, который "испи половину вина, а половину даде князю пити и доткнувся пальцем в чашу, бе бо имея под ногтем растворение смертное": описанное происшествие отнесено к 6574 (1066) г.

 ¹ Б. А. Модзалевский. "Библиотека Пушкина. Библиографическое описание".
 "Пушкин и его современники", вып. IX—X, СПб., 1910, №№ 70, 104, 210, 430, 512,
 969. В дальнейшем цитируется: "Библиотека Пушкина".

^{2 &}quot;Бибамотека Пушкина", №№ 177, 220, 321, 337, 417, 431, 473.

Повидимому, Пушкин склонен был рассматривать вещий сон Святослава, как реминисценцию, навеянную реальным историческим событием, память о котором даже через сто с лишним лет продолжала волновать современников Игоря; в интерпретации поэта сновидению сообщалось психологическое и историческое оправдание, что было одинаково важно как для разъяснения одного из темных мест поэмы, так и для отпарирования нападок скептиков — М. Т. Каченовского, О. И. Сенковского и их последователей. Вторая закладка (между стр. 202-203 того же тома) отмечает рассказ о походе на половцев Владимира Мономаха и других князей в 6611 (1103) г.; она может, впрочем, относиться и к выражению "оба полы" в описании "небесного знамения" (выражение это встречается в "Слове": "свивая славы оба полы сего времени"). Третья вакладка (между стр. 204-205) находится в описании другого похода на половцев 6619 (1111) г., окончившегося взятием городов половецких Шарукана и Сугрова; летописное повествование отмечено, очевидно, по связи с следующим местом "Слова": "звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лельють месть Шароканю". Наконец четвертая закладка (между стр. 264-265) может относиться к упоминанию о перенесении Андреем Боголюбским иконы богородицы, привезенной его отцу "из Царя-Града с Пирогощею в едином кораблицы"; о храме этой богородицы говорится и в заключительной части "Слова": "Игорь вдеть по Боричеву къ Святьй Богородици Пирогощей".

Следом внимательного изучения Пушкиным "Летописца Руского" является, может быть, и один из автографов поэта, который хранится в рукописном отделении Пушкинского Дома Академии Наук СССР и значение которого до сих пор не было раскрыто. Дело в том, что в томе І "Летописца Руского" (стр. 1 — вступительная часть "Повестей времянных лет") указаны древние границы Руси, "коя сопредельна к востоку и западу до предела Симова на восток, а к западу по морю до земли Эслянския и до Воложеской". По поводу последнего географического наименования Н. А. Львов нерешительно поясняет в сноске: "Велхия, Воложская земля: сие, кажется, про Италию разумеется". Слова Пушкина "нет — разумеется Волохия, Влахия" звучат как возражение Львову. Самая структура фразы и намеченная в ней постепенность фонетических сдвигов (Воложеской — Волохия — Влахия) сообщают ей характер живой и непосредственной реплики.

^{1 &}quot;Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР". М.—Л., 1937, № 349.— При разборе библиотеки Пушкина этот автограф выпал из какой-то книги.—См. сб. "Рукою Пушкина", М.—Л., 1935, стр. 222.

² Шлёцер также проявляет некоторую неуверенность в выборе правильного перевода названий "Воложски", "Волошскый", "Власкія", "Волохове" и т. п. См. "Нестор. Русские летописи на древле-славенском явыке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. Перевод Д. Языкова", ч. І. СПб., 1809, стр. 36, 57, 99, 114, 140—143, 209; ч. ІІ, 1816, стр. 396—399 ("Библиотека Пушкина", № 431).

Помимо указанных источников, перечень материалов, концентрирующихся вокруг занимавшей Пушкина проблемы критического изучения "Слова", должен быть значительно расширен. Так, в библиотеке поэта сохранилось значительное количество разнообразных словарей, грамматик и других пособий по лингвистике, очевидно, служивших Пушкину не столько для чисто филологических целей, сколько для ознакомления с произведениями мировой литературы по первоисточникам. Но этот материал мог помогать и в работе над лексикой "Слова". На последнее обстоятельство справедливо указал М. А. Цявловский.¹

Пушкин не только обратил внимание на присутствие в языковом материале "Слова" западнославянской стихии, но и придавал, видимо, большое значение этому факту. Касаясь вопроса о подлинности "Слова" и отводя гипотезы о мистификации как несостоятельные, поэт говорит: "Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песяи словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна?" Это замечание, повидимому, направлено и против Вельтмана, который в своем предисловии к "Песни ополчению Игоря" (стр. III) ставит вопрос: на каком языке написано "Слово" — на доевнем ли славянском или на другом областном наречии? — и формулирует свой ответ следующим образом: "На языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта; на выборе слов эвучных, кратких, свойственных той гармонии, которою была исполнена его душа". Мнение Вельтмана Пушкин отчеркнул карандашом. 2 О построении Пушкиным своих выводов на базе сравнительного изучения славянских языков говорил еще А. И. Тургенев: "Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: всё основано на знании наречий славянских и языка русского".3 Всё это указывает на связь между сохранившимися в библиотеке Пушкина практическими пособиями по славянской лингвистике и одним из предварительных этапов его работы над "Словом". Непосредственное ознакомление с этими филологическими пособиями окончательно убеждает в существовании такой связи. Эти книги с несомненностью свидетельствуют о лексических разведках Пушкина, они вводят нас в лабораторию его научных размышлений, раскрывают перед нами его исследовательский метод и уясняют некоторые из его выводов и гипотез.

Из книг по славянской филологии, сохранившихся в библиотеке Пушкина, наибольшего внимания заслуживают следующие:

^{1 &}quot;Пушкин и Слово о полку Игорове". "Новый Мир", 1938, № 5, стр. 267.

^{2 &}quot;Библиотека Пушкина", № 70, стр. 20.

³ П. Е. Щеголев. "Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы". Изд. 3-е, ГИЗ, М.—А., 1928, стр. 278.

- 1) "Чешско-немецко-латинский словарь Георгия Палковича" (Прага, 1820, два тома); он охватывает также идиоматические выражения, присущие наречиям словацкому и моравскому; в двух местах этого словаря, имевшегося у Пушкина в двух экземплярах, вложены бумажные закладочки, не учтенные в описании Б. Л. Модзалевского.
- 2) "Сербско-немецко-латинский словарь Вука Стефановича Караджича" (Вена, 1818); в трех местах книги есть бумажные закладки.
- 3) "Новый польско-немецко-французский словарь Михаила-Авраама Троца" (Лейпциг, 1764, 1771 и 1774; три части для перевода с польского, с французского и с немецкого языков); в польской части сохранилась бумажная закладка Пушкина.
- 4) "Словарь польского языка Самуила-Богумила Линде" (Варшава, 1807—1814, шесть томов); в целях более полного охвата семантики, этимологии и палеонтологии данного слова Линде в изобилии привлекает для сличения слова и выражения из других—славянских и неславянских—языков и поясняет словоупотребление цитатами из древних и новых польских авторов.
- 5) "Словинско-немецкий словарь Антона-Яна Мурко" и его же "Немецко-словинский словарь" (Грац, 1833); оба словаря составлены применительно к говору словинцев, распространенному в Штирии, Крайне, Каринтии и в западной Венгрии; в словинско-немецком томе сохранилось тринадцать бумажных закладок.

В библиотеке Пушкина имелись также: грамматика польского языка К. Поля, руководство для изучения словинского языка А.-Я. Мурко, грамматика сербо-лужицкого языка А. Зейлера, руководство чешского правописания В. Ганки, подаренное Пушкину автором 21 сентября 1836 г., и некоторые другие пособия по языкознанию, подробно описанные в работе Б. Л. Модзалевского. 1

Может быть, в плане тех же исследовательских замыслов был приобретен Пушкиным 2 июля 1836 г. известный труд Ф.-Г. Эйхгофа (на французском языке): "Параллель языков Европы и Индии, или изучение главных языков романских, германских, славянских и кельтических в их сопоставлении друг с другом и с языком санскритским; с приложением опыта общей транскрипции" (Париж, 1836); книга эта осталась неразрезанной. В той же связи следует упомянуть и "Полный немецкочешский синонимический и фразеологический словарь Иосифа Добровского" (Прага, 1821), имевшийся у Пушкина, но не сохранившийся в его библиотеке. В

lib.pushkinskijdom.ru

¹ "Библиотека Пушкина", №№ 951, 970, 1105, 1200, 1201, 1202, 1238, 1270, 1382, 1409, 1451, 1452, 1453. — В дальнейшем словари цитируются по фамилии составителя: Палкович, Караджич, Троц и т. д.

² "Бибанотека Пушкина", № 901. — Ср.: "Пушкин и его современники", вып. XIII, СПб., 1910, стр. 121.

 $^{^3}$ Л. Б. Модзалевский. "Библиотека Пушкина. Новые материалы". "Литературное наследство", 1934, № 16—18, стр. 1016, № 158.

Изучение разнообразных по жанрам и по форме произведений древней письменности — таких, как летописи, Библия, "Древнее сказание победе князя Димитрия Иоанновича Донского над Мамаем", "Четьи-Минеи", "Урядник сокольничьего пути" — также, повидимому, давало Пушкину материал для стилистических и языковых сопоставлений, а иногда помогало ему овладевать и лексикой "Слова о полку Игореве". Характерно, что в одних случаях Пушкин как будто подмечает в "Слове" следы летописного влияния или отражение библейской символики, в других — наблюдает воздействие "Слова" на языковый материал и стилистическую структуру позднейших памятников в смысле насыщения их своеобразной фразеологией и средствами поэтического выражения.

Особого упоминания заслуживает внимание Пушкина к фольклору, как к источнику, также питавшему "Слово" своими языковыми, стилистическими и поэтическими формами. Об этом говорит выписанный Пушкиным на письме Гоголя куплет старинной украинской песни: "Черна роля заорана". Выло бы л обопытно установить происхождение этой записи. Н. О. Лернер считал источником выписки сборник "Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем" (М., 1834), имевшийся в библиотеке Пушкина с авторской надписью. По мнению М. А. Цявловского, значительные расхождения в орфографии доказывают, что Пушкин списал этот куплет с какого-то другого текста. Действительно, пушкинская выписка совпадает в деталях, вплоть до расположения рефрена, с текстом сборника галицких народных песен, изданного Вацлавом Залесским в Львове в 1833 г. Для сличения с записью Пушкина приводим из этого сборника первый куплет:

Публикация
Залесского
Czorna rola zaorana,
hej, hej,
czorna rola zaorana
i kulamy zasijana,
bilém tilom zwołoczena,
hej, hej,
i krowoju społoczena.

Выписка Пущкина Черна роля заорана Гейгей

Черн. etc. И кулями засияна Билым тилом взволочена

Гей гей полочена

И кровию сполочена

etc. etc.

¹ Пушкинская выписка воспроизведена, вместе с письмом Гоголя, в "Русской Старине" (1879, т. XXIV, январь—апрель; фотолитография на отдельном листе между стр. 778 и 779).

² Н. Лернер. "Из исторни занятий Пушкина Словом о полку Игореве". "Пушкин. 1834 год", Пушкинское общество, А., 1934, стр. 102.

^{3 &}quot;Новый Мир", 1938, № 5, стр. 268.

^{4 &}quot;Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z musyką instrumentowaną przez Karola Lipinskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska" (псевдоним В. Залесского). We Lwowie, nakładem F. Pillera, 1833, стр. 79, № 19. Публикация Залесского на один хуплет полнее той, которую дает Максимович.

В пушкинской записи бросается в глаза одна особенность, которая для данного вопроса является решающей. Эту деталь находим в слове "сполочена" (вместо "сполощена" — как у Максимовича), не имеющем смысла по-русски и едва ли безупречном с точки зрения украинского правописания. Очевидно, Пушкин, реконструируя на основания условной польской транскрипции Залесского оригинал песни, машинально воспроизвел это слово с сохранением фонетики, приспособленной для польского читателя, но не оправдываемой в украинском контексте.

Из переписки Гоголя за 1834 г. видно, что достать в Петербурге сборник Вацлава Залесского было трудно, так как книгопродавцы, напуганные цензурными притеснениями, не решались держать в своих магазинах литературу, изданную на польском языке за границей; по просьбе Максимовича Гоголь пытался раздобыть для него "Песни люду галичекого", но поиски были безуспешны, а своего экземпляра Гоголь выслать не мог, так как книгу у него, по его выражению, "замотал один задушевный приятель". В предисловии к своему изданию Максимович говорит о сборнике "г. Вацлава", как об оставшемся для него недоступным. Характерно также, что как раз в это время Гоголь часто общался с поэтом, который клопотал за него перед С. С. Уваровым. Всё это наводит на мысль, что Пушкин получил этот редкий сборник во временное пользование именно от Гоголя и что история, которую Гоголь рассказал в письме к Максимовичу ("Вацлав... отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города") была придумана им для того, чтобы не докучать поэту напоминанием о книжном долге. Пушкин же, получив от Гоголя письмо с просьбой навестить его по делу, мог сам вспомнить. о необходимости вернуть книгу и на первом попавшемся дистке бумагина той же записке Гоголя — выписать нужный ему куплет.1

Среди материалов работы Пушкина над "Словом" первое место принадлежит разрозненным черновым ваметкам. Они введены, начиная с издания П. В. Анненкова 1855 г., в собрание сочинений Пушкина под условным заголовком: "Замечания на Песнь о полку Игореве". Первое критическое издание "Замечаний", со сводкой черновых вариантов, было

¹ Это письмо (в котором Гоголь сообщает, что он "зло захворал"), предположительно датируемое июлем 1834 г., можно приурочить к более ранней дате и считать его предшествующим письму от 13 мая того же года, в котором Гоголь пишет: "скажите «Уварову», что вы были у меня и застали меня еле жива". Пересмотр датировки должен коснуться и Пушкинской выписки: между 1 и 18 июля Гоголь получил из Москвы от Максимовича экземпляры сборника украинских песен для раздачи по принадлежности, а в их числе, вероятно, и тот, который был предназначен Пушкину; после получения этой книги Пушкину незачем было делать выписку из Залесского. См.: Н. В. Гоголь. "Письма". Ред. В. И. Шенрока. СПб., т. І, стр. 272, 277, 286, 292, 296, 312, 314, №№ XCVII, C, CVI, CX, CXIV, CXXVII, CXXVIII. — О В. Залесском см.: А. Н. Пынин. "Историярусской этнографии", т. III, СПб., 1891, стр. 120—132.

подготовлено Н. К. Козминым. К "Замечаниям" примыкают: запись из архива А. А. Краевского; возражение на замечание Сенковского, обнаруженное Б. Л. Модзалевским в книге А. Вельтмана "Песнь ополчению Игоря" и опубликованное им в 1910 г.; запись на обороте письма П. Я. Чаадаева; пять отдельных записей, находящихся в тетради № 2386 Г рукописного отделения Всесоюзной Библиотеки имени В. И. Ленина; выписки из Библии и из "Истории государства российского" Н. М. Карамзина. Чрезвычайно интересны, но до сих пор почти не расшифрованы замечания на полях и глоссы Пушкина на писарской копии стихотворного перевода "Слова", сделанного Жуковским. История этого перевода, относимого А. С. Архангельским к 1808—1819 гг., остается до сих пор неясной во многих существенных пунктах, главным образом, в вопросе датировки перевода и момента передачи его Пушкину для просмотра.

В библиотеке Пушкинского Дома Академии Наук СССР хранится экземпляр первого издания "Ироической песни о походе на половцев" 1800 г. Как установлено пишущим эти строки, это рабочий экземпляр Жуковского, носящий ряд его заметок. Книга перешла в собственность Пушкинского Дома из Ульяновского дворца книги имени В. И. Ленина (в Саратове). Экземпляр вамечателен и тем, что он был подарен Жуковскому Андреем Ив. Тургеневым, о чем свидетельствует надпись внизу титульного листа: "Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев, в знак дружбы, на память любви. 1800, нояб. 24". Вполне допустимо, что замысел о переводе древнего памятника зародился у Жуковского сразу после окончания им курса наук в Московском благородном университетском пансионе.

В книгу Жуковского, которая заключена в подклеенную холстом бумажную обложку, вшиты прокладные листы из темноголубой бумаги верже с водяным знаком МОФЕБ 1808. В ту же обложку вплетена "Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим" (СПб., 1793). Прокладные листы по большей части остались

¹ "Сочинения Пушкина", т. IX, изд. Академии Наук СССР, А., 1928—1929, часть I (1928), стр. 212—217; часть II (1929), стр. 586—591.

^{2 &}quot;Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде". Составил Л. Б. Модзалевский. "Academia", Л., 1929, стр. 18, № 37.

³ "Библиотека Пушкина", стр. 21; там же — против стр. 20 — факсимильная репродукция.

⁴ Опубликованная Н. О. Лернером, по указанию Д. П. Якубовича, в вышена-званной статье, стр. 107.

⁵ Одна из них опубликована в части II вышеуказанного тома IX "Сочинений Пушкина" (Изд. Академии Наук СССР), стр. 588—589, остальные — в сборнике "Рукою Пушкина", 1935, стр. 217, №№ 39—42 (комментарий М. А. Цявловского).

^{6 &}quot;Летопись Государственного Литературного Музея", кн. 1, "Пушкин". М., 1936, стр. 320, 321, 323, 324; репродукция автографа Пушкина там же, на отдельном листе между стр. 320 и 321 (комментарий М. А. Цявловского).

⁷ Опубликованы в сборнике "Рукою Пушкина". М.—А., 1935, стр. 127—145 (комментарий Т. Г. Зеьгер).

чистыми; только в одном месте, против стр. 3, имеется замечание Жуковского, писанное чернилами. Оно относится к вступительной части песни: "Памятно бо предание о сражениях первых времен. — Вероятно. что храбрых воинов прославляли песнями. Кому прежде начинать песнь, решалось полетом соколов. Чей сокол долетал прежде, тому и песнь прежде". Печатный текст изобилует замечаниями на полях и подчеркиваниями: последние распадаются на два слоя: одни, более ранние, сделаны карандашом, другие, позднейшие, — чернилами. Почти через весь первый абзац "Ироической песни" проходят карандашные разметки, отражающие попытку уловить в древнем тексте стихотворный ритм; разбивка на стопы соответствует первым стихам перевода Жуковского. Подчеркивания относятся или к словам и выражениям, которые затрудняли своей лексикой и нуждались в подыскании смысловых эквивалентов ("потяту быти", "свивая славы оба полы", "земля тутнет", "притрепетал"), иди к местам, своеобразным по стилю и яркости поэтических образов (например, поразившее и Пушкина и Максимовича сравнение поля битвы е нивой пахаря), или, наконец, к таким кускам текста, которые, по мнению Жуковского, могли нуждаться в особых комментариях. К отчеркиваниям последнего рода примыкают и проходящие через всю книгу лаконические, ориентировочного порядка заметки на полях: "срав (нение)", "вы (ражение)", "раз (говор)", "оп (исание)", "изобр (ажение)", "предз (наменование>" и т. п.

Хотя указанные замечания принадлежат только Жуковскому, однако описанную книгу надо признать документом, который органически связан с другими рукописными материалами, отражающими историю работы Пушкина по изучению древнего памятника нашей письменности. Не исключена и возможность (нуждающаяся в доследовании), что этот экземпляр "Ироической песни" побывал в руках Пушкина одновременно со списком перевода Жуковского; например, некоторые отчеркивания как будто тематически сближаются с мнениями Пушкина, высказанными в его "Замечаниях", или с его заметками и глоссами на полях рукописи перевода "Слова". Тщательное сопоставление различных отчеркиваний, записей и исправлений, повидимому, даст исследователям некоторый материал для уточмения вопросов датировки, освоения лексики и истолкования Пушкиным отдельных мест памятника древней русской письменности.

П

Переходим к рассмотрению тех мест "Слова о полку Игореве", на которых Пушкин, видимо, останавливался как на требующих филологических или историко-литературных пояснений.

По особенностям обследуемого пушкинского материала и по степени его изученности наибольшее количество предлагаемых аннотаций падает на замечания к переводу В. А. Жуковского. В нашем обзоре цитируются, в последовательности древнего текста, те отрывки "Слова", к которым

относятся замечания Пушкина, и комментируются самые замечания с возможно более широким использованием источников, записей, отметок и закладок в книгах его библиотеки. Само собою разумеется, что подчеркивания и нотабены Пушкина в ряде случаев остаются нераскрытыми и позволяют только строить гипотезы. Против документирования некоторых гипотез закладками, обнаруженными в книгах библиотеки Пушкина, можно выдвинуть два существенных возражения. Во-первых: достоверно ли, что все эти закладки принадлежат Пушкину? Во-вторых: можно ли утверждать, что они относятся именно к работе его над "Словом", а не к какой-нибудь другой теме, связанной с лингвистическими разысканиями? Автор настоящей статьи полагает, что оба эти возражения можно отвести на том основании, что некоторая часть закладок неоспоримо принадлежит Пушкину (две из них -- из словаря Мурко — переданы на хранение в рукописное отделение Пушкинского Дома Академии Наук СССР); из остальных закладок шесть дают возможность устранить полностью сомнения в отношении некоторых филологических толкований Пушкина ("смагу", "лжу", "готови", "неготовами", "нъгуютъ", "кмети", "папорзи"); прочими закладками отмечены такие страницы словарей, на которых имеются, иногда целыми гнездами, слова, имеющие связь с лексикой древней русской поэмы.

I. "Не леполи ны бяшеть, братіе..." (1). В стихе 1-м перевода Жуковского ("Не прилично-ли будет нам, братия") Пушкин подчеркивает частицу "ли" и против стиха помечает "NB". В развитие своего мнения, что "в древнем славянском языке частица «ли» не всегда дает смысл вопросительный", Пушкин последовательно вносит соответствующие исправления и в другие места перевода Жуковского и вычеркивает вопросительную частицу в стихах 297, 325 и 326. Таким образом соответствующим местам древнего текста — "Се ли створисте моей сребреней съдинъ" (26), "не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша, не ваю ли драбрая дружина рыкают аки тури" (29) — сообщается утвердительная интонация. На стр. 27 перевода Вельтмана² Пушкин делает поправки, по существу тожественные с изменениями, которые он вносит в перевод Жуковского. Подтверждение того, что семантическая функция частицы "ли" в древнеславянском и в сербском языках не совпадает с функцией латинской энклитики "ne" ("иногда «ли» значит «только», иногда «бы», иногда «же»; доныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования"), Пушкин мог найти, между прочим, в словаре Мурко, в котором указаны частные, не содержащие в себе вопроса, значения частицы "li", существующие в языке словинцев (li = modo, tantum, duntaxat, solummodo), в примерах бытовой фразеологии, приводимых у Караджича, и, наконец.

¹ Цифры, указанные в скобках после каждой цитаты из "Слова о полку Игореве", отсылают к соответствующим страницам мусинского издания 1800 г. В цитатах из "Слова" и из других древних текстов сохранена старая орфография.

^{2 &}quot;Библиотека Пушкина," № 70.

в определении Линде (li — частица, прибавляемая в польском языке в конце фразы для выражения вопроса, сомнения или неопределенности).

II. "Боянь бо вышій, аще кому хотяще пыснь творити, то раствкашется мыслію по древу, сврымь вълкомь по земли, шизымь орломъ подъ облакы" (2-3). В переводе Жуковского Пушкин ставит против стиха "Растекался мыслию по древу" "Вв", подчеркивает чернилами слово "растекался" и пишет на одном поле "то носился", а на другом — "(славіемъ)". Поправка "то носился" вместо "растекался" обусловлена, конечно, тем, что сохраненный Жуковским глагол "растекаться" оказался — в контексте перевода на современный язык — насыщенным не той семантикой, которая присуща выражению "растъкашется" древнего подлинника, и таким образом в переводе получилась ложная интонация ("растекался мыслию... волком... орлом"), вовсе не соответствующая поэтическому образу оригинала. Глоссу "(славіемъ)" надо рассматривать в совокупности с отметками в стихе 49-м перевода Жуковского и с догадкой, высказанной Пушкиным в "Замечаниях": "должно, думаю, читать растекащется, скача славием по мыслену древу, тем более, что ниже сие выражение употреблено". К этой же вставке относится и запись в тетради № 2386 Г. Предложенная Пушкиным интерполяция удачнее разрешает сомнения, чем высказанное впоследствии В. В. Макушевым предположение, что в оригинале XII в. стояло вместо "мыслию" другое слово, обозначающее какое-нибудь юркое животное.2 Пушкин сохраняет слово "мыслію" и в то же время восстанавливает эпическую тройственность сравнения, полагаясь не столько на конъектуру, сколько на последующий текст оригинала ("абы ты сіа плъкы ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы... рища въ тропу Трояню").

III. "Они же сами Княземъ славу рокотаху" (4). В стихе 21-м перевода Жуковского: "И сами они славу князьям рокотали (звучали)" Пушкин подчеркивает "славу" и ставит против стиха "NB". В соответствующем месте перевода Вельтмана (стр. 5): "Струны во славу князей рокотали" Пушкин делает поправку на полях: "хвалу" вместо "славу"; очевидно, эту же поправку он предполагал внести и в перевод Жуковского (ср. ниже XVI).

IV. "Иже истятну умь крепостію своею..." (5). В своих "Замечаниях" Пушкин поясняет: "истягнул—вытянул, натянул, изведал,

^{1 &}quot;Рукою Пушкина", стр. 217, № 39.

² Всев. Ф. Миллер "Взгляд на Слово о полку Игореве". М., 1877, стр. 181.— Однако значительно раньше Макушева высказался в втом же смысле Н. А. Полевой (рецензия на перевод и комментарий Вельтмана: "простая догадка иногда лучше мудреной: не зверок ли, не птичка ли какая, ибо тут видится постепенность сравнений — облака, земля, дерево, — орел, волк — мысль?" "Московский Телеграф", 1833, ч. 50, № VII, апрель, стр. 438). Замечание Полевого могло подсказать и Пушкину его поправку, на что было указано А. И. Смирновым ("О Слове о полку Игореве". "Филологические Записки", вып. III, Воронеж, 1878, стр. 74).

испробовал". Значение этого слова, вероятно, проверялось по словарям. В сербском языке есть глаголы: истеглити, истегнути, истезати; в словинском: istégniti, istegovati — в значениях: вытянуть, натянуть (см. Караджич, 268; Мурко, 104). Переводы Пожарского ("препоясал ум крепостью") и Вельтмана ("расширив могуществом ум свой") Пушкин отводит как неправильные. Последнему толкованию ("расширив") он противопоставляет "натянув" (замечание на стр. 5 перевода Вельтмана). Несомненным следом семасиологических разысканий Пушкина является и выписка из книги Левит гл. 28, ст. 28: "истягнеши кольцами"; в этом тексте глагол "истягнуть" употреблен в значении "укрепить"; ср. черновой вариант к "Замечаниям": напряг, изведал, укрепил, испробовал.

V. "Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго" (б). Жуковский перевел (ст. 34): "А знамение заступило ему желание". Пушкин обводит чернилами слово "заступило" и пишет на полях: "закрыло от него", а над словом "желание" ставит цифоу 1, означающую, как предполагает Т. Г. Зенгер, перестановку слов. В "Замечаниях" Пушкин указывает, что в древнем тексте "слова запутаны", и предлагает развернутый комментарий, вносящий полную ясность в это темное место. Цитируя перевод первых издателей — "Пришло князю на мысль пренебречь худое предвещание и изведать счастья на Дону великом", — Пушкин заключает в скобки слова "худое" и "счастья" как неудачные конъектуры, только заслоняющие подлинный смысл; в интерпретации поэта "знамение" становится подлежащим, а не прямым дополнением (как понимали первые переводчики): "ему знамение мешало, (запрещало) искусити Дону великого". Поправка на полях: "закрыло от него" имеет целью, с одной стороны, уточнить соотношение частей предложения, недостаточно четко переданного Жуковским, с другой вскрыть семантику глагола "заступить". Нет сомнения, что и в данном случае Пушкин обращался к словарям; это удостоверяется наличием в его пояснениях прямой цитаты из словаря Линде: "заступить, — говорит Пушкин, - имеет несколько значений, - омрачить, lumen impedio, помешать, удержать". У Линде находим (т. VI, стр. 779): "zastąpić ... ascendo, exurgo; lumen impedio, obumbro"; cp. этот же глагол в том же значении — загораживать, преграждать кому-нибудь путь, obstinendo intersepire, occludere, obstare, obsistere — в языках чешском (zastaupiti — Палкович, ІІ, 2778) и сербском (заступати — Караджич, 217). Характерно, что из нескольких латинских эквивалентов глагола "заступити" Пушкин выбирает тот, который может в данном случае послужить наилучшей иллюстрацией в силу сходства этимологической структуры и полноты семантической ассоциации: lumen im-pedere — свет за-ступити.

Что касается цифры 1 над словом "желание" (которым Жуковский перевел "жалость"), то вряд ли здесь имелась в виду перестановка слов.

^{1 &}quot;Летопись Государственного Литературного музея", т. І, М., 1936, стр. 324.

Одно из слов, подлежащих транспозиции ("ему"), устраняется поправкой на полях ("закрыло от него"). В данном случае можно скорей предполагать ссылку на какое-то неизвестное нам филологическое пояснение Пушкина. В его "Замечаниях" фраза древнего памятника представлена в таком пересказе: "Пришлось князю, мысль похоти и горесть знамение ему омрачило, удержало. Спали князю в ум желание и печаль". Здесь выдвигается несколько неожиданный семантический оттенок (горесть, печаль), обнаруженный Пушкиным в слове "жалость". Обращаясь к словарям, находим "жалост" по-сербски, "žalost" по-чешски и "shalost" пословински в значении — "печаль, грусть, скорбь, огорчение, dolor, luctus, то постоя, tristitia" (Караджич, 166; Палкович, II, 2892; Мурко, 648). Таким образом пушкинский перевод "жалость — печаль" оправдывается лингвистически. Ср. ниже в "Слове о полку Игореве": "Ничить трава жалощами" (18—19).

VI. "Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону" (6). Неясен до сих пор источник полемического замечания Пушкина на отдельном листке бумаги, обнаруженном Б. Л. Модзалевским в принадлежавшем поэту экземпляре перевода Вельтмана (опровержение мнения О. И. Сенковского). Н. К. Козмин предполагает, что возражение Пушкина ваправлено, в действительности, против М. Т. Каченовского и что Сенковский упомянут Пушкиным по ошибке; в подтверждение этого он справедливо указывает, что в словах Пушкина естественно было бы "усмотреть... опровержение взгляда, распространяемого в печати".1 Н. О. Лернер глухо ссылается на "Библиотеку для чтения" 1834 г., хотя в журнале за этот год цитируемого Пушкиным замечания Сенковского нет. 2 М. А. Цявловский высказывает предположение, что Пушкин мог слышать это мнение от самого Сенковского в устной беседе. 3 Чтобы внести ясность в этот вопрос и примирить между собою указанные противоречия, необходимо обратиться к сохранившейся в би-блиотеке Пушкина брошюре С. В. Руссова: "О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием Слово о Полку Игореве..." (СПб., 1834). Руссов, отстаивая подлинность древней песни, полемизирует с представителями скептической школы — О. Сенковским и Ив. Беликовым. Разобрав по пунктам статью Сенковского, 5 Руссов во 2-й главе своей брошюры переходит к рассмотрению раб. ты

¹ "Сочинения Пушкина", т. IX, ч. 2, изд. Академии Наук СССР, λ ., 1929, стр. 594. — "Временник Пушкинской Комиссии", т. 2, М. — λ ., 1936, стр. 418—419.

² Н. О. Лернер. "Из истории занятий Пушкина Словом". "Пушкин. 1934 год", Пушкинское Общество, Л., 1934, стр. 94.

^{3 &}quot;Рукою Пушкина", стр. 220.

^{4 &}quot;Библиотека Пушкина", стр 90, № 337.

⁵ "Умозрительные и опытные основания словесности. Сочинение А. Глаголева. СПб., 1934" ("Библиотека для чтеняя", 1834, т. IV, отд. V "Критика", стр. 1—7).

Ивана Беликова "Некоторые исследования Слова о полку Игореве", забыв при этом упомянуть фамилию автора рецензируемой статьи, которого он называет попросту "рецензентом" (как только что называл Сенковского); таким образом, создается впечатление, что все доводы Руссова направлены против одного и того же оппонента, т. е. Сенковского. Кроме того, цитируя из статьи Беликова мнение Каченовского, Руссов излагает эту цитацию опять-таки как заявление того же "рецензента". Сопоставим цитацию Руссова с замечанием Пушкина:

Руссов (стр. 23)

"13). На стр. 457 рецензент при словах: хочу копье преломити говорит, что это выражение рыцарское, к удивлению встреченное им в словарях XIX в."

Пушкин

Хочу колье приломити, а любо испити. Г. Сенковский с удивл (ением) видит тут выра-жение рыцарское...

Здесь налицо словесные совпадения: "с удивлением... выражение рыцарское" — у Пушкина; "выражение рыцарское... к удивлению" — у Руссова. Замечание Пушкина воспринимается скорее как полемическая перекличка с Руссовым, чем как прямой ответ Каченовскому.

Видимо, Пушкин набросал свое возражение именно под впечатлением брошюры Руссова и не разобрался, о ком идет речь. Таким образом по существу замечание Н. К. Козмина правильно — возражение, действительно, вызвано скептическим отзывом Каченовского (и притом опубликованным в печати), но Пушкин знал этот отзыв из вторых рук и приписал его Сенковскому.

Возражение Пушкина направлено в то же время и против доводов самого Руссова, который объясняет "рыцарское выражение" и рыцарский, по его мнению, колорит всей поэмы наивными филологическими аналогиями и указанием на то, что "рыцарство в областях славянских турнирами началось в 935 году". Ср. примечание Ганки (стр. 51 его издания "Слова"): "главу приложити, а любо испити Дону" — poetice pro smerti ili pobiedu (поэтическое выражение вместо смерть или победа).

VII. "Стоять стязи въ Путивле" (7). Перевод Жуковского (ст. 52): "Стоят знамена в Путивле". Пушкин ставит против этого стиха "NB". На стр. 31 "Древнего сказания" в фразе: "И начаща мнози гласи трубъ ратныхъ гласити и варганы тепутъ и стязи ревутъ наволочени въ саду Памфиловъ" Пушкиным подчеркнуты слова "стязи ре-

¹ "Ученые Записки Московского университета", 1834, ч. V, № II, август, стр. 295—308; № III, сентябрь, стр. 449—460, отд. "Критика".

² "Хощу... копие приломити... с вами. Фраза рыцарская!! Rompre une lance avec и также pour quelqu'un. Смотри словари. Странная встреча!"

³ "Древнее сказание о победе великого князя Димитрия Иоанновича Донского над Мамаем". Издано И. М. Спегиревым, М., 1829 ("Библиотека Пушкина", № 132).

вуть" и на поле поставлен крестик. Можно утверждать, что между этими заметками существует непосредственная связь. Пушкин, видимо, предполагал здесь порчу оригинального текста: по своей статичности синтагма "стоять стязи" могла показаться ему диссонирующей на фоне общей (картины, насыщенной движением и жизнью: "Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять в Новеградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ". Интуиция художника подсказывала ему, что в этом месте при переписке утрачен один из штрихов "живого и быстрого описания". Ср. ниже в "Слове о полку Игореве": "стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и от всѣхъ странъ" (12—13).

Любопытно, что в изложении Карамзина есть то самое отступление от текста мусинской публикации, которое, повидимому, отстаивал Пушкин: "трубы трубят в Новеграде, знамена развеваются в Путивле". Поправка Карамзина была принята многими переводчиками, и ее отражение можно встретить, например, у Грамматина (2-е изд. 1823 г.): "веют знамена в Путивле" (прозаический перевод, стр. 37), "Во Путивле же знамена развеваются" (стихотворный перевод, стр. 66); у Н. Бланшарда: 2 "Putivl déploie aux vents le drapeau de victoire" — "И в Путивле знамена веют" (стр. 16 и 17); у Беловского: "W Putiwlu wieją sztandary". 3

VIII. "Съдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осъдлани у Курьска на переди" (7).

"А Половци неготовами дорогами побъгоша къ Дону великому" (9). Перевод Жуковского: 1) "А мои тебе готовы, оседланы пред Курском!" (ст. 58—59). 2) "И Половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому" (ст. 81). В ст. 58-м Пушкин подчеркивает слово "готовы" и ставит против стиха "NB", как и против ст. 81-го, в котором подчеркнуто выражение "неготовыми". В своих "Замечаниях" Пушкин поясняет: "Готовы значит здесь известны: значение сие сохранилось в иллирийском славянском» наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут неготовыми (неизвестными) дорогами. Если же неготовыми значило бы немощенными, то что же бы значило: готовые кони — оседланы у Курска на переди?»" Это филологическое уточнение почерпнуто Пушкиным в словаре Мурко: gotóv, gótov, — bereit, fertig, gewiss, sicher, готовый, надежный, известный (стб. 79); negótov — ungewiss, неизвестный; педоточіпа, педоточост — Ungewissheit, неизвестность (стб. 232). В указанных местах словаря вложены закладки.

Работа Пушкина над выяснением значенений слов "готовы" и "неготовы" оставила еще один след в виде записи на узком листке бумаги, хранящемся в тетради № 2386 Г рукописного отделения Всесоюзной

¹ "История Государства Российского", т. III, СПб., 1816, стр. 214.

² "Igor, poème héroïque, traduit du russe... par N. Blanchard". М., 1823. — Параллельно французскому напочатан и русский стихотворный перевод.

^{3 &}quot;Wyprawa Igora na Polowcòw. Poemat slawianski wydany przez Augustyna Bielowskiego". Lwow, 1833, стр. 40.

библиотеки им. В. И. Ленина: 1 "Готовый на языке [Сл] Западных славян неизвестный". Эта заметка, несомненно, является выпиской из словаря Мурко. Пушкин здесь сделал описку, написав "неизвестный" вместо "известный" (или "готовый" вместо "неготовый"). Зачеркнутое "Сл", вероятно, надо читать "Словинцев" или "Словинском"; слово это он отбросил, предпочтя ему более широкое определение— "западные славяне". 2

На стр. 27—28 "Древнего сказания" есть место, которое, конечно, не ускользнуло от внимания Пушкина: "а Рускіе оудалцы свъдоми, имьють подъ собою борзы кони... а дорога имъ велми свъдома, берези имъ по Оцъ изготовлены..." Значение глагола "изготовити" в данном контексте, повидимому, может быть подведено под ту же интерпретацию, которую предлагает Пушкин для отмеченных им мест "Слова".

В стихе 59-м перевода Жуковского Пушкин подчеркивает выражение "пред Курском". Повидимому, он и в этом случае предлагает по-иному осмыслить слова древнего подлинника "на переди". Возможно, что ключ к толкованию Пушкина надо опять-таки искать в словаре Мурко (стб. 219), в котором словинское "парге" (паргеј) объяснено как наречие, выражающее не только движение вперед (или направление пути), но и преимущество во времени. Вероятно, Пушкин считал нужным перевести: "оседланы у Курска заранее". В этом јместе словаря Мурко также вложена закладка. Ср.: "преднюю славу сами похитимъ" (27).

IX. "А мои ти Куряни свѣдоми къ мети" (8). Перевод Жуковского: "Метки в стрельбе мои Куряне" (ст. 60). Пушкин подчеркивает весь стих и ставит против него "№". Смысл этих заметок вполне разъясняется филологическим примечанием самого Пушкина к слову "кметь" (в "Замечаниях"). Однако, основная идея, вложенная в это примечание, искажена и заслонена теми пробелами и неточностями, которые вкрались в редакторский комментарий к работе Пушкина и даже в выверенный текст его статьи. Анализ пушкинской аргументации по данному вопросу должен одновременно охватывать и запись поэта на отдельном листке бумаги, вшитом в тетрадь № 2386 Г рукописного отделения Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина:

"из Грамм.

Кмети (выписка из Вельтм.)

Кмет на языке западных славян значит простолюдин, мужик (на пр. из C_{Λ} .)" ^{3}

¹ Опубликовано в сб. "Рукою Пушкина", стр. 217, № 41.

² В "Замечаниях" Пушкин говорит: "значение сие сохранилось в иллирийском сл⟨авянском⟩ наречии". Конъектура, заключенная в ломаные скобки, спорна. Пушкин установил значение слова "готовы" по словинскому словарю; поэтому чтение сл⟨овинском⟩" было бы правильнее. Ср. черновой вариант: "в иллирийском боге⟨мском⟩", отброшенный, видимо, потому, что у Палковича Пушкин не нашел при слове "hotowy" того значения, которое он открыл в словаре Мурко. См. "Сочинения Пушкина", т. ІХ, ч. І, изд. Академии Наук ССР, 1928, стр. 217; ч. ІІ, 1929, стр. 591.

³ Опубликовано в сб. "Рукою Пушкина", стр. 217, № 42.

В этом автографе сокращенная запись "Из Грамм." отсылает, как указано М. А. Цявловским, к книге "Слово о полку Игоревом" Н. Ф. Грамматина (М., 1823), но не к стихотворному переводу ("А мои Куряне кмети храбры, сведомы"), а к прозаическому: "А мои Куряне искусные всадники" (стр. 39); главным же образом ссылка эта имеет в виду критические примечания Грамматина. Пушкина, на данном этапе его работы должен был интересовать, прежде всего, именно прозаический перевод, в котором забота о художественной адекватности отходит на второй план перед стремлением к наибольшей точности в передаче смысловых оттенков; в экземпляре книги Грамматина, сохранившемся в библиотеке Пушкина, вся стихотворная часть осталась неразрезанной, в то время как остальные страницы разрезаны, читаны, а в двух местах имеют и карандашные отчеркивания.²

Грамматин, считая неправильным перевод Карамзина "метки в стрелянии", придерживается того мнения, что старинные выражения "къметь", "къметьство" означают дружину, конный отряд; на основании указания французского автора Виала де Сомьер, он выдвигает и другое значение слова "кметь", существующее у черногорцев: доброименитый или именитый селянин. В итоге Грамматин решает, что "кмети" должно означать "искусные всадники". 5

Вельтман в данном вопросе, в сущности, примыкает к мнению Грамматина— у него это место переведено: "Куряне искусные витязи". В своих примечаниях 6 он предлагает следующее объяснение: "Кмет вначит частный начальник, староста. В Сербии по сие время есть кметы: У сваком селу имају по два по три кмета. Князь се мора с њима, као са старјешинама сеоским договорати за сватто (Во всяком селе имеется по два, по три кмета. Князь должен с ними договариваться обо всем, как с сельскими старшинами)".

Толкование Пушкина не только не опирается на интерпретацию Вельтмана и Грамматина, но полемически ей противопоставлено. При этом на первый план выступает тенденция Пушкина к уточнению и к демократическому расширению понятия о данной социальной среде. Еще Карамзин указал, что "у славян иллирических сmetiti значит быть

^{1 &}quot;Рукою Пушкина", стр. 218-219.

² Пушкин, возможно, был знаком и со стихотворным переводом Грамматина, например, по первому (анонимному) изданию: "Песнь воинству Игореву" (СПб., 1821); на стр. 22 этого издания Грамматин полсняет: "кметь — всадник, конник"; этот же перевод вошел и в I часть "Стихотворений Н. Грамматина" (СПб., 1829).

^{3 &}quot;История Государства Российского" т. III, СПб., 1816, стр. 214.

⁴ Очевидно, он имеет в виду сочинение L.-C. Vialla de Sommière: "Voyage historique et politique au Monténégro". Paris, 1820.

⁵ "Слово о полку Игоревом", перевод Н. Ф. Грамматина. М., 1823, стр. 127—129, првм. 34 ("Библеотека Пушкина", № 104).

⁶ А. Вельтман. "Песнь ополчению Игоря". М., 1833, стр. 46 ("Библиотека Пушжина", № 70).

в подданстве" и таким образом подметил основной социологический оттенок древнего слова "кметь". Пушкин, в противовес Грамматину и Вельтману, делающим упор на принадлежность "кметей" к именитой или привилегированной прослойке древнерусского общества, еще более четко и решительно проводит социологическую грань — по его мнению "кметь" значит "простолюдин", "крестьянин", "мужик".

Комментатор сборника "Рукою Пушкина" справедливо указывает, что в вышеприведенной конспективной записи Пушкина заметка в скобках "на пр. из Сл." может читаться: "Например из Словаря". Поэт напоминает себе, что предложенное толкование следует подкрепить живым примером, подысканным в одном из словарей; при этом он имеет в виду словарь Мурко. В самом выборе такого источника есть, быть может, доля полемического задора: Вельтмана надо было победить его же оружием. Дело в том, что Вельтман, употребивший в своих примечаниях цитату на сербском языке — цитату не убедительную, поскольку она иллюстрирует только общественную структуру современной сербской деревни, — умалчивает, что приведенный им пример заимствован из словаря Караджича (314). Пушкин, хорошо знакомый с этим словарем, уничтожает доводы Вельтмана подлинной народной поговоркой (тоже из словаря), которая не только раскрывает семантику слова, но одновременно показывает и глубину еще не изжитых феодальных противоречий: "Kar gospoda stori krivo kmèti morjo plazhat shivo was die Herrschaft unrecht thut, zahlt der Bauer durch sein Blut (Коль господа чинят несправедливость, крестьяне должны платиться жизнью)". См. словарь Мурко, стб. 133; здесь вложена бумажная закладка.

Итак, концепция Пушкина сводится к тому, что Игорь, выступая в поход, возлагал надежды не на кучку приближенных своих дружинников и телохранителей, а на широкие народные массы.²

X. "Солнце ему тъмою путь заступаше" (8). Против стиха 73-го перевода Жуковского ("Солнце дорогу ему тьмой заступило") Пушкин ставит "NB" и пишет "сокрыло". Выше V уже приведены пояснения к истолкованию Пушкиным глагола "заступити".

XI. "Рии лебеди роспущени" (9). Между стр. 12 и 13 "Древнего сказания" вложена закладка. Здесь, в ответе Мамая Ольгерду Литов-

¹ "История государство Российского", т. III, СПб., 1816, стр. 538; 2-е издание 1818, стр. 166 второй пагинации.

² Изложенным доказывается неприемлемость конъектуры, принятой в томе IX академического издания сочинений Пушкина и введенной также в издания "Красной Нивы" и в шеститомное (ГИХА): "Г. Вельтман (говорит, что) кметь значит вообще крестьянин, мужик". Вследствие повторных технических недосмотров, в 4-м издании указанного шеститомника исчезли ломаные скобки и конъектура как бы вросла в канонический текст. Ср.: "Сочинения Пушкина", т. IX, изд. Академии Наук СССР, Л., 1928, стр. 217. — А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений в шести томах", т. V, М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 620; то же, 2-е изд., 1933, т. VI, стр. 147; то же, 4-е изд., 1936, т. VI, стр. 254.

скому и Олегу Рязанскому, находим фразу: "Но чти вашея кощу, а моим именем и вашею рукою распущенъ будетъ Князь Димитрей Московскій". В сноске к слову "распущен" И. Снегирев приводит вариант "распужен" (от глагола "распудить") из списка А. И. Ермолаева, знакомого ему по копии В. Г. Анастасевича и из списка самого Снегирева (полуустав XVII в.). По всей вероятности, закладка относится именно к этому сопоставлению вариантов. В "Общем церковно-славяно-российском словаре" П. И. Соколова (СПб., 1834) дано значение глагола "распудить — разогнать, распужать". Слово это пояснено и в "Словаре Академии Российской" (СПб., 1793, ч. IV, стр. 132: "пужая разгоняю"). Пушкин, вероятно, считал нужным учесть замечание Снегирева в виду возможности двойственного истолкования формы "роспущени" (от глаголов "распудить" и "распустить"). В печати на возможность происхождения этой формы от "распудити" впервые указано было Д. Н. Дубенским (1844).

XII. "Лисици брешуть на чръленыя щиты" (9—10). "Дъти бъсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русицы преградиша чрълеными щиты" (13), В соответствующих местах перевода Жуковского ("Лисицы брешут на червленные щиты", "А храбрые русские щитами червленными" - стихи 87 и 134) Пушкин подчеркивает слово "червленные", а против стиха 87-го ставит кроме того "№". Видимо, у него были особые соображения насчет эпитета "червленный", но конкретными данными для расшифровки этих заметок мы не располагаем. Прилагательное "чръленый" (багряный), кажется, ни в ком из исследователей лексики "Слова" не вызывало сомнений и не заставляло их искать иного толкования. Напомним, что и в памятниках древней письменности имеется иконографический материал, подтверждающий правильность установившегося и никем де сих пор не опороченного перевода. 3 Можно было бы допустить, что подчеркивания Пушкина имеют целью отвести архаизм и, следовательно, указывают только на желательность небольшой стилистической поправки, но против такого предположения говорит пушкинская нотабена, наличие которой свидетельствует скорее о более глубоком и принципиальном возражении, затрагивающем самую семантику отмеченного эпитета и требующем экскурса в область языкознания и, в частности, палеонтологии слова.

Если исходить из исследовательского метода Пушкина — метода, по существу своему дилетантского, — и попытаться применить к данному случаю его лингвистический критерий (сличение по созвучию и по сема-

^{1 &}quot;Библиотека Пушкина", № 363.

² Tam жe, № 355.

^{3 &}quot;Красные щиты у воинов можно видеть на миниатюрах Жития кн. Бориса и Глеба в Сильвестровском сборнике XIV века. Миниатюры эти передают гораздо более ранний подлинник" (А. С. Орлов. "Слово о полку Игореве". Изд. т-ва В. В. Думнова, наследников бр. Салаевых. М., 1923, стр. 17).

сиологическим ассоциациям), то можно построить некоторое гипотетическое истолкование указанных подчеркиваний.

В словаре Караджича (стб. 908) указаны слова: цевер, 1 — Damascenerstahl, ferrum damascenum (дамасская сталь): цевердан, цеверлија — Damascenerflinte, telum damascenum (ружье из дамасской стали); пример: "он прислони своју џеверлију". Корень этих слов тюркский: в современном турецком языке существует слово "севе" (произносится "джебе") --"броня", "кираса", "латы". Наличие некоторого фонетического сходства между выражением "чръленый" и приведенными сербскими словами (в особенности — последним из них) несомненно. Если обратиться к семасиологической стороне вопроса, то установившийся перевод "чръленый багряный" может, действительно, вызвать некоторые сомнения в его смысловой равноценности оригиналу. В предметно-экспрессивном плане наиболее выигрышным является эпитет, который, в применении к оружию, подчеркивает его качественные преимущества. Произведения древней письменности и фольклора изобилуют такими традиционными выражениями как булатный меч, тугой лук, каленые стрелы ит. п.; достоинство щита должно заключаться в его способности отражать удары, что могло достигаться закалкой с последующим отжигом до появления "побежалого" красно-бурого цвета. Известно, что Пушкин интересовался восточными языками, в частности, турецким и арабским, и принимался даже за их изучение; кроме того, именно в связи с работой над "Словом", он получил от А. И. Тургенева экземпляр первого издания "Ироической песни" с рукописными замечаниями археолога и ориенталиста А. Я. Италинского, "важными, — по выражению Тургенева, — в отношении восточных языков". Все эти соображения, вместе взятые, позволяют поставить вопрос: не считал ли Пушкин возможным существование какого-то древнерусского слова, фонетически близкого к более позднему "червленный", в смысловом отношении от него отличного, но постепенно растворившегося в нем путем семантического взаимопроникновения?

XIII. "Заря свъть запала" (10). В стихе 91-м перевода Жуковского ("Свет-заря запала") Пушкин подчеркивает "запала" и пишет на поле пояснительную глоссу "пропала", которую затем вычеркивает, вероятно, признав ее маловажной. См. у Палковича (II, 2756) zapadati — в значении заходить (о солнце, луне и т. д.).

XIV. "И рассушясь стрвами по полю, помчаша красныя двякы Половецкыя" (10). На стр. 61 "Древнего сказания" Пушкин в строке 24 подчеркивает слово "разсунушася" в фразе: "Рачители же отроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побъде побъдителя"; на поле он ставит крестик и пишет: "рассоваться". Видимо, Пушкин, основываясь на структурном сходстве и смысловом единстве обеих фраз, хотел указать, что в форме "рассушясь" надлежит подразумевать слог

¹ Аффрикат Џ произносится как слитное "дж".

^{2 &}quot;Русский библиофил", 1916, № 4, стр. 34—35.

"ну" (рассу[ну]шясь), выпавший вследствие описки или неправильного выведения из-под титла.

XV. "Другаго дни велми рано кровавыя зори свыть повыдають; чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнуа: а въ нихъ трепещуть синіи мльніи, быти грому великому, итти дождю стрвлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя" (12). Пушкин ставит "NB" против стихов 113-го, 115-го и 117-го перевода Жуковского; в стихе 115-м он, кроме того, подчеркивает слово "синие". На стр. 56 "Древнего сказания" Пушкин отчеркивает по полю описание завязки сражения: "На поль Куликовъ между Дономъ и Мечею сильни полки втупишася, изъ нихъ же вытекають крововые ручьи и трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ от копейнаго сломленія". Отчеркнутые слова отмечены и крестиком. Внимание Пушкина было, очевидно, привлечено литературным параллелизмом между этим отрывком и эпическим описанием начала битвы в "Слове о полку Игореве": сходство поэтических красок и совпадение метафор в данном случае очень заметны. Крестик, вероятно, относится к эпитету "силніе", но значение этой отметки (как и соответствующего подчеркивания в тексте Жуковского: "синие") не ясно. Хотел ди Пушкин предложить реконструкцию текста песни на основании "Древнего сказания" ("трепещуть силніи молніи"), или, напротив, отвести эпитет "силніе", как отличающийся меньшей предметной ясностью? Второе предположение представляется более вероятным, так как метафора "синие молнии" экспонирует блеск оружия.1

XVI. "Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла" (15—16). Перевод Жуковского: "Бориса же Вячеславича слава на суд привела; и на конскую зеленую попону положили его" (ст. 156—157). Пушкин в этом переводе подчеркивает слова "на суд", надписывает: "хвала на суд", отчеркивает слова "конскую" и "попону" и против стиха 157-го ставит "№". Поправки к стиху 156-му, очевидно, направлены в сторону того же смыслового уточнения, которое Пушкин вносит в стих 21-й (ср. выше III); но в семантическом плане эти редакционные изменения едва ли совпадают: если раньше шла речь о заслуженном прославлении князя, то здесь всем предыдущим контекстом подсказывается момент похвальбы.

В связи с этой же пометой находится и обнаруженное Н. О. Лернером исправление текста, видимо, предложенное Пушкиным ("славу" вместо "слава"). Это исправление находится на последней странице

¹ В "Собрании 4291 древних российских пословиц", М., 1770 ("Библиотека Пупкина", № 362) на стр. 176 отмечена крестиком пословица: "Молния гремит стрелами, а море дышит волнами". Принадлежность этой пометы Пушкину недоказуема. Всё-таки любопытно наличие параллелизма между анимистическим изображением сил природы в пословице и композицией и стилем картины боя в "Слове".

обложки перевода Вельтмана. Введенное в текст, оно произвело бы коренную перегруппировку членов предложения. Смысл получился бы такой: "Владимир каждое утро затыкал себе уши в Чернигове и он же привел на суд похвальбу Бориса Вячеславича".¹

Исключительно дюбопытны пометы в стихе 157-м. Они свидетельствуют о попытках Пушкина найти лексикологически оправдываемое истолкование одного из самых запутанных мест "Слова", до сих пор никем удовлетворительно не объясненного, несмотря на большое разнообразие предлагавшихся переводов и конъектур. Вещественным следом этих розысков являются, вероятно, и две бумажные закладки, с помощью которых можно получить некоторое представление, хотя и очень неполное. о концепции Пушкина. Одна из них вложена между стб. 1441 и 1442 тома II чешского словаря Палковича. Здесь находим значения "paplon покрывало, занавес, прикрытие (stragulum alexandrinum, parapetasma)" и ссылку на слово "dek" (т. I, 182), которое дано в значениях: "покрывало, конская попона, чепрак (dorsuale)". Ни в одном из этих значений Пушкин, повидимому, не мог почерпнуть нового, раньше ему неизвестного, смыслового оттенка слова "паполома" (греческое "parapetasma", имеющее переносное значение— "предлог", "отговорка", едва ли учитывалось им по недостаточному знакомству с языком). В данном случае факт обращения к чешскому словарю интересен, главным образом, как доказательство добросовестной проверки поэтом всех элементов лексики Игоревой песни. Закладка в словаре Караджича, находящаяся между стб. 324—325, очевидно, относится к сербскому слову "коњина" — увеличительное от "конь". До настоящего времени "канину" древнего текста приходилось относить к совершенно непонятным словам. Толкование Пушкина предположительно может быть реконструировано следующим образом (если при этом принять и приведенную выше гипотезу Лернера): "Владимир... Бориса Вячеславича хвалу (похвальбу) на суд привел и большого коня зеленой попоной покрыл". Нельзя отрицать, что такая интерпретация сообщает запутанной фразе оригинала более четкое и логическое осмысление и раскрывает, быть может, никем раньше не замеченную метафору.

Любопытно сравнить с предполагаемым толкованием Пушкина перевод Ганки, который, исходя из чешского значения слова "konina" — "конская шкура", излагает это место так: "i па koninu zelene pokrywadlo postlal" — "и на конскую шкуру зеленое покрывало постлал" (см. издание Ганки, стр. 15, 53, 65).

XVII. "Третьяю дни къ полуднію падоша стязи Игоревы" (18). На стр. 57 "Древнего сказания" Пушкин отмечает на полях подмеченную им стилистическую параллель: "Татаровів же мнози стязи Великаго Князя подсівкоща, но Божією силою до конца неистребишася, паче крівпишася".

¹ Н. О. Лернер. "Из истории занятий Пушкина Словом о полку Игореве". "Пушкин. 1834 год", Пушкинское общество, Л., 1934, стр. 94, прим.

XVIII. "Ничить трава жалощами, а древо стугою къ землипреклонилось" (18—19). "Уныша цвыты жалобою, и древо стугою къ земли првклонило" (42-43). Сохранилась запись Пушкина: "стуга то-же, что туга, как скоп — и коп". По замечанию Н. О. Лернера "поэт не догадался, что древний переписчик соединил два слова: с (предлог) и тугою (со скорбью) и, думая, что «стугою» такой же творительный падеж без предлога, как «жалощами», подыскал для объяснения формы, вызвавшей недоумение, аналогию в двух словах, имеющих одинаковый смысл с тою же приставкою c и без нее". Заключение Лернера спорно. Пушкин основывается не на одной только аналогии, но старается в то же время документировать свою догадку языковым материалом. На стр. 61 "Древнего сказания" в фразе "Азъ видъхъ его... пъща по побоищу идуща, и оуязвлена велми, и еще ему стужають 4 Татарина... Пушкин подчеркивает слово "стужаютъ" и на поле против него ставит крестик. На той же странице глагол "стужати" встречается несколько раз в различных формах: "стужаху", "стужиша". Существительное "стуженье" и глаголы "стужати", "стужити" введены в "Словарь Академии Российской" и в "Общий церковно-славяно-российский словарь" П. И. Соколова; 1 вообще, эти слова свойственны и библейскому языку: "Горечь и желчь мою помяну, и стужить во мнь душа моя" ("Плач пророка Иеремии", III, 20).

XIX. "Убуди жирня времена" (19). Перевод Жуковского: "Прошан времена благоденствием обильные" (ст. 205). Сверху надписано Жуковским, но зачеркнуто (Пушкиным?) "жирные"; рядом с зачеркнутым надписано "золотые" рукою Пушкина; оба надписанных слова взяты в скобки; на поле Пушкин пишет пояснительную глоссу: "Zir, Zierde" и подчеркивает в стихе Жуковского "благоденствием". В то же время в книге Вельтмана он на стр. 16 подчеркивает в древнем тексте "жирня" и пишет на поле "тягостные". Значение этих замечаний неясно в виду их противоречивости. Что касается глоссы Пушкина, то она, повидимому, восходит к словарю Мурко и основана на ошибочной ассоциации. У Мурко (стб. 744) находим: "Zir — die Zierde ("украшение"); здесь словинское "z" произносится как русское "ц" (звук "ж" в словинском языке Мурко передает через "sh"). Пушкин, кажется, не заметил, что крестик в скобках при слове "zir" указывает на его иноязычное (в данном случае --- немецкое) происхождение. Тем не менее, предложенное Пушкиным лингвистическое сближение любопытно с точки зрения палеонтологии языка и, может быть, заслуживает даже особого комментария, так как происхождение немецкого "zier" (древне-верхне-германское "ziari", "zêri", древненорманское "tirr", англо-саксонское "tir") до сих пор является загадкой для филологов.

ХХ. "За нимъ кликну Карна и Жля, по скочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянв розв" (20). Перевод Жуковского: "За ним

¹ H. O. Лернер, цит. соч., стр. 108.

² "Библиотека Пушкина", №№ 355 и 363.

кликнули Карна и Жля и по русской земле поскакали мча разорение в пламенном роге!" (ст. 213-214). Пушкин подчеркивает "разорение", надписывает сверху: "победу", а на левом поле (чернилами) — "смага"; слово "роге" подчеркнуто чернилами дважды и против него на поле написано "дороге". Перед стихом поставлена нотабена. Перевод слова "смага" ("огонь", "жар"), предложенный еще первыми толкователями, до сих пор является общепринятым. Кажется, никто из исследователей лексики древнего памятника не пытался применить перевод, предложенный Пушкиным. А между тем этот перевод имеет известные права на существование. Во всяком случае, он оправдывается лексикой польской, чешской, словинской, сербской и даже русской. В нашем языке и посейчас существует глагой "смогать", "смочь"; отсюда "смоганье", "смога" в значении — "сила", "мощь", "одоленье" (Даль). Закладка, вложенная между стб. 632-633 словаря Мурко, открывает следующее лексическое гнездо: "smag, smaga — der Sieg (победа); smágati — осилить, победить: smagaviz — победитель, одолитель; smagavka — победительница". Ср. у Троца и Линде глагол "гтос" в значениях: "победить", "преодолеть", "обуздать".

Прочие пометы нам непонятны; они позволяют лишь заключить, что для Пушкина данное место древней песни не было непроницаемой загадкой и что он пришел к какому-то достаточно четкому и обоснованному решению. К чему сводилась его интерпретация и в какой степени она опиралась на конъектуру и на филологические разыскания— нельзя сказать даже приблизительно. Трудно объяснимым является, например, сопоставление "рогь — дорогь".

Что же касается истолкования Пушкиным данного отрывка во всем его контексте, то не исключена возможность, что поэт пытался найти какое-то сближение между метафорой древнего песнотворца и летописным рассказом о зловещем явлении на небе: "Въ лѣто 6694 бысть знаменіе въ солнцѣ въ среду на вечерни маія 1, 2 и 11 дни, и бысть мрачно болѣ часа, и звѣзды видѣть, а во очахъ человѣческихъ зелено, солнце жъ тогда бысть видомъ яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко угліе горячое исходило, и страшно бѣ тогда зрѣти сіе знаменіе божіе человѣкомъ".¹ Это же описание цитирует по Никоновскому списку и Грамматин в своих примечаниях к "Слову о полку Игоревом"; Пушкин в своем экземпляре книги Грамматина отмечает цитату, подчеркнув выражение "в солнцы".²

В ряду пушкинских выписок из Библии имеется ссылка на одно место Пятикнижия Моисея: "Левит, глава 4 (роги алтаря)". М. А. Цявлов-

^{1 &}quot;Летописец Руской", стр. 330—331 ("Библиотека Пушинна", № 220).— А. Н. Майков использовал это описание затмения в своем переводе "Слова о полку Игореве" (ст. 35—38).

² "Слово о полку Игоревом", перевод Н. Ф. Грамматина. М., 1823, стр. 99 ("Библиотека Пушкина", № 104).

ский относит эту ссылку к стиху 18-му указанной главы ("и отъ крове да возложитъ жрецъ на роги олтаря очміамовъ сложенія, иже есть предъ господемъ"), а в комментариях к выпискам высказывает сомнение в возможности сопоставить данную цитату с работой Пушкина над "Словом о полку Игореве".1

Однако именно эта ссылка на определенное место из Библии могла понадобиться Пушкину в его поисках ключа к той метафоре, которая скрывается в темной фразе древнего памятника. В главе IV книги Левит выражение "роги олтаря" встречается пять раз — в стихах 7-м, 18-м, 25-м, 30-м и 34-м. В одном случае речь идет об очистительной жертве за грех священника ("аще убо архіерей помазанный согръщить" — ст. 3 и 7), в другом — за грех всего общества израилева ("аще же весь сонмъ сыновь израилевыхъ согръщить не хотящъ" — ст. 13 и 18), в третьем за грех князя ("аще же князь согръшитъ, и сотворитъ едину отъ всъхъ заповъдей господа бога своего, не хотя, еже не лъть есть творити, и сограшить, и преступить, и увастся ему грахъ, имже сограши въ немъ" ст. 22—25). Здесь существенно социальное разграничение предполагаемых виновников бедствия; принадлежностью к той или иной среде опредеаяются формы и место совершения искупительного ритуала; в первом и втором случаях жертва должна приноситься у алтаря благовонных курений, в третьем же — у алтаря всесожжений: "И возложать руку свою на главу козла: и да заколють его на мъсть идь же закалають всесожженія предъ господемъ: о гръсь бо есть. И да возложить жрецъ отъ крове яже о гръсъ перстомъ на роги олтаря всесожженій, и всю кровь его да изліеть у стояла олтаря всесожженій" (ст. 24-25). Существенная деталь искупительной жертвы — очищение огнем — могла послужить Пушкину связующим звеном для сопоставления библейского обряда ("возложение крови на роги алтаря всесожжений") с повествованием летописца ("изъ рогъ его яко угліе горячое исходило") и с аллегорией древнего певца ("смагу мычючи въ пламянъ розъ").

Это сближение оправдывается и тем фактом, что предусмотренный Библией момент признания князем своей вины находит полную свою аналогию в некоторых летописных памятниках. Так, в Ипатьевской летописи содержится большая покаянная речь Игоря, произнесенная им тотчас после своего пленения половцами. Эта речь могла быть известна и Пушкину, если не по Ипатьевской, то по Киевской летописи, отрывок из которой приведен Карамзиным: "...и тако въ день Воскресенія наведе на ны плачь и жаль на ріць Каялы. Рече бо дій (витязь) Игорь: помянухъ азъ гріхи своа, яко много убійства сотворихъ въ земли Христіанстій: взяхъ на щить городь Глівбовъ у Переяславля... и се нынів

^{1 &}quot;Летопись Государствелного Литературного музея", кн. 1, "Пушкин", М., 1936, стр. 324 и 325.

вижу отместіе отъ Господа... почто азъ единъ повинный не пріахъ страсти?"1

В той же серии пушкинских выписок имеется и другая цитата из Библии: "велблюды полны фимиама, ритины и стакти", з назначение которой также не выяснено. Любопытно сопоставить этот библейский текст с фразой "Древнего сказания" (стр. 65—66): "оудальцы восплескаше въ Татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы и насычи бугай коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари!" Здесь .Пушкиным отмечены в тексте и на полях некоторые слова. Внимание Пушкина было привлечено, вероятно, не только этими отмеченными словами, но, как и в нескольких других случаях, — известным композиционным параллелизмом, отражающим воздействие церковно-библейской речи на стиль и фразеологию древней светской письменности.

На той же странице 66 "Древнего сказания" Пушкиным подчеркнуты первые два слова во фразе: "...ревуть рози великаго князя по всымъ землямъ". Здесь роги являются глашатаями победы, весть о которой они разносят по всем дорогам. Может быть, это же образное выражение Пушкин видел и в данном месте древней поэмы: "по скочи по Руской земли, смагу (победу) мычючи въ пламянъ розъ".

XXI. "Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати" (20). В стихе 220-м перевода Жуковского "А злата сребра много утрачено" Пушкин берет в скобки слово "много", пишет сбоку "не мало для того" и ставит против стиха "N3".

У Вельтмана это место переведено: "а златом и серебром нам не бречать уж" (стр. 17). Пушкин подчеркивает на стр. 18 книги Вельтмана в соответствующем месте древнего текста слово "того" и делает на поле выноску: "— для". Ясно, что он считает необходимым внести здесь в древний текст интерполяцию, восстанавливающую смысл оригинала: "ни мало того для потрепати".3

Форма "аркучи" встречается в "Слове" также в плаче Ярославны (стр. 38). Пушкин дважды отмечает ее в "Древнем сказании", а именно на стр. 19 ("Князь же... ркучи имъ тако...") и на стр. 30 ("стоятъ мужи Новъгородцы... а ркучи между собою).

XXII. "А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напасть ми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли

^{1 &}quot;История Государства Российского", т. III, изд. 2-е, исправленное, СПб., 1818. стр. 46—47 второй пагинации, прим. 70 ("Библиотека Пушкина", № 177). — Киевская летопись была известна Карамянну по собранию рукописей П. К. Хлебникова.

² "И се путницы исманатяне идяху отъ Галавда, и велблюды ихъ полны ечміама, и ритины, и стакти: идяху же везуще во Египетъ". Бытия, гл. XXXVII, 25.

³ Тожественная поправка была принята и в тексте перевода Жуковского, опубликованного Е. В. Барсовым в 1882 г.

Рускый" (20—21). В стихе 223-м перевода Жуковского "Тоска разлилась по русской земле" Пушкин подчеркивает слово "тоска" и помечает против стиха "N3". Видимо, он отводит это слово, как не соответствующее мысли подлинника. Со стороны лингвистической у Пушкина были основания к такому отводу. Но и помимо соображений чисто лексического порядка он мог считать, что в контексте данного отрывка слова "тугою" — "напастьми" — "тоска" — "печаль", при переводе на русский язык могут в какой-то мере приобрести чуждый им в древнем оригинале характер тавтологических повторений и что поэтому здесь надо быть очень осмотрительным в выборе семантических эквивалентов. В тексте Жуковского, действительно, можно видеть отражение встреченных переводчиком затруднений:

И застонал, друзья, Киев печалию, Чернигов нагастию, Тоска газлилась по русской земле, Обильна [тоска] печаль потекла среди земли русския! (ст. 221—224)

Здесь заметны два тавтологических столкновения: "тоска — тоска" и "печаль — печаль". Возможно, что по мнению Пушкина семантически адекватной и лингвистически обоснованной заменой было бы в данном случае принятие древнего слова "тоска" в значении "страх", "тревога". Таково именно значение чешских слов: teskliwost, tesknost (Палкович, II, 2409, ср. у Добровского I, 37; у Мурко, tesnoba, 667). Это же самое эначение выбрал и Ганка в своем переводе: "tesknost rozliwa se po Ruskey zemi" — "Angst ergoss sich..." ("Слово" в издании В. Ганки, стр. 19 и 67).

XXIII. "Тій бо два храбрая Святьславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди" (21). В переводе Жуковского "Игорь и Всеволод раздор пробудили" (ст. 229) Пушкин подчеркивает "раздор", ставит против стиха "N3" и пишет на полях пояснительную глоссу "lózhba", взятую им из словаря Мурко (170), в котором находим толкование этого слова в значениях: разлука, раскол, схизма, разделение. Заметки Пушкина в данном случае оправдывают перевод Жуковского.

XXIV. "Иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желъзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже" (21—22). "Галичкы Осмомыслъ Ярославе высоко съдиши на своемъ златокованнъмъ столъ. Подперъ горы Угорскый своими желъзными плъки, заступивъ Королеви путь" (30). Перевод Жуковского: "От железных вели чих полков Половецких вырвал, как вихоры!" (ст. 240—241). "Подпер Угрские горы полками железными" (ст. 334). В стихе 240-м Пушкин подчеркивает "полков" и ставит против стиха "NВ". В стихе 334-м он подчеркивает "полками железными" и пишет против стиха знак вопроса и "NВ?". Направленность этих отметок, сделанных, вероятно, по одинаковым мотивам, неясна. Возможно, что в данном случае Пушкин учитывал одно из значений чешского слова "pluko — Haufen

Reiter (конный отряд)", отмеченное в словаре Палковича (II, 1522) как архаизм (ср. у Добровского, I, 271: pluk); принятие этого слова в его старинном значении могло оправдываться заботой о сохранении духа эпохи. С другой стороны, внимание Пушкина могло быть привлечено, опять-таки в палеонтологическом разрезе, сведениями, которые сообщает Линде о лексическом гнезде, группирующемся вокруг слова "polek (polk, pulk) — полк" (II, 874); приводимые Линде примеры из чешского, кроатского, рагужанского и других языков и наречий показывают, что исходное толкование этого слова и его различных вариантов сводится к значениям: "народ", "простонародье", "низший люд" (латинское: "vulgus", немецкое: "Volk") (ср. Мурко, 375: народ). В вопросе о направленности пушкинских поправок намечаются, таким образом, две альтернативных гипотезы: "полк — конный отряд" и "полк — народ, простой люд". Вторая из них, как и высказанные выше соображения по поводу понимания Пушкиным слова "кметь", заключает в себе предположение о стремлении поэта к точной характерологии упоминаемой древним певцом социальной среды.

XXV. "А Святьславь мутень сонь видь: въ Кіевь на горахь си ночь съ вечера одъвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовь. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смышено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно, и нвують мя; уже дьскы безь кнвса вмоемь теремв элатововсвые" (22-23). Перевод Жуковского: "И Святославу смутный сон привиделся: в Киеве на горах в ночь сию с вечера одевали меня, рек он, черным покровом на кровати тесовой, черпали мне синее вино с горечью смешенное; сыпали мне пустыми колчанами жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно и меня нежили, а кровля без князя была на тереме моем златоверхом" (ст. 253—260). В этом переводе Пушкин в стихе 257-м подчеркивает, а затем вычеркивает слово "колчанами", надписывает: "раковинами" и получившееся выражение "пустыми раковинами" заключает в скобки. В следующем стяхе — подчеркивает и после заключает в скобки выражение "в нечистых раковинах". В стихе 259-м — подчеркивает слово "нежили" и пишет справа против стиха русскими буквами глоссу: "Не́ганіе 1 покидають, оставляють меня".

Относительно значения поправок в стихах 257—258-м было бы трудно высказать определенное предположение. Объектом внимания Пушкина в данном случае является выражение "тъщими тулы поганыхъ тльковинъ"; в стихе 257-м он предлагает иной перевод: "тулы" — "раковинами" (вместо "колчанами"); тем самым он исключает из следующего стиха выражение "раковинами" (которым Жуковский перевед "тльковинъ") и хочет заменить его каким-то другим словом, долженствующим адекватно

^{1 &}quot;Héranie" не имеет смысла. Латинскими буквами Пушкин написал бы "Néhanje", как это видно из нижеприведенной ссылки на словарь Мурко. Ср. репродукцию в сб. "Рукою Пушкина" на отдельном листе между стр. 136—137.

передать смысл оригинала. Какова эта замена — неизвестно, но сохранилась бумажная закладка между стб. 2416—2419 тома II чешско-немецколатинского словаря Палковича. Здесь мы находим группу слов, которую можно отнести к одному общему корню; это лексическое гнездо распространяется и на следующую страницу. Не беремся решить, что Пушкин принял для обоснования своей концепции и что он отсеял; отметим только часть слов, которые своей семантикой, видимо, должны были привлечь его внимание: tlacenice — толпа, давка; tlachac — болтать, тараторить; tlachy — шутовство, вздор; tlučenі — биение сердца; tluku — бить молотом, палкой; tlaucy se -- суетиться вокруг чего-либо, бродить. Ср. у Палковича (II, 2454); tulak — бродяга, tulakyne — побродяжница. Слова того же общего корня есть и в словарях Линде, Троца (между прочим, tluk — стрела с тупым наконечником) и Мурко (между прочим, tlaka — барщина). См. также рассуждение Шлёцера по поводу выражения в одной из летописей: "и тиверци яже суть толковины". Выписка Пушкина из Четьи-Миней (Житие Иоанна Кущника): "трапеза, тоже, быть может, связана с его лексическими разысканиями.

Глосса Пущкина к стиху 259-му вносит нечто совершенно новое в установившуюся интерпретацию этого темного места "Слова о полку Игореве". "Нъгуютъ" древнего текста переводилось и переводится до сих пор — "ублажают", "нежат", "ласкают" и т. п. С таким переводом Пушкин не согласен; сомнение подсказано ему, вероятно, прежде всего — художественной интуицией. Можно допустить, что, по концепции Пушкина, введение в вещий сон Святослава момента неги, успокоения, утехи противоречило бы мрачной символике сновидения. В словаре Мурко (стб. 232) Пушкин находит лингвистическое подтверждение своей гипотезы; это место отмечено закладкой. Здесь оказывается: "néhanje — das Lassen (оставление)"; "nehati" или "néhati" — "прекращать", "оставлять". В чешском языке есть глагол "nechati", в польском — "niechać", имеющие те же значения — "покидать", "оставлять" (Палкович, I, 1109; Линде ІІІ, 297); Линде сближает это слово с русским "некаться", т. е. "пререкаться", "отрекаться", "отрекаться".

Независимо от того, достаточно ди подкреплена интерпретация Пушкина лексическими данными, она, во всяком случае, отличается художественной логичностью и подкупает новизной осмысления. Любопытно, что впоследствии и А. Н. Майков (опиравшийся, впрочем, на совершенно иную филологическую догадку А. В. Прахова) приблизился к тому же толкованию: "Нъгуютъ мя" у него переведено: "На меня, мертвеца, уж не смотрят".

XXVI. "Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плъсньска на болони въша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю" (23).

^{1 &}quot;Библиотека Пушкина", № 431, Шлёдер, т. П. стр. 599, 605, 606.

² На этом же столбце слово "negotov".

Перевод Жуковского: "И с вечера целую ночь граяли враны зловещие, слетевшись на выгон к дебри кисановой!" (ст. 261—262). Против обоих стихов Пушкин помечает "№", надписывает букву "и" над словом "граяли" и подчеркивает слова "зловещие" и "на выгон"; под концом стиха 261-го приписано: "плотоядные кровожадные". Это первая правка Пушкина. При вторичной правке он зачеркивает слово "граяли", надписывает над ним "— кричали", зачеркнутое восстанавливает, а над "зловещие" пишет "резвые" и зачеркивает прежние варианты: "плотоядные кровожадные".

Из этих помет ясно, что у Пушкина были колебания относительно того, как нужно понимать выражения "възграяху" и "босуви". Карандашное "и" над словом "граяли", повидимому, свидетельствуют, что Пушкин котел здесь написать "играли" ("взыграть", ср. у Палковича, I, 421: hrati и такую же поправку — "играли" — к стиху 513-му перевода Жуковского: "тогда враны не граяли"); при пересмотре рукописи Пушкин отбрасывает этот вариант, надписывает "кричали" вместо "граяли", а признак игривости выражает определением "резвые"; видимо, поправки остались незавершенными; окончательная пушкинская редакция данногостиха из них не вычитывается.

К подчеркнутому в стихе 262-м выражению "на выгон" (в древнем оригинале: "на болони") относится, быть может, закладка между стб. 60—61 словаря Троца; приведенное здесь толкование (blonie—выгон), впрочем, совпадает с переводом Жуковского.

XXVII. "Уже тресну нужда на волю" (25). Жуковский (ст. 280) перевел: "Неволя грянула на волю"; этот перевод по смыслу почти совпадает с толкованием мусинского издания: "уже насилие восстало на вольность" и Ганки: "uz tresknula nauze na zwulu", "nun stürmte Noth über den Überfluss herein" (стр. 23 и 73 издания Ганки). Пушкин ставит против стиха Жуковского "N3" и предлагает иную редакцию: "нужда сменила изобилие".

История работы Пушкина над "Словом" соприкасается с историей первого научного перевода песни об Игоре на французский язык, выполненного Ф. Г. Эйхгофом и опубликованного им в 1839 г. Этот перевод — тот самый, по которому впоследствии Карл Маркс ознакомился с великим памятником древней русской письменности, — осуществился при реальном содействии Пушкина. Еще в конце 1836 г. Эйхгоф, приступая к чтению курса лекций по литературе в Сорбонне, обратился к Н. И. Тургеневу с просьбой рекомендовать ему русское или иное издание "Слова о полку Игореве". Пушкин, через А. И. Тургенева,

¹ F.-G. Eichhoff. "Histoire de la langue et de la littérature des slaves, russes, serbes, bohèmes, polonais et lettons, considérées dans leur origine indienne, leurs anciens documents et leur état présent". Paris, 1839.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, "Сочинения", т. XXII, М.—А., 1931, стр. 122.

³ Пушкин. "Переписка", т. III, под ред. В. И. Сантова., СПб., 1911, стр. 421, № 1108...

отозвался на эту просьбу и послал Эйхгофу второй экземпляр имевшегося у него издания Ганки — древний текст с чешским и немецким переводами, — написав в конце книги свое мнение об этих переводах. Эйхгоф, в общем почти слепо придерживающийся текста и толкований Ганки, ни единым словом не упоминает в своей работе об оказанной ему Пушкиным услуге. Некоторые совпадения перевода Эйхгофа с интерпретацией Пушкина, конечно, могут быть объяснены тем, что и у Пушкина и у Ганки соответствующие места древнего подлинника объяснены одинаково. Но при передаче фразы: "уже тресну нужда на волю" Эйхгоф расходясь с Ганкою, буквально повторяет приведенную редакцию Пушкина ("нужда сменила изобилие") и переводит "la misère a succédé, à l'abondance" (стр. 309).

XXVIII. "Рано еста начала Половецкую землю мечи цвълити, а себъ славы искати" (26). Между стб. 883—886 словаря Караджича сохранилась закладка, повидимому, указывающая на группу слов, родственных по корню и по значению глаголу "цвълити": цвељати, цвијељати, цвиљати — доводить до слез; цвиљети, цвилети, цвилити — плакать, жаловаться, цвиљење — плач (у Жуковского переведено: "мечами разить"). Пушкин предвосхищает замечание Потебни, что причинное "цвълити" надо переводить не "дразнить" или "мучить", а "заставлять плакать", так как автор "Слова" имел в виду плач жен и детей убитых половцев.³

XXIX. "Нъ нечестно одольсте: нечестно бо кровь поганую проліясте" (26). У Жуковского: "Не с честию вы победили! С нечестием пролили кровь неверную!" (ст. 293—294). Пушкин подчеркивает: "Не с честью" и "С нечестием" и пишет на поле: "Неславно". Ср. в словаре Мурко (248): nezhasten, nezhesten — нечтимый, неславный. Семантическая тонкость поправки Пушкина становится особенно заметной, если сопоставить ее с позднейшим указанием Потебни, что "отрицание здесь не превращает значения в противоположное, как в нашем нечестьно, бесчестно, а только означает отсутствие славы".4

XXX. "Преднюю славу сами похитимъ, а ваднюю ся сами подълимъ" (27). В стихе 306-м перевода Жуковского: "Славу предню сами похитим" Пушкин зачеркивает слово "предню", видимо, считая

¹ П. Е. Щеголев. "Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы". Изд. 3-е, ГИЗ, 1928, стр. 278.

² Эйхгоф оговаривает (стр. 267), что в своем переводе он следовал изданию Ганки и что он пользовался в то же время об яснениями Седерхольма и личными советами Ю. Шотарского. Эйхгоф умер в Париже 11 мая 1875 г. Выяснение судьбы его библиотеки и архива и поиски в книгохранилищах Франции могли бы повести к обнаружению экземпляра пражского издания "Слова" с драгоценными замечаниями Пушкина.

³ А. А. Потебня. "Слово и полку Игореве. Текст и примечания". "Филологические записки", вып. I, Воронеж, 1878, стр. 101.

⁴ А. А. Потебня. "Слово о полку Игореве. Текст и примечания". "Филологические записки", вып. І, Воронеж, 1878, стр. 102.

его неудачным в стилистическом отношении и затемняющим мысль подлинника, в котором говорится о предстоящей славе (ср. выше VIII).

ХХХІ. "Коли соколо во мытехо бываето, высоко птицо возбиваето" (27). У Жуковского: "сокол ученый" (ст. 309). Пушкин подчеркивает "ученый", а против стиха приписывает "РВ полинявший". В противовес Жуковскому, который принял толкование Шишкова, Пушкин становится на сторону первых переводчиков "Слова" ("когда сокол перелиняет"). По Вельтману выходит, что термины "смычить" и "размыть" имеют тот же корень, как и выражение "в мытех" ("мыт"). Пушкин с этим не согласен и пишет против объяснения Вельтмана полемическую глоссу: "смыкать". Любопытно, что приводимые Вельтманом в его комментарии истолкования некоторых специальных слов из "Урядника сокольничьего пути" з расходятся с замечаниями Пушкина о терминах соколиной охоты:

У Пушкина

У Вельтмана

Челиг — самец. Дикомить — самка. Челиг — самка сокола или кречета. Сокол дикомыт, кречет дикомыт — выведенный на воле, вольного мыта.

ХХХІІ. "Суть бо у ваю желвянии папорви подъ шеломы латинскими" (31—32). Жуковский перевел: "Шеломы у вас латинские, под ними железные панцыри!" (ст. 348). Пушкин подчеркивает "панцыри" и несколько ниже на поле приписывает слово подлинника "папорзи" и подчеркивает его. На стр. 28 книги Вельтманаї Пушкин подчеркивает в древнем тексте это же самое слово, а внизу страницы пишет карандашом: "подпруги, вастежки (ungula)". В этом филологическом пояснении, видимо, контаминированы толкования, почерпнутые из словаря Палковича (II, 1441: раргсек—Klaue der kleinern Thiere, копыта или когти небольших животных, лат. ungula), и перевод данного места Ганкою: "železni popruzi pod lebkami Latinskymi" (стр. 29). В указанном месте чешского словаря вложена бумажная закладочка. Ср. также у Палковича: роргић — ремень, лат. cingulum; у Караджича попрезање — надевание ремня (седельного).

XXXIII. "Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоща" (32). Вельтман на стр. 49 "Песни ополчению Игоря" (прим. 44) поясняет: "Сулица — копье, пика; в Молдавском языке, в коем много слов древне-славянских, сие слово сохранилось до сего времени". Это замечание привлекает внимание Пушкина: он отчеркивает его каранда-

^{1 &}quot;Я под словами «сокол в мытех» разумею выученного, выношенного сокола" ("Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова", т. VII, стр. 91, прим.).

^{2 &}quot;Песнь ополчению Игоря", стр. 49, прим. 39.

з "Древняя Российская Вивлиофика", ч. III, стр. 430—463 ("Библиотека Пушкина" № 135).

⁴ На той же странице слово "paplon", о котором говорено выше.

шом; здесь ценным для Пушкина было, вероятно, указание на наличие в лексике древнего памятника слов, имеющихся в живой молдавской речи. О существовании слова "сулица" в ряде славянских языков (польском, чешском и др.) Пушкин мог знать (ср. Линде, V, 465; Мурко, 570). Ср. в "Древнем сказании", стр. 27: "корды лятцкіе сулицы Немецкіе". В своих "Замечаниях" Пушкин говорит (по поводу составалексики "Слова"): "Но в Ломоносове вы не найдете ни польских... ни молдавских, ни других наречий славянских".

ХХХІV. "Нь уже Княже Игорю, утрпь солную свыть, а древо не бологомь листвіе срони" (32). Вельтман в комментарии к этому месту 1 сопоставляет слово "утрпь" с сербскими глаголами "утрапити" — "зарыть", "спрятать" (Караджич, стб. 875) и "утрнути" — оцепенеть, охладеть; отсюда он выводит толкование "настала осень, охладел свет солнца". Это примечание отмечено Пушкиным. Повидимому, поэт не был согласен с Вельтманом; свидетельством того, что он допускал иную интерпретацию является, быть может, закладка в словаре Мурко между стб. 687—690., Из слов, поддающихся фонетико-этимологической ассоциации с лексикой древней песни эдесь находится глагол "uterpeti — entbehren können (быть способным перенести лишение)"; сближение сходно с объяснением Потебни ("утьрпь — потерпел, пострадал") и приводит к его же истолкованию: "для Игоря померк солнечный свет".²

В том же комментарии Пушкин выделяет полемически-отрицательной отметкой попытку Вельтмана доказать, что в древний текст надовнести исправление: "по бологомъ" ("по колмам") вместо "не бологомъ" ("не добром"). К работе над проверкой перевода этого выражения относится, может быть, и закладка в словаре Троца (blogo, blogo mi — стб. 59). Пушкин дорожил в древнем памятнике эпическими сравнениями (сеяние горя, сеяние костей), повторяющимися, как лейтмотив, в нескольких местах поэмы; та же тема слышна и в данном месте "Слова"; ср.: "Немизъ кровави брезъ не бологомъ бяхуть посъяни" (36).

XXXV. "Непобъдными жребіи собъ власти расхытисте?" (33). У Вельтмана это место переведено (стр. 31): "Не жребий ли подвигов силу вам дал?" Пушкин подчеркивает на стр. 30 в древнем тексте слово "непобъдными" и делает выноску: "счастливыми", а внизу той же страницы документирует этот перевод словами народной песни:

Ты победный добрый молодец, Бесталанная головушка.

Эти строки (сходные с началом известной народной песни: "Ты бессиастный добрый молодец, бесталанная твоя головушка...") вероятно принадлежат к собственным записям Пушкина. Употребление слова

^{1 &}quot;Песнь ополчению Игоря", стр. 49, прим. 45.

² "Филологические Записки", вып. II, 1878, стр. 113.

"победный" в значении "несчастливый" вполне подтверждается записями позднейших фольклористов. ^{1}

При всех других толкованиях этого места получается некоторое противоречие между данной фразой и предыдущей частью обращения к Мстиславичам.² Перевод, предложенный Пушкиным, устраняет этот семантический разрыв; при этом, повидимому, устраняется и вопросительная интонация фразы.

ХХХVI. "Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ... притрепа славу льду своему Всеславу" (33). Вельтман перевел это место так: "Собой подавил славу деда Всеслава" ("Песнь ополчению Игоря", стр. 31). Пушкин подчеркивает на стр. 30 книги Вельтмана слово "притрепа" и пишет на поле "утратил". Поправка эта существенна—она сообщает четкость сопоставлению боевых заслуг обоих князей. Первоначальная редакция этой фразы в переводе Жуковского ("Утишил он славу деда своего Всеслава", ст. 374) отличалась некоторой двойственностью, как и перевод Вельтмана, т. е. она оставляла читателя в неизвестности, превзошел ли Изяслав своего деда ратными подвигами или, наоборот, — снизил его воинскую славу неудачным сражением. Любопытно, что Жуковский сам внес в свой перевод поправку, тожественную с той, которую предложил в переводе Вельтмана Пушкин, и собственноручно переделал слово "утишил" в "утратил".

ХХХVII. "А самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рек..." (33—34). Последней фразе в переводе Жуковского соответствует стих 377: "И на сем одре возгласил он..." Против этого стиха в писарской копии поставлен крестик, принадлежность которого Пушкину считается сомнительной. Однако, в экземпляре перевода Вельтмана, принадлежавшем поэту, есть отметки, сделанные Пушкиным и относящиеся как раз к этому месту песни об Игоре; они указывают на необходимость каких-то редакционных изменений. Пушкин подчеркивает в древнем тексте (стр. 30) слова "ю" и, в предыдущей фразе, — "трава"; оба подчеркивания сделаны чернилами, как бы в один прием. Не считал ли Пушкин, что "ю" надо рассматривать, как местоимение, относящееся к существительному "трава"? Подобное согласование находим в переводе М. Д. Деларю (1839):

Лег на кровавой траве, пораженный мечами литовцев. Ложем избравши ее, он промолвил...

(ст. 246—247).

Нагостилась я, победная головушка... На этом домовище упокойноем... ("Филологические Записки", вып. V—VI, 1877, стр. 57)

¹ Ср. приводимые Потебней строки из "Причитаний Северного Края" Е. В. Барсова:

² Ср.: А. С. Орлов. "Слово о полку Игореве". Академия Наук СССР (Научношопулярная серия), М.—А., 1938, стр. 128.

³ Сб. "Рукою Пушкина", етр. 140.

С другой стороны, любопытно, что закладка между стб. 507—510 словаря Мурко может служить ключом к глаголу "s-hoditi" — "сходиться", "собираться", выражающему, в некоторых контекстах, и понятие об одре смерти (фразеологический пример: leta zlovek nikdar ne bo s-hodil" — "этому человеку уже не выздороветь").

XXXVIII. "На сельмомъ вын Трояни връже Всеславъ жребій о дынцю себы любу" (35). "Любу" переводится обычно— "милую", "любезную", "любимую". Пушкин, быть может, понимал это слово как имя существительное— "жена", "супруга". "Всеслав кинул жребий о девице, будущей жене своей". В пользу такого толкования говорит закладка между стаб. 163—166 словаря Мурко с подобными толкованиями.

ХХХІХ. "Утръ же возни стрикусы..." (35). Выражение "возни стрикусы" иногда переводится: "вонзил шпоры". В комментариях Вельтмана Пушкин отмечает примечение 48 (стр. 49): "Стрикусы. Вероятно, стенобитное орудие; в сербском языке стрцати—прыскать; у нас есть слово стрекать—резко ударять". Нет оснований думать, что Пушкин в данном случае расходился с Вельтманом; указанное последним значение было ему, вероятно, уже известно из словаря Караджича, как и слово "стрцање" ("прысканье"). Может быть не случайно в т. І "Церковного словаря" П. Алексеева заложена ленточкой страница, на которой находится глагол "возничати"— "приподнять голову"; однако, для того, чтобы признать форму "воззни" производной от этого глагола, пришлось бы предположить описку в тексте "Слова".

ХL. "Великому хръсови влъкомъ путь прерыскаще" (36). Жуковский перевел: "К Херсоню великому волком он путь перерыскивал" (ст. 415). Пушкин ставит против этого стиха "NB"; не согласен он я с предположением Вельтмана, что "великому хърсови" должно означать Хозарию; поэтому против примечания 52 на стр. 50 книги Вельтмана Пушкин пишет: "один из идолов". Кроме того на стр. 59 "Древнего сказания" в сноске Пушкин подчеркивает слово "Хърсъ", а также отмечает крестиками на поле строки, содержащие различные варианты наименования этого божества по Ермолаевскому и Снегиревскому спискам "Древнего сказания" и по Лаврентьевской летописи, изданной Р. Ф. Тимковским: ² Гурс, Хурс, Хърс.

XLI. "Тому вышей Боянь и прывое припывку смысленый рече..." (37). Прилагательное "смысленый" переводится— "мудрый", "разумный" и т. д. Подобный перевод казался настолько соответствующим семантике оригинала, что едва ли кто-нибудь из исследователей лексики древней поэмы нашел нужным подвергнуть его всестороннему филологическому анализу. Потебня считал это выражение позднейшей глоссой к слову

^{1 &}quot;Библиотека Пушкина". № 1.

² "Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия" ("Библиотека Пушкина", № 221, стр. 47—48).

"вещий".¹ Повидимому, иначе подошел к разрешению вопроса Пушкин. Если обратиться к стб. 635—638 словаря Мурко, отмеченным закладкой, то среди обнаруживаемых здесь слов, которые могут быть сближены с языковым материалом Игоревой песни, особо выделяются два: smishlien"— "сочиненный" и "smishlijevaviz"— "поэт", "сказочник". В словаре Палковича (II, 2187—2188) находим: "smyslny"— "прозорливый", лат. "ingeniosus"; "smyslenj"— "воображение", "сочинение", "вымысел"; "smyslitedlny"— "обладающий живой фантазией, силой воображения"; в словаре Добровского (I, 142): "Dichtung"— "туsslenje, zameysslenj". По этим данным легко восстанавливается предполагаемая концепция Пушкина: "Боянъ смысленый"—всё равно, что "Боян вдохновенный" или "Боян-поэт". К этому истолкованию близок перевод Ганки ("Воіап... ein sinniger Seher", стр. 76); еще ближе— перевод Эйхгофа ("Воіап, le chantre inspiré...", стр. 315).

XLII. "Нъ рози нося имъ хоботы пашутъ" (37). Жуковский сделал попытку перевести эту фразу ("нося на рогах их волы нынче землю пашут"), но зачеркнул свой перевод в вместо него вписал слова оригинала (ст. 430). Пушкин обводит "нъ рози" и "хоботы" и делает выноску "нъ розъ", которую также обводит карандашом. В настоящее время это место, на основании общепринятой конъектуры, дается в исправленном чтении: "нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ" (но у них врознь развеваются знамена). По предположению Потебни "хоботы" означает конские хвосты, составлявшие знамена (бунчуки) или служившие вместо лент у знамени.²

Хотя мы не знаем, как понимал это место Пушкин, однако, на основании косвенных указаний можно утверждать, что он был очень близок к новейшей интерпретации, если не предвосхитил ее целиком. Например, он первый понял, что "пашутъ" в данном контексте значит "развеваются". В словаре Мурко отмечен закладкой стб. 317, на котором объяснено значение глагола "pahati" — "быстрым кодом приводить в движение воздух", "делать ветер", "веять", "горделиво шествовать". Кроме того, в "Древнем сказании" Пушкин едва ли оставил без внимания фразу (стр. 44): "стязи ревутъ наволочении простирающеся, аки облацы тихо трепещущи, хоругви аки живи пашутся, а доспъси Рускія аки воды во вся вътри колыблются... ловцы же шеломовъ ихъ, аки пламя огненно пашется". На интересе Пушкина к слову "коботы" довольно подробно останавливается Н. О. Лернер; з дополним его указания справкой о некоторых лексических сведениях, которые Пушкин мог почерпнуть из имевшихся у него источников. По Вячеславу Ганке: 4 "choboty" — по-древнеславянски и по-чешски — задняя, к концу суживающаяся часть или хвост чего-либо, например, рыболовной сети, луга наи поля; ср. у Палковича (I, 106) и у Добровского (I, 322): "chobot" — в

¹ "Филологические записки", вып. II, 1878, стр. 129.

² Там же, стр. 133.

³ Цит. соч., стр. 106—107.

^{4 &}quot;Слово о полку Игореве", стр. 56 ("Библиотека Пушкина", № 969).

тех же значениях, и производные выражения: "w chobotu byti, do chobotu wehnati" и т. п. ("завязнуть", "быть стесненным", "теснить").

XLIII. "Полозію ползоша только" (43). У Жуковского: "Ползком только ползали" (ст. 516). На стр. 57 "Древнего сказания", в обращелнии князя Владимира Андреевича к Димитрию Вольнцу: "что оубо ползуеть наше стояніе, да кому хощемь помощи?" Пушкин подчеркивает слово "ползуеть"; эта отметка, может быть, свидетельствует о попытке поэта установить смысловое и этимологическое сближение между формами "ползоша" и "ползуеть".

Работа Пушкина над языком "Слова", над преодолением лексических трудностей памятника древней русской письменности во многих случаях, естественно, не отвечает требованиям современного научного языкознания. Но если эмпирическая схема Пушкина иногда отличается, с этой точки эрения, некоторой примитивностью и если поэт порой слишком доверяется своему методу сопоставления по семантическим и звуковым признакам, то не следует забывать, что и другие исследователи лексики "Слова" — от Шишкова и Я. Пожарского до позднейших (Вс. Миллера, Потебни и др.) — очень часто опирались на этот же сравнительный метод. При этом в отдельных случаях интуиция и научный критерий, избранный Пушкиным, приводили его к научно обоснованным результатам, до настоящего времени никем из специалистов не достигнутым, Справедливо сказал о нем А. Н. Майков: "Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологов неопровержимыми данными". Новизна и глубина осмысления лексики "Слова" составляют главное достоинство замечаний Пушкина-Всё, что в этих замечаниях спорно или ошибочно, как и всё, что из них может быть извлечено в виде полноценного вклада в науку о "Слове", должно быть бережно учтено советским пушкиноведением. В самих промахах Пушкина в какой-то мере отразились и его эстетические требования и направленность его мысли.

Но для всестороннего изучения мнений и догадок Пушкина необходимо и деятельное сотрудничество специалистов по древне-русской письменности. Внимание людей науки к памятнику нашего героического эпоса не осдабевает, о нем уже создана целая библиотека. Однако уже 85 лет прошло с тех пор, как впервые были напечатаны мысли Пушкина о "Слове" — и до сих пор эти мысли не изучены и не оценены по достоинству никем из знатоков древней русской литературы.

¹ А. Н. Майков, "Полное собрание сочинений", т. II, изд. 8-е, СПб., б. г., стр. 505.

² Ср. В. П. Адрианова-Перетц. "Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований" М.—А., 1940; О. В. Данилова, Е. Д. Поплавская и И. С. Романченко. "Слово о полку Игореве. Библиографический указатель". Под редакцией и со вступительной статьей проф. С. К. Шамбинаго. М., 1940.

Б. В. КАЗАНСКИЙ

западные образцы "современника"

В официальном письме к Бенкендорфу от 31 декабря 1835 г. Пуштин просил о разрешении издания "на подобие английских трехмесячных Reviews". То же выражение употребляет поэт и в черновом письме к Бенкендорфу от мая <?> того же года: "Un volume tous les 3 mois dans le genre des Reviews Anglaises". Названия этому изданию в этих письмах не дается, но речь идет несомненно о "Современнике" — так называет журнал Пушкина Денис Давыдов уже в письме к Пушкину от 6 января 1836 г. Характеристика, которую дает в упомянутых письмах Пушкин задуманному изданию, вполне соответствует составу "Современника": "Articles purement litteraires (comme critiques de longue haleine, соптем, поиченея, роѐтем etc.)" и 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности.

Как будто образец налицо. И так и повелось утверждать.3

Говоря об английских трехмесячных обозрениях, Пушкин, конечно, имел в виду два виднейших и старейших журнала этого типа в то время, "Тhe Edinburgh Review", существовавшее с 1802 г. и являвшееся органом либералов, и "The Quarterly Review", основанное в 1809 г. консервативной партией для противодействия "опасным тенденциям" либерального журнала (получившего сразу же огромный успех и влияние). Оба эти обозрения охраняли свой престиж и в 1830-х годах, хотя и потеряли в значительной мере к этому времени первоначальный боевой задор и живую остроту и свободу мысли по мере подчинения бюрократическому руководству своих политических партий. И Пушкин, несо-

² Перевод: "Чисто литературные статьи (как критики больщого объема, повести, рассказы, поэмы и пр.)".

¹ Перевод: "Том каждые три месяца в жанре английских Обозрений".

³ Ср. хотя бы статью "Современник" в "Путеводителе по Пушкину", 1931, стр. 387. В специальном очерке Д. Е. Максимова "Современник Пушкина" (в приложении к книге В. Е. Евгеньева-Максимова "Современник в 40—50 гг.", 1934, стр. 382) заявляется без всяких оговорок: "Журнальная форма Современника" 1836 и 1837 гг., построенного по образцу "английских трехмесячников" (так передается здесь приведенная выше фраз Пушкина, то же в основной и полной цитате на стр. 376).

мненно, их знал и ценил. Впрочем, Пушкин мог иметь в виду еще и "Тhe Westminster Review", созданное в 1824 г. радикалами и хотя и не приобревшее той традиционной известности, которой пользовались его старшие соперники, но не уступавшее им в серьезности и значении. Этот журнал Пушкин вероятно должен был знать, потому что в первый же год его издания в нем была перепечатана критическая статья Бестужева "Взгляд на русскую словесность", помещенная в альманахе "Полярная Звезда" на 1825 год.

Присмотримся же к этим знаменитым образцам пушкинского "Современника". Они издавались в плотных обложках цвета, принятого той и другой партией, - "Эдинбургское Обозрение" формата нашей "Звезды". "Квартальное" и "Вестминстерское" чуть покороче. Но все три журнала были чисто критическими. Всё содержание их составляли исключительно рецензии на книги и другие издания. Ни литературных произведений, а тем более стихов, ни статей на собственные свободные темы. ни даже широких самостоятельных обзоров вроде бестужевского "Взгляда"-Все рецензии без подписи. Серьезному деловому характеру английских обозрений соответствует и их внешний строгий вид: простая наборная обложка, ни иллюстраций, ни виньеток и заставок, ни хотя бы выделения статей отступами, крупными заголовками и т. п. Достаточно сопоставить любые номера этих журналов с четырымя книжками "Современника", чтобы убедиться, насколько они не похожи по существу на журнал. Пушкина, в котором, напротив, львиная доля отдана художественной литературе — прозе и стихам, воспоминаниям и статьям на собственные темы, а внешнее оформление вполне соответствует содержанию.

С другой стороны, так ли уж "специфически" отличаются по своему составу и построению "Современник" Пушкина от "Телескопа" Надеждина и "Московского Телеграфа" Полевого. Состав разделов "Современника" отличается только тем, что в "Телескопе" и "Телеграфе" имеются отделы "смесь", — а в "Телеграфе" еще отдел мод и отсутствуют стихи-"Московский Наблюдатель" по структуре был еще ближе к "Современнику".

Очевидно, связь пушкинского журнала с английскими обозреняями не так проста, как это представляли себе пушкинисты и историки русского журнализма, основываясь только на заявлениях Пушкина, и следует вникнуть в эту связь пристальнее.

"Специфика" "Современника" — несомненно в установке на оригинальный материал. "Телеграф" и "Телескоп" держались почти целиком на переводах; оригинальный материал занимает в них, в среднем, процентов 10—15 (в № 29 "Телескопа" за 1835 г. всего 48 страниц из 400). Русской критике уделено вдвое меньше места, чем иностранной. Даже, например, сообщение о Пулковской обсерватории заимствовано из иностранного журнала. "Библиотека для чтения" и "Северная Пчела" также широко пользовались вностранной прессой. Напротив — в "Современ-

нике" почти нет переводов, за исключением "Французской Академии" (перевод вступительной речи Скриба) и "Джона Теннера" (близкий к подлиннику пересказ главных эпизодов). Это делает "Современник" также одним из родоначальников позднейших русских журналов.

Фактически "Современник" давал периодические публикации прежде всего литературных произведений и в частности и статей самого Пушкина, которые занимают в нем больше половины всего места. Это было обусловлено, конечно, чисто практическими соображениями. Пушкин рассчитывал освободиться от необходимости зависеть от чуждых ему и даже враждебных издателей и обеспечить себе значительно больший доход. Жалуясь на то, что царь взял назад разрешение издавать газету (данное Пушкину, чтобы удержать его от отставки), поэт писал жене в конце сентября 1835 г.: царь "заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами". А 5 мая следующего года прямо ваявлял ей же: "Вижу что непременью нужно иметь мне 80 тысяч доходу. И буду их иметь. Недаром же пустился в журнальную спекуляцию". И в цитированном письме к Бенкендорфу от мая (?) 1835 г. он так же мотивирует просьбу об издании газеты: "Un journal m'offre le moyen de demeurer à Pétersbourg et de faire face à des engagements sacrés".1 И в письме к нему же от 31 декабря 1835 г.: "Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые" (т. е. историю Петра).

С другой стороны, в то время довольно четко различали всевозможные жанры периодических изданий: ежемесячных, квартальных и ежегодных. "Может ли быть особенная живость в журнале, состоящем из четырех книжек (а не книжищ) и появляющихся через три месяца,—писал Белинский о «Современнике». — Такой журнал при всем своем внутреннем достоинстве будет походить на альманах". И тут же характеризует новый журнал как "Альманах, в котором, между прочим, есть и критика". Он разумеет здесь под критикой, повидимому, статьи об отдельных произведениях или писателях, так как альманах — в его первоначальном значении ежегодника (как "Северные Цветы" Дельвига, или "Полярная Звезда" Рылеева и Бестужева) — допускал только более или менее общие обзоры.

Знаменательно, что и Пушкин, очевидно, сознавал альманашный характер предпринимаемого им издания, так как в октябре 1835 г. писал Плетневу: "Великое спасибо Гоголю за его «Коляску» — в ней Альманак далеко может уехать. — Начнем Альманак с «Путешествия»" (очевидно "Путешествие в Арэрум", напечатанное, как и "Коляска", в первой книге "Современника"). Квартальное издание являлось промежуточным между ежемесячным журналом и ежегодным альманахом.

¹ Перевод: "Газета дает мне возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства".

Белинский может быть и не знал этого типа издания (он и впоследствия плохо привился у нас и так и не получил особого названия). А. Туртенев, знакомый с ним, определенно противопоставляет его "Журналу". "Я собираюсь сообщать «Пушкину» животрепещущие новости из всеобщей политики, — пишет он. — Но я был парализован известием, что Пушкин будет издавать review, а не журнал. Для review нужны статьи а не письма!" Стало быть, с термином "ривью" и Тургенев связывал понятие квартального издания с обзорами более общего свободного характера.

Наконец, любопытно, что сам Пушкин уже на первую книжку "Современника" поместил подзаголовок: "Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным". Между тем, в своих официальных письмах к Бенкендорфу, даже от 31 декабря 1835 г., он пишет: "4 тома статей". Вряд ли это случайность. Пушкину были хорошо известны предубежденность и подозрительность царя к печати, в особенности периодической. За 30-е годы были запрещены "Литературная Газета", "Европеец", "Московский Телеграф", "Телескоп", закрылись "Дамский Журнал", "Северный Меркурий", "Московский Вестник", "Московский Наблюдатель", "Радуга". Естественно, что Пушкин опасался, что издание настоящего журнала ему не разрешат, как не разрешили ему издавать газету. "4 тома статей чисто литературных, ученых и критических" звучало наивно. Можно думать, что Пушкин так точно перечисляет здесь материал будущего издания, именно учитывая отрицательное отношение правительства, чтобы у царя не могло возникнуть подозрения о сколько-нибудь политическом содержании журнала. Вероятно с этой же целью он ссылается и на английские обозрения, а не на французские "revues": всё французское вызывало в Николае I отвращение. К тому же английские "reviews" действительно имели более академический характер, будучи чисто критическими. Вместе с тем, всё-таки ссылка на них оправдывала периодический характер сборников, открывала некоторые журнальные возможности, которые можно было надеяться осуществить исподволь, хотя бы частично.

Но дело сводится не к одной тактике. И вряд ли Пушкин ссылался на английские обозрения только в качестве квартальных изданий вообще. Есть основание думать, что он и по существу видел в них лучшие образцы журналистики, о создании которой в России мечтал.

Еще в феврале 1825 г. он писал Вяземскому по поводу русских журналов: "Более чем когда-нибудь чувствую необходимость какойнябудь «Edinburgh Review», а год спустя, Катенину: "Не затеять ли нам журнала вроде «Edinburgh Review». Голос истинной критики необходим у нас". С своей стороны Вяземский осенью 1827 г. выдвигал проект издания журнала, основным образцом которого называл "Quarterly Review". Повидимому, переход в другую эпоху уже сказывался. И Пушкин позднее склонялся, может быть, к этому английскому обозрению, судя

что тому, что Дантес в разговоре о том, какое название дать журналу, воскликнул не без остроумия, имея в виду именно "Quarterly Review" и название вроде "Наблюдатель", "Обозреватель" и т. п.: "Да назовите его «квартальный надзиратель»! Это самое подходящее и популярное название для русского журнала". Этот разговор происходил, очевидно, в 1835 г. В том же году, в качестве высшей похвалы, Пушкин дает отзыв о статьях Погодина, как о "достойных стать на ряду с лучшими статьями английских reviews". Как видно, он ценил в этих журналах именно критику. По его убеждению, России недоставало именно подлинной критики. "Что же ты называешь критикой? — спрашивал он Бестужева летом 1825 г. — «Вестник Европы» и «Благонамеренный»? Библиографические известия Греча и Булгарина? Твои статьи? Но признайся, что это всё не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почесться «Уложением вкуса». Каченовский туп и скучен, Греч и ты остры и забавны — вот и всё, что можно сказать о вас. Но где же критика?" "Европейские статьи так редки в наших журналах", — сетовал он и в письме к Вяземскому от 25 мая того же года. "До сих пор, читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч., мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятелей Варюшки и Буянова", — писал он ему в феврале 1823 г. "Пора дать вес твоему мнению и заставить правительство уважать наш голос. Презрение к русским писателям нетерпимо". Анненков формулирует повицию Пушкина ("Материалы", 412): "Пушкин думал вместе со многими из друзей своих, что, несмотря на безобразие многих отдельных явлений, литература наша в общности всегда была сильным оружием образованности, что легкое, постоянно шутливое обращение с ней (критики) лишено и основания, и цели, если не полагать цель в доставлении одной забавы праздному чтению". Тон критических статей Сенковского, Булгарина, Полевого и других "лавочников литературы", как о них отзывался Пушкин, был обычно не только шутливый, но развязно пошлый, лакейский, откровенно беспринципный или бессильно неопределенный — "полувнятное пошлое бормотанье", как выражается Анненков в другом месте.

Пушкин хотел быть "честным литератором между лавочниками литературы", "издателем европейского журнала в азиатской Москве", как он внушал Погодину в 1827 г.

Именно постановка критики была в этом отношении решающим моментом. А знаменитым примером критического журнала было и оставалось "Эдинбургское обозрение".

Характеризуя обстановку, в которой возникло это издание, "L'Europe littéraire" в 1833 г. прямо говорило: "В то время достаточно было приложить несколько фунтов стерлингов к строкам, посылаемым издателю любого обозрения, чтобы получить хвалу и известность". В этих условиях независимая, убежденная и компетентная критика, проникнутая

прогрессивными взглядами и исходившая от светских людей, произвела огромное впечатление и создала эпоху. Аналогичную задачу перед русской журналистикой ставил и Пушкин: над легкой, низкопробной и беспринципной болтовней о книгах и людях возвысить принципиальную и взыскательную критику. Эта установка, несомненно, остается у Пушжина неизменной от начала до конца, и вряд ли можно думать, чтобы она не присутствовала в сознании поэта, когда он обдумывал и создавал свой "Современник". Фактически, литературный, по преимуществу журнал, каким Пушкин оказался вынужден сделать "Современник", мог. разумеется, только очень частично ориентироваться на образцы английских обозрений, посвященных всецело критическим статьям. Всё же нельзя не отметить в нем ряд вещей вполне в духе эдинбургской критики. Таковы рецензии Пушкина на сочинения Георгия Конисского, на переписку Вольтера, на мнение Лобанова; и статьи Вяземского о новой поэме Кинэ, о заметках Наполеона к запискам Цезаря, о Ревизоре. Совсем не в духе английских обозрений написана статья Пушкина о записках Теннера, но самая книга выбрана удачно. Вполне в английских традициях статьи Козловского о парижском математическом ежегоднике, Золотницкого "Статистическое описание Нахичеванской провинции" и т. п. Этот широкий круг тем, далеко выходящий за рамки литературного журнала Пушкина, может быть обусловлен именно идеей английских критических обозрений: он очерчен уже в декабрьском письме к Бенкендорфу, непосредственно перед ссылкой на эти последние.

На ряду с этим, однако, следует отметить и другое влияние, о котором свидетельствует письмо Одоевского Пушкину от ноября 1835 г. "Чтобы начать с какого-нибудь определенного времени, я думаю начать обоврение политических наук и литературы третьего десятилетия XIX века, т. е. с 1830 года и поэтому поместить в «Летописце»: 1) хронологическое обозрение, сухо, по годам, политических происшествий с 1830 года; 2) общий взгляд на состояние науки и литературы в последние четыре года в Европе, первое, т. е. науки, я могу сделать, второе — ваше дело; 3) общее, по подробное обозрение русских произведений в последние четыре года — общими силами; 4) особенные статьи о некоторых более достопамятных произведениях". Эта программа, очевидно, восходит к плану Вяземского, который уже в 1827 г. выдвигал идею издания журнала (с названием "Современник"), который соединял бы в себе характер английского квартального обозрения и французского "Annuaire historique universel"; последнее издание, основанное в 1808 г. Лезюром, было солидным ежегодником политики и истории; содержание тома за 1834 г. (вышел в свет в октябре 1835 г.) следующее: 1) история Франции (важнейшие события), стр. 1-360; 2) иностранная история, стр. 361-620; приложение: а) статистическая и сравнительная картина главных держав в 1834 г. тоонная речь при открытии законодательной сессии

1834 г.; декрет о роспуске палаты депутатов; договор 4 июля 1831 г. между Францией и Соединенными Штатами Америки; перечень важнейших законов и декретов 1834 г.; б) иностранные текущие события; хроника (дневник значительнейших событий и происшествий).

Одоевский предлагает назвать задуманное издание "Современный Летописец" политики, наук и литературы, содержащий в себе обозрение достопримечательнейших происшествий в России и других государствах Европы по всем отраслям политических учений и эстетической деятельности начала третьего десятилетия XIX в. Повидимому, Одоевский представлял себе это издание ежегодником, подобно французскому "Annuaire", но предварительно предполагал охватить предыдущие годы, начиная с 1830-го. Годичные обзоры должны были сочетаться с критикой отдельных произведений, объединяя таким образом традиции английских критических обозрений и французского политического ежегодника. Идея эта была, конечно, неосуществима в условиях николаевской России, но фрагментом этого плана явился, может быть, обзорный очерк Гоголя "О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году". Возможно, что к тому же замыслу восходит и "Парижская хроника" Тургенева.

Русская журналистика исторически восходит к иностранным образцам и всегда более или менее ориентировалась на них, повторяя типы, форму, внешний вид и даже названия. "Литературная Газета", "Европеец", "Наблюдатель", "Обозрение", "Меркурий", "Дамский Журнал", "Телеграф", "Вестник", "Северная Пчела"— всё это сколки западных названий. "Современник" — не исключение в этом отношении. Как раз в эти годы издается в Париже "Le Contemporain". Существенное, конечно, — подлинная европейская установка Пушкина на самое содержание и тон журнала. Он мечтает о создании подлинно европейской и вместе с тем национальной литературной критики, способной организовать общественный вкус, руководить литературной мыслью и даже заставить прислушиваться к себе правительство. Позднее он тянется к общественно-политическому и историческому журналу. И в том, и в другом направлении он стремится к лучшим образцам западной журналистики — к английским критическим квартальным обозрениям и к французским историко-политическим ежегодникам. Обстоятельства вынудили его отказаться от того и другого пути. 1836 год был для поэта чрезвычайно трудным и тяжелым в его жизни. С другой стороны, подбор сотрудников, розыски материалов, борьба с цензурой давались Пушкину с большим трудом и неприятностями. В иной обстановке он осуществил бы, конечно, в большей степени свои журнальные замыслы "наподобие английских review".

В. З. ГОЛУБЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕЛНИКА

В настоящей статье мы ставим задачу— на основании новых данных осветить некоторые вопросы по истории Пушкинского заповедника. В ряде статей мною и другими писавшими на эту тему 1 проводиласьмысль о том, что имение Петра Абрамовича Ганнибала—Петровское— возникло раньше с. Михайловского, что Абрам Петрович Ганнибал, получив в 1746 г. Михайловскую губу, основал сельцо Петровское и разбил в нем регулярный парк. А из этого выводилось заключение— стихи Пушкина, посвященные арапу в известном послании "К Языкову", имели прямое отношение к Петровскому имению и парку.²

При внимательном изучении имеющихся в нашем распоряжении материалов по этому вопросу мы пришли к выводу, что эти утверждения были ошибочны.

В межевых книгах 1786 г., сохранившихся в земельных органах Пушкинского района, мы нашли геометрические специальные планы с. Михайловского и с. Петровского. Сопоставление этих двух планов между собой и усадьбами в том виде, в каком они сейчас находятся, подсказывает единственный вывод, что сельцо Михайловское возникло раньше сельца Петровского. Первое, что бросается в глаза, это то, что на плане с. Петровского нет и намека на какой-либо парк. На плане показан луг, покос с водоемом, расположенные на берегу озера Кучанова, и нет того дома, который должен был стоять против теперешней аллеи карликовых лип с видом на озеро. Следовательно, сельцо Петровское к моменту составления планов, т. е. к 1786 г., только стало оформляться как населенный и хозяйственный центр имения. Это подтверждается также и тем соображением, что Петр Абрамович, именем которого названо имение, 3 вступил в наследство после смерти отца, Абрама Петровича, т. е. в 1782 г.

^{1 &}quot;Юный Пролетарий", Л., 1936, № 19—20.—"Литературная Газета", М., 1936, 5 августа, № 44.—О. Ломан. "По Пушкинским местам", под ред. В. З. Голубева, Калинин. 1937.

² Подобные мысли также выскавывались Д. П. Якубовичем ("Пушкинские места", ГИХА, 1936, стр. 13), В. Ф. Широким ("Пушкин в Михайловском", А., 1937, стр. 32)...

³ Озеро Кучаново впоследствии также стало называться Петровским озером.

Из этого вытекает вывод о том, что парк Петровской усадьбы не был посажен Абрамом Петровичем. Он возник после его смерти, а это значит и то, что прадед Пушкина не мог "под сенью липовых аллей" Петровского думать "о дальней Африке своей". Прообразом картины, описанной Пушкиным в послании "К Языкову", были иные и более сложные впечатления, переработанные творческим воображением поэта.

Пушкину хорошо было известно, что Абрам Петрович Ганнибал. жил в Суйде, где до сих пор еще не утрачены следы большого парка с островками, беседками и запрудами и с широкими тенистыми аллеями лип, берез и елей. "Под сенью липовых аллей" Суйдовского парка прадед Пушкина несомненно гулял. Кроме того Пушкин имел возможность видеть его сына, "старого арапа", как Пушкин называл Петра Абрамовича, в сельце Петровском, где к 1817 г. был уже разбит парк, состоящий из липовых и кленовых аллей. Теперешнее состояние парковых деревьев с. Петровского дает полное основание относить насаждение парка к 90-м годам XVIII века, т. е. ко времени переселения. Петра Абрамовича на постоянное местожительство в с. Петровское.

Следовательно парковым деревьям в с. Петровском к моменту-первого приезда Пушкина было лет 35—40, и Пушкин мог наблюдать, "старого арапа" под сенью этих молодых, но тенистых деревьев.

Все эти впечатления позволили Пушкину создать, не противореча художественной правде, образ прадеда, коротающего дни свои вдали от царского двора "под сенью липовых аллей".

На плане 1786 г. Михайловская усадьба названа "Сельцо Зуево, что ныне Михайловское". Это разъясняющее наименование совершенно ясно указывает на то, что Зуево — старое сельцо, а имя Михайловское оно приобрело недавно. Хочется предположить: новые владельцы — Ганнибалы, получив во владение Михайловскую губу, не подозревали, что в самом красивом месте их новой вотчины на берегу реки Сороти и двух озер есть селение, по-местному называемое Зуево. И так как управляющим Ганнибалов было всего удобнее сделать центром Михайловской вотчины именно этот населенный пункт, то очевидно, не считаясь с местным наименованием его, они стали называть Зуево Михайловским. Составитель плана, отражая это явление, и отметил, что сельцо именовалось Зуево, а ныне получило название Михайловское.

На плане сельца Михайловского 1786 г. нанесены усадьба и парк. Сравнивая этот план усадьбы и парка с тем, что сохранилось до наших дней, и с тем, что показано на рисунке Иванова 1837 г., мы отмечаем: усадьба до 1786 г. не имела внутреннего архитектурного плана. Центральная ось парка — Еловая аллея — заканчивалась не зеленым кругом с открывающимся видом на центр барского дома, а случайно выдвинувшимся строением. Не было ни барского дома, известного по рисунку Иванова, ни круга, ни симметрично расположенных по сторонам глав-

ного здания флигелей. В левом углу южной стороны усадьбы на плане 1786 г. показано строение, которого на рисунке Иванова 1837 г. нет. На месте теперешнего "Домика няни" стояло здание больших размеров, чем то, которое показано на рисунке Иванова. Другие постройки, известные нам по сохранившимся фундаментам и по рисунку того же Иванова, нужно думать, возникли после 1786 г., так как они по своему местоположению не совпадают с планом этого года. На месте круга перед господским домом на плане 1786 г. мы видим неправильной формы площадку, очевидно служившую хозяйственным двором. Все эти данные говорят о том, что парк был разбит в сельце Михайловском до 1786 г., а перепланировка усадьбы произошла позднее.

К какому же времени отнести разбивку Михайловского парка? Как известно, Михайловская губа была пожалована Абраму Петровичу Ганнибалу в 1742 г. Нам неизвестно ни одного упоминания в документах о приезде прадеда А. С. Пушкина в Михайловскую вотчину. Нам также неизвестно ни одного его распоряжения по сельцу Михайловскому. Следовательно и утверждать то, что Михайловский парк был разбит по его указанию, мы не имеем никакого основания.

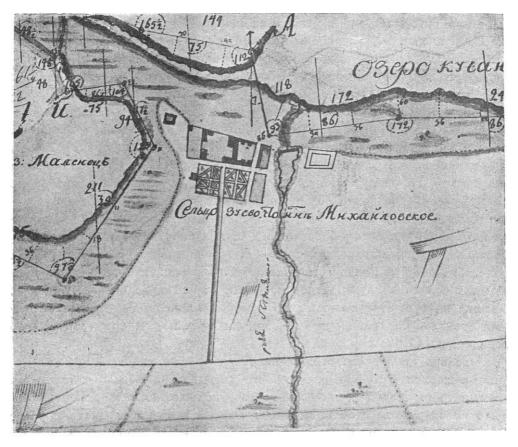
О времени разбивки парка в сельце Михайловском довольно точно указывает один факт. Как известно, в Еловой аллее Михайловского до сих пор стоят гигантские ели, являющиеся старейшими насаждениями в сельце Михайловском. Одна из этих елей упала во время бури в 1902 г. Подсчет числа годовых слоев у основания распила дал цифру 134. Если к этому прибавить 2—3 года первоначальной жизни дерева, обычно не дающих годовых слоев, то мы получим возраст одного из старых посаженных деревьев центральной аллеи Михайловского парка. Елки принято было сажать в парках лет пятнадцати-двадцати; следовательно, простой арифметический подсчет [1902—(134+3)+15] дает дату посадки Еловой аллеи и разбивку парка, т. е. 1780 год. 1

Определяя приблизительно возраст старейших деревьев в Липовой аллее и в других частях Михайловского парка, приходим к той же дате, т. е. насаждение, разбивку парка можем отнести ко времени приезда Осипа Абрамовича Ганнибала на жительство во Псков (1778) и к моменту вступления его во владение сельцом Михайловским (1782).

Есть еще один факт, подтверждающий указанную нами дату разбивки Михайловского парка. На "Геометрическом спецыальном плане" "владений флота артиллерии второго ранга капитана Осипа Абрамовича сына Ганибала" на ряду с сельцом Михайловским нанесено сельцо Генварское. В "Книге экономических примечаний Опочецкого уезда" под № 1778 указывается, что О. А. Ганнибалу принадлежит сельцо "Генварское, что прежде была деревня Паршугово". При опросе мест-

 $[\]Gamma$. Справку о подсчете годовых слоев дал нам бывший управляющий имением Γ . Ф. Богданов. Упавшую во время бури парковую ель распилили под его наблюдением.

ных старожилов деревень Косохново, Козляки, Бустыги, Ромашки, Богомолы и др. оказалось, что они не помнят с. Генварского, а также и ручья Генварского, указанного в "специальном плане" 1786 г. В свидетельство Псковской палаты гражданского суда от 21 мая 1817 г. также не упоминается сельцо Генварское, а пишется прежнее название— "Паршугово". В официальных же документах, составленных на месте,

Усадьба сельца Михайловского по геометрическому специальному плану 1786 г.

т. е. в сельце Михайловском, начиная с 1786 г. везде пишется "с. Генварское" и "ручей Генварский". При этом в пояснениях к "специальному геометрическому плану" 1786 г. указано, что "в селце Михайловском господской дом в нем дворовых людей мужеска полу дватцать две женска петнатцать душ... в селце Генварском господский двор..." Из этого следует, что в сельце Михайловском к 1786 г. был построен господский дом для дворни, в сельце же Генварском господского дома выстроить к этому времени еще не успели. Но в описи 1838 г. указывается: "Генварское ручья Генварского на правой стороне и при копанных колодезях, дом господской деревянный службами и при нем сад ирегулярный". На плане 1786 г. "сад ирегулярный" в сельце

Генварском уже был, причем он совершенно совпадает по своим архитектурным принципам с чертежом Михайловского парка.

Происхождение названия сельца Генварского и ручья Генварского также указывает на их основателя и владельца. Осип Ганнибал был назван Януарий, т. е. для того времени то же самое, что январь, генварь.

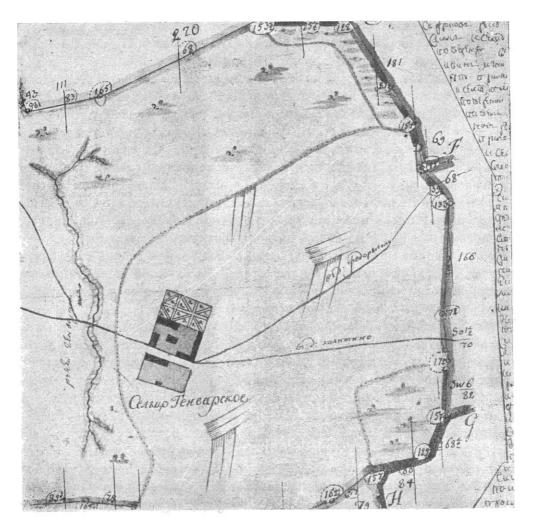
Все эти данные указывают на то, что Михайловский парк, как и Генварский, был разбит и посажен при втором Ганнибале, т. е. дедом А. С. Пушкина. О. Ганнибал, получив в наследство около 2000 десятин земли, решил создать два центра в своем имении, и новую свою резиденцию он назвал своим именем, данным ему при рождении.

В настоящее время не осталось никаких следов от сельца Генварского, только в южной части дер. Косохново колхозники, раскапывая землю в огородах, иногда натыкаются на каменную и кирпичную кладку и недоумевающе спрашивают себя: что же тут было? И возникают легенды о городе, о войне, об укреплениях. О сельце Генварском до наших расспросов никто совершенно ничего не знал. Хочется предположить, да очевидно так и было, — затея создать с. Генварское была временной прихотью сумасбродного О. Ганнибала. Мы проследили границы всех владений Ганнибалов, а также и хозяйственные связи отдельных участков земли, и пришли к выводу, что никаких экономических причин для создания двух центров не было, да и управляющие имением, бывшие по существу полными его хозяевами в периоды продолжительных отъездов барина, видимо не считали нужным поддерживать вторую резиденцию Осипа Ганнибала.

Сельцо Генварское стояло на суходоле, на склоне к пересыхающему в жаркое лето ручью, далеко от реки и озер, и было открыто для всех ветров. Наконец, по своему местоположению сельцо Генварское было по сравнению с сельцом Михайловским в наиневыгоднейших условиях. Здесь Пушкин никак не мог бы сказать: "Везде передо мной подвижные картины" и т. д. Поле, болото и овраг, названный ручьем Генварским, — вот ландшафт, раскрывающийся от сельца Генварского. Следовательно, сельцо Генварское было прихотью, не мотивированной ни хозяйственными, ни эстетическими соображениями. В этом мы видим причины его полного уничтожения.

История сельца Генварского лишь подтверждает, что архитектурный план парка, возникший по воле О. А. Ганнибала и совершенно совпадающий по своим принципам с планом парка в сельце Михайловском, мог появиться в одно время с последним. Мероприятия по благоустройству продолжались после 1786 г., но коснулись они главным обравом усадьбы и парка сельца Михайловского.

Построить новый господский дом и оборудовать его, симметрично расположить по бокам его флигели, сделать подъезд к дому более

Усадьба сельца Генварского по геометрическому специальному плану 1786 г.

парадным, а значит, перенести хозяйственные постройки в другое место усадьбы, — всё это требовало больших расходов. С разбивкой парка дело обстояло проще. Земли пригодной много, рабочая сила — свои крепостные люди, в своих лесных дачах имелись березы, ели в достаточном количестве и любого возраста, липы и клены можно получить из соседних имений. За исключением небольших расходов по распланировке и наблюдению за работами, разбивка парка не требовала никаких затрат, и вполне понятно, почему это мероприятие по благоустройству сельца Михайловского было проведено прежде, чем перепланировка усадьбы.

В связи с этим возникает вопрос: когда же был построен барский дом в сельце Михайловском и когда была приведена усадьба в единый архитектурный план с парком?

По рассказам современников Пушкина, посетивших его в Михайловском, известно, что барский дом, в котором жил поэт, имел добольно ветхий вид. Об этом говорили Языков и Пущин.

Дом на каменном фундаменте под тесовой крышей без бережного отношения к нему может притти в ветхость лет через 25—30. Если пр нять во внимание, что Языков и Пущин были у Пушкина в период его ссылки (1824—1826 гг.), то постройку дома придется отнести к 90-4 годам XVII в. Весьма вероятно, что О. А. Ганнабал, вернувшись из плавания в 1792 г. и не будучи принят во Пскове на службу "в верховный земский суд", поселился в сельце Михайловском и ревностно принялся за его переустройство. Барский дом, как он изображен на рисунке Иванова, поставлен был одним фасадом на берег р. Сороти, а другим обращен к парку. Между парком и домом был устроен сквер в форме большого круга. Из Еловой аллеи теперь стал виден не угол служебного здания, а центр господского дома, перед которым раскинулся большой зе еный луг. Служебные здания передвинулись в сторону пруда и плотины, указанных в плане 1786 г.

В эти же годы были проведены некоторые дополнительные работы в парке. На перекрестке березовых аллей в левой части парка была построена беседка, ксторую в 1848 г. видел Д. Мацкевич "забытой", "опустошенной" и "без окон"; были выкопаны два прямоугольных пруда по сторонам Еловой аллеи, большой груд в правой части парка и построена вторая плотина на протоке Безымянного ручья с восточной стороны усадьбы. В новой запруде был сделан остров с каналом вокруг него. На островке до сих пор сохранились старые деревья. Место беседки долгое время было неизвестно. И только в предъюбилейный 1936 год при реставрации березовых аллей, во время сдирания дерна, мха и кустарника, на перекрестке аллей был обнаружен каменный фундамент этой беседки. То же самое произошло и с островком.

В 1869 г. посетил сельцо Михайловское М. И. Семевский. В статье, посвященной этой поердке, он между прочим писал: "высохший пруд, с островком посередине, печально подымает с болотистого дна сеоего кучи лапушника, терновника и громадной крапивы". До предъюбилейного 1936 года местоположение этого островка было неизвестно, и только беседа с бывшим (в 1899 г.) управляющим имением Г. Ф. Богдановым помогла работникам заповедника найти островок. Богданов, сидя на скамье в конце Липовой аллеи Михайловского парка, рассказал автору этих строк следующее: "Громов, бывший управляющим с. Михайловского с 1855 до 1899 года, говорил мне, что А. С. Пушкин любил сидеть вот на этом самом месте. Здесь раньше была беседка из земли сделана. Сядет Пушкин на скамью, спиной к липе, ноги тоже поставит на скамью и так скорчившись по долгу читал, но потом идет

^{1 &}quot;Русский Вестник". 1869. № 11, стр. 105 (разрядка моя. — В. Г.).

на островок, а с островка уж прямо на озеро. Впрочем Громов тоже не сам видел, а со слов других мне говорил". Выслушав Богданова, я несколько раз в разных направлениях ходил к озеру и в конце кондов набрел на канаву с довольно влажным дном, пошел по этой канаве и сделал правильный круг, в середине которого был холм не выше человеческого роста. На холме стояли старая сосна и столетние ели. Стало ясно, что это тот самый остров, которыймы разыскиваем. Произвели тщательное обследование. Вырубили по канаве молодой лес, сделали шурфы, обнаружили место бывшей плотины и убедились, что дно канала вокруг островка имеет ровяую глинистую площадку, засыпанную на $1^1/_2$ метра песком и галькой. Глубоко в земле нашли бревна, сложенные в сруб, — это были остатки плотины. В 1936 г. у островка были произзедены реставрационные работы. Теперь островок окружен со всех сторон водой и представляет собой одно из красивейших мест Михайловского парка.

В правой части парка, возле зимней дорожки из Михайловского в Тригорское, был заболоченный участок. Осока, тростник, да кое-где густая, черная болотная жижа — создавали влечатление полного одичания и тления. Прежде чем приступить к реставрации этого участка, решили выяснить, был ли на этом месте пруд или это вечное болото. Произвели расчистку небольшого участка. Оказалось, что под слоем ила и торфа в 1 метр толщиной имеется твердый, водонепроницаемый земляной пол. Кроме того, под илом было найдено большое количество сваленного необработанного соснового леса. Перемычка между заболоченным участком и спуском к озеру Маленец оказалась сложенной из кирпича. По берегу исследовавшегося участка росли старые березы, явно посаженные, так как кругом был и до сих пор сохранился лес, состоящий исключительно из сосны и из ели. Всё говорило за то, что здесь когда-то была красивая парковая затея. С реставрацией этого пруда в Михайловском парке прибавился еще один живописнейший водный бассейн, окруженный вековыми березами, соснами и елями.

Проводя тщательное обследование Михайловского парка, мы, однако, не нашли полного соответствия с плансм 1786 г. Так совершенно не поддается установлению время возникновения так называемого лабиринта в левой части парка. Нам известно, что в 1920-х годах дорожки лабиринта расчищали по старым. Богданов говорил, что в 1899 г. эти "путаные дорожки были", но когда они возникли — устанозить не удалось. Не удалось установить дорожек и в южной части парка. Возник вопрос о времени появления михайловских рощ. Ученый лесовод Заповедника К. В. Афанасьев считает, что вокруг сельща Михайловского в пушкинское время леса не было, а были отдельные заросли, которые неслучайно Пушкиным названы рощами. Лес и рощи разные понятия. И действительно, на геометрическом плане 1786 г. вокруг Михайловского парка показаны пашня и луга. Следовательно, вопрос

о времени возникновения Михайловского леса, который мы по традиции называем рощами, совершенно законный.

И. И. Пущин, приезжавший навестить Пушкина зимой 1825 г., описал дорогу в сельцо Михайловское. Дорога из Пскова через Остров вела в Святые горы (теперь Пушкинские горы); недалеко от Тригорского ямщик Пущина свернул с этой дороги, направляясь в сельцо Михайловское. Гористый проселок вел через знаменитые три сосны, где во время О. А. Ганнибала была деревня Рысцово. "Всё мне казалось недовольно скоро", — замечает Пущин. "Спускаясь с горы, пишет он далее, - недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть... сани наши в ухабе так наклонились набок, что ямщик слетел... Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, всё лес (курсив мой. B. Γ .), и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилистой тропой: вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смажу в приотворенные ворота". В наши дни картина, описанная Пущиным, целиком воссоздана. Если ехать от места трех сосен к Михайловскому, то, спускаясь с горы к озеру Маленец, мы действительно не видим за частыми соснами Михайловской усадьбы. По левую сторону дороги снежная равнина, а по правую лес, затем лес по обеим сторонам и зимняя дорожка в парке подводит к воротам усадьбы.

Через 11 лет после смерти Пушкина Д. Мацкевич навестил Михайловское. Он записал: "Мы въехали в бывшие его (Пушкина. В. Г.) владения, они начинаются огромным сосновым парком; проехав с версту по опушке его, мы повернули налево в широкую прямую аллею, ведущую к дому, на пространстве по крайней мере версты". Таким образом в пушкинское время вокруг Михайловского был сосновый лес. Если принять во внимание бесхозяйственность О. А. Ганнибала и затем Пушкиных, то не будет ничего удивительного в том, что бывшие поля, ранее поддерживавшиеся по распоряжению расчетливого Абрама Ганнибала, за 35 лет заросли лесом.

Следовательно, работа Заповедника по восстановлению "Михайловских рощ" оправдана и необходима, и должна быть целиком направлена на выполнение решения Советск го правительства от 30 декабря 1936 г. о восстановлении пушкинских мест в сельце Михайловском.²

^{1 &}quot;Северная Пчела", 1848, № 247—251.

² К сожалению, дом Пушкина был восстановлен не по литографии Иванова 1837 г., а по новому специально разработанному проекту. Между тем, внешний вид дома Пушкина можно было бы вполне воссоздать, нисколько не стесняя ту музейную экспозицию, которая теперь развернута в новом здании музея, построенного на старом фундаменте Пушкинского дома. Восстановленный дом Пушкина вошел бы как естественная, необходимая часть в общий пейзажный комплекс, продолжающий привлекать к себе в настоящее время многочисленные массы экскурсантов, писателей, поэтов и художников.

Геометрический специальный план сельца Михайловского 1786 г. проливает некоторый свет и на вопрос о трех соснах, воспетых Пушкиным в элегии "Вновь я посетил"...

Работники Заповедника, собрав все имеющиеся материалы по этому вопросу (высказывания Пушкина, зарисовки художников, фотографии 1890 г. А. К. Красуского), дополнили их опросом местных старожилов и установили довольно точно место давно исчезнувших трех сосен.

По дороге из Михайловского в Тригорское, почти на самой границе бывших владений деда Пушкина О. А. Ганнибала, тригорского помещика А. М. Вындомского и других смежных владельцев, в 1936 г. были посажены три сосны. На геометрическом плане 1786 г. на месте, где произведена посадка трех сосен, показана дер. Рысцова. Местные старожилы не помнят такой деревни, поэтому, вспоминая о месте трех сосен, они ни словом не обмолвились о дер. Рысцове, только старики дер. Косохново помнят, что когда-то в старину их отцы говорили: не все семьи из деревни исконные косохновцы. По воле барина несколько семей было переселено из другого места, а откуда и какие семьи были переселены, никто уже не помнит. Весьма возможно, что указанные в геометрическом плане два двора дер. Рысцовой и были переселены О. А. Ганнибалом для подкрепления сельца своего имени — Генварского. Это возможно потому, что место сельца Генварского точно совпадает с южной частью теперешней дер. Косохново. Но следы дер. Рысцовой сохранились. По другую сторону дороги от трех сосен теперь поднялся моло-. дой лес.

При внимательном осмотре площади, занимаемой этим лесом, мы обнаружили под толстым слоем земли, мха прямоугольные очертания площадок изб и хозяйственных построек, ямы, очевидно, бывших погребов, камень и кирпич. Но всё это закрыто плотно растущими соснами, кое-где возле дороги сохранились пни старых сосен, сфотографированных в 90-е годы прошлого века.

Всё это дает основание утверждать, что три сосны, посаженные крепостными Ганнибала, росли, как часто бывает в деревнях, возле крестьянских изб, но вот по воле барина крепостных людей вместе с их избами переселили в другое место, деревни не стало, а три сосны осиротелые остались стоять — "одна поодаль, а две другие друг к дружке близко" и около них "всё было пусто, голо".

Михайловское, Петровское в том виде, в каком они находятся в настоящее время, на ряду с архивными документами и печатными материалами, дают, следовательно, достаточные основания утверждать: Михайловский парк возник в начале 1780-х годов. Дом Пушкина в с. Михайловском, указанный на литографии 1838 г. Александрова и в описи опеки 1837 г., построен в 90-е годы XVIII в. В то же время была произведена перепланировка Михайловской усадьбы, а также про-

изведены работы по благоустройству Михайловского парка. Петровский парк возник в 1790-е годы. Абрам Петрович Ганнибал не жил в с. Покровском, и стихи Пушкина в послании "К Языкову", посвященные прадедуарапу, как указано, имеют в основе своей более сложные впечатления поэта, чем думали до сих пор.

Геометрические планы и межевые книги 1786 г. являются документами значительной исторической ценности, так как они дают возможность представить полную картину ганнибаловских владений, их границ, название деревень, количество крепостных крестьян, планировку усадеб и рельеф местности.

Ниже мы приводим верхние части пяти геометрических планов владений Ганнибалов. Эти планы нами были найдены в земельном отделе Пушкинского районного исполнительного комитета Калининской области, куда они попали по случаю перевода центра волости из Воронича в Пушкинские горы.

Весной 1937 г. все уцелевшие геометрические планы 1786 г. были переданы в Пушкинский заповедник Академии Наук СССР, где они хранятся по настоящее время. Все геометрические планы написаны на корошей прочной бумаге. Чертежи сделаны в красках с обозначением селений, пашни, сенокоса, леса, болот, рек, границ, озер и т. п. В верхней части плана поставлена печать Межевой комиссии с девизом "Каждый при своем". Возле печати подписи чиновников, составлявших и заверявших план. Под печатью находится картуш — описание владения, т. е. указание на время составления плана, владельца, количество и качество земли, а также количество крепостных людей по деревням, а по сторонам его описаны смежные владения, указано "изъяснение знаков" и перечислены лица, присутствовавшие при составлении плана.

В самой нижней части планов помещен масштаб.

1

Геометрический специальной план апочецкаго уезду воронецкой части Михайловской губы селца Зуева что ныне Михайловское с селцом генварским издеревнею рысцовой владение флота артилери втораго ранга капитана осипа абрамова сына Ганибала межеваная учиненаго в 1786 году маия 10 дня первокласным землемером флота лейтенантом Толстым внутри того владения обмежеванаго от всех смежных владелцов одное окружное межею понынешней мере и поисчислению земли состоит пашни три ста шездесят четыре десятины тысяча дватцать четыре сажени сеного покосу пятьдесят десятин сто сажен лесу дровенаго двести осмнадцать десятин тысяча двести сажен поболоту лесу четыре десятины

¹ В период реставрационных работ в Пушкинском заповеднике (1936—1937 гг.), восстановлено: около 40 га михайловских рощ, пруды, плотины, островок, три сосны, березовые аллеи и другае мемориальные объекты.

² План сельца Михайловского является копией, снятой с подлинного плана в начале XIX в., что видно по печати Межевой комиссии вверху его, относящейся ко времени Александра I. План сделан на нескольких склеенных листах. Общий размер 71 × 60 см. При плане имеется межевая книга на 24 листах, размер каждого 21 × 35 см.

восемьсот сажен. под поселением огородами гумениками иконопляниками двенадцать десятин девять сот тритцать сажен под чистым болотом шеснатцать десятин тысяча сажен под полу рекой полу речкой полу ручьями иручьями ипрудком три десятины две тысячи сто сажен под проселочными дорогами семь десятин двести сажен АВСЕГО вовсей окружной меже шесть сот семдесят сем десятин сто пятьдесят четыре сажени азаисключением неудобных мест осталось одной удобной земли шесть сот сорок девять десятин. тысяча [тысяча] шесть сот пятьдесят четыре сажени насем числе во время межевания земли внутри наружной межи коя описано ввыше сего состояло селцо Зуево что ныне Михайдовское с селцом изедеревнею в нем попоследней поданой кревизи сказкам состоит в селце Михайловском господской дом в нем дворовых людей мужска полу дватцать две женска петнацать душ аныне налицо мужеска тож число женска четырнатцать душь в селце генварском господской двор в деревне рысцовой два двора мужеска полу семь женска адинатцать а ныне налицо мужеска восемь женска восемь душь.

Статский советник и кавалер Зубов Надворный советник Лебедев С подлинного плана копировал Помощник Данило Желудков.

9

 Γ еометрической специальной план ^{2} апочецкого уезда воронецкой части: Михайловской губы деревни Морозовой эдеревнями именуемыми гречневой, Лаптевой, вороновой, Махниной, бреховой, Цыбловой, Лежневой, Лунцовой владения морскаго флота втораго ранга артилерии капитана Осипа абрамовича Ганибала межевания учиненнаго в 1786 году июня 5-го дня апочецким первокласным землемером флота лейтенантом Николаем Толстым авнутри того владения обмежезанного одное окружное от всех смежных владельцев межей понынешней мере и поизчислению земли состолт пашенной четыреста восемдесят три десятины две тысячи двести пятдесят четыре сажени сеннаго покосу восемдесят девить десятин сто восемдесят три сажени сенного покосу по нем мелкого лесу девятнадцать десятин восемсот тритцать восем сажен лесу дровенаго девяноста восим десятин тысеча двести семдесят сажен поболоту мелкого лесу девять десягин две тысячи сто пятдесят сажен подпоселениями огородами гуменниками иконопляниками дватцать одна десятина триста семдесят две сажени подчистым болотом семь десятин восемсот двенатцать сажен подречками полу речками ручьями и полуоными три десятьны двести сажен подпроселочными дорогами семь десятин две тысячи сто сажен АВСЕГО вовсей окружной меже семь сот сорок десятин пятьсот семдевять квадратных сажен азайсключением неудобных мест осталось одной удобной земли семь сот дватцать одна десятина две тысячи двести шездесят семь квадратных сажень воонох деревнях попоследне поданным кревизи сказкам состоит в деревни морозовой

¹ Ты¬яча — очевидно написано по недосмотру два раза и в тексте плана поставлено в скобки.

 $^{^2}$ План дер. Морозовой с деревнями является копией, снятой с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно по печати Межевой комиссии. План сделан на двух склеенных листах. Общий размер 76×73 см. При плане имеется межевая книга на 32 листах, размер каждого 31.5×16 см.

шесть дворов вних мужеска полу дватцать четыре женска полу двенатцать налицо мужеска дватцать семь душ женска вдеревне гречневой два двора вних мужеска натцать женска петнатцать анне 1 аныне налицо мужеска женска шестнатцать душ вдеревне Лаптеве вних мужеска полу девить женска полу пять аныне налицо мужеска двенатцать женска шесть душ вдеревне Воронове четыре двора вних мужеска четырнатцать женска осмнатцать аныне налицо мужеска шестнатцать женска двенатцать душ вдеревне махновой два двора вних мужеска полу девить 2 женска десять душ аныне налицо мужеска одинатцать женска десять душ вдеревне брехове шесть дворов вних мужеска дватцать девять женска дватцать три аныне налицо мужеска тритцать одна женска дватцать четыре души вдеревне Цыбловой пять дворов вних мужеска полу дватцать четыре женска дватцать три аныне налицо мужеска тож число женска дватцать четыре души вдеревне Лежневе пять дворов вних мужеска полу дватцать семь женска дватцать две аныне налицо мужеска тож число женска дватцать три души вдеревне лунцеве четыре двора вних мужеска полу четырнатцать женска четырнатцать аныне налицо мужеска тож число женска петнатцать душ.

3

Геометрической специалной План³ Псковскаго наместничества апочицкого уезда порешению Полоцкаго наместничества межевой конторы спород⁴ сельца Петровскаго спринадлежащеми кооному дерегнями именуемыми Крыловой Вепревой Федорышиной что была пустошь брехино колетина спустошми которые вовладении состоят господина генерал майора Петра Абрамовича Ганибала межевания учиненного в 1786 году майя 15-го дня апочецким замлемером лейтенантом Толстым авнутри того владения обмежеванного одною окружною от всех владельцев межею поизчислению состоит пашенной земли шесть сот сорок три десятины четыреста сорок одна квадратная сажень сеннаго покосу сто дватцать четыре десятины восемъсот семдесят три квадратные сажени лесу дровеного посуходолу двести тритцать пять десятин две тысячи двесте пят-

¹ Слово "а нне" написано, очевидно, по недосмотру, два раза и означает "а ныне". 2 Верхняя часть (картуш) плана дер. Морозовой была опубликованв в "Летописи Государственного Литературного музея" ("Пушкин", М., 1936, стр. 279—280). Однако, редакция "Лэтописи" не имела перед собой подлинного плана. Очевидно, у внука поэта были копии планов, предпазначенные для других целей, а не для публикации. Поэтому на ряду с желанием воспроизвести орфографию и стилистику подлинника, в опубликованном тексте "Летописи" не соблюдена ни пунктуация, ни орфография, а также пропущены некоторые слова, изменены названия деревень и т. п. Но кроме этого в текст "Летописи" вкрался целый ряд ошибок, которые искажают размеры владений дедов А. С. Пушкипа. В "Летописи" указано, что в дер. Морозовой "женска полу дватцать душ", а в изшем тексте "двенатцать". В тексте "Летописи" после слов— "в деревне лаптеве два двора вних мужеска полу девить"— пропущено несколько строк: "женска полу пять аныне налицо мужеска двенатцать женска шесть душ в деревне воронове четыре двора вних мужеска четырнатцать женска осмнатцать аныне налицо мужеска шестнатцать женска двора вних мужеска полу девить". По причине указанного нами пропуска, в тексте "Летописи" нет сведений о дер. Вороповой, о дер. Махниной и искажены сведения о дер. Лаптевой.

³ План сельца Петровского с деревнями представляет собой копию, снятую с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно по печати Межевой комиссии. План сделан на нескольких листах. Общий размер 108 × 85 см. План сильно пострадал от небрежного хранения, некоторые места чертежа и надписей не сохранились. При плане имеется межевая книга на 22 листах, размер каждого 35 × 21 см.

⁴ За точность слова поручиться трудно — написано неразборчиво.

десят одна квадратная сажень Поболоту мелкого лесу петдесят восем десятин тысяча двесте квадратных сажен Подпоселением огородами гуменниками иконопляниками дватцать шесть десятин тысяча триста дватцать шесть сажен Подпроселочными дорогами одиннатцать десятин тысяча восем сот одна квадратная сажень Подозерами ипрудом сто дватцать тои десятины две тысячи сорок четыре сажени подполурекою Соротью полуречками речьками ручьями иполуручьями шесть десятин две тысячи семдесят пять квадратных сажен ВСЕГО во всей окружной меже тысяча двесте тритцать одна десятина девеноста одна квадратная сажен Азайсключением неудобных мест то есть проселочных дорог озер пруда полурски Сороти полуручьев речек ручьев иполуручьев осталось одной удобной земли тысяча восемьдесят восемь десятин тысяча двести девяноста одна квадратная сажень вооном селце и деревнях попоследние поданным кревизи скаскам состоит (в оном?) селце Петровском дворовых людей мужеска пола одиннацать женска десеть ныне налицо мужеска четырнатцать женска девятнатцать деревне крыловой мужеска петдесят сем женска тож число ныне налицо мужеска петдесят деветь женска шездесят вепревой. Мужеска дватцать женска дватцать четыре ныне налицо мужска дватцать две женска дватцать четыре въфедорышной что была пустош брехова мужеска одиннатцать женска четырнатцать ныне налицо мужска тринатцать женска тож число вколетино мужеска пола шестнатцать женска одинатцать ныне налицо мужеска осмнатцать женска двадцать одна душа АВСЕГО вселце идеревнях поревизи мужеска пола сто (пятнатцать)² женска сто дватцать три ныне налицо мужеска сто дватцать шесть женска сто дватцать сем душ.

4

Геометрической специалной план започецкого уезда Вороницкой части Михайловской губы деревни Шебатовой здеревнею Рудиной владение флота артилери капитана Исака Абрамова сына Ганнибала Межевания учененого в 1786 года майя 2 дня флота лейтенантом толстым Авнутри того владения обмежезанного одное окружною от всех владельцы межею понынешней мере ипоизчислению состоит пашенной земли сто двацать десятин тысеча двести шесть сажен сенного пакосу сорок одна десятина лесного пакосу ипонем лесу восемь десятин две тысе и сажен лесу дровеного тритцать шесть десятин подпоселением огород:ми гуменниками иконоплянниками четыре десятины тысеча семдесят семь сажен подъдорогами лве десятины две тысечи сто сажен подъполуречкой одна десятина АВСЕГО вовсе окружнай меже двести четырнатцать десятин тысеча пятьсот семдесят три сажени азайсключением неудобных мест осталось однай удобнай земли двесте десять десятин тысеча восемсот восемдесят три сажени. В оной деревни попоследней поданной кревизи скаскам состаит в деревни Щебетовой три двора в них мужеска полу пятнатъцать женска семнатцать Аныне налицо тож число.

¹ Слово пропущено. По причине испорченности плана — прочитать невозможно.
2 "Пятнатцать" прочитать невозможно по причине испорченности плана. "Пятнатцать" нами поставлено после подсчета данных о "мужеском поле" в тексте плана.

 $^{^3}$ План дер. Щебетово с дер. Рудино является копией, снятой с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно по печати Межевой комиссии. План сделан на одном листе, размер 36×51 см. При плане ьмеются межевая книга на 12 листах, размер 21×34 см, и геодевический журнал пустоши Башмаковой, озера Белагуль, сделанный при проверке меж. геометрического плана в 1907 г., 12 декабря. Журнал составлен на двух листах, размером 17.5×22 см каждый.

Геометрической специалной план апочецкаго уезда воронецкой Части Михайловской губы де евни больших ималых дуплей здеревней Денисовой владения флота артилерии капитана исака абрамовича сына Ганибала межевания учиненного в 1786 году июне 3 дня первокласным вемлемером флота лейтенантом Николаем Толстым ивнутои того владения обмежеваннаго одною окружною межею отвсех смежных владельцев понынешней мере ипоизъчислению земли состоит пашенной сто пятдесят пять десятин восем сот сорок три сажени сеннаго покосу тритцать восем десятин тысеча двесте сажен сеннаго покосу ипонем мелкого лесу сем десятин тысяча деветьсот сажен лесу дровенаго семдесят восем десятин тысеча сажен поболоту мелкаго лесу одиннатцать десятин четыреста сажен подпоселениями огородами гуменниками и коноплянниками пять десят н четыреста сажен подполуречкою тысеча четыреста сажен под проселочными дорогами три десятины шесть сот сажен АВСЕГО во всей окружной меже триста дэсягин тысяча пять сот сорок три сажени азаизъключением неудобными осталось одной удобной земли двесте девяносто щесть десятин тысяча девять сот сорок три сажени вооных деревнях попоследней поданной кревизи спискам состоит вдеревни дуплях десять дворов вних мужеска полу сорок четыре женска сорок шесть душ аныне налицо тож число вдеревне денисове четыре двора вних мужеска полу девятнатцать женска дватцать душ аныне налицо тож число.

Не приводим здесь плана озера Кучаново, являющегося копией, снятой с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно по печати Межевой комиссии. План сделан на одном листе бумаги, размером 29×46 см. К плану приложена межевая книга на 6 листах, размер каждого 34×20.5 см. Текст плана был опубликован в "Летописи Государственного Литературного музея" ("Пушкин", М., 1936, стр. 280—281), но с тем разночтением, которое мы указывали к плану дер. Морозовой. В частности, озеро в тексте "Летописи" называется "Кучапет", тогда как во всех планах 1786 г. оно называлось "Кучаново".

Сохранился план озера Белагуля в копии, снятой с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно из печати Межевой комиссии. План сделан на одном листе бумаги размером 54×38 см. При плане имеется межевая книга на 10 листах, размер каждого 35×21 см. Текст плана был опубликован в "Летописи Государственного Литературного, музея" ("Пушкин", М., 1936, стр. 281), но с тем разночтением, которое мы указывали к планам дер. Морозовой и озера Кучаново.

В заключение приводим следующую "Выписку из межевой книги"² Псковской губ., Опочецкого уезда, Рождественской губы, пустоши Масловка, влад. Исаака Абрамовича Ганнибала:

 ^{2} Межевая книга на 6 листах, размер каждого 34×21 см.

 $^{^1}$ План деревни Больших и Малых Дуплей является копией, снятой с подлинного плана во времена Екатерины II, что видно по печати Межевой комиссии. План сделан на двух склеенных листах. Общий размер 53×52 см. При плане имеется межевая книга на 14 листах. Размер каждого — 21.5×34 см.

"1784-го году августа 5 дня поуказу ея величества государыни самодержицы всероссийской и прочая и прочая и прочая учинена межа вопочецком уезде врожественской губе пустоши масловки (нрээл) пашенной землею сенными покосы лесными ипротчими угодыи которая вовлодении состоит флота второго ранга капитана исака абрамивича сына Ганибалова... авсего вовсей окружной меже сорок одна десятина шесть сот тритцать девять сажен".

В. К. ЛУКОМСКИЙ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ ПУШКИНЫХ—РАДШЕ

В "Родословной Пушкиных и Ганнибалов" (1830) Пушкин сообщает о своем происхождении: "Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского..." и далее: "Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где он содержался аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами".

Предок Пушкина с материнской стороны Абрам Петрович Ганнибал, начавший службу "деньщиком" при Петре и закончивший ее в чине генерал-аншефа, проживший свыше 80 лет и оставивший многочисленное потомство, является личностью историческою; некоторые черты характера и внешности унаследованы были поэтом от своего прадеда, родом из Абиссинии.¹

Другое дело — далекий предок самих Пушкиных, выходец из чужих стран — Радша. Сведения о нем, отраженные в исторических источниках, говорят о Радше, а также Ратше и даже Раче, как о выходце "из Немец". В так называемой "Бархатной книге" (названной так по своему переплету), составленной после уничтожения местничества в 1682 г. и содержащей в себе родословные росписи русских удельных князей и наиболее выдвинувшихся феодальных родов царской России, значатся и Пушкины.

О самом Радше сказано коротко: "Из Немец пришел Радша". А далее следуют росписи тех родов, которые числятся в потомстве его, а именно: Пушкины, Бутурлины, Мусины-Пушкины, Кологривовы, Бобрищевы-Пушкины, Мятлевы и др.²

¹ Б. А. Модзалевский. "Родословная Ганнибалов" в "Летописи Историко-родословного общества в Москве", вып. 2 (10), М., 1907, стр. 3—12.

² "Бархатная книга" (подлинник), лл. 648—753 (гл. 17). По изданию Н. Новикова "Родословная книга князей и дворян российских и выезжих", М., 1787, стр. 309—352. — Всего в потомстве Радши числилось до 30 родов.

Все эти ветви *одного* в сущности рода, несмотря на различные прозвания, носимые ими, сохранили, однако, семейное предание об общности их "иноземного" происхождения.

Известно что со времени Ивана IV, официально поддерживавшего легенду о происхождении Рюрикова рода от "сродчика" (родственника) римского императора Августа, а затем с начала XVIII в. и особенно в течение всего XVIII в. — установилась своего рода мания выводить происхождение дворянских родов от знатных иностранцев, "выехавших на Русь". Объяснение этому следует искать в стремлениях исключительно политического свойства — возвысить перед массами особое преимущество господствующего класса и его власть над "неравной" ему средой.

Вот почему в списке родов, изданном в 1787 г. вместе с "Бархатною книгою", в котором насчитывается 933 рода, из этого общего числа — 804 рода показаны не русского происхождения, а как происходящие от иностранных выходцев, перечислены 96 родов, выезд которых не указан, и названы только 33 рода, родоначальники которых, несомненно, русского происхождения. В этом же списке происходящими "из Немцов" и "Цесарии" (т. е. Германии) и Пруссии показано свыше 120 фамилий, но только выезд одного Радши допускает эту вероятность, так как он является единственным чужеземным родоначальником, показанным уже в XVI в., именно в недошедшем до нас подливнике, но в известном по спискам и положенном в основу "Бархатной книги" так называемом "Государевом родословце", составленном для Ивана Грозного в 1555 г. И то, что в этом наиболее раннем из известных родословцев родоначальник Пушкиных Радша уже показан выходцем "из Немец", обязывало к рассмотрению данного показания. Действительно, дореволюционная генеалогическая литература не раз пыталась уже уточнить момент "выезда" Радши. В этом направлении известен ряд домыслов: о выезде Радши в Новгород, но не при в. кн. Александре Невском, а значительно раннее — еще в XII в., 1 о тождестве этого Радши с Ратшею, киевским тиуном — судьею, жившим в середине XII в. и до... однако все эти, особенно позднейшие, домыслы, допуская исторический факт существования Радши, не только не разрешали вопроса о том, откуда же выехал этот Радша, но и самый выезд его склонны были отнести к обычному украшению древних родословий.3

Новый свет на этот вопрос проливают архивные материалы, связанные с утверждением гербов названным родам потомства Радши.

¹ Кн. П. Долгоруков. "Российская родословная книга", ч. П. СПб., 1855, стр. 151 (Бутурлины) и ч. IV, СПб., стр. 183 (Пушкины).

² М. В. Муравьзв. "Родословие А. С. Пушкина". "Пушкинский сборник", СПб., 1899, стр. 655. — Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев. "Пушкины (родословная роспись)". Изд. Академии Наук СССР, Л., 1932, стр. 4 и 8.

³ М. Вегнер. "Предки Пушкина". Изд. "Советский писатель", Горький, 1937, стр. 156.

Официальная дворянская геральдика заведена была в России Петром I, учредившим в 1722 г. Герольдмейстерскую контору. В ней составлялись гербы для новопожалованных дворян и лиц, возводимых в "почетные достоинства", а также велась регистрация гербов старых дворянских родов. Регистрация эта, однако, не привилась, котя представители очень многих дворянских родов, осваивавших западноевропейскую феодальную культуру, уже с XVII в. составляли себе самобытные гербы. Для этого или пользовались, ссылаясь на свое иноземное происхождение, уже готовыми образцами иностранных гербов, или сочиняли новые гербы, компануя их по правилам западноевропейской геральдики из "символов и эмблем", долженствовавших выразить родовые предания.

Только при Павле I, в 1797 г., положено было основание составлению "Общего гербовника дворянских родов". Рядом сенатских указов предписано было всему дворянству "явить" в Герольдию непосредственно, или представить через местные депутатские собрания, свои родословные и родовые гербы для внесения таковых в Гербовник. Исполнили свою обязанность и Пушкины. В год рождения А. С. Пушкина 29 октября 1799 г. в Московское дворянское депутатское собрание поступило от гвардии отставного поручика Василия Львовича Пушкина следующее прошение о внесении в Гербовник и их, Пушкиных, родового герба.

Московской губернии в собрание господ губернского предводителя со депутаты гвардии отставного порутчика Василия Львова сына Пушкина объявление.

По силе Правительствующего Сената указа, состоявшегося прошлого 1797 года, марта 23 дня, собранию депутатскому предъявить честь имею в доказательство происхождения рода предков своих данную мне Государственной коллегии иностранных дэл из Московского аохива справку, в которой значится, что первоначальный предок именем Радша во дни благоверного великого княза Александра Невского выехал из немец, от которого по нисходящей линии потомство значущееся имели при великих государях разные службы и были при иностранных дворах в посольстве и в иных знатных чинах, за что и жалованы были поместным окладом и вотчинами; а, сверх того, и за прапрадедом моим стольником Петром Петровичем Пушкиным, как во оной справке значится, состояли имения, поместья и вотчины на Коломне в Песочном стану сельцо Дазыдозо, в Дмитрове сельцо Синее, и в Московском уезде в Гаретове стану деревня Ракова, да Нажегородской губернии в Арзамасском уезде село Редино. По нисходящей линии во владении переходило к деду моему Александру Петровичу, а от деда к родителю моему артиллерии подполковнику Льву Александровичу, а от него оное ныне состоит за мною порознь с братьями модми, Никодаем, Пэтром и Сергеем, как в приложенном сплске значится. А из сего оное собрание усмотреть может и в согласность вышелисанного с предъявленного мною в 1798 году, 21 сентября, в Московской коллегии иностранных дел архиве поколенного родословия за скрепою копии и употребляемый

¹ В. К. Лукомский. "Источники русского гербоведения", "Русская гегальдика", Пгр., 1915, стр. 9—10.

в фамилии нашей Пушкиных герб с описанием, а на имеющиеся чины родителя своего артиллерии подполковничий и на свой гвардии прапорщичий и подпорутчичий патенты прилагаю при сем и со всего оного двейным числом точные копии, также и дополнительное против данной из Московского архива иностранной коллегии справки поколенное родословие, почему и прошу почтенное собрание господ губернского предводителя со депутаты, по всегдашнему моему в Москве пребыванию и по состоящему двору, о причислении в общество благородного дворянства по Московскому уезду, кому следует пожаловать дать свое повеление, приложенные ж копии с подлинными документами приняв рассмотреть и по рассмотрении подлинные выдать мне обратно с роспискою, а копии благоволено бы было по сяле Правительствующего Сената указа 1797 года, марта 23 дня, о составлении всем дворянским родам общего гербовника по внесении в оной и моей фамилии и для получения подлежащего диплома по учинении своего определения препроводить Правительствующего Сената в Герольдмейстерскую контору.

К сему объявлению отставной гвардии порутчик Василий Львов

сын Пушкин руку приложил. Октября дня 1799 года.

К этому прошению приложен исполненный в красках рисунок герба подписанный братьями Василием и Сергеем Львовичами Пушкиными (дядею и отцом поэта) и заверенный московским предводителем дворянства кн. Александром Ивановичем Лобановым-Ростовским в том, что герб этот "издревле в роду Пушкиных употребляется".

Рисунок дан на правой стороне листа (см. воспроизведение на стр. 403), а на левой дано описание герба с объяснением эмблем его:

Щит четверочастный: в верхней половине, в горностаевом поле на пурпуровой подушке с золотыми кистьми алая бархатная княжеская шапка служит на память того, что выехавший в Россию из Славянской земли муж честный Радша, родоначальник Пушкиных и других однородцев их, еще под победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевал; в нижней части щита с правой стороны² в голубом поле рука в латах, держащая концом вверх обращенный меч; сей щит с самых древних времен был гербом королевства Славянского и издавна принят потомками Радши в доказательство происхождения их из Славонии; с левой же стороны, в золотом поле орел с распростертыми до половины крыльями, держащий в когтях меч и державу, по свидетельству славенских и русских летописей, был обыкновенным фамильным гербом предков Радши. Над щитом шлем с пятью прорезями и с дворянскою над оным золотою короною, намет оного щита голубой с золотым подбоем, перемешанный местами с серебром. ³

К приведенному, публикуемому впервые, ходатайству Пушкиных приложена была оговоренная просителем, Василием Львовичем Пушкиным,

¹ Подлинник хранится в Центральном Государственном архиве внутренней полигики, культуры и быта в Ленинграде. Дело Герольдии о внесении герба рода Пушкиных в Общий гербовник дворянских родов Всеросийской империи, 1800, лл. 2—3.

 $^{^2}$ В геральдике стороны щита принято называть правой и левой не от эрителя, г от лица, якобы несущего щит. В. Л.

³ Подлинник. То же дело, рисунок герба на л. 11, описание его на обороте л. 10.

справка, выданная ему в 1799 г. из Московского архива Государственной коллегии иностранных дел, в пункте третьем которой, повидимому, на вапрос официальных сведений о родовом гербе, архив отвечал:

...Хотя по делам сего архива герба, в фамилии Пушкиных употребаяемого, и не значится, но поелику род их показан в поколенной росписи, просителем предъявленной, происшелшим от Радши, выехавшего из. Немец в княжение благоверного князя Александра Невского, то во всемилостивейше пожалованном 1760-го года, февраля в 17-й день, генералфельдмаршалу и разных орденов кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину дипломе на графское Российской империи достоинство, между прочим, значится в описании родового герба следующее: "В верхней левой части находится в горностаевом поле алая бархатная княжеская шапка с горностаевою опушкою под золотою дугою, украшенною малою волотою державою с крестом, в память, что из отечества своего Славенской земли вышедшие в Россию предки фамилии Бутурлиных еще победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевали; в нижней же правой части оказывается в голубом поле рука золотая в латах, держащая концем вверх обращенный меч; сей щит с самых древних времен находится и в щитах королевства. Венгерского, яко герб покоренного ему королевства Славонии, а фамилия Бутурлиных из давных же времен имела оный, того ради сия часть щита и доказывает из Славонии происшествие; наконец в среднем или внутренном, золотом щите представляется голубой орел с распростертыми до половины крылами и с малою золотою короною на главе, держащий с правой стороны в когтях меч, а с левой золотую державу, что как славенские и российские летописи свидетельствуют, изревле был обыкновенный геоб фамилии".

Сия выпись о фамилии Пушкиных учинена Государственной коллегией иностранных дел в Московском архиве на основании именного его императорского величества указа, июля в 27-й день минувшего 1797-го года состоявшегося, по которому архивы обязаны способствовать дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства, и дана вышеупомянутому просителю лейб гвардии Измайловского полка порутчику Василию Львову сыну Пушкину. 21-го июля 1799-го года. № 114.

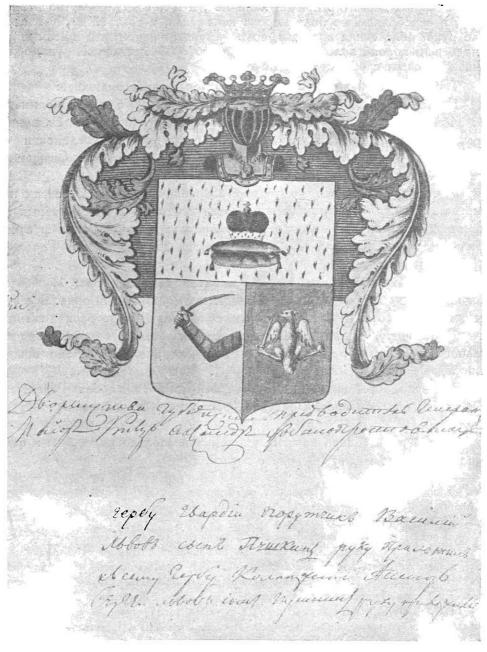
Подлинная подписана Мартыном Соколовским, Николаем Бантыш-Каменским, Иваном Стриттером и Алексеем Малиновским.¹

Необходимо отметить, что герб этот, с описанными родовыми эмблемами, до заявки их Пушкиными для внесения в Гербовник, был выдан не только при пожаловании диплома генерал-фельдмаршалу гр. Бутурлину в 1760 г., что еще ранее подтвержден в дипломе же на графское достоинство Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, выданном 26 января 1716 г., где между прочим говорится:

...из древней благородной фамилии Мусиных-Пушкиных, которой фамилии прародитель именем Радша от знатной фамилии славенской из Германии в Россию выехал, от которого многие знатные фамилии и между иными и Пушкиных, в лето от создания мира 6706, а от

¹ То же дело, лл. 7 и 7 об,

² Копия диплома гр. Бутурлину имеется в Центрэльном Государственном архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, фонд Герольдмейстерской конторы, книга решенных дел № 6, дело № 19, лл. 441—446.

Герб рода Пушкиных.

рождества Христова 1198, в княжение, особливое в России, великого князя Александра Ярославича Невского, из которых произошли от Михаила, прованного Муса-Пушкина, фамилия Мусиных-Пушкиных даже до сих времен прямою линиею влечется...

Далее следует описание герба:

... щит четверочастный, из которого в первой и четвертой частях, в серебряных полях орел голубой одноглавый с распростертыми крылами, который держит в правой лапе меч, а в левой глобус; во второй части, в серебряном же поле корона княжеская; в третьей же, в золотом поле рука, облаченная красным, со обнаженным мечом; над щитом шлем и над оным корона золотая графская, из когорой выставлена рука, облаченная красным с обнаженным мечом...¹

Таким образом из приведенных текстов можно заключить:

- 1) что предание о выезде Радши "из Немец" следует понимать, как выезд из пределов Германской империи, точнее—из Славонии, утратившей свою независимость в XII в. путем присоединения ее к Венгрии и вместе с нею в 1531 г. вошедшей в состав Священно-Римской или Германской империи,
- 2) что предание это не только сохранилось во всех ветвях потомства Радши, но и выразилось в соответственных и однообразных по существу значения эмблемах с самого начала формирования русской геральдики, т. е. с начала XVIII века и даже до учреждения Герольдмейстерской конторы.

Основными эмблемами гербов Радшичей являются три: 1) княжеская шапка или корона, 2) рука с мечом и 3) одноглавый орел. Все эти три эмблемы, хотя и в разновидных сочетаниях их по расположению в гербовом щите, приняты почти во всех известных гербах разнофамильного потомства Радши и многие из них последовательно вошли в очередные части "Общего гербовника".²

Значение, приданное описанным эмблемам в гербах Радшичей, указано как при объяснении рисунка герба, так и в дипломе гр. Бутурлину (1760).

Остановимся теперь на этих эмблемах несколько подробнее и особенно на одной из фигур — ρ уке с мечом.

¹ Копия. Цептральный Государственный архив внутренней подитики, культуры и быта. Фомд Герольдмейстерской конторы, книга решенных дел, № 66, текст диплома на лл. 348—352 об., рисунок герба на л. 353.

² В роду Пушкиных известно несколько вариантов их герба с теми же эмблемами, но в различном их расположении. Один из них (наиболее близкий к утвержденному гербу), именно тот, которым пользовался сам А. С. Пушкин, на печати, прикладываемой им к его переписке с 1830 г. можно видеть (хотя и не очень ясно) на репродукции одного из писем Пушкина к Е. М. Хитрово (см. "Письма Пушкина к Е. М. Хитрово 1827—1832". Л., 1927, между стр. 48 и 49). См. также воспроизведение ее здесь. Судя по стилю гербового щита, печать, несомненно, середины XVIII в. Печать эта, вероятно, получена им от дяди Василия Львовича Пушкина, в год смерти последнего в 1830 г., в свою очередь, быть может унаследовавшего печать от своего отца — деда поэта — Льва Александровича Пушкина (1723—1790).

"В золотом поле щита рука, облаченная красным и вооруженная обнаженным мечом" — так впервые изображена и описана эта эмблема в дипломе гр. Мусину-Пушкину (1716). Вполне согласно с объяснением, данным этой эмблеме, она действительно составляла территориальный герб когда-то существовавшего королевства Славонии.

Появилась эта эмблема впервые в 1531 г. на государственной печати Фердинанда I, короля венгерского, избранного в этом году королем римским; эмблема эта занимает на печати в цепи гербов, окружающих одноглавого римского орла, третий щиток, сверху направо (от эрителя). Затем, в том же виде она перешла и на государственную

Личная печать А. С. Пушкина. (Увеличено вдвое.)

печать Фердинанда, как римского императора, с 1558 г., в той же цепи гербов, но вокруг двуглавого римского орда, и с тех пор оставалась неизменною на всех позднейших печатях германских императоров Священной Римской империи в течение всего XVII и XVIII вв. до смерти Карла VI, в 1740 г. После того эмблема эта исчезает с германских государственных печатей и появляется вновь лишь в 1836 г. на австрийских императорских печатях, уже как территориальная эмблема Боснии.

Под Славонией (Sclavonia) разумелась страна, занимавшая северозападную часть Балканского полуострова между реками Дравою, Дунаем
и Савою и в X—XI вв. составлявшая самостоятельное государство.
С начала XII в. Славония утрачивает свою независимость постепенно,
а в 1526 г. окончательно, путем захвата ее Венгрией, в свою очередь
присоединенной к Германской империи с 1558 г. С юга Славония граничила с Босниею, восточная часть которой, за рекою Дриною, называлась
Расция (Rascia) — Рашская область (впоследствии Сербия). Жителей
ее называли рацами или ратцами (сербск. — рац, мн. ч. — раци;
у древних славян — rašci, мадьярск. — racz; немецк. — raizen, ratzen, razen,

¹ O. Posse. "Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige, Dresden, 1912, Bd. III Taf. 21, № 1, Taf. 22, № 4.

в средневек. латыни — rasciani). Отсюда, несомненно, по нашему мнению, и объяснение наименования родоначальника Пушкиных: Радша — Ратша — Рачша — Рачша — Рачша — Рачша — Рачша — Рачша — особенно, если принять во внимание, что так же называли сербов и в Славонии, присваивая это название народу, получившему свое наименование от древнего города Рас, позднее Расса, стоявшего на месте нынешнего Нового Базара на реке Рашке и бывшего главным городом Рашской области, где Неманичи в середине XII в. основали Рашское, позднее Сербское королевство. 1

Трудно сказать, какие причины вызвали в свое время выезд родоначальника Пушкиных из Славонии на Русь. Могли быть и политические основания, связанные с бурными судьбами края, переживавшего постоянные притеснения со стороны неславянских соседей — итальянцев, венгров и турок; могли быть и личные побуждения, манившие на подвиги в северо-восточную славянскую же страну, только что начавшую самостоятельную государственную жизнь. Последнему, особенно, могли содействовать браки, постоянно заключавшиеся в этот период Рюриковичами с владетельными домами соседних с Русью и ближайших западных стран;² при этом обычно на Русь выезжали вместе с иноземною невестою, в качестве ее свиты, лица, близкие к ней на ее родине.

Выходец из Славонии, конечно, мог принадлежать и, вероятно, принадлежал к какому-либо местному "знатному" феодальному роду, но по приезде в новую страну, его родовое (если оно было) прозвание не могло иметь для него существенного значения, почему за ним и установилось новое прозвание "Радша", характеризующее его национальность и происхождение из Рашской или Сербской земли. Едва ли он мог иметь в то время свой родовой знак или герб; во всяком случае, следов такого не сохранилось в потомстве вплоть до того времени, когда понадобилось создать в 1716 г. новый, уже русский герб для одной из ветвей Радшичей — Мусиных-Пушкиных.

Следует, однако, отметить, что среди позднейших уже, XVII— XVIII вв. родовых гербов, принадлежащих старым феодальным родам Хорватии и Славонии, встречается немало таких, которые имели в себе изображение второй эмблемы — одноглавого орла (или сокола) — чаще всего серебряного в голубом поле.³

¹ Любопытно отметить, что в фельдмаршальской ветви Бутурлиных (получившей диплом в 1760 г.) сохранилось предание о происхождении рода от "Ратши, выходца из г. Петроварадина". Город Петрова, адин (Петервардейн) расположен в Славонии на берегу Дуная, приблизительно в 100 км к северу от Белграда ("Записки" гр. М. Д. Бутурлина в "Русском Архиве", 1897, кн. 1, стр. 216, прим. 1). На славянское происх эждение Радши указывал П. А. Лавров, основываясь на этимологии имени. См. "Пушкинские дни в Одессе", 1900, стр. 113, примечание.

² N. de Baumgarten. "Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X au XII-e s'ècle". Roma. 1928. Tables 1—XIV.

³ Siebmacher's "Grosses und Allgemeines Wappenbuch", Bd. IV, Art. 13. "Der Adel von Kroatien und Slavonien" von Dr. J. von Bojniéie. Nürnberg, 1889.

Остается еще сказать о третьей эмблеме — княжеской шапке или короне, указывавшей на военную службу Радши у вел. кн. Александра Ярославича Невского. В дипломе Мусину-Пушкину (1716) дата выезда точно даже указывается — 6706 г. или 1198 г. н. э., между тем Александр Невский, как изеестно, родился только в 1220 г., и невозможно допустить, чтобы Радша, бывший уже на Руси в XII в., принимал еще участие в Невской битве 1240 г. Да это и опровергается летописным свидетельством о предках Пушкина, так как в харатейном списке Новгородской летописи под 1240 г. описываются военные подвиги в Невской битве уже правнука Радши — Гаврилы Олексеича, внука Якуна Радшича. Таким образом, Радша не мог быть современником Александра Невского, но жил, по счету поколений, на столетие ранее его. А отсюда и очень вероятно, что он тожествен с тем Ратшею — тиуном вел. кн. Всеволода II Ольгевича Киевского, о котором имеются уже точные исторические данные в Киевской летописи под 1146 г. 1

На основании использованных архивных и геральдических материалов, мне кажется, мы можем не без основания предположить, что "легендарный" предок Пушкиных вовсе не был измышленным "прусским" выходцем, но является лицом историческим, существовавшим в Киевской Руси середины XII в. — одним из многих искателей счастья на чужбине, своего рода конкзистадором, выходцем из родственной по национальности Славянской земли — сербом (рачшею), сумевшим, повидимому, сначала устроиться тиуном у Киевского князя, а затем, после народного против него выступления, перебравшимся в Новгород. Здесь ближайшие его потомки упрочили при Александре Невском социальное и экономические положение свое и своего многочисленного потомства.

А. С. Пушкину, однако, эти источники известны не были. Дело о внесении герба Пушкиных в "Гербовник" возникло полгода спустя после его рождения, а следовательно, не видел он и тех документов, которые были при этом представлены. Не видел он и той пятой части "Гербовника", утвержденной в 1800 г., в которую внесен был на листе 18-м герб Пушкиных с соответственною генеалогическою о происхождении рода справкою, так как подлинник "гербовника" не был доступен обозрению, печатное же издание этой "пятой части" вышло в свет только в 1840 г., когда Пушкина уже не было в живых. Поэтому он и оставался при убеждении о "прусском" происхождении рода "из Немец", как то указано было в "Бархатной книге" изд. Новикова 1787 г. А между тем в родословной справке, напечатанной в 1840 г. под рисунком герба, Пушкин прочел бы, что родоначальник их, муж честен Радша, "знатной славянской фамилии", и что выехал он не из Пруссии, а "из

¹ С. М. Соловьов. "История Россин", т. I, кн. 1, 3-е изд., "Общественная польза", СПб., стр. 394.— "Полное собрание русских летописей", т. II, стр. 22; т. VII, стр. 35.

Седмиградской земли", т. е. Трансильвании, лежавшей на пути его из-Славонии, через Семиградие, на Русь. 1

Советская идеология враждебна расовым предрассудкам, и для нее народный поэт, создавший национальную литературу, дорог безотносительно к тому, к какой нации принадлежали его предки.

Но советская историческая наука всеми находящимися в ее распоряжении методами будет всегда стремиться к исторической правде, и, если Пушкин ошибался, считая своих предков по происхождению прусскими немцами, она разъяснит и эту, хотя бы и не столь существенную, сторону его биографии.

¹ Укавание на вмезд ив Седмиградской вемли впервые дано под гербом гр. Бутурлиных ("Общий гербовник" ч. 1, л. 22) и повторено еще в нескольких последующих справках при гербах других Радшичей. Указание это, как мы видим, не совсем точном в основе своей как бы противоречит более ранним и более достоверным данным.

VARIA

л. б. модзалевский

новые корреспонденты пушкина

I

Письмо Пушкина к Д. М. Шварцу

Среди писем Пушкина находится черновое письмо его, издавна привлекающее внимание исследователей; оно датируется около 9 декабря 1824 г., писано из Михайловского и обращено к некоему Дмитрию Максимовичу,1 живущему в Одессе. Впервые одну фразу из него и притом в неверном чтении привел П. В. Анненков, 2 неверно прочитавший обращение Гушкина как "Д. М. К." и на этом основавии выскаэзвший предположение, что оно обращено к Дмитрию Максимовичу Княжевичу. В отдельном издании своего труда 3 Анненков, однако, это предположение исключил. Как раз в промежуток времени между выходом в свет номера "Вестника Европы" с этой фразой из письма Пушкина и отдельным изданием книги "Пушкин в Александровскую эпоху" Анненков получил письмо от М. П. Погодина (без даты, по содержанию относящееся к марту 1874 г.),4 в котором Погодин, сообщая, что "прочел с великим удовольствием" опубликованные в "Вестнике Европы" "отрывки из биографии Пушкина", писал ему: "Д. М. К. никак не может (быть) Дм.(итрием) Макс.(имовичем) Княжевичем, который водворился в Одессе дет чрез 20 после Пушкина". Столь авторитствое мнение Погодина и заставило Анненкова снять высказанное им предположение. В первое собрание писем Пушкина 5 опубликованная Анненковым фраза из письма Пушкина вошла с указанием, что письмо адресовано "к Д. М. К." Полностью с исправлением ошибки Аннеккова в обращении (Д. Мак. вместо Д. М. К.) письмо напечатано было В. Е. Якушкиным,6 отметившим: "черновое письмо к какому-то неизвестному одесситу. Г. Анненков из этого письма привел [Пушк. 244] только полторы строчки, и то не вполне точно. — Письмо обращается к Д. Мак., ко почему г. Анненков определил его фамилию буквою К. мне неизвестно". Тем не менее большинство следующих изданий писем Пушкина приняло высказанное Анненковым предположение, включая издагия под ред. В. И. Саитова 7 и Б. Л. Модзалевского. В этих изданиях письмо опубликовано как адресованное

2 "А. С. Пушкин в Александровскую эпоху" ("Вестник Европы", 1874, № 2, сто 501)

3 "Пушкин в Александровскую эпоху", СПб., 1874, стр. 244—245.

⁴ Письмо не издано (П. Д., архив Л. Н. Майкова, № 998).
 ⁵ "Сочинения Пушкнна", изд. Ф. И. Анского, под ред. П. А. Ефремова, т. VII,
 М., 1882, стр. 192.

6 "Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румяндовском Музее в Москвъ" ("Русская Старина", 1884, № 7, стр. 18).

7 Т. І, СПб., 1906, стр. 154.

¹ Подлинник письма писан в тетради Пушкина (ЛБ № 2370, л. 41 об.) и ныне хранится в Музее А. С. Пушкина в Москве.

⁸ Пушкин. "Письма", т. І, Л., 1926, етр. 102.

к Д. М. Княжевичу, но с вопросительным знаком в скобках. Б. Л. Модзалевский в примечаниях к этому письму (стр. 372) писал: "об адресате в Одесском сборнике «Пушкин» под редакцией М. П. Алексеева, 1925 г., стр. 60-62 помещена особая заметка редактора (?), не решающая, однако, вопроса о том, кто же мог быть адресатом. Так как, всё-таки, таковым мог быть и Княжевич, временно ездивший почему-либо в Одессу, мы оставляем его имя по принятой традиции". Действительно, названная заметка М. П. Алексеева убедительно доказывает, что письмо Пушкина не может быть адресовано Д. М. Княжевичу, с 6 марта 1824 г. занимавшему пост С.-Петербургского вице-губернатора, но и не называет действительного адресата.

Мы имеем возможность точно определить теперь имя этого лица. В письме Ф. Ф. Вигеля к Пушкину от 8 октября 1823 г. из Кишенева в Одессу 1 названо имя общего их приятеля некоего Шварца, собиравшегося ехать в Одессу. С ним-то Ф. Ф. Вигель и намеревался отправить свое письмо. Пушкин, отвечая Вигелю между 22 октября и 4 ноября 1823 г. из Одессы, упомянул также имя этого Шварца: "Желаю вас рассеять хоть на минуту — и сообщаю вам сведения, которых вы требовали от меня в письме к Шв(арцу)". 2 Из этой фразы можно сделать вывод, что Шварц получил письмо от Ф. Ф. Вигеля и показывал его Пушлину. Следовательно Шварц и Пушкин были лично знакомы и находились одповременно в Одессе в 1823 г. Гр. М. Д. Бутурлин в своих записках сообщает следующее: "Александр Сергеевич и особенно короткие 3 его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Димитраки (в Одессе), где и засиживались за полночь. Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновник особых поручений при графе Ворондове), г. Шварца (также состоявшего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского и, кажется, графского адьютанта Варламова... Все эти господа обедывали обыкновенно во французском (очень хорошем) ресторане Отона (Autonne) в доме клуба на Херсонской улице, худа хаживоли обедать г. Слоан и я, до приезда графа Воронцова".4 Действительно среди чиновников гр. М. С. Воронцова в Одессе находился в 1823—1824 гг. и упоминаемый выше Шварц. В "Месяцослове с росписью чиновных особ или общем штате Российской Империи на лето 1825 года" (ч. 2, СПб., стр. 195) по Херсонской губернии при Новороссийском генерал-губернаторе и полномочном наместнике Бессарабской области гр. М. С. Воронцове, среди чиновников по особым поручениям указан чиновник морского министерства, 8 класса, Шварц, Дмитрий Максимович. 5 Этот именно Шварци является адресатом письма Пушкина, обращенного к Дм. (итрию) Мак. (симовичу).

Содержание письма Пушкина бесспорно подтверждает это отожествление: "Об Одессе ни слуху ни духу. Сердце вести просит — долго не смел затеять переписку с оставленными товарищами - долго крепился, но не утерпел. Ради бога! слово живое об Одессе — скажите мне, что у вас делается..." Беловик втого письма Пушкина не сохранился, и есть предположение, что оно не было отправлено Пушкиным по назначению, так как начальная его фраза "Буря кажется успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда" буквально вскоре повторена была Пушкиным в письме к В. И. Туманскому от 13 августа 1825 г.

О самом Д. М. Шварце (род. 9 октября 1797 г., ум. 5 января 1839 г.), кроме перечисленных выше сведений, почти ничего до нас не дошло. Известно, что он про-

¹ Опубликовано нами в "Литературном Наследстве", № 16--18, М., 1934, стр. 607. Вошло в XIII том нового акад. изд. соч. Пушкина, 1937, стр. 68.

² Пушкин. "Письма", т. І, под ред. Б. Л. Модзалевского, Л., 1926, стр. 57, — и новое акад. изд. соч. Пушкина т. XIII, 1937, стр. 72. Ср. "Литературное Наследство", № 16—18, М., 1934, стр. 607—608, наш комментарий.

3 Курсив наш. Л. М.

4 "Русский Архив", 1897, кн. II, стр. 16.

⁵ Курсив эдесь и дальше наш. Л. М.

VARIA 411

мсходил из дворян Тверской губ. 1 и умер в чине надворного советника, 2 всего на два года пережив Пушкина. Д. Н. Блудов писал М. С. Воронцову в Одессу из Петербурга 22 декабря 1823 г. о Шварце: "Мне сказали, что некто г. Шварц, который также служит при вас, пишет по-русски изящно, правильно и легко. Впрочем, это только по наслышке, я почти не знаю г. Шварца и вовсе не знаком с его тадантами" 4 Судя по письму Пушкина, в котором есть такая фраза: "вечером слушаю сказки моей ияни, оригинала няни Татьяны; вы кажется раз ее видели", — можно думать, что встречи Пушкина со Шварцом происходили еще до ссылки Пушкина на юг, в период петербургской жизни поэта, в 1817-1820 гг.

11

Письмо Пушкина к Г. Г. Чернедову

Другое писъмо, вернее записка, Пушкина без даты известна с 1908 г., когда Н. О. Лернер напечатал текст ее в "Весах" (№ 2, стр. 40), по подлиннику из дела Литературного фонда о чествовании Пушкина в 1830 г.⁵ Так как рядом с этой вациской находился также подлинный рисунок В. А. Жуковского, Н. О. Лернер сделал предположение, что и записка адресована В. А. Жуковскому. Приведем текст записки полностью по автографу:

Ты хотел видеть Тифлисского живописца — Уговорись с ним когда бы нам вместе к нему приехать - да можешь ли ты обедать завтра у меня?

А. П.

Аист, на котором писана записка, представляет отрезанный четырехугольный кусок белой плотной (альбомной?) бумаги, сложенный дважды поперек, без водяных знаков, размером 173×107 мм. Текст писан карандантом. Поэднее лицевая с:орона листка с текстом для предохранения от стирания карандаша была заклеена плотной прозрачной бумагой (из желатина?) которая была затем оторвана, но следы ее остались на бумаге записки и закрывают часть текста по краям. На обороте чернидами сделана надпись: "Собственноручное письмо поэта Александра Сергеезича Пушкина". Надпись по своему характеру (почерк, чернила) сделяна была, очевидно, вскоре же по получении письма и, очевидно, лицом, получившим его. Она удостоверяет, так как письмо подписано лишь инициалами, что оно писано именно Пушкиным. Почерк Пушкина, действительно, не вызывает сомнений. Никаких других данных, указывающих на адресата в письме нет, и оно обычно печатается в собраниях писем Пушкина как письмо к неизвестному с предположительным отнесением к В. А. Жуковскому. В виду отсутствия даты и невозможности приурочить его к определенному времени, оно помещается в разделе писем "неизвестных годов".6 "Слепая" записка до сих пор не получала своего места в переписке Пушкина и не давада возможности установить, к кому она адресована.

6 "Переписка Пушкина", под ред. В. И. Сантова, т. III, СПб., 1911, стр. 459.—

"Сочинения Пушкина", ред. С. А. Венгерова, т. VI, Пгр., 1915, стр. 608.

¹ См. родословие Шварцов в книге М. Чернявского "Генеалогия дворян Тверской губарнии 1787—1869", стр. 210 об. и прил., стр. 254, № 1362. Брат его Владимир Максимович Шварц (род. 1803 г., ум. 1872 г.), генерал-артиллерии, генерал-адъютант, был членом Военного совета (см. "Русский Биографический словарь", том Чаадаев — Швитков, СПб., 1905, стр. 617).

^{2 &}quot;Русский провинциальчый некрополь", т. І, М., 1914, стр. 952.

³ В подлиннике: "avec élégance, correction et facilité".

^{4 &}quot;Архив князи Воронцо а", кн. XXXVII, М., 1892, стр. 297. В этом же письме

Блудов упоминает и Пушкина. ^{5} Λ , 201 — см. "Пушкин и его современники", вып. VIII, СПб., 1908, стр. XX, и "Временник Пушкинского Дома", 1914, Пб., стр. VI. — Λ . Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, "Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание". Л., 1937, стр. 246, № 693.

Этот вопрос, возможно, остался бы не разрешенным, если бы одно обстоятельство не натолкнуло нас на его правильное решение. Совершенно естественно было предположить, что ключ к определению адресата мог быть найден, если бы удалось определить, чьей рукой написана сертификация на обороте записки Пушкина, так как по всей видимости (см. приложенный снимок) она и была сделана адресатом письма вскоре же после его получения. Почерк сертификации, очень характерный, однако не давал для этого никаких указаний.

Среди рукописей архива братьев-художников Н. Г. и Г. Г. Чернецовых, хранящихся в Институте истории материальной культуры Академии Наук СССР и состоящих главным образом из неизданных до сих пор дневников жизни Чернецовых в Петербурге и путешествий их за разное время (1820—1840), оказалась папка с целым рядом записочек разных лиц к Г. Г.Чернецову. Нам удалось выяснить, что эти записки относятся к 1830-м годам и писаны лицами, которые преимущественно позировали Чернецову для его каргивы "Парад на Царицыном Лугу". Как известно, в 1832 г. Николай l заказал Чернецову эту картину в ознаменование окончания польской кампании 1830-1831 гг. и предполагал поместить ее в Зимнем дворце. 1 Картина писалась около 5 лет. На ней изображен также Пушкин вместе с В. А. Жуковсчим, И. А. Крыловым и Н. И. Гнедичем. 2 Существует эта группа и ввиде отдельной картины, сделанной, как увидим дальше, по особому заказу не ранее 1837 г. Среди названных выше записок находятся записки преимущественно придворных и лиц, близко стоявших к Николаю І; они свидетельствуют о большой популярности Чернецова как придворного художника, исполнявшего разные заказы; среди имен корреспондентов Чернецова есть и записочка кн. П. А. Вяземского и ряда других писателей (например, П. П. Свиньина и др.). Интересно, что все они писаны на клочках бумаги разных форматов, а главное — на обороте каждой из них с исключительной аккуратностью рукою Г. Г. Чернецова сделаны пометы, раскрывающие авторов этих записок. Пометы эти настолько характерны и писаны не менее характерным почерком Чернецова, что нам невольно припомнилась помета, сделанная на сбороте записки Пушкина к неизвестному о тифлисском живописце. Мы имели возможность сличить почерк Чернецова с почерком на обороте этой записки. Тожественость руки Чернецова подтвердилась самым наглядным образом (см. воспроизведение пометы Чернецова на одной из записок и пометы на обороте записки Пушкина, стр. 413).

Итак, адресатом письма Пушкина является художник Григорий Григорьевич Чернецов (1801—1855), академик пейзажной живописи, с которым Пушкин лично позна-комился в 1832 г., позируя ему для его картины "Парад на Царицыном Лугу". Письмо к нему Пушкина, таким образом, вносит еще один яркий факт в биографию поэта — близость его к Чернецову (обращение на "ты"), а также дружественную связь, существовавшую между ними. Связь эта, надо думать, была, однако, кратковременной. В перечита нами дневниках Чернецова за 1829—1836 гг. с перерывами не встретилось упоминаний об их встречах. В 1829 г. Чернецов был на Кавказе, но уже после Пушкина; не нашли мы указаний и на возможное имя того тифлисского живописца с которым хотел поэт познакомить Чернецова. Пока не будут найдены другие материалы (за ряд лет дневники Чернецова не сохранились), записку Пушкина к Чернецову

¹ См. статью Г. Лебедева "Пушкин и его современники на картине Г. Чегнецова «Парад на Царицыном Лугу»" в журнале "Искусство", 1937, № 2, стр. 129—159, и там же статью Ю. Бахрушина "Зрители в «Параде на Царицыном Лугу»" (стр. 159—162) со мчогими иллюстрациями.

² Сохранились предварительные эскизы этих портретов, в том числе Пушкина, с точным указанием его роста. Пушкин позировал Чернецову 15 апреля 1832 г. (см. статью С. А. Венгерова "Чернецовская галерея русских деятелей 1830-х годов" в "Ниве", 1914, № 25, стр. 492—496.
³ И. С. Зильберштейн сделал предположение, что эдесь имеется в виду художник

³ И. С. Зильберштейн сделал предположение, что эдесь имеется в виду художник Линев, но не привел никаких фактических данных, подтверждающих это предположение (ср. ниже стр. 538, рецензию Э. Ф. Голлербаха).

413

Colombramy me. 2. ones.

Помета Г. Г. Чернедова на обороте ваписки, полученной им от Пушкина.

Ţ

Colombe my 1 mm 2.

VARIA

Образец почерка и характера текста Г.Г. Чернецова на писъмах, полученых им от разных лиц.

was for source

мъ полагаем следует датировать тем же 1832 г., когда встреча их зарегистрирована самим Чернецовым под 15 апреля. Около, этого времени, возможно, и произопло их вовое свидание. Литературные встречи Черпецова отмечены, между прочим, под 1836 г. когда 26 января происходило у В. А. Жуковского в присутствии Чернецова чтение Н. В. Гоголем "Р. визора". На этом чтении присутствовал Д. В. Давыдов, которого рисовал Чернецов. 1 Последний в своем дневнике за 1836 г. неоднократно ваписывает свои встречи с Д. В. Давыдовым, а 25 ноября 1836 г. Чернецов сделал следующую запись: "Группа поэтов Крылова, Жуковского, Пушкина и Гнедича, писанная мноюс натуры, вечером приготовлял контуры для камня, я хочу их нарисовать и издать, а между протчим сделаю несколько копий их масляными красками для желающих". Как ни досадно отсутствие записей Чернедова о Пушкине, но и вышеприведенное свидетельство интересно уже по одному тому, что да:т точное указание на два факта. Во-первых, зарегистрированная литографированная группа, изображающая Пушкина, Жуковского, Гнедича и Крылова, могла быгь изготовлена Чернецовым не ранее 1837 г., 2 и, во-вторых, отдельный фрагмент картины с изображением той же группы, писачный маслом и известный по единственному до нас дошедшему экземпляру с дагой 1832 г., з также выполнен Чернецовым не ранее 1837 г., и из прижизненных изображений Пушкина должен быть исключен.

ЛЕОНИД ГРОССМАН

КТО БЫЛ "УМНЫЙ АФЕЙ"?

(Пушкин и доктор Гутчинсон)

Отрывок из одесского письма Пушкина, перлюстрированного московской полицией и послужившего причиной исключения поэта из состава государственных чиновников и заточения его в Михайловском, важен не только по этому поворотному вначению в его судьбе: он останавливает наше внимание и как важнейшее свидетельство об умственной и творческой жизни Пушкина в Одессе. Несмотря на общеизвестность текста, напомним для ясности дальнейшего изложения эта несколько строк утраченного письма, сохранившегося лишь в дошедшей до нас полицейской выписке: 4

"Читая Шекспира и Библию, Святый Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрыя строфы романтической поэмы — и беру уроки чистаго Афэизма. Здесь Англичанин, глухой философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил. Он изписал листов 1000, чтобы доказать qu'il пе peut exister d'etre intelligent Créateur & régulateur, мимоходом уничтожая слабыя доказательства безсмертия луши. Система не столь утешительная как обыкновенно думают, но к нещастию более всего правдоподобная...".

Это несомненно один из самых значительных фрагментов эпистолярного наследия Пушкина. Имена Шекспира и Гете, противопоставленные Библии, блестящая автохарактеристика начатого "Евгения Онегина", беглый и выразительный очерк философа-европейца, и наконец, сжатая и смелая постановка темы об атеизме— всё это свидетельствует о богатстве и глубине интеллектуальных исканий Пушкина зимою 1824 г. (письмо-

^{1 &}quot;Литературное Наследство", № 19—21, М., 1935, стр. 332.

² В. Я. Адарюков. "Указатель гравированных и литографированных портретов А. С. Пушкина", М., 1926, стр. 30, №№ 406 и 407.— Ср. в писэме кн. П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву 22 сентяря 1837 г. ("Русский Архив", 1858, стб. 657).

³ "Пушкин и его друзья. Портреты и рисунки", редакция и вступительная статья И. С. Зильберштейна. М., 1937, стр. 14—17.

⁴ Воспроизводим это письмо с его первого списка, т. е. с оригинала полицейской выписки, хранящейся в Архиве Революции и внещней политики в Москве; в ней ряд особенностей в начертании слов с прописной или строчной буквы, в орфографии и пунктуации (они не всегда воспроизводятся в печати).

датируется апрелем — первой половиной мая и предположительно адресуется κ П. А. Вяземскому). В молодом торговом городке опальный поэт, оказывается, не только находил книги великих классиков, возбуждавшие рост его новых замыслов, но и встречал замечательных собеседников, с которыми мог решать волнующие вопросы современной мысли. В этом отношении личность глухого англичанина, приобщавшего молодого поэта к своей атеистической доктрине, приобретает значительный интерес в биографии Пушкина.

VARIA

Между тем сведений об этом лице удалось собрать до последнего времени крайне мало. По сообщению П. В. Анненкова, "в самом доме наместника Пушкин часто встречался с доктором-англичанином, по всем вероятиям, страстным поклонником Шелли, который учил поэта нашего философии атеизма и сделался невольным орудием второй его катастрофы". 1 Анненков тут же сообщает, что эти сведения получены им "от почтеннейшего А. И. Левшина" (правителя канцелярии Воронцова, впоследствия одесского градоначальника) и называет фамилию "доктора-этеиста": Гунчисон.

В таком начертании фамилия эта вызвала впоследствии вполне обоснованные сомнения в правильности своего произнощения. "Гунчисон, — писал по втому поводу П. О. Морозов, — фамилия по-английски мало вероятная: может быть Hutchinson".2 Догадка редактора оказалась совершенно правильной. В опубликованных вначительно позднее письмах самого Воронцова к Н. М. Лонгинову домашний врач семьи действительно назван доктором Гутчинсоном.

21 октября (2 ноября) 1821 г. Воронцов писах из Парижа: "С нами живет один-Doctor Hutchinson, которого рекомендовали нам чрезвычайно в Лондоне: он с нами поедет и в Россию; человек прекрасный, ученый, корошо воспитанный, имел уже довольно практики, и, что особенно для нас выгодно, был при детском Гопппитале в Лондоне, в коем в полтора года лечил до 2000 детей. Один маленький недостаток в нем, что немного глух, но привыкнув к голосу, это почти не приметно".3 О внешности Воронцовского доктора-англичанина можно судить по свидетельству Вигеля, побывавшего летом 1823 г. в Белой Церкви: "предметом общего, особого внимания гордо сидел тут англичанин-доктор, длинный, худой, молчаливый и плешивый, которому Воронцов, как соотчественнику, 4 поручил наблюдение за здравием жены и малолетней дочери: пред ним только одним стояла бутылка красного вина".

Таковы едва ли не все известия об "умном афее", столь заинтересовавшем Пущкина.

Новые сведения об этом "глухом философе" дает сохранившаяся в библиотеке Воронцова книга, подтверждающая беглое указание Пушкина о том, что одесский англичанин занимался и литературной деятельностью. В 1820 г. он выпустил в Лондоно "Рассуждение о детоубийстве и его отношениях к физиологии и юриспруденции" (второе издание вышло в 1821 г.). Приведем полное заглавие этого исследования: "A dissertation on infanticide in its relations to Physiology and Jurisprudence. By William Hutchinson. M. D. member of the Society of the college of physicians of Paris; fellow of the Linnean Society; member of the Medical and Chirurgical Society of London; and one of the physicians to the Royal metropolitan infirmary for sick children, Second edition, London, 1821".

Заглавие это дает ряд точных сведений об одесском собеседнике Пушкина. Его ввали Вильям Гутчинсон; он был доктором медицины, членом видных медицинских и хирургических обществ Лондона и Парижа, врачом королевской Лондонской больницы

¹ П. Анненков. "А. С. Пушкин в александровскую эпоху (1799-1826)". СПб., 1874, стр. 260.

² Пушкин, "Собрание сочинений", под ред. С. А. Венгерова, т. VI, СПб., 1915, стр. 534. — Ср. также: "Сочинения Пушкина", изд. "Просвещения", т. VII, СПб., 1906, стр. 441. — "Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина" под ред. М. П. Алексеева, 1926, стр. 50.

3 Пушкин. "Письма", т. II, М.—Л., 1928, стр. 504.

⁴ Воронцов рос и воспитывался в Англии.

для слабых детей. Последнее обстоятельство с полной несомненностью устанавливает гожество автора "Рассуждения о детоубийстве" с личностью одесского англичанина ("был при Детском Гошпитале в Лондоне", писал о нем Воронцов).

Ученые звания доктора Вильяма Гутчинсона дают еще ряд сведений для суждения о нем. Это, видимо, был человек широких научных интересов. Он состоял членом английского Линнеевского общества, т. е. круппейшего объединения натуралистов. "The Linnean Society" было основано в 1788 г., сейчас же после смерти шведского естествоченытателя, и получило его имя; оно ставило себе задачей разработку вопросов зоологии и ботаники в духе знаменитой "Системы природы". С этой целью оно приобрело обширную библиотеку Линнея, его гербарии и коллекции для дальнейшего систематического развития его идей и методов. Оно постоянно обогащало свое книжное собрание всеми новейшими открытиями и исследованиями по естествознанию. Принадлежность к Линнеевскому обществу несомненно свидетельствовала о передовых научных воззрениях доктора Гутчинсона. Этому, видимо, вполне соответствовали и его прогрессивные политические убеждения.

Книгу свою Вилъям Гутчинсон посвятил съру Джемсу Макинтошу (James Mackintosh), известному историку, публицисту и государственному деятелю. Приведем текст посвящения, свидетельствующего о личных отношениях Гутчинсона с Макинтошом и о глубоком уважении автора книги к знаменитому политику и ученому.

To sir James Mackintosh M. P. L. L. D. F. R. S.

Sir, I was desirous of inscribing the following attempt to illustrate an important point of Medical Jurisprudence to some name alike eminent in science as distinguished for legal knowledge. I dedicate my book to you, because I know no man to whom a work intended to elucidate any matter, connected with science or legal enquiry, in its detail could with more propriety be addressed.

The execution of my work, I hope, will not be found so defective as to induce you to repent of the kind permission you have given me to dedicate it to yourself.

I am, sir, with the most profound respect your devoted and most obedient servant
W. Hutchinson.

London: Sackwille street June third 1820.2

Следует остановиться на личности и биографии того "выдающегося законоведа", которому доктор Гутчинсон посвятил свою книгу.

Джемс Макинтош принадлежал к партии вигов и прославился в 1791 г. своей защитой французской революции, опубликовав политический памфлет на ее критиков и врагов ("Vindiciae Galliae"). Сочинение это, переведенное в 1792 г. под заглавием "Апология французской революции", 3 доставило его автору по постановлению Национального Собрания почетное эвание гражданина республики. Памфлет Макинтоша,

¹ Списки приобретений библиотеки печатались в ученых записках Линнеевского общества "Transactions of the Linnean Society" с конца XVIII в. См. новейшее издание: "Catalogue of the printed books and pamphlets in the Library of the Linnean Society of London". New edition. London. 1925.

2 Перевод: Сэру Джемсу Макинтошу, члену парламента, доктору прав, члену королевского общества. Сэр, на этом опыте, пытающемся осветить важный вопрос судебной медицину, с жазал бы достарить имя недовека который является и выдаю-

² Перевод: Сэру Джемсу Макинтошу, члену парламента, доктору прав, члену королевского общества. Сэр, на этом опыте, пытающемся осветить важный вопрос судебной медицины, я желал бы поставить имя человека, который является и выдающимся ученым, и большим авторитетом в области правоведения. Я посвящаю эту книгу вам, ибо не знаю никого, кочу с большим правом может быть посвящено исследовачие, ставящее себе задачей осветить во всех ее частностях одну из научных проблем законоведения. Я надеюсь, что выполнение моего труда не окажется столь несовершенным, чтобы внушить вам сожаление за любезно данное мие разрешение посвятить эту книгу вам. Остаюсь, сэр, с глубочайшим уважением ваш преданный и покорнейший слуга. В. Гутчинсон. Лондон, Секвиль-стрит.

³ жюня 1820 г. ³ "Apologie de

³ "Apologie de la Révolution française". Paris, 1792.

VARIA 417

знаправленный против реакционных "Размышлений о французской революции" Берка.¹ произвел необычайное впечатление. В несколько месяцев вышло три издания книги. Продолжая свою политическую кампанию, Макинтош выступил в 1803 г. в громком политическом процессе в качестве защитника францувского публициста-эмигранта Жана Пельтае, обвиненного по настоянию Наполеона в печатных оскорблениях первого консула (памфлет был издан в Лондоне). Защитник построил свою речь на прославлении французской революции и потребовал оправдания своего клиента во имя великих принципов 1789 г., поправных военным абсолютизмом Бонапарта. Обвиняемый был оправдан, адвокат его признан первым оратором Англии, а речь его переведена на французский язык г-жою Сталь. Не лишено интереса, что впоследствии в библиотеке Пушкина имелась книга о процессе Жана Пельтье с приложением знаменитой защитительной речи его адвоката. 2 Посланный вскоре в Бомбей, Макинтош вступил в решительную боръбу с элоупотреблениями колониальной администрации в Индии. Вернувщись в Ловдон, он предпринимает реформу уголовного законодательства Англии (в то время, как известно, чрезвычайно жестокого) и добивается полного обновления британской карательной системы.

Всё это доставляет Макинтошу широкую покулярность и привлекает к нему особое внимание крименалистов и врачей. По образованию своему доктор медицины и юрист, Макинтош широко занимался вопросами, преимущественно интересовавщими и доктора Гутчинсона. Посвящение последним своей книги этому видному члену палаты общин и лидеру вигов, несомненно свидетельствует не только о профессиональном уважения, но и о политической солидарности. В консервативном английском обществе, с нескрываемым ужасом и отвращением относивщимся к французской революции, Макинтош выделялся своей решительной и смелой позицией сторонника "нового строя". Едва ан приношение такому государственному деятелю своей книги не означало глубокого сочувствия и к его политическому исповеданию. Думается, что мы имеем основавие заключить, что и доктор Вильям Гутчинсон принадлежал к небольшому кругу англичан, сочувствовавших французской революции и ее идеям. З Следует отметить, что, как ученый, Гутчинсон избрад для своего исследования и разработки новую область внания, представлявшую в то время характер живой актуальности. Только в конце XVIII в. возникает оживленный интерес к вопросам судебной медицины. В 1798 г. выходит выдающееся исследование французского ученого Foderé "Traité de Médecine Legale", откомвающее новую вру в изучении смежных вопросов права и медицины. Монография Гутчинсона разрабатывала одну из важнейших проблем этой пограничной области антропологии, медицины и естествознания; она несомненно имела большое практическое значение в разрешении ряда вопросов правосудия и законодательства. Вышедщая в 1820 г., она в сущности откомвала обширный отдел криминалистики и социологии о "женщинах-убийцах", о "материнском праве", о "психозах послеродового периода"

¹ Burke. "Reflection on the Revolution in France", London, 1791 (экземпляр этого издания накодился в библиотеке М. С. Воронцова). — Впоследствии в библиотеке Пушкина имелся французский перевод этого сочинения: Edmond Burke. "Reflexions sur la Revolution d₃ France, nouvelle édition corrigée et revue avec soin par I. A. A". Paris, 1823 ("Библиотека Пушкина", № 690, "Пушкин и его современники", т. ІХ—Х, СПб., 1910, стр. 180). — На титульном листе одесской рукописи "Евгения Онегина" (1823) Пушкин дал по английски эпиграф из Берка ("ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение").

² "Библиотека Пушкина", № 1253 ("Пушкин и его современники", т. IX—X, стр. 308).

³ Отметим, что в библиотеке Пушкина, помимо "процесса Жана Пельтье", имелась и "История английской революция 1688 г." Макинтоща с поиложением статьи о жизни, сочинениях и речах автора ("Библиотека Пушкина", № 585, "Пушкин и его современники", т. IX—X, стр. 152). Подробный разбор этой работы дал Маколей в своем втюде о Макинтоше: "Sir James Mackintosh" — см. Macaulay. "Critical and historical essays", t. I, New-York, 1903, pp. 681—758.

и уже разрешала основные проблемы этой животрепещущей темы в духе передовых общественных течений начала столетия.

Пребывание такого атеиста и радикала, как Гутчинсон, в семье графа Воронцова, которого нередко изображают сторонником Священного союза, может вызвать естественное недоумение. Оно отпадает при фактическом уточнении политической и общекультурной физиономии Воронцова. "Наместник юга" по своему воспитанию принадлежал к "либеральной" Англии и охотно демонстрировал свое сочувствие новейшим идеям, брошенным в европейское общество французскими энциклопедистами. Это было, конечно, достаточно гибкое "вольномыслие", нисколько не препятствовавшее блестящей государственной карьере двухичного сановного вольнодумца в царской России, и всё же оно в значительной степени определяло его общественную позицию и служебное окружение. Адъютант Воронцова Дондуков-Корсаков впоследствии отмечал в нем полное отсутствие религиозного чувства; он был воспитан в вольторианском направлении, ум: и рассудок заменяли ему веру, он не любил говорить о религии, а если и говорил, тос насмешкой и в сардоническом тоне, охотно рассказывая антирелигиозные анекдоты. ^{1} Мистический курс правительства Александра I был ему чужд, а отдаленность от Петербурга разрешала ему вольность постоянного общения с "умным афеем", литературные и философские занятия которого едва ли могли оставаться для него тайной.

Ему, конечно, были известны и отношения Гутчивсона с необычным "архивариусом" его дипломатической канцелярии.

Впрочем, не может быть сомпения, что Пушкин заинтересовал ученого и радикально мыслящего англичанина, прежде всего как выдающийся поэт, преследуемый, царским правительством. Следует думать, что родственность убеждений быстро привела здесь к выработке общего языка, а затем и к углубленным философским беседам на тему, всегда интересовавшую Пушкина. Его "безверие", вызвавшее еще в лицее известный сокрушенный отзыв директора Энгельгардта ("его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце") не переставало расти в последующие годы; об этом красноречиво свидетельствуют, на ряду с его южными рукописями, и некоторые показания современников.²

Какие же уроки атеизма мог брать автор "Гавриилиады" у своего нового знако-мого-англичанина? Следует помнить, что вольнодумство Пушкина питалось традициями французского просвещения с его компромиссными моментами "деизма". Оно могло получить новое углубление от вольных лекций мыслителя-англичанина, написавшего огромный трактат (по слову Пушкина, "листов 1000") в опровержение идеи бога и бессмертия души и вероятно развивавшего перед повтом критическую доктрину знаменитых английских материалистов XVII в. Из втих живых философских диалогов Пушкин и вынес впечатление "чистого ареизма", т. е. абсолютного, безусловного крайнего безверия, освобожденного от всех смягчающих оговорок и нейтрализующих уступок.3

Переживавший в это время усиленный приступ охватившего его в последние годы жизни мистицизма, Александр I усмотрел в письме Пушкина состав дерзкого политического преступления. Он не посчитался с рядом смягчающих оговорок в письме поэта ("единственный умный афей", "к несчастью более всего правдоподобная"),

¹ А. М. Дондуков-Корсаков. "М. С. Воронцов", Пб., 1902, стр. 11.

² В письме к мужу от 15 августа 1824 г. Вяземская сообщает рассуждение своего семилетнего мальчика, любимца Пушкина: "«можно ли верить богу-отцу, богу-сыну, надобно которому нибудь одному, а то запутаешься легко». Ensuit par reflexion il dit (подумав, он прибавил): «А я никому верить не буду, лучше — не ошибешься». Представляю себе впечатление, какое произвели бы эти слова на Пушкина, который был от него в восторге" ("Остафьевский эрхив", т. V, 1909, стр. 146).

³ Накакими другими свидетельствами об атеистическом трактате Гутчинсона, кроме показания Пушкина, мы не располагаем.

419

которыми Пушкин, предвидя вероятно возможность пераюстрации, старался несколько ослабить свою декларацию безверья. Последовала суровая и резкая резолюция. 11 июля 1824 г. Нессельроде, как известно, сообщил Воронцову заключение правительства о "коллежском секретаре Пушкине": "Всё доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом вступлении его на общественное поприще. Вы убедитесь в втом из приложенного при сем письма. Его величество поручил мне переслать его вам; об нем узнала московская полиция, потому что оно ходило из рук в руки и получило всеобщую известность. Вследствие этого, его величество, в видах законного наказания, приказал мне исключить его из списков чиновников министерства иностранных дел за дурное поведение"; кроме этого "император находит необходимым удалить его в имение родителей в Псковскую губернию под надзор местного начальства".1

VARIA

Одесское письмо Пушкина, попавшее в руки полиции, видимо, оказало влияние и на судьбу доктора Гутчинсона. Если иностранно-подданного нельзя было заточить за его атеистические убеждения в "далеком северном уезде", нетрудно было с помощью Воронцова под каким-нибудь предлогом удалить за пределы России вольнодумца, развращающего своими "уроками" таких представителей русской молодежи, как Пушкин. Вскоре после высылки повта из Одессы, собирается в отъезд за границу и его учитель атеизма. Об этом Воронцов сообщает Лонгинову в письме от 17 ноября 1824 г., из которого видно, что вопрос об отъезде Гутчинсона из России был решен не поэже октября.²

Что сталось с "умным афеем" в Англии? По свидетельству П. В. Анненкова, А. И. Левшин к своему сообщению о докторе-англичанине "прибавил, что лет пять спустя после истории с Пушкиным, он встретил того же самого Гутчинсона в Лондоне уже ревностным пастором англиканской церкви".3

Достоверно ди это показание? Собранные нами сведения о научных интересах доктора Гутчинсона, его участин в Линнеевском обществе, сочинениях на медикоюридические темы, наконец, идеологической солидарности с левым политическим деятелем и поклонииком французской революции склопяют к мнению, что последнее сообщение Левшина едва ли не анекдотично. В кругах, к которым бывший правитель канцелярии Воронцова принадлежал в старости (когда он сообщал Анненкову свои воспоминания о Пушкине), т. е. в среде высших служащих министерства внутренних дел, было принято иронизировать над атенстами и "нигилистами", которые якобы с поразительной легкостью перебрасывались в стан "порядка" и благочестия. Даже имеющиеся в нашем распоряжении скудные биографические сведения об этом забытом ученом, философе и писателе заставляют предполагать в нем ту прочность мировоззоения, которая делает сомнительным переход от судебной медицины и естествознания к пасторской кафедре. Во всяком случае, независимо от конца его жизни, член научных обществ Лондона и Парижа доктор Вильям Гутчинсон заслуживает полного внимания исследователей Пушкина: он относится к той почетной группе его собеседников, которые будили философские искания поэта и оставляли след в развитии его мысли.

^{1 &}quot;Русская Старина", 1879, Х, стр. 293-294.

^{2 &}quot;Мы получили из Лондона хорошее известье, — писал Воронцов, — что прекрасный человек Doctor Lee найден вместо почтенного нашего доктора Гутчинсона, и что он скоро сюда приедет..." (Пушкин, "Письма", т. II, М.—Л., 1928, стр. 504). На устройство такого дела почтою требовалось не менее шести недель. Таким образом уже месяца через два после высылки Пушкина из Одессы вопрос об отъезде отсюда д-ра Гутчинсона был решен.

д. п. якубович

пушкин в "РЕТОРИКЕ" КОШАНСКОГО

І. Из истории текста "К портрету В. А. Жуковского"

В литературе о Пушкине уноминалось, что отношения поэта с его лицейским наставником Н. Ф. Кошанским имели свое продолжение и в более поздние годы. Педантизм и придирки школьного "аристарха" были давно забыты Пушкиным, и в 1830 г. он с уваженизм уномянул имя своего "профессора" российской и латинской словесности в заметке о только что умершем Дельвиге. С своей стороны Кошанский, как известно, к его чести, упоминал с восхищением имя своего питомца в своих новых учебниках по теории литературы, отчетливо поняв, что ученик давно стал победителем и сделался центральным явлением русской литературы.

Напомию, что в "Общей реторике" Н. Кошанского (первое издание 1829 г., стр. 118; второе — 1830 г., стр. 97) Кошанский как пример плавности слога (Numerus oratorius, rythmus), т. е. одного из центральных показательных отделов книги ("искусство писать так чтобы чтение было легко и приятно") приводит примеры из прозы (Карамзина) и один из поэзии, а именно:

"Надпись:

"Твоих стихов пленительная сладость "Пройдет сквозь мрак в таинственную даль; "Услыша их, воспламенится младость, "Утешится безмолвная печаль, "И резвая задумается радость.

В. А. Жуковскому. А. Пушкин. 4 стих прелестен; а 5 так пленителен своею плавностию, и так ярко освещен прелестью идей, что нельзя не назвать его стихом зения".1

Пушкинская надпись к портрету Жуковского, помещенному в "Вестнике Европы" в 1817 г., впервые была напечатана с заглавием "Надпись к портрету Жуковского" в "Благонамеренном" (1818, т. III, № 7, цензурное разрешение 2 кюля, стр. 24), причем 2—4-й стихи эдесь читались:

Пройдет времен в таинственную даль; Услыша их, воспламенится младость, Безмольная утешится печаль...

т. е. "времен" вместо "сквозь мрак" и "безмольная утешится" вместо "утешится безмольная". В архиве П. Н. Тургенева хранился также автограф Пушкина, в котором, в отличие от текста "Благонамеренного", 3—4 стихи читались:

Внимая им восплаченится младость Утешится безмольная печаль...

Автограф этот, воспроизведенный факсимиле ^{2} и ныне хранящийся в Государственном Литературном музее, также интересен арзамасскою подписью Пушкина "Сверчок", указывающей на возникновение "Надписи" в кругу Арзамаса.

на вопрос об источнике и сазночтениях данного текста.

2 "А. С. Пушкин". Издание журнала "Русский Библиофил", 1911, стр. 14—15,

публикация А. А. Фомина.

¹ На пример, приведенный Кошанским, обращали внимание А. И. Малеин, ("Н. Ф. Кошанский", "Сборн к памяти Л. Н. Майкова", 1902), и Н. К. Пиксанов в его статье "Н. Ф. Кошанский" (Пушкин, ред. С. А. Венгерова, т. I, 1907, стр. 254). Но оба они имели в виду лишь текст "Общей ретогики", изд. 1829, не обратив внимания на вопрос об источнике и разночтениях данного текста.

Другой автограф, находящийся в тетради Всеволожского, имеет заглавие "К портрету Ж", перестановку слов в 4-м стихе, и после поправок совпадает с текстом издания 1826 г.¹

В "Стихотворениях Александра Пушкина" 1826 г. (стр. 109) и в издании 1829 г., ч. II (цензурное разрешение 25 июня), стр. 149, Пушкин напечатал измененную редакцию, а именно—заглавие: "К портрету Жуковского" и стихи:

> Пройдет веков завистливую даль, И, внемля им, вздохнет о славе младость, Утешится безмолвная печаль.

Ценаурное разрешение книги Кошанского помечено "Ноября 29 дня 1829 г.", таким образом Кошанский имел возможность учесть не только поправки первого, но в второго пушкинского издания, но, как похазывает заглавие, сохраненное им ("Надпись"), воспроизвел текст ближе к "Благонамеренному". Однако, как показывают три отличия ("твоих", "сквозь мрак" и инверсия в четвертом стихе), он восходил еще к какому-то, быть может, устному или рукописному источнику, известному ему еще до напечатания стихотворения в "Благонамеренном".

Пушкинская надпись арзамасских времен могла обращаться и иметь популярность в разных вариантах как письменных, так и устных, санкционированных самим автором. Кошанский имел все возможности быть знакомым с одним из таких первоначальных вариантов.

Но в момент, когда заканчивалось печатание "Общей Реторики", кто-то обратил его внимание на новый текст "Надписи" Пушкина, и Кошанский в "Замеченных опечатках" поспешил указать: "И на стр. 118, строки 13, 14 и 15, первые три стиха в Надписи В. А. Жуковскому, должно читать так:

Его стихов пленительная сладость, Пройдет времен завистливую даль, И внемля им, вздохнет о славе младость, Утешится безмольная печаль, И резвая задумается радость".

Как видим, Кошанский придавал большое значение точному воспроизведению стихов Пушкина, но, и внеся исправления по изданиям "Стихотворений Александра Пушкина", стушевывающим карактер личного обращения к Жуковскому ("Его" вместо "Твоих"), он сохранил почему-то во 2-м стихе из текста "Благонамеренного" слово "времен" вместо "веков".

Только во 2-м издании "Общей Реторики" (1830, стр. 97—98) стихотворение было напечатано абсолютно точно, котя и с заглавием "Надпись".²

Зато свои пояснения к этому примеру Кошанский существенно расширил (на это не было обращено внимания), дав их таким образом:

"З стих — живое чувство пылкой юности; 4 стих трогателен, как Повзия Жуковского; а 5 так пленителен своею плавностию, и так ярко освещен прелестью идей и правдой, что нельзя не назвать его стихом зения".

Таким образом в этой редакции своего комментария Кошанский вспомнил и о "пылкой юности" своего бывшего воспитанника и уподобил его "трогательный" стих поэзии Жуковского и, наконец, подчеркнул не только "прелесть идей", но и "правду." ³

¹ Ср. "Летописи Государственного Литературного музея", кн. 1, 1936, стр. 61.
2 Перепечатка стихотворения Кошанским не учтена вовсе в книге Н. Синявского и М. Цявловского "Пушкин в печати", 2-е изд., 1938.

³ Еще один пример из Пушкина взят в "Общей Реторике" из "Руслана и Людмилы" (1829 г., стр. 149), а как пример метафоры дана ссылка: "Полувоздушная Нимфа. Пушк." (1829 г., стр. 126; 1830 г., стр. 104).

II. Коллективная пародия

Участие Пушкина в коллективных стихотворных шутках общенивнестно. Он не только был одним из непременных авторов лицейских "национальных песен", но с удово: ьствием участвовал и в союзных шутках-пославиях совместно со старшими повтами.

Таковы его двустишие в послании "Писать я не умею" и три стиха в послании П. А. Вяземскому ("Зачем забывши славу", 1817 г.).

Шутка, начатая А. А. Плещеевым, была подхвачена Пушкиным, ее закончили К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский.

В 1819 г. к двустишию Жуковского арзамасец Пушкин приписал целую пародическую "Балладу".

В 1825 г. во время свидания в Михайловском с Дельвигом возникла народическая "Элегия на смерть Анны Львовны", написанная обоими поэтами совместно и отправленная в письме к Вяземскому (конец апреля).

В следующем 1826 г. в том же Михайловском, но уже вместе с новым своим гостем— Н. М. Языковым, Пушкин пародировал "Апологи" И. И. Дмитриева в одиннадцати "Нравоучительных четверостишиях", и затем они были напечатаны в 1827 и 1828 гг. в "Невском Альманахе".

От 1827 г. дошла "Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова", написанная Пушкиным 15 мая в Москве совмество с Е. А. Баратынским.

Наконец, в 1828 г. Пушкин участвовал в коллективном послании к дяде своему В. Л. Пушкину; первый стих начат Вяземским, второй записан Жуковским, третий ("Меж проповедников Парнаса — Прокопович!") — Пушкиным. Четвертый и седьмой стихи вновь вписаны Жуковским. Четвертый участник шутки (автор стихов пятого и шестого) до сих нор по почерку не установлен. 1

В том же году (16 октября) в коллективном с Анной Вульф письме к А. Вульфу Пушкин свидетельствует, что "Подъезжая под Ижоры" его "общие стихи" с П. И. Вульфом.

Даже и в 30-х годах Пушкин продолжал участвовать в коллективных шутках, адресованных друзьям. 26 марта 1833 г. вместе с Вяземским он зарифмовал в поминанье "Надо помянуть" — 26 стихов.

В 1836 г. он приписал заключительный куплет на нотах "Канона" М. И. Глинке, сочиненного М. Виельгорским, Вяземским, Жуковским и положенного на музыку В. Одоевским.

Известно также, с каким удовольствием Пушкин в коллективных стихотворных и прозаических играх (Malheur, Lentille), вписывал шуточные стихи в лицейские протоколы, приписывал четверостишия к письмам А. П. Керн ("Когда помилует нас бог") и, наконец, согласно с традицией дружеских и семейных писем любил веселое вмешательство в коллективное письмо (письма из Михайловского, Малинников, письма родным) и др.

Надо полагать, что далеко не все эпизоды подобного творчества Пушкива дошли до нас. Мы напомнили об известных, чтобы раскрыть его участие еще в одной шутке этого же рода, к тому же имеющей литературно-сатирический характер.

На той же странице "Общей реторики" Н. Ф. Кощанского (1829, стр. 118), где была напечатана в качестве образца плавного слога пушкинская "Надпись", был дан и образец слога тяжелого. Приведем его полностью с комментарием Кошанского:

¹ Автограф воспроизведен в книге И. А. Шаяпкина "Из неизданных бумаг А. С. Пушкина", 1903, стр. 12.

"Напр. другая Надпись к худому Стихотворцу:

- "Се Росска Флакка зрак! се тот, кто, как и он,
- "Ввыспрь быстро, как птиц царь, вспарил на Геликон!
- "Се лик Од, Притчь творца, Муз чтителя Хаврова,
- "Кой поле упестрил Российска, красна слова.

Сия Надпись составлена четыремя из лучших наших Поэтов, в пример тяжелого, знесьносного Слога: 1 стих отличается (какофониею) неприятными звуками; 2 убийствен для чтения; 3 своим безобразием предестен; слова: Муз чтителя сливаются в Му-чи*теля*; 4 гордится пышностью площадною: а все вместе единственны в своем роде".

Тот же самый текст повторен Кошанским и во втором издании 1830 г. (стр. 98) «с разночтениями: 1) в заглавии: Надпись худому стихотворцу; 2) во 2-м стихе:

Ввыспрь быстро, как птиц царь, порх вверх на Геликон! 1

ли с заменой в 3-м стихе имени "Хаврова" именем "Графова".

Коллективная "Надпись худому стихотворцу", всего вероятнее, эпиграмма, напя-«анная не только как абстрактный образец какофонии но и направленная по конкретному адресу. "Хавров", раскрываемый далее как "Графов", конечно, — граф Хвостов, и надпись имеет характер групповой литературно-полемической пародии на него, продолжающей арзамасские традиции.2

В свое время эпиграмма эта как "сочиненная обществом молодых любителей российской словесности" была напечатана Бартеневым (получена от П. Вяземского) в "Русском Архиве" (1866, стб. 473—474) с разночтениями: "Графова" как "Хвостова". Б Л. Модзалевский, не знавший публикаций Кошанского, предположил здесь без оснований пародирование Кюхельбекера.3

Если нельзя с абсолютной уверенностью назвать всех четырех авторов, упомянутых Кошанским как "лучших наших поэтов", то всё же имена по крайней мере двух из них -определяются с полной бесспорностью — это Жуковский и Пушкин. Действительно, несколько выше 4 Кошанский именует Жуковского "одним из первых Писателей в наше время". Пушкина, как мы видели, он называет на той же самой ^{5} странице "гением".

Пушкин несомненно участвовал в коллективной эпиграмме против Хвостова. Тремя лартнерами его могли быть, скорее всего, в согласии с определением Кошанского, Карамзин, Жуковский, Батюшков, все трое цитируемые в качестве лучших образцов на -страницах "Общей Реторики".

Не исключается, конечно, и возможность участия Вяземского, сохранившего самую эпиграмму, хотя нет оснований думать, что Кошанский относил его к числу "четырех лучших". Вяземский, например, вовсе не цитируется на страницах "Общей Реторики". Кажется, есть возможность очень предположительно, но с некоторой вероятностью указать и на стих, написанный Пушкиным. Это:

Се лик Од, Притчь творца, Муз чтителя Графова...

Он вполне соответствует другим известным нам шуткам молодого Пушкина, напр. "Надписи к портрету Дельвига" ("Се самый Дельвиг тот...") и в особенности его выпадам против Хвостова.

¹ Выше Кошанский отмечает как основную особенность тяжелого слога "Множество

² Ср. "Арзамас и арзамасские протоколы", ред. М. С Боровковой-Майковой, .А., 1933, стр. 51—52, 103—109.

з "Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.", 1922, стр. 3.

⁴ Стр. 55 в изд. 1829 г.

⁵ В изд. 1830 г. на предыдущей (97); на странице 98 вновь стих "И резвая задумается радость" приводится как пример предестной эврифмии.

Ср. Творенья громкие Рифматова, Графова ("К другу стихотворцу", 1814); нан:

Так пишет (молвить не в укор) Конюший дряхлого Пегаса Свистов, Хлыстов или Графов, Служитель отставной Парнасса, Родитель стареньких стихов, И од не слишком громозвучных, И сказочек довольно скучных.

("Моему Аристарху", 1815.)

("Тень Фон-Визина", 1815.)

Или:

Или:

Скажи по милости *Графову*, 1 Полэком ползущу к Геликону. ("К Батюшкову", черновик, 1814.)

Характерно также, что и в своей аналогичной по функции "Оде его сиять гр. Дм. Ив. Хвостову" (1825) Пушкин пародировал и "какофонию" стихов Хвостова, ср.:

Лети туда, Хвостов наш! сам.

Или:

Он лорд — Граф ты! Поэты оба!

Как бы то ни было, участие Пушкина в эпиграмме вообще — несомненно. "Надпись худому Стихотворцу", сохраненная Кошанским, должна занять свое между прочими коллективными шутками с участием Пушкина.

О. Г. БАЗАНКУР

ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА — РИЧЧИ

Граф Миньято Риччи ² и жена его Екатерина Петровна, урожденная Лунина, были современниками и светскими знакомыми Пушкина в Москве в 1826—1828 годы.

¹ Ср. также термин "Графов" в стихотворении "К Дельвигу" (1815) и в "Исповеди Стихотворца" (1813—1817). Ср. заметку о Д. И. Хвостове М. А. Цявловского в "Путеводителе по Пушкину" (1931, стр. 364) и публикацию Д. Д. Благого во "Временнике" (т. 2, 1936).

² В сборнике "Литературное наследство" (№ 16—18, 1934) в статье П. Щеголева "Пушкин и граф Риччи", на стр. 566 граф Риччи неправильно назван "К. Риччи". В действительности литера "К", значащаяся под письмом Риччи к Пушкину, есть первая буква слова Comte (граф). По материалам рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина мне удалось установить его имя: Миньято. См. Архив С. П. Шевырева, письмо Риччи к Шевыреву от 18 декабря 1860 г. с подписью Міпіато Ricci, там же цитируемые впервые письма З. Волконской и сестры ее М. А. Власовой к С. П. Шевыреву.

VARIA 425

Портрет М. Риччи (масло; публикуется впервые).

О них в исследовательской литературе до сих пор сказано мало, а между тем они весьма яркие и своеобразные представители пушкинского окружения в московский период его жизни. Пушкин познакомился с ними в доме княгини Зинаиды Александровны Волконской вскоре по возвращении своем в Москву осенью 1826 г. Семья Луниных, из которой вышла Е. П. Риччи, принадлежала к богатому русскому дворянству, состояние

¹ Пушкин. "Письма", т. II, под ред. Б. Л. Модзалевского, М., 1928, стр. 330, прим. 288.

² К началу XIX в. существовало три родственных ветви Луниных: 1) Петр Михайловни Лунин, генерал-лейтенант (1759—1822), женатый на Авдотье Семеновне Хвостовой (1760—1847), имевший единственную дочь Екатерину, в замужестве за графом Ричи (Остафьевский архив, т. III, стр. 388). 2) Сергей Михайлович Лунин (ум. 16 февраля 1817 г.), женат на Федосье Никитишне Муравьевой, отец декабриста Михаила Лунина и Екатерины, в замужестве за Фед. Александр. Уваровым. 3) Александр Михайлович Лунин (1745—1810), сенатор, женатый на Варваре Николаевне Щепотьевой (ум. 1812 г.). Таким образом жена Риччи — Е. П. Лунина и декабрист Михаил Сергеевич Лунин были двоюродные брат и сестра. Со стороны матери, Авдотьи Семеновны, урожд. Хвостовой, имелась не менее многочисленная родня, сестры матери: Прасковья Семеновна, в замужестве Окулова (1772—1864), Вера Семеновна, в замужестве Нащокина, и брат, Дмитрий Семенович, женатый на писательнице А. П. Херасковой. Лунины с З. А. Волконской, урожд. княжной Белосельской, были тоже в какой-то степени родства, о чем вспоминает М. Д. Бутурлин: "Я впервые выступил на сцену... с кн. З. Волконской, с родственницей ее, графиней Риччи, примадонной, урожд. Луниной..." ("Русский Архив", 1897, кн. II, стр. 177).

нх оценивалось не менее двух миллионов рублей. В П. Лунива, прожившая долгую, почти столетнюю (1787—1886), обильную впечатлениями жизнь, имела выдающиеся музыкальные способности, играла на арфе и клавесине, прекрасно пела, сама композиторствовала, что видно из нот, после нее оставшихся.

Лунины много раз и подолгу живали за границей — в Вене, Париже, где Лунинадочь выступала в интимном кругу королевы Гортензии, а также в Тюльери при дворе Наполеона.² В одну из таких поездок Е. П. Лунина вышла в Риме замуж (ок. 1817 г.) за графа Риччи, после чего они вернулись в Россию и поселились в Москве, в собственном доме Луниных на Никитском бульваре.³

В селе Раменском Московской обл., где жила и умерла Е. П. Риччи-Лунина, в семье ее родственников в 1917 г. я видела портреты ее и мужа ее графа Миньято Риччи. По костюмам они могут быть отнесены к 20-м годам XIX в. Е. П. Риччи-Лунина изображена женщиной лет 35—40. На ней темнозеленое бархатное платье с золотой вышивкой. На голове тюрбан из пестрой ткани, перевитой красным. На лбу — крупная фероньерка — изумруд в оправе из жемчуга. Левым локтем опирается о камень с наброшенной на него красной тканью. М. Риччи — красивый молодой человек, с каштановыми волосами, лет 26, в синем фраке со светлыми пуговицами. На нем желтый жилет и белый шейный платок.

И внешность изображенных лиц и соотношение их возрастов совпадают с описанием Риччи их современниками.⁵

Имя Луниной было небезываестно Пушкину еще в ранней его молодости. В послании А. И. Тургеневу (ок. 1817 г.) Пушкин намекает на какой-то юмористический бальный эпизод, героями которого являлись Тургенев и Лунина:

На свадьбах и в Библейской зале, Среди веселий и забот Роняешь Лунину на бале, Подъемлешь трепетных сирот...6

Поселившись в 20-х годах в Москве, супруги Риччи зажили широкой светской жизнью, выезжая, выступая в концертах, принимая у себя. Риччи, как певец, поэт

² Из устных семейных рассказов родственников Риччи.

3 Теперь — дом под 12а. Построен выдающимся московским архитектором Доменико Жилярди в стиле ампир. Внешность дома сохранилась. В настоящее время в нем помещается Клуб ЦК союза шоферов им. т. Садовского, в просторечии "Автомобильный клуб".

 ^{5} На юбилейной выставке Пушкина в Москве в 1937 г. были выставлены еще портреты: Е. П. Риччи, маслом на холсте, 28×22 см, работы Лагрене 1820 г., поколенный, ^{3} /4 влево, и М. Риччи — поясная миниатюра на кости, ^{3} /4 влево, акварель 6.2×5 см, в бронзовой овальной раме, 1822 г., без имени мастера.

6 Эти строки Пушкина С. Гессен в книге "Декабрист Лунив" (Л., 1929, стр. 22) отнес к Екатерине Сергеевне Луниной-Уваровой, сестре декабриста М. С. Лунина и двоюродной сестре Ек. Петр. Луниной (то же в изд. "Academia", 1936, т. І, стр. 685). Вряд ли вто правильно. Стихотворение написано ок. 1817 г., а Ек. Серг. была замужем за Ф. С. Уваровым уже с 1814 г., тогда как Екат. Петр. Лунина в 1817 г. носила еще свою девичью фамилию и строки Пушкина должны относиться именно к ней.

¹ "Русский Архив", 1901, кн. І, стр. 417. А. Булгаков, "Переписка", 5 июня 1822 г. "До решения дела на всё их (Луниных) имение, стоющее более 2 миллионов, наложено запрещение".

⁴ С портретов этих тогда же, в 1917 г., для меня были сделаны хранящиеся у меня фотографии, так же как и с той комнаты, где сохранялась вся обстановка Е. П. Ричи с развешанными по стенам портретами Е. П. и М. Ричии и ее матери Авдотьи Семеновны Луниной. Портреты обоих Ричии — парные; размеры — 36 × 31 см, написаны маслом. На портрете М. Риччи в левом углу внизу, с трудом можно разобрать буквы N и М, или W. В семье имелся еще портрет Е. П. Луниной-Риччи, большего размера, 71 × 89 см, маслом, на котором она много моложе, в белом платье, с лирой в руках.

и комповитор, всё более входит в моду в Москве. А. Я. Булгаков не раз с восхищением вспоминает о том художественном наслаждении, которое испытывал от пения обоих супругов.1

VARIA

В рукописных нотах, оставшихся после графини Риччи, сохранился любопытный романс "Le Départ du cosaque" со словами в итальянском переводе графа Риччи. Вот один из куплетов:

Pensa que solo Pensa, Milenkoi Quanto t'amai, Per te respiro, Sacrificai L'aura que spiro Tutto per te, Nulla e per me.3

"Слышно было что графиня Риччи славилась когда-то певицей из аматерок первого разряда, по в мое время она была далеко не молода и артистическая эвезда ее померкла. Голос, хотя еще общирный, высказывался визгливостью и был не всегда верной интонации. Граф Риччи, 10-ю, если не более, годами моложе своей жены, был флорентиец без всякого состояния. Певал он с большим вкусом и методом, но басовый голос его был не силён, отчего нельзя ему было пускаться на сцену. Был он превосходный компатный певец и особенно хорошо певал французские своего сочинения романсы".4 — Так характеризует М. Бутурлин чету Риччи ок. 1824 г. Такими и застал их Пушкин в Москве, где в доме кн. Волконской и состоялось их знакомство с Пушкиным.

По семейным преданиям, Пушкин графине не правился. На вопросы о Пушкине, она отзывалась всегда коротко и сухо: "резкий был человек".5

Знакомство М. Риччи с Пушкиным, дружба с Соболевским, с Шевыревым — от роли "салонного поэта" направили его на более серьезную литературную работу.

В июле 1828 г. в "Московском Вестнике" было напечатано стихотворение Риччи "Лотос", переведенное с итальянского С. П. Шевыревым и с примечанием от редакции: "Подлинник написан графом Риччи. Кстати, известим наших читателей, что граф Риччи, с успехом занимающийся итальянской словесностью, посвящает досуги свои переводам образцовых песен русских. Дабы познакомить Италию с произведениями нашего родного севера, он намерен издать Русскую антологию на итальянском языке. Многие пьесы переведены им весьма удачно, а именно: «На смерть кн. Мещерского» соч. Державина, «Светлана» Жуковского, «Демон» и «Пророк» Пушкина. Переводчик умел сочетать удивительную близость к подлиннику с изяществом выражения".6

Повидимому, эта антология так и не увидала света, но что Риччи серьезно обдумывал ее содержание и готовился к ее осуществлению — можно усмотреть и из писем его к Пушкину в мае 1828 г., опубликованных П. Е. Щеголевым.

С первым своим письмом Пушкину Риччи посылает сделанный им перевод пушкинского "Демона" и просит разрешения "перевести несколько отрывков из "Бориса Годунова" и "указать на те вещи, которые вы желали бы видеть переведенными на наш язык", а также просит Пушкина высказать свое мнение о его работах.

Ответного письма Пушкина мы пока не знаем (возможно, что оно имеется в Италии, в Риме, где по выезде из России жил Риччи, или во Флоревции, откуда он был родом и где жили его родные, если только сохранился его архив после его смерти),

^{1 &}quot;Русский Архив", 1900, кв. III, стр. 571, 573. Переписка А. Я. Булгакова, 1901,

кн. I, стр. 48.
² В 1917 г. хранились у родственников Е. П. Риччи, в с. Раменском.

³ Перевод: "Подумай, миленький, как полюбила я тебя, всем пожертвовала ради тебя. Подумей, что только о тебе вздыхаю, воздух, который вдыхаю — ничто для меня". 4 М. Д. Бутурлин. "Воспоминания". "Русский Архив", 1897, кн. II, стр. 177.

⁵ Из устных семейных рассказов об Е. П. Риччи.

6 "Московский Вестник", 1828, № 14, июль.

7 "Пушкин и граф Риччи". "Литературное наследство", № 16—18, М., 1934.

стр. 562—568.

но из ответного письма Риччи видно, как письмо Пушкина (хотя Пушкин и уклонился от присылки "Бориса Годунова") глубоко на него подействовало, насколько опо ободрило его и придало эпергии для дальнейшей работы.

"Как благодарен я Вам, господин Пушкин, за любезное и поистине лестное письмо, которое вы мне написали. Вы прочли мои стихи глазами человека большого таланта, который всегда бывает филантропом и ищет всегда и во всем хорошую сторону. Иначе судить вы и не могли..." Письмо заканчивается настоящим гимном Пушкину: "Вы же, новый Оссиан, будете с копьем и лирой в руках воспевать славу и сражения... а уж во всяком случае почерпать новое вдохновение и увеличивать блеск, которым вы уже украсили русскую поэзию..." В письме имеется примечание по поводу посылаемого нового перевода Риччи — "Пророк" Пушкина, которое опять заканчивается восторженно: "Однако ваше мнение об этом, как и об остальных частях перевода, чем откровениее оно будет выражено, тем более докажет мне, что вы обратили на него некоторое внимание и что вы дарите своей лестной дружбой вашего переводчика и прежде всего истинного поклонника вашего таханта, который над прочими парит орлиным полетом".

Возможно, что граф Риччи, под влиянием Пушкина и его кружка, выработался бы в известную величину в переводной литературе, если бы судьба его так неожиданнои круто не сломалась.

Осенью 1828 г. он разошелся с женою и 18 октября вместе с Соболевским усхал в Италию, поселившись в Риме, куда в начале 1829 г. ускала и З. Волконская с сестрой М. А. Власовой,³ своим сыном и гувернером сына С. П. Шевыревым. Близость Риччи к дому Волконской продолжалась всю его жизнь.

Очевидно, под влиянием ходивших в светском обществе слухов о Риччи и Волконской, Пушкин пишет Вяземскому из Петербурга в январе 1829 г.: "С моей стороны я от роутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды (Дай ей бог ни дна ни покрышки, т. е. ни Италил, ни графа Риччи!; "4

Действительно, по многочисленным письмам З. Волконской и М. Власовой к Шевыреву за период 1831—1854 гг., наполненных постоянными и самыми нежными упоминаниями и отвывами о Риччи, видно, как эта близость Риччи к дому Волконской продолжалась всю его жизнь. По этим письмам год за годом можно проследить его жизнь в Италии, знакомство с Гоголем, теплое участие в болезни друга Гоголя — Иосифа Виельгорского, различные события в жизни родных Риччи, наконец, привязанность к нему не только Э. Волконской, но и ее сына, и сестоы Власовой, и всех близких к ней лиц.

Первое время Риччи не бросает своих литературных опытов. А. И. Тургенев в письме из Неаполя 12 марта 1833 г. упоминает о стихотворении Риччи, воспевающем "сию обитель (Монастырь Монте Кассино) и установителя оной св. Бенедикта". 5 Затем в одном из своих писем, в 1835 или 1836 г. к Шевыреву 6 3. Волконская говорит: "вы найдете эдесь две хорошеньких пьесы, очень изящных и неизданных, по поводу будущего принятия монашества молодою Вителлески, которые дорогой граф мне показал". В письме другою рукою вписаны два стихотворения, автор одного из них, по указанию Волконской — Тасс, другого - Риччи. Однако с годами и эти скудные упоми-

¹ Курсив здесь и ниже мой, О. Б.

² Дневник Соболевского (18 октября 1828 г.): "Я выехал из Москвы плотно по-ужинав у Яра в 3 ч. поутру, в сопровождении Риччи и Бонелли" (А. Виноградов. "Письма Мериме к Соболевскому", М., 1928, стр. 17). 3 Мария Александровна Власова, урожд. кн. Белосельская, вдова известного московского коллекционера, Александра Сергеевича Власова. Умерла в Риме в 1857 г.,

погребена в церкви св. Викентия на площади Треви.

4 Пушкин, "Полное собрание сочинений" изд. Academia-Гихл, т. VI, 1938, стр. 198.

5 Архив братьев Тургеневых, вып. 6, Пгр., 1921, стр. 275.

6 Письмо от 13 июня, без года, за № 109 (Архив Шевырева). Речь идет о постри-

жении в монащество племянницы Риччи — 18-летней девушки, Мариэтты Вителлески.

нания о творческой работе Риччи делаются всё реже и наконец исчезают совершенно. Одной из причин тому несомненно была его тликая болезнь.

VARIA

Уже с 1835 г. в письмах и Волконской, и Власовой проскальзывают намеки на какую-то серьезную болезнь глаз, которая постигала Риччи, по временам хотя и поддаваясь лечению, но которая в конце концов поразила его слепотой: "Я обедаю на вилле, — пишет З. Волконская 21 августа 1835 г., — Миньято, который из-за своих бедных глаз вернулся вчера на Isola di рара, придет завтра ко мне обедать, а вечером придут туда друзья..." 1

В архиве Шевырева имеется неопубликованное письмо на итальянском языке от 18 декабря 1860 г. с подписью Miniato Ricci, в котором подробно говорится о несчастии, постигшем писавшего. Это письмо, проникнутое грустью, делает понятным, почему он, свершив так мало, рано отстал от активной творческой жизни.

¹ Архив Шевырева. З. Волконская, 21 августа 1835 г.

² Отдельные выражения несколько напоминают стиль писем Риччи к Пушкину. lib.pushkinskijdom.ru

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

ЗАМЕЧАНИЯ О ЯЗЫКЕ И ПРАВОПИСАНИИ А. С. ПУШКИНА

(По поводу академического издания)

І. Источником для суждения о языке и правописании Пушкина являются прежде всего изданные в разное время отдельные произведения поэта и собрания его сочинений. Критическое собирание, так же как и оценка данных письма и языка Пушкина, само собою разумеется, должны основываться на вполне доброкачественных, авторитетных текстах его сочинений. Нельзя, например, изучать правописание Пушкина по некоторым собраниям его сочинений, появившимся в 1887 году, после того, как для наследников поэта истек срок авторского права собственности на издание, и когда на книжный рынок были выброшены некоторые собрания сочинений Пушкина, изданные без серьезной ответственной редакции, напечатанные поспешно и иногда небрежно,

Мы имеем значительный фонд авторитетных "печатных" произведений Пушкина, частию вышедших при его жизни, частию появившихся после его смерти. Напечатанные при жизни поэта одни только "художественные" произведения в недавнем переиздании под редакциею Б. В. Томашевского и К. А. Халабаева, составляют большой том свыше 600 страниц. В числе старых издателей-редакторов сочинений Пушкина следует с признательностью упомянуть добросовестные труды по изданию пушкинского текста П. В. Анненкова, П. А. Ефремова, П. О. Морозова, С. А. Венгерова, Л. Н. Майкова, В. Е. Якушкина, В. И. Саитова, Б. Л. Модзалевского.

На основании того, что издано при жизни самого поэта, и того, что добавлено и проредактировано названными старыми пушкинистами, можно составить вполне ясный, достаточно точный и довольно полный свод материалов о языке и правописании Пушкина. Конечно, всякое новое научное издание должно превосходить предыдущие в отношении полноты текста и его точности. Однако было бы несправедливо слиш-

ком умалять значение тех собраний сочинений Пушкина, которые вышли до настоящего юбилейного академического издания. Поэтому заявление, сделанное "От Редакции" в I томе нового юбилейного издания сочинений нашего знаменитого поэта о том, что "Произведения Пушкина до сих пор не изданы с достаточной полнотой и удовлетворительной исправностью текста" (стр. V), представляет, как мне кажется, положение дела с значительным уклоном к недостаточно обоснованному и несколько высокомерному осуждению. Нельзя также принять без оговорок и следующее заявление Редакции, что "Произведения, напечатанные при жизни Пушкина, были сильно искажены цензурой и небрежной корректурой". Нет спора, что цензура искажала произведения Пушкина, но нельзя сказать, что "все" произведения Пушкина искажались цензурой и все искажались "сильно". Здесь, как и выше, во избежание недоразумений, следовало бы выразиться несколько осторожнее и точнее, не сваливая в "малую кучу" достойных и недостойных, доброкачественное и неудовдетворительное. О корректурной небрежности изданий, напечатанных при жизни Пушкина, тоже нельзя говорить и столь огульно, и столь решительно. Это обвинение в небрежной корректуре, довольно несправедливое, падает или на друзей поэта, всего больше на П. А. Плетнева, так сказать "присяжного" корректора Пушкина, следившего за печатанием произведений нашего поэта в его отсутствии, или на самого Пушкина, читавшего корректуры своих изданий, когда это было для него возможно, и читавшего с большим вниманием, что легко можно доказать письмами поэта и другими несомненными источниками. Кроме того, Пушкин следил за напечатанными без его корректуры произведениями и оставил несколько отзывов, определяющих корректурную исправность или неудовлетворительность напечатанного, и нет никакого сомнениями, что при перепечатке последних со стороны поэта были приняты меры к исправлению привлекших его зоркое внимание ошибок.

По прямому смыслу заявления о неудовлетворительной исправности прежде вышедших изданий сочинений Пушкина указанную нелестную рекомендацию придется сохранить и за недавно выпущенными собраниями "Красной Нивы" (1930), Госиздата (1931) и "Academia) (1936), в которых деятельное участие принимали те же самые редакторы отдельных томов, которые подготовляют к печати и юбилейное академическое издание, например: М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский.

II. После этого небольшого вступления о старых текстах сочинений Пушкина я перейду к вопросам об орфографии и языке поэта, насколько эти вопросы освещаются текстами прежних изданий сочинений Пушкина и последнего юбилейного академического издания; с одной стороны, и, с другой стороны, насколько общие вопросы орфографии и языка подчиняют себе практику издания текстов Пушкина или какого угодно классического авторитетного писателя.

В чем главное отличие нового академического издания сочинений Пушкина? Читатель, познакомившийся с вышедшими четырьмя томами (I, IV, VI и VII) этого издания, без труда заметит три основные особенности, характеризующие это издание:

- 1. Оно выдвигает вопрос о произношении Пушкина с таким внима нием, с каким раньше к нему не относился ни один издатель-редактор
- 2. Новое издание сочинений Пушкина придает большое значение личной орфографии и личному языку поэта, на которые текстологи старого времени тоже обращали мало внимания.
- 3. Редакторы нового издания сочинений Пушкина не считают себя связанными столетней традицией издания текстов Пушкина и позволяют себе, в нарушение этой традиции, изменять орфографию, морфологию, лексику и пунктуацию текстов, изданных при жизни Пушкина, делая эти изменения частию на основании рукописей поэта, частию на основании личных критических соображений. На этих тоех сторонах нового издания мы и остановимся в настоящих замечаниях.

III. Нет никакого сомнения, что редакторы издания сочинений Пушкина должны довольно отчетливо представлять себе особенности произношения Пушкина на основании имеющихся в печатных и письменных текстах поэта материалов. Это знание не раз может помочь им в разрешении некоторых затруднительных мест в текстах поэта. Так, форма в озиме (VI, 72) вм. в озими объясняется тем, что Пушкин произносил твердо конечные губные, почему и склонял это слово по мужескому роду (ср. тощий озим вм. тощая озимь: "Сочинения А. С. Пушкина", изд. "Просвещения", V, 618). Так, Пушкин писал, очевидно, по народному произношению: анбар ("Граф Нулин", изд. 1835 г., 56), черезвычайно (там же, 62), близь ("Цыганы", изд. 1835 г., 38; юбилейное издание дает эдесь форму близ, II, 195), околодка ("Повести Белкина", изд. 1834 г., стр. XII). Правописание последнего слова указывает на произношение: околодок. Однако эти написания, ныне недопускаемые, не выходили из норм современного Пушкину орфографического обычая. Но не всё то, что полезно знать редактору сочинений Пушкина для понимания и оценки явлений его языка, нужно преподносить, в нарушение принятой самим же поэтом орфографии, современному читателю сочинений Пушкина.

Пушкин жил в эпоху становления русской орфографии. Школа и юношеские годы не дали ему такого правописания, которое отделялось строго от произношения, и в процессе записывания своей мысли, литературной и деловой, наш поэт часто отступал от книжной нормы письма в сторону разговорной. Перед нами статья В. А. Малаховского "Язык писем Пушкина". В ней имеются многочисленные примеры в которых Пушкин писал слова по произношению его времени (акающему московскому) или же допускал ошибки в словах, происходящие

^{1 &}quot;Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук", 1937, № 2/3, стр. 503—568.

от произношения, не различающего неударяемых гласных русского языка. Приведу оттуда несколько типических написаний этого рода: здаров, егаза, далой, продовать, докожу, подрожает; собирись, напишит, голинькой; получешь, яишница; большова, другова; какого вм. каково и т. п.

Мы видим, что Пушкин в поспешном, нестрогом письме смешивает a и o, e и u, окончания во и vo. Следует ли, однако, думать, что все образцы подобного смешения живой и письменной речи, которые могут естретиться в его рукописях, должны вноситься в тексты поэта, назначенные для общего чтения? Для этого нет ни нужды, ни цели. Против этого необходимо возражать, потому что тексты с такими орфографическими формами будут смущать читателей, будут восприниматься ими как неграмотные, и в действительности являются вульгаризацией традиционного печатного пушкинского текста, а не научной его подачей. И разве сам Пушкин или кто-нибудь из его друзей-корректоров когда-либо имел стремление вводить в литературное письмо столь непринятые в нем отражения живой речи? Совсем напротив, Пушкин просил, например, брата и Плетнева, в письме от 15 марта 1825 г., исправлять незамеченные им "ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы", и мы знаем, что напечатанные при жизни поэта тексты в большинстве случаев отличаются довольно хорошей литературной орфографией, Я считаю, что отступления от литературного письма, принятого в старых пушкинских текстах, в пользу написаний, отражающих произношение поэта, -- ошибочный прием, понижающий достоинство нового издания его сочинений. Приведу несколько примеров из последнего издания "Евгения Онегина" (т. VI), где в строго орфографические тексты, изданные при жизни поэта, редакция нового издания вносит "поправки" из рукописных или ранних печатных текстов, характеризующие эвуковые особенности языка поэта, являющиеся фактом его "личной" "домашней", но совсем не "литературной" орфографии.

Он по французски совершенно Мог изъясняться и писал (6).1

Издания "Евгения Онегина" 1829 г. и 1837 г. дают: изъясняться. Ср. на стр. 54 нового издания: неизъяснимою и неизъяснимою в изд. 1837 г.; изъяснялася на стр. 63 юбилейного изд. и изъяснялася в изд. 1837 г.; объяты на стр. 118 юбилейного издания и объяты в изд. 1837 г.; объемлет на стр. 125 юбилейного издания и объемлет в изд. 1837 г.

Вы также, маминьки, построже За дочерьми смотрите вслед... (17)

Издания 1829 г. и 1837 г. дают: маменьки. Ср. на стр. 43 юбилейного издания: маминьки (род. пад.) и маменьки в изд. 1830 г. и 1837 г. Также:

¹ Цифра в скобках здесь и ниже обозначает страницы.

блюдички на стр. 114 юбилейного издания и блюдечки в изданиях 1828 г. и 1837 г.

Да впроччем, другу моему В том нужды было очень мало... (32)

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: впрочем. Ср. впрочем на стр. 81 юбилейного издания и впрочем в изданиях 1828 г. и 1837 г.

Он в том покое поселился, Где деревенской старожил Лет сорок с клюшницей бранился... (32). Татьяна с клюшницей простилась... (147).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: ключницей. Кстати сказать, оба издания имеют форму деревенский, а не деревенской.

Как попалуй любви мила (41).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: поцелуй. Ср. на стр. 84 юбилейного издания цаловать и целовать в изданиях 1828 г. и 1837 г. в соответствующем тексте; цалуют на стр. 159 юбилейного издания и целуют в издании 1837 г.

Быть может в Лете не потонет Строфа слогаемая мной; (49).

Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной;

Так в издании 1837 г., цитату привожу полностью, чтобы указать преимущество этого издания и в отношении пунктуации. В издании 1830 г. такая же орфография, но после слова "строфа" нет запятой.

И полны встинны живой Текут элегии рекой (86).

Издания 1828 г. и 1837 г. дают: истины.

Отдельно приведу несколько примеров, в которых произношение Пушкина переводится в морфологические окончания слов.

Перед ним (домом) пестрели и цвели Луга и нивы золотые, Мелькали сёлы; здесь и там Стада бродили по лугам... (31).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: села.

И за столом у них гостям Носили блюды по чинам (47).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: блюда.

Из баюда, полного водою, Выходят кольцы чередою (100).

Издания 1828 г. и 1837 г. дают: кольца.

Копыты, хоботы кривые, Хвосты хохлатые, клыки... (105).

Издания 1828 г. и 1837 г. дают: копыта.

Иль даинной сказки вздор живой, Иль письмы девы молодой (183).

Издание 1837 г. дает: письма.

Двойные окны, камелек Он ясным утром оставляет (185).

Издание 1837 г. дает: окна.

Так зайчик *в озиме* трепещет, Увидя вдруг издалека В кусты припадшего стрелка (72).

Издания 1827 г. и 1837 г. дают: в озими.

Какое значение всех этих переделок старого орфографического текста на новый произносительный? Я думаю, что значение его чисто отрицательное: он нарушает стройность той литературной орфографии, с которой издавались тексты Пушкина при его жизни.

Во времена Пушкина, как и в наши, существовала определенная орфографическая система литературного письма. Эта система ни в коем случае не отвергалась нашим поэтом, и он прилагал все усилия строго следовать правописанию своего времени во всех своих печатных текстах. Там, где у него, как он выражался, на это дело не доставало глаз, он прибегал к помощи друзей, но стремление держаться общепринятой орфографии никогда не оставляло Пушкина.

Приведенные нами из юбилейного издания примеры написаний (в ограниченном количестве, не исчерпывающем всех хотя бы только характерных типов звукового письма): изъясняться, маминьки, впроччем, клюшницей, поцалуй, слагаемая, истинны — отнюдь не являются необходимыми в литературном наследии Пушкина. Например, в качестве противопоказаний, находим в том же VI томе: съехались (108), подъемлют (110), маменьки (228), впрочем (352, 561), поцелуй (288), истины (367), слагает (106), слагаемая (300).

Неважно, насколько часто Пушкин употреблял то или другое не орфографическое, неправильное написание слов. Важно то, что эти написания и подобные им, которые дает юбилейное издание, не входили в орфографическую систему времен Пушкина и совсем не идут к орфографической системе нашего времени. Если печатные издания времен Пушкина орфографическую форму клюшницей относили к числу "значительных ошибок" и вносили в число опечаток (см. стр. 639 и 640), то

как же можно воскрешать ее в основном академическом тексте сочинений Пушкина? Все указанные нами нововведения в текстах юбилейного издания Пушкина должны были мирно пребывать в приложениях, в ряде старых сохранившихся редакций и вариантов, а никак не вноситься в основные тексты, к смущению и рядовых читателей, и читателей ученых. Для последних такой прием издания совершенно неприемлем. Если во времена Пушкина из произношения проникали, так сказать, контрабандой, в письмо формы: селы, блюды, копыты и т. п., то они никогда не находились под защитой грамматики и всегда рассматривались как неграмотные.

IV. Место сохранения подобных написаний, допускаемое во времена Пушкина, было лишь при положении в рифмах (например: селы — голы, копыты — обмыты и т. п.). Отступления от орфографической нормы ради рифмы широко применялись поэтами во времена Пушкина, нередко и им самим. Но в этом отношении юбилейное издание не обнаруживает стремления точно передавать тексты поэта и подчиняет историческую традицию применения "зрительной" рифмы отчасти усмотрению редакторов, отчасти искусственным правилам. Эти правила совершенно снимают вопрос о зрительной рифме как закономерной основе в правописании стихов Пушкина. Они говорят: "В настоящем издании... сохраняются своеобразные грамматические окончания, не совпадающие с современными, например: бревны, селы, вместо современных: бревна, села; в шинеле, в шкале; дышет, слышет, вместо современных: дышит, слышит и т. д... По этим правилам неударяемое окончание прилагательных -ой заменяется окончанием -ый, но после задне-небных согласных, г, к, х, окончание -ой сохраняется (см. т. I, "От редакции", стр. XII). Последним положением устраняется широко практикуемое в рифмах Пушкина сопоставление прилагательных на -ой вм. -ый в именительном падеже единственного числа с прилагательными и существительными на -ой, в других формах. Так, в VI томе юбилейного издания имеем рифмы: страсти нежной — (век) мятежный (8), гений величавый — славой (12), сцене скучной — зритель равнодушный (12—13), в картине верной — воспитанник примерный (14), прихоти обильной — Лондон щепетильный (14) и т. п. Здесь и дальше в подобных случаях издания 1829 г. и 1837 г. имеют в прилагательных мужеского рода последовательно окончание -ой: (век) мятежной, гений величавой, эритель равнодушной и т. п., так что рифма делается очевидной. Замечу, между прочим, что окончаний -ой после задненебных, в силу принятых условно правил, юбилейное издание нередко дает вопреки печатным текстам времени Пушкина. Ср., с одной стороны, в юбилейном издании, в VI томе: Лондонской (б), глубокой (8), дегкой (18), долгой (26), сельской (27) и в изданиях 1829 г. н 1837 г.: Лондонский, глубокий, легкий, долгий, сельский.

При этом принятое юбилейным изданием "правило" об окончаниях -гой, -кой, -хой в прилагательных тоже не выдерживается последова-

тельно, так что получается весьма пестрая орфография. См., напр.: господский (31), Ленский (36, рядом с Ленской), широкий (43), уэкий, французский (46). Здесь последние два слова составляют рифму, но рифма сохранилась бы и при окончаниях -кой; при этом в тексте не было бы противоречивой орфографии: в одной строчке оказались разные окончания однотипных прилагательных.

Корсет носила очень узкий, И русской Н как N французский Произносить умела в нос (46).

Это орфографическое оформление текста довольно неожиданно, так как беловая рукопись дает во всех случаях окончание ой: узкой, русской, французской (569—570).

В отличие от VI тома редактор IV тома сочинений Пушкина устанавливает орфографию во многих случаях по печатным текстам и не так усердно проводит указанные выше принятые для сочинений Пушкина "правила" правописания, в кривом зеркале которых действительное правописание Пушкина отражается и неполно и неуклюже. В IV томе находим, например: поцелуев (9), весла, им. п. мн. ч. (16), робкий, жестокий (24), высокий (32), кольца (38), истину (44). Здесь совсем иначе устанавливается и пушкинское правописание слитных предлогов на старый в перед смягчающей гласной. Укажу: объемлет (8, 112), объехал (44), подъемлет (114) с ъ, хотя печатные тексты и дают колебания в правописании этой группы слов. Например, во 2-м издании поэмы "Руслан и Людмила" (1828) из текста которой взяты данные написания, находим: объемлет (11), объехал (76); в "Кавказском пленнике" издания 1835 г. видим: объемлет (186), подъемлет (190), но в I томе юбилейного издания они напечатаны с буквою ъ. Сравнивая ранние произведения IV тома с поэднее написанным "Евгением Онегиным", читатель может вывести заключение, что Пушкин первоначально писал: объемдет, поцелуй, кольца, истина, а затем перешел на правописание: объемдет, поцалуй, кольцы, истинна, что было как раз наоборот.

Большая часть того, что говорится "от редакции" в приведенном выше положении о сохранении в текстах Пушкина некоторых "своеобразных грамматических окончаний", только и может быть отнесена к правописанию слов в рифмах. Если мы пожелаем выражаться точным грамматическим языком, то, конечно, мы никак не можем назвать формы бревны, в шале, слышет "грамматическими", хотя бы даже и "своеобразными", ибо русская грамматика никогда не признавала их сколько-нибудь терпимыми для нашего литературного языка. Их допускала только поэзия и исключительно в рифмах. Эти уклонения от грамматических норм разрешались авторам в порядке "поэтических вольностей". Исходя из теории этих "вольностей" мы понимаем и признаем нормальной орфографию в рифмах: чернилы — могилы (I, 25), на

бекрене — при колене (47), в сомненьи — сочиненьи (мн. ч.; 99), юношески леты — туманной Леты (100), (в) смятеньи — забыв сраженьи, мн. ч. (100), у порогу — дорогу (120), при сияньи — мечтаньи, мн. ч. (123), могилы — крылы (125), сени — колени (194), не хочут — хохочут (159). Мы видим, что Пушкин еще в юношеские годы не злоупотреблял правом "поэтической вольности" в рифмах. Какой-нибудь десяток рифм с непринятыми формами слов для всего первого тома его сочинений составляет очень небольшое число нарушений в области русского правописания и грамматики.

Заметим, что в выше приведенных рифмах I тома часть пушкинских "вольностей", без сомнения, закрыта от нас поправками юбилейного издания. Так, в стихотворении "Городок" (95—106) видим рифмы: ночи — рощи (стихи 245 и 247), удалого — Свистова (стихи 382 и 383), которым в старом академическом издании (т. I, 1900 г.) соответствуют рифмы: нощи — рощи (67), удалова — Свистова (71).

Что касается до рифмы: дышет — слышит (275), то она вполне нормальна, так как по условиям русского произношения всякое неударяемое е, стоящее после ударения, произносится как и. Сравните рифмы: будет — разбудит (122), клонит — стонет (140). При этом форма дышет для эпохи Пушкина была не "своеобразной", а единственной нормальной формой (формы: дышишь, дышит и дальше, по 2-му спряжению, были введены только Гротом). Форму же слышет признавать сколько-нибудь нормальной для русского языка эпохи Пушкина и вообще для русского литературного языка какого-либо времени нет никаких оснований. Печатный текст с формою слышет дан только в VI томе юбилейного издания:

Она дрожит и жаром пышет, И ждет: нейдет ли? Но не слышет (Стр. 71, Е. О., гл. III, строфа XXXIX).

Этот текст, хотя и основывается на беловой рукописи поэта (см. стр. 589), но в последней несомненная грамматическая ошибка, очевидно простая описка: верный текст дается в черновой рукописи, где находим рифму пышет — слышит (328—329). Такое правильное орфографическое оформление этих стихов установлено уже давно. См., например: отдельное издание "Евгения Онегина" 1887 г. под редакциею В. Е. Якушкина, стр. 74; сочинения Пушкина, изд. Л. Поливанова, 1901 г., т. IV, стр. 216; изд. под ред. П. А. Ефремова, 1903, т. IV, стр. 91; изд. "Просвещения" 1904, т. IV, стр. 95.

Несколько орфографических вольностей мы находим и в рифмах "Евгения Онегина". Таковы: ныне—по латыне (7), героиной—Дельфиной (55), на бале—в желтой шале (63—64), обезьян—времян (75), мечтаний—няни, дат. пад. (88), по совету няни—в бани (101), в прежни леты—лорнеты (161), столицы—лицы (176). Сглажена вольная звуковая рифма в стихах:

Да кстати здесь о том два слова: Пою приятеля младого... (163).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают рифму в виде: слова — младова.

Странное слово *героина* в рифме с словом Дельфина, вероятно, плод какого-то недоразумения: издания 1830 г. и 1837 г. дают форму "героиней", чего и следовало ожидать.

Формы предложного пад. на е от слов женского рода на ь, не закрепленные в рифмах поэта, нужно признать следами слабой орфографии или следствием корректурного недосмотра. Стих: И к стате я замечу в скобках (юбилейное издание, VI, 113) следовало согласовать не с рукописью, а с печатными изданиями времен Пушкина, которые дают правильную форму: кстати в слитном написании (см. издания 1829 г. и 1837 г.).

Если в рифмах Пушкина предложные падежи на *и* от слов женского рода на *а*, *я* следует считать оправданными, то вне рифмы они должны допускаться лишь после тщательной проверки источников. Укажу, для примера, стихи:

Но я плоды моих мечтаний И гармонических затей Читаю только старой няни, Подруги юности моей (88).

Неправильная форма подруги, вероятно, взята из издания 1833 г. (я не имею его под руками), которое, если в нем так напечатано, дает неисправный текст. Правильная форма подруге находится в издании 1828 г и в черновой рукописи (369), что совсем не учтено и не использовано юбилейным изданием.

V. Отдельно скажу несколько слов по поводу встретившейся выше в I томе рифмы: не хочут — хохочут (159), которая находится в недавно открытом стихотворении Пушкина "Тень Фон-Визина". Ее очень затруднительно признать пушкинской. Наш поэт, правда, употребил один раз слово захочем: в "Борисе Годунове", в речи Шуйского, т.е. в отношении к началу XVII в., но, кажется, нет никаких следов употребления формы хочем в личном языке Пушкина. Вообще стихотворение "Тень Фон-Визина" (т. l, 156—164), довольно поспешно занесенное в число несомненных пушкинских, содержит немало словрупотреблений, доказывающих что автор его слабо владел русским языком и не всегда понимал то, что пишет. Вот несколько примеров:

Гребет наморщенный Харон Челнок ко брегу (156).

Грести — глагол непереходящий в русском языке, между тем к нему поставлено прямое дополнение: челнок.

В окошки миллионы скачут (157).

Выражение темное, кажется, просто дишенное смысла.

Иных — лозами наградить, Других — венком увить свирели (157—158).

Выделенная курсивом фраза не имеет ясного смысла.

Уж вечер к ночи уклонялся (158).

Выражение слишком затейливое и необычное. Говорят: день склонялся к вечеру, имея в виду образ заходящего, действительно склоняющегося солнца. Но непонятно, как может склоняться вечер, тем более, как он может уклоняться?

Добрый наш поэт (Хвостов)
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмещищем народу (158).

Что значит унизывать оду? Почему "божьи мученики" кряхтят? Как можно приложить к процессу литературного творчества, котя бы в письменного, слово чертил? Как мог Хвостов сделаться посмешищем народа, для которого он никогда не писал и который его не читал?

Хвалили Гений мой в газетах (159).

В эпоху юности Пушкина в газетах критических статей вовсе не печатали.

Анастасевич лишь один, Мой верный крестник, чтец и сын (159).

Как можно быть *крестником* и *сыном*? Одно положение уничтожает другое. Что значит слово *чтец*; читатель или почитатель?

Блюститель чести муз усердный Его журил немилосердно И уши выдрал бедняка (161).

Т. е. "вырвал уши"!

И буду в аде век писать И причты диаволам читать.

Последняя строка лишена и смысла и ритма.1

Можно ли сравнить такие нескладные, темные, растянутые вирши в "Тени Фон-Визина" хотя бы с самым слабым стихотворением Пушкина, всегда столь изящного, ясного, четкого, выразительного уже в первых своих юношеских опытах?

VI. Личная орфография Пушкина не была постоянной; она находилась в процессе последовательного движения от свободных непреодоленных

¹ Цитирую по более авторитетному тексту "Временника Пушкинской Комиссии" (т. 1. 1936, стр. 7), а не по "исправленному" редактором юбилейного издания.

привычек юности (письма по произношению) к сближению с существующими нормами печатного литературного языка. Материал для обозрения этого процесса имеется очень большой, и нет нужды показывать все случаи орфографических отступлений от нормы и все колебания, отражавшие неустойчивость личного правописания Пушкина, в основных текстах его произведений, назначенных для широкой публики, точно также, как нецелесообразно восстанавливать или удерживать в них следы старых привычек слабой орфографии поэта, о которых мы говорили выше. Следовало бы серьезно подумать о том, как, не выходя из норм общепринятой орфографии пушкинской эпохи, показать особенности орфографии Пушкина в разных этапах ее развития от юношеской слабости до зрелости совершенных лет жизни поэта. Этот вопрос не решен и даже не поставлен достаточно ясно редакцией юбилейного издания сочинений Пушкина.

VII. То же следует сказать и о языке поэта. Он постепенно переходит от просторечных и разговорных норм к строгой литературности. Юбилейное издание имеет наклонность присвоивать текстам Пушкина те просторечные словоупотребления, от которых он уходил в процессе развития своего языка. Эта линия обработки текста особенно выделяется в VI и VII томах юбилейного издания. Приведу примеры из VI тома.

Покаместь в утреннем уборе, Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар (11).

Издания 1829 г. и 1837 г. дают: покамест. Ср. покаместь на страницах 38, 49, 98 и 172 юбилейного издания и покамест в изданиях 1830 г. (гл. II), 1828 г. (гл. V) и 1837 г. во всех соответствующих случаях.

О рожестве их навещать (81).

Издания 1828 г. и 1837 г. дают: о Рождестве.

Онегин, взорами сверкая, Изо стола гремя встает (105).

Издания 1828 г. и 1837 г. дают: из-за стола.

В Москву на ярманку невест (150).

Издание 1837 г. дает: на ярма ρ ку.

VIII. Так как в своем направлении и в окончательном итоге орфография Пушкина слилась с орфографией его эпохи, то редакторам нового издания сочинений Пушкина следовало поставить вопрос об отношении этого издания к орфографии времен Пушкина. Этот важный вопрос тоже не выяснен в замечаниях о правописании, данных в I томе юбилейного собрания сочинений Пушкина. "В настоящем издании, — заявляет редакция, — сохра-

няется подлинная орфография Пушкина во всех тех случаях, когда замена подлинного написания современным создавала бы для нынешнего читателя неверное представление о звуковом составе или грамматической форме слова" (т. I, стр. XI-XII). Но, во-первых, что такое подлинная орфография Пушкина? Возможно ли определять подлинное правописание поэта собранием из его рукописей орфографических отступлений от нормы, его ошибок в употреблении букв и окончаний? Не думаю. Во-вторых, можно ли отделить орфографию Пушкина от орфографии его эпохи? Этот вопрос не разъясняется и предыдущим замечанием о том, что в юбилейном издании сочинений Пушкина "сохранены некоторые особенности, отражающие живой язык Пушкина, с точки эрения его произношения, грамматической и лексической системы" (стр. XI). Но дело в том, что наша орфография, как и многие другие орфографии, является особой системой, несомненно связанной с живым языком, но стоящей от него самостоятельно в виде особого построения. Орфография - это кодекс общепринятых правил правописания, отношение которых к живому литературному языку довольно условно. И если Пушкин писал: крепкий, стараго, что, ея, то это не значит, что он так и произносил эти слова. С другой стороны, написания: целует, ключница, поперез вовсе не обязывали говорить по буквам. Вообще же опираться в правописании слов на живой язык Пушкина — значит вступать в явный конфликт с орфографией его эпохи, т. е. проводить неорфографические, ощибочные написания, чему мы и видели примеры. Индивидуальная орфография Пушкина, или кого угодно, собственно перестает быть орфографией, если она не входит в общую систему современного автору письма. Всякая орфографическая система стремится к общности и единству, чтобы давать тексты удобочитаемые и легко понимаемые. Специфические черты правописания Пушкина чрезвычайно интересны для специалистов, как наблюдения его проницательного ума над живой и письменной речью, как показания его отношения к языку живому и книжному, но они не могут полагаться орфографической основой в издании, не рассчитанном на одних специалистов.

По практике юбилейного издания как будто выходит, что "подлинной" орфографией Пушкина считается только правописание его рукописей, оторванное от правописания его печатных текстов. Мы думаем, что в этом случае юбилейное издание недооценивает важного, по нашему мнению главного, источника орфографии пушкинских текстов,— печатных произведений поэта, изданных при его жизни. Я полагаю, что в этих печатных текстах поэта нужно прежде всего искать орфографические каноны для установления текста в изданиях, подобных юбилейному. Остановлюсь на некоторых особенностях орфографии этих текстов.

1. В правописании гласных пушкинские тексты дают довольно последовательно в известной группе слов чередование звуков а и о: а в глаlib.pushkinskijdom.ru

голах вида несовершенного и о в глаголах вида совершенного, т. е. типы раждать, сгарать, содрагаться при родить, сгореть, содрогнуться. Эти старые правильные и показательные формы русских морфологических типов глагольных образований последовательно уничтожаются в юбилейном издании. См., например: догорают (I, 170), сгораю (II, 19). сгорая (II, 104; VI, 54), рождался (II, 32); рождает (VI, 22), рождало (VI, 92). Все данные случаи проверены мною по первопечатным изданиям, в которых неизменно стоит а. Странно, что издатели в этом значительном орфографическом образце обратили внимание только на ошибочное отступление от него, именно формы типа слогает, и совершенно отвергли настоящее пушкинское правописание: раждает, сгарает.

- 2. Во времена Пушкина и им самим довольно строго проводилось книжное правописание шипящих и у с е под ударением в падежных окончаниях и в словообразовании. От этой исторической орфографии в юбилейном издании мы не замечаем никаких следов. Укажу, например, в первопечатных пушкинских текстах: ковшем ("Руслан и Людмила", изд. 1828 г., 10) мечем (11), отцев ("Евгений Онегин", изд. 1837 г., 21), рожек (31), ножем, лицем ("Цыганы", изд. 1835 г., 46). Юбилейное издание дает во всех указанных случаях сочетания с о.
- 3. Пушкин и его современники в производных от слов имя, время и под. сохраняли букву я. Юбилейное издание в словах этой группы частию сохраняет я, частию исправляет его на е. Например, в VI томе, в тексте "Евгения Онегина" находим: имянно (81), имянин (108), безвремянный (130), но именины (93). Последняя орфография дается вопреки тексту 1837 г., который дает имянины. Таким образом, если бы редакция согласовала свой текст с печатными изданиями Пушкина, то получилась бы вполне последовательная орфография для образований от слова "имя". Слово же безвременный в последнем издании "Евгения Онегина" (1837) оказалось в исправленной форме с е, из чего видно, что орфография Пушкина уходила от старины и подходила к позднейшему, ставшему нашим, правописанию данных образований с буквою е.
- 4. Во времена Пушкина от коренных слов, кончающихся на э, с, ж, производные существительные на ик обычно писали с окончаниями щик, щина: прикащик, перепищик, разнощик, также: мущина и т. п. Поэтому в печатных изданиях "Евгения Онегина" (например, 1829 г., 1837 г.) находим:

Встает купец, идет разнощик, На биржу тянется извощик.

Также в печатных текстах "Руслана и Людмилы" читаем:

Добился ты любви Наины, И презираешь — вот мущины!

(см. издания 1820 г., 1828 г., 1835 г.).

Юбилейное издание в таких случаях не держится правописания пушкинских текстов и дает современную нам орфографию: разносчик, извозчик, мужчина (т. VI, 20; т. IV, 20).

5. В ряде слов во времена Пушкина не писался в между согласными. Юбилейное издание не сохраняет в этих случаях пушкинского-правописания. Вот примеры:

... Всё укращало кабинет Философа в осьмнадцать лет (14).

Издания 1829 г. и 1837 г. дают: осмнадцать.

Съевжались каждый день верьхом (37).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: верхом.

... но любой роман Возьмите и найдете верно... (41).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: возмите.

Которой посвящали мы Прогулки средь вечерней тымы (41).

Издания 1830 г. и 1837 г. дают: тмы.

Ср. во II томе юбилейного издания: тьме (18), тьма (34), во тьме (48, 109), возьми (49, 111), которым в печатных пушкинских текстах соответствуют написания: тме, тма, во тме, возми.

В приведенных типах написаний юбилейного издания резко бросается в глаза модернизация орфографической системы пушкинской эпохи, что едва ли можно допустить в издании "научном", не популярном. Редакция несколько обезоруживает критику, заявляя, что "в тех случаях, когда расхождение между подлинной орфографией Пушкина и современной касается одной только орфографической стороны языка в узком смысле, соответствующие написания подлинника заменяются современными" (т. І, стр. XII). Но разве орфографические типы раждать и родить стоят вне морфологии русского языка? Затем мы видим в практике юбилейного издания нередкие нарушения норм произношения, морфологии и семантики пушкинской эпохи и самого Пушкина.

В юбилейном издании мы находим, например, написания: цензуре (VI, 30), фармазон (32) вм. ценсуре, фармасон, которые имеем в печатных пушкинских текстах. Можно ли здесь ограничивать разницу слов только буквами, не касаясь произношения данных слов, а в последнем случае и значения?

Юбилейное издание исправляет пушкинские формы соседы на соседи (VI, 83, 108), проповедывал на проповедовал (VI, 79), забывая и морфологию и историю языка. Оно подменяет "нежданые" эпиграммы Пушкина "нежданными" (VI, 7), переводя прилагательное в причастие и давая иные оттенки значения.

Даже в таких случаях, как отдельные и слитные написания слов. нельзя видеть простую техническую разницу письма. Юбилейное издание дает нередко слитные написания вместо раздельных, которые мы встречаем у Пушкина. Например: вослед (II, 20; VI, 29, 103), набекрень (II. 40), Но, во-первых, если Пушкин употреблял форму на бекрени (ср. II, 47), то для него естественно было написать на бекрень отдельно, как слово е признаками склонения. Во-вторых, в эпоху Пушкина и долгое время после нее понимание слов языка было более конкретным, почему существительные яснее выделялись в значениях слов при предлогах. Наречные понимания соединенных с предлогами существительных - особенность позднейшей эпохи, например, нашей, эпохи отвлеченного мышления. Поэтому для орфографии Пушкина и его времени имеют полное историческое и частию грамматическое оправдание такие раздельные написания, как: сей час ("Борис Годунов", изд. 1831 г., 37, 40), том час ("Евгений Онегин", язд. 1830 г., гл. II, 17), сего дня ("Повести Белкина", изд. 1834 г., 65). Замечательны колебания Пушкина в этой области отдельных и слитных написаний и переход его в позднейших и исправленных текстах от раздельности к сдитности: тотчас, вдали, встарину, поутру, навремя и под. Например, в "Кавказском пленняке" изд. 1822 г. находим: B дали раздался шумный гул (14). B дали сверкает горный ключ (14). В издании 1835 г. видим здесь слитное написание: вдали. В издании "Евгения Онегина" 1830 г. мы видели раздельное написание: тот час; то же самое место в издании 1837 г. показывает слитное написание: т тчас.

Вникая в случаи слитных и отдельных написаний в текстах Пушкина, мы найдем ясные признаки различения поэтом в этих видах написания 1) значения, 2) смысловых и интонационных акцентов, 3) особенностей грамматической формы. Мы полагаем поэтому, что данная сторона в текстах Пушкина требовала бы серьезного внимания и бережной охраны. Неосторожны, по моему мнению, такие, например, поправки:

На время рок тебя постиг (IV, 13).

"Руслан и Людмила", изд. 1820 г., стр. 18, дает: навремя (т. е. временно). То же в изд. 1828 г., стр. 19 и в изд. 1835 г., стр. 18.

> Благослови, господь, Тебя и днесь и присно и во веки (VII, 18).

Изд. 1831 г. дает: вовеки (т. е. вечно).

Итак, в эту переходную эпоху Пушкин не стоял на формальной линии старых общепринятых раздельных или новых нарождающихся слитных написаний, но чутко отличал значения и угадывал направление, в котором происходит движение языка и письма. Формальный подход к этим написаниям и нивелировка их на современный лад, проводимая в юбилейном издании, лишает нас возможности следить за развитием lib.pushkinskiidom.ru

явлений языка в текстах Пушкина и за значением его словоупотре-

Вообще же правильное решение сложного вопроса об орфографии текстов Пушкина в критическом издании его сочинений должно опираться не на случайные наблюдения и правила, преподанные в форме какого-то канцелярского распоряжения, а на всестороннее изучение трех основных источников, определяющих правописание нашего поэта: 1) существующих в его эпоху норм литературного письма, 2) печатных текстов произведений Пушкина, изданных в его время, 3) сохранившихся после поэта его рукописей. При недостаточном учете и при слабой критике всех этих данных, орфография издаваемых текстов всегда окажется однобокою и хромою.

IX. В области пунктуации юбилейное издание можно упрекнуть в промахах двоякого рода: 1) оно нередко сохраняет недописки пушкинского текста и вообще ошибки в знаках, которые были исправлены в более поздних печатных изданиях; 2) оно, изменяя пунктуацию печатных изданий, позволяет себе устанавливать собственную пунктуацию в тексте Пушкина, т. е. давать ему такое логическое, синтаксическое и интонационное истолкование, которое не придавалось автором.

Приведу примеры недочетов первого рода. В текстах "Евгения Онегина" не находим запятых при вводных словах: может быть, право, кажется.

Онегин, добрый мой приятель, Родился на брегах Невы, Где может быть родились вы, Или блистали, мой читатель; Там некогда гулял и я: Но вреден север для меня (6).

В изданиях 1829 г. и 1837 г. слова "может быть" стоят между запятыми. Кроме того, эти издания после слова "читатель" имеют знак восклицания, которым Пушкин несомненно подчеркнул повышенное интонационное обращение к читателю. Переделывать здесь пунктуацию, конечно, совсем не следовало. Интонационными показаниями поэта нужно дорожить, а не изглаживать их следы.

Всё это ныне обветщало, Не знаю право почему (32).

В издании 1837 г. слово "право" стоит в запятых.

Но я бы кажется желал Печальный жребий свой прославить (49).

В изданиях 1830 г. и 1837 г. слово "каж-тся" стоит в запятых.

Так же, вопреки печатному пушкинскому тексту, в юбилейном издании пропускаются запятые при перечислении с союзом и.

Что было для него измлада И труд и мука и отрада (8).

В издании 1837 г. перечисляемые слова разделены запятыми.

Но разлюбил он наконец И брань и саблю и свинец (21),

В издании 1837 г. после слов "брань" и "саблю" стоят запятые.

Вы видим, что юбилейное издание дает в отношении пунктуации недоработанные тексты вместо окончательно установленных.

Еще менее можно одобрить переиначивание значения пушкинского текста постановкой новых знаков препинания вместо закрепленных в печатных изданиях. Вот примеры:

Онегин был по мненью многих (Судей решительных и строгих) Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре. Коснуться до всего слегка... (7).

Издания 1829 г. 1833 г. и 1837 г. после "педант" имеют точку. Точку дает и черновая рукопись (217). Иначе и быть не может. Трудно понять, кто додумался, что дальнейшие слова дают объяснение того, что значит слово "педант" и поставил после него двоеточие? Такое искажение пунктуации и значения пушкинского текста совершенно нетерпимо.

Легко мазурку танцовал, И кланялся непринужденно; Чего ж вам больше? Свет решил... (7).

Издания 1829 г., 1833 г. и 1837 г. после слова "непринужденно" имеют двоеточие. Оно издавна означало в русской пунктуации сопоставление и вывод (с одной стороны воспитание Онегина, с другой — требования "света"). Здесь пунктуация Пушкина была изменена не потому что она неправильна, а потому, что ее не поняди. Никак нельзя одобрить такого легкого, небрежного отношения к тексту поэта.

Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть (7).

Издания 1829 г. и 1837 г. после 2-й строки имеют двоеточие, указывающее на причинную связь мыслей; в них после первой строчки необходима запятая, неизвестно почему отсутствующая в юбилейном издании.

О вы, почтенные супруги. Вам предложу свои услуги (17). В изданиях 1829 г. и 1837 г. после слова "супруги" стоит знак восклицания.

Мне намятно другое время! В заветных иногда мечтах Держу я счастливое стремя... И ножку чувствую в руках (19).

Издания 1829 г. и 1837 г. имеют двоеточие в конце іпервой строчки, в конце третьей строчки в издании 1829 г. нет никакого знака, в издании 1837 г. стоит запятая.

Мы полагаем, что текст Пушкина должен быть точно, добросовестно издан как в отношении орфографии, так, в частности, и относительно иунктуации; класть же его на музыку, с произвольными интонациями п паузами—не дело научного издания.

Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань! (30).

В издании 1837 г. в конце второй строчки стоит знак восклицательный; восклицания в конце нет ни в издании 1829 г., ни в издании 1837 г. Опять вольная перестройка смысла и музыки пушкинской речи. Она не ограничивается, конечно, приведенными примерами, но идет и дальше. Я не буду выходить, однако, из пределов текста I главы "Евгения Онегина", котя и в ней показываю далеко не все промахи редакции и корректуры в постановке знаков препинания.

Довольно неблагополучно оказалось положение с пунктуацией и в тексте "Бориса Годунова" (т. VII юбилейного издания).

Дух отрицания и сомнения, какой-то странный негативизм владеет редакцией и здесь при передаче пунктуации, находящейся в печатном издании 1831 г., в общем весьма правильной, строгой и точной. Если в печатном тексте стоят знаки препинания, то они вынимаются; если их нет, то они ставятся. Если у Пушкина стоят одни знаки препинания, то на место их ставятся другие. Вот несколько примеров такой не очень деликатной расправы с пушкинской пунктуацией в тексте "Бориса Годунова". Цитаты беру по изданию 1831 г.

Что ежели Правитель, в самом доле, Державными заботами наскучил... (3).

В академическом издании запятые при вводных словах уничтожены.

И, возвратясь, я мог единым словом Изобличить сокрытого элодея (4).

В академическом издании запятые при деепричастии вынуты.

Так точно Дьяк, в приказах поседелый, Спокойно врит на правых и виновных... (15).

В академическом издании запятых при сокращенном придаточном предложении нет.

Нельзя забывать, что переделка и взаимная замена таких знаков, как то ка, точка с запятой и двоеточие, совершенно изменяют логические отношения частей текста и дают иное его понимание. Особенно неуместно заменять авторское двоеточие, определяющее причинную связь предложений, другими знаками. Между тем мы нередко видим на месте авторского двоеточия или точку, или точку с запятой, или запятую, или же знак вопроса. Вот факты:

Печальная монахиня-царица, Как он тверда, как он неумолима: Знать сам Борис сей дух в нее вселил (2—3).

В академическом издании вместо двоеточия стоит точка.

Недаром многих лет

Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил:
Когда нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный... (13—14).

В академическом издании вместо двоеточия стоит точка с запятой.

Минувшее проходит предо мною — Давно ль оно неслось событий полно, Волнуяся, как море-окиан? Теперь оно безмолвно и спокойно: Немного лиц мне память сохранила, Немного слов доходит до меня... (14).

В академическом издании двоеточие совсем некстати заменено запятою.

И часто

Я угадать хотел, о чем он пишет:

О темном ли владычестве татар?

О казнях ли свирепых Иоанна?

О бурном ли новогогодском вече?

О славе ли отечества? Напрасно:

Ни на челе высоком, ни во взораж

Нельзя прочесть его сокрытых дум... (15).

В академическом издании на месте первого двоеточия довольно неожиданно стоит знак вопроса, на место второго — точка.

Вот еще замечательное "исправление" пушкинской пунктуации.

Ну, вот о чем жалеет,

Об лошади! (118).

Вот это место в "исправленном виде":

Ну вот о чем жалеет?

Об лошады!

Аюбопытно было бы знать: кто и почему поставил этот знак вопроса, разлагающий монолог на диалог и переводящий интонацию легкого упрека на вопросительную?

Х. Для характеристики критических приемов юбилейного издания я остановлюсь на VII его томе и в нем ограничусь "Борисом Годуновым", для которого имею под руками первопечатный текст 1831 г. Сначала, читая этот текст вместе с изданным, я находил, что юбилейное издание довольно точно передает печатный текст пушкинского времени, котя и с большими отступлениями в пунктуации, о чем я уже говорил. Затем стали встречаться мелкие несовпадения, например, форма воздвижится (стр. 11 юбалейного издания) вм. воздвижется (стр. 9 изд. 1831 г.). Последняя, правильная форма находится и в черновом варианте (271). Затем мне стали встречаться гораздо большие разногласия в словах и формах слов между академическим изданием и изданием 1831 г.

Нас издали пленяет слава, роскошь И женская лукавая любовь (20).

В издании 1831 г.: пленяют.

Вообще страница 20-я академического издания значительно расходится с текстом 1831 г. Здесь, судя по пунктуации, часть сцены с Пименом и Григорием в Чудовом монастыре вынута из издания 1831 г. и заменена текстом "Московского Вестника" 1827 г. ради сохранения форм лигуменом", "игумену".

Кромешники в тафьях и власяницах Послушными являлись чернецами, А грозный царь игуменом смиренным (20).

В издании 1831 г.: игумном богомольным.

Он говорил изумену и братьи... (20).

В издании 1831 г.: изумну и всей братье.

Об использовании в данном случае текста "Московского Вестника" в комментариях говорится так: "Несмотря на то, что чтения: «игумном», «игумну» несомненно внесены в текст Б. Г. если не самим Пушкиным, то во всяком случае с его согласия, мы удерживаем в основном тексте «игуменом», «игумену». В одной из заметок 1830 г. Пушкин пишет: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо). Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место». В качестве одного из таких «замеченных мест» Пушкин приводит «игумену» вм. «игумну». Неизвестно, кто указал Пушкину на эту ошибку, но указание во всяком случае было неверным, так как хотя склонение слова «игумен» по типу слов с беглой гласной и встречается в просторечьи (ср. фамилию Игумнов), этимологически пропуск гласной здесь не имеет никаких основальством покупески пропуск гласной здесь не имеет никаких основанию покупески пропуск гласной здесь не имеет никаких основание покупески пропуск гласном пропуск гласном пропуск гласном пропуск гласном пропуск гласном

ний и в обычном литературном языке «игумен» склоняется без изменения основы. В устах Пимена это церковное слово вовсе не должно было звучать просторечно". Дальше дается ссылка на Ф. Е. Корша, оставившего заметку о том, что Пушкин напрасно верил критикам, которые указывали такие ошибки как "игумену" вм. "игумну", и приводится заключение редактора: "Это служит достаточным основанием для восстановления в основном тексте тех форм, которые Пушкин заменил в Б. Г. другими по неудачному совету кого-то из его знакомых" (стр. 431—432).

Все эти рассуждения слишком субъективны и решительно не дают достаточных оснований для того, чтобы "исправленный" пушкинский текст заменять более ранним, от которого поэт отказался, и таким образом нарушать целостный текст 1831 г. Автор комментариев даже сомневается, принадлежит ли "исправленное место" самому Пушкину, но приведенная им цитата из заметки 1830 г., кажется, говорит об этом достаточно ясно. И, наконец, кому же поэт поручил бы исправлять текст, где приходилось сделать не простую буквенную замену слов, а нужно было перестраивать целые стихи? Если нашим пушкинистам до сих пор неизвестно, кто указал Пушкину ошибку в употреблении косвенных падежей слова "игумен", то, значит, мы лишены одного из важнейших фактов для суждения об этом вопросе, и это обязывает к сдержанности в его решении, а не к смелости и признанию неважности критического замечания.

Комментатор признает, что замечание "во всяком случае было неверным", так как "в обычном литературном языке «игумен» склоняется без изменения основы". В свою очередь мы признаем это заявление совершенно необоснованным, потому что редактор "Бориса Годунова" в VII томе академического издания сочинений Пушкина забывает о хронологии явлений языка. Допустим, что в наше время тип склонения "игумен—игумена" в литературном языке является господствующим. Можно ли однако это состояние переносить на сто лет назад, ко временам Пушкина? Вопрос о склонении слова "игумен" в истории русского языка, ближайшим образом в эпоху Пушкина, требовал специального исследования, бэз которого никак нельзя было принимать решений, подобных тому, которое допущено редактором "Бориса Годунова" в академическом издании.

Насколько нам известно, многие авторы и во времена Пушкина, а также и писатели предыдущей эпохи, употребляли форму склонения игумен—игумена, однако в 20-х и 30-х годах XVIII в. тип игумен—игумна имел за себя достаточно авторитетные показания, на основании которых его можно было считать более литературным. Во-первых, он был утвержден "Российской грамматикой" Ломоносова, в которой находим: "Поставлен в игумны, взят в солдаты..." § 201 (см. "Сочинения", изд. 1898 г., т. IV, 91). Так как грамматики Греча и Востокова в изданиях времен Пушкина не давали достаточно ясных показаний

о склонении слова "игумен", то естественно в литературных кругах, соприкасающихся с поэтом в жизни и в печати, могли быть сторонники того и другого употребления; тем более, что некоторые старые грамматики так излагали вопрос о склонении слов данного типа, что формы с пропуском е оказывались обязательными. Таково, например, "Новейшее начертание правил российской грамматики..." И. Орнатовского (Харьков, 1810). Здесь на стр. 79 говорится: "Имена, кончающиеся на ец, ен, ок, как в родительном единственном, так и во всех прочих падежах обоих чисел букву е и о исключают, напр. отец, отца, отцу, отцы..." При этом правиле показаны исключения, в числе которых нет слова "игумен". Очевидно, что преподающие й учащиеся по этой грамматике должны были склонять данное слово по типу "игумен—игумна".

Из писателей на Пушкина могли влиять Карамэнн (в текстах, появившихся до "Истории государства Российского"), Вяземский, Надеждин, как показывают следующие примеры.

"В двух комнатах «Троицкого дворца» стоят алебастровые изображения всех наших князей и государей от самаго Рюрика, сделанные с медалей, которые не весьма удачно изобретены художником. На пример, Святослав, чудесный герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Нестором, изображен каким-то смиренным изумном: ни одной черты геройской!" "Марков не строго покорялся затворничеству, предписанному дипломатическим изумном". В разговоре с изумном, он (патриарх) является во всей простоте доброго старца".

В раскаяньи сердца к *игумну* бежит И пал перед ним на колени. ⁴

Несколько позднее, в "Общем церковно-славяно-российском словаре" Петра И. Соколова, вышедшем в 1834 г., склонение слова "игумен" с выпадением е показано, как единственное литературное, несмотря на то, что академические словари, на которых построен труд Соколова, указывали для русского литературного языка две формы: игумена и игумна. Итак, история языка говорит за поправку Пушкина, а не за его комментатора.

Я, однако, держусь того мнения, что как бы ни был решен вопрос о склонении слова "игумен" во времена Пушкина, тексты поэта в научном издании должны оставаться неприкосновенными. Комментаторы не должны вносить в продукты творчества Пушкина своей личности, и в данном случае сводка разных редакций является соавторством.

¹ Карамзин. "Исторические воспоминания и замечания на пути и Троице", 1803 ("Сочинения", изд. 3-е, М., 1820, т. IX, стр. 229).

² Вяземский. "Фон-Визин", гл. V ("Сочинения", т. V, стр. 54). Книга о Фонвизине окончена Вявемским в 1830 г.

³ Н. Надеждин. "Борис Годунов..." ("Телескоп", 1831, ч. 1, № 4, стр. 565).

⁴ И. Козлов "Легенда" ("Сочинения", т. Ц. 1855, стр. 364). lib.pushkinskijdom.ru

Всякие поправки могут вноситься в текст только подстрочно, с точным: указанием, откуда они берутся. Защите их должно посвятить особый комментарий. Текст писателя должен быть чистым, единым, а не сводным из данных, которые извлечены из обработок разных периодов.

Позволим себе привести еще несколько примеров и сказать несколько слов об исправлениях "Бориса Годунова" в юбилейном издании...

Немного слов доходит до меня (стр. 14 изд. 1831 г.)

В академическом издании: доходят.

А сын его Феодор? На престоле Он воздыхал о мирном житии Молчальника (20).

В академическом издании невполне грамотная форма: о мирном житие.

К его одру, царю *едино* зримый, Явился муж необычайно светел (стр. 20—21).

В академическом издании наречие едино заменено прилагательным едину.

Вдруг *между них*; свиреп, от злости бледен, Является Иуда Битяговский (22).

В академическом издании находим: между их.

В комментарии указывается ряд грамматических разночтений между рукописью Пушкина и печатным текстом 1831 г. В последнем, например: вокруг него, противу них, между них. В рукописи: вокруг его и т. д. Эти исправления печатного текста, по указанию автора комментария, "несомненно должны быть устранены из основной редакции трагедии", так как они приближают текст Пушкина "к нормальному языковому типу" и от них "страдает пушкинское просторечье" (стр. 431). Но разве Пушкин дорожил "просторечием" больше, чем литературными формами русского языка и неужели, употребивши раз "просторечную" форму, он не мог отказаться от нее в пользу литературной?

"Покайтеся!" народ им запремел... (23).

В академическом издании: завопил.

Сей повестью плачевной заключу Я летопись *свою* (23).

В академическом издании: мою.

'Но звонят К ваутрене... (24).

В академическом издании: к заутренни — форма любопытная для указания личного языка Пушкина, но совсем не литературная. А между тем отщельник в темной келье Здесь на тебя донос ужасный пишет (24).

В академическом издании: в темной кельи. Странно, что форма о житии переделывается на форму о житие, а с формой в келье производят обратную переделку!

Как молотком стучит в ушах упреком (30).

В академическом издании: упрек.

Что пользы в том, что явных казней нет, Что на *полу* кровавом всенародно Мы не поем канонов Иисусу (50).

В академическом издании: на колу.

"Полюбищь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича" (54).

В академическом издании: своего королевича.

Нет, мой отец, не будет ватруднений (66).

В академическом издании: ватрудненья.

Ручаюсь я, что прежде двух годов Весь мой народ *и вся Восточна* церковь Признают власть наместника Петра (66).

В академическом издании: вся северная церковь.

Музыки гром не призывает нас (76).

В академическом издании:

Мазирки гром не подзывает нас.

В комментариях отмечается чтение последнего печатного текста в числе вероятных опечаток, искажающих подлинный текст. "Осторожнее, говорит автор комментария, предпочесть для основного текста второе из этих чтений, как несомненно пушкинское" (431). Но какая же осторожность в предпочтении ранней рукописи позднейшему печатному тексту? Между тем почти все отступления академического издания от печатного текста 1831 г. утверждаются на этой весьма сомнительной осторожности и довольно субъективном заподозривании достоверности печатного текста.

Сам же комментатор устанавливает, что та именно рукопись, по которой печатался "Борис Годунов" под наблюдением П. А. Плетнева, до нас не дошла (427). Значит, самой авторитетной по времени рукописи мы не имеем, а тексты ранних рукописей Пушкин естественно мог пересматривать и исправлять. Поэтому упорно держаться текста этих ранних рукописей нет оснований. Например, почему чтение северная

lib.pushkinskijdom.ru

церковь лучше чтения восточная церковь? Восточная, "греко-кафолическая" и западная, "римская" церковь — старые исторические термины, всем известные, общепринятые. Но что значит "северная церковь"? Это свободное лексическое сочетание, невполне ясное и точное. Почему же на веки вечные оно должно быть закреплено в текстах Пушкина, когда он его удачно исправил? Точно также замена частного термина "мазурка" общим "музыка", с характерным Пушкинским ударением, могло иметь оправдывающие основания. Мы знаем, что народный польский танец "мазурка" вошел в придворный оборот довольно поздно, во времена польского короля Августа III, избранного частью польской шляхты в 1733 г. и признанного сеймом 1736 г., отличавшегося склонностью к роскоши и увеселениям. Ясно, что говорить о "мазурке" как танце польской знати в начале XVII— века было невозможно. Вероятно, кто-нибудь указал это Пушкину, и он исправил свой анахронизм.

Бросается на колена (85).

В академическом издании: на колени.

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем, Как девочки доверчивой и слабой Тщеславное мне сердце умилить? (85).

В академическом издании: как девочке. В комментариях объясняется, что хотя форма на и дана во всех источниках, но исправление текста сделано потому, что "Пушкин мог написать «девочки» и в значении дательного падежа" (430). Но синтаксическая конструкция: умилить сердце девочки так же возможна, как умидить сердце девочке. Сравните: умилить сердце сестры, брата, отца и умилить сердце сестре, брату, от употребительнее вторых. В первой конструкции выдвигается качественное значение: сердце девичье, братское, отцовское. Можно думать, что Пушкин, употребляя форму девочки, не связывал ее тесно со словом мне, но только со словом сердце, и хотел характеризовать качества этого сердца. Здесь всё словесное сочетание сложилось у него невполне стройно, но если мы упорядочим его подстановкой дательного падежа вместо родительного, то мы не удержим вполне смысла, сохранившегося в тексте словоупотребления и изменим синтаксический и смысловой центо фразы: сердце девочки доверчивой и слабой. Вообще нужно признать, что "исправлять" Пушкина трудно, опасно и, главное, поздно.

> Но чем, нельзя ль узнать, Клянешься ты? не именем ли бога, Как набожный приемыш езунтов?.. (88).

В академическом издании: приимыш.

Теперь твоя душа, О мой отец, утешилась и в гробе (92). В академическом издании: утешится.

Помощь

Нужна моим усердным воеводам (95)

В академическом издании: помочь.

Ты грешному погибели не кочещь (97).

В академическом издании: грешнику.

Там помолись ты над моей могилой, Бог милостив — и я тебя прощу (99).

В академическом издании: могилкой, милостлив.

Я — признаюсь — не смел поднять очей, Не смел вздохнуть, не только шевелиться (102).

В академическом издании: шевельнуться.

"А мы ведь православные" (105).

В академическом издании: а ведь мы.

"Я стоял на паперти и слышал, как дьякон завопил..." (108).

В академическом издании: диакон.

На площади, где человека три Сойдется — глядь — лазутчик уж и вьется (115).

В академическом издании: сойдутся. Нарушена внутренняя рифма.

"Входит несколько ляхов" (119).

В академическом издании: входят.

А я за всё один отвечу богу (127).

В академическом издании: Я, я...

"Двери заперты — крики замолкли — шум продолжается" (142).

В академическом издании слов, выделенных курсивом, нет.

В приведенных отступлениях от текста 1831 г. только часть разночтений объясняется комментатором (428—432). Эта часть покрывается общим принципом: несомненно пушкинское, находящееся в его рукописи. Некоторые отступления не выяснены, и читатель, принимая их, должен полагаться только на авторитет редакции.

В части поправок заметно предпочтение просторечных пушкинских вариантов перед литературными. Таковы, кроме указанных: колени вм. колена, приимыш (псковское диалектическое) вм. приемыш, помочь вм. помощь, милостив вм. милостив. Часть поправок мотивируется, часть дается без всяких объяснений. Например, редактор отстаивает и устанавливает в тексте синтаксический оборот: Не много слов доходят до меня, с формой множ. ч., известной по рукописям, против печатного

издания 1831 г., в котором дана форма единств. ч.: доходит (43). Неизвестно, чем объясняются дальнейшие поправки: человека три сойдутся, вм. сойдется, входят несколько ляхов вм. входит. В печатном тексте, во всяком случае, замечательно, проведенное последовательно, более литературное употребление при данных оборотах форм множ. числа в глагольном сказуемом.

XI. На этом закончим наши замечания и позволим себе сделать несколько выводов из сказанного.

1. Рассмотренные нами тексты юбилейного издания ("Евгений Онегин", "Борис Годунов") нельзя признать стабильными, каноническими, так как они не имеют хронологического единства и являются сборными из редакций разного времени печатных и рукописных в отношении содержания, орфографии и языка. В этом случае, при условии соединения элементов лексики, орфографии, фонетических и морфологических форм языка из рукописей и печатных изданий в единое целое, редакция уже не передает работу Пушина, а продолжает от себя его творческие процессы окончательной художественной обработки текста, и литературная личность поэта загораживается личностью редактора.

Вообще мы полагаем, что личный вкус и усмотрение редакторов не дожны иметь места при установлении текста Пушкина, что редактор должен быть строго отделен от автора, и, повторяем, что результаты всех своих исследований, хотя бы самые бесспорные, редактор может вносить только в примечания, в комментарии, но не в авторский текст. Во всяком случае, мы, читатели, должны всегда точно знать: 1) как написал А. С. Пушкин и 2) совсем отдельно: какие изменения в его тексте предлагает тот или другой редактор его сочинений.

- 2. В отношении орфографии тексты юбилейного издания не дают выдержанной системы правописания. Орфография эпохи, в русле которой протекало и развивалось правописание Пушкина, нисколько не отражена в юбилейном издании, так что выходит будто Пушкин писал по Гроту (рождает, дышит), и по новейшим справочникам (мечом, охтинка). Пресловутые правила правописания, составленные для текстов Пушкина, не устанавливают твердых филологических основ передачи этих текстов, что вызывает большой разнобой в правописании вышедших томов. Историческая сторона пушкинской орфографии в этих правилах совсем упущена из виду. Все они вращаются или в сфере фактов не орфографического порядка (произношение и язык), или в ряде мелочей, в решении которых обнаруживается формальность, противоречия и недостаточное различение фактов письма от фактов языка, случайных написаний от написаний, определенных орфографическими нормами.
- 3. Важный вопрос о правописании рифм в текстах Пушкина не привлек со стороны редакторов достаточного внимания, на практике он разрешается ими невполне удовлетворительно, с нарушением письма и произношения пушкинских рифм.

- 4. В личном правописании Пушкина юбилейное издание выдвигает преимущественно отрицательные элементы (слогает, истинна, изъяснить, сёлы, письмы), результаты орфографических недочетов, бывшие не постоянным, но преходящим явлением в движущейся и совершенствующейся орфографии поэта.
- 5. В погоне за раритетами, в окончательно обработанные тексты поэта редакторы юбилейного издания охотно вводят просторечные особенности его языка из рукописных текстов (Рожество, ярманка, изо стола, вокруг его, к заутренни, помочь и т. под.). Они несомненно принадлежали личному языку Пушкина, употреблялись им как элементы общего русского языка, но никогда не приравнивались к книжному литературному языку, тем более никогда ему не предпочитались. Введение ях в обработанные тексты из рукописных крупный промах редакторов юбилейного издания.
- б. Пунктуация Пушкина, установленная в печатных текстах его произведений, не оценена редакторами юбилейного издания. Она передается неточно. "Исправления" этой пунктуации большею частию произвольны, иногда даже неграмотны и изменяют смысл и отношения синтаксических частей текста или его интонации и, таким образом, передают текст Пушкина в искаженном виде.
- 7. Корректурная сторона юбилейного издания не стоит на безукоризненной высоте. Опечатки в нем встречаются: например, в 1 томе: херувимов жарить пушками вм. в херувимов (63), тдадим вм. отдадим (248); в IV томе: такой беде вм. в такой беде (34), совсем вм. своем (148); в VI томе: простак без знака препинания вм. проста с точкою (119), музою вм. музой (141), нравоученья с точкою вм. запятой (174). Списка опечаток нет ни в одном томе.
- 8. Внешняя сторона издания великолепна: шрифты, бумага, печать прекрасны; переплеты, портреты, снимки с рукописей исполнены превосходно. Было бы желательно имегь несколько больше снимков с беловых рукописей, особенно ранних и последних годов жизни Пушкина, чтобы видеть его орфографию в первых и последних этапах ее развития, а также образцы почерка спешного и старательного, домашнего и официального.

3 III 1938.

г. винокур

ОРФОГРАФИЯ И ЯЗЫК ПУШКИНА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

(Ответ В. И. Чернышеву)

Юбилейное собрание сочинений Пушкина, издаваемое Академией Наук СССР в ознаменование столетней годовщины смерти поэта, является событием громадного литературного и научного значения. Уже простое внешнее ознакомление с этим изданием показывает, как сильно оно отличается от всех изданий сочинений Пушкина, появлявшихся до сих пор. Таких главных отличий три: 1) в теперешнем академическом издании впервые напечатан весь Пушкин, т. е. не только все его законченные и незаконченные произведения, письма и деловые бумаги, но также с исчерпывающей полнотой все черновые тексты, наглядно показывающие состояние каждого произведения в каждый отдельный момент его создания, вплоть до самых мелких подробностей; 2) впервые все тексты Пушкина без исключения в новом издании сверены буква в букву со всеми их первоисточниками, причем все разночте ния первоисточников с исчерпывающей полнотой сообщены в отделе "вариантов и других редакций"; 3) издание должно сопровождаться обширным научным комментарием, который ставит себе целью дать подробную историю работы Пушкина над каждым его произведением и собрать материал для историко-литературного объяснения всех его сочинений. Уже сопровожден комментарием VII том издания (в его первоначальном варианте), а комментарий к остальным томам для того, чтобы не загромождать издание, решено отделить от сочинений Пушкина и издавать особыми книгами. Ни одно из прежних изданий сочинений Пушкина не ставило перед собой задач такого широкого и подробного научного комментария, как теперешнее академическое.

Само собой разумеется, что в новом академическом издании могли быть допущены ошибки, иногда совершенно неизбежные, как и во всякой научной работе. Сквозное прочтение пушкинских черновиков, предпринятое для этого издания впервые, представляет большие трудности. Большого филологического такта и отличного знания поэзии и языка Пушкина требует и правильное осмысление разобранного чернового

текста: академическое издание справедливо отказалось от прежнего метода слепых "транскрипций", не дающих большей частью возможности понять смысл написанного Пушкиным, и стремится препарировать черновой текст Пушкина в связном виде, так, чтобы читатель мог вполне конкретно представить себе ход создания данного произведения. Не приходится уже говорить о трудностях, которые стояли и стоят перед составителями комментария — отдельные недочеты, как частного так порою и общего значения, в опубликованном комментарии к VII тому ясны редакционному коллективу уже и сейчас.

С другой стороны, отмеченные выдающиеся особенности нового академического издания не отнимают у прежних изданий сочинений Пушкина того научного значения, которое им по праву принадлежит в той мере, в какой каждое из них правильно и добросовестно отражало состояние научного изучения Пушкина и общей филологической культуры в России в соответствующее время. В истории изданий сочинений Пушкина известны большие достижения (например, работы Анненкова, во многих отношениях — Якушкина), но также и крупные провалы и срывы (работы Ефремова, иногда - Морозова). Но в целом история этих изданий представляет поучительную картину постепенного обогащения и уточнения знаний о Пушкине, а также и интересную эволюцию методов историко-литературного и филологического изучения пушкинского творчества. Новое академическое издание есть кость от кости и плоть от плоти давней пушкинистской традиции, но в то же время оно, несомненно, - новый и значительный этап в развитии этой традиции, - не только в хронологическом, но также в идейном и методологическом отношении.

Научная критика нового академического издания в намеченной перспективе должна была бы оказать большую услугу советскому литературоведению. Академическое издание дает обильный материал для критики, которая ставит себе целью внимательное и серьезное обсуждение проблем и принципов, и нуждается в ней. Новые тексты Пушкина, сообщаемые этим изданием, дают возможность поднять ряд важных историко-литературных вопросов, касающихся как общей оценки Пушкина, так и интерпретации его отдельных произведений с точки зрения их замысла, их места в литературной и идейной биографии Пушкина и т. д. Но приходится констатировать, что объективное научное обсуждение вышедших томов академического издания до сих пор еще почти не начато. Никем не поставлен еще вопрос о том, что нового дает академическое издание для изучения и понимания Пушкина. Никто не обсудил с подобающей подробностью принципы нового издания и их достоинства или недостатки с точки зрения их общефилологического эначения. Единственный отклик на академическое издание, которым мы пока располагаем, это небольшая

¹ См. по этому поводу: С. Бонда. "Отчет о работе над IV томом". "Временник Пушкинской Комиссии", т. 2, 1936, стр. 460 и сл.

рецензия на VII том, написанная Д. Д. Благим и посвященная почти исключительно обсуждению некоторых частностей. 2 Новый отклик печатаемая выше статья В. И. Чернышева, касающаяся четырех томов, вышедших в первую очередь, преимущественно же VI ("Евгений Онегин") и VII (Драмы), и уже целиком посвященная деталям — вопросам правописания и языка, а иногда и текстуальных чтений. Эти детали, разумеется, также имеют очень большое значение, принципиальное и практическое. Всестороннее их обсуждение в печати крайне важно для дела. В ожидании развернутой критики академического издания, которая, конечно, еще появится, нужно быть благодарным и за ту критику деталей, которую предлагает в свой статье В. И. Чернышев. Однако приходится сказать, что критика, которой подвергает академическое издание В. И. Чернышев со стороны орфографии и языка, не может быть признана основательной, потому что она исходит из посылок, неверных в корне, и лишена прочной опоры в фактическом материале, которым подобная критика должна была бы руководиться. Наш ответ посвящен доказательству того, что именно такова должна быть общая оценка статьи В. И. Чернышева.

Первое впечатление, которое должно возникнуть после прочтения статьи В. И. Чернышева у читателя, особенно такого, который не посвящен в тонкости текстологии, сводится как будто к тому, что в новом академическом издании сочинений Пущкина господствует какой-то беспринципный орфографический и текстологический хаос. Если судить по статье В. И. Чернышева, редакторы академического издания творят суд и расправу над пушкинскими текстами, произвольно, в угоду собственным вкусам и домыслам, переиначивая на свой лад величайшие создания русской поэзии, нагромождая одну ошибку на другую, не считаясь ни с историческими документами, ни с культурной традицией, ни с историей языка. Не знаю, сознательно ли В. И. Чернышев создавал столь подчеркнутый образ пушкиниста-вандала в своей статье, но именно такой вывод из чтения этой статьи должен сделать читатель-неспециалист. Ему должно показаться, что редактирование текстов Пушкина в новом академическом издании было поручено лицам, в лучшем случае заслуживающим упрека в преступном легкомыслии и невежестве. Как иначе можно реагировать на работу редакторов, которые, по словам В. И. Чернышева, "позволяют себе... изменять орфографию, морфологию, лексику и пунктуацию" текстов Пушкина, допускают "нередкие нарушения норм произношения, морфологии и семантики пушкинской эпохи и самого Пушкина", "позволяют себе устанавливать собственную пунктуацию в тексте Пушкина", "кладут" текст Пушкина "на музыку, с произвольными интонациями и паузами", занимаются "не очень деликатной

^{1 &}quot;Литературный критик", 1936, № 5.

² Во время написания этой статьи мне стала известна редензия Б. П. Городецкого на VII том академического издания, помещенная в № 4—5 "Временника Пушкинской Комиссии" (1939).

расправой с пушкинскими знаками препинания, превращают себя в "соавторов" Пушкина и т. д., как иначе, повторяю, можно было бы отнестись к работе таких пушкинистов, если бы все эти утверждения В. И. Чернышева соответствовали действительному положению вещей? Какое иное впечатление, кроме самого отрицательного, о состоянии текстов Пушкина в академическом издании, можно было бы себе составить на основании длинных перечней бесконечного числа ошибок, усмотренных в этом издании В. И. Чернышевым, если бы всё это действительно были ошибки? Но первый существенный упрек, который следует сделать В. И. Чернышеву, заключается именно в том, что он самой формой своего изложения и демонстрации "ошибок" академического издания придает значение множества ошибок, притом часто множества беспринципного, тому, что с точки зрения им самим отстаиваемых методов в сущности можно считать лишь многообразным следствием одной ошибки, притом ошибки принципиальной. С самого же начала считаю необходимым со всей резкостью подчеркнуть, что разногласия между В. И. Чернышевым и редакторским коллективом академического издания являются разногласиями глубоко принципиальными. Вопрос заключается вовсе не в количестве ошибок, действительных или мнимых, допущенных академическим изданием. Вопрос вовсе не в том, кто в каждом отдельном случае удачнее или правильнее устанавливает подлинный текст Пушкина, — В. И. Чернышев или редакторский коллектив. Вопрос ваключается в том, какая из этих двух сторон избирает более правильный принцип для воссоздания подлинного текста Пушкина. Ясно, что при резкой противоположности принципов той и другой стороны, об этом у нас сейчас и пойдет речь, — всё, что будет правильным с одной точки эрения, окажется ошибочным с другой, и обратно. Поэтому В. И. Чернышев был обязан уделить в своей статье гораздо больше места критическому обсуждению принципов и исходных положений, а главное, он был обязан так построить обсуждение отдельных "казусов", чтобы было видно, что то или иное решение каждого из них непосредственно вытекает из принятого принципа, а вовсе не является результатом произвола или домысла, как это получается по В. И. Чернышеву. Поэтому так часто повторяющиеся в статье В. И. Чернышева выражения негодующего удивления по поводу того или иного, непривычного для него, чтения в академическом издании ("трудно понять, кто додумался", "кто и почему поставил" такой-то знак, "неизвестно почему" отсутствующая запятая и т. д.), на человека, знающего почему данная запятая отсутствует, знающего, кто поставил данный знак и кто "додумался" до данного чтения, производят иногда комическое, а иногда и гнетущее впечатление, на которое вряд ли рассчитывал В. И. Чернышев. Дело в том, что этот таинственный "кто" оказывается не кем иным, как Пушкиным, чьи сочинения издаются академическим изданием. Цитируя "Бориса Годунова":

Ну вот о чем жалеет? Об лошади!

В. И. Чернышев недоумевает по поводу вопросительного знака в конце первой строки, где в прежних изданиях была запятая, и спрашивает: "Любопытно было бы знать: кто и почему поставил этот знак вопроса, раздагающий монодог на диалог?" Спешим удовлетворить любопытство В. И. Чернышева. Этот знак вопроса поставлен Пушкиным, и убедиться в этом совсем не трудно, взглянув хотя бы одним газом на л. 43 об. белового автографа "Бориса Годунова", ныне хранящегося в Государственном Музее А. С. Пушкина. Что же касается досадного превращения монолога в диалог, то это просто призрак, потому что "монолога", о котором скорбит здесь В. И. Чернышев, очевидно никогда и не было, а создан он был издателем "Бориса Годунова" П. А. Плетневым, на свой риск и страж, по собственному усмотрению, менявшим орфографию и пунктуацию Пушкина во всех изданиях сочинений Пушкина, которыми он распоряжался, хотя и с общего позволения Пушкина, но без всякого внимания к особенностям его правописания и языка и без малейшего желания сохранить эти особенности для потомства. Цитируя из "Евгения Онегина" (I, 5):

> Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант

и т. д., и находя в конце первой из этих строк две точки вместо привычной для него по старым изданиям одной, В. И. Чернышев спрашивает: "Трудно-понять, кто додумался, что дальнейшие слова дают объяснение того, что значит слово «педант» и поставил после него двоеточие". Кто поставил здесь двоеточие — понять вовсе не трудно. Загадочный "кто" опять оказывается всё тем же Пушкиным (см. беловой автограф), а то понимание этого знака, какое предлагает В. И. Чернышев, разумеется, совершенно необязательно и является делом его личного исследовательского чутья и вкуса. Пушкиным же поставлены и смущающие В. И. Чернышева знаки (восклицательный и многоточие) в строфе XXXIV той же главы:

Мне памятно другое время! В заветных иногда мечтах Держу я счастливое стремя...¹

То же и в остальных случаях.

"Странно, — пишет в другом месте своей статьи В. И. Чернышев по поводу форм «о житие», «в кельи» в «Борисе Годунове», — что форма о житии переделывается на форму о житие, а с формой в келье производят обратную переделку!" Опять-таки здесь никто ничего не "переде-

¹ Что же касается вопроса о пунктуации в строфе XXIX ("О вы, почтенные супруги!"), то здесь видимо кроется какое-то недоразумение. Академическое издание в этом месте совпадает как с прижизненными, так и с посмертными изданиями.

лывал" и соответствующие чтения академического издания совершенно точно передают написание белового автографа "Бориса Годунова" (л. 9 об., II). И так в каждом случае. Всякий раз, когда В. И. Чернышеву то или иное чтение академического издания кажется "непонятным", "странным", кем-то "придуманным" или "переделанным", мы на самом деле имеем перед собой точное воспроизведение того, что черным по белому написано самим Пушкиным, но что вплоть до последних изданий сочинений Пушкина, начиная с прижизненных, особенно — плетневских, подвергалось безжалостным и произвольным переделкам. Поэтому нужно решительно отмести в сторону ту постановку вопроса, которая подсказывается этими повторными даментациями В. И. Чернышева по поводу "странностей" и "переделок" в академическом тексте Пушкина: речь идет, очевидно, не о переделках, которые, если и можно кому-нибудь ставить в вину, то меньше всего академическому изданию, речь идет лишь о том, чем должен руководствоваться современный издатель сочинений Пушкина, — текстами самого Пушкина, засвидетельствованными его рукописями, или же текстами печатных прижизненных изданий сочинений Пушкина, содержащих многочисленные орфографические и иные отступления от текстов пушкинских автографов. Только так может стоять вопрос и только в выборе того или иного из этих двух путей заключается разногласие между редакцией академического издания и В. И. Чернышевым. Именно об этом и следовало больше всего говорить В. И. Чернышеву. Вместо этого он излишне осложняет и напрасно затуманивает вопрос, делая вид, будто ему непонятны основания неприемлемых для него "переделок", "искажений" и "произвольных домыслов". Насколько вреден этот туман для существа спора и насколько вообще мало оснований для перевода дискуссии в плоскость вылавливания частных ошибок, показывает следующий случай. Перечисляя многочисленные расхождения в тексте "Бориса Годунова" между академическим изданием и первопечатным плетневским изданием 1831 г. и полемизируя по этому поводу с редактором академического текста, В. И. Чернышев, в частности, приводит и такой пример. В издании 1831 г. читаем:

> Что *на полу* кровавом всенародно Мы не поем канонов Иисусу,

а в академическом издании: на колу. Не сопровождая этого сопоставления никаким комментарием, В. И. Чернышев внушает читателю своей статьи впечатдение, что мы снова имеем дело с произвольной переделкой, допущенной неизвестно кем и почему. На этот раз, я думаю, уже простая научная добросовестность требовала, чтобы В. И. Чернышев объяснил своим читателям, кто и почему "додумался" исправить в данном месте "на полу" на "на колу". Это можно было в крайнем случае сделать хотя бы в форме простой ссылки на стр. 408 академического

комментария к "Борису Годунову" в VII томе, где объяснено, что в слове "колу" в данном месте в автографе Пушкина буква "к" написана неясно и была принята переписчиками автографа за "п", и что в таком виде эта ошибка дошла до печатного издания. А на стр. 473 того же комментария приведено и то место из "Истории государства Российского" Карамзина (ІХ, 83), которое с несомпенностью свидетельствует о том, что Пушкин написал "на колу", а не "на полу". Вот это место: "Князь Дмитрий Шевырев посажен на кол: пишут, что сей несчастный страдал целый день, но, укрепляемый верою, забывал муку и пел канон Иисусу". В комментарии сделано также указание на то, что в свое время этот вопрос уже разъяснялся П. О. Морозовым. Всё это В. И. Чернышев обязан знать, в качестве критика академического издания, и безоговорочное включение этого места в проскрипционный список погрешностей этого издания есть стилистический прием, который вряд ли васлуживает поощрения. Такие приемы могут вызвать у читателей статьи В. И. Чернышева совершенно превратное представление о существе разногласий. Нет, дело не в ошибках и не в произвольных исправлениях, этот туман решительно нужно рассеять. Ничего произвольного в академическом издании вообще не существует, каждая буква в нем может быть документально оправдана. Дело совсем в другом: какой текст — автографический или прижизненный печатный — должен быть избран за основу, в случае их несовпадения? Редакция академического издания избирает как правило (из которого, конечно, могут быть частные исключения) первый путь, В. И. Чернышев -- второй. Вот об этомто и нужно спорить, а решение частных случаев должно всецело зависеть от результатов спора по существу вопроса.

Редакторский коллектив академического издания своим первым, естественным и прямым долгом считает установление подлинного текста сочинений Пушкина. Подлинный текст это, помимо прочего, текст, очищенный от разнообразных наслоений на нем, какого бы происхождения ни были эти наслоения и какой бы почтенной давностью отдельные из них ни обладали. Это в равной мере касается как наслоений цензурного характера (их в текстах Пушкина гораздо больше, чем кажется В. И. Чернышеву), так и наслоений внешнего значения, вплоть до отдельных орфографических вариантов. Редакция академического издания не видит принципиальной разницы между искажением пушкинского эпитета, по тем или иным основаниям замененного в печати другим, Пушкину не принадлежащим, и заменой того написания, которое Пушкин дал какому-нибудь слову, другим написанием, ему не принадлежащим, из каких бы авторитетных источников ни исходила данная орфографическая поправка и какими бы добрыми пожеланиями она ни была вызвана. И та и другая замена в равной мере искажают, неверно передают тот подлинный текст Пушкина, со всеми его индивидуальными, частными особенностями, представить который в его абсолютной иден-

тичности и во всей полноте его своеобразия было обязано академическое издание. Из этого совершенно ясного и твердого положения нужно было сделать только одно исключение, необходимость которого диктовалась громадным культурно-историческим и политическим значением орфографической реформы 1917 г., а также и тем обстоятельством, что академическое издание, как издание не документов, а художественных произведений, адресовано не только специалистам, но и широким кругам советских читателей. Именно, редакция должна была отказаться от точной передачи таких написаний подлинных пушкинских текстов, всё значение которых исчерпывается их собственно орфографическим содержанием и от замены которых написаниями, принятыми теперь, не изменяется представление о языке Пушкина со стороны звуковой, грамматической, лексической и стилистической. Поэтому в академическом издании не воспроизводятся такие написания подлинников, как буквы в или в, как "акающее" написание a вместо o или o вместо a в безударном положении, как ь после шипящих там, где эта буква сейчас не пишется и не имеет грамматического значения, как написания типа: мущина вм. мужчина, щастье вм. счастье и т. д. Во всех прочих случаях, когда отступление от подлинной пушкинской орфографии подсказывало бы исторически-неправильное восприятие подлинного текста с произносительной, грамматической, лексической или стилистической стороны, написания первоисточников в академическом издании удерживаются в неприкосновенности, как бы они ни были непривычны для нас сейчас. Соответствующие практические приемы для установления орфографии в академическом издании, явившиеся обобщением долголетнего опыта лучших текстологов-пушкинистов, были утверждены после длительного и всестороннего их обсуждения, хотя В. И. Чернышев, вряд ли знакомый с подробностями этой работы, и позволяет себе честить эти приемы "канцелярским распоряжением".

Так или иначе, но исходным материалом для установления орфографии пушкинского текста в академическом издании всегда служили подлинные написания Пушкина, а критерием-первоисточником этих написаний для редакторов издания в первую очередь являются пушкинские автографы. Лишь при отсутствии автографа какого-нибудь произведения Пушкина редакция принуждена была брать за основу иные первоисточники— печатные издания, рукописные копии и т. д. Но, при прочих равных условиях, пушкинский автограф предпочитается редакцией иному источнику как в отношении текста вообще, так и в отношении орфографии. Можно даже сказать, что в отношении орфографии это первостепенное значение автографов является еще более высоким, чем в прочих отношениях. Произвольная замена текста, если не считать случаев цензурного вмешательства и типографской или редакторской небрежности, явление относительно редкое. Но произвольное и вполне сознательное изменение подлинной орфографии и пунктуации писателя,

в том числе и Пушкина, обычно никем не считается за грех и по этому пути очень часто идут издатели, искренне считающие, что таким приспособлением индивидуальной писательской манеры к господствующей в то или иное время или в той или иной среде, совершают нужное и вполне естественное дело. Именно так обычно смотрели на дело и те из современников Пушкина, которым выпадало на долю заботиться о печатных изданиях его сочинений. Для них это и в самом деле было вполне естественно. Не подлежит, далее, сомнению, что, как общее правило, это казалось вполне естественным и самому Пушкину, который, как вполне справедливо указывает В. И. Чернышев, даже обращался с просьбами, например к Плетневу, позаботиться об орфографической внешности своих книг. Но вытекает ли отсюда, что то, что было естественным для Пушкина и его современников, остается столь же естественным и для нас, особенно когда мы имеем дело с академическим изданием? Нет, не вытекает, и по следующим двум основаниям.

1. Орфографические требования, предъявляемые к текущей литературе, не могут и не должны совпадать с требованиями, предъявляемыми к орфографии издаваемых дитературных памятников. От текущей литературы требуется, чтобы она безусловно и полностью совпадала с общепринятыми орфографическими нормами соответствующей поры. Охотно подчинялся этому требованию и Пушкин. Но для нас сочинения Пушкина — памятник истории, а не текущая литература, и по отношению к нам Пушкин свободен от обязанностей яваяться в том "причесанном" виде, в каком он должен был являться перед своими современниками. Для нас Пушкин — своеобразное и неповторимое историческое явление, созревшее на определенной исторической почве. Его "личная", как говорит В. И. Чернышев, орфография в наших глазах есть такой же факт истории, как и всякая иная орфография пушкинского времени-"Личная" орфография Пушкина является для нас историческим достоянием нисколько не менее, а может быть даже и более значительным, чем та орфография, которая в его время преподавалась в школе и довольно безуспешно закреплялась грамматиками. Пушкин, по меньшей мере, такой же представитель "пушкинской эпохи", как любой корректор или словесник тех лет. У нас нет решительно никаких оснований видеть в плетневской или гречевской орфографии, вообще в "орфографии пушкинской эпохи", которую постулирует В. И. Чернышев, но которая на поверку, как увидим ниже, является чистой фикцией, — что-либо более закономерное или исторически ценное, чем индивидуальная орфографическая манера Пушкина, которая, кстати сказать, опять-таки не является исключительным, личным достоянием одного Пушкина. На вопрос В. И. Чернышева: "можно ли отделить орфографию Пушкина от орфографии его эпохи?" — я отвечаю вопросом: можно ли отделить "орфографию пушкинской эпохи" от "орфографии Пушкина"? То обстоятельство, что Пушкину на протяжении всей его жизни были свойственны написания

"селы", "бревны", есть точно такой же, исторически засвидетельствованный факт орфографии пушкинской эпохи, как и требование тогдашних грамматик писать села, бревна. Не говорю уже о том, что так писал вовсе не один Пушкин, что это не его каприз, а объективный факт истории русского языка. Может быть иначе обстояло бы дело, если б школьные требования пушкинского времени вполне совпадали с нашими современными. Тогда, действительно, могло бы показаться странным, если бы мы произведения классика, уже при его жизни напечатанные так, что они являются для нас вполне современными по внешности, сделали бы вдруг для себя чуждыми, далекими и непривычными. Но ведь на самом деле пресловутая "орфография пушкинской эпожи" в целом ряде случаев оказывается для нас более архаичной, чем так называемая "личная" орфография Пушкина. Так, например, вопреки школьному правилу, которое требовало написаний типа раждать, Пушкин писал рождать, т. е. так же, как пишем мы. В. И. Чернышев этому не верит, но это его личное дело, которое никого не может особенно тревожить. На крайний случай можно было бы ему посоветовать вложить персты в язвы, т. е. заглянуть в пушкинские рукописи. Следовательно, в данном отношении Пушкин опережал свою эпоху, он писал уже так, как пишем мы, а Плетнев еще правил ему по старинке: раждать. Но то, что для Плетнева было естественным долгом по отношению к своему времени, то было бы с нашей стороны безобразной антиисторической ошибкой, которой трудно было бы подыскать оправдание. Во всяком случае, В. И. Чернышев, пекущийся об "орфографии пушкинской эпохи", не должен быть в претензии на академическое издание за то, что оно точно передает пушкинские написания типа рождать: по крайней мере, он имеет теперь возможность узнать, что пушкинская эпоха знала также и такие написания. Ниже будут приведены данные, свидетельствующие о том, что пушкинская эпоха знала такие написания не только в рукописях, но и в печатных книгах.

2. Вряд ли можно назвать правильным такое буквальное толкование просьб Пушкина к Плетневу и другим его современникам об исправлении орфографии в его книгах, из которого следовало бы, что Пушкин считал необходимой радикальную правку своих рукописей со стороны правописания. Пушкина несомненно заботило лишь то, что могло оказаться в его рукописях неграмотного, в прямом смысле этого понятия, — разумеется, с точки зрения его времени. Но ведь Плетнев устранял из пушкинских текстов вовсе не только неграмотные с точки зрения той эпохи написания. Он не только, например, печатал аккуратный там, где Пушкин писал окуратный, но также печатал тма там, где Пушкин писал мьма. Можно ли считать написание тьма неграмотным для пушкинской эпохи? Разумеется, такое мнение было бы совершенно неосновательно. Написание тма было, действительно, тогда очень широко распространено. В такой форме это слово, между прочим.

находим и в "Словаре Академии Российской" (т. VI, 1822, стр. 720). Но это вовсе не помешало той же Академии Российской одновременно печатать это слово в иной орфографии, именно в виде тьма, в ее "Российской грамматике", и даже формулировать там такое правило: "Следующие слова с некоторыми производными своими, удерживают всередине букву ь, а именно: ... варьня, ... верьхъ, ... письмо, ... *тыма*" (см. 2 изд., 1809, стр. 25). Очевидно, в данном случае можно было писать и так, и этак без риска навлечь на себя подозрения в неграмотности. Естественно, что и в рукописях Пушкина мы находим то тьма, то тма. Так, например, в 55-м стихе вступления к "Медному Всаднику" ("И не пуская тьму ночную") в одной из двух беловых рукописей (№ 2375) написано тьму, а в другой (№ 2376 Б) — *тму*. Но исправляя всякий раз пушкинское написание с мягким знаком на написание без мягкого знака, Плетнев тем самым устранял из текстов Пушкина не только написания неграмотные, невозможные с точки эрения норм того времени, но также и такие, которые явдялись вполне допустимыми орфографическими вариантами, но не быля свойственны его личной, плетневской практике. Никто не станет теперь осуждать за это Плетнева. Ему и в голову не могло притти, что он делает в данном случае дело не нужное, тем более, что он вносил таким путем в свои издания текстов Пушкина орфографическое единообразие.1 Но это не значит, что мы теперь должны повторять Плетнева, превращая его ошибку, являющуюся таковой только с точки зрения потомков Пушкина, в сознательный грех перед Пушкиным, историей и филологией.

Таким образом, прижизненные печатные издания сочинений Пушкина не дают точного воспроизведения орфографии Пушкина не только в том отношении, что они исправляют орфографические ошибки Пушкина—это бы еще с полбеды,— но также и в том отношении, что они устраняют из пушкинских текстов целый ряд нормальных для той эпохи орфографических вариантов, заменяя их другими вариантами, столь же нормальными и, возможно даже, более употребительными в то время, однако ни в каком случае не обязательными. Иначе говоря, печатные издания пушкинских текстов отражают орфографию пушкинского времени однобоко, в кривом зеркале,— не точно и не полно. Вывод парадоксальный и, конечно, совершенно неприемлемый для В. И. Чернышева, который видит в первопечатных изданиях сочинений Пушкина "главный источник орфографии пушкинских текстов". Но дело в том, что В. И. Чернышев создал себе совершенно неверное представление о состоя-

¹ Нельзя, впрочем, не указать, что гораздо более правильной была бы унификация в обратную сторону, отвечающая действительному произношению этого слова: разумеется, и тогда произносили тыма с т мягким, как теперь, а возможное семинарски-школьное произношение "тма", по буквам, Пушкину должно было быть совершенно чуждо.

нии орфографии в этих изданиях, как и вообще об орфографии, которую он именует "орфографией пушкинской эпохи". С одной стороны, В. И. Чернышев говорит, что "Пушкин жил в эпоху становления русской орфографии". Если это выражение вообще имеет какой-либо смысл, то очевидно только тот, что во времена Пушкина русская орфография еще только складывалась, а потому не была и не могла еще быть устойчивой. С другой же стороны, В. И. Чернышев полагает, что "во времена Пушкина, как и в наши (курсив мой — Γ . В.), существовала определенная орфографическая система литературного письма". Трудно понять, как предполагает В. И. Чернышев согласовать одно свое утверждение с другим. Одно из двух — или во времена Пушкина орфография действительно переживала процесс становления - тогда, очевидно, не может быть и речи об орфографии пушкинской эпохи, как о "системе", в том смысле, как мы говорим о системе в применении к нашей современной орфографии. Или же во времена Пушкина орфография действительно представляла уже собой определенную систему, как в наше время, и тогда о ней нужно было бы говорить, как о чем-то уже установившемся, а не "становящемся" только. В каком же случае прав-В. И. Чернышев? Мне кажется несомненным, что он гораздо ближе к истине тогда, когда говорит о том, что Пушкин жил в эпоху становления русской орфографии и что школа не дала ему поэтому вполне устойчивых орфографических навыков. Действительно, даже беглого знакомства с печатными изданиями пушкинской поры достаточно для того, чтобы убедиться в крайней неустойчивости тогдашней орфографии. Даже ученые учреждения того времени, как можно было видеть по вышеприведенному примеру орфографической практики Российской Академии, не имели вполне последовательной и устойчивой орфографической системы. Разумеется, самый идеал "правильного" письма и стремление к орфографическому јединообразию существовали и тогда, и этот идеал посильно отражался грамматиками не только пушкинской, но и гораздо более ранней поры. Но ведь то - идеал, а нас интересует сейчас практика, именно практика той эпохи, которую выразительно характеризует Карамзин в "Записке о древней и новой России": "Чего не преподают ныне даже в Харькове и Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдещь человек 100, которые совершенно знают правописание". Вовсе не только рукописная, но также и печатная орфографическая практика первой трети XIX в. отличается резко быющей в глаза неупорядоченностью и пестротой. Конечно, вполне "неграмотные" написания, вроде егаза, собирись и т. п. в печати обычно устранялись, но ведь такие написания, котя бы и засвидетельствованные подлинными рукописями Пушкина, академическое издание всё равно не воспроизводит, так что о них вообще можно было бы не говорить: такие написания воспроизводились лишь в некоторых прежних изданиях, например,

в издании пушкинской переписки под ред. В. И. Саитова, т. е. в изданиях, которые В. И. Чернышев как будто бы склонен противопоставлять нынешнему академическому, как более для него приемлемые. Что же касается прочих написаний Пушкина, зачисляемых В. И. Чернышевым в категорию "не грамматических" (причем делается поистине потрясающее открытие, будто "на точном грамматическом языке" грамматическими окончаниями считаются лишь те, которые признаются школьной грамматикой!), то на громадное большинство таких написаний без труда могут быть указаны примеры и в печатных книгах пушкинского времени. Для большинства случаев это можно сделать, даже не выходя за пределы печатных изданий сочинений самого Пушкина, вопреки всему тому, что В. И. Чернышев говорит об их орфографической безупречности и стройности. Вся разница будет в том, что подобные "не грамматические" написания в печатных книгах будут встречаться, безусловно, несколько реже, чем в пушкинских рукописях, и притом в других комбинациях чем у Пушкина: но они есть в печатных книгах — и это самое важное.

Перед нами "Стихотворения Александра Пушкина", изданные с Санктпетербурге в 1829 г. в двух книжках. Распорядителем этого издания был Плетнев, т. е. тот именно современник Пушкина, который, как в глазах самого Пушкина, так и в наших глазах, заслуживает полного доверия в качестве безупречного представителя грамотности пушкинского времени. Между тем упомянутое издание полно орфографических противоречий, в которых я сейчас обращаю внимание на две стороны дела: 1) это издание очень часто дает разные написания для вполне одинаковых положений; 2) оно содержит немало таких написаний, которым В. И. Чернышев отказывает в праве именоваться "грамматическими" и за воспроизведение которых в академическом издании он так горячо упрекает редакцию этого издания. Для того, чтобы лучше подкрепить свои выводы об орфографии академического издания, я позволю себе в иных случаях выйти за пределы того материала, который обсуждается в статье В. И. Чернышева, - думаю, что это не вызовет упрека со стороны читателей. Так, например, в первой книге издания 1829 г. мы находим: с одной стороны счастливца (24),1 счастливую (26), счастливый (67), а с другой — щастье (52), щастливый (55), ср. дощитались (II, 35). В "Словаре Академии Российской" (т. VI, 1822), как норма дается щастіе, но считать, а обратные случаи (счастіе, щитать) приведены как варианты со ссылкой на основную форму. Далее в первой книжке стихотворений 1829 г. находим ключь (89), лучь (94), плачь (сущ.; 112), а во второй — палачо (9), свъточо (13), ключо (57), лучо (63) и т. д. Почти постоянно в этом издании встречаем цалую (I. 88), поцалуевъ (I, 103), поцалуютъ (II, 87), но, с другой стороны, встречаем и целуеть (I, 60). Ср. в "Повестях" по изд. 1834 г. постоянное написание

¹ Цифра обозначает здесь и ниже страницу указанного издания.

слов от этого корня через а: поцаловались (30), поцалуйтесь (69), поцаловаль (79), поцалуевь (98), расцаловаль (135) и т. д. Но ср., с другой стороны, целовали в "Цыганах" (1827, 41), целуетъ в "Графе Нулине" (по изд. 1827, 18 и изд. 1835, 63). Ср. поцелуй в 151-м стихе "Бахчисарайского фонтана" по первому, второму и четвертому изданиям, но поцалуй — в третьем издании. Напомню, что В. И. Чернышев относит написания типа поцалуй к числу ошибок академического издания, как написания, очевидно, "неорфографические". Грамматики, судя по всему, действительно считали правильным только написание поцёлуй, но в печатных изданиях произведений Пушкина написания типа поцалуй встречаще, чем "правильные", которые стали господствующими только во вторую половину XIX в. Во всяком случае, такие написания, котя не всегда и непоследовательно, выходили из-под редакторского пера Плетнева. В "Стихотворениях" 1829 г. эти "неправильные" написания безусловно преобладают, а в одновременно выходивших главах "Евгения Онегина" встречаем только "правильные" написания, зато в "Повестях" 1831 и 1834 гг. "неправильные" написания являются единственно возможными, так что там нет ни одного случая написания слов этого кория через в. Вот тут и разберись в этой "системе"! Как, в самом деле, должна была бы поступить редакция академического издания, если бы она стала на точку зрения В. И. Чернышева, согласно которой в основу издания нужно класть не автографы, а печатные издания? Не трудно видеть, что и в этом случае она не могла бы избежать написаний, вроде поцалуй, но с той разницей, что ей пришлось бы воспроизводить такие написания не в тех местах, в которых так написал сам Пушкин, а в тех, где их допустили Плетнев и другие издатели Пушкина. Но если таким образом всё равно нельзя уйти от "неорфографических" написаний, то не проще ли и не сообразнее ли с целями издания воспроизводить такие написания по Пушкину, а не по Плетневу? В. И. Чернышев далее упрекает редакцию академического издания

В. И. Чернышев далее упрекает редакцию академического издания за то, что она заменяет букву е после шипящих и и под ударением буквой о, отступая в этом от орфографической системы пушкинского времени. Однако и в данном отношении "система" является не менее призрачной. Ср. в "Стихотворениях" 1829 г. пошоль (І, 180), лицо (ІІ, 55), кольцо (ІІ, 55), кружокь (ІІ, 167), горшокь (ІІ, 108), при: лице (І, 96), пошель (ІІ, 116) и т. д. Ср. в "Повестях" по изд. 1834 г. дьячекь (104), пятачекь (115), но облучокь (104), рожокь (130), трещотками (140). Именно такие колебания, такое отсутствие последовательности и характерны для русской орфографии в начале XIX века. Из бесконечного ряда примеров, которыми можно было бы подкрепить это положение, приведу один, особенно интересный по своей наглядности: именно, в стих. Державина 1808 г. (ч. ІІІ, стр. 152) рядом напечатаны две такие

¹ То же написание в тех же случаях и в издании 1831 г.

строчки: "И жоны съ нами куликаютъ" и "И женъ ужъ съ нами разлучаютъ".

В. И. Чернышев с упреком по адресу редакции академического издания указывает, что написанию возьми, сохраненному в этом издании (т. VI. стр. 49), в печатных текстах соответствует возми. Действительно, так, с отсутствием мягкого знака, печатались подобные слова в пушкинское время довольно часто. Но всё же и в "Стихотворениях" 1829 г. находим возьму (II, 171). Нарушением строгой орфографии пушкинского времени, отразившейся в печатных изданиях, В. И. Чернышев считает также воспроизводимые академическим изданием по пушкинским рукописям написания, вроде изъясняться, объяты и т. п. Но если это и "нарушение", то у академического издания есть очень старые предшественники в таком преступлении. Ср. в "Стихотворениях" 1829 г., в первой книжке изъясняетъ (133), подъяты (105), подъемлетъ (51), обьятіяхъ (50, 96), подывхаль (145), во второй книжке: всеобыемлющей (84), и лишь, в виде редкого исключения, объятія (112). Да ведь и сам В. И. Чернышев говорит о колебаниях печатных изданий в данной категории случаев. Что же считать здесь системой? Вернее, что же это за система, которая самым прихотливым образом меняет свое существо, от издания к изданию? Укажу еще на такие написания "Стихотворений" 1829 г., как робята (II, 114), разосланъ (II, 115), свиснулъ (II, 161) тросникъ (I, 125), позняго (I, 67), подъ устуы (I, 148; так во всех печатных изданиях сочинений Пушкина, очевидно понимавшего это слово как производное от уста) и т. п., которые также вряд ли подходят под категорию "грамматических", но которые тем не менее находили себе свободный доступ на страницы изданий, приготовлявшихся к печати профессиональным словесником и грамотеем Плетневым.

Много места занимает в статье В. И. Чернышева вопрос о безударном окончании -ой, в им.-вин. п. ед. ч. придагательных и местоимений мужск. рода. Этот вопрос в свое время долго и оживленно обсуждался в редакторском коллективе юбилейного издания, в период подготовки к нему конференции, ему предшествовавшей, и выработки орфографической инструкции. В результате этого обсуждения редакторский коллектив постановил не воспроизводить этого написания (за исключением положения после г, к, х, где оно свидетельствует о твердом, а не мягком произношении этих согласных), так как в правописании Пушкина в этом отношении невозможно установить никакой последовательности: написания -ый и -ой в этой категории чередуются у Пушкина без всякой системы, а потому это чередование имеет чисто орфографический интерес и не отражает никаких ни звуковых, ни грамматических, ни стилистических особенностей языка Пушкина, а современного читателя часто сбивает с толку омонимичными написаниями (ой в им. мужск. р. и в косвенных падежах женск. рода прилагательных), без всякой пользы для дела. Те члены редакторского коллектива, которые возражали против этого

решения, настаивади на том, что как раз в стилистическом отношении есть существенная разница между написаниями -ый и -ой. Опираясь на грамматики и иные учебные пособия того времени, эти члены редакции утверждали, что окончанию -ый принадлежало значение так называемого "высокого" слога, а окончанию -ой — "низкого". Однако живая практика языка пушкинской эпохи не имеет ничего общего с этим искусственным, школьным делением речи на "слоги". Достаточно привести хотя бы несколько примеров из того же издания "Стихотворений" 1829 г., чтобы сразу же стала очевидной полная несостоятельность этой стилистической теории. Здесь, например, мы находим тихій взорь (І, 20), но тихой глась (І, 21). Здесь находим шестикрыдой серафимъ (II, 73), гръшной языкъ (II, 74), празднословной языкъ (ib.) все книжные, церковнославянские слова, которыми, как известно, изобилует "Пророк", и все с окончанием -ой, притом не в рифмах, а в середине стихотворной строки. В этом издании находим далее мърной кругъ (II, 77), но там же и мърный кругъ (II, 121). Любопытен пример:

> Для нихъ и слъдъ колесъ, въ грязи напечатлънной, Есть нъкій цамятникъ почетный и священной (I, 8),

где, без всякого давления со стороны рифмы, окончание -ой в слове священной резко дисгармонирует с окончанием -ый в слове почетный. Уже давно издательская практика (см. хотя бы издание П. О. Морозова) вступила на путь устранения подобных написаний, и академическое издание в данном отношении следует лишь опыту своих предшественников. Ср., с другой стороны, окончание -ый, даже под ударением, в таких случаях, как смышный (I, 24), круговый (I, 74), родный (II, 147), худый (1, 75), всё вопреки автографам. Но тот же Плетнев в издании "Бориса Годунова" 1831 г. меняет ярко выразительные слова Пимена златый, святый (как в пушкинском автографе) на златой, святой! Ясно, что у Плетнева в данном отношении "системы" не больше, чем у Пушкина, но очень часто случается, что там, где у Пушкина -ой, у Плетнева встречаем -ый и наоборот. Отсюда и проистекает то смущающее В. И. Чернышева обстоятельство, что в юбилейном издании в отношении данной категории написаний встречаются несовпадения с печатными текстами. Как и в прочих случаях, юбилейное издание предпочитает пушкинский разнобой в орфографии разнобою его издателей и корректоров. Что касается случаев узкий, французский ("Евгений Онегин", гл. II, 33), то В. И. Чернышев невнимательно читал варианты академического издания: в отделе вариантов ясно указано, что написания узкой, французской принадлежат первому, а не второму автографу II главы, а именно второй автограф. как более поздний, является основой текста этой главы в юбилейном издании.

Но в пользу удержания написаний -ой высказывалось и другое соображение, к которому примыкает и В. И. Чернышев. Именно, подчерки-

валось значение этого написания в случаях глазной рифмы. Действительно, принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение. Есть писатели, которые строго следовали этому принципу и в своих рукописях. Таков, повидимому, Баратынский. Но Пушкину стремление к глазной рифме всегда было чуждо, и чистовые рукописи его не оставляют в этом отношении никакого сомнения. Так, например, в чистовой рукописи "Бахчисарайского Фонтана" (№ 2369, л. 3 об.) читаем:

Когда въ часъ утра безмятежный Въ горахъ, дорогою прибрежной

и т. д. Более того, Пушкин даже прямо формулировал свое отрицательное отношение к принципу глазной рифмы. В статье о стихотворениях Делорма — Сент-Бёва (1831) Пушкин писал: "Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение и в том и другом случае одинаково?" Для Пушкина, таким образом, рифма заключалась в гармонии звуков, а не в тожестве букв. Нужно ли доказывать, что такое отношение Пушкина к принципу глазной рифмы было глубоко прогрессивно, что в нем отразился тот общий отказ от условностей старого поэтического языка, который так карактерен для Пушкина, как реформатора русской поэзии? Неужели же юбилейное издание сочинений Пушкина только в том случае правильно выполнило бы свой долг перед наукой и перед памятью Пушкина, если бы оно стало превращать Пушкина в дюжинного представителя своей "эпохи" и маскировать те противоречия, которые существовали между Пушкиным и его временем? Неужели В. И. Чернышев в самом деле готов серьезно отстаивать ту мысль, что подлинный Пушкин это тот, который целиком совпадает с господствующими обычаями его времени, и что от современного читателя нужно скрывать всё, в чем Пушкин был выше, умнее и дальновиднее составителей гоамматик и корректорских правил начала XIX в.? Но ведь именно такое заключение, хочет этого В. И. Чернышев или нет, объективно вытекает из его жалоб на устранение "очевидных" рифм Пушкина в академическом издании. Замечу еще для полноты, что отступления, правда не частые, от принципа глазной рифмы попадаются и в печатных изданиях пушкинских текстов; например, в "Стихотворениях" 1829 г. встречаем: осужденный — вселенной (I, 118), крутаго — снова (II, 151), слова — люба о (II, 116). младаго — снова (II, 153). Всё это рифмы, конечно, не "очевидные", но вполне безупречные. В случае песень — тесень (II, 167) Плетнев, заменив пушкинское написание пъсенъ 1 на пъсень, нарушил не только глазную,

¹ Вопреки В. И. Чернышеву, такое написание было вполне "грамматичным" для пушкинского времени. Ср. академическую "Российскую грамматику" (3-е изд., 1819, стр. 46). Ср. постоянные пушкинские написания вроде барышень (так, например, и в печатных "Повестях" 1834 г., стр. 150).

но и звуковую рифму, заставив Пушкина, вопреки его языковому инстинкту, рифмовать μ мягкое с μ твердым.

Такой же орфографический разнобой, иногда более, иногда менее сильный, находим и в других прижизненных печатных изданиях пушкинских текстов. Очень любопытно в этом отношении издание "Поэм и повестей" 1835 г., в двух частях. Вот несколько примеров из второй части этого издания: объятіяхъ (101), но объятіяхъ (85), возмите (119), но возьмешь (177), близъ (111), но близь (119), ужь (5), но ужъ (103), любишь (111), но на той же странице носишь (это не опечатка, ср. на стр. 108 бъжищъ, помнишъ, хитришъ). Ср. в том же издании в тексте "Полтавы" оставшиеся невыправленными подлинные пушкинские написания: разгоралась (88; а не разгоралась, как следовало бы по мнению В. И. Чернышева), содрогаясь (121; а не содрагаясь), и даже слогаль (86), слогають (98), т. е. написания, за которые юбилейному изданию особенно сильно достается от В. И. Чернышева. Не знаю, убедят ли В. И. Чернышева эти факты в том, что o вм. a в длительно-итеративных глаголах с долгой ступенью корня в русской орфографии существовало и до Грота ("выходит, — говорит В: И. Чернышев, — будто Пушкин писал по Гроту рождает"), но факты остаются фактами. Ср. еще разгорались в "Братьях-Разбойниках" (изд. 1827, стр. 10 и изд. 1835 г., ч. II, стр. 6). Должны быть приняты во внимание также и написания типа уровняль ("Повести", 1834, стр. 18). Ср. рождать, рождаться в "Словаре Академии Российской" (VI, стб. 1056), т. е. уже не у Пушкина, а в образцовом лексикологическом труде пушкинской эпохи. Ср. еще содрогается у Карамзина (соч. 1820 г., IV, стр. 43). Но для этой категории фактов примеры, противоречащие утверждениям В. И. Чернышева, могут быть приведены и из гораздо более раннего времени. См. у Ломоносова: рождается (Сухомлинов; І, 192) при раждаешь (І, 209); ср. у Сумарокова рождають (т. VII, 1787, стр. 8), ср. не пологаяся в первом изд. "Россияды" Хераскова (1779), содрогала в стих. Державина (1808, III, стр. 3) и мн. др. Ясное дело, что Грот здесь совершенно не при чем. Ведь если В. И. Чернышев не для одной только красоты слога говорит о том, что Пушкин "чутко угадывал" развитие русского правописания, то в обычных для него написаниях типа рождать этот тезис мог бы найти себе наилучшее подтверждение. Что же до пушкинских написаний, вроде слогать, то здесь Пушкин был очевидно только более последователен, чем мы, так как в современной орфографии написания слагать, касаться, макать являются лишь досадными пережитками, нарушающими общую систему. Возвращаясь к "Поэмам и повестям" 1835 г., отметим во второй части этого издания еще следующие противоречия. В тексте "Полтавы" слово "русский" и производные всегда пишутся с одним с, но на стр. 170 ("Домик в Коломне") дважды находим Русская. Слово "телега" пишется то через в во втором слоге (127, 167), то, как считал (ошибочно) нужным писать Пушкин, через е (121, 127). Для вопроса о значении упоминавшегося уже окончания -ой

в им.-вин. ед. мужск. р. прил. и местоим. следует учесть такие случаи: схваткъ смълой — опьянълый (138; без глазной рифмы), безумный — приступъ шумной (155; с нарушением глазной рифмы уже без всякой надобности).

Отдельные издания сочинений Пушкина в разной мере подвергались орфографической правке, в зависимости от частных обстоятельств, в рассмотрение которых сейчас входить нет возможности. Но иногда эта неравномерность исправлений в тексте Пушкина заметна даже внутри одного печатного издания. Чрезвычайно любопытны орфографические разночтения, которые мы встречаем в первопечатном тексте "Капитанской Дочки" ("Современник", 1836, т. IV). Здесь находим изъ за стола (77). но изо стола (117; в рукописи в обоих случаях одинаково изо стола), Савельичь (49), но Савельичь (145 bis), лице (63, 150), но лицо (145), помощь (174), но помочь (64), покаместь (50, 151), но покаместь (106), солдать (108, 111), но салдата (106), старичекъ (152, 166), но старичокъ (71), мужичокъ (59) и т. д. Разумеется совершенно не подходят под понятие "грамматических" написаний, устанавливаемое В. И. Чернышевым, такие случаи, как голунами (124), устуы (121), вытрехнуль (153), льсть (т. е. лезть; 49), четверинкахъ (49), раскаится (95), между ими (121), около его (194) и т. д. — но все эти написания, как и большинство инкриминируемых академическому изданию В. И. Чернышевым, преспокойно существуют в печатной книге 1836 г. и никакими софизмами об "орфографической системе" и о том, что подлинные написания Пушкина нужно искать не у Пушкина, а в каком-то другом месте, этих простых и ясных фактов устранить нельзя. Впрочем, было время, когда и сам В. И. Чернышев смотрел на вещи иначе. В выпуске VIII сборника "Пушкин и его современники" (1908, стр. 32) В. И. Чернышев жаловался, что пушкинисты того времени не сохраняют в редактируемых ими текстах Пушкина форм, "отличающих русское просторечие", вроде поздо, оказать помочь, встали изо стола и т. п. "Редакторы, — писал там В. И. Чернышев, — не стеснялись исправлять Пушкина, надагая на него краски нашего времени, подменяя его архаизмы и провинциализмы. переделывая своеобразные обороты его богатого и капризного языка на [более общие и привычные нам". От нынешнего академического издания В. И. Чернышев требует как раз того, в чем он тридцать лет назад упрекам Морозова или Ефремова, именно, чтобы оно не сохраняло таких просторечных форм, как помочь, изо стола и т. п. По случайным обстоятельствам ("стиль рассказчика-простеца", на который ссылается в данном случае В. И. Чернышев в упомянутой статье, здесь совершенно не при чем — Пушкин постоянно так писал) в печатном тексте "Капитанской Дочки" уцелело один раз изо стола, помочь. Ну, а если бы и эти случан оказались исправленными, как их обычно правили друзья и корректоры Пушкина? Так как по рукописям Пушкина орфографию его сочинений устанавливать якобы недьзя, то очевидно "своеобразные обороты" "богатого и капризного языка" Пушкина так и пропали бы навсегда для потомства! Поистине, более чем странная логика.

Для того, чтобы поколебать тезис В. И. Чернышева о строгой последовательности и общеобязательности орфографии пушкинского времени, тезис, кстати сказать, высказываемый им с удивительным догматизмом и не подкрепляемый точными ссылками на реальные факты истории письма и языка, приведенных немногих примеров орфографического разнобоя и "неграмматических" написаний в первопечатных пушкинских текстах вполне достаточно. Ограничусь еще несколькими примерами того, что осуждаемые В. И. Чернышевым "неграмматические" и "неорфографические" написания достаточно широко распространены в печатных текстах пушкинской эпохи, причем в одних и тех же произведениях, от издания к изданию, то "неграмматические" написания заменяются "грамматическими", то, наоборот, "грамматические" - "неграмматическими". Так, например, сравнение разных изданий "Бахчисарайского Фонтана", обозначенных в академическом издании $\mathcal{B}\mathcal{O}_1$ (1824), $\mathcal{B}\mathcal{O}_2$ (1827), $\mathcal{E}\Phi_3$ (1830) и ПП (1835), дает такую картину: стих 151 — поцелуй в $\mathcal{B}\mathcal{O}_{1}$, $\mathcal{B}\mathcal{O}_{2}$ и $\Pi\Pi$, но поцалуй в $\mathcal{B}\mathcal{O}_{3}$; стих 201 и 484— селы в $\mathcal{B}\mathcal{O}_{1}$, но села в остальных; стих 28 — кругомь его в $E\mathcal{O}_1$ и кругом него в остальных (ср. вокруг его в "Братьях-Разбойниках" в изд. 1827, 6 и 1835, 2); святой в $\mathcal{B}\mathcal{Q}_1$ и святый в остальных. При этом автограф всегда совпадает с БФ, т. е. с изданием, вышедшим в Москве при посредстве Вяземского, который был свободен от орфографического педантизма Плетнева. В изданиях, выходивших без посредства Плетнева, вообще чаще встречаем невыправленные пушкинские написания. Ср., например: пъсенъ (не пъсень!) в "Цыганах" по изд. 1827 г., стихи 188 и 268. Первому из этих случаев в первопечатном тексте "Северных Цветов" на 1826 г. соответствует пъсень, но в изд. 1835 г. в данном случае сохранено правильное пушкинское написание пъсенъ; во втором случае и в изд. 1835 г. поправлено пъсень. Снова таким образом получаем вывод, который для В. И. Чернышева должен звучать истинным парадоксом: оказывается, в рукописной орфографии Пушкина можно найти больше последовательности, чем в хваленых первопечатных изданиях, с их якобы строгой системой правописания! В. И. Чернышев считает, что академическое издание не должно было восстанавливать мягкий знак в слове тьма и его разных формах. Но помимо того, что говорилось уже выше на эту тему, мы находим, например, во тьмв в первопечатном тексте "Моцарта и Сальери".1 Столь же предосудительным представляется В. И. Чернышеву восстановление мягкого знака в слове осымнадцать, но именно такое написание находим, например, в "Моцарте и Сальери" ("Северные Цветы", стр. 25), в "Капитанской Дочке" ("Современник", стр. 75), в "Повестях" 1834 г., стр. 74. Это, разумеется, вовсе не лишает документальной

^{1 &}quot;Северные Цветы" на 1832 г., стр. 170. — Ср. в той же книжке (стр. 135) заглавие стихотворения Трилунного "Тьма".

силы тех написаний этого слова без мягкого знака, которые приведены В. И. Чернышевым из других печатных изданий. Но в том-то и дело, что искать строгого орфографического единообразия в печатных книгах пушкинской поры можно только при совершенно предвзятом к ним отношении, чрезвычайно ярко демонстрируемом всей статьей В. И. Чернышева.

Какой же итог нашего небольшого обзора первопечатных пушкинских текстов, предпринятого нами по инициативе В. И. Чернышева? Итог, мне кажется, вовсе не утешительный для основных положений его статьи. В. И. Чернышев не пожедал считаться с принципом, которым руководится редакторский коллектив академического издания и который заключается в том, что в основу издания, долженствующего дать подлинный текст Пушкина, кладутся подлинные автографы. Рукописей Пущкина В. И. Чернышев не знает, и не хочет знать, — написания, восходящие к пушкинским рукописям кажутся ему сочиненными "неизвестно кем" и "неизвестно почему". Я старался встать на точку зрения В. И. Чернышева и по его совету заглянул в первопечатные издания, в которых якобы обретается спасительная и безупречная орфографическая "система" Впрочем, В. И. Чернышев может быть уверен в том, что и без того редакторы академического издания сочинений Пушкина частенько заглядывают в первопечатные тексты, причем все эти тексты у них всегда имеются "под руками". Во всяком случае, оказывается, что спасительной "системы" на деле вовсе не существует, что она вся состоит изисключений. Таким образом В. И. Чернышев, не зная пушкинских рукописей, оказывается, в очень недостаточной степени знает и печатные издания, так как освещает состояние орфографии в печатных первоисточниках очень неточно, неполно и односторонне. Никто не виноват, если при таком положении дела от всей аргументации В. И. Чернышева остается один только дым и пепел.

Нуждаются еще, однако, в отдельном разборе некоторые частные положения статьи В. И. Чернышева, неправильность которых в недостаточной степени выясняется из сказанного до сих пор. Сюда относится прежде всего его положение об эволюции орфографии Пушкина... В. И. Чернышев утверждает, что "личная орфография Пушкина... находилась в процессе последовательного движения от свободных непреодоленных привычек юности (письма по произношению) к сближению с существующими нормами печатного языка", что "в своем направлении и окончательном итоге орфография Пушкина слилась с орфографией его эпохи". Историческая и методологическая неправомерность такого отделения "личной" орфографии Пушкина от орфографии "его эпохи" уже разъяснялась выше. С нашей точки зрения орфография Пушкина и есть орфография его эпохи, во всяком случае в число слагаемых, которые дают в сумме орфографию пушкинской эпохи, входит непременно и так называемая личная, а на самом деле вовсе не личная, орфография

Пушкина. Что же касается эволюции русской орфографии в течение первой трети XIX в., то ее конкретные явления до сих пор изучены весьма недостаточно, и решать этот большой и сложный вопрос в виде попутных замечаний, как это делает В. И. Чернышев, по меньшей мере было бы сейчас преждевременным. Нельзя снова с огорчением не отметить того доктринерского и догматического тона, которым говорит об эволюции орфографии Пушкина В. И. Чернышев, в то же время каждым словом своей статьи обнаруживающий явное нежелание считаться с первоисточниками этой орфографии, т. е. с рукописями поэта. Из того "большого материала", на который, судя по его словам, опирается в данном случае В. И. Чернышев, нам во всяком случае не показано ровным счетом ничего, а нигилистическое отношение В. И. Чернышева к пушкинским автографам дает право вообще поставить под сомнение самое существование этого "материала". Я вовсе не хочу сказать, будто на самом деле орфография Пушкина и его эпохи не переживала никакой эволюции. Но я считаю, что это можно утверждать только с ясными и недвусмысленными фактами в руках, извлеченными из первоисточников, т. е. из рукописей; а сверх того я горячо протестую против самой постановки этого вопроса, какую предлагает В. И. Чернышев. Ни один человек. сколько-нибудь знакомый с фактами языка и орфографии пушкинского времени, не решится утверждать, будто дело обстояло так, что в момент рождения Пушкина существовала какая-то законченная и устойчивая система орфографии, известная всем типографам, но почему-то неусвоенная одним только Пушкиным, избравшим себе взамен какую-то особую "личную" орфографию, но к концу жизни сумевшим в конце концов одолеть эту премудрость и "слить" с ней свою "собственную" орфографию. Всё это просто похоже на анекдот. Не решая здесь всего вопроса в целом, я приведу только несколько примеров из двух беловых автографов "Медного Всадника" (№ 2375 и № 2376 Б), с целью показать, что и в зредом периоде творчества Пушкина его орфография сохраняла во многих случаях типичную для всей эпохи неустойчивость и вовсе не была чужда тех "неорфографических" написаний, воспроизведение которых в академическом издании В. И. Чернышев считает грехом этого издания, отрицая вопреки очевидности наличие таких написаний в печатных книгах того времени. Вот эти примеры (первыми указываются листы рукописи № 2375, вторыми — рукописи № 2376 Б). В обеих рукописях читаем: рыбаловъ (3 об. и 23 об.), ласкутья (4 об. и 25), калпакъ (43 об. и 38 об.); в обеих рукописях читаем верьхом (9 и 29 об.); в обеих рукописях читаем бревны (8 об. и 28 об.), но написанию в первой рукописи (45 об.) во второй рукописи соответствует ворота (4 об.), зато в обеих рукописях копытa (9 и 37 об.). Далее читаем в первой рукописи: тьмы (3 об.), тьму (40), во тме (44 об.), во второй рукописи соответственно: тьмы (23 об.), тму (24 об.), во тме (36 об.). В первой рукописи: убогаго (3 об.), во второй — убогова

(не в рифме! 23). В обеих рукописях встречаем о после шипящих и и под ударением: горшокъ (7 об. и 27 об.), крыльцомъ (9 об. и 29 об.). но концевъ (4 и 24). Далее в первой рукописи встречаем: русской (5), но финскій (3 об.). (Так же это слово во второй рукописи, 23 об.) Любопытной чертой орфографии обеих рукописей (хронологически почти одновременных) является вполне последовательная замена окончаний -ой первой рукописи в указывавшихся выше катдгориях на окончания -ый во второй рукописи. Ср. малой (10), запоздалой (10), чугунной (4), безлунной (4 об.), нещастной (45), отважной (8), важной (8), обуянной (43), чудотворной (43), мьдной (43 об.) — в первой рукописи, а во второй: малый (39), запоздалый (39), чугунный (24), безлунный (24 об.), нещастный (34), отважный (35), важный (35 об.), обуянный (38), чудотворный (38), мьдный (38). Но и в первой рукописи есть немало прилагательных и причастий с окончанием -ый в данных случаях. Интересно еще отметить, что написания второй рукописи чудотворный и мъдный, рифмующие с прилагательным женск. рода черной и бледной, нарушают принцип глазной рифмы. Не становится яснее мысль В. И. Чернышева о "слиянии" орфографии Пушкина с орфографией его эпохи и в свете таких данных из эпистолярных текстов Пушкина 1836 г. как постоянное покамъсть (см. по изд. Саитова, т. III, 326, 330, 350, 451), при котором не исключается, однако, и покамъстъ (306), таких написаний, как: отъ Евпраксіи Николаевнв (299), Сталыпина (315), Ложечниковъ (429), косательно (278), зависить (инф., 356), вы пишите (наст.; 343), как постоянное цалую (316, 314) и мн. др., но в то же время: поцеловать (через е; 237), как душою (316) при отцемъ (331), щастіе (333) при счастіе (343), ценсурный (326) при цен*зу*ра (343) и мн. др.

Таковы факты. Из них нельзя пока сделать никакого определенного вывода, но их, во всяком случае, достаточно для того, чтобы усомниться в истинности теории В. И. Чернышева о "слиянии" орфографии Пушкина и орфографии его эпохи. Но как бы ни эволюционировала орфография Пушкина, важнее всего, я думаю, подчеркнуть, что самое простое и верное средство отразить в издании сочинений Пушкина ее эволюцию— это воспроизводить тексты Пушкина в подлинных написаниях, засвидетельствованных рукописными первоисточниками.

Другое частное положение статьи В. И. Чернышева, которое я считаю необходимым опровергнуть, касается "поэтических вольностей", которыми будто бы только и могут быть оправданы такие пушкинские написания, как, например, селы, окны и т. п. В. И. Чернышев утверждает, будто окончание -ы в им.-вин. мн. слов ср. рода в пушкинскую эпоху "допускала только поэзия и исключительно в рифмах". Это утверждение В. И. Чернышева, высказанное всё в той же аподиктической форме, решительно противоречит действительному положению вещей. В этом утверждении верно только то, что грамматическая теория действительно считала окончание -ы в данной категории неправильным. Но столь же

несомненно и то, что русские писатели (особенно москвичи по рождению или месту постоянного жительства) вплоть до второй половины XIX в. очень мало считались с этой теорией. Написания типа окны, блюды и т. п. в изобилии встречаются как в рукописных, так — правда, реже — и в печатных источниках пушкинской эпохи. В печатных прижизненных изданиях сочинений самого Пушкина такие написания встречаются довольно редко, хотя сам Пушкин сохранял их в своей практике всю жизнь, разумеется, без строгой последовательности. Такие написания настойчиво устранялись из пушкинских изданий редакторами и корректорами, особенно Плетневым, профессиональным педагогом и не-москвичом. Но всё же и в этих изданиях такие написания существуют, при чем как в стихотворных, так и в прозаических текстах. Выше я уже приводил пример из "Бахчисарайского Фонтана" по изд. 1824 г., где читаем: "Уныли селы и дубравы", "И селы мирныя Россіи" (как видит читатель, рифма тут не при чем). Но даже и в плетневских изданиях иногда такие подлинные написания Пушкина сохранялись, например, во всех изданиях "Евгения Онегина" в первой строфе "Путешествия Онегина" читаем "Поддвльны вины европеець". Ср. бвлилы дважды в "Повестях" (по изд. 1831, стр. 174 и 175 и по изд. 1834, стр. 148 и 149 в тексте "Барышни-крестьянки"). Очевидно, так всё же можно было печатать, хотя это и было, по мнению В. И. Чернышева, "неграмотным". Пусть В. И. Чернышев утешает себя тем, что это редкие случаи, проникшие в печать "контрабандой". Но всякий истинный филолог, я думаю, согласится со мною, если я скажу, что такая "контрабанда" является гораздо более ценным историческим свидетельством, чем все вместе взятые канцелярские распоряжения академий и грамматик. Вот несколько примеров из "Писем русского путешественника" Карамзина по изд. 1820 г. — имя автора является достаточной гарантией того, что для читателей 1820 и последующих годов эти написания были в меру "грамотными" и в то же время не имели ничего общего с "поэтической вольностью": вороты (II, 16), но и ворота (IV, 34), яйцы (II, 21), румяны (II, 90), креслы (IV, 151) и т. д. Немало таких примеров из писателей XVIII и XIX в., вплоть до Гоголя, указано в известном "Очерке истории современного литературного русского языка" Е. Ф. Будде (1908, стр. 89).1

Необходимо теперь сказать еще несколько слов о пунктуации. Я уже приводил в начале своего ответа В. И. Чернышеву несколько примеров, показывающих, что все недоумения В. И. Чернышева в отношении пунктуации ведут, как правило, к пушкинским автографам. Именно в пушкинских автографах нужно искать ответа на вопрос о том, кто, почему и когда поставил тот, а не иной знак препинания. Да и в области пунктуации академическое издание придерживается общего пра-

¹ Ср. еще указания на историю этой формы в "Именном склонении" С. П. Обнорского, в "Очерках" В. В. Виноградова и др.

486 грибуна

вила, согласно которому в основу издания кладутся подлинные автографы. Надо сказать, что в отношении пунктуации расхождения между пушкинскими автографами и печатными изданиями иногда достигают гигантских размеров. Своевольная расстановка знаков в прижизненных изданиях сочинений Пушкина иногда делает подлинную пушкинскую пунктуацию просто неузнаваемой. Между тем подлинная пунктуация писателя, особенно же - поэта, имеет выдающееся значение для правильного понимания всего строя его речи. Напомню здесь прекрасные слова, сказанные по этому поводу В. И. Чернышевым в 1908 г.: "Конечно, неудачность пушкинской пунктуации во многих случаях является лишь кажущеюся. Несомненно, что его знаки препинания часто обозначают не только разделение синтаксических частей, как это принято в нашем письме, но также паузы и интонацию живой речи. В этом отношении пунктуация Пушкина дает чрезвычайно важные показания особенностей русского произношения и приемов наиболее выразительного чтения данного текста. С этих точек зрения пунктуация Пушкина нуждается не в исправлении, а в самом внимательном изучении". В этой совершенно правильной постановке вопроса о пунктуации с точки зрения задач критики текста нехватает только указания на то, что подлинная пунктуация Пушкина ни в малой мере не отражается первопечатными изданиями его сочинений.

Приведем один пример характерного искажения пунктуации Пушкина в прижизненных изданиях. Традиционно, именно на основе прижизненных изданий, печаталось до недавего времени в первой строфе II главы "Евгения Онегина" следующее:

Мелькали села здесь и там, Стада бродили по лугам,

т. е. слова "эдесь и там" отнесены к предложению "мелькали села" На естественность этой пунктуации уже обращалось вниманиев печати. А именно Ю. Н. Щербачев, обследовав копию этой главы "Онегина" сделанную Кавериным, обратил внимание на то, что в этой копии знаки препинания стоят иначе:

Мелькали села: здесь и там Стада бродили по лугам,

и писал: "В самом деле слова «здесь и там» казалось бы более подходят к чему-то подвижному, как стада, чем к предметам неподвижным, как села. У Пушкина находим и в другом месте точку с запятой в середине стиха перед словами «здесь и там»:

Глядить и площадь запестрела. Всё оживилось; здесь и там Бегут за делом и без дела..."

^{1 &}quot;Пушкин и его современники", вып. V, 1907, етр. 132.

² "Приятели Пушкина Миханл Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин" М., 1913, стр. 156.

И вот, по проверке, во всех трех автографах главы, из которых два беловых, мы имеем пунктуацию аналогичную копии Каверина. Неужели же издание этой главы, печатавшейся без наблюдений Пушкина, перевешивает свидетельство трех автографов? А при таком положении дела слепо полагаться на пунктуацию изданий невозможно.

По существу, издатели сочинений Пушкина при его жизни делали как раз ту ошибку, на которую указывает В. И. Чернышев в приведенных выше замечаниях. Но решительно ни на чем не основано теперешнее заявление В. И. Чернышева, не проверявщего текст Пушкина по рукописям и вообще принципиально отожествляющего текст Пушкина с текстом первопечатных изданий, будто юбилейное издание "позволяет себе устанавливать собственную пунктуацию в тексте Это просто неправда. Возможно, что в отдельных случаях в юбилейном издании допущены те или иные частные ошибки в воспроизведении пушкинской пунктуации, — но эти ошибки могут быть установлены только путем сличения этого издания с его первоисточниками, т. е. с автографами Пушкина. Я думаю, что с пунктуацией в академическом издании и в самом деле не всё благополучно, но только совсем не в том отношении, как это кажется В. И. Чернышеву. Дело в том, что абсолютно точное воспроизведение знаков препинания по автографам, даже беловым и парадным, в иных случаях оказывается затруднительным. Отсутствие того или иного знака препинания в рукописи не всегда можно принимать за реальное, положительное выражение интонационного или смыслового движения речи. Это может быть результатом простой недописки, недостаточного внимания поэта к данной стороне дела и т. п. Поэтому порою возникает необходимость восполнять знаки автографа, -- именно там, где отсутствие абсолютно необходимого знака создает затруднения для понимания текста и его легкого усвоения. Самый естественный источник этого восполнения — параллельные рукописи и печатные издания, так что, издавая текст по одной рукописи, некоторые знаки препинания редактор принужден бывает брать из другой рукописи или печатной книги. Нельзя поручиться, что эта трудная и тонкая работа, требующая большого такта и осмотрительности, во всех случаях осуществлена в издании безукоризненно. С этой стороны академическое издание требует еще тщательной проверки, в результате которой можно предвидеть определенные практические пожелания относительно улучшения текста Пушкина со стороны пунктуации.

Да ведь и вообще я вовсе не хочу сказать, будто в академическом издании в отношении текста Пушкина всё обстоит настолько безупречно, что в нем нельзя отыскать ни одной ошибки. Отдельные ошибки, конечно, есть, да их и не может не быть в таком большом и сложном деле. Безусловной и грубой ошибкой в тексте "Бориса Годунова" является, например, выбор первоначального рукописного чтения "Мазурки гром не подзывает нас" вместо позднейшего печатного "Музыки гром не при-

зывает нас". Мазурка для начала XVII в., действительно, есть явный анахронизм, как справедливо указывает В. И. Чернышев, и ясно, что чтение печатного текста является не случайным искажением рукописного чтения, а сознательной поправкой Пушкина, сделанной после того, как он заметил этот анахронизм. На ляпсус, допущенный в отношении данного места пушкинской трагедии мною, как редактором ее текста в академическом издании, первым указал еще в 1936 г. Д. Д. Благой в упоминавшейся выше рецензии. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, я успел исправить эту ошибку в вышедшем (пока в ограниченном тираже) в начале 1937 г. втором издании VII тома (стр. 56) и таким образом этот вопрос можно теперь считать уже принадлежащим истории. Возможно, что слишком "смелой" для академического издания является конъектура, предложенная мною для известного места "Сцены у Фонтана", именно чтение девочке вм. девочки в стихах:

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем, Как девочке доверчивой и слабой, Тщеславное мне сердце умилить.

Но если это и ошибка, то не научная, а разве только — тактическая, потому что не может быть абсолютно никаких сомнений в том, что здесь падеж дательный (мне сердце умилиты), а не родительный, а неожиданные поучения В. И. Чернышева насчет того, что по-русски можно сказать не только "умилить сердце девочке", но также "умилить сердце девочки" просто поражают своей неуместностью. Возможно, что в тексте академического издания найдутся и некоторые другие частные промахи, — не представляю себе, как могло бы быть иначе. Я хотел бы, между прочим, указать на совершенно правильные рассуждения В. И. Чернышева относительно необходимости строго соблюдать пушкинские раз-

¹ Указание на обе эти ошибки академического текста "Бориса Годунова" повторено и Б. П. Городецким в т. 4-5 "Временника Пушкинской Комиссии". По недосмотру, Б. П. Городецкий указывает, будто в академическом издании повторено контаминированное чтение Морозова: "Мазурки гром не призывает нас", на самом деле в первом издании академического текста точно воспроизведено рукописное чтение "Мазурки гром не подвывает нас", — а во втором издании вся строка дана по печатному изд 1831 г., т. е. "Музыки гром не призывает нас". Что касается контроверзы по поводу чтений девочки — девочке, то аргументация Б. П. Городецкого, исходящая из понимания данного слова, как формы род., а не дат. падежа, мне кажется совсем неприемлемой. У меня создается впечатление, что возникающие кривотолки в понимании данного места оправдывают даже и с тактической стороны "смелую" конъектуру академического издания, продиктованную исключительно лишь желанием не давать повода к "мудрствованию лукавому" при чтении простого и кристально ясного пушкинского текста. Не могу также согласиться с Б. П. Городецким, будто слова "Что ж ты не подтягиваешь" и т. п. являются репликой Мисаила, а не Варлаама: мне кажется, что рукопись "Бориса Годунова" недвусмысленно противоречит такому пониманию. Вообще же пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность Б. П. Городецкому за его благожелательную критику, в которой я нахожу и ряд полезных указаний.

дельные и слитные написания, однако, добавлю от себя, опять-таки не по печатным изданиям, а по рукописям. Нечего и говорить о том. что и в этой области разнобой как в рукописных, так и в печатных источниках велик. Ср., например, в "Повестях" 1834 г. нельзя (47), при не льзя (Х, 110) и т. п. На некоторые упущения в первоочередных томах академического издания в данном отношении уже обращено внимание и последующие томы вероятно будут более строго держаться первоисточников в данном пункте. Что касается восстановленных в тексте "Бориса Годунова" первоначальных рукописных чтений изуменом и изумену вместо поправленных Пушкиным в печати по чьему-то неудачному совету изумном и изумну, то я продолжаю настанвать на правильности решения этого вопроса в академическом издании (того же мнения держится Д. Д. Благой) и после критики В. И. Чернышева. Его справки по истории употребления основы игуми-, сами по себе очень ценные, не имеют прямого отношения к вопросу, потому что ведь и В. И. Чернышев не хочет ими доказать, будто в пушкинское время невозможно было игименом, изумену, да и я никогда не утверждал, будто в это время невозможно было изумном, изумну. Всё дело только в том, что эти поправки были навязаны Пушкину, поверившему, будто изуменом, изумену это "неграмотно" и потому испортившим два стиха в своей трагедии. Вместо

> Опричники в тафьях и власяницах Послушными являлись чернецами, А грозный царь игуменом смиренным,

где существует строгая гармония эпитетов, характеризующих опричников и их предводителя царя, в результате исправления эпитет смиренным пришлось заменить эпитетом богомольным, разрушающим стройность и логику образа. Еще более очевидной является порча текста во втором случае, именно в стихе "Он говорил игумну и всей братье", где слово всей, совершенно ненужное и излишнее в роди определения к собирательному братье, попало в стих исключительно для того, чтобы заполнить ритмическую пустоту, образовавшуюся вследствие исправления изумену на изумну. Возражения, выдвигаемые В. И. Чернышевым противакадемического текста, как и большинство остальных его возражений, объясняются просто его нежеланием понять точку зрения редакции которая ставит себе целью не "поправлять" Пушкина, как наивно утверждает В. И. Чернышев, а очистить его текст от разных случайных наслоений. Поэтому В. И. Чернышев остается глухим и к самым простым и понятным разъяснениям редакции относительно таких чтений, в истинности которых просто не может быть никакого сомнения. Так, например, В. И. Чернышев без всяких оговорок включает в свой список отступлений, допущенных академическим изданием от первопечатного текста "Бориса Годунова", и стих: "Не смел вздохнуть, не только шевельнуться" (в первопечатном тексте — шевелиться). В. И. Чернышева не смущает,

что в первопечатном тексте фраза получается нескладная, не русская. С него достаточно, что так напечатано при жизни Пушкина. Но ведь в комментарии к "Борису Годунову" подробно объяснено, что Пушкин нисколько не виноват в этой нескладице. В автографе этот стих имеет такой вид:

только ын Не смыль вздохнуть, не [смыль по] шевелиться

Ясно, что сначала было написано, с точным соблюдением видовой гармонии глаголов: "Не смел вздохнуть, не смел пошевелиться". Затем, заменив второе "не смел" словами "не только", имеющими на слог больше и потому потребовавшими уничтожения приставки "по", несущей значение совершенного вида, Пушкин восстанавливает это видовое значение при помощи суффикса "ну". Чем виноват редактор "Бориса Годунова" в академическом издании, что до него никто (начиная с переписчика автографа) не заметил этих двух букв "ьн", написанных действительно еле заметными штрихами, но всё же несомненно написанных Пушкиным? И можно ли одобрить подобные критические приемы В. И. Чернышева, который сваливает в одну кучу самые разнородные разночтения, не давая себе труда вникнуть в происхождение каждого из них и все одинаково объявдяя "отступлениями" от подлинного Пушкина? Всё то же нежелание усвоить метод, лежащий в основе критической обработки пушкинского текста в академическом издании, продиктовало В. И. Чернышеву и то место его статьи, в котором он недоумевает по поводу форм "сойдутся", "входят" вм. первопечатных "сойдется", "входит", в значении сказуемого при подлежащем-собирательном. По словам В. И. Чернышева, одна из таких замен, именно "Не много слов доходят до меня" вм. печатного доходит, основана на рукописи, но о дальнейших поправках такого рода В. И. Чернышев по своей привычке говорит, что они "объясняются неизвестно чем". Но ведь если в академическом издании сказано, что в основу издаваемого текста "Бориса Годунова" положен текст, выверенный по автографу, то тем самым редакция издания освобождается от необходимости особо оговаривать каждый новый случай, в котором она отступает от печатного текста в пользу рукописного: она обязана лишь сохранить все отвергаемые ею чтения печатного первоисточника в списке вариантов, что сделано вполне точно и в данном случае. 1 Ясно, что сойдутся и входят тоже

¹ Надо отметить, что В. И. Чернышев принял за новые "исправления" текста Пушкина две опечатки в тексте "Бориса Годунова" — милостлив вм. милостив и а ведь мы вм. а мы ведь (обе эти опечатки уже исправлены во втором издании VII тома, 1937). Отличить опечатку от намеренного исправления текста в академическом издании не трудно, в случае исправления текста отменяемое чтение (если оно не имеет только орфографического или пунктуационного значения) помещается в списке вариантов. Например если бы милостлив было исправлением текста, то в списке вариантов непре-

взято из рукописи. В. И. Чернышев считает замечательным "последовательно проведенное" употребление форм ед. ч. указанных глаголов в печатном издании — доходит, сойдется, входит. Но разве менее замечательным и менее последовательным является употребление во всех трех случаях формы мн. ч. в рукописи Пушкина? Мнимое "пристрастие" редакции академического издания к пушкинскому "просторечию" тут не при чем. Из наличного материала редакция выбирает не то, что ей больше нравится, а то, что с наибольшею степенью полноты приближает нас к подлинному Пушкину. При этом редакция не только имеет право, но и обязана создавать сводные чтения из разных источников, если она убедилась, что только таким путем в данном случае воссоздается чтение, наиболее близкое к подлинному. Давно миновала та пора, когда казалось, что вся задача научного издания текста исчерпывается механическим воспроизведением, буква в букву, одного избранного первоисточника, без проверки его через другие. Против такого понимания

менно значилось бы отменяемое милостив, чего на деле нет. Таким же образом можно убедиться, что форма подруги вместо правильного подруге ("Евгений Онегин", гл. IV строфа XXXIII, т. VI, стр. 88) — опечатка академического издания и что ее нет ни в беловой рукописи, ни в печатных изданиях, вышедших при жизни Пушкина. Поэтому совершенно не прав В. И. Чернышев, когда жалуется на недостаточную мотивированность текста в академическом издания: общее указание на текст, принятый в качестве основного, пакое список вариантов обеспечивают внимательному читателю всю полноту справок. Развернутая аргументация в пользу избранного текста разумеется невозможна без подробного комментария; но и здесь вовсе нет надобности оговаривать непременно каждый отдельный случай. В. И. Чернышев справедливо упрекает академическое издание в том, что корректура его не безупречна. Но не всё, что он считает опечаткой, является опечаткой на самом деле. Например, нет никакой опечатки в стихе "Херувимов жарить пушками" (Бова) — чтение В херувимов, к которому привык В. И. Чернышев, является домыслом редакторов посмертных изданий сочинений Пушкина, не оправдываемым ни одним из действительных первоисточников. Также не опечатка — тдадим вы. отдадим (т. І, стр. 248) — очевидно в части экземпляров просто не отгиснулась первая буква этого слова, отчетливо вышедшая в других экземплярах. Кстати сказать, корректура первопечатных пушкинских текстов, не всегда, конечво, одинаково плохая, может быть произлюстрирована такими примерами, как: находилсоь, лошадъ обродилась, тотчась всё на одной стр. 54 "Повести" 1834 г.! В "Путешествии в Арэрум", напечатанном в "Современнике" под собственным наблюдением Пушкина, являются опечатки Аканур вм. Ананур, Тбими-калар вм. Тбилис-калар, место для своего племянника вместо место своего племянника, и остается пеисправленной бессмыслица автографа: "с ног до желтых туфель покрытую белой чардою". Имеется такой документ, как копия Аъва Пушкина, сделанная им с сохранившегося автографа I главы "Евгения Онегина" и затем самим поэтом правленная. В этой копин допущено много описок и произвольно расставлены знаки препинания. Пушкин, выправивший значительную часть списка брата, всё же кое-чего не заметил (например, в тиши вм. в тени с нарушением рифмы), а на внаки препинания обратил мало виимания. Эти описки Аьва Пушкина и его произвольцая пунктуация проникли во все издания романа. Неужели же и их следует канонизировать как нечто неприкосновенное? Из числа примеров, приведенных Чернышевым, именно неисправности копии Льва Пушкина следует приписать исчезновение многоточия в строфе XXXIV:

Держу я счастливое стремя...

задачи критики текста протестовал в 1908 г. и сам В. И. Чернышев, писавший, что "критическое издание должно использовать не те или другие избранные источники, но все материалы для установления точного текста".

Есть еще несколько мелочей, которые не хотелось бы оставить без разъяснения. Чтение академического издания: "Так зайчик в озиме трепещет" ("Евгений Онегин", гл. III, 40), В. И. Чернышев противопоставляет, как "имеющее отрицательное значение", первопечатному: озими. Однако сам же В. И. Чернышев в начале своей статьи убедительно говорит о том, что слово озимь, вследствие отвердения конечного губного, могло быть для Пушкина, по-областному, словом мужского рода. Слово героина, представляющееся В. И. Чернышеву "плодом какого-то недоразумения", дает очень удобный повод для испытания лингвистической интуиции нашего критика. Это слово несомненно является галлицизмом (l'héroïne). Еще в 1919 г. Рад. Кошутич (Граматика руског језика, І, 317), не зная пушкинских рукописей, на основании анализа рифмы героиней-Дельфиной, высказал блестящую догадку, что в пушкинское время очевидно говорили, по французскому образцу, на ряду с героиня, и героина. Эта догадка, можно сказать, "астрономически" точно подтвердилась беловым автографом Пушкина, где четко написано пероиной Дельфиной. Но для В. И. Чернышева нет более глубокого объяснения для всего, что отступает от буквы плетневских изданий, как "плод недоразумения". Рифмы ночи — рощи встречаются у Пушкина-лицеиста неоднократно. Но с такой рифмой не мирились "классики и педанты". Державин поправил собственноручно ночи на нощи в автографе "Воспоминания в Царском Селе"; редакторы посмертных изданий сделали такую же поправку в "Городке"; в этих поправках Пушкин не принимал абсолютно никакого участия. Более детального рассмотрения заслуживал бы, конечно, вопрос о "Тени Фон-Визина", принадлежность которой Пушкину решается оспаривать В. И. Чернышев. Подробную аргументацию в защиту принадлежности этого произведения именно Пушкину, помимо уже данной при первой публикации во "Временнике", В. И. Чернышев найдет в комментариях к первому тому академического издания. давно уже ждущих выхода в свет. Пока обращу внимание лишь на то, что рукопись поэмы не только была дважды подписана именем Пушкина, но также подвергалась собственноручной правке Пушкина. С другой стороны нельзя не обратить внимание на совершенно удивительный способ аргументации В. И. Чернышева. По поводу стиха

Хвалили Гений мой в гаветах,

В. И. Чернышев пишет: "В эпоху юности Пушкина в газетах критических статей вовсе не печатали". Отсюда, как будто должно следовать.

¹ "Пушкин и его современники", вып. VIII, 1908, стр. 17. lib.pushkinskijdom.ru

что "Тень Фон-Визина" — произведение не только не Пушкина, но и вообще не эпохи юности Пушкина. Интересно было бы знать, к какой эпохе русской истории и к какому приблизительно кругу авторов считает возможным В. И. Чернышев приурочить эту поэму, в лицейском происхождении которой не может сомневаться кажется и самый страшный скептик? По поводу стихов о Хвостове, который

Чертил, вычеркивал, потел, Чтоб стать посмешищем народу,

В. И. Чернышев спрашивает: "Как мог Хвостов сделаться посмешищем народа, для которого он никогда не писал и который его не читал?" Способ рассуждения, воистину достойный бессмертной памяти упомянутого здесь пииты. Вообще, мне кажется, что в своем мнении о "Тени Фон-Визина" В. И. Чернышев явно подражает критическим приемам начала XIX в. От его вопросов— "что значит унизывать оду?"; "почему божьи мученики кряхтят?"— так и веет блаженной атмосферой жителей Бутырской слободы, знаменитых "вопросов" Зыкова по поводу "Руслана и Людмилы" и т. д.

Текстологическая критика нового академического издания невозможна без обстоятельного и самостоятельного знакомства с рукописями Пушкина. Научное изучение рукописей Пушкина в значительной степени является еще делом новым. Оно стало возможно по существу только после Октябрьской революции, после того, как доступ к пушкинским архивам перестал быть привилегией небольшого кружка лиц (уважаемых по их действительным илимнимым заслугам) и стал открыт всякому пытливому и добросовестному исследователю. Пушкинисты старшего поколения часто ссылались на рукописи Пушкина, но они их не знали и пользовались ими очень неумело. Ведь ни для кого больше не секрет, что заявления Морозова или Ефремова, будто редактированные ими полные собрания сочинений Пушкина проверены по рукописям, в очень малой степени соответствуют действительности. Не случайно и первое академическое издание сочинений Пушкина вынуждено было отложить публикацию пушкинских черновиков на неопределенное время, т. е. не могло в течение 18 лет справиться с той работой, которая теперь коллективом пушкинистов сделана в течение трех-четырех лет. Старые издатели сочинений Пушкина обычно заглядывали в его архивы от случая к случаю и выхватывали оттуда, без связи с остальным, отдельные, наиболее с их точки зрения "любопытные", подробности. Эти подробности не столько поясняли дело, сколько запутывали его. Поэтому одни и те же ошибки повторялись от издания к изданию, несмотря на уверения редакторов, что текст ими проверен по рукописям. Один из разительных примеров такого неумения пользоваться рукописями Пушкина привел недавно Б. В. Томашевский в № 4—5 "Временника". Естественно, что когда сплошная проверка текстов Пуш-

кина по рукописям и их исчерпывающее изучение стали повседневным явлением нашей научной жизни, то обнаружилось много нового и непривычного, между прочим и в пушкинской орфографии. В. И. Чернышев не успел еще привыкнуть к этому, и ему кажется, что теперешнее поколение пушкинистов "высокомерно" и без разбора осуждает все старые издания сочинений Пушкина. Но нет никакого высокомерия в трезвом констатировании фактов — действительно все издания, существовавшие до академического, в том числе, конечно, и те издания, которые выходили в советское время, по сравнению с академическим являются и неполными и неточными. Больше основания заподозрить высокомерие там, где нет желания отвыкнуть от старых представлений только потому, что они привычны и освящены "традицией", где нет стремления понять новое только потому, что оно новое и лишь начинает вырастать в традицию, но уже без кавычек.

ОТ РЕДАКЦИИ

Початая статьи В. И. Чернышева и Г. О. Винокура, редакция приглашает как епециалистов, так и всех читателей принять участие в дальнейшем обсуждении академического издания сочинений Пушкина.

Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве

Столетие со дня смерти Пушкина приняло в Советском Союзе поистине размеры события всенародного. Изобразительное искусство не осталось в стороне, а ответнло анногими сотнями произведений живописи, скульптуры и графики, охватившими все стороны жизни и творчества Пушкина.

Этот новый Пушкин, Пушкин наших дней, заслонил для нас Пушкина прежних токолений, обогатив его образ новыми, ранее остававшимися в тени чертами.

Коллизия, в которую Пушкин стал по отношению к породившей и окружавшей сто помещивые-дворянской среде, его идеологическая близость к передовым людим его времени — декабристам, социальный протест, которым проникнуты мнотие из его произведений, его жизненная драма, заслонившая его семейную драму, отражаются и во всей изобразительной интерпретации его личности и творчества, находя свое выражение не только в выборе сюжетов для иллюстрации его произведений и фактов его биографии, но проникая даже в область воображаемого его портрета.

У нас, нет еще возможности хотя бы с приблизительной полнотой перечислить ироизведения скульптуры, живописи и графики, созданные всеми народами нашего Союза в связи с юбилеем Пушкина. Для данного обзора мы пользовались, главным образом, материалами и экспонатами, которые появились в 1936—1938 гг. на различных художественных выставках, на пушкинских юбилейных выставках в Москве и Ленинграде, а также теми, которые собраны в наши литературные и художественные музеи. Однако и в этих пределах пришлось указать лишь то главное, что показалось нам существенно важным для характеристики понимания Пушкина художниками наших дней.

1

Наш обзор мы начнем с портретов Пушкина. Задача, стоящая перед посмертным эторгретом, не только не легче, но едва ли не значительно сложнее по сравнению с той, жоторую приходится разрешать портретисту-современнику.

Просмотрим те главные, с нашей точки зрения, портреты, которые принесла жам сотая годовщина смерти Пушкина.

Прежде всего остановимся на работах двух художников — П. П. Кончаловского и Н. П. Ульянова. Оба они давно уже упорно и напряженно работают над образом Пушкина.

Я не знаю, чем именно руководствовалось жюри Всесоюзной Пушкинской выставки, же пустив на экспозицию прекрасный портрет П. П. Кончаловского. Вероятнее всего,

значительную роль в этом сыграло увлечение художника историческим анекдотом (в греческом значении этого слова), заставившим его изобразить Пушкина с голыми ногами. Подробность вполне правильная исторически, но дающая лишний повод к праздному зубоскальству и отвлекающая рядового зрителя от настоящего крупного значения работы Кончаловского. Идея портрета зародилась у Кончаловского еще в 1921 г., когда он задумал такой образ Пушкина, "в котором поэт отнюдь не засловил бы собой человека, но и в человеке был бы виден поэт и притом во всей сложности его натуры".

Внимательно изучая творчество Пушкина, пристально вглядываясь в его прижизненные портреты и главным образом в посмертную маску, Кончаловский около десяти лет потратил на то, чтобы "увидеть лицо Пушкина". Удалось ему это лишь в 1931 г., когда случай столкнул его с родной внучкой поэта. Так из посмертной маски и лица живого человека возник для Кончаловского живой образ его Пушкина, которого окрешил изобразить в момент утренней творческой работы. Началось выискивание и выработка отдельных деталей как самого лица, так и окружающей Пушкина обстановки.

Каждая деталь строго обосновывалась исторически и одновременно согласовывалась с общей композицией так, чтобы ни одна частность не заслонила основной идеи портрета. Художник уделял внимание всему: гамме цветов (зеленый, красный и желтый), свойственной эпохе Пушкина, чернильнице, которую он трижды переписывал, и тому подобным казалось бы самым мелким бытовым подробностям, одновременно желая насытить ими свой портрет, и в то же время боясь того, как бы они не увели его "живого" Пушкина в историю.

Впервые на суд зрителей Кончаловский вынес свою работу в 1932 г., выставив ее на своей персональной выставке.

В своей монографии о Кончаловском В. А. Никольский подробно рассказывает, со слов самого художника, о том, как у последнего зародилась и росла идея портрета Пушкина.¹

Однако работа над "Пушкиным" продолжалась и в 1933 г., уже после выставки. На выставку "Художники РСФСР за 15 лет" "Пушкин" появился с переделанными ногами и с убранными деталями "от литературы" — пистолетом, чернильницей на книге, апельсинами на столе. От этого "Пушкин" стал монументальнее, ярче выражал замысел художника". Работает над своим "Пушкиным" Кончаловский и посейчас, добиваясь наиболее полного и совершенного выявления своей идеи.

Так подробно на приемах творчества Кончаловского мы остановились не оттого, что считаем его "Пушкина" в настоящем его состоянии вполне удавшимся, но для того, чтобы показать, как сложен и труден путь создания "воображаемого" портрета.

Не менее значительны по своим художественным достоинствам, по выношенности и искренности и работы Н. П. Ульянова. А эмоционально они захватывают даже сильнее.

Портрет Пушкина работы этого мастера мягок и лиричен. Взят тот же момент — творческая работа, быть может — творческая пауза. Гусиное перо, типичное пушкинское перо-огрызок, воткнуто в чернильницу, правая рука с тонкими, длинными пальцами подперла голову. Глаза задумчивые, но ясные и зоркие, они видят что-то, что через несколько мгновений претворится в звучный стих, который послушно ляжет на бумагу. Поэтическая небрежность костюма (халат и рубаха с расстегнутым воротом), рабочая беспорядочность обстановки — даны с тактом, не выпирая на первый план, и потому не выглядят нарочито, а воспринимаются так естественно и просто, как на портрете Пушкина работы Тропинина, который, безусловно, является каким-то отдаленным духовным предком ульяновского Пушкина.

¹ В. А. Никольский. "Петр Петрович Кончаловский", "Всекохудожник", М., 1936. lib.pushkinskijdom.ru

Образ Пушкина прост, убедителен, человечен, жив и лиричен. Невольно хочется верить художнику, что поэт был именно таким.

Особенно хорош карандашный рисунок, по сравнению с которым портрет маслом как-то несколько мертвее и как бы не так ясен по внутреннему своему смыслу, что, быть может, объясняется некоторой недоработанностью его.

Второй не менее значительной работой Ульянова является групповый портрет Пушкина с женой на придворном балу. Тема для Ульянова не новая, сделанная им уже ранее в виде рисунка итальянским карандашом еще в 1927 г. В рисунке этом были налицо все главные части композиции будущей картины маслом.

Здесь мы видим другой лик Пушкина, чем на первом из описанных нами портретов. Те же самые черты лица, те же глаза, но как изменилось их выражение—это не спокойное лицо, такое простое и вместе с тем такое вдохновенное, это облик больного, затравленного человека. В нем и гнев, и презрение, и тревога, прежде всего тревога. Всё это подчеркнуто приемом контраста со спокойной, сознающей свою красоту и потому торжествующей Натальей Николаевной, с то надменными, то хитро улыбающимися, то просто любопытными и неизменно холодными лицами завсегдатаев и челяди дворцовых балов, с блеском люстр и позолоты, наконец, с придворным расшитым золотыми галунами мундиром самого Пушкина.

Этот портрет-картина бесспорно очень эмоционален, он волнует, но в нем есть некоторая надуманность, некоторая литературность, как с чисто внешней, композиционной стороны (искусственность группировки на лестнице самых разнородных персонажей и совершенно невозможное в светском кругу явно выраженное любопытство к чете Пушкиных), так и с внутренней (упущение из вида того, что сам Пушкин, как опятьтаки вполне светский человек, уже из одного самолюбия никогда бы так не выдал в обществе своих чувств).

Картина эффектна, но несколько неприятно резка по красочной гамме.1

Недавно скончавшийся К. С. Петров-Водкин, художник безусловно крупный и оригинальный, дал большой портрет Пушкина в его деревенском изгнании, в котором, видимо, котел передать то сознание безысходности, скуки и одиночества, которое, как мы действительно знаем, нередко охватывало там опального поэта. Пушкин, одетый в калат и рубаку с расстегнутым воротом, сидит на большом деревенском диване, прислоненном стенкой к бревенчатой ничем не прикрытой стене компаты. Он пытается занять себя чтением, о чем говорят находящиеся тут же книги, одну из которых он еще держит в руках, но, повидимому, у него сейчас то самое состояние, о котором он же писал: "Читать хочу — глаза над буквами скользят, а мысли далеко..." Если намерения художника были именно таковы, то передача этого настроения ему удалась. Скука, тягучая скука глядит на нас из этого портрета, та самая скука, яд которой Пушкину приходелось вкушать "по капле, медленно..."

Сам К. С. Петров-Водкин дал нам подробный рассказ о том, как он специально для этого портрета ездил в Болдино.²

Этот рассказ покойвого художника интересен тем, что дает нам возможность заглянуть в самый процесс создания воображаемого портрета.

Прочтя его, читатель может убедиться, что мы, строя свои вышеприведенные соображения (а мы их построили раньше, чем ознакомились с записью слов самого Петрова-Водкина), были недалеки от действительных замыслов художника.

И всё же портрет Петрова-Водкина неприятен. Прежде всего не удалась фигура с чрезмерно длинными ногами и дегенеративной головой, в которой почти ничего нет пушкинского, кроме чисто внешних формальных признаков: курчавые волосы, баки.

2 "Литературный современник", 1937, № 1 ("Беседа в редакции: Пушкин в изобра-

зительном искусстве").

¹ Отметим маленький досадный дефект: младший чин двора, камер-юнкер Пушкин, одет в галунный виц мундир, в то время, как стоящий близ него сановник—в шитом мундире.

Анцо этого портрета навеяно Петрову-Водкину, очевидно, портретом Линева, но тот ведь относится к последнему году жизни Пушкина, да и он более жив, чем этот живой труп в красном калате, сидищий на зеленом диване, рядом со свернувшейся клубком рыжей кошкой. Her! как-то не верится в такого Пушкина.

На портрете С. В. Герасимова Пушкин, одетый довольно щеголевато в сюртук с пелериной, светлые брюки со штрипками и мягкую шляпу, стоит в парке, прислонясь к стволу дерева. Этот портрет хвалят, как "портрет в пейзаже", где фигура портретируемого органически слита с пейзажем, а не "приписана" к последнему. Не спорим, быть может это и так. Но зато сам Пушкин на этом портрете маловыразителен. Во всяком случае, этой своей работой С. В. Герасимов ничего не добавил к нашему познанию о Пушкине.

Другой художник, А. М. Герасимов, также написал портрет Пушкина. Его портрет, большое темное полотно, лишь на заднем своем плане оживленное зеленью и золотой иглой Адмиралтейства, оставляет нас холодными и даже несколько раздосадованными. В этом портрете за всяческими предметами, набранными частью в Пушкинском Доме Академии Наук, а частью, как, например, стакан, и просто вынутыми из буфета художника, также не видно Пушкина, как из-за деревьев бывает не видно леса. А тот самодовольный человек, которого А. М. Герасимов представляет нам как Пушкина, нам совсем чужд, неинтересен и ни на что не нужен. А. М. Герасимов, правда, стремится, как нам известно, всё это переработать.

Стель же малозначительна и акварель А. М. Герасимова, изображающая Пушкина осенью в летнем саду около скамейки.

Небольшой портрет (масло) Г. К. Савицкого рисует нам Пушкина на берегу Невы. Поэт стоит, слегка отставив левую ногу, он одет в сюртук, но с мягкой рубахой, на левой руке его клетчатый плед, на парапете набережной стоит цилиндр и лежит одна перчатка, вторая упала на панель. Пушкина, видимо, поразила какая-то мысль, и он вынул записную книжку. Кругом гранит фельтеновской набережной, один из "сторожевых" львов, Нева, Петропавловская крепость со своим собором и бурное облачное небо, которым художник, видимо, старается карактеризовать внутренние переживания поэта. Всё это сильно отдает театральностью и литературой. В отдельности всё это, конечно, бывало и даже сейчас частично есть, но соединение всего вместе как-то нарочито и искусственно. Нет пушкинской ясности и простоты. Мы бы сказали, что всё это слишком эффектно, чтобы быть убедительным.

Портрет работы В. Е. Савинского преследует, видимо, задачи дать портрет Пушкина в момент творчества, но при этом дать поэта в столь корректном виде, чтобы портрет мог стать вполне официальным. Последнее, т. е. официальность, вполне удалась художнику, но поэт и творчество как-то не вышли. В этом человеке средних лет, одетом в коричневый сюртук и сидящем за столом с хорошо очиненным гусиным пером в руках, так много корректности, размеренности их олодной официальности, что он скорее кажется довольно крупным чиновником, человеком размеренных жизненных привычек, чем пламенным, порывистым поэтом. Та затуманенность взгляда, которой художник, повидимому, пытался передать вдохновение, мало помогает и даже как-то еще больше холодит выражение лица. Это — образ Пушкина, достойный помещения в учебниках литературы прежних гимназий, и мы не знаем, зачем понадобилось Государственному Литературному музею распространять его путем печати.

Примерно к этому же типу официальных портретов должен быть отнесен и портрет работы В. А. Зверева, где Пушкин изображен даже с каким-то свитком в руке, что уже совсем ни к чему, так как сто лет тому назад ни на каких свитках не писали. Портрет этот совсем не плох художественно и в нем нет ничего противоречащего тому образу Пушкина, который оставили нам художники, писавшие его при жизни. Но, вместе с тем, он не выражает никакой идои, а это, по крайней мере с нашей точки зрения, и является всегда главным основным смыслом существования посмертного, синтетического портрета.

Чтобы закончить перечень наиболее запомнившихся нам живописных портретов Пушкина, упомянем еще о работах художника Н. К. Шведе-Радловой: не потому, чтобы мы их считали особо выдающимися, но просто оттого, что художник этот в течение нескольких лет упорно работает на пушкинские темы, много выставляет вти свои работы, воспроизводит их в повременной печати, словом — делает всё, чтобы ознакомить возможно большее количестве эрителей со "своим" Пушкиным.

Видимо, художник действительно любит своего героя, но как и за что — остается для нас неясным даже при самом внимательном просмотре ряда этих больших и малых молотен, неизменно написанных с большой, не всегда, правда, достаточно оправданной самоуверенностью.

На Всесоюзной Пушкинской выставке в Москве работ Н. К. Шведе-Радловой не было, но на Ленинградской Пушкинской выставке в Эрмитаже был выставлен ее большой портрет, изображающий смеющегося Пушкина на фоне Невы. Цель художника, новидимому, была передать ту бодрость и жизнерадостность, которые будит в нас солнечное творчество Пушкина. Но как-то это не вышло, и получился просто человек, по лицу и одежде напоминающий Пушкина, который в деланной улыбке нарочито оскалил оба ряда великолепных, до полной белизны и яркости начищенных зубов, словно приглашая нас полюбоваться ими. Те заразительные улыбка и смех Пушкина, о которых мы знаем со слов его современников и которые, повидимому, и соблазнили художника на эту тему, никак не передались.

Так же мало убеждают и читающий Пушкин-лицеист и просто Пушкин в коричневом сюртуке, которые не плохи, но и не хороши, а главнее совсем ничего не говорят ни нашему уму, ни нашему сердцу.

2

Юбилейный графический портрет Пушкина дал нам несколько безусловно интересных листов рисунков, гравюр и литографий.

Здесь прежде всего надлежит отметить того же Н. П. Ульянова, об одном из рисунков которого мы уже упоминали, говоря о портрете Пушкина маслом. Да, этот рисунок, первоначально сделанный, быть может, как подготовка для будущей большой работы, приобрел самодовлеющее эначение. Он привлекает нас своей легкостью, искренностью, мы бы сказали — интимностью. Настроение, проникающее его, острее и осязательнее, чем подобное же в большом портрете. Секрет этого, вероятно, кроется в том, что на рисунок художнику потребовалось меньше времени, быть может, он сделал его в один присест, не успев растратить еще в ряде иных сменяющих одно другим впечатлений тот двуединый, духовно-телесный образ Пушкина, который вдруг возник передним.

Немногим уступает ему и другой рисунок того же Ульянова, где Пушкин стоит перед окном деревенского своего дома и жадно всматривается в него. Мы не знаем, что он там видит, но во всей его фигуре так много напряженной жажды чего-то нового, иного по сравнению с тем, что сейчас его окружает, что эта напряженность ожидания мевольно передается зрителю. С этой темой, темой томления живого Пушкина в мертвенном покое занесенного снегом Михайловского, мы еще встретимся у многих художников, но у Ульянова она, на наш вэгляд, разрешена с наибольшей лаконичностью в убедительностью.

Сравнительно менее выразителен Пушкин-лицеист, но и в этом вскарабкавшемся на дерево мальчугане с книгой мы охотно признаем "Егозу-Пушкина", как сам он однажды подписался под коллективным письмом лицеистов к одному из воспитателей. А пейзаж, при всей своей эскизности и лаконичности, сразу переносит нас в Царское Село и тем самым дает почувствовать обстановку и дух лицейских годов поэта.

Пушкин, стоящий у окна, работы Н. А. Кузьмина, сделан им снова в той же манере, что и иллюстрации к "Евгению Онегину" в издании "Academia".

Манера эта, позаимствованная художником у самого Пушкина, сама по себе безусловно интересна и выразительна, котя бы потому, что в ней есть элементы пушкинской легкости. Но, во-первых, для всех знакомых с графикой Пушкина, а таких с каждым днем всё больше и больше, ясна ее зависимость и подражательность, а, вовторых — она хороша лишь в небольших дозах, в том же неумеренном количестве, в котором нам преподносит ее Кузьмин, она начинает несколько приедаться и выглядеть слишком умышленно. Однако взятый отдельно рисунок этот, сделанный художником в качестве фронтисписа к чешскому изданию "Евгения Онегина", безусловно интересен.

В. А. Фаворский сделал сначала рисунок, а потом с него исилографию Пушкиналицеиста. По сравнению с гравюрой, страдающей некоторой, свойственной мастеру склонностью к формализму, рисунок проще, живее и непосредственнее. В основе его, конечно, Гейтман, так как у нас вообще нет ничего другого для детства и отрочества Пушкина, но во внешние формы гейтмановского портрета Фаворский сумел, путем самостоятельной переработки ряда отдельных черт, внести много своего, отчего рисунок его приобрел всю полноценность настоящего "воображаемого" портрета. Пушкин Фаворского живет своей богатой внутренней жизнью — он всё видит, всё подмечает, обо всем ммеет свое суждение. Необычайность этого ребенка сквозит в его широко открытых глазах, в напряжении тонкой детской шеи, несущей курчавую голову, прекрасную не чертами лица, которые неправильны и скорее некрасивы, но той напряженной жаждой жизни, которая сквозит в каждой черте лица. В этого Пушкина-лицеиста хочется верить и можно верить.

Есть что-то убедительное и в рисунке гуашью Н. И. Пискарева, где Пушкия дан со спины, с головой, обращенной в профиль. Он снял шляпу и руками оперся на гранитный парапет Невы. С реки тянет легкий ветерок, от которого чуть поднимаются курчавые волосы. Вдали — парусное судно и еще дальше — Петропавловская крепость с иглой собора. Ни в выражении лица, ни в фигуре, ни в выборе окружающих Пушкина предметов не сделано никакого акцента, но все вместе сливается в довольно приятное и стройное целое, кажется будто художник каким-то чудом подсмотрел случайный, мимолетный эпизод из жизни Пушкина.

Не так удачен, но все же не плох рисунок гуашью того же художника, где он дал лицеиста-Пушкина на фоне пейзажа так называемого "собственного садика" в Царском Селе. Как и в первом рисунке, основным недостатком здесь является отсутствие четкой характеристики самого Пушкина, которой мы в праве и должны всегда и всюду требовать от авторов "воображаемых" портретов.

Гораздо менее убедителен рисунок Б. А. Дехтерева, который взял тему, близкую к теме Н. П. Ульянова, представив Пушкина спускающимся с лестницы после бала. Он уже в шинели, в левой руке держит цилиндр, а правой делает такой жест, который обычно делают актеря, играющие Чацкого, когда произносят заключительные слова: "Карету мне, карету!" Вряд ли когда так делал Пушкин. К тому же и сам по себе рисунок Дехтерева слабоват.

Для больших плакатов Всесоюзной Пушкинской выставки А. Кравченко сделал рисунок Пушкина, близкий по типу к гравюре Т. Райта 1836 г., не внеся в образ Пушкина ничего своего. Его же "Пушкин в Архангельском", в сюртуке и цилиндре, с книжкой в руках, стоящий на фоне Юсуповского дворца, точно так же бесцветен и ничем не впечатляет.

Ленинградский художник Н. Ф. Павлов много рисовал Пушкина, помещая его в самую разнообразную обстановку. Рисунки его в большинстве случаев носили, повидимому, характер служебный, служа подготовительными для перевода на литографский камень. Все они вполне грамотны, но в этом, хорошо упитанном, прилично одетом человеке, которого художник рекомендует нам как Пушкина, мы как-то нигде не видим поэта, хотя он показан на фоне пушкинских мест (берег большого царскосельского пруда, сосна в Михайловском, полукруглые фельтеновские скамейки на берегу Невы, Бахчисарай).

Переходя к гравированным и литографированным портретам Пушкина, останожимся, прежде всего, на гравюре А. И. Козлова. Остановимся хотя бы потому, что малорентабельная классическая гравюра чрезвычайно редка в наше время и один уже факт работы над портретом Пушкина в этой манере совершенно отметает прочь всякую мысль о халтуре, а, наоборот, служит верным залогом интереса серьезного и длительного.

В Государственном Музее А. С. Пушкина в Москве имеются все состояния этой гравюры, по которым мы можем шаг за шагом проследить упорную, вдумчивую работу мастера. Пушкин изображен погрудно, в профиль, в овале, который окружен венком из лавров. По типу лица Пушкин, на гравюре Козлова, является чем-то средним между несмертной маской и статуэткой работы Теребенева (1837). Это уже не молодое, вполне сложившееся и немного усталое лицо. В нем нет той жизни, той экспрессии, которая так пленяет нас в Пушкине. И это, с нашей точки эрения, может быть поставлено в минус художнику.

Очень эффектна на первый взгляд гравюра на дереве А. Кравченко. Явно идя в изображении Пушкина от портрета О. Кипренского, Кравченко еще романтизировал его, придав какую-то тревожность взгляду, буйнее взбив кудри головы. Весь образ поэта проникнут какой-то настороженностью и взволнованностью. К тому же фоном фигуре Пушкина служат зеленые сени парка с грациозной статуей музы и романтическая луна, выплывающая из бурных облаков.

Сделанная с присущим художнику техническим совершенством, гравюра эта сама по себе весьма красива, но именно эта-то красивость и мещает простому и искреннему восприятию в ней образа Пушкина. Хочется, чтобы всё это было проще и лаконичнее-

Гравюра на дереве А. А. Суворова, изображающая Пушкина перед дузлью, поражает какой-то напряженностью и странной неподвижностью, которыми художник, вероятнее всего, котел передать, с одной стороны, известное нам спокойствие и самообладание Пушкина в этот день, а с другой, быть может, близость для него колодной, неподвижной смерти. Как бы то ни было, гравюра, по типу которой была потом изготовлена статуэтка для фарфорового завода, впечатляет и дает толчок не только чувству, но и мысли.

Тот же А. Суворов сделал еще гравюру на дереве: "Пушкин в деревне". Пушкин, ввображенный по пояс, почти в профиль, идет в развевающейся широкой одежде на фоне деревенского пейзажа с озером, деревенькой и гнущимися от ветра березами. Вещь эта безусловно не лишена экспрессии и довольно удачна по композиции, но не слишком приятна по технике; особенно никчемной кажется нам какая-то формалистическая шишка, которую художник поставил Пушкину у самого глаза. Эта работа Суворова получила довольно широкое распространение, так как была отпечатана на пригласительных билетах на Всесоюзную Пушкинскую выставку.

Н. И. Пискарев, о рисунке которого гуашью "Пушкин на набережной Невы" мы уже говорили выше, рассказал нам в своей гравюре на дереве один из ходячих анекдотов о суеверии Пушкина. Поэт в цилиндре и в городском костюме едет верхом на энглизированной лошади, а в это самое время заяц перебегает ему дорогу.

Как и в рисунке Пискарева, в этой исилографии вторично выбранная малоэначетельность самого сюжета оставляет невольное чувство какой-то неудовлетворенности.

Зато уже вовсе малоудачна его третья работа, на которой мы видим Пушкина за работой при свече, на фоне незанавещенного окна, сквозь которое виден молодой месяц (быть может, легкий намек на тематику "Примет"), где лицо Пушкина почти шаржировано.

Е. С. Кругликова дала погрудный, профильный портрет Пушкина в монотипии, если и не вносящий в иконографию Пушкина чего-либо нового, то всё же приятный по свободной широкой манере, а также силуэт Пушкина за письменным столом, в котором Кругликова, как старая опытная силуэтистка, сумела в надлежащих пропорциях сочетать реализм с той необходимой долей стилизации, при отсутствии которой силуэт шеизбежно начивает подходить на шарж.

Точно так же ничем не поражают, но довольно приятно смотрятся две тонкосработанные деревянные гравюры Л. Хижинского, изображающие молодого Пушкина.

К сожалению, многие художники, как это уже отмечалось специальной критикой, вместо того чтобы стараться создать настоящий воображаемый портрет Пушкина, который при всей своей ирреальности стал бы более реальным, чем любой из прижизненных портретов, довольствуются либо более или менее глубокой переработкой одного из прижизненных портретов, либо даже просто увлекаются самой техникой портрета, совершенно забывая, видимо, о том, кого именно они должны изобразить. Поэтому-то мы и имеем такое значительное количество бесцветных, либо даже искаженных портретов Пушкина, влияние которых на эрителя в лучшем случае безразлично, а иногда даже и вредно.

3

Современные скульпторы тоже готовились к юбилею.

При входе на Всесоюзную Пушкинскую выставку невольно привлекала вниманно громадная скульптура С. Д. Меркурова.

Скульптор изобразил Пушкина стремительно идущим с несколько опущенной вниз головой, с руками, сложенными позади. Лицо сосредоточено, сурово, почти гнежно-Голова ничем не покрыта. Одет он в длинную шинель с пелериной, которая завилась за плечами в какой-то громадный, буйный цветок.

Работа Меркурова впечатляет, но оставляет нас холодными. Пушкина в статуе нет, не только исторического, но даже воображаемого. Вся статуя явно рассчитана на то, чтобы произвести впечатление монументальности, если не грандиозности, в то время как она на самом деле всего лишь громадна. И невольно тревожит мысль, что вот-вот эгот громадный человек с лицом, отдаленно напоминающим Пушкина, в своем стремительном движении шагнет за край пьедестала и ниэринется вниз всею своею тяжестьюсо своей совсем невероятной и ни к чему не нужной пелериной.

Не слишком удалась и Б. Д. Королеву его большая статуя Пушкина. Трудноугадать, что именно хотел сказать скульптор этой фигурой в тяжелом развевающемся пальто, с книжкой в руке и с таким надменным выражением лица. Общий силуэт всей фигуры лишен всякой четкости, почти бесформен.

Статуэтка работы А. А. Суворова получила уже довольно широкое распространение, так как размножена в фарфоре. Фигура Пушкина на ней дана в состоянии статики, которая подчеркивается еще больше спокойными складками длинной зимней шинели. Обе руки заняты — одна держит цилиндр, другая — трость. Вся жизнь сосредоточена в выражении лица, которое как-то не слишком приятно поднято кверху. Соответственный ксилографический портрет Пушкина назван художником "Пушкин перед дузлью". Вероятно и он, и статуэтка должны передавать тот момент, когда противники обмениваются приветствиями. Очевидно, художника заинтересовал тот строй мыслей и чувств, которые волновали Пушкина в это время. Но выразить это на языке скульцтуры ему не вполне удалось.

В противоположность Суворову, В. В. Козлов, в своем эскизе памятника Пушкину (гипс), дал поэта в вычурном движении. Мы не знаем, как бы выглядела подобная фигура, поставленная в качестве памятника. Думлется, что она казалась бы слишком претенциозной и беспокойной. Но как небольшая статуэтка, она довольно грациозна, котя и здесь поза все же вызывает некоторое недоумение, которое мало рассеивает и утверждение некоторых критиков, говорящих, что ск/льптор котел передать движением ту легкость и необычность, которые мы ощущаем от соприкосновения с Пушкиным. Легкость — легкостью и необычность — необычностью, но неужели для выражения этого непременно требуется балетное па?

Гораздо менее необычен и более убедителен тот вскизный проект памятника Пушкину, который сделал скульптор Шадр, сумевший сочетать необычность с большов lib.pushkinskiidom.ru

простотой, хотя и в этом проекте, вероятно, найдутся некоторые спорные детахи, когда он из эскиза станет превращаться в памятник.

Из бюстов Пушкина следует прежде всего остановиться на работе М. Д. Рындвюнской, давшей бюст Пушкина-лиценста. Он безусловно впечатляет и убеждает ничутьне менее, чем рисунок Фаворского, с которым он имеет некоторое сходство черезсвоего общего предка — Гейтмана.

На примере бюста работы Н. П. Гаврилова можно учиться тому, как скульптор, несомненно не лишенный дарования и преисполненный самыми добросовестными чувствами и намерениями, может замучить свою работу.

Нам случилось видеть бюст в то время, когда скульптор еще работал над ним Тогда это была гораздо более живая и интересная вещь. В основе был Тропинин, но Тропинин самостоятельно и вдумчиво переработанный как по другим историческим материалам, так и согласно внутреннему убеждению самого художника. Но желание приблизить работу к историческим документам, свидетельствовавшим о наружности Пушкина, повело к тому, что скульптор охотно пускал, даже водил сам в свою мастерскуювсех тех, которых считал компетентными в этих вопросах и, по возможности, старался принять во внимание все их указания и советы, капля по капле, черта за чертой внося изменения в свою работу. Одновременно, видимо, шла и работа по технической проработке бюста. В результате, когда автор представил свою работу на жюри Всесоюзной Пушкинской выставки, мы увидели совсем другой бюст, гораздо более холодный и лишенный непосредственности (внешне и внутрение менее слаженный и монолитный).

Из этого печального опыта нам хочется сделать следующий вывод: в воображаемом нортрете историческая правда может быть сохранена лишь в той необходимой мере, при которой изображенное лицо может быть сразу опознано; самое главное, что в нем должно быть, — это внутренняя экспрессия, которая и должна убеждать нас в подлинности образа. А последнее, несомненно, было в бюсте работы Гаврилова, когда он стоял в мастерской скульптора, и, наоборот, в значительной мере исчезло из него к моменту появления этого бюста на выставке.

Н. В. Крандиевская, не считая горельефа Пушкина на новом здании Всесоюзной Библиотеки имени В. И. Ленина, который она несколько раз переделывала и который ей всё же не удался, вылепила к юбилею еще два бюста поэта, которые оба попали на Всесоюзную Пушкинскую выставку. Большой бюст представляет собою собственно одну лишь громадную голову Пушкина и кисть одной из его рук. Он громоздок, тяжел и бесформен. Гораздо более удачен маленький бюст, на котором Пушкин изображен погрудно, в момент работы. Как и на портрете Н. П. Ульянова, взят момент творческой паузы, поэт на могновение перестал писать, оперся подбородком на левую руку и что-то обдумывает. Лицо у него задумчивое и слегка мечтательное. Всё вместе как будто ни в чем существенно не нарушает художественной правды, котя немного манерно. Хуже то, что бюстик этот как-то неряшлив по форме, что ничуть не заменяет широкую манеру работы.

По многочисленным залам Всесоюзной Пушкинской выставки был разбросан и еще ряд бюстов, барельефов и статуэток Пушкина (Элеоноры Блох, Кудряшова, Козельского и др.), но подавляющее большинство их оставляет нас как-то совсем равнодушными, смотришь и думаешь: "а вот и еще один бюст Пушкина". И только. Всюду те же курчавые волосы, те же баки, открытая (по Тропинину) или закрытая (по Кипренскому) шея, больший или меньший прогнотизм челюстей. Всё это соединено в привычные, всем нам с детства знакомые комбинации и дело сделано, новый "художественный" бюст, барельеф или статуэтка готовы. Иногда разве скульптор возьмет да и вытянет непомерно, да к тому же еще и слегка перелома т Пушкину ноги, как это, например сделал Фрих-Хар в своей статуэтке из цветного фаянса.

Юбилейная медаль недурна в своей простоте и лаконичности, но и на ней мы видели не более как "среднее пропорциональное" из известных нам изображений. Пушкина.

4

Теперь перейдем к картинам из жизви Пушкина.

Если мы взглянем на творчество в этой области наших дореволюционных художников, то увидим, что они стремились иллюстрировать по преимуществу, если не исключительно, те моменты жизни Пушкина, где на первый план выступают черты его художественной деятельности. Все социально-общественные мотивы либо совсем отсутствовали, либо, как, например, на известной картине Н. Н. Ге "Приезд Пущина в Михайловское", как-то затушевывались.

В наше время, как мы уже отметили выше, наиболее актуальными стали для художников именно эти последние "гражданские" стороны жизии и творчества Пушкина.

С одной из картин на подобную тему мы уже всгретились раньше, так как портрет работы Н. П. Ульянова "Пушкин с женой на придворном балу" несомненно проникнут "гражданскими" настроениями протеста и возмущения.

Ссылка в Михайловское дала тему для картии многих художников.

Наиболее детально разработана она у молодого художника Ю. М. Непринцева в его большой конкурсной картине, премированной Ленинградской Академией художеств.

Замний вечер. Пушкин у окна вематривается сквозь замерзающие стекла в лиловый сумрак, он — весь порыв и протест. Рядом с ним спокойная, со свечой в руках, Арина Родионовна. Сквозь открытую дверь соседней комнаты видна Ольга Калашникова, сидящая за работой. В комнатах тепло и мирно, уютно; эти тепло и уют только еще более подчеркивают настороженность и внутреннюю тревогу Пушкина.

В картине многое не вполне удачно слажено и не вполне хорошо написано. Видна малоопытная ученическая рука, но тем не менее она скорее должна быть признана удачной.

Ту же самую тему затрагивает в своей небольшой картине маслом и художник Н. Азовский, которому, несмотря на некоторую мелодраматичность, удался облик опального поэта, и Н. П. Ульянов в своем рисунке, который мы описали выше.

В противоположность Непринцеву, Азовский не гнался за передачей ряда стильтых бытовых аксессуароз, которые как-то всегда несколько уводят от нас вдаль героев исторических картин, и эта скупость в передаче предметов быта выгодно отразилась на работе Азовского, сильнее сосредсточив внимание эрителя на самом Пушкине и его внутренних переживаниях.

Все эти работы можно с некоторыми оговорками отнести к удачным, дающим вполне правильное представление о тех настроениях, которые были типичны для Пушкина в годы его михайловского изгнания. И появление их тем приятнее, что как раз от этих годов у нас почти не осталось никаких изобразительных памятников, а тежкоторые и остались, инчего не говорят нам о внутренней жизни Пушкина.

Ко времени пребывания Пушкина в Михайловском относится и рисунок Н. П. Ульянова: "Пушкин среди крестьян на ярмарке у Святогорского монастыря". Среди больших работ Ульянова он, быть может, один из самых слабых, но безотносительно и ним, он всё же интересен, вполне отвечая требованиям и исторической и художественной правды. Ценен он и тематически, так как изображает один из моментов непосредственного общения Пушкина с народом и тем поясняет те черты глубокой, подлинной народности, которых так много в творчестве поэта.

П. П. Соколов-Скаля дал в своей картине момент встречи Пушкина с телом Грибоедова. Картина обращает на себя внимание по своему колориту, но, к сожалению, является образцом того, как небрежно и неуважительно относятся многие художники и правде исторической, хотя бы засвидетельствованной даже тем самым лицом, которого они изображают. Действительно, у Пушкина мы имеем вполне четкий и точный рассказ о том, где и как встретил он гроб с телом Грибоедова. И вот, несмотря на это, художник довольно произвольно распорядился с пейзажем места встречи, если доворять списанному с натуры этюду Сарьяна, а вместо грузин, сопровождавших гроб, дал фигуру

журящего трубку старого николаевского солдата, с большими ногами. Вероятнее всего солдат дан вдесь как символ всей николаевской эпохи, но, право же, можно было бы обойтись и без этой символики.

Встреча Пушкина и Натальи Николаевны с Дантосом в Летном Саду (картина Р. К. Савицкого) еще больше поражает своей исторической малограмогностью. Темой ваят какой-то воображаемый эпизод, который мог быть, мог и не быть, вичего существенно не меняя: к сидевшим на скамейке Пушкиным подошел и отдал честь Дантес, отчего вдруг Пушкин вскочил и стал в позу, среднюю между обороной и нападением. Это совершенно противоречит тому, что мы знаем о Пушкине, который совсем не был чужд светским приличиям и вряд ли так почти попусту стал бы делать себя смещным в глазах Дантеса и Натальи Николаевны. Но дело даже не в этом, а в том костюме, в который художник одел Дантеса. Мы знаем, что всегда и всюду военная форма носится строго по правилам. Особенно это соблюдалось при Николае I, когда брат царя Михаил Павлович зачастую останавливал и отправлял на гауптвахту офицеров, погрешивших против правил ношения формы. И вот Савицкий, ради большего эффекта, ваставляет Дантеса прогуливаться по Летнему Саду в каске, кирасе, колете, ботфортах, с палашом, в перчатках с крагами, т. е. в парадной строевой форме, не соответствующей данному случаю. Вся эта картина представляется слабой театральной постановкой слабой пьесы, а с точки врения познавания Пушкина может только излишне запутать неопытного врителя CHOBA СВОДЯ, КАК ЭТО ДЕЛАЛИ РАНЬШЕ, ВСЮ ЕГО ЖИЗНЕННУЮ ДРАМУ В УЗКИЙ КРУГ СЕМЕЙНЫХ отношений.

Много уже лет работает над темами из жизни Пушкина Н. И. Шестопалов. Художник вполне добросовестный, он шаг за шагом изучает жизнь своего любимого писателя, а потому в большинстве своих работ не ногрешает ни в чем, или погрешает очень мало против правды исторической. Но ему как-то недостает темпераментала потому работы его "Пушкин и няня", "Пушкин среди друзей" и другие как-то мало волнуют нас, приводя на память подобные же картины Н. Н. Ге, М. П. Клодта, Геллерта и других дореволюционных художников. Несколько более экспрессивен он, когда затративает такие сюжеты как "Встреча Пушкина с Кюхельбеккером" или "Увоз тела Пушкина", хотя последняя и является не больше, как перепевом давнишней, ныне, к сожалению, утраченной, картины на ту же тему Наумова, ни в чем не превзойдя последней.

В достаточно дешевую театральфину скатился А. А. Горбов со своим большим полотном, изображающим дуэль Пушкина. Тут неприятно всё, начиная со сведенного болью лица Пушкина и кончая глупой позой Дантеса. И опять те же ошибки в костюме и формах, которые непростительны для художника, берущегося за исторические сюжеты, Не спасает этой стороны дела и то, что из снега торчит рукоятка одного из позаимствованных в Пушкинском Доме так называемых "Охотниковских" пистолетов, на жоторых почти наверное никогда не стрелялся Пушкин.

Гораздо менее претенциозна, и потому и более приятна небольшая картина Р. К. Савицкого, где взят момент перед дуэлью с фигурой Пушкина, сидящего на пне или на камие. Из пушкинских вещей Савицкого это, быть может, самая непритязательная и самая приятная.

Весьма посредственна как по своим чисто живописным достоинствам, так и по вмоциональности картина Е. Федорова, изображающая погребение Пушкина, где всё сделано вполне правильно исторически, но где, быть может, именно за этой историчностью, утеряно главное, внутреннее, смысловое, что делало эту сцену такой тратической.

Особняком стоит картина В. Сварога "Рождение поэмы", интересная тем, что пытается дать нам возможность заглянуть в самую глубину творческой лаборатории Пушкина, в тот самый момент, когда ему "сквозь магический кристалл" впервые представился замысел "Медного Всадника". Попытка, несомненно, интересная. Другой вопрос — насколько она удалась художнику. Что видим мы на картине? Неспокойный, ветреный день с беспрестамно меняющимся освещением, обусловленным бурно несущи-

мися облаками. Сенатская площадь (заметим, не эпохи Пушкина — заростающая травой, с фонарем, поставленным к двухсотлетнему юбилею Петербурга, и скамейкой конца XIX в.), спиной к эрителю, почти в ракурсе памятник Петра (на странно маленькой скале), а справа от него Пушкин, в развевающемся плаще и в неизвестно как при сильном ветре крепко сидящем на голове цилиндре. Он театральным жестом запахнул полу плаща и, гордо подняв голову, смотрит на Всадника. Всё это весьма романтично, но театрально и притом совершенно однобоко толкует смысл "Медного Всадника", совсем не затрагивая того глубокого социального смысла этой поэмы, который сразу кинулся в глаза правительству Николая I и привел к тому, что при жизни Пушкина эта замечательная поэма так и не увидела света, да и после его смерти выпущена была в печать после того, как была подстрижена и припомажена В. А. Жуковским.

Переходя к графике, мы, прежде всего, должны остановиться на том большом альбоме, изданием которого художники Харькова отметили юбилей Пушкина.

Внешне альбом этот издан очень недурно, даже почти роскошно. В нем двадцать четыре отдельных листа гравюр на дереве, линолеуме, автолитографий и один офорт художников: В. И. Касияна, М. Г. Дерегуса, Л. Б. Каплана, И. А. Дайц, Г. А. Бондаренко, Д. И. Кульбака, М. М. Добронравова, М. И. Глухова, М. Е. Котляревской, А. Г. Гороховец, А. М. Довгаль, Б. П. Бланк, Б. М. Фридкина, В. Г. Аверина, М. З. Фрадкина.

Тематика альбома — почти исключительно иллюстрации к биографии Пушкина.

Начинание безусловно доброе и полезное. К сожалению, исполнение стоит далеко не всегда на должной высоте, что том более жалко, что по своей тематике большинство работ чрезвычайно актуально и созвучно с нашим временем.

Наиболее удачными вещами, с нашей точки зрения, являются портрет Пушкина (офорт, работы Касияна); "Тост в Каменке" (автолитография М. М. Добронравова), хотя художник в изображении сидящих за столом декабристов сильно погрешил против хронологии, дав, например, Якушкина прямо по портрету Мазера, относящемуся к сороковым годам XIX в.; "Пушкин среди народа на ярмарке в Святогорском монастыре" линогравюра М. Е. Котляревской), работа если и уступающая однородным по тематике композициям Н. П. Ульянова (карандаш и более ранняя акварель), то всё же интересная и вполне удовлетворительная по исторической и художественной правде.

Сравнительно недурны две групповые композиции: офорт В. И. Касияна "Пушкин на литературной пятнице у Жуковского" и линогравюра Д. И. Кульбака "Пушкин среди декабристов", котя обе они страдают обычным недостатком подобных групп, а именно — разновременностью тех портретов, которые положены в основу изображенных на группах исторических лиц.

Наиболее слабыми в этом альбоме нам кажутся следующие вещи: "В библиотеке отца" (автолитография Л. Б. Каплана), где какой-то мальчик, ничего общего с Пушкиным не имеющий, сидит при свече в огромной, прекрасно обставленной библиотеке (какая вряд ли могла быть у безалаберного, постоянно нуждавшегося в деньгах Сергея Львовича) и глотает книгу за книгой; "В Крыму с Раевскими" (автолитография того же художника), довольно бесцеремонно искажающая образы исторических лиц, мало удачная по композиции и мало выразительная; "Пушкин сжигает рукописи" (автолитография А. Г. Гороховца), где автор явно не справился с темой, поистине драматической, полной внутреннего смысла и интереса, разрешив ее чисто внешними и притом достаточно вульгарными приемами.

Но слабейшими среди слабых являются две работы этого альбома: 1) "На балу" (автолитография М. М. Глухова), где автор пытался разрешить тему, близкую к теме Н. П. Ульянова и Б. А. Дехтерева, и 2) "Пушкин и Николай I" (гравюра на дереве А. М. Довгаля), рисующая свидание только что привезенного из Михайловского Пушкина с Николаем в Кремлевском дворце.

Обе эти вещи могут служить ярким примером того, как не надо трактовать исторические события. Вульгарная карикатурность, историческое невежество, композиlib.pushkinskiidom.ru ционная беспомощность, а главное — безудержная и бескрайная развязность обоих художников, а особенно Довгаля, так велики, что даже бесполезно стараться перечислить отдельные неудачные части этих работ, а следует и обладателям этого альбома и самим художникам спрятать их куда-нибудь подальше, чтобы никогда и не вспоминать о них.

Поистине можно дивиться Харьковскому областному товариществу "Художник", которое дало им место в своем юбилейном альбоме.

Н. Павлов, о портретах которого мы уже говорили выше, дал и групповые сцены из живни Пушкина: Пушкин и Жуковский в Летнем Саду; Пушкин в книжной лавке Смирдина; Пушкин читает свои стихи у А. О. Россет-Смирновой. Все эти вещи не плохи, но и не хороши. Они ничего не портят, но и не дают ничего положительного. Наиболее удачна среди них, быть может, вторая из упомянутых нами, где Пушкин изображен перед прилавком Смирдина.

Надо заметить, что ленинградские художники, по инициативе В. А. Успенского, в юбилейный год выпускали свои работы по Пушкину в виде особых сборников под названием: "Пушкинский Временник". Отдельные выпуски этих сборников попадаются довольно часто, но полный их экземпляр, состоящий из пяти выпусков, уже сейчас довольно редок, а в будущем ему очевидно, суждено стать одной из библнографических редкостей.

В общую группу следует выделить те "воображаемые" сцены, которые сделаны художниками в качестве иллюстраций к повестям различных писателей на темы из жизни Пушкина.

К сожалению, большинство тех иллюстраций, которые нам пришлось видеть, также бесцветны и малозначительны во всех смыслах, как и породившие их литературные произведения. Таковы, например, работы М. Штаермана к "Повести о Пушкине" Белецкого, из которых наиболее удачными могут быть разве две: Пушкин и швейцар богатого дома, да еще встреча Пушкина на набережной Невы. Не более, если не менее, интересны и иллюстрации М. Н. Орловой-Мочаловой в книге В. Широкого "Пушкин в Михайловском", которые еще к тому же страдают той трафаретной формалистичностью, которую так охотно усваивают себе наши художники, работающие в области деревянной гравюры.

Как известно, И. Новиков написал роман на ту же тему "Пушкин в Михайловском" причем ему более посчастливилось в смысле иллюстраций, которые для него делал П. Павлинов, пером и тушью.

В качестве фронтисписа дан портрет Пушкина верхом, на фоне усадьбы в Михайловском. В дальнейших иллюстрациях отображен ряд моментов в интимнолирических и социально-актуальных: "Вакхическая песнь за пирушкой в Тригорском"; "Пушкин и Арина Родионовна"; "Пушкин и Пущин"; "Известия о 14 декабря в Тригорском (рассказ повара П. А. Осиновой)", данное в двух вариантах; "Пушкин и Дельвиг в Тригорском"; "Пушкин и П. А. Ганнибал"; "Приезд Пушкина к родителями"; "Пушкин и Керн"; "Отъезд Пушкина с фельдъегерем в Москву"; "Ссора с родителями". Одни из этих рисунков выразительнее и сильнее, другие — бледнее и слабее, но все они смотрятся с интересом, а многие, кроме того, по своей тематике восполняют недостававшие до сего времени звенья в изобразительной биографии Пушкина (например, котя бы рассказ повара о 14 декабря).

5

Природа играла такую роль в жизни и творчестве Пушкина, что изобразительный рассказ о поэте был бы далеко не полон, если бы художники не показали нам так называемых "Пушкинских мест". Этого не случилось и мы видим, наоборот, едва ли не сотни Михайловских и Тригорских, десятки Болдиных, Бахчисараев, Гурзуфов и Каменок, наконец не забыт и городской пейзаж особенно излюбленного Пушкиным Петербурга.

Такому обилию, конечно, следует порадоваться, но вместе с тем его сейчас еще очень трудно учесть и как следует в нем разобраться.

Кроме того, это чрезвычайное перепроизводство "Пушкинских мест" невольнонаводит на размышление, что многие, если не большинство кудожников пошли здесь по линии наименьшего сопротивления, боясь взяться непосредственно за кудожественнуюинтерпретацию самого творчества Пушкина и предпочитая отозваться на юбилей простопейзажами, часть которых отнюдь даже и не проникнута пушкинским настроениема просто протоколирует то, что видим сейчас мы и чего отнюдь не видел Пушкин.

Тех же читателей, которые упрекнут нас в недостойности подобного подозрения, мы отошлем к той же, уже ранее нами цитированной беседе в редакции "Литератур-ного Современника", где именно в этих грехах упрекал своих собратьев художник Н. Л. Тырса.

Но, конечно, далеко не все пейзажисты грешили этим пороком; многие пушкинские пейзажи пропикнуты теми настроениями, которые созвучны Пушкину, особенно его лирике, а потому и помогают нашему познанию творчества поэта. Да иначе и не могло быть, так как даже не художник, а просто рядовой читатель Пушкина, попадая, скажем, в Михайловское и Тригорское, скоро ловит себя на том, что при видетого или иного пейзажа этих живописных мест он, независимо даже от своей воли, ассоциирует эти пейзажи не только с биографией, но и с творчеством Пушкина.

Во вступительной статье к изданной в 1936 г. книге "Пушкинские места" (ГИХА). об иллюстрациях к которой мы еще будем подробно говорить дальше, покойный Д.П. Якубович справедливо заметил: "Наше поколение не ошибается, пытаясь прочесть в этом пейзаже поэтический и реальный комментарий к поэтическим созданиям Пушкина и понимая признания самого Пушкина насчет того, что в IV главе «Онегина» он изобразил. собственную жизнь в деревне с почти буквальной точностью. Мы знаем, что строфы о «старинном замке» — поэтически собирательные строфы, именшие в виду может быть Михайловский, может быть Тригорский дом, а может быть и черты старинного замка Ганнибалов в Петровском. Но типическое в пушкинских поэтических указаниях столь ярко, что мысленно невольно отожествляешь их с местами, которые здесь видишь, прикрепляешь отдельные стихи и образы к конкретным элементам пейзажа, поражающим здесь своей особенной задушевностью и красотою. Этот психологический процесс неизбежно повторяется со всяким, кто посещает эти места. Ему способствует та удивительная конкретность и точность, с которой порою названы Пушкиным отдельные карактерные части пейзажа и даже предметы; не вообще рощи, а данная роща, не неведомая дорога, а вот именно эта, по которой мы идем. Поэт действительности — эти слова здесь звучат по-особенному. Зачастую стихи Пушкина хочется читать здесь с сопроводительным указывающим жестом...".

Это говорится о Михайловском и Тригорском, но то же самое можно сказать и о любом другом месте, описываемом Пушкиным: Царском Селе, Петербурге, Москве, Болдине. Недаром в № 2 журнала "Искусство", за 1937 г. М. Сокольников дает очень убедительное сопоставление пейзажей Пушкинских мест с отдельными стихами Пушкина.

Из видов Захарова нам больше всего запомнились пейзажи (масло) К. К. Шестакова. Реалистические по письму, приятные по колориту, они дают вполне правильное представление о простой, ласковой природе средней России, чуждой каких-либо особовыдающихся красот, но исполненной той невыразимой чисто русской прелестью, которую так умел чувствовать и передавать в своих стихах Пушкин.

Не плохи и рисунки итальянским и цветными карандашами Н. Ф. Рыбченкова. К сожалению, в Захарове так мало осталось пушкинского, что виды его как-то гораздо меньше впечатляют, чем виды других Пушкинских мест, а некоторые, как папример пастель А. Ложкина "Липовая аллея в Захарове", и вовсе никак не звучат, так как таких аллей повсюду сколько хочешь.

Как мы уже отмечали выше, наибольшее количество пейзажей относится к Михайловскому и Тригорскому. Среди них однеми из наиболее интересных являются. lib.pushkinskijdom.ru пейзажи (маслом) В. К. Бялыницкого-Бируля ("Скамья Онегина в Тригорском"; "Свято-горский монастырь"; "Могила Пушкина"), сделанные в присущей этому художнику как бы слегка затуманенной манере, где притушены все яркие краски.

Эти осение пейзажи элегичны и приятны, но несколько однообразны, а осеньих — скорее осень Бялыницкого-Бирули, чем осень Пушкина, который, как известно, любил: "пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса".

Кондрат Максимов выступил с пейзажем (масло), изображающим Савкину Горку, который по приемам больше всего напоминает какой-то красочный плакат.

В. Н. Мешков дал большой, сделанный маслом, вид пруда в Тригорском. Первоначально художник изобразил даже и фигуры, котя особенного акцента на них не дал, предназначая их скорее для оживления пейзажа. Однако, позднее он их записал, отчего, по нашему мнению, пейзаж только выиграл.

К. Корыгин изобразил то же место, но уже после того, как сам дом сгорел и от него остался один фундамент. Сделанный углем и сухой кистью нейзаж этот производит сам по себе недурное впечатление. Однако, специфически пушкинского безусловно больше у Мешкова, котя бы по одному тому, что последний изображает дом, который Пушкин действительно видел, в то время как Корыгин довольствуется передачей того, чего Пушкин никогда не видел.

Безусловно хороши работы П. Осипова, который в своих акварелях разгадал секрет, как, оставаясь художником реалистом, стремящимся безо всякой стилизации, возможно более близко передать природу, суметь современные нам, а не Пушкину, пейзажи насытить пушкинским настроением.

С целой большой серией акварелей выступил художник Л. С. Хижинский, издавих затем особым альбомом.

Хижинский чувствует пушкинский пейзаж и умеет передать его. Если краскам его несколько и недостает той прозрачности, которая так пленительна в акварели, то всё же общая гамма их приятна.

Но что положительно хорошо у этого художника, — это виды тех же мест, сделанные в технике деревянной гравюры, а особенно подготовительные к ним рисунки карандашом. Деревянные гравюры эти получили большое распространение благодаря тому, что были изданы в книге "Пушкинские места" (ГИХЛ, Л., 1936). Книга эта представляет собой хрестоматию стихотворных и прозаических отрывков, связанных с Пушкинскими местами, выбранных из произведений и писем Пушкина и его современников. Такое соседство обязывает художника ко многому. Малейшая отсебятина сейчас же зазвучит фальшивой нотой. И к чести Хижинского нужно сказать, что он с этой задачей справился. Особенно хороши, повторяем, подготовительные рисунки к гравюрам, в которых гораздо больше непосредственности и мягкости, чем в самих гравюрах, где порою заметно некоторое увлечение самой фактурой ксилографии, которой, скажем к слову, художник владеет в совершенстве.

Хороши сами по себе, но как-то мало созвучны с Пушкиным, рисунки пером Натана Альтмана, сделанные художником в городище Вороничах ("Крутой спуск" и "Деревья") и в Тригорском ("Дуб").

Также далеки от Пушкина и карандашные рисунки названного городища работы Н. Э. Радлова.

Очень не плохи автолитографии того же городища, а также Тригорского, Михайловского и Святых Гор работы Н. Шиллинговского, помеченные двойными датами 1924—1937 гг.

Сделанные в уверенной свободной манере, эти многочисленные, разнообразные по темам литографии смотрятся с интересом и дают верное представление об изображаемых ими местах, воспринимаясь как живой ясный и впечатляющий графический рассказ о живописных окрестностях изгнания Пушкина. Они достаточно ровны по своим художественным достоинствам, а потому нам трудно, не имея в настоящую минуту их перед глазами, дать преимущество тем или иным из них перед другими.

Е. С. Круганкова сделала сухой иглой несколько недурных видов Михайловского ("Савкина Горка", "Поле со снопами" и др.). Но и у нее пейзажи — одно, а Пушкин — другое.

Много работали в этих местах художники А. Каплун, Т. Правосудович, М. Орлова-Мочалова, автолитографии которых охватывают едва ли не все Пушкинские места б. Псковской губернии. Наиболее удачными среди них являются, на наш взгляд, работы А. Каплуна, которые мы склонны поставить среди просмотренных нами работ подобного рода на второе место после работ Шиллинговского.

Много меньше повезло другому имению Пушкина — Болдину. Оно гораздо менее привлекало художников, хотя в творчестве Пушкина две "Болдинских осени" занимают громадное место. Причина этому кроется, быть может, в том, что окрестности Болдина гораздо менее живописны, чем окрестности Михайловского, а потому дают меньше пищи пейзажисту.

Очень слаба работа (масло) С. Коршунова, изобразившего дом Пушкиных в Болдине.

Аучше ее, но не превышают среднего уровня, работы Гровевского — пруд в Болдине (акварель и гравюра на дереве). Еще лучше по своим художественным достоинствам, но слишком общ и мало проникнут пушкинским настроением офорт Г. С. Беренгофа, изображающий часть Болдина у сада Пушкиных.

Но самыми удачными и едва ли не самыми многочисленными являются и здесь акварели того же П. Осипова, о котором мы упоминали, говоря о видах Михайловского и Тригорского. И когда смотришь эти акварели, на ум невольно приходит и "История села Горюхина" и бесподобные стихотворные описания русской природы, русской деревни.

Упомянем также о гравюрах на дереве П. В. Грозевского, тоже не чуждых пушкинских настроений.

Большинство художников изображает и Болдино в осениюю пору, стараясь тем возможно приблизить свои пейзажи к пушкинским настроениям и одновременно передать ту картину природы, среди которой прошли две "Болдинских осени" Пушкина.

Значительный след в изобразительном искусство оставили и два имения Гончаровых — Полотияный завод и Ярополец.

Гораздо более затейливые, почти даже роскошные по своим постройкам, чем поместье средней руки — Болдино, или тем более крохотное именьице, почти хуторок — Михайловское, обе эти усадьбы Гончаровых привлекали художников не только окружающей их природой, но и архитектурой своих построек.

Б. Ф. Рыбченков много и далеко не безуспешно поработал над увековечением современного состояния Яропольца, который сам Пушкин, более ста лет назад, называл "полуразрушенным". Рыбченков, работая и маслом, и цветными карандашами, и тушью, и офортом, и иглой, сумел в той и в другой технике передать элегическое очарование мощной природы и хрупкой, разрушающейся прелести усадьбы. Художник полюбил то, что взялся изображать и, в силу этого, заставил и эрителя полюбить то, что ему показывает в своих работах.

С такой же, если не любовью, то симпатией передает тот же Рыбченков и виды Полотняного завода, где опять-таки пленяется не только природой, но и различными усадебными постройками, вплоть до башни, поставленной на конюшне. Самый дом Гончаровых интересует его не только снаружи, но и внутри, хотя от былой отделки и убранства комнат уцелели всего лишь жалкие остатки.

Зарисовано им и Остафьево, привлекшее его внимание, повидимому, не только потому, что там гостил Пушкин, но и просто как одно из крупных культурных гнезд дореволюционной России, так как только интересом последнего рода можно объяснить то, что художник зарисовал, например, памятник Жуковскому, который, как известно, поставлен последним владельцем Остафьева — С. Д. Шереметевым.

Нашла свое отражение и Каменка, виды которой (в масле и в итальянском карандаше) дал нам художник А. Пащенко.

Большое место среди пейзажей Пушкинских мест занимает, конечно, юг. Приятны по своим краскам и по своей свободной манере акварели художника Могнлевского, давшего целую серию видов Бахчисарая, 1 которые, однако, по своим художественным приемам и по своей интерпретации сюжета гораздо более близки нашему времени, чем эпохе Пушкина. Поэтому значение их для изобразительной Пушкинианы незначительно.

Бахчисараем же занимался и С. М. Лобанов, сделавший ряд зарисовок, причем художника столько же занимали архитектурно-исторические мотивы, сколько и картины крымской природы. К первым относятся: "Вид на Гарем из сада"; "Ханский Дворец"; "Тюрбе Динары-Бикеч". Ко вторым: "Перевал через Яйлу"; "Ханское кладбище" и др. Как рисунки, все работы Лобанова вполне грамотны, но они могут смотреться и вне всякой связи с Пушкиным.

Очень много хороших литографий с видами Бахчисарая — и черных, и цветных — сделал В. А. Успенский, но все они еще в большей степени, чем работы С. М. Лобанова, живут своей особой жизнью, ничего общего не имеющей ни с жизнью, ни с творчеством Пушкина, хотя весьма вероятно, что при жизни последнего улицы и уголки Бахчисарая имели почти такой же вид, в каком их зарисовал Успенский.

Оригинальна по своим художественным приемам монотипия Е. С. Кругликовой, изображающая дом в Гурэуфе, где жил Пушкин, но и в ней больше Кругликовой и нашей эпохи, чем эпохи Пушкина и его самого.

Из городских видов, так или иначе связанных с Пушкиным, нам прежде всего хочется упомянуть рисунки карандашом Т. Н. Давид, которые, несмотря на явное стремление художника к точности протокола, заносящего данные на сегодняшний день, всё же овеяны дымкой какой-то ретроспективной элегичности.

Зато в литографиях Аьвова "Дом, где жил Пушкин" и "Зимняя Канавка" нет ничего от прошлого, да и протокольности мало, так как сделаны они в нарочито небрежной манере, едва ли уместной при изображении такого четкого города, как Петербург.

Некоторые художники, как например М. Иноземцева, Г. Г. Архиреев, задались целью бытовой реконструкции. Так, первая на одной из своих ксилографий изобразила дом Волконских на Мойке 29 января 1837 г., с народом, толпящимся у входа в квартиру Пушкина, а Архиреев на своем офорте взял тоже место, но не в день смерти, а в дни болезни Пушкина.

Особого впечатления эти работы не производят, но они всё же не плохи. Попытка того же Архиреева изобразить Пушкина и Наталью Николаевну во время прогулки по набережной Невы (офорт) просто не удалась.

Таковы наиболее запомнившиеся нам работы, отображающие Пушкинские места. Несмотря на то, что многие из них, как по своим чисто художественным достоинствам, так, и это в особенности, по своей созвучности пушкинским настроениям, не превышают среднего уровня, а порою даже стоят много ниже его, в общей своей массе они всё же дают не мало материала для изобразительного рассказа о жизни и творчестве Пушкина.

6

Вопрос об иллюстрации произведений художественной литературы — вопрос большой и трудный, безотносительно к тому, в каком плане будут даваться иллюстрации; в плане ли текстуальной иллюстрации, стремящейся точно следовать за текстом, или же в плане иллюстрации, украшающей, ведущей свою параллельную с авторским текстом творческую линию и имеющей с ним лишь одну общую исходную точку.

А на наш взгляд, основная трудность иллюстрации заключается в том, что между индивидуальностями автора литературного произведения и читателя становится еще третья величина — индивидуальность иллюстратора, которая часто вместо того,

¹ О них смотри также ниже в отделе иллюстраций к произведениям Пушкина.

чтобы помогать путем эрительных образов наилучшему усвоению читателем творческих замыслов автора, уводит его на заведомо ложный путь.

Рассуждая теоретически, требуется конгениальность автора и художника, что на практике бывает чрезвычайно редко.

Всё это можно сказать об иллюстрациях к произведениям любого автора. Но когда речь идет об иллюстрациях к Пушкину, эти трудности и опасности возрастают еще во много раз.

В беседе в редакции "Литературного Современника", о которой мы уже упоминали, было высказано несколько любопытных суждений о причинах неудач иллюстраторов Пушкина, которые нам кажутся любопытными и правильными. В этой "Беседе" Н. Л. Степанов указал на то, что ни один иллюстратор Пушкина до настоящего дняне создал ни одного сколько-нибудь общепризнанного образа героев Пушкина, а потому все иллюстрации остались чисто внешними, ни на одну иоту не углубляющими нашего познания Пушкина. Высказанное столь категорически мнение это кажется нам несколько преувеличенным, но всё-таки немалая доля истины в нем безусловно есть. Во всяком случае, главная болезнь названа.

Для дореволюционной иллюстрации можно назвать и еще одну немаловажную болезнь: малочисленность и узость тематики иллюстраций. Но эта болезнь, в значительной мере вызванная цензурными условиями, сейчас в большой степени уже изживается, и иллюстрация наших дней, как увидим ниже, уже широко раздвинула рамки своих интересов, главным образом в сторону социальных и революционных мотивов творчества Пушкина, а также в сторону иллюстрации лирики и лирических отступлений (в "Евгении Онегине").

Зато, как правильно отметил в той же "Беседе" Э. Ф. Голлербах, безусловно вредно на иллюстрации наших дней отразилась "юбилейная спешка", вошедшая, к сожалению, в обиход художников, в силу которой многое было сделано недостаточно продуманно идейно и не вполне выработано технически, так сказать в полусыром виде.

В дальнейшем мы постараемся на нескольких предъюбилейных иллюстрациях доказать правильность высказанных здесь общих положений.

Из иллюстраций к поэмам Пушкина следует отметить работы А. Платуновой к ранней поэме Пушкина "Монах", сделанные жидким маслом в манере росписи подносов. Им нельзя в общем отказать в известной живописности, но это и все, что может привлекать в них. По существу они ничего не добавляют к пушкинскому тексту, а по технике не лишены недостатков.

"Руслан и Людмила" иллюстрированы гравюрами на дереве работы М. Фрадкина (Украина). Иллюстрации сделаны в виде заставок и тематически рисуют:

1) "Похищение Людмилы Черномором"; 2) "Руслан едет на поиски"; 3) "Мертвая Голова"; 4) "Бой Руслана с Черномором"; 5) "Владимир и Руслан над спящей Людмилой". К сожалению, как это часто случается с деревянными гравюрами, иллюстрации эти страдают условностью и, вместе с тем, мало дают для интерпретации текста поэмы.

А. Н. Самохвалов, вместо иллюстрации к поэме, дал портрет молодого Пушкина, сидящего под деревом у воды с записной книжкой и карандашом в руках (автолитография), достаточно искажающий исторический образ Пушкина и ничего не дающий для синтетического портрета

"Кавказский Пленник" иллюстрирован начинающей художницей М. А. Мироновой и Е. Горшман. Первая проделала свою работу в технике деревянной гравюры и, несмотря на несколько довольно удачных моментов, в общем явно не справилась со своей задачей. Вторая, работавшая литографией, оказалась не сильнее М. А. Мироновой, хотя и не имеет того извинения, которым для Мироновой могут служить ее молодость и неопытность.

К сожалению, и автолитография А. Н. Самохвалова, изображающая пленника и черкешенку, тоже не может быть признана особенно удачной.

"Братья Разбойники" иллюстрированы Чеботаревым, использовавшим для этого жидкое масло. Иллюстрации его, предназначенные явно не для книги, а для экспозиции, скучны и серы по краскам, небрежны и условны по рисунку и манере письма. Видимо крассочный, полный жизни и движения, текст Пушкина как-то необычайно своеобразно претворился в воображении художника, но горе последнего заключается в том, что нас он совершенно не сумел совратить в свою веру, почему и иллюстрации его никак не слились для нас с поэмой.

Автолитография А. Н. Самохвалова довольно эфоциональна, но преувеличено небрежна по рисунку, как, впрочем, и большинство его иллюстраций к повмам. Кроме того, поза старшего брата почти балетная.

Аюбопытно разрешил вопрос об иллюстрации "Бахчисарайского фонтана" художник А. П. Могилевский: на двенадцати акварельных иллюстраций, дал восемь современных нам видов Бахчисарая, и лишь четыре сделал текстуальными. Из них лучшие— пейзажи, в то время как текстуальные иллюстрации значительно слабее.

Автолитография Г. А. Васильевой ("Зарема и Мария") как-то совсем несамостоятельна, напоминает чем-то Тамару и Демона Зичи.

Сделанная в той же технике и на ту же тему иллюстрация А. Н. Самохвалова более вцечатляет.

Для того же "Бахчисарайского Фонтана" художник К. Козловский (Украина) сделал гравюру на дереве, изображающую жен хана, причем работа эта по искусственности своей композиции гораздо более напоминает балетную постановку, чем ту, хотя и эквотическую, но чисто бытовую картину, которую нам дает текст Пушкина.

Сравнительно повезло "Цыганам". Из иллюстраций к ним прежде всего отметим автолитографии А. Е. Клементьевой. Они просты и убедительны, а реализм в них умно сочетается с экзотикой и романтикой сюжета. Если герой поэмы Пушкина были и не совсем такими, то, во всяком случае, они были близки к типам, которые придала им Клементьева. Художница сумела найти в себе и темперамент, и такт, которые позволили ей, не будучи безличной и беспветной, одновременно и не навязать автору поэмы ничего такого, что бы шло вразрез с его художественным замыслом.

У опытного мастера В. М. Конашевича есть целая большая серия автолитографий к произведениям Пушкина, а среди них и к "Цыганам". Довольно приятные по манере, в которой они сделаны, иллюстрации его к этой поэме мало дают в смысловом отношении.

В той же технике сделана иллюстрация А. Н. Самохвалова, который как-то слишком театрализовал героев Пушкина, что не мешает, однако, его иллюстрациям быть самим по себе довольно интересными и выразительными.

Те же два художника — К. А. Клементьева и А. Н. Самохвалов — да еще В. Г. Бехтеев иллюстрировали "Графа Нулина", причем общий характер и приемы их работы над указанной поэмой те же самые, что и над предыдущей. Однако, но нашему личному мнению, "Граф Нулин" удался Клементьевой несколько менее, так как она увлеклась, с одной стороны, бытовой обстановкой, а с другой, — соблазном тех анекдотических положений, которыми так богата эта поэма. Но это больше придирки, а в общем и эти ее иллюстрации скорее следует признать удачными. Особенно удачна иллюстрация к "Графу Нулину" В. Г. Бехтеева (акварель), изображающая ночной визит графа к Наталье Павловне.

Своеобразным видом иллюстрации являются силуэты, которые по самой своей сущности ограничены в возможностях интерпретации характеров героев, имея возможность дать одни лишь их тени. Поэтому силуэтисту по необходимости приходится значительную часть своего внимания фиксировать на чисто внешних положениях как отдельных людей, так и их групп и, наконец, на сочетаниях их с так называемыми неодушевленными предметами. К тому же силуэт обладает еще одним качеством: чуть он начинает приближаться к реализму, как фатально всё более и более сближается

с шаржем. Вот почему некоторая степень стилизации всегда была, есть и, вероятно, будет присуща силуэту.

Всё сказанное нами полностью применимо к работам молодого, безвременно погибшего художника В. А. Свитальского, силувты которого к "Графу Нулину", несмотря на внешнюю красивость, чистоту исполнения, удачную в большинстве случаев скомпанованность, не могут тем не менее претендовать на значение полноценных иллюстраций к поэмам Пушкина.

К "Полтаве" делали автолитографии М. С. Родионов и А. Н. Самохвалов, давшие моменты появления сумасшедшей Марии и бегства ее с Мазепой. Обе литографии не плохи и являются недурными иллюстрациями.

"Домик в Коломне" иллюстрирован опять-таки тем же А. Н. Самохваловым, сохранившим и здесь все свои достоинства и все свои недостатки. Надобно сказать, что по условиям, поставленным издательством, художник был стеснен малым количеством иллюстраций, в силу чего самая задача иллюстрирования была еще значительно осложнена выбором главных моментов. Для "Домика в Коломне" Самохвалов выборал момент найма служанки, разрешив его просто и с юмором.

Для "Анжело" сделал иллюстрацию тот же А. Н. Самохвалов, причем эта автолитография его может считаться одной из самых удачных по выразитольности. Тут хорошо дан и тип развратного судьи и отчаяние молодой красавицы.

Вышеназванный художник иллюстрировал и "Тазита" (Галуба), для которого выбран тот момент, когда старик укоряет Тазита, а тот слушает его, опустив голову. В этой работе художник хорошо передал и типы, и внутреннее движение персонажей, остающихся внешне неподвижными.

Одна из величайших поэм Пушкина "Медный Всадник" издавна пленяла воображение художников. Наиболее значительными из произведений художников в этой области до сих пор остаются иллюстрации А. Н. Бенуа, над которыми он работал едва ли не двадцать лет. Можно, конечно, не вполне соглашаться с художником в его толковании замысла Пушкина, можно возражать против насквозь проникающей эту работу "мироискуснической" идеологии, столь далекой и чуждой людям сегодняшнего дня, но по своим художественным достоинствам, по своей цельности и выдержанности работа эта — явление исключительное, далеко оставляющее за собой всё то, что делалось в этой области до него и, к сожалению, не превзойденное до нашего времени.

Мы говорим "к сожалению" потому, что с момента выхода в свет издания с иллюстрациями А. Н. Бенуа мы сумели прочесть в поэме Пушкина много нового, что настоятельно требует своего графического отображения.

Между тем, юбилейные дни принесли нам совершенно слабую работу украинской художницы М. Котляревской, включающую в себя пять заставок и концовок, да еще суперобложку, где на фоне панорамы набережной Невы изображен Медный Всадник. Уже самое служебное назначение рисунков показывает, как эдесь снижено значение налюстраций. Однако это, быть может, и лучше, так как художница не справилась и с этой скромной задачей, разрешив ее претенциозно и притом малооригинально.

Гравюры на дереве А. Кравченко вообще чрезвычайно формалистичны, а в сценах из "Медного Всадника" гравюры на дереве и рисунок пером явно зависят от работ Александра Бенуа, являясь не более как их перепевом.

Две автолитографии А. Н. Самохвалова ("Евгений спешит домой"; "Евгений и Медный Всадник") принадлежат к одним из наименее удавшихся работ этого художника и тоже в какой-то мере, как и работы Кравченко, зависят композиционно от Бенуа.

Эмоциональны, но грубоваты две литографии к "Медному Всаднику" работы О. Амосовой-Бунак, изображающие: 1) "Евгения, едущего с лодочником через неуспо-коившуюся еще Неву" и 2) "Безумного Евгения на берегу Невы". На последней иллюстрации художница посадила Евгения у здания Таможни (ныне Пушкинского Дома), выстроенного в 1835 г.

"Скупого Рыцаря" иллюстрировали А. И. Кравченко и Г. Г. Филипповский. Наиболее интереспы иллюстрации Кравченко, хотя, как большинство его работ, они и грешат несколько театральной патетикой и условностью как самого замысла, так и выполнения (в технике ксилографии). Однако, вместе с тем, в них есть и несомненная искренность, свидетельствующая о том, что художник по-своему переживает и откликается на творчество Пушкина (например "Барон и вдова"). Но быть может правы те, кто говорит, что А. И. Кравченко слишком пессимистичен, чтобы правыльно понять полные жизненных сил и светлого ясного оптимизма образы героев Пушкина. Что касается Филипповского, то он очень слаб по рисунку.

А. Якобсон нарисовал старого барона в подвале, стоящим перед золотом в позе влюбленного на одном колене, что само по себе довольно остроумно, но едва ли подходит для такого мрачного типа, каким был отец Альбера.

На этот раз, быть может, ближе к истине И. Рерберг (силуэт), поставивший на своем силуэте старого маньяка в горделивую позу и дав ему в одну руку меч и ключи, а в другую золотой.

Над иллюстрацией к "Моцарту и Сальери" работал тот же А. И. Кравченко (деревянные гравюры), Д. И. Митрохин (перо, тушь) и И. Рерберг (силуэт). Нам нечего добавить здесь к только что данной нами несколькими строками выше характеристике иллюстрационных приемов Кравченко. Скажем только, что его фантастика здесь более уместна (например появление черного человека). Что касается Митрохина, то его иллюстрации к "Моцарту и Сальери" условны и одновременно мало выразительны.

Рисунок А. Якобсон ("Моцарт играет") как-то очень напоминает театральную постановку, а потому производит мало естественное впечатление.

"Каменный Гость" иллюстрирован А. И. Кравченко (гравюры на дереве), о характере работ которого мы уже говорили, и К. А. Клементьевой (автолитографии). Из работ последней иллюстрации к "Каменному Гостю", на наш по крайней мере взгляд, самые слабые, а по своей композиции—наименее самостоятельные, но и они ничего не портят и ни в чем не расходятся резко с текстом Пушкина.

Удачен, с нашей точки зреняя, рисунок А. Якобсон ("Дон-Жуан и Донна-Анна на кладбище"), сумевшей сосредоточить всё внимание зрителя на двух героях, а последним дать жизнь и движение, и, наоборот, мало удачен силуэт И. Рерберга, выбравшего ту же самую сцену, но излишне отяжелившего свой рисунок различными архитектурными подробностями, а самим фигурам придавшего тяжесть и деревянность.

"Пир во время чумы" иллюстрирован Д. И. Митрохиным (перо, тушь), при чем и эту его работу, как и вышеупомянутые иллюстрации к "Моцарту и Сальери", тоже нельзя признать удачной, как изобилующую условностями и мало выразительную.

Довольно оригинальна и впечатлительна работа Сарры Шор (тушь), сделанная свободными, смелыми штрихами ("Песнь председателя").

Из ксилографий к "Пиру во время чумы" работы А. Кравченко наименее формалистична "Поющая Мэри".

Силуэт И. Рерберга ("Песнъ председателя") слишком статичен и совсем не передает настроения пира на краю могилы.

Рисунок А. Якобсон сделан в легкой эскизной манере и довольно приятен, не погрешая к тому же ни в чем существенном против историко-бытовой обстановки средневековья.

Два рисунка тушью сделал к "Русалке" В. М. Конашевич, выбрав темой для них: 1) "Прощание князя с дочерью мельника" и 2) "Мельник и князь". Оба эти рисунка выполнены в излюбленной мастером внешне небрежной манере. Но на этот раз они не вносят ничего нового в графическое овеществление текста Пушкина.

Вторым юбилейным иллюстратором "Русалки" явился Б. А. Дехтерев ("Свидание князя с мельником" — итальянский карандаш). Будучи сделан вполне реалистично, рисунок этот является не более как общим местом на заданную тему.

Эскизный рисунок А. Якобсон ("Прощание князя с дочерью мельника") является одним из наиболее слабых ее рисунков к Пушкину.

Одно из наиболее значительных произведений Пушкина— "Бориса Годунова" иллюстрировали: художница А. Н. Якобсон (рисунки пером), а также художники В. М. Конашевич (тушь) и В. А. Свитальский (гравюра на бумаге).

К "Борису Годунову" Якобсон дала неплохую сцену на Красной площади, но мало подчеркнула характерные моменты эпохи и события.

В. М. Конашевич в своей работе над "Борисом Годуновым" оказался художником совершенно неприспособленным к работе над историческими произведениями, да притом еще из жизни допетровской России, но в его работах есть эмоциональность.

Наиболее спорными являются иллюстрации А. В. Свитальского. Прежде всего необычна их техника. Художник выбрал всё ту же бумагу, из которой он привык резать свои силуэты, но на втот раз использовал этот привычный ему материал совсем по-новому, взяв за образец гравюру XVII в.

Выбор для образца иллюстраций гравюры XVII в., связанной в значительной мере иконописными образцами, а потому полной условностями, для иллюстрирования такой жизненной вещи как "Борис Годунов" едва ли может быть признан вполне удачным, так как не дает художнику никакой возможности охарактеризов ать отдельных действующих лиц, характеры которых даны Пушкиным с такой силой и с таким разнообразием индивидуальностей. Вот, думается нам, причина того, что искусные сами по себе иллюстрации эти как-то совсем не вяжутся с пушкинским текстом, оставаясь не более как стилизацией под старину.

Как и следовало ожидать "Евгений Онегин" оказался той вещью, на которой в юбилейные годы испробовало свои силы наибольшее число художников.

В своей статье "Иллюстраторы «Евгения Онегина» 1 М. З. Холодовская вполне справедливо замечает, что ни один из иллюстраторов Пушкина, на протяжении более столетия, не понял исторической роли романа Пушкина, отмеченной еще В. Г. Белинским. В результате, как уже говорилось выше, мы до сих пор не имеем даже "ни одного сколько-нибудь убедительного изображения Онегина и Татьяны..." К сожалению, и юбилей ни на иоту не приблизил нас к разрешению этой задачи.

Свои иллюстрации к "Евгению Онегину" Н. А. Кузьмин выпустил еще в 1932 г. Как по своей манере, имитирующей манеру рисунков Пушкина, так и по выбору тем для своих рисунков, стремящихся иллюстрировать не только моменты основного развития романа, но и лирические отступления, наконец, по постоянному введению в иллюстрации изображения самого Пушкина, работа Кузьмина произвела сначала свежее, интересное впечатление. Однако, с течением времени, когда пропало впечатление новизны, нарочитость художественных приемов Кузьмина, состоящая в значительнейшей мере в имитации рисунков Пушкина, стала казаться несколько назойливой. Поэтому, когда к юбилею Кузьмин снова выступил (для чешского издания романа) с вариантами на ту же тему, впечатление ложности выступило с еще большей силой.²

Еще менее удачны иллюстрации В. М. Конашевича, сделанные мельчайшими рваными штришками пера, почти точками, образующими в своей совокупности какую-то серую сетку, в которой, как в тумане, теряются четкие очертания отдельных фигур и предметов. Иллюстрации эти почти ничего не дают в смысловом отношении, ничем не пытаются пояснить текст Пушкина. Художник, видимо, увлечен самой фактурой рисунка, а кроме того, старается со всяческим тщанием, котя и с преувеличением в сторону пышности, передать обстановку дворянского быта. Ни о какой психологической характеристике действующих лиц, конечно, нет и речи Иллюстрации Конашевича.

¹ Журнал "Искусство", 1937, № 2, стр. 73-96.

² Следует отметить, что в статье, посвященной иллюстраторам "Евгения Онегина", М. З. Холодовская высказывает предположение, что Н. А. Кузьмин не подражает Пушкину, а следует своей собственной манере рисунка.

за димо, предназначены не пояснять текст, а всего лишь укращать его, что, впрочем, выполняют весьма относительно.

Следует еще упомянуть, что среди отмеченных уже нами выше сорока одной автолитографии В. М. Конашевича к различным произведениям Пушкина, имеется шесть разрозненных иллюстраций к "Евгению Онегину", которые проще и лучше описанных нами выше работ того же художника на эту тему, но тоже не добавляют ничего к его славе иллюстратора. Наиболее удачны из них: 1) Дворовые ребята на катке, 2) Татьяна у окна и 3) пейзаж с рекой.

О силуэтах В. А. Свитальского к "Евгению Онегину" можно сказать всё то же самое, что сказано было нами выше о его же силуэтах к "Графу Нулину", с тем только разве дополнением, что, с одной стороны, они острее задуманы, а с другой — очень неважно напечатаны, так что получается громадная разница впечатлений от оригиналов и воспроизведений в книге.

Критика полупохвалила К. Рудакова за его иллюстрации (автолитографии) к Пушкину вообще и за иллюстрации к "Евгению Онегину" в частности. Она отметила его стремление красиво рисовать, с похвалой отозвалась о типе Татьяны, которая изображена у него застенчивой "девочкой-дикаркой", наконец, похвалила иллюстрации вообще за их простоту и искренность, но на ряду с этим отметила, что иллюстрации его "носят печать небрежности и спешки", в силу которой не всюду "выдержан типаж персонажей", указано было также на традиционность выбора сюжета для иллюстраций.

Эта полупохвала, полупорицание будет, пожалуй, наиболее правильной оценкой работы Рудакова, которая, конечно, не плоха, но достаточно поверхностна, чтобы не слишком выделяться из среды других иллюстраций.

Шесть гравюр на дереве украинской художницы Кияшко условны и технически грубо сделаны, а местами, например в сцене на балу Лариных, излишне карикатурны и даже не вполне грамотны. Насколько лучше других заставка к VIII главе, изображающая Онегина в кресле перед камином.

Из прозанческих произведений Пушкина, иллюстрированных в юбилейные годы, остановнися на некоторых:

"Арап Петра Великого" иллюстрирован М. Котляревской (деревянная гравюра), изобразившей сцену встречи Ибрагима с Петром І. Гравюра эта, не лишенная условностей, свойственных большинству наших ксилографов, является всё же одной из лучших среди работ этой художницы к прозе Пушкина.

Автолитографии Е. М. Родионовой к тому же произведению сделаны в простой довольно приятной манере, хотя тип Петра, в сцене встречи с Ибрагимом, достаточно произволен.

Но что уже вовсе слабо, так это две иллюстрации художника А. Силина, напоминающие иллюстрации в однотомниках 80—90-х годов XIX в.

"Повести Белкина" в полном своем составе имели двух иллюстраторов: Н. И. Пискарева и Л. С. Хижинского, которые оба работали в технике деревянной гранюры. Из них двоих преимущество, по всей справедливости, должно быть отдано Пискареву, небольшие гравюрки которого, прекрасно сделанные в техническом отношении, если и не являются вполне полноценными смысловыми иллюстрациями, дающими характеристику героев, всё же достаточно стильны и вырази тельны, чтобы ничем не нарушить впечатление от пушкинского текста.

Гравюры Хижинского, как и все работы этого мастера, совсем не плохи технически, но среди его работ несомненно являются маловыразительными и скорее неудачными, что признает и оп сам.

Из отдельных повестей имеются иллюстрации Н. И. Пискарева к "Выстрелу" (гравюра на дереве), довольно эффектная по композиции (Сильвио в доме графа). Если сравнить ее с иллюстрацией на туже тему Хижинского, сравнение будет отнюдь не в пользу последнего. Та же сцена в трактовке украинской художницы М. Котляревской (гравюра на дереве) так же груба, мы бы сказали "деревянна", как и большинство иллюстраций

этой художницы. Об автолитографиях К. Рудакова можно сказать всё то же, что сказано было выше об его автолитографиях к "Евгению Онегину"— они вышли эффектны, но маловыразительны.

"Метель" в иллюстрациях пером А. Якобсон, сделанных в присущей ей манере моментальных набросков, не лишена отдельных удачных рисунков (например: свидание в лесу; чтение письма).

Гравюра на дереве М. Котляревской ("Буран") формалистична и неприятна, а "символические пылающие сердца", видные в верхней части гравюры, как-то совсем никчемны.

Так же мало удалась "Метель" и Хижинскому, хотя она много проще и много выразительнее работы Котляревской, но наиболее удачной следует признать гравюру на дереве Н. И. Пискарева, где черным силуэтом на белом фоне бурана изображен Владимир.

Рисунок карандащом Д. А. Щмаринова очень мало выразителен как по внешнему своему виду, так и по внутреннему содержанию.

В иллюстрациях к "Г р о б о в щ и к у" снова встречаются три ксилографа: М. Котляревская, давшая самую грубую из композиций, Н. И. Пискарев и Л. С. Хижинский, которые, на этот раз, разрабатывая разные моменты повести (первый — везут гроб, а второй — прикрепляют вывеску) дали на этот раз оба недурные гравюры.

Кроме того, художник Н. Зарецкий сделал четыре рисунка, которые навеяны отчасти автоиллюстрациями Пушкина, а отчасти традициями "Мира искусства".

"Станционный Смотритель" в иллюстрациях А. Якобсон (рисунки пером) стоит, примерно, на том же уровне, что и описанные уже нами ее же иллюстрации к "Метели". Как и там, художнице лучше удались здесь отдельные рисунки, чем вся их сюнта. Жаль также, что действие в начале повести она перенесла с почтовой станции в обстановку помещичьего дома средней руки.

Гораздо более просто и жизненно изображение почтовой станции и ее обителей на автолитографии А. А. Суворова.

Н. И. Пискарев и на этот раз оказался более интересным, чем Л. С. Хижинский, станционный смотритель которого, идущий через Полицейский мост в Петербурге, гораздо больше напоминает католического патера, чем смотрителя. Работа М. Котляревской над этой повестью идет в уровень с другими ее работами.

В своем рисунке (нтальянским карандашом) к "Барышне Крестьянке" Б. А. Дехтерев гораздо более жив и выразителен, чем в упомянутом рисунке к "Русалке", но всё же работа его еще далека от хорошей иллюстрации.

He поднялся над средним уровнем своими четырымя автолитографиями и Т. М. Правосудович.

Из трех ксилографов: М. Котляревской, Л. Хижинского и Н. Пискарева, наиболее удачной снова оказывается работа Пискарева, так как Хижинский, по обыкновению, удачно дав нейзаж, зачем-то вдруг исказил фигуры, а Котляревская, как и всегда, оказалась груба.

К "Истории села Горюхина" сделали иллюстрации А. Н. Самохвалов (автолитография) и М. Котляревская (ксилография). Хваля иллюстрации к Пушкину Самохвалова, покойный его учитель К. С. Петров-Водкин довольно правильно замечал, что Самохвалов всё еще заражен в них Салтыковым-Щедриным, а потому несколько искажает образы Пушкина. Заметим от себя, что нигде эта "зараза" не чувствуется так сильно, как именно в иллюстрации к "Истории села Горюхина", но всё же, конечно, эта литография гораздо более выразительна, чем деревянная гравюра М. Котляревской.

" $\mathcal{A}$ у б р о в с к о м у" к юбилею положительно повезло на удачные иллюстрации. Прежде всего здесь следует отметить работу художника А. Пахомова, которая интересна по своеобразному выбору сюжетов иллюстраций, где романтика любви идет в ногу и даже позади романтики бунта против произвола, а кроме того и по достоинству

рисунков, правда, к сожалению, несколько слишком шаржированных. Как бы то ни было, а эти иллюстрации несомненно оставят свой след среди иллюстраций к Пушкину.

Не плохи и автолитографии к "Дубровскому" работы М. Е. Горшман, сделанные в ревлистической манере.

Наиболее малоудачны две иллюстрации В. М. Конашевича (акварель: "Убийство медведя" и "Прощание Дубровского с Машей"), отличающиейся какой-то манерностью и театральностью (особенно вторая).

М. Котляревская дает сцену прощания Владимира с дворовыми на фоне горящей Кистеневки, по своему обыкновению, условно и деревянно. Несколько лучше (в смысле живости) удалось ей нападение на карету.

Зато в своей гравюре к "Капитанской Дочке" (набег Пугачева) та же художница вновь схемативнровала свою композицию и тем связала движущихся людей, отняв всю динамику у молниеносного набега.

Е. Я. Хигер на своем офорте изобразил Пугачева во главе сопровождающих его калмыков, а также Гринева и Савельича.

"Пиковую Даму" иллюстрировал А. Н. Кравченко, сделавший для нее пять гравюр на дереве, в обычной своей манере, условной и быть может, излишне патетичной, но тем не менее внечатлительной. Композиционно часть этих гравюр (например—"Игра в карты в Версале"; "Прощание Германна с мертвой графиней") идет от Александра Бенуа.

Но наиболее интересными из юбилейных иллюстраций к "Пиковой Даме" должны быть признаны автолитографии Н. А. Тырсы, про которые покойный Петров-Водкин вполне правильно ваметил, что "они дают не события, а образы событий" и тем далеко опережают Бенуа. Сразу же по выходе в свет работ Тырсы, критика отметила ряд их достоинств, как, например, весьма искусное использование цвета и, несмотря на отмеченную спорность отдельных приемов, признала появление их довольно крупным событием в истории иллюстрирования Пушкина. Нам лично наиболее удачными кажутся: "Лиза у окна" и "В игорном доме", где художник в круг действующих лиц ввел и самого Пушкина.

Совсем особияком стоят импрессионистические работы к этой повести А. В. Ванециана, исполненные мрака и фантастичности и написанные смолой и маслом.

Отметим также слабую гравюру на дереве М. Котляревской к "Кирджали", слабый же рисунок пером и тушью М. Штаерман к "Путе шествию к Арзрум" (Пушкин в развевающейся бурке скачет верхом на лошади).

П. Б. Митурич сделал целую сюиту из четырнадцати иллюстраций (акварель, перо, тушь) к "Джону Теннеру". Рисунки эти суховаты и грубоваты как по рисунку, так и по краскам.

Вероятно, ни один род произведений Пушкина не иллюстрировался так много-кратно, как его сказки.

Из предъюбилейных иллюстраций к "Сказке о царе Салтане" упомянем прежде всего двенадцать рисунков тушью (кисть) старого опытного мастера И. Я. Билибина, давно уже выработавшего свой "билибинский" стиль иллюстраций и в совершенстве им владеющего. Новые его иллюстрации сделаны в той же манере. Они очень хороши сами по себе, но для нас лично остается вопросом, совпадало ли пушкинское чувство русской сказочности с тем, которым полон каждый рисунок Билибина. С этой единственной оговоркой мы принимаем новую работу И. Я. Билибина, как несомненный вклад в иллюстрационный фонд Пушкина.

Что касается рисунков к "Сказке о царе Салтане" художника Э. В. Аусберга, то они как-то странно колеблются между типом работ Билибина и блаженной памяти Самокит-Судковской.

Иллюстрации В. Таубера излишне шаржированы в своей сказочности.

Свою собственную дорогу, в меру сказочную, в меру реалистическую и в меру шутянвую сумел найти в своих цветных автолитографиях Е. А. Кибрик, проиллюстриlib.pushkinskijdom.ru ровавший все сказки Пушкина. В частности, для "Царя Салтана" он нарысовал убегающий по морю корабль, за которым гонится комар.

Иллюстрация к "Сказке о попе и работнике его Балде" (Балда дает щелчок попу), разрешена Кибриком в форме шаржа, причем художник не пощадил не только попа, но и самого Балду, сделав его веселым, немного гулящим мужиком. Иллюстрировала эту сказку и Платунова, сделав свои иллюстрации (жидкое масло на бумаге) в виде лубка или росписи подносов, что частично вышло у нее довольно удачно.

Работа Л. Красовского для издания на нивхском языке, немного формалистична. Удачнее других тот рисунок, где изображено, как Балда рубит дрова.

"Сказка о рыбаке и рыбке" иллюстрировалась художником Т. Н. Давид (шесть монотиций). Приятные по широкой манере и по краскам рисунки эти, к сожалению, несколько излишне шаржированы. Далее работал на эту тему и Л. Красовский (для издания на нивхском языке), о характере работы которого мы говорили выше ("Сказка о Балде"). Здесь наиболее удачен тот рисунок, где стража гонит старика.

Иллюстрации для издания на осетинском языке, сделанные В. Лермонтовым, исполнены в так называемом "русском" стиле и не представляют собой ровно ничего нового.

Точно также не более как огрубленным вульгаризированным Билибиным является и художник, иллюстрировавший эту сказку для издания в Азербайджане.

Совсем слабы акварели художника А. В. Варфоломеева, сделанные им для Государственного Крымского издательства, которые к тому же частично не отличаются и самостоятельностью.

Е. А. Кибрик дал немного путанную по композиции сденку (старик вытащил Волотую рыбку).

В меру весело и остроумно иллюстрировал двенадцатью акварелями эту еказку В. М. Конашевич. Только краски его не всегда приятны, да еще стилизованная зеленая волна скорее похожа на какие-то растения, чем на воду.

Для "Сказки о мертвой царевие" Е. А. Кибрик нарисовал элую царицу, любующуюся собою в волшебное зеркальце, причем царица эта вышла у него более положа на какую-то легендарную иноземную героиню, чем на персонаж из русской сказки, что едва ли можно считать удачным. Для "Сказки о Золотом Петушке" Е. А. Кибрик дал момент падения Царя Додона с колесницы.

Для издания этой сказки на узбекском языке художником Боржем были сделаны иллюстрации, не совсем удачно подражающие примитивным лубкам.

Наконец начало "Сказки о Медведице" иллюстрировал Е. А. Кибрик, изобразивший смерть медведицы от рогатины охотника.

Упомянем несколько иллюстраций к отдельным стихотворенаям Пушкина: "А и чар" иллюстрирован В. М. Конашевичем (литография) и Л.Е. Фейнберг (сангина), причем последняя сделала целых три рисунка к этой вещи. "Буря мглою небо кроет" довольно удачно иллюстрирована В. М. Конашевичем (литография). "Деревня"— литография А. А. Суворова, который среди деревенского пейзажа дал сцену из крестьянской жизни. "Дорида" удачно иллюстрирована Л. Е. Фейнберг (сангина). "Зимия я дорога"—бурят-монгольским художником Ц. Сантиловым (тушь и белила). "К морю" две гравюры на дереве К. Козловского, который изобразил самого Пушкина на морском берегу. "Леилу" иллюстрировала та же Л. Е. Фейнберг (сангина) и, опять-таки, довольно удачно. Но едва ли не наиболее удачным из ее рисунков являяется "Муза" ("В младенчестве моем, она меня любила..."), где изображены Муза и Пушкин. "Песнь о вещем Олеге" иллюстрировал звтолитографией В. М. Конашевич. "В Сибирь" ("Во глубине сибирских руд...") — Н. П. Дмитриев, изобразивший тот момент, когда декабристы читают послание Пушкина. "Пастушка" иллюстрирована Л. Е. Фейнберг (сангина). "Утопленник" — Ц. Сантиловым (тушь и белила).

7

В заключение скажем несколько слов об иллюстрациях к Пушкину на лаках Палеха и Мстеры.

О значении Пушкина в истории советского Палеха имеется целое исследование Г. В. Жидкова: "Пушкин в искусстве Палеха" (Госивдат, 1937). Там подробно расскавано о том, как непосредственно от фольклора палещане в 1925 г. пришли к Пушкину, а также дан детальный искусствоведческий анализ разработки палещанами пушкинских тем. Поэтому мы отсылаем всех интересующихся к работе Жидкова, эдесь же только перечислим те из экспонатов Всесоюзной Пушкинской выставки, которые носят даты 1936—1937 гг.

"Бесы" — И. Вакуров (1936) и В. Молев (1936); "Борис Годунов" — Н. Руслов (1936); "Граф Нулин" — Д. М. Турин (1937); "Домик в Коломне" — В. М. Салабанов (1936); "Евгений Онегин" — А. А. Дыдыкин (1937); "Кавказский Пленик" — И. П. Вакуров (1936); "Медный Всадник" — Г. К. Буреев (1936); "Пир во время чумы" — А. С. Баранов (1936); "Станционный Смотритель" — Ф. А. Каурцов (1936); "Русалка" — Д. М. Турин (1936); "Руслан и Людмила" — А. Блохин (1936), А. Вакуров (1936), М. Дыдыкин (1936), Аятов (1936); "Сказка о золотом петушке" — И. П. Вакуров (иллюстрация в книге, 1936—1937), В. В. Катухин (1936); "Сказка о мертвой царевне" — И. М. Баканов (иллюстрация в книге, 1936—1937); "Сказка о попе и работнике его Балде" — А. С. Баранов (1936), Д. Н. Вуторин (иллюстрация в книге, 1936—1937); "Сказка о царе Салтане — И. И. Голиков (иллюстрация к книге, 1936—1937); "Пушкин записывает сказания слепых" — П. Парилов (1936).

Артель Мстеры представила на выставку много меньше работ, относящихся к этим годам, а именю: "Блаженство"— Н. А. Каравайков (1936); "Кавкая"— А. И. Брягин (1936); "Руслан и Людмила" В. Рошков (1936); "Сказка о золотом петушке"— А. И. Брягин (1936), Н. Гурьянов "Сказка о царе Салтане"— Г. Дмитриев (1936), Н. Коровайков (1936); "Цыганы"— В. Н. Овчинников (1936).

На этом мы заканчиваем наш по необходимости беглый и, к сожалению, далеко не полный отчет об отображении Пушкина в изобразительном искусстве.

Уже самое расположение материала нашей статьи показывает, что мы не столько стремились дать искусствоведческий анализ, сколько подвести некоторые предварительные итоги тому, что же дало к юбилею изобразительное искусство нового для познания Пушкина.

И с удовлетворением можем уже сейчас констатировать, что по сравнению со всем многолетним искусством дореволюционным, этот единовременный вклад, несмотря на все ошибки и промахи, которые мы отнюдь не старались затущевать, оказался далеко не мал по количеству и достаточно высок по качеству.

Это обстоятельство дает нам полную уверенность в том, что именно наше время в пропессе дальнейшей творческой работы над Пушкиным разрешит, наконец, давно уже назревший вопрос о достойном иллюстрировании как произведений, так и биографии Пушкина.

М. Беляев.

Пушкинские романсы советских композиторов (1936—1937)

Столетие со дня смерти Пушкина послужило стимулом к созданию огромного количества произведений советских композиторов на сюжеты и тексты поэта.¹

¹ Полный их библиографический указатель, составленный Б. Яголимом, напечатав в журнале "Советская музыка" (1937, № 2).

На советской сцене уже поставлены балеты "Цыгавы" С. Н. Василенко (написан в 1936 г.), "Кавказский пленник" Б. В. Асафьева (1936), а ранее его же "Бахчисарайский фонтан" (1934), детская опера Л. А. Половинкина "Сказка о рыбаке и рыбке" (1935); в концертном исполнении были показаны оперы "Капитанская дочка" С. Я. Каца (М., 1936—1937), "Усадьба" (по "Графу Нулину") М. Коваля (М., 1936), "Станционный смотритель" В. Н. Крюкова (М., 1936).

Советскими композиторами написаны в 1936 г. также крупные симфонические произведения: симфоническая поэма "Медный Всадник" (для оркестра, хора, солистов) ленинградского композитора А. А. Михайлова, две симфонии на тему "Пушкин", одна—ленинградского композитора А. П. Гладковского и другая— московского композитора С. А. Бугославского, симфония "Узник" В. В. Алексеева (Москва).

Новых романсов на тексты Пушкина ¹ написано советскими композиторами в период 1936—1937 гг. свыше ста, причем в отличие от дореволюционной музыки на тексты поэта замечается повышенный интерес композиторов к его революционной и философской лирике, нередко и стремление в связном цикле романсов выразить определенную идею.

С этой стороны особенно интересна "Пушкиниана" Мариана Коваля, цикл романсов для голоса с фортепиано и чтеца (Музгиз, М., 1936). Автор песен и литературного монтажа М. Коваљ стремился показать "образ Пушкина — кипучего и страстного, глубокого и скорбного, мятущегося в тисках царизма" (из предисловия к сборнику). Романсы, песни и музыкальные монологи скреплены цитатами из дневников и писем поэта, которые должен исполнять чтец, перемежаясь с певцом. По замыслу, четкому воплощению основной иден и выбору произведений для пения и чтения "Пушкиниана" является новым словом в области камерной вокальной литературы. Музыкальная композиция "Пушкинианы" М. Коваля слабее его замысла и выполнения литературного монтажа. Стремясь воссоздать лирико-драматическую сторону облика Пушкина (Предисловие), показать поэта кипучим и страстным, композитор в своей музыке не дал этой страстности и насыщенного драматизма. Лишь немногие песни Коваля звучат с эмоциональным подъемом (например, первая "Так, полдень мой настал" и последняя десятая — "Погасло дневное светило"). Большинство же песен Коваля — речитативы, проходящие на фоне фрагментарного и тематически мало связанного с вокальной партией фортецианного аккомпанемента. Последний является обычно фоном, сделанным без учета богатых тембровых и виртуозных возможностей инструмента. Манера трактовки фортепиано у Коваля местами приближается к оркестровому стилю, например, очень часто композитор пишет выдержанные на протяжении нескольких тактов басовые ноты, которые на фортепиано являются фикцией, ибо эвук инструмента быстро затухает, а в оркестре эти длительные басовые тона звучали бы тяжело. Мелодии вокальной партии в ряде песен сухи, абстрактны, лишены той эмоциональной насыщенности и связных, контрастных песенных элементов, которые характерны для пушкинских романсов Глинки, Бородина, Римского-Корсакова. К достоинствам "Пушкинианы" следует отнести внимательное отношение композитора к ритмике и интонациям стихотворного текста, бережную его музыкальную трактовку.

Ленинградский композитор В. М. Дешевов написал цикл романсов на тексты лицейских стихотворений Пушкина, в которых композитор, на ряду с чутким подходом к структуре стиха, мастерски сочетал напевность с музыкальной декламацией, в то же время не забывая о ясности, простоте изложения, а до известной степени и о стиле музыки, современной лицейским стихотворениям поэта.

Сборник пушкинских романсов профессора московской консерватории С. Е. Фейнберга (Музгиз, 1936), написанных им в период между 1920 и 1936 гг., нельзя назвать циклом: в выборе стихотворений здесь нет ни руководящей идеи, ни сюжетного

 $^{^1}$ В изложение этой статьи заглавия стихотворений приводятся так, как они даны в романсах композиторов.

стержня. Композитор подходит своеобразно к музыкальному преломлению поэтического материала. Он дает прежде всего его инструментальное истолкование и выражение в тщательно и обычно сложно разрабатываемой фортепианной партии, имеющей самостоятельное значение (она могла бы быть исполнена и самостоятельно без вокальной партии). Вокальная же партия почти во всех романсах Фейнберга является как бы дополнением к фортепианной, в которой композитор высказывается полнее и совершеннее. Стремясь к симметрической ваконченности фортепианной партии по чисто инструментальному принципу, композитор дает повторение первого основного раздела, заставляя и певца повторять музыку начала романса на новый текст совершенно иного содержания (см., например, "Три ключа"). От преобладания в романсе фортепианной партии вытекает и недостаточно бережное отношение композитора к стихотворному тексту который им и сокращается ("Зимний вечер" без последнего четверостиция), и излагается без учета цезуры, вообще ритмики и интонационной структуры стиха.

В общем цика романсов Фейнберга — это акрически-созерцательное, мастерски выполненное академическое истолкование страстной поэзии Пушкина; композитор не заставляет "звучать душу" (Пушкин) поэта и вызывать ответный отклик у певца и слушателя.

"Двенадцать стихотвореней А. Пушкина" московского композитора В. Шебалина (Музгиз, 1938) это также преимущественно лирические романсы на тексты, неодно-кратно использованные ранее композиторами. Большое мастерство и музыкальная эрудиция композитора сказывается в богатстве и разнообразии музыкальных приемов, особенно в области колоритной и оригинальной гармонии. Одинаково внимателен композитор и к вокальной, и к фортепианной партии, составляющим единое целое, а в то же время и голос и фортепиано имеют свое самостоятельное лицо. Композитор очень расточителен в применении разнообразия средств музыкального выражения, использованных часто в небольших пьесах (например, "Адели"), что при слушании романсов несколько утомляет и лишает романсы бепосредственности и органической структурной ясности. Наиболее удачны в сборнике Шебалина "Испанский романс" ("Ночной зефир") и "Я здесь, Инезилья"; в них слышатся отзвуки народной испанской музыки.

В Москве исполнялся пушкинский цикл романсов Л. Книппера, озаглавленный композитором "Про любовь" (романсы написаны для голоса с сопровождением малого симфонического оркестра). В цикле "Про любовь" композитором тенденциозно объединены такие стихотворения, как "Для берегов отчизны дальной", "Мельник" ("Воротныся ночью мельник"), "Сожженное письмо". Отсутствие глубокого отношения к творческой работе находим и в музыке Книппера, то недоработанной, чрезвычайно пестрой и невыразительной ("Для берегов отчизны дальной"), то формалистически сухой, надуманной. В большинстве романсов Книппера внимание композитора уделено больше инструментальному сопровождению, чем голосу.

Из пушкинских романсов молодых советских композиторов отметим искренние, выразительные, напевные (нередко близкие к народным песням) романсы Ю. Бирюкова: "Конь" ("Что ты ржешь, мой конь ретивый"), "Ворон к ворону летит" (в характере музыкальных романтических баллад), "Пуншевая песня" (в духе народной песни). К сожалению, у молодого автора чувствуется недостаточное внимание к ритму стиха (например, затягивание неударяемых слогов), и нередко преобладание партии фортециано над голосом.

Обращение советских композиторов к Пушкину — радостное явление, но многие авторы, писавшие на пушкинские тексты, не раскрыли в своей музыке народности, реализма, волнующей страстности и благородной простоты великого поэта, не достигли еще того, о чем писал М. Горький, говоря о Пушкине, что он мог "соединить в стихе простоту и ясность слова с музыкой его" ("История литературы для народа", Известия ЦИК СССР, 1936, 24 сентября).

Эм. Зибель

Н. Л. Бродский. Евгений Онегин, роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Издание 2-е, переработанное, Учпедгия, М., 1937, 464 стр., тираж 10 000, цена 5 руб. (серия "Комментарии к памятникам художественной литературы", под редакцией Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова).

Книга Н. Л. Бродского вышла первым изданием в 1932 г. под заглавием "Комментарий к Евгению Онегину" (изд-во "Мир"). Переработка в новом издании произведена очень большая: уточнен целый ряд объяснений и оценок, значительно расширен материал, устранены отдельные дефекты; текст сопровожден большим количеством (свыше 100) иллюстраций; добавлен предметно-именной указатель. Опущена почему-то в новом издании сводка упоминаний Пушкина об "Онегине"; во всем остальном новое издание полнее и соверщеннее первого. Книга в ее новом виде суммирует большой материал литературоведческих наблюдений над текстом "Евгения Онегина" за целое столетие, иногда дополняя их собственными наблюдениями комментатора. И если уже первое издание принесло пользу тому читателю, на которого было рассчитано, в еще большей степени относится это к новому изданию. Тем досаднее те недочеты, которые и при переработке книги остались неустраненными; очень многое спорно и в тех добавлениях, которые впервые появились в новом издании.

В отношении полноты, труду Н. Л. Бродского можно сделать лишь немного упреков. Необъясненными в самом тексте романа остались липь некоторые реальнобытовые детали: "двойной лорнет", "философические таблицы", 1 литературные цитаты (например "сосед велеречивый" — цитата из В. Л. Пушкина, раскрытая В. В. Виноградовым) и имена (Сен-При). Но есть ряд пропусков, повидимому, сознательных: примечания Пушкина к роману сами по себе не комментируются, а только используются для комментария там, где дают для этого материал. Читатель не узнает поэтому, где "Буало под видом укоризны хвалит Людовика XIV"; пропадают для него и отсылки к "Рыбакам" Гнедича, к критике Б. Федорова и др. Не совсем последовательно и объяснение эпиграфов. Если эпиграф к гл. V из "Светланы" остался некомментированным, надо думать, по его общеизвестности, то вряд ли правильно оставлять без объяснения три эпиграфа к гл. VII. Кстати об эпиграфах: перевод эпиграфа из Петрарки к гл. VII не вполне точен ("il morir non dole" переведено: "не горька смерть"; следует — "не больно умирать"), а перевод эпиграфа из Байрона к гл. VIII решительно неприемлем. Известное начало стихотворения "Fare thee well, and if for ever, still for ever fare thee well" значит, конечно: "Прощай и если навсегда, то навсегда прощай". Н. Л. Бродский переводит: "Прощай и если навсегда, то всё же будь счастлив(а)", допуская вместе с тем "троякое" толкование: пожелание счастья от лица Онегина, Татьяны и автора и предпочитая последнее (ср. на стр. 354: "Эпиграфом к этой главе поэт сулил ему в будущем счастье"). Смысл эпиграфа, конечно, только один; слова о прощаньи навсегда даны "от автора", но могут относиться только к прощанью героев друг с другом, а не к авторскому прощанью с ними.

Вся совокупность отдельных толкований подчинена в книге Н. Л. Бродского единой концепции: доказательству прогрессивного смысла, каким проникнут роман и самый образ Онегина. Это единство общей мысли выгодно отличает второе издание от первого, но оно же приводит иногда к преувеличениям и натяжкам, отягощая особым смыслом такие детали, которые в авторском сознании, несомненно, были от такого осмысления свободны. Так, например, первоначально (беловая рукопись), Онегин участвует, между прочим, в споре "о господине Мармонтеле" (I, 5). Комментарий к этому месту, казалось бы, ясен из самого изложения Н. Л. Бродского: І глава писалась в 1823 г., когда перевод "Мемуаров" Мармонтеля на русский язык был свежей новостью. К этому можно было бы добавить, что строки, где Мармонтель был выдви-

¹ Заметим кстати, что в "Путеводителе по Пушкину" ("Сочинения Пушкина", т. VI, Приложение к журн. "Красная Нива", 1931, стр. 360) дано неверное определение этого слова. Черновики "Евгения Онегина" показывают, что Пушкин имел в виду сравнительно-статистические таблицы Дюпена.

нут на первый план, Пушкина не удовлетворили и были им сняты. Но Н. Л. Бродский при помощи сложной системы аргументов утверждает, что Онегин ивряд ли" спорил о Мармонтеле и строит гипотезу, что Мармонтель есть глишь псевдоним Карамзина и что под спорами о Мармонтеле следует разуметь споры об "Истории государства Российского". Гипотеза, разумеется, совершенно беспочвенная и излишняя. Упоминание о шляпе "боливар" прокомментировано не только биографическими сведениями о Симоне Боливаре, но и утверждением, что шляпа "à la Bolivar" означала не просто головной убор, — она указывала на определенные общественные настроения ее владельца. Читатель ожидает материала, который показал бы, что "боливары" были не просто модными шляпами и носились не всеми, а только лицами с "определенными настроениями", но материала этого нет; бытовая деталь оказывается переосмысленной без достаточных для читателя оснований. По поводу строк "Чем ныне явится? Мельмотом? космополитом? патриотом?" (VIII, 8) — дается справка, на этот раз аргументированная, что слово "патриот" могло употребляться в смысле врага деспотизма. Но забывается при этом, что словом "патриот" Пушкин возвращается к теме патриотических увлечений Онегина, им же иронически изображенных в отброшенных строфах "Путеществия":

Смысл слова, как мы видим, в данном случае совсем не тот, какой вложен в него комментатором. Эти настойчивые старания "реабилитировать" Онегина, пользуясь для этого даже деталями, производят досадное впечатление, так как упрощают авторский замысел и не подкрепляют, а ослабляют то — правильное в основе — представление о пушкинском герое, какое комментатор дает.

Ряд серьезных возражений вызывает комментарий к упоминаемым в романе литературным прозведениям и литературные параллели к роману. Старая критическая литература об "Онегине", касавшаяся этих тем, нуждается в более решительном критическом пересмотре, чем это делается в книге. Смело можно было, например отбросить предложенную когда-то А. П. Кадлубовским натянутую и случайную параллель между Татьяной и героиней "Права сеньера" Вольтера. В критическом пересмотре нуждаются и — гораздо более, конечно, обоснованные — сопоставления с "Новой Элоизой", сделанные В. В. Сиповским. Соотношения двух героинь гораздо сложнее, чем казалось Сиповскому, принявшему Татьяну за сколок с Юлии, а письмо Татьяны за монтаж из писем Юлии к С. Пре. Особенно натянуты — и только внешне эффектны поддержанные и Н. Л. Бродским толкования отдельных мест письма Татьяны при помощи текста "Новой Элоизы". Н. Л. Бродский приводит как раз наименее приемлемый из примеров Сиповского: его комментарий к строке "Твоей защиты умоляю". Сиповский считал, будто строка эта уясняется только словами Юлии: "tu dois être mon unique défenseur contre toi". Но эта мысль естественна именно в сознании героини Руссо, не только любящей, но и любимой. Перенесение этого толкования на пушкинскую героиню решительно невозможно. Смысл пушкинских слов ясен: Татьяна просит защитить ее от окружающей среды, от всех, среди кого она чувствует себя чужой. И, осли искать комментария к этим словам, искать его надо не у Руссо, а в вариантах самого пушкинского текста: первоначально было: "Твоих советов ожидаю".

В изложении содержания "Дельфины" Сталь (на стр. 209) есть неточности, из которых особенно существенна одна: "Леонс... продолжает связь с Дельфиной". Читателем, не читавшим "Дельфины", выражение "связь" будет, конечно, принято не-lib.pushkinskiidom.ru

верно, в прямом и обычном смысле, тем более, что оно же повторяется в изложении "Адольфа" Констана, где вполне уместно.

Неясно, почему сюжет "Адольфа" не досказан до конца. Следовало вообще уделить больше внимания произведениям, которые являются литературным фоном пушкинского романа. Между прочим, в комментарии к "Вампиру" автор этого произведения — Полидори — так и не назван.

В комментарии довольно широко использован материал рукописей "Онегина", хотя можно было бы — и с большой пользой для дела — привлечь его еще шире. Некоторые примеры из пушкинских рукописей вызывают, однако, сомнения. Так, к строфе из "Путешествия Евгения Онегина" — "Иные нужны мне картины" — дается параллельно черновой текст, с тем, чтобы "перед читателем наглядно выступила творческая лаборатория поэта". Строфа начинается так:

Милей мне скромные картины: Ручеек среди долины, Колодезь, сломанный забор, Да где-нибудь избушку и забор

и Т. Д

Читателю тем самым невольно внушается, что в творческой лаборатории поэта могли заготовляться для "Онегина" строки хорея ("Ручеек среди долины", ниже—"И с ведром через полянку") или пятистопного ямба ("Да где-нибудь избушку и забор"), что "муки слова", о которых сказано выше, сопровождались усилиями овладеть недающимся размером. Транскрипция, очевидно, дефектна и требует уточнения.¹

На стр. 340 чтение "Шишков, прости" (VIII, 14) отмечено как "более правильная догадка редакторов". Можно сказать смелее: в беловой рукописи VIII главы стоит инициал: Ш*. Неприятна текстологическая ошибка на стр. 227: "Прозой нишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Гоголь" Это неправильное (и невозможное) чтение было отменено в изданиях сочинений Пушкина еще в 1930 г., а правильное чтение: "как пишет г. (т. е. господин) ** тогда же обосновано в печати.2

Не всегда убедительны и те толкования отдельных пушкинских выражений, какие дает Н. А. Бродский. Под "плодами наук" (II, 16) разумеется скорее всего руссоистская тема влияния цивилизации на нравы, а не "технический прогресс" (стр. 170—171). Сомнительна связь строк "Как Стенька Разин в старину кровавил волжскую волну" ("Путешествие Онегина" — с песней, где Разин "в волны бросил красную девицу" и т. д. Пушкин, столь интересовавшийся песнями о Разине, должен был знать и песни разинского цикла с мотивами подлинно-кровопролитной корьбы на Волге).

Н. Л. Бродский включает в свою книгу и элементы лингвистического комментария, и это можно только приветствовать. Но и здесь не все объяснения приемлемы. Так, например, в ударении "музыка" не обязательно видеть "результат иностранного воспитания поэта": ударение это прочно вошло в допушкинскую поэтическую традицию под влияниями не только французскими, но и украинскими и польскими. Совершенно непонятно примечание к строке: "Я был от балов без ума": "Пушкин согласно французскому произношению всегда употреблял это слово с ударением на первом слоге" (стр. 92). При чем здесь французское произношение? Французские bal, bals—слова односложные, и на ударение русской формы множественного числа влиять никак не могут. Незакономерно объединены в одном примечании такие случаи, как "тайна брачныя постели" и рифма "ея—семья". Случаи эти различны: первый—

¹ Ср. А. С. Пушкин, "Полное собрание сочинений", т. VI, Академия Наук СССР, 1937, стр. 490.

² Вас. Гиппиус. "Литературное общение Гоголя с Пушкиным". "Ученые записки Пермского Государственного Университета", вып. 2, 1931, стр. 77—81.

ироническое осмысление архаизма, в живом языке уже невозможного; второй — орфографическая форма, употребляемая по традиции и, может быть, поддержанная неустановившимся еще в литературном языке произношением. Вызывает возражение и комментарий к слову "сон" (стр. 235): "В понимании Пушкина, на ряду с обычным словоупотреблением, "сон" — своеобразное душевное состояние, полное внутренней углубленности". В этом сложном толковании (восходящем, очевидно, к статье М. О. Гершензона "Явь и сон") нет никакой надобности: "сон" в этих случаях у Пушкина — очевидный эквивалент французского "rêve", т. е. не только "сон", но и "мечта".

Полезны комментарии, посвященные онегинской *строфе* и отношению Пушкина к рифме, но, к сожалению, они прикреплены к случайным упоминаниям этих двух слов в тексте романа: к строфам "Строфа, слагаемая мной" (обычное pars pro toto) и "Лета шалунью рифму гонят" (где речь идет об отходе от стихов вообще, а не только от стихов рифмованных, как можно думать на основе комментария).

Особо выделяются в книге страницы, посвященные X главе. Фактический комментарий к ним отличается той же обстоятельностью, что и остальные части книги, но, сверх того, он содержит гипотезу, выдвинутую Н. Л. Бродским еще в первом издании и заключающуюся в том, что строфу "Сначала эти заговоры" следует помещать после 11-й строфы защифрованного текста, относя ее тем самым лишь к предистории декабристского движения. Как бы ни относиться к попыткам "примерить" эту строфу к другим частям текста, сочтя ее написанной вне последовательного расположения строф, -- всякое такое "примеривание" может быть лишь гилотезой. С этим как будто соглашается и Н. Л. Бродский, считая вопрос об окончательной композиции строф X главы неразрешимым (стр. 409). Но эта гипотетичность обязывает исследователя с особой тщательностью оценить те возражения, какие его гипотеза может вызвать. К сожалению, Н. Л. Бродский, касаясь сделанных ему возражений (в том числе очень обстоятел ных и развернутых возражений Б. В. Томашевского), 1 не опровергает их по существу, а отстраняет в раздраженно-пренебрежительном тоне. Достаточно отметить, что наблюдения, опирающиеся на конструкцию онегинской строфы, отводятся как "попытка уложить автора Х-й главы на прокрустово ложе убогой форма, листской схемки". Подобный тон и стиль не способствует, конечно, ни разрещению спорных научных вопросов, ни популяризации их.

Книга Н. Л. Бродского, вероятно, потребует переиздания. Если при этом будут пересмотрены спорные толкования, устранены вкравшиеся ошибки, если комментарий к X главе будет освобожден от неосторожных категорических утверждений и от излишнего полемического элемента — ценность книги во много раз повысится, и книга станет нужным пособием не для одния учителей средней школы, а для каждого литературоведа.

А. Иваненко

Русские писатели XIX века о Пушкине. Редакция текстов и предисловие А. С. Долинина. Госуд. изд. "Художественная литература", Л., 1938, стр. 496, тираж 10 000, цена 6 руб.

"В этой книге высказываний о Пушкине крупнейших писателей XIX века, — говорит составитель, — читатель услышит непосредственно от самих творпов русского художественного слова, чем они все обязаны ему". Нет необходимости ставить вопрос о цели и назначении такого сборника: он, очевидно, будет полезен и нужен самым разнообразным читателям от школьника до литературоведа и в самых разнообразных отношениях от деловой справки до лирического сопереживания поэтических откликов на личность учителя поэтов, на его творчество и судьбу. В общем эта задача

^{1 &}quot;Литературное Наследство", 18, М., 1934.

выполнена в сборнике умело и внимательно, и разнообразие возможных читателей не помешало сосредоточенной цельности книги. Однако интересы историко-литературные возобладали в ней над запросами рядового читателя: первая половина XIX в. представлена значительно полнее второй, несмотря на то, что, например, такому читателю статья Вл. Соловьева, которого в книге нет, говорит ведь не меньще о Пушкине, чем скажем, великолепный "Лес" Кольцова, где дан прекрасный символический образ, но слишком мало сказано о Пушкине. Вообще состав участников сборника установлен довольно широко — в него включено пятьдесят имен от Державина и Карамзина до Чехова и Горького, — и пепростительных пробелов здесь нет. Однако широта эта не всегда удовлетворяет должной последовательностью, и некоторое различие в критериях составителя должно быть отмечено. Предполагалось собрать высказывания "творцов русского художественного слова", - неужто только поэтов и коитиков? И не принадлежит ли к ним такой тонкий читатель поэта и блестящий писатель, как — отсутствующий в сборнике — Ключевский? И если взяты критики, то почему исключены из их числа выдающиеся ученые, статьи которых о Пушкине, не принадлежа к работам строго научной эрудиции, представляют собою — как у Тихоправова или А. Веселовского — денные литературные очерки. У поэтов, наоборот, руководясь не значительностью высказанного, а значительностью имени, составитель иногда подбирает совершенные мелочи, как, например, стихотворение пятнадцатилетняго Салтыкова, заслуживающее включения в эту книгу не больше, чем всякое гимназическое сочинение мальчика, хотя бы из него впоследствии вырос Щедрин. Из семи высказываний Чехова лишь одно могло бы быть названо "Чехов о Пушкине", остальные упоминания, конечно интересные в разных отношениях, но ничего общего не имеющие с вышеприведенным обещанием. Ибо если Чехов в письме к приятелю сообщает, что избран в комиссию по устройству пушкинского юбилейного празднества и ставит живую картину, или что он завидует тем, кто помогает Урусову в составлении словаря пушкинского языка, если его герой говорит восторженную или тупо реакционную банальность о Пушкине или если Чехов в теоретическом рассуждении, на ряду с "Анной Карениной", упоминает в виде примера также "Онегина", то из всего этого очень мало выясеяется, чем Чехов был обязан Пушкину; во всяком случае едва ли стоило подбирать эти эпизоды для книги, откуда исключен Писемский, названный в предисловии в числе тех писателей, которые по случаю открытия московского памятника Пушкину дали ему всестороннюю оденку. Конечно, Чехов нам ближе, чем Писемский, но как-то обидно создавать в читателе иллюзию, будто Чехов что-то говорил о Пушкине, тогда как он, по существу, ничего не сказал.

К критикам составитель подходит с гораздо большей строгостью: создается впечатление, что первоначально предположено было посвятить книгу только поэтам в широком смысле слове, а критики введены сюда на том формальном основании, что редкий из них так или иначе не проявил себя также в художественном создании. Выходит как будто, что Белинский получает здесь место не потому, что он автор статей о Пушкине, но потому, что написал еще посредственную драму, Чернышевский потому, что он автор романа "Что делать", Добролюбов потому, что он Конрад Аилиеншвагер и т. д. Есть, впрочем, исключение: в книгу введен и Писарев, критик Пушкина, можно сказать, единственный по своему блеску, по своему озорству, по своей детски увлекательной логичности, по своему длительному влиянию. Рядом Чехов говорит о нем очень горькие слова, называет его предком Буренина. Разумеется, несмотря на возмущение Чехова, Писарев должен был найти место в этой книге. Но он был только критиком — и естествен вопрос, почему же Катков или Страхов, гораздо менее реакционные в своих писаниях о Пушкине, чем в публицистике, исключены без всякого объяснения. Конечно, популярный сборник избранных статей отнюдь не обязан был явиться компендием, но уже те практические воспитательные цели, которые он ставит себе, обязывали его к известной полноте, без которой он при всей своей солидности может показаться недостаточно-

систематичным. Важно, чтобы читатель получил представление не только о суждениях отдельных читателей, но мог оценить их отношения к Пушкину в целом. Книга, рассчитанная на устремление по преимуществу историческое, должна дать надлежащий материал для такого устремления. Составитель в предисловии даже называет кое-кого из тех, чье отсутствие в сборнике может быть поставлено ему в упрек: таковы "И. Козлов, Греч, Булгарин, Кукольник, Даль и т. д.". За этим "и т. д.", если оставаться в пределах первой половины прошлого века, кроются такие писатели, как Надеждин, как Шевырев, как Ив. Киреевский, статьи которого, разумеется, бесконечно самостоятельнее и содержательнее тех наивностей, которые лепетал о Пушкине С. Т. Аксаков. Еще более существенным пробелом представляется отсутствие в сборнике писателей конца века; так отсутствуют эдесь столь различные и столь показательные критики Пушкина, как Овсянико-Куликовский и Спасович. Не стоит останавливаться на мелких пропусках, но должно отметить, что раз в тексте и примечаниях раскрываются разногласия по поводу пушкинских статей Дружинина, то необходимо было рядом с полемическим письмом Некрасова к Боткину привести также весьма одобрительный отзыв поэта об этих статьях Дружинина. Очень хорошо, что вопреки хронологии в сборник, ограниченный прошлым веком, включен Максим Горький, замечательные ранние вамечания которого о Пушкине относятся к 1909 г. Но почему же здесь нет ни Плеханова, ни символистов, среди которых Брюсов был видным пушкинистом, ни Мельшина-Якубовича? Нет нужды воскрещать "передоновские" домыслы Ф. Сологуба, который видел в Савельиче автопортрет Пушкина, но раз хронология не выдержана ради Горького, то стоило нарушить ее еще раз, чтобы напомнить об обращении Блока к Пушкинскому Дому.

Предвидя упрек в недостаточной полноте, составитель оправдывается "сравнительно небольшими размерами книги". Этот довод, не научный, не литературный, а издательский, ценен только в том смысле, что целиком переносит вину в недостаточной полноте сборника с составителя на издательство. К тому же в книге 25 листов, а необходимейшие дополнения потребовали бы, при принятой в сборнике системе жестоких сокращений, не так уж много. Обо всем этом стоит сказать потому, что книга, настоятельно необходимая, потребует, разумеется, переиздания — и надо надеяться, что в новых изданиях она будет представлена читателю в более полном и законченном виде. Здесь отметим, между прочим, что, раз в книгу в изкоторых случах введены не только непосредственные высказывания писателя, но и материалы из мемуаров, то суждения Льва Толстого необходимо было бы пополнить чрезвычайно характерным эпизодом: среди "Слов Л. Н. Толстого, записанных С. А. Стахович" сообщен такой разговор: "«Ce n'est pas pour faire un compliment (он знал, как я сильно люблю Пушкина), — но какой мастер красоты ваш Пушкин». — С ударением и расстановкой он произнес слова «мастер красоты». — У меня сегодня на верховой езде — и с тех порвсё вертится в голове стих:

> Недвижим он лежал, и странен Был томный лик его чела.

Ведь вот и неверно, «лик его чела...», а прекрасно. Так прекрасно, что готов не заметить этого и понимаешь в чем дело...» .. Я напомнила, что «... томный мир его чела». Лев Николаевич всплеснул руками: «Ну, конечно. Пушкин бы не ошибся. Чудесно. И именно это поражает в покойнике. Это странное спокойствие гладкого лба".1

Так за легким и прихотливым отказом от только что выраженного толкования кроется глубокое и устойчивое восхищение Пушкиным. Как всегда, подкупает искренность Толстого даже там, где он своенравно противоречит себе. Ему ничего не стоит объявить единственной заслугой Чехова "то, что он, как Пушкин, двинул вперед форму.

^{1 &}quot;Толстой и о Толстом". Новые материалы. Толстовский Музей, М., 1924.

И это большая заслуга. Содержания же, как и у Пушкина нет" (Дневник, 8 сентября 1903 г.). При всей странности этого заявления, можно не жалеть о его включении в книгу, так как оно заставляет задуматься над вопросом, что же именно Толстой называет содержанием. Его суждения о Пушкине не только привлекательны, но и ценны тем, что в них отражен не застывший, установившийся, довольный ценитель, а живой ум, вечно ищущий и борющийся.

В этом смысле он очень показателен для откликов и оценок, собранных в этой книге: лучшее в ней пропитано борьбой. Конечно, сопоставляя полновесное заглавие сборника с его содержанием, трудно избежать некоторого разочарования. Русские писатели XIX в. говорят здесь о Пушкине — какие многозначительные слагаемые, и какой, по первому впечатлению, небогатый итог. Несколько больших эпизодов — ода Лермонтова, статьи Белинского, речь Достоевского - представляются здесь скорее исключением. Но это только первое впечатление: постепенно выясняется общая основа этих патетических моментов, выясняется великая заслуга нашей литературы о Пушкине — лирической и критической. В борьбе росла она, и подчас борьба эта имела положительное значение даже там, где являлась борьбой против Пушкина: недаром и теперь мы не можем просто замодчать и скрыть от читателя такое кривое зеркало. как статьи Писарева. В борьбе складывалось то, что представляется теперь подлинным и устойчивым обликом поэта. Одни боролись с его общественными и политическими врагами, другие с его эстетическими отридателями, третьи с его эстетическими обожателями: долгие годы должна была длиться борьба с обывательским безразличием, со школьным отношением, с публицистической вульгаризацией, с педантской морализадией и так далее. Свидетельство нарастающей жизненности поэта, эта борьба свидетельствует и о великой жизненности литературы, им созданной и его отстоявшей. Уже отзывы современников привлекают той непоср дственностью и увлеченностью, которая показывает, в какой степени для них Пушкин — живой вопрос, свое дело. И дальше — будут ли это стихи революцилнера Огарева или равкционера Фета, будет это Чернышевский или Достревский — никто не говорит о Пушкине спокойно, никто и не остается в пределах эстетической оденки: всякий делает здесь свое жизненное, общественное, политическое дело. Это впечатление остается в общем от сборника, им в значительной степени определяется его воспитательное значение и необходимость его дополнения и переработки.

Это естественно и потому, что книга эта в известном смысле является итогом. В течение долгого времени оценка и облик Пушкина складывались по прэимуществу в пределах художественной литературы и критики. Можно не удовлетворяться богатством и сод ржательностью лежащего перед нами сборника, но несомненно, что невозможно было бы составить равный ему по значению из произведений научной мысли. Нет нужды умалять то, что на протяжении трех четвертей века сделано научным исследованием в области установления текста, фактов биографии поэта и т. н. Но долго задерживалась научная работа на мелочах исследования, и теперь еще далекого от завершения, долго отставала наука от складывавшейся в читательской среде оценки поэта, от его критического понимания, от его поэтической характэристики, от лирического величавия его личности. Лишь последние десятилетия внесли сюда коренную перемену. Достаточно напомнить о том, как долго русский читатель не имел ни научнокомментированного издания Пушкина, ни достаточно проверенных текстов, ни пристойной его биографии, как долго работа над поэтом была достоянием разрозненных одиночек. Лишь в наши дни пушкиноведение стало организованной научной областью -и можно думать, что если мы должны рассчитывать теперь на новое углубленное, обобщающее слово о Пушкине, то ждать его надлежит скорее от научной литературы и во всяком случае в результате ее достижений. Конечно, будут и поэты вдохновляться в лирике и романе личностью и судьбой поэта, будут и критики выступать с отличным от традиционного, так или иначе освеженным его толкованием, но, думается, постижение Пушкина перешло от "изящной словесности" к науке, уверенио и надежно строящей там, где искусство — в том числе и искусство критики — было ее смелым разведчиком и предшественником. Достаточно сличить лежащее пред нами издание со старыми аналогичными сборниками, критическими или лирическими, чтобы видеть, как поднялись научные требования, предъявляемые в наше время к такой книге, и сказать, что такого сборника просто не было.

В связи с этим ради читателя ис специалиста приходится и от научного аппарата, сопровождающего высказывания писателей, потребовать несколько большей обстоятельности и тщательности. В подстрочных сносках, посвященных переводу иностранных цитат и выражений, объяснено, что такое, например, "bona fide" и "pour la bonne bouche", но оставлены без объяснений слова менее общенонятные, например, "ваш покорный слуга mis à la contribution" (т. е. "явился объектом заимствования") или "эпиани à la Byron" (маленькие поэмы).1, Das Erhabene des Unsinns" переведено "величие безумия", тогда как это значит "возвышенное бессмыслицы". "Возвышенное" взято здесь как эстетическая категория: в немецкой философской терминологии были "возвышенные силы", "возвышенное величия" и т. п. было также — скорее как юмористическая аналогия — и "возвышенное бессмыслицы". Есть пробелы и в принадлежащих составителю критико-биографических комментариях после текста, в общем очень содержательных и тактичных. Следовало объяснить, каких трех великих иностранных повтов имеет в виду Веневитинов в своем послании к Пушкину. Речь идет о Байроне, А. Шенье и Гете, в рядовой читателя может этого не понять. В примечании к Сенковскому надо было сказать о том, кому принадлежит упоминаемая им "Монастырка" и об ее авторе Погорельском-Перовском. Из нижегородских записных книжек В. Г. Короленко приведена болдинская запись, где, вспоминая стихи:

Ярем он барщины старинной Оброком легким заменил,

писатель задает вопрос: "Не здесь ли написаны эти строки?" Надо было сказать, что это предположение В. Г. Короленко ошибочно.

Уточнения и дополнения желательны и в пояснениях к речи Достоевского. Событием не только на пушкинском празднестве, но и во всей пушкинской литературе сделал ее не столько ее эмоциональный подъем, — это было более заметно, но менее важно, — сколько высота точки эрения, размер масштаба. Многие в своих торжественных панегириках называли Пушкина великим, но одному только Достоевскому удалось дать не отвлеченное возвеличение, а живое ощущение величия, потрясти аудиторию пафосом величия. Только он сумел поднять слушателей до подлинной высоты Пушкина, поднять Пушкина до жаждущего высоты настроения слушателей. Без полемики, без защиты эта речь отбрасывала в небытие все оговорки, все поправки, которыми обычно сопровождалось признание Пушкина, и провозглашала его мудрость, как истину самоочевидную и общеобязательную.

Но это далеко не всё, — и отрицательную сторону еще недостаточно оттенили комментаторы. Огромное впечатление, произведенное выступлением Достоевского на аудитерию, автор комментария Н. Л. Степанов объясняет "горячими и подкупающими словами о народности Пушкина, об огромном историческом значении его творчества", присоединяя сюда также "блестящую литературную форму речи" и "большой нервный подъем", с которым она была произнесена. Автор комментария к статье Глеба Успенского об этой речи Н. И. Мордовченко также подчеркивает лишь, что правильно уяснить сразу направление мыслей оратора помешал "экстаз", с которым эта речь была произнесена, и общая наэлектризованная атмосфера собрания". Ни тот ни другой комментатор не направляют внимания читателя на те места в речи

¹ Bosce не объяснены также выражения "Gastfreund" и "е sempre bene" (и отлично).

Достоевского, которыми было вызвано бурное сочувственное возбуждение в наиболее экспансивной части собрания — в русской молодежи, в те годы поголовно настроенной более чем опозиционно. Чуть не сплошь революционная, эта ищущая молодежь не была настолько догматично уверена в своем пути, чтобы не добиваться его оправдания: жадно и трепетно ждала она его признания и утверждения от больших писателей в которых привыкла видеть учителей жизни. И вот, из уст такого писателя, не вполне для нее ясного, то петрашевца, то автора "Бесов", то сотрудника "Отечественных Записок", то соратника Каткова, она услышала вещи, которые могли ей казаться только указанием на историческую правильность избранного ею направления и исключительную моральную высоту дела ее жизни. Устами Достоевского сам Пушкин, стало быть, благословляет их на ту борьбу, которой жертвенно посвятили себя лучше из них. Как вещее пророческое слово слушали здесь эти молодые люди о русских скитальцах, которые "ударяются в социализм", с новой верой переходят на новую ниву и работают на ней ревностно, веруя, что "достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу, -провозглашал Достоевский, — необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться: дешевле он не примирится, - конечно, пока дело только в теории". Этой последней оговорки не услышала возбужденная молодежь, как не услышала и других оговорок и противоречий, вполне устранявщих революционное толкование сомнительных комплиментов Достоевского. Лишь по опубликовании, т. е. через несколько дней после произнесения речи, выяснился ее политический смысл, и те обстоятельства ее успеха, которые так победительно привлекли молодые сердца к оратору, выяснились как по своему искренний, но искусный агитационный прием. Эту, по выражению Тургенева, "фальшь" замечательной речи тем уместнее было раскрыть и оттенить, что в объяснениях к менее значительным писателям из правого лагеря — Соллогубу, Ап. Григорьеву комментаторы пространно настаивают на реакционности этих писателей, которою совсем не определяются их суждения о Пушкине.

Всё это надеемся видеть так или иначе дополненным и исправленным в новых изданиях нужной книги.

А. Г. Горнфельд.

А. С. Пушкин и его литературное окружение. Серия "Портреты, автографы, рисунки писателей и иллюстрации к литературным произведениям". Общая редакция В. Д. Бонч-Бруевича, редакция и вступительная статья И. С. Зильберштейна, вып. 2, Гос. Литературный музе , М., 1938, стр. 37—25 таблиц, тираж 10 500, цена 35 руб.

План этого (технически прекрасно выполненного) издания вызывает некоторое недоумение. Первый выпуск — "Пушкин и его друзья" (вышедший другим форматом в 1937 г.) состоял из 16 портретов Пушкина, его жены и друзей, — портретов, выбранных довольно случайно. 1

Автор вступительной статьи, И. С. Зильберштейн, обещал дать "галлерею прижизненных портретов Пушкина и людей его времени", выражая уверенность, что "благодаря тщательной работе Гознака... Государственный Литературный музей этим изданием внесет свой посильный вклад в чествование великого русского поэта..." Гознак, в самом деле, оправдал возложенные на него надежды. Зато обещание придерживаться прижизненных портретов оказалось невыполненным: в выпуске 1-м есть портрет Пушкина в гробу (раб. Козлова, 1837) и портрет Пушкина работы Мазера, написанный в 1839 г. Подбор "друзей Пушкина" оказался спорным: в 1-м выпуске нет портретов Дельвига, Нащокина, Соболевского и др.

¹ Портреты Пушкина: работы Вивьена, Тоопинина, Гиппиуса, Соколова, Чернедова (в группе), Мазера, посмертный— Козлова; портреты Н. Н. Пушкиной— Гау и Райта; портреты Грибоедова, Батюшкова, Чаадаева, Баратынского, Жуковского, Вяземского.

Отмечая "многоликость" прижизненных портретов Пушкина, Зильберштейн утверждает, что "каждый кудожник в своем образе поэта отразил понимание его творчества". Хотелось бы знать, какое "понимание творчества" Пушкина отражено в рисунке Вивьена или в рисунке Гиппиуса? В дальнейшем автор противоречит своей собственной "гипотезе": говоря о тропининском этюде к портрету Пушкина и одобряя нашу оценку этого этюда ("едва ли не самый замечательный портрет Пушкина"), он находит, что "над кудожником в часы создания этюда не довлело сознание, что перед ним гениальный современник".

Предварительные работы Тропинина позволяют, по мнению Зильберштейна, проследить "весь процесс создания портрета и кристаллизацию его композиции". Тропининский этюд, помогающий понять "кристаллизацию композиции", оказывается, "оценен по достоинствам" лишь после того, как портрет был впервые воспроизведен в красках в пушкинском томе "Литературного Наследства". В этом случае, как и в некоторых других, автор статьи нескольо увлекается. Он преувеличивает также значение литографа-издателя Гиппиуса, называя его "большим мастером и первоклассным рисовальщиком". Он убежден, что Гиппиус рисовал Пушкина с натуры ("не может быть никаких сомнений"). Он уверен, что "аккуратный Чернецов" запечатлел образ великого поэта с "документальной точностью". "Поэтому, — говорит Зильберштейн, — работы Чернецова над изображением Пушкина бесспорно имеют значение исторического документа". Тут возразить нечего: раз имеется документальная точность, значит можно говорить о документе.

Однако, далее автор отмечает, что и портрет, написанный Мазером в 1839 г. является "работой документальной". Характеристика для читателя непонятная. Поскольку, в связи с мазеровским "Пушкиным", в статье говорится о мазеровском портрете Нащокина (М. Д. Беляев сравнивает их и находит между ними сходство), следовало бы воспроизвести в данном альбоме и портрет Нащокина.

По поводу портрета Н. Н. Пушкиной приводятся отзывы современников о ее красоте и делается поспешный вывод, что жена поэта была "красивейшей женщиной России 1830—1840 гг.", "Несмотря на то, — говорит он, что Гау рисовал ее через 7 дет после смерти поэта, и она была матерью четырех детей, Наталья Николаевна поистине величественна и восхитительна на этом портрете".

Не плохо освещая одни факты, Зильберштейн излагает другие недостаточно продуманно (история портрета Чаадаева).

Старательно собрав материал, относящийся к вопроизведенным в альбоме портретам, автор текста перегрузил свою работу множеством сообщений, не имеющих отношения к делу (о картинах В. Залесского, о карикатуре А. А. Агина на Козлова и др.).

Статья, в целом толковая, значительно выиграла бы, если бы автор своевременно устранил из нее ряд небрежностей. Так, неверно процитирована заметка "Московского Телеграфа" (1827): вместо "живого выражения лица поэта" говорится о "живом изображении поэта"; о карандашных портретах Райта сказано, что они "подсвечены (?) акварелью"; о Кипренском говорится, что "последний год своей жизни он провел в умирающем состоянии"; портрет Батюшкова, рисованный Кипренским, назван "одним из лучших карандашных образцов первого мастера (?) живописного романтизма в русском искусстве" и т. д.

Второй выпуск ("А. С. Пушкин и его литературное окружение") состоит из 25 портретов Пушкина и писателей пушкинской поры, подобранных еще более случайно. Ни кронологической последовательности, ни какой-либо иной системы подачи материала в обоих выпусках нет. Может быть, это — просто публикация редких портретов, собранных Литературным музеем? Но тогда непонятно помещение в альбомах ряда общеизвестных портретов, находящихся в других музеях (кстати, место хранения подлинников в настоящее время не указано). Похоже на то, что "публикация пушкинской иконографической коллекции" (о чем заявлено во 2-м выпуске серии), свелась в известной

мере к использованию запаса клише, случайно оказавшихся в распоряжении Государственного Литературного музея.

В альбом вошли пять портретов Пушкина, давным давно известных и бесконечное число раз опубликованных: они, как и прочие портреты в альбоме, имеют пометку: "К столетию смерти А. С. Пушкина, 1837—1937", котя сданы в производство и подписаны к печати только летом 1938 г.; на книжном рынке альбом появился осенью 1939 г. т. е. почти через два года после того, как страна отметила столетие со дня гибели великого поэта.

Первый, самый ранний портрет Пушкина (Гейтмановская гравюра, 1822), конечно, должен был бы появиться в первом, а не во втором выпуске. Последовательности нет и в размещении других портретов Пушкина, не говоря уже о том, что повторение работ Кипренского, Линева, Серова и др. имело бы смысл только в случае принципиального стремления к исчерпывающему последовательному обзору пушкинской иконотрафии. Между тем, о полноте иконографического подбора в альбоме Литературного музея не может быть и речи. Он не дает ни сколько-нибудь полного подбора портретов Пушкина, ни исчерпывающего обзора иконографии "пушкинского окоужения".1

Натяжкой является причисление Тютчева и Каролины Павловой к пушкинскому "окружению", так же, как и С. Н. Марина, умершего в 1813 г. Нет никакой логики и в выборе художников, писавших портреты. Наряду с портретистами пушкинской эпохи привлечен В. А. Серов; это объясняется тем, что "рисунок Серова, по праву считающийся одним из шедевров русского живописного мастерства, является бесспорно лучшим посмертным изображением великого поэта".

На титуле альбома, после его названия имеется подзаголовок "Портреты и рисунки", хотя данный выпуск состоит исключительно из портретов (одни нарисованы, другие написаны маслом или акварелью).

Поэволительно спросить, почему портретный рисунок нельзя считать портретом и чем определяется понятие портрета. Ведь не размером же или техникой? Всякое индивидуальное и конкретное "лицевое" изображение — будь это живопись, графика или скульптура — является портретом. Таким образом, упоминание о каких-то рисунках, якобы не относящихся к портретам, лишено смысла.

"Мы задались, — говорит автор пояснительного текста И. Зильберштейн, — скромной целью: на основании подлинных документальных свидетельств вкратце рассказать об их (речь идет о лицах пушкинского окружения, — Э. Г.) связях, их личных взаимоотношениях с Пушкиным, присоединив к этому разысканные нами данные о самих изображениях".

"Связи" устанавливаются автором безошибочно, но каковы эти связи? "П. А. Вяземский был старше Пушкина на семь лет" (так начинается глава о Вяземском); "поэт-партизан Денис Давыдов был на пятнадцать лет старше Пушкина" (так начинается глава о Давыдове); "Ф. В. Булгарин — самый ненавистный литературный враг Пушкина", (так начинается глава о Булгарине) и т. д. Булгарину уделено семь страниц текста, а Рылееву, Вяземскому, Тютчеву — по две.

"Данные о самих изображениях" изложены в таком роде: "Мы считаем правым Б. В. Томашевского..." "мы целиком согласны...", "портрет... мы склонны отнести к 1840 гг.", "мы склонны приписать авторство рисунка В. П. Лангеру", "мы пришли к выводу..." и т. д.

По поводу одного четверостишия Пушкина М. А. Цявловский заметил, что оно посвящено теме цареубийства. Приведя его мнение, Зильберштейн считает нужным подкрепить его собственной эрудицией: "Действительно,— сообщает он, — мысль о цареубийстве была весьма популярна в декабристских кругах". Спорить с этим невозможно...

¹ В. Пушкин, П. Вяземский, Дельвиг, Н. Раевский, М. Орлов, К. Рылеев, Д. Веневитинов, Д. Давыдов, В. Тепляков, Гоголь, В. Одоевский, М. Загоскин, С. Марин, Ф. Тютчев, К. Павлова, С. Уваров, Н. Полевой, О. Сенковский, Н. Греч, Ф. Булгарин.

Зато не склонны мы верить утверждению Зильберштейна, что М. Ф. Орлов, "в 26 лет был уже генералом и флигель-адьютантом Александра I". Флигель-адьютантами были только полковники, далеко не всегда попадавшие затем в свитские генералы: одновременно (а тем более последовательно) нельзя было числиться генералом и флигель-адьютантом. Это звучит так же странно, как звание "очеркист и карикатурист", которым определяется профессия П. Л. Яковлева, "брата лицейского товарища Дельвига".

Решительно отказываемся мы верить и сообщению Зильберштейна (стр. 44), что Тропинин написал портрет Пушкина в 1829 г. (в действительности в 1827 г.).

Странное впечатление производит "самостоятельность" некоторых оценок.

В пушкинском томе "Литературного Наследства" (№ 16—18) М. Д. Беляев писал стр. 974), что о портрете Пушкина, работы Линева, "мы, к сожалению, тоже не знаем и ныне больше того, что знал С. Либрович полвека назад". И. Зильберштейн пишет (стр. 14) "никто... ничего не прибавил к тому, что ровно 50 лет назад впервые сообщил об этом портрете С. Либрович".

В монографии "А. С. Пушкин в изобразительном искусстве" (Изогиз, 1937) говорится (сгр. 153) о портрете Пушкина работы Серова: "рисунок этот остается до сих пор непревзойденным шедевром посмертной пушкинской иконографии". Зильберштейн пишет (стр. 17): "рисунок этот до сих пор остается непревзойденным шедевром посмертной пушкинской иконографии".

В этом случае автор "данных о самих изображениях", как видно, не "целиком согласен" с предыдущим исследователем: тот писал "остается до сих пор", а Зильбер штейн пишет: "до сих пор остается". Но "в основном", он, как видно, удостаивает своего предшественника солидарности. Всякая итоговая работа по иконографии Пушкина неизбежно носит, котя бы в некоторой своей части, компилятивный карактер, но опираться на своих предшественников надо как-то иначе.

И. Зильберштейн сделал в своей работе по иконографии Пушкина два "открытия". Рисунок неизвестного мастера 1830-х годов, изображающий Пушкина на прогулке, приписан им капитану П. И. Челищеву, на основании сличения этой зарисовки с другими рисунками в челищевских альбомах. Авторство Челищева он считает доказанным "с абсолютной безусловностью" (!). Оказывается, о зарисовке Челищева "в дни столетней годовщины рождения Пушкина вспомнили, изъяли из альбома и передали в Пушкинский музей при лищее". Кто вспомнил, кто изъял и кто передал, однако, не указано.

Челищев был довольно ловким рисовальщиком, однако новая художественноисторическая атрибуция нас не ошеломляет: кто зарисовал гуляющего Пушкина капитан Челищев, или генерал Бетрищев— с искусствоведческой точки эрения этот вопрос не интересен.

Второе открытие относится к диневскому портрету Пушкина: на портрете обнаружена надпись, сделанная вертикально вдоль правого края: "Рис. с натуры И. Линев" --"Оснований не верить этой надписи у нас нет", — заявляет Зильберштейн. Какие же есть основания верить? Портрет был в свое время реставрирован (в 1887 г.); надпись могла быть сделана "по преданию", по слухам, по экспертизе Эрмитажа (о которой упоминает Либрович). Вообще никакая надпись сама по себе еще ровно ничего не доказывает: можно привести много примеров поддельных подписей на старивных портретах. О том, что надпись сделана позднее, не самим Линевым, свидетельствует тот факт, что портрет, по свидетельству Либровича, был подписан буквами И. Л. "О каких «буквах» идет речь, непонятно", — изумляется Зильберштейн. Буквы И. Л. могли быть при реставрации записаны, после чего и появилась новая надпись — не случайно сделанная так скромно, на краю, вертикально, в необычном месте, под рамой; это даже не подпись в собственном смысле, а справочная надпись, сделаниая, вероятно, после реставрации. Недавно был опубликован (в монографии "А. С. Пушкин в изобразительном искусстве", 1937) снимок с линевского портрета, сделанный до реставрации; на нем не видно ни букв, ни полной подписи (портрет фотографировался, вероятно, в раме),

но ясно видно, в каком плохом состоянии он был, какие у него были дефекты (вилоть до выпадов краски). Вместе с тем, очевидно, что портрет был написан нежно и тонко, что реставратор, несомненно, его огрубил (что почти всегдя случается при ремесленной реставрации). Предположение, что портрет никто "не вынимал из рамы" — ни на чем не основано: Либрович прямо указывает (стр. 63), что портрет был не только реставрирован, но даже "перенесен на другое полотно" (т. е. дублирован). Как это могло быть сделано без изъятия портрета из рамы?

Стараясь "доказать факт написания портрета с натуры", Зильберштейн приводит две записки Пушкина — о каком-то тифлисском живописце (якобы о Линеве) и о посылке поэтом своей "образины" (когда и кому эти записки адресованы — не известно), и две записки Жуковского (1836) к Пушкину, — тоже о каком-то живописце. Вот эти загадочные упоминания Зильберштейн и считает аргументами в свою пользу. На этом шатком основании он утверждает по поводу другой гипотезы, относящей линевский портрет к посмертным изображениям Пушкина (см. "А. С. Пушкин в изобразительном искусстве", изд. Изогиза, стр. 141—142), что она "не выдерживает никакой критики". Его же гипотезу смогут подтвердить "поиски следов Линева на Кавказе".

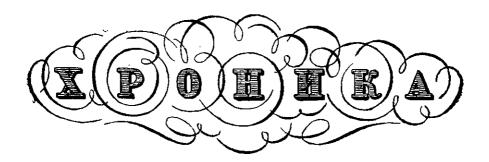
Вся аргументация Зильберштейна, в сущности, развенчивается его же собственным признанием: "ровно ничего неизвестно" о Линеве и "нет данных" для того, чтобы разгадать линевский портрет. Чего же стоит, после этого, попытка "доказать факт написания его с натуры?.."

В другом случае, говоря о серовском портрете Пушкина, Зильберштейн сетует на "одного искусствоведа", который "договорился до тсго, что назвал чугунную орнаментальную скамью, изображенную Серовым, «типичной не для деревенских парков, 2 для дворцовых»". Больше того: этот искусствовед "договорился" до предположения, что "такая скамья могла быть, например, в детскосельском парке". После "детскосельском" Зильберштейн негодующе ставит вопросительный и восклицательный эвак: какой мол, позор не знать, что Пушкин не мог бывать в детскосельском парке, а бывал, в царскосельском! "В действительности же, — сообщает он торжественно, — рисунок был создан в Домотканове" и такая скамейка "стояла в домоткановском доме на балконе, но при создании рисунка она была перепесена в сад". Однако, вопрос совсем не в том, где происходило "создание" портрета; нас интересует — на каком фоне представлял себе Серов Пушкина в данном случае. Не собирался же он изобразить Пушкина в Домотканове (где тот никогда не был)! Часть парковых скамеек пушкинской эпохи, примерно, такого же типа, как "домоткановская", сохранилась в детскосельском пушкинском парке, и типична для этого парка, который в период его наименования детскосельским позволительно не назвать царскосельским. Но Зильберштейн стремится навести читателя на неверный вывод, что "один искусствовед" относит работу Серова к пребыванию художника в Царском Селе.

Всё это, впрочем, досадные мелочи и пустяки по сравнению с прекрасной работой Гознака, тщательно выполнившего и напечатавшего все 25 портретов альбома. Среди них есть несколько впервые публикуемых портретов, на ряду с пятью известнейшими портретами Пушкина и такими слабыми в художественном отношении вещами, как портреты В. Ф. Одоевского (акварель Комаровского), А. Г. Теплякова (набросок неизвестного художника) и портрет Дельвига (работы П. Яковлева).

Э. Голлербах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

(к годовщине его существования)

4 марта 1938 г. состоялось постановление Совнаркома СССР о превращении временной Всесоюзной Пушкинской Выставки, 1 существовавшей с 16 февраля 1937 г. в здании Государственного исторического музея в Москве—в постоянный Государственный Музей А. С. Пушкина с концентрацией в нем всех материалов, связанных с жизнью и творчеством великого поэта.

В июле месяце был утвержден штат Музея из 30 научных сотрудников и 8 экскурсоводов. До этого на Всесоюзной Пушкинской Выставке было всего лишь 4 научных сотрудника, а штатных экскурсоводов
совсем не было. Музей Пушкина состоит
из шести секторов: научно-исследовательского, экспозиционного, рукописного, сектора фондов, кабинета жизни и творчества
Пушкина (библиотеки) и экскурсионно-массового.

В исследовательском секторе работают: Д. И. Бернштейн, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Г. О. Винокур и У. Р. Фэхт.

С июля месяца сотрудники Музея интенсивно принялись за работу по концентрации пушкинских материалов. В настоящий момент эта задача выполнена почти полностью.

¹ См. о ней статьи: П. Попова "Всесоюзная Пушкинская Выставка" ("Временник Пушкинской Комиссии", т. 3, 1937, стр. 517—524), Г. Волкова "Итоги работы Всесоюзной Пушкинской Выставки" (там же, т. 4—5, 1939, стр. 560—570, и К. Богаевской "Всесоюзная Пушкинская Выставка и ее посетители" (там же, стр. 670—680).

Особенно успешно концентрация прошла в Секторе рукописей Музея. К началу 1939 г. в нем оказалось собранным подавляющее число автографов Пушкина, начиная с целых тетрадей и кончая отдельными маленькими клочками, хранившимися прежде в разных учреждениях и городах Советского Союза.

Самое больщое собрание поступило из Всесоюзной библиотеки им В. И. Ленина — 14 рабочих тетрадей Пушкина и 15 так называемых "жандармских" тетрадей, отдельные рукописи: "Повести Белкина", "Капитанская дочка", "Путешествие в Арзрум", "Александр Радищев", "Записки бригадира Моро де Бразе", "История Пугачева", материвлы по истории Пугачева и "Борис Годунов" (писарская копия части трагедии с поправками Пушкина), переписка Пушкина, в том числе 71 письмо его к жене. Весь этот фонд. как известно, был пожертвован библиотеке (тогда "Румянцевский музей") сыном поэта А. А. Пушкиным — через П. И. Бартенева в 1880 г. 1 Отдельные поступления: 36 писем к брату Льву Сергеевичу, автографы "Не пой, красавица, при мне", "Делибащ", "Послание к цензору", неизвестный ранее рисунок — пейзаж с людьми (1831 г., карандат)

На втором месте по количеству автографов стоит поступление из собрания Госу-

¹ См. описание В. Е. Якушкина в "Русской Старине" (1884, №№ 2—12).

дарственной Публичной библиотеки им. М. Е. Сватыкова-Щедрина.¹

Эдесь наиболее значительны I—V и VIII главы "Евгения Онегина", записная книжка 1820 г., "Борис Годунов", рукопись представленной Пушкиным Николаю I "Историв Пугачева", "Сказка о золотом петушке", ряд отдельных стихотворений, статей и писем из бумаг А. А. Краевского, В. Ф. Одоевского, В. А. Жуковского, М. П. Погодина и Н. И. Тарасенко-Отрешкова.

Из Государственного Архива феодальной крепостнической эпохи поступили 62 письма к П. А. Вяземскому, 20 писем к П. В. Нащокину, лицейские стихотворения, поэма "Монах", авторизованный список "Ура, в Россию скачет" и другие автографы из архивов П. А. Вяземского, А. М. Горчакова и С. А. Соболевского. Из Государственного Литературного музея — так называемая "Тетрадь Всеволожского", билет Хохлову и мелкие автографы из разных собраний. Из Государственного Исторического музея письма и стихотворения "Мальчику" и "Наездники", исчезнувшие из поля зотния пущкинистов с 1913 г. Из Государственной Третьяковской галлереи, из собрания Н. С. Остроухова — записка к А. А. Муханову. Из Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко (Харьков) — письмо к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г. Из Государственного Музея украинского искусства (Киев) — Альбом К. А. Собаньской с записью стихотворения "Что в имени тебе моем?" Из Литературного музея Армянской СССР (Эривань) - Послание к А. Ф. Орлову ("О ты, который сочетал..."). Из Библиотеки Академии Наук УССР - "Моя родословная", авторизованный список. Из Воронежского Государственного университета — письмо к М. Н. Загоскину от 14 июля 1830 г. Из сектора рукописей Института мировой литературы им. Горького — письмо к родителям от 3 мая 1830 г. и автограф "Нет, не черкешенка она". Из Московского областного архива - 7 писем к А. Н. Гончарову. Из Государственного Музея революции в Ленинграде — расписка в чтении указа Петра І. Из Горьковского Краевого

архива — письмо к В. В. Измайлову от 9 октября 1826 г., доверенность управляющему Болдиным М. И. Калашникову и варварски отрезанные в свое время П. И. Бартеневым строки рукописи "Русалки" (второй отрезок этого листа поступил из Государственного-Литературного музея, а третий находится в Институте литературы (Пушкинском Доме).

Всё изложенное наглядно подчеркивает как необходимо было произвести концентрацию в одном месте рукописей Пушкина, рассеяных часто случайно в разных местах. Всего в Музей поступило пока 590 автографов Пушкина и 1400 документов о нем. Дела о полицейском надзоре, цензурные, об открытии памятника в 1880 г., о праздновании юбилеев, о дувли и смерти, семейные бумаги Пушкиных, служебные, официальные, имущественные, козяйственные и биографические документы, рукописные списки произведений Пушкина, рукописные сборники, стихотворения и исследования, посвященные ему, ноты, мемуары и переписка современников, помимо перечисленных выше учреждений, получены из Научной библиотеки Саратовского университета, Центрального межевого архива, Архива внешней политики, Архива внутренней политики в Ленинграде, Центрального врхивного управления УССР и Центрального архива революции. Кроме того, в Музей поступил архив Всесоюзного Пушкинского комитета.

Сектор рукописей ведет также работу по обслуживанию исследователей, главным образом редакторов академического издания сочинений Пушкина. За год его существования было 2376 выдач рукописей в читальный зал для занятий и 692 посещения. Чтобы свести к минимуму пользование драгоценными рукописями повта, в Музее гототакже альбомы с фотоснимками, являющимися точными копиями с тетрадей Пушкина. Уже сейчас в Секторе рукописей имеется ввыше 7000 негативов и 6000 фотоснимков с автографов Пушкина. В плане этого года стоит дублирование всех подлинников фотокопиями. Собираются фотокопии и со всех автографов, находящихся за пределами СССР. С научными целями произведена, наконец, расшивка знаменитых "жандармских" тетрадей, грубо сшитых из отдельных листов суровыми нитками и за-

¹ См. описание А. Б. Модзалевского "Рукописи Пушкива в собрании Гос. публичвой библиотеки в Ленинграде", изд. "Асаdemia", 1929.

печатанных сургучными печатями **Л**. В. Дубельтом и его помощниками в феврале 1837 г., после посмертного обыска в последней квартире поэта в Петербурге. Сшиты тетради жандармами были безграмотно, спутаны вместе проза, стихи, мелкие записи, черновики писем. Часто одно произведение перебивалось листами другого или было разбито по разным тетрадям. Многие листы были согнуты пополам и таким образом верх листа был в начале тетради, а низ попадал в конед. М. А. Цявловский, как заведующий сектором рукописей, поставил вопрос перед дирекцией Музея и в январе-марте 1939 г. им, научным сотрудником Научно-исследовательского сектора С. М. Бонди и научным сотрудником Сектора рукописей К. П. Богаевской были расшиты №№ 2375, 2376 A, B, B, 2386 A, B, B, Γ, 2387 A, B, B, (Λeвинской библиотеки). Из каждой тетради по**хучилось от трех до двадцати с лишним авто**графов, смонтированных в папки, как отдельные документы. При этом предварительно с каждой расшиваемой тетради делался точный макет, интересный для будущего историка рукописей Пушкина и необходимый в настоящее время для справок и проверки. Составлена картотека на все известные автографы Пушкина во всем мире и составляется — на все утраченные или неизвестно где находящиеся.

В секторе фондов хранятся предметы изобразительного искусства: живопись, рисунки, гравюры, лубки, листы, мебель пушкинской эпохи, реликвии, скульптура, медали, жетоны, фабрично-заводские изделия, фарфор и пр. Общее количество музейных предметов, находящихся в ведении фонда — 13245 (из них 6000 в экспозиции). За год существования Музея количество предметов возросло на 8000. Произведений изобразительных искусств -- 6033. Из них: портретов самого Пушкина — 553, портретов современников Пушкина — 698, иллюстраций к произведениям Пушкина — 1493, видов пушкинских мест — 385, материалов по театральным постановкам и кинофильмам — 321, мебели — 150 и меморативных предметов — 20. Среди реликвий, наиболее интересны: три трости Пушкина, золотые часы его, попавшие после смерти поэта к Н. В. Гоголю, бисерный бумажник Пушкина и кольца И. И. Пущина, сделанные из капдалов.

Сектор фондов обращается к государственным учреждениям и частным лицам (в частности советским кудожникам), приобретая у них произведения на пушкинские сюжеты или делая заказы на определенные темы. За последнее время из новых поступлений самые значительные: -- П. Ф. Соколов — портрет Байрона, А. Бенуа — эскиз к декорациям "Пиковой Дамы" и "Бориса Годунова" (сцена у фонтана); А. Кравченко — 30 иллюстраций к произведениям Пушкина ("Египетские Ночи", "Медный всадник", "Пиковая Дама" и "Маленькие трагедии") и три портрета Пушкина; В. Фаворский — эскиз к "Скупому рыцарю"; Б. Рыбченков — 22 вида Пушкинских мест; Н. Пискарев — Пушкин-лидеист и Пушкин на Набережной: Н. П. Ульянов — Пушкин на балу и еще 6 работ на пушкинские темы; Г. К. Лукомский — дом Мазепы; Л. Пастернак — Пушкин на берегу моря; Н. Кузьмин — Пушкин у окна, Пушкин и Онегин, портрет Пушкина и Сенатская площадь: Делавуазьер три портрета сестер Гончаровых в детстве; М. Соколов — "И дале мы пошли..."; П. Митурич — 14 иллюстраций к "Джону Теннеру" и скульптура Баха — бюст В. А. Жу-

При секторе имеется около 2000 негативов с экспонатов музея Пушкина. Фототека эта обслуживает разнообразные издательства, выполняя их заказы; через сектор фондов также идут обильные заказы на фотоснимки с рукописей и рисунков пушкина.

ковского (бронза).

Организован в Музее кабинет жизни и творчества Пушкина, в котором собираются издания его произведений на всех. языках мира, литература о нем, периодика, альманахи и издания современников поэта с конца XVIII в. до 40-х годов XIX в., и ноты на тексты Пушкина. По возможности дублируется библиотека Пушкина, т е. собираются те издания книг, о которых известно, что они находились в библиотеке поэта. Кабинет уже насчитывает около 6000 единиц, среди них немало библиографических редкостей. В кабинете хранится 18 000 газетных вырезок о Пушкине (большая часть из архива П.Е. Щеголева, а также вырезки за последние три года).

В экспозиции Музея в настоящее время находятся 6000 предметов. Подлинные рукописи Пушкина еще летом 1938 г. былю

заменены фотокопиями, остались только несколько книг с его автографами, например "Басни Фенелона" (1809), "Путешествие из Петербурга в Москву А. Радищева" (1790), "Орлеанская девственница" Вольтера (1819) с надписью Пушкина Кривцову "Когда сожмешь ты снова руку". Дела и документы представлены все в подлинниках в количестве 313 единиц. За последнее время выставлены новые экспонаты: Бесы, акварель Серова (VII зал), две подлинные палки Пушкина: одна с аметистовым набалдашником, подаренная Пушкиным доктору Г. И. Спасскому (по свидетельству зятя Спасского), полученная из Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), другая с пуговицей на набалдашнике, по преданию, принадлежавшей Петру I, получена из Всесоюзной Библиотеки им. Ленина (из имения кн. П. А. Вявемского "Остафьево") и подзорная труба Пушкина из Музея Института литературы (Пушкинский Дом) (IX зал), портрет М. Ф. Орлова работы Гезера (XI зал), миниатюрный рукописный сборник стихотворений Пушкина в переплете и с виньетками работы ученика б-го класса 209-й школы г. Москвы Толи Коврижкина (XV зал).

Переработана и более наглядно экспонирована в VII зале тема "Пушкин читатель и библиотека Пушкина", добавлено много этикеток с высказываниями поэта о русских и западных писателях, даны фото с портреписателей, рисованных Пушкиным. В корне переделана, расширена и углублена тема — творческая лаборатория Пушкина В первых семи залах Музея, т. е. до "Болдинской осечи", показана творческая лабора тория поэта на фотоснимках и транскрипциях с рукописей "Руслана и Людмилы", "Кавказского Пленника", "Братьев разбойников". "Бахчисарайского фонтана", "Бориса Годупова" и "Евгения Онегина". Готовятся: "Пиковая Дама", Сказки, "Капитанская Дочка" и "История Пугачева". В XII зале ("Пушкин и мировая литература") экспонирована тема "Пушкин и революционная Испания" (афиши, пригласительные билеты на концерты и переводы, отражающие празднование юбилея Пушкина в революционной Испании, приуроченное к двадцатилетию Октябрьской революции) и выставлено более двадцати новых переводов произведений

Пушкина на иностранные языки и литература о нем. В XIV (советском) зале прибавлена новая тема — "Пушкинский юбилой 1937 г. в Советском Союзе". Летом 1938 г. в XI зале (последний год жизни Пушкина) была сделана временная, но сокранившаяся до сих пор выставка "Пушкин и «Слово о полку Игореве»". В витрине экспонированы все издания "Слова", бывшие у Пушкина, книги: "Древнее сказание о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем", издание И. М. Спегирева, М. 1829 и "Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Иовгород-Северского, перев. А. Ф. Вельтмана, М. 1833 г. с пометками на полях Пушкина, фотокопии с рукописи его — "Замечания на «Слово о полку Игореве» и поправки в переводе Жуковского. На станде — портреты первых переводчиков и издателей "Слова". В XIII зале (1838— 1917 гг., до Октябрьской революции) открыта выставка — "Пушкин и Шеввоеменная ченко". Готовятся переработки тем: "Пушдвижения конца кин и революционныя XVIII — начала XIX века", "Пушкин в Микайловском", "Пушкин и музыка", "Пушкин и братские народы СССР". Во всех 17 залах Музоя улучшен этикетаж.

За время существования Всесоюзной Пушкинской Выставки ее посетило более шестисот тысяч человек. Государственный Музей Пушкина с 4 марта 1938 г. по 1 марта 1939 г. посетило 222 468 человек. За январь — первую декаду марта 1939 г. было 75 экскурсий (в среднем по 20 человек) и 27 780 одиночек. Кроме так называемых "сквозных" экскурсий по всему Музею ца тему — "Жизнь и творчество Пушкина", соэданы тематические экскурсии: "Пушкин создатель русского литературного языка", "Пушкин и самодержавие", "Пушкин и декабристы", "Пушкин и театр", "Евгений Онегин", "Сказки Пушкина" (для детей) Для каждого класса десятилетки также имеется своя тематическая экскурсия, охватывающая биографию поэта и те его произведения, которые проходятся в данном классе. Для 10-го класса проводится еще отдельная экскурсия — "Пушкин и Шекспир".

С сентября 1938 г. в Музее начал функционировать научно-исследовательский сектор (так называемая "Пушкинская секция" Ин-

lib.pushkinskijdom.ru

ХРОНИКА

ститута мировой антературы им. А. М. Горького). По март месяц 1939 г. в нем было сделано и обсуждено двадцать докладов.

- Сентябрь 1938 г. С. М. Бонди. Пушкин родоначальник новой русской литературы (информационное сообщение); Г. О. Винокур. Словарь языка произведений Пушкина (то же).
- Октябрь. М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества Пушкина (то же); Д. Д. Благой. Пушкин и Лермонтов; И. М. Нусинов. Каменный гость Пушкина (глава из книги "Пушкин и мировая литература").
- Ноябрь. М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, Т. Г. Зенгер, И. Н. Медведева, В. А. Комарович и П. С. Попов. Новинки академического издания сочинений Пушкина (2 заседания); И. Р. Эйгес. Пушкин и Тургенев.
- Декабрь. М. А. Цявловский. Ода "Вольность", опыт комментария (два заседания); Б. В. Томашевский. К вопросу об изучении народности пушкинского творчества.
- Январь 1939 г. М. С. Пекелис. Драматургия Пушкина и русская опера; М. В. Нечкина. Пушкин и декабристы (два заседания). Обсуждение плана экспозиции Музея Пушкина в новом здании. Март. Н. В. Фридман. Тема пророка в творчестве Пушкина; Л. Я. Гинзбург. Пушкин и Лермонтов.

10—11 февраля 1939 г. совместно с Московской Государственной консерваторией в Малом зале консерватории была организована пушкинская сессия, посвященная 102-й годовщине со для смерти поэта.

- 10 февраля. Вечернее заседание: М. В. Нечкина. Пушкин и "Союз благоденствия"; М. С. Покелис. Драматургия Пушкина и русская опера.
- 11 февраля. Дневное заседание. М. А. Цявловский. Пушкиниана 1936—1938 гг.; С. М. Бонди. Новые тексты Пушкина; Н. Г. Машковцев. Образ Пушкина в эскизных проектах памятника для Ленинграда. Осмотр выставки проектов памятника.
- 11 февраля. Вечернее заседание: И. М. Нусинов. Пушкин и мировая литература; Б. В. Томашевский. Народность Пушкина. Вечерние заседания оканчивались концертом из произведений русских композиторов на тексты Пушкина.

При научно-исследовательском секторе под руководством Г. О. Винокура ведется работа по составлению картотеки словаря пушкинского языка, под руководством М. А. Цявловского приступлено к картотеке — Летопись жизни и творчества Пушкина. Подготавливается сборник на тему "Пушкин — родоначальник русского языка и литературы" (40 печ. л.). Запланированы сборники "Пушкин и народность" и "Пушкин и декабристы".

Март 1939 г.

К. Богаевская.

РУКОПИСЬ "ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ"

Как сообщали Д. Благой, С. Бонди, Г. Винокур, О. Попова, У. Фохт, М. Цявловский, 17 октября 1939 г. Государственным Музеем А. С. Пушкина, при энергичном содействии К. О. Шмидта и А. Т. Полоцкой, приобретена рукопись "Пир во время чумы".

Рукопись "Пира во время чумы" значительна не только как новый автограф Пушкина— текст, написанный его рукой, хотя и известный уже в печати. Значение этой рукописи повышается тем, что она носит на себе довольно значительные следы творческой работы поэта. Рукопись представляет

собой не черновик, а дает перебеленный текст с многочисленными поправками, т. е. отражает только последнюю стадию работы Пушкина над "Пиром", непосредственно предшествующую окончательной редакции. Однако, поскольку ни одной черновой рукописи "Пира" мы не имеем, и тот текстологический материал, который дается беловиком, представляет собой весьма большой интерес.

Прежде всего рукопись дает возможность внести некоторые мелкие уточнения в основной текст "Пира", как теперь выясняется, напечатанный при жизни Пушкина не вполне исправно. Особенно пострадала пунктуация: в печатном тексте появился ряд произвольных восклицательных знаков, точек с запятой и т. п., отсутствующих в рукописи и подчас явно нарушающих ритмический и интонационный рисунки "Пира". К роме того, в рукописи имэются в двух местах текстовые исправления, относительно которых может быть поставлен вопрос, пушкинской ли рукой они сделаны.

Однако наиболее значительной и интересной частью рукописи являются те довольно многочисленные первоначальные варианты, которые давались и тут же отменялись Пушкиным в процессе выработки им белового текста. В рукописи имеется свыше пятидесяти таких вариантов.

Так, первоначально стихи 48—51 (в песне Мери) читались:

Поминутно мертвых носят При рыдании живых, Поминутно бога просят Упокоить души их.

Два средние стиха Пушкин переделывает:

И стенания живых Боязливо бога просят.

"Боязливо" — потому что "живые" в ужасе от чумы, в частности, боятся заразиться от своих же мертвецов.

Ст. 60-61-й читались:

Я молю, не приближайся К гробу Дженни ты своей.

Исправление Пушкина вносит гораздобольшую психологическую остроту "к телу Дженни ты своей", что непосредственно связано и с последующим "Уст умерших не касайся..."

Переведя сначала (ст. 30—31) буквальном Вильсона—

тот, кто от земаи

Был отлучен каким-то сном небесным, — Пушкин исправляет это выражение, не очень уместное в устах "безбожного" председателя:

Был отлучен каким-нибудь виденьем...

Находка автографа "Пира во время чумы" — большая радость для науки.¹

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Пушкинская комиссия Академии Наук СССР в период с сентября 1938 г. по июнь 1939 г. работала в Ленинграде при председателе Д. П. Якубовиче, ученом сокретаре Б. С. Мейлах, затем при и. о. ученого секретаря Н. П. Верховском.

Работа Комизсии велась в следующих направлениях: члены Комиссии участвовали в подготовке академического собрания сочинений А. С. Пушкина, в написании пушкинских глав издаваемой Институтом литературы "Истории русской литературы" и вели текущую научно-исследовательскую работу.

I. Участие в подготовке полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина.

Продолжалась работа над томами переписки (XIV, XV) и томами лирики (II, III).

II. Участие в издаваемой Институтом литературы "Истории русской литературы".

Членами пушкинской комиссии В. В. Гиппиусом, А. Л. Слонимским, Д. П. Якубо-

вичем была написана глава о Пушкине для "Истории русской литературы", обсуждавшаяся 17—18—19 февраля 1939 г. на организованной Институтом Пушкинской конференции. В течение всех трех заседаний (на утренних и вечерних заседаниях) присутствовали литературоведы Ленинграда и Москвы, преподаватели, аспиранты, студенты Университета, Института им. Крупской, Педагогического института им. Герцена и представители широких кругов общественности Ленинграда.

Акад. А. С. Орлов открыл конференцию. С пояснением целевой установки и задач главы о Пушкине для "Истории литературы" выступил Д. П. Якубович.

17 февраля конференцией заслушаны следующие главы: 1. "Биография Пушкина", 2. "Лицейская лирика Пушкина" — А. Л.

lib.pushkinskijdom.ru

 $^{^{1}}$ "Литературная Газета", 1939, 26 октября.

Слонимский; З. "Лирика Пушкина 1820— 1836 гг." — В. В. Гиппиус. В прениях выступили: М. К. Азадовский, Н. К. Пиксанов, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. М. Жирмунский, М. А. Цявловский, Л. П. Гроссман, И. А. Оксенов, А. И. Грушкин и др.

18 февраля— главы: 1. "Поэмы и сказки"— А. Л. Слонимский; 2. "Драмы"— Д. П. Якубович; 3. "Евгений Онегин"— В. В. Гиппиус. В прениях выступили: Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, М. К. Азадовский, Л. П. Гроссман, В. А. Десницкий, М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой и др.

19 февраля—главы: 1. "Проза Пушкина"— Д. П. Якубович; 2. "Историческая проза"— Д. П. Якубович и А. Л. Слонимский; 3. "Критическая проза"— В. В. Гиппиус. На эаключительном элседании 19 февраля в прениях по всей главе выступили: Л. П. Гроссман, Г. С. Глебов, М. А. Цявловский, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, Н. В. Измайлов, В. А. Мануйлов, И. А. Боричевский, Б. С. Мейлах и с ответными словами— докладчики.

Закрывая конференцию заместитель директора Института литературы Л. А. Плоткин выразил благодарность выступавшим, отметив высокую активность и значение конференции.

III. На заседаниях Комиссии в Ленинграде были заслушаны следующие доклады: Е. С. Гладкова. "Светская" повесть в проз Пушкина (19 ноября 1938).

- Ю. Н. Тынянов. Путешествие Кюхельбекера (15 декабря 1938).
- Г. В. Битнер. Пушкин и Катенин (5 января 1939).
- А. В. Пумпянский. Из наблюдений над "Евгением Онегиным" (16 января 1939).
- Г. Д. Владимирский. Пушкин переводчик (26 января 1939).
- В. Томашевский. Пушкин и народность (25 марта, 1939).
- В. В. Гиппиус. Пушкин и Булгарин в 1830—1831 гг. (4 апреля 1939).
- А. Я. Гинзбург. От Пушкина к Лермонтову (заседание совместно с Лермонтовской комиссией Института литературы, 13 апреля 1939).
- А. В. Пумпянский. Французские романтики и второй александрийский стих Пушкина (27 апреля 1939).

А. Б. Модзалевский. Два новых корреспондента Пушкина (27 апреля 1939).

- И. А. Боричевский. К вопросу о политических взглядах Пушкина (15 мая 1939).
- М. К. Азадовский. Шота Руставели в стихах Пушкина (27 мая 1939).
- Б. В. Томашевский Пушкин историк французской революции (заседание совместно с Пушкинским обществом, 4 июня 1939).

26 октября 1938 г. скончался член Пушкинской комиссии, член-корреспондент Академии Наук СССР Александр Иустинович Малеин. А. И. Малеин (оод. 24 августа 1869 г.) — выдающийся знаток античности, классической филологии и русского классицизма. Преподавал латинский язык и римскую литературу в Историко-филологическом институте, Петербургском университете и ряде других учебных заведений. Автор многочисленных работ: в 1907 г. напечатах ряд примечаний к стихотворениям Пушкина в "Пушкине" под редакцией С. А. Венгерова, т. I; в 1912 г. статью "Пушкин в античный мир в лицейский период" ("Гермес", т. XII, № 17, № 18); в 1916 г. "Пушкин и Овидий" (Пушкин и его современники", вып. 23-24); в 1917 г. -"Мелкие заметки о Пушкине" (там же, вып. 28); в 1926 г. – "Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит" ("Пушкин в мировой литературе") и др.

20 мая 1939 г. скончался Александр Григорьевич Фомин (род. 13 марта 1887 г.), выдающийся библиограф, автор крупнейших работ по русской библиографии и в частности — библиографии по Пушкину. Принимах деятельное участие в пушкинском семинарии С.А. Венгерова в 1903—1910 гг., работал в Книжной палате и Институте книговедения, в Русском библиографическом обществе. Его "Пушкиниана", состоящая из двух томов (1-й — 1917 и 2-й — 1937), настольные пособия для всех занимающихся Пушкиным. Вторая из этих книг (1937 г.), предпринятая по инициативе Пушкинской комиссии, является образцом советской литературной библиографии. А. Г. Фомин в 1934 г. получил степень доктора литературоведения и состоях научным сотрудником Института литературы Академии Наук

548 хроника

СССР и заведующим его Библиографическим сектором, а также читал лекции в Педагогической Академии, на Высших курсах библиотековедения при Публичной библиотеке и был деканом Библиотечного факультета Института внешкольного образования, руководил кружками библиографии и библиотековедения в ряде научных учреждений Ленинграда

6 июля 1940 г. скончался Лев Васильевич Пумпянский (род. 5 февраля 1891 г.).

Историк русской и западно-европейской литературы, автор ряда работ, в частности по русской литературе XVIII в., по Пушкину, Тютчеву, Тургеневу и др., разносторонний исследователь, Л. В. Пумпянский в течение многих лет вел большую научно-популяризаторскую лекционную работу и справедливо считался одним из лучших наших лекторов.

В Ленинградском университете он вел ряд курсов по истории русской литературы.

В Пушкинской Комиссии и Пушкинском Обществе Л. В. Пумпянский выступал с докладами, в которых освещал значение традиций русской и западно-европейской литератур XVIII и начала XIX века в творчестве Пушкина. Одна из наиболее значительных его работ — "«Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века" — напечатана во "Временнике Пушкинской Комиссии" вып. 4—5, 1939 г. Из неопубликованных работ Пумпянского значительный интерес представляют исследования о "Памятнике" Пушкина и о романе "Евгений Онегин" (язык, стиль, композиция).

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1938-1939 гг.

В 1938—1939 гг. Пушкинское общество продолжало свою работу по пропаганде русской классической литературы и национальных литератур народов СССР. Значительное место в плане работы Общества заняла подготовка к лермонтовским юбилейным годовщинам (1939 и 1941 гг.). Так, по инициативе Общества 10 января 1939 г. было созвано совместно с редакцией "Литературной Гажеты" в Москве Лермонтовское совещание, обсуждавшее вопросы исследовательской работы, научного издания сочинений Лермонтова, организационные и т. д.

В деятельности общества рядом докладов М. Я. Айзентитока, И. М. Просяника и др. было отмечено 125-летие со двя рождения Шевченко. Писателя В. П. Беляев и П. П. Евстафьев прочли на собраниях Общества свои рассказы о Шевченко.

В Пушкинском кружке при Государственном Краснознаменном театре драмы имени Пушкина, организованном Обществом в 1937 г., с лекциями и докладами о творчестве Пушкина выступали не только литературоведы Л. В. Пумпянский, Б. В. Томашевский, В. А. Мануйлов, но и артисты театра: М. Царев, Б. А. Борисов и др. Кроме ряда

лекций, практических занятий и экскурсий для членов кружка, в 1938—1939 гг. был организован также ряд бесед о Пушкине, проведенных в различных цехах театра силами артистов — членов кружка.

Авторский коллектив Пушкинского общества продолжал в 1938—1939 гг. работу над I частью учебника для средней школы: "История литературы народов СССР". Ряд глав был прочитан и обсужден в собраниях Общества совместно с педагогами-словесниками.

В 1939 г. началась организационная работа по созданию Пушкинского общества в Москве. С первых же дней возникновения инициативной группы в феврале 1939 г. Пушкинское общество в Москве уже фактически приступило к массовой работе. В связи с организацией Московского общества возник вопрос о превращении Пушкинского общества во всесоюзную организацию и о соответственной переработке устава Общества. Проект устава Всесоюзного Пушкинского общества в настоящее время внесен на утверждение Президиума Верховного Совета СССР.

ПУШКИНСКИЙ СЕМИНАР ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

На филологическом факультете Ленинградского гос. университета с февраля 1938 г. работает Пушкинский семинар под руководством Б.С. Мейлаха. Семинар объединяет сту-

дентов, старших и младших к / рсов и разделен, соответственно подготовке и уровню знаний студентов, на две группы. Из работ, выполненных участниками семинара, следует отметить работу студента Э. Барштака "Реалистические элементы лицейской поэзии Пушкина" (частично опубликованную в "Учетых Записках филологического факультета ЛГУ"). Им же обстоятельно разработана тема "Пушкин на русской драматической сцене XIX века" с учетом большого количества впервые вводимых в научный оборот материалов те-

атральных архивов. Э. Барштак утвержден Совнаркомом РСФСР сталинским стипендиатом. Среди работ других студентов следует назвать также работы Л. Курфюрст "«Современник» Пушкина" и В. Федоренко "Пушкин и Шевченко", намеченные к опубликованию в трудах фил. факультета. Весной 1940 г. пять участников семинара — студенты V курса защитили курсовые работы на темы, связанные с изучением мировоззрения и творчества Пушкина.

новые книги о пущкине

"Справочник к сочинениям Пушкина"

Первым опытом справочника к произвелениям Пушкина был вышедший в 1931 г. "Путеводитель по Пушкину", изданный как шестой том сочинений Пушкина — приложение к журналу "Красная Нива" на 1930 г.1

Сочинения Пушкина, издаваемые как приложение к популярному журналу ² и предназначенные для самого широкого круга читателей, не могли быть напечатаны без комментария. Выделенный в особый том, он был дан не в традиционной форме примечаний к каждому отдельному произведению Пушкина, а в алфавитно-словарном порядке, в виде небольшой пушкинской энциклопедии, включая в нее статьи, поясняющие ряд проблем общего характера ("Критика о Пушкине", "Изобравительное искусство и Пушкиней при предеставание при предеставание предестав

² Издание "Красной Нивы" — первое советское издание полного собрания сочинений Пушкина (тираж 65 тысяч экземпля-

lib.pushkinskijdom.ru

кин", "Иностранные влияния и заимствования" и т. п.).

Для правильного решения вопроса, что и как комментировать в издании, рассчитанном на массового читателя, П. Е. Щеголев по предложению В. А. Мануйлова — выдвинул план создания опытной бригады из читателей рабочих. Опытная читательская бригада была создана из рядовых читателей профсоюзных ленинградских библиотек в числе 12 человек разного возраста (8 мужчин и 4 женщины), среди которых были металлисты, текстильщики, строители, пищевики и совторгелужащие. "Бригадники индивидуально проработали тексты Пушкина, отметили непонятные места и слова, требующие разъяснения. Эти отметки помогли в значительной степени при составлении «Путеводителя». Кроме того, каждый бригадник давах отзыв по поводу прочитанного произведения. Так впервые к работе над Пушкиным подошел коллектив из подлинных массовых читателей. С бригадой работали покойный П. Е. Щеголев и В. А. Мануйлов, проводившие ряд инструктивных бесе<u>л",¹</u>

Из работы с бригадниками выяснилось, как сообщает В. А. Мануйлов, 2 необходимость реального комментария. "Не только архаизмы и галлицизмы (в том числе библеизмы) вызывали недоумение нашей рабочей

Якубович.

² В. А. Мануйлов. "Рабочий читатель и Пушкин". "Звезда", 1933, № 12, стр. 153

¹ Следует, впрочем, упомянуть давно устаревший "Словарь литературных типов. Типы Пушкина. Редакция Н. Д. Носкова в сотрудничестве С. И. Поварнина" (СПб. 1912). Но так как главная задача этого словаря — дать материал для характеристики литературных типов Пушкина в освещении самого автора, свод критических мнений о них и библиографию предмета, то чисто справочный материал, названный составителями "Список лиц, имен и предметов", занимает в нем незначительное место; кроме того, в словаре даны: алфавитный "Перечень произведений А. С. Пушкина" с указанием "входящих в них типов, образов, лиц и имен", "Прототипы", "Место действия в произведениях Пушкина", статьи "Пушкин в живописи, в музыке", "Пушкин и цензура" и по.

¹ Предисловие к "Путеводителю по Пушкину". Редактирование "Путеводителя" после смерти П. Е. Щеголева приняли на себя Б. В. Томащевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович.

550 ХРОНИКА

молодежи (стезя, лоза, вран, элак, возжена, трикраты, вотще, предрек и т.п.). Затрудняло бригадникам понимание текста незнакомство с мифологией, античной культурой, множеством исторических имен и событий, упоминанием которых изобилуют произведения Пушкина".

Так выяснился первоначальный состав словника "Путеводителя по Пушкину". К со-жалению, "Путеводитель" появился далеко не в том виде, как он был задуман. Необходимость дать комментарий в ограниченном объеме, определенном издательством, заставила не только чрезвычайно сжать многие статьи и заметки, но и отказаться от целого ряда статей общего характера и сильно сократить словник. Многие произведения Пушкина, не говоря уже о его черновых набросках, в "Путеводителе" не были комментированы.

Кроме того, спешность печатания "Путеводителя" в газетной типографии (набор линотипом) привела к опечаткам и путанице в алфавите. Тем не менее "Путеводитель" несмотря на все свои недостатки, до настоящего времени остается единственным популярным справочником к сочинениям Пушкина, тем более, что все последние издания собрания сочинений Пушкина (за исключением изданий "Асаdemia" и однотомника) выпущены без комментария.

Но "Путеводитель по Пушкину", изданный девять лет назад, давно стал библиографической редкостью. Учитывая настоятельную потребность широкого читателя в комментариях к Пушкину, Государственное издательство "Художественная литература" выпускает новое издание "Путеводителя" под названием "Справочник к сочинениям Пушкина" под редакцией Н. С. Ашукина, Г. О. Винокура, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Д. П. Якубовича.

В основу "Справочника" положен "Путеводитель по Пушкину". Отказавщись от включения в "Справочник" статей общего характера, имевших место в "Путеводителе", редакция значительно увеличила словник "Справочника". В нем даны статьи и заметки о всех произведениях Пушкина (лирика, поэмы, драмы, художественная и критическая проза, исторические работы, автобиографические записи), за исключе-

нием писем, ряда мелких записей, опытов переводов, деловых бумаг и прочих материалов, печатающихся в XII томе нового академического издания.

Заглавия и датировка произведений Пушкина в "Справочнике" даны по новому академическому изданию, которое во многих случаях отменяет старые тексты, заглавия и даты, установленые редакторами предылущих изданий. Но для удобства пользования "Справочником" старые традиционные заглавия в нем сохранены с отсылками к новым.

Кроме статей и заметок о произведениях Пушкина в "Справочнике" даны заметки, поясняющие упоминаемые Пушкиным личные имена, исторические события, названия различных учреждений, названия произведений литературы и искусства, термины поэзии, разного рода бытовые архаизмы и т. п. Считаясь, однако, с объемом "Справочника", редакция сознательно не ввела в него целый ряд сравнительно второстепенных личных имен из "Истории Пугачева", "Истории Петра Первого" и других истерических работ Пушкина.

В статьях и заметках, поясняющих имена личные, в "Справочнике", в отличие от "Путеводителя", указываются произведения Пушкина, где эти имена упоминаются. Точно также в "Справочнике" даны почти отсутствующие в "Путеводителе" библиографические справки о первом появлении в печати каждого произведения Пушкина.

За пределами "Справочника" — по издательским соображениям — остались письма Пушкина. Впрочем, материал эпистолярного наследства Пушкина в значительной мере использован в статьях и заметках "Справочника".

Произведения Пушкича до сих пор не подвергались сплошному комментированию. Если более или менее полно комментированы лирика и драматические произведения Пушкина, то этого нельзя сказать о комментариях к его художественной и критической прозе, поэтому "Справочник", не ограничиваясь сводкой уже накопленных сведений, в значительной части — на основании новых разысканий — дает разъяснения фактов, ранее не разъяснявшихся или же толковавшихся неправильно. Таким образом "Справочник", рассчитанный, главным обра-

зом, на широкого читателя, содержит немало новых данных, знакомство с которыми представит интерес и для специалисталитературоведа.

"Справочник к сочинениям Пушкина", жотя и созданный на основе материала старого "Путеводителя", по существу не явминиенаспод ото котока переизданием, а представляет собою новое, самостоятельное издание. Статьи и заметки, включенные в "Справочник" из "Путеводителя", разумеется не только заново проредактриованы, но очень многие из них значительно дополнены, а иные переработаны. Новые статьи и заметки "Справочника" в значительной мере превыщают материал, включенный в него из "Путеводителя". Объем "Справочника4 — около шестидесяти листов — вдвое превыщает объем "Путеводителя".

Авторами статей и заметок "Справочника", помимо названных выше членов редакции, являются: М. К. Азадовский, М. П. Алексеов, М. Г. Ашуклна-Зенгер, С. В. Батрушин, Г. П. Блок, С. М. Бонди, С. А. Бугославский, Ю. Н. Верховский, Л. Я. Гинзбург, А. Г. Горнфельд, Г. А. Гуковский, К. Н. Державин, Т. Г. Зенгер, Б. В. Казанский, Н. К. Козмин, В. Л. Комарович, А. И. Малеин, В. А. Мануйлов, И. Н. Медведева, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, М. В. Нечкина, С. И. Ожегов, П. С. Попов, К. А. Пушкаревич, С. А. Рейсер, М. Н. Розанов А. А. Смирнов, П. П. Щеголев , И. Р. Эйгес, Н. В. Яковлев.

Работа по составлению "Справочника" закончена, и рукопись в июне сдана издательству.

Н. Ашукин.

ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (1941 г.). ЮБИЛЕЙ 1939 г.

Увековечение памяти М.Ю. Лермонтова

Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление образовать Всесоюзный Комитет по увековечению памяти великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, 100-летие со дня смерти которого исполняется в 1941 г.

Председателем Всесоюзного комитета утвержден А. А. Фадеев, заместителями председателя — Н. Н. Асеев и О. Ю. Шмидт. Членами Всесоюзного комитета утверждены К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, А. С. Щербаков, А. Я. Выщинский, Н. А. Булганин, А. Ф. Горкин, П. Н. Поспелов, П. А. Тюркин. Л. З. Мехлис, П. С. Попков, В. Л. Комаров, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, А. С. Орлов, П. И. Лебедев-Полянский, Н. Л. Мещеряков, Б. М. Эйхенбаум, Д. Д. Благой, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Бродский, М. Б. Храпченко, П. Г. Антокольский, В. В. Иванов, В. И. Лебедев-Кумач, А. А. Прокофьев, И. Л. Сельвинский, П. А. Павленко, Н. С. Тихонов, Ю. Н. Тынянов, К. И. Чуковский, А. Т. Твардовский, В. И. Немирович-Данченко, И. М. Москвин, В. В. Барсова, И. Л. Андронников, П. И. Чагин, П. Тычина, Я. Купала, Г. Н. Леонидзе, Самед Вургун, Г. Сарьян, Х. Алимджан, Джамбул, Дехоти, К. Маликов, Дурды Клыч, Шариф Камал Фаррах, Шогенцуков, Яндиев, Г. Плиев, Г. Цадасс, Т. Цуг, К. Кочкаров, Х. Плиев, Ф. И. Беззубова.

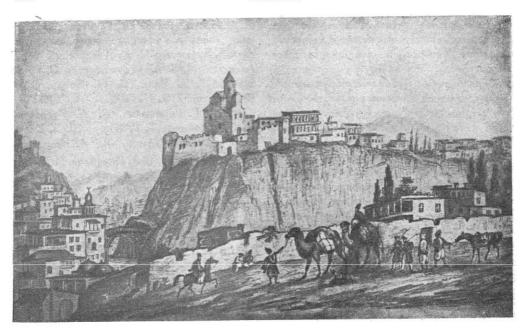
Всесоюзному комитету поручено разработать необходимые мероприятия по увековечению памяти М. Ю. Лермонтова и широкой популяризации его творчества и внести их на утверждение правительства СССР.

Новые лермонтовские материалы

Юбилейный лермонтовский 1939 год дал Музею Института литературы ряд ценных материалов по Лермонтову.

Еще в 80-х годах прошлого столетия в печати известно было о существовании рисунков М. Ю. Лермонтова в семье академика живописи Петра Ефимовича Заболотского, учителя рисования поэта и автора ряда его портретов.

Статья П. А. Висковатова о портретах Лермонтова — лучшим по сходству он считал портрет работы Заболотского, масло, 1837 г. — вызвала ответную заметку П. П. Заболотского, сына академика живописи, тоже художника. В газете "Голос" за 1882 г. (№ 350) он сообщает ценные сведе552 хроника

Тирлис. Метехский замок. Рисунок МедЮ. Лермонтова. Музей Института литературы Академии Наук СССР.

ния о серьезном интересе уже взрослого Лермонтова к своим занятиям рисованием и о хорошем дружеском отношении его к своему учителю. "Портрет Лермонтова, упоминаемый в № 305 «Голоса» — работа моего отца... Лермонтов был с ним в очень дружелюбных отношениях и, вместе с некоторыми своими товарищами, будучи уже офицером, ходил к нему брать уроки рисования...Доказательством успехов Лермонтова в рисовании остались его рисунки, хранящиеся у меня и в настоящее время. Их было около 20-ти, но значительная часть пропала еще при жизни моего отца, и теперь уцелело всего четыре. Рисунки изображают кавказские виды и подарены моему отцу на память самим поэтом по возвращении его в Петербург после первой ссылки на Кавказ".

Кроме того, П. П. Заболотский дает следующие пояснения.

На первом рисунке "посредине скала; на ней крепость, соединенная мостиком, перекинутым через поток, с частью города. Под скалою верблюды и всадник".

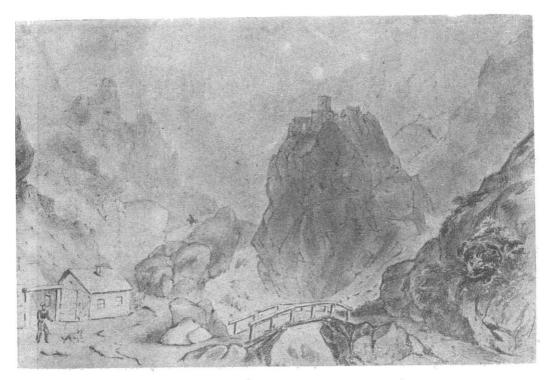
Второй — обозначен Лермонтовым, как вид Ларса, — местности по Военно-грузинской дороге. Третий рисунок изображает "горный поток между двумя скалами; на одной замок. Вдали черкес на коне. На переднем плане домик казенной архитектуры и ворота. Через поток перекинут мост".

Все перечисленные рисунки, по словам Заболотского, небольшого формата, рисованы свинцовым карандашом и подписаны Лермонтовым.

Четвертый рисунок "литографированный, работанный на камне самим Лермонтовым". Сюжет его тоже "не обозначен". Изображает он "Горное ущелье. Поток. Направо башня вроде обелиска. На переднем плане всадник и пеший". Это сообщение Заболотского указывает на то, что Лермонтов учился не только рисованию и живописи, но и литографированию.

Описанные рисунки видей в 1910-х годах Н. Н. Врангель, автор статьи "Лермонтов — художник", и ставил их чрезвычайно высоко: "Несомненно портретными могут быть названы его многочисленные рисунки из жизни кавказских войск, пейзажи, особенно

¹ М. Ю. Лермонтов, "Собрание сочинений", т. V. Академия Наук., Пб., 1913, стр. 216—217.

Дарьял. Рисунок М. Ю. Лермонтова. Музей Института литературы Академии Наук СССР.

хороши четыре кавказских вида, уцелевших в собрании П. П. Заболотского..."

Говоря о работах Лермонтова, находящихся в частных руках, упоминает о собрании П. П. Заболотского и Б. С. Мосолов,² называя при этом сюжет первого рисунка крепость на скале и часть города—видом Тифлиса.

Но эти рисунки ни в академическом, ни в других изданиях воспроизведены не были, видимо, по тем же причинам, что и портрет Лермонтова (упоминаемый там же, стр. 243), сделанный карандашом П. Е. Заболотским в 1839 г. и тоже хранившийся у его сына, — так как "не удалось получить на то права от владельца" — П. П. Заболотского.

За последние 20 лет никаких сведений о рисунках не было. Однако, они оказались не только целы, но и перешли в Музей Института литературы Академии Наук СССР непосредственно из рук членов семьи Заболотского: их доставила внучка Петра Ефи-

мовича, Е. С. Преображенская, в апреле-1939 г.

К сожалению, дошли до нас не все четыре рисунка, один исчез навсегда, — по словам Е. С. Преображенской, по несчастной случайности он был сожжен. Это "Ларс", только названный П. П. Заболотским, но не описанный им. Но и то, что получено — два рисунка Лермонтова: "Тифлис" и "Дарьял", 3 и портрет М. Ю. Лермонтова с подписью Заболотского "18 П. З. 39", кэрандашный набросок в профиль, по типу наиболее приближающийся к акварельному портрету работы Горбунова — является чрезвычайно ценным вкладом в Лермонтовские материалы Музея.

Рисунки эти, может быть, лучшие из известных нам до сих пор рисунков Лермонтова — оба подписные. Первый изобра-

² Там же, стр. 219. lib.pushkinskijdom.ru

³ Литография оказалась известной два экземпляра ее находились в Музее: черная и раскрашенная цветными карандашами самим Лермонтовым с подписью: "Рис. М. Лермонтов" и надписью его рукой: "Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби".

554

Караван верблюдов в горах Кавказа. Картина М. Ю. Лермонтова (масло). Мувей Института литературы Академии Наук СССР.

жает вид Тифлиса с Метехским замком на скале, рисунок четкий, ясный, несомненно писан с натуры в бытность Лермонтова в 1837 г. в Тифлисе. Второй, надписанный Лермонтовым "Дарьял", также интересен, но хуже сохранился, ретушь несколько стерлась.

Интересно, что еще в 1934 г. было известно о существовании в Киеве в частных руках еще одной картины маслом работы Лермонтова. Не было сделано определенных шагов к приобретению ее в Музей вследствие того, что принадлежность ее кисти Лермонтова вызывала некоторые сомнения. Новонайденный рисунок "Тифлис" по сходству сюжета — в центре караван верблюдов — помог в установлении ее авторства.

Картина, находившаяся в семье владельдев с 1881 г., согласно представленному ими письму, была приобретена ими во время пребывания их в Пензенской губернии.

lib.pushkinskijdom.ru

Картина, как и большая часть известных нам полотен Лермонтова, не подписана им и не датирована. По размерам она значительно превосходит имеющиеся в Музее работы Λ ермонтова маслом: 62×72 см. Изображен на ней Кавказский хребет со стороны Пятигорска; на первом плане скала, по дороге движется караван верблюдов, тот же, что и на рисунке "Тифлис", с теми же всадниками и пешими погонщиками. Отдельные детали не оставляют сомнений в том, что оба эти рисунка могли быть сделаны только одним лицом.

Художественная экспертиза, произведенная Государственным Русским музеем, после сравнения картины с другими полотнами Лермонтова, по общности художественных приемов, признала ее принадлежность кисти Лермонтова. По сюжету, по романтичности трактовки пейзажа и фигур, даже в деталях, она аналогична другим работам Лер-

555

М. Ю. Лермснтов, портрет работы П. Е. Заболотского. Музей Института литературы Академии Наук СССР.

монтова маслом. Как отметила экспертиза, картина Лермонтова "Караван верблюдов в горак Кавказа" отличается "талантливостью замысла и отсутствием технического мастерства, что характерно для всех работ М. Ю. Лермонтова в живописи".

Картина ¹ приобретена Музеем Института литературы Академии Наук СССР в Ленинграде.

В. Бубнова.

Лермонтовский юбилей 1939 г.

Пятигорск

Музей "Домик Лермонтова" в Пятигорске провел большую подготовку к 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Помещается музей в том домике, некогда принадлежавшем Чиляеву, в котором Лермонтов жил в свой последний приезд в Пяти-

1 Картина найдена и привезена из Киева lib.pushkinskijdom.ru

горск — с 24 мая по 15 июля 1841 г. До 1912 г. дом находился в частном владении. Первые сведения о нем появились в печати в 1859 г. В 1908 г. в прессе был поднят вопрос о выкупе дома. В результате, благодаря вмешательству в это дело Академии Наук, Пятигорская городская дума вынесла постановление о приобретении и в 1912 г. он был куплен за 15 тыс. руб. Кавказское горное общество, в ведение которого был передан домик, организовало в нем музей. В 1924 г. этот музей перешел в ведение Окружного отдела народного образования, в настоящее время находится в ведении Краевого отдела народного образования.

В 1935 г. домик был частично реставрирован в согласии с имеющимися материалами и получил вид более близкий к первоначальному. В музее "Домик Лермонтова" находятся принадлежавшие поэту письменный стол и кресло. Они при жизни Лермонтова находились в его петербургской квар-

автором статьи.

556 хроника

тире. Затем эти вещи перешли к его родственнику А. П. Шан-Гирею, жившему впоследствии в Пятигорске; дочь его Е. А. Шан-Гирей подарила их музею. Кроме того, имеется в музее картина работы Лермонтова "Штурм Варшавы в 1831 г." Из хозяйской обстановки дома, времени пребывания в нем Лермонтова, сохранился лишь один преддиванный круглый столик. Остальные вещи, находящиеся в муззе - мебаль и посуда — не имеют к Лермонтову прямого отношения и собраны с целью дать представление об эпохе. Трюмо, диван и один из столов получены из дома Реброва в Кисловодске. В 1837 г. Лермонтов часто бывал у Реброва. Шкафчик и посуда переданы из дома Верзилиных, в котором 13 июля 1841 г. произошла ссора Лермонтова с Мартыновым, повлекшая за собой вызов на дуэль. Домик, в котором помещается музей, окружен садиком. В этом саду сохранились деревья времен Лермонтова: грецкий орех, груша, алыча, акации.

В 1939 г. экспозиция музея была коренным образом переделана, по инициативе директора музея Е. И. Яковкиной и под ее руководством. К разработке плана экспозиции были привлечены лермонтоведы — В. А. Мануйлов, Н. П. Пахомов и Б. М. Эйхенбаум. В настоящее время экспозиция музея, отражающая жизнь и творчество Лермонтова, с упором на кавказский материал, развернута в пяти комнатах. К 125-летию со дня рождения поэта она дополнена новыми отделами: "Лермонтов в оценке критиков и писателей", "Лермонтов и цензура". Переделаны и дополнены отделы "Лермонтов и современность", "Лермонтов в музыке и театре".

За 1937 г. музей посетило 65 000 человек, за 1938 г. — 69 427 чел. и за 9 месяцев 1939 г. — 72 718 чел. Кроме экскурсий по музею, которых за 1939 г. было проведено 937, организованы экскурсии по лермонтовским памятным местам в Пятигорске. Этих экскурсий в 1939 г. (по октябрь) проведено 77. Музеем устроены также выставки-передвижки, обслуживающие Пятигорск, Ессентуки, Железноводск. За 1939 г. научными сотрудниками Музея проведены 117 лекций и консультаций. Выставки рассылаются также во многие города СССР. Музеем напечатаны книга: "По лермонтов-

ским местам" Е. И. Яковкиной и "Биография М. Ю. Лермонтова" М. Ф. Николевой. Пятигорский Горсовет отметил день 125-летия со дня рождения поэта торжественным пленумом. Были проведены собрания, посвященные юбилею, среди курортников, на предприятиях и в школах города. "Пятигорская Правда" посвятила 125-летию со дня рождения Лермонтова специальный номер. Из музея "Домик Лермонтова" была организована радиопередача. В кинотеатрах города пли лермонтовские кинофильмы: "Княжна Мери" и "Бэла".

Имя Лермонтова присвоено лучшей первой школе Пятигорска. К юбилею приведены в порядок лермонтовские памятные места: памятник в городском сквере, место дувли и памятник на месте первоначального погребения поэта.

Ленинград

В Институте литературы Академии Наук СССР 24, 25 и 26 октября состоялась лермонтовская сессия. Были прослушаны следующие доклады: 24 октября — "Художественная проблематика Лермонтова" — Б. М. Эйхенбаум; "Аэрмонтов в Грузии в 1837 году" — И. А. Андроников; "Лермонтов и декабристы" — Б. В. Нейман; "Проблемы изучения биографии Лермонтова" — В. А. Мануйлов. 25 октября — "Политические мотивы в творчестве Лермонтова" — В. Я. Кирпотин; "Очередные задачи музейной и архивной работы по изучению Лермонтова на Кавкаве" — Е. И. Яковкина. 26 октября — "Герой нашего времени" — Л. Я. Гинзбург; "Лермонтов в оценке Белинского" — Н. И. Мордовченко.

Институтом литературы и Русским музеем организована Лермонтовская юбилейная выставка, в организации которой большое участие принимали М. М. Калаушин и В. Л. Бубнова. На выставке были представлены материалы Музея Института литературы: "Герой нашего времени" (с автографом Лермонтова, экземпляр О. С. Одоевской), книга Ростопчиной с надписью Лермонтову. Издание сочинений Лермонтова — "Асаdemia" и академическое, переводы произведений Лермонтова на языки народов СССР, материалы Русского музея (особенно интересны подлинные рисунки Гагарина) и Публичной

557

библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (первопечатные тексты произведений Лермонтова, журналы "Отечественные Записки" и "Современник", где печатались его отдельные стихотворения, а также воспоминания современников, например Сушковой).

Большую работу по подготовке к юбилею провело Пушкинское общество. За октябрь лекторским бюро общества были организованы 68 лекций о жизни и творчестве Лермонтова. В конце октября начали работать специальные лермонтовские семинары и проведена консультационная работа с педагогами и библиотекарями по устройству выставок.

В ознаменование 125-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова Пушкинское общество провело ряд художественных вечеров, собраний и научных докладов: Н. К. Пиксанов "Лермонтов и июльская революция", Б. М. Эйхенбаум "Творчество Лермонтова" И. Л. Андроников "Новеллы о Лермонтове", обсуждение глав из книги В. А. Мануйлова "Жизнь Лермонтова" (Отроческие годы) и выступления артистов Б. С. Гловацкого, А. И. Шварца и др.

Москва

Институт мировой литературы им. Горького совместно с Московской консерваторией провел лермонтовскую сессию (литературные доклады и музыкальная часть).

Лермонтовская сессия состоялась также в Институте философии и литературы.

Академией Наук СССР и Союзом советских писателей 15 октября 1939 г. проведено торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов. Вступительное слово произнесли заместитель председателя Всесоюзного лермонтовского комитета — Н. Асеев и акад. А. Толстой. Доклад о творчестве поэта сделал В. Я. Кирпотин. В заключение советские поэты прочитали свои стихи, посвященные Лермонтову, а в концерте приняли участие артисты московских театров и оркестр Московской филармонии. Цикл с лермонтовской программой концертов устроили ГАБТ и Филармония. Репертуар: симфоническая поэма Балакирева "Тамара", фантазия для оркестра Утес" Рахманинова, симфоническая картина "Три пальмы" Спендиарова, "Мцыри" Ипполитова-Иванова и отрывки из "Демона" Рубинштейна.

lib.pushkinskijdom.ru

К этим концертам Филармония выпустила брошюру "Творчество Лермонтова в музыке" Е. И. Канн и устроила выставку на тему: "Музыка в жизни и творчестве Лермонтова".

ХРОНИКА

По радио шел цикл из пяти передач

1) музыка в жизни и творчестве Лермонтова, 2) Лермонтов и русский романс,

3) Лермонтов и Балакирев, 4) Лермонтов и Глинка, 5) Лермонтов и современная музыка. Авторы передач А. Н. Новиков и Е. И. Канн и др.

Всесоюзным театральным обществом организованы концерты (фрагменты из оперы "Вадим" и народной музыкальной драмы "Песня про купца Калашникова" С. В. Аксюка).

Большая работа проведена библиотекой им. Лермонтова (заведующий т. Башмаков), которая помещается в доме (Садово-Спасская, 27), где родился поэт. Библиотекой организован цикл лейций: "Россия эпохи Николая І" — проф. Рыбаков, "Лермонтов и народное творчество" - А. Н. Новиков, "Лермонтов и декабристы" — Б. В. Нейман, "Лермонтов-музыкант" — Е. И. Канн. 12 октября библиотекой совместно с железнодорожным райкомом партии и райсоветом был устроен большой юбилейный вечер с докладом В. А. Мануйлова о творческом пути Лермонтова. В концерте были исполнены отрывки из опер: "Тамбовская казначейша" Б. Асафьева и "Вадим" и "Песня про купца Калашникова" С. Аксюка.

К этому вечеру библиотека им. Лермонтова выпустила бюллетень-плакат "Советский читатель о Лермонтове". Библиотекой им. Лермонтова устраиваются лермонтовские вечера на предприятиях, в школах и красных уголках домохозяйств. Расширена и пополнена к юбилею постоянная выставка в Лермонтовской комнате библиотеки. В абонементе устроена выставка "Лермонтов в Москве". Библиотека проводит экскурсии по выставкам и консультации для учителей, чтецов, артистов и культработников заводов и фабрик.

Татария

Татарские поэты заканчивают переводы лучших стихотворений Лермонтова. А. Файзи перевел "Смерть поэта", "Дума", "Умирающий гладиатор", Н. Баян — "Бородино", Ш. Манур — "Три пальмы", "Песня про 558 хроника

купца Калашникова", "Памяти Одоевского", Х. Туфан — "Сосед", "Предсказание", Э. Исхаков — "Завещание", С. Юнуф — "Узник" и "Нищий".

На предприятиях, в клубах и школах Татарии проводятся доклады и беседы о жизни и творчестве Лермонтова. В газетах помещены статьи о влиянии Лермонтова на татарскую поэзию. Готовится к печати однотомник сочинений поэта.

Чувашия

Поэты И. Ивник, Н. Янгас, Шавлы и Орлов работают над переводами стихов Лермонтова на чувашский язык. Ко дню юбилея вышел специальный номер литературно-художественного журнала "Сунтал" ("Наковальня"), в котором помещены стихи Лермонтова и статьи о нем. Сборник стихов Лермонтова выходит в переводе К. В. Иванова.

Удмуртия

Печатаются переводы поэта И. Гаврилова — "Песня про купца Калашникова", "Смерть поэта" и ряд лирических стихотворений. Поэт А. Лужанин перевел "Мцыри". Писатель М. Петров переводит прозу Лермонтова. Им сданы в печать переводы "Тамани" и "Бэлы".

Л. Назарова.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА,

упоминаемых в настоящей книге

Автобиографические записки ("〈Mai〉 26 voyage, vin de Hongrie") 30.

Адели ("Играй Адель") 525.

Аквилон ("Зачем ты, грозный аквилон") 121, 150, 304.

Александр Радищев 541.

Амур и Гименей ("Сегодня, добрые мужья") 114, 121.

Анджело 11, 12, 17, 18, 308, 516.

Андрей Шенье ("Меж тем как изумленный мир") 32, 237, 254.

Антологический отрывок. См. Дионея.

Анчар ("В пустыне чахлой и скупой") 15, 522.

Арал Петра Великого 18, 315, 318, 519. Арион ("Нас было много на челне") 133, 135, 296, 297, 299, 300—304.

Баллада ("Что ты, девица, грустна") 422. Баратынскому из Бессарабии ("Сия пустынная страна") 139.

Барышня-крестьянка 520.

Бат:ошкову ("В пещерах Геликона") 117. Бахчисарайский фонтан 57, 127, 128, 237,

475, 478, 481, 485, 515, 544.

Бедный рыцарь. См. "Жил на свете рыцарь бедный").

"Бежит речка по песку" (запись) 195.

"Беседа моя, беседушка, беседа смирна!" (запись) 195.

"Бестолковый сватушко! По невесту ехали" (запись) 186, 203.

Бесы ("Мчатся тучи, вьются тучи") 523.

Блаженство ("В роще сумрачной, тенистой") 120, 523.

Бова. (Отрывок из поэмы) 72, 172, 491.

Большой свет. См. Евгений Онегин.

Борис Годунов 10, 37, 152, 154—157, 161— 163, 165, 166, 173—177, 179, 202, 235, 237, 246, 247, 254, 427, 428, 442, 448, 451—460, 465—468, 477, 487—490, 518, 523, 541, 542, 544.

Братья-разбойники 57, 127, 191, 200, 221, 242, 479, 481, 515, 544.

"Буря мглою небо кроэт". См. Зимний вечер. "Бывало в сладком ослепленье" 57—61, 65—68, 71.

"Был и я среди донцов" 202.

"Была пора: наш праздник молодой" 336.

"В лесах Гаргафии счастливой" 146.

"В начале жизни школу помию я" 118.

"В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера" 7, 14, 146.

В Сибирь ("Во глубине сибирских руд") 299, 522.

"В стране, где Юлией венчанный". См. Из письма к Гнедичу.

Вакхическая песня ("Что смолкнул веселия глас?") 157.

"Вдоль по улице по Шведской" (запись) 194.

"Виля Геркулесу, посвящая ему старые свои штаны" ("Алкид штанами пусть владеет") 118.

"Вкруг я Стурдзы хожу". См. На А. С. Стурдзу.

"Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий" 148.

"Вновь я посетил... " 198, 391.

"Во городе-то было во Астрахане" (запись) 190.

"Во лесах во дремучиих" (запись) 193.

"Во славном городе во «Киеве»" (запись) 192.

"Во сыром бору на клену" (запись) 190.

Воевода Милош ("Над Сербией смилуйся ты, боже") 228.

Возражения на статью А. А. Бестужева "Взгляд на русскую словесность в 1824 и начале 1825 годов" ("Бестужев предполагает") 158.

Вольность. Ода ("Беги, сокройся от очей") 126, 255, 545.

Вольтер ("Недавно издана в Париже переписка Вольтера") 380.

Ворон. См. "Ворон к ворону летит" (Шот-ландская песня) 34, 35, 525.

"Воротился ночью мельник". См. Сцены из рыцарских времен.

Воспоминания в Царском Селе, 1814 ("Навис покров угрюмой нощи") 492.

Воспоминания в Царском Селе, 1829 ("Воспоминаньями смущенный") 118.

"Восстань, о Греция, восстань" 36.

"Все песни перепели" (запись) 187.

2 ноября. См. "Зима что делать нам в деревне?"

Выдержка из статьи Ф. Бэкона о дворянстве 15, 16.

Выписка из каталога библиотеки Вольтера 16.

Выписка из Четьих-Миней Дмитрия Ростовского ("Жития и похвалы святых") 36—38.

Выписки из Библии 345, 349 361-363.

Выписки из "Истории Государства Российскито" Н. М. Карамзина 345.

Выписки из "Месяцеслова 1711 г." 38.

Выписки из Четьих-Миней 37, 38, 366.

Выстрел 18, 266, 267, 268, 291, 293, 294-295, 519.

Вяземскому, П. А., кн. ("Зачем, забывши славу") 422.

Гавриилиада 127, 128, 144, 237, 255, 418.

Глас дружбы. См. Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов.

Глинке, Ф. ("Когда средь оргий жизни шумной") 143.

Городок. К *** ("Прости мне, милый друг") 109, 112, 166, 199, 441, 492.

"Гости съезжались на дачу" 305, 309—313, 316, 317, 321, 322.

Граф Нулин 157, 169, 435, 475, 515, 516, 519, 523, 524.

Гречанке ("Ты рождена воспламенять") 142. Гроб Анакреона ("Всё в таинственном молчаньи") 109.

Гробовщик 18, 520.

Давыдову А. Л. ("Нельзя, мой толстый Аристипп") 111, 145.

Давыдову В. Л. ("Меж тем как генерал Орлов") 51.

"Дар напрасный, дар случайный..." См. 26 мая 1828 г.

Два ворона. См. "Ворон к ворону летит". 26 мая 1828 г. ("Дар напраеный, дар елучайный...") 236, 237.

Движение ("Движенья нет, сказал мудрец брадатый") 157.

Дева ("Я говорил тебе: страшися девы милой") 136, 137.

"Девушка крапивушку жала" 195.

19 октября ("Роняет лес багряный свой убор") 111.

Делибаш ("Перестрелка за холмами") 202, 541.

Демон ("В те дни, когда мне были новы") 51, 57, 60, 61, 65, 66, 68, 70, 71, 236, 237, 254, 427.

Деревня ("Приветствую тебя, пустынный уголок") 522.

Джон Теннер 377, 380, 521, 543.

Дионея ("Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз") 136, 137.

"Для берегов отчизны дальной" 525.

Дневник <1833—34 гг.> ("24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной") 15, 17.

"Долина-долинушка" (запись) 194.

Домик в Коломне 204, 479, 516, 523.

Домовому ("Поместья мирного незримый покровитель") 126, 128.

Дон ("Блеща средь полей широких") 202.

Дорида ("В Дориде нравятся и локоны элатые") 130, 522.

Дориде ("Я верю: я любим, для сердца нужно верить") 129, 130.

"Друг мой милый, красно солнышко мое" (запись) 193, 222.

Другу от друга ("Когда сожмешь ты снова руку") 125, 544.

Друзьям ("Вчера был день разлуки шумной") 144.

Дубровский 9, 10, 15, 17, 316, 520, 521.

Евгений Онегин 32, 38, 52, 60—66, 69, 70, 71, 73, 74, 79, 80, 93—96, 111, 141, 150, 152, 158, 192, 204, 236, 238, 241, 245, 246, 251, 254, 303, 304, 305, 308, 310, 311, 315, 316, 318, 320, 330, 414, 417, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 444, 446—51, 460, 464, 466, 475, 477, 485, 486, 487, 491, 492, 501, 502, 510, 514, 518, 519, 520, 523, 524 ("Так, полдень мой настал...",

ra. VI), 526, 528, 530, 531, 533, 542, 544 557, 548.

Египетские ночи 151, 159, 162, 212, 305, · 314, 321, 543.

Желание ("Медлительно влекутся дни мон") 69.

Жених ("Три дня купеческая дочь") 72— 89, 91, 221.

Жив, жив курилка! ("Как! жив еще курилка журналист?") 199.

"Жил на свете рыцарь бедный..." 13, 15, 17, 221.

Заметка о "Полтаве" ("Habent sua fata libelli") 244, 249.

Заметки к поэме "Цыганы" 267.

Заметки на полях "Опытов в стихах и прозе" К. Н. Батюшкова 109, 116.

Заметки о Дельвиге ("Дельвиг родился в Москве") 106.

Заметки о русском дворянстве 17.

Заметки о "Слове о полку Игореве" на копии перевода В. А. Жуковского 345—349, 351—353, 355—358, 360, 363—365, 367—369, 371—374.

Замечания на "Анналы" Тацита 141, 155, 156, 161, 165, 167, 168, 173, 175, 179, 181, 182.

Замечания на "Песнь о полку Игореве":

1. "Песнь о Полку Игореве найдена была".

 Заметка к "Слову о полку Игореве" в переложении А. Ф. Вельтмана ("Хочу копье преломити, а любо испити...Г. Сенковский с удивлением видит") 341, 344, 345, 347—353, 355, 359, 360, 363, 369—372, 544.

Записи о "Слозе о полку Игореве":

1. Из архива А. А. Краевского 345.

2. На обороте Письма П. Я. Чаадаева 345.

3. Пять записей в тетради № 2386 Г. 345, 348, 352—354.

Записка Жуковскому ("Раевский, молоденец прежний") 126.

Записки бригадира Моро-де-Бразе, касающиеся до Турецкого похода 1711 года 541.

Запись о слове "готовый" (в тетради № 2386 Г) 352, 353.

"Затопися, баненька, Раскалися, каменка!" (запись) 188.

Земля и море ("Когда по синеве морей") 133—136.

"Зима. Что делать нам в деревне?" 236. Зимний вечер ("Буря мглою небо кроет") 197—198, 236, 522, 525.

Зимняя дорога ("Сквозь волнистые туманы") 522.

"И ты тут был?" 16, 18.

Из Wordsworth 17.

"Из Гурьева городка Протекла кровью река" (запись) 193.

Из письма к Гнедичу ("В стране, где Юлией венчанный") 164.

Изречение о переводчиках. См. Материалы к "О:рывкам из писем, мыслям и замечаниям".

Исповедь бедного стихотворца ("Кто ты, мой сын? — Отец, я бедный стихотворец") 424.

Истина ("Издавна мудрые искали") 121.

История Петра Первого 550.

История Пугачева 17, 193, 541, 542, 544, 550.

История села Горюхина 38, 312, 520.

К Батюшкову ("Философ резвый и пиит") 124, 424.

К вельможе ("От северных оков освобождая мир") 111, 241, 243.

К Дельвигу ("Послушай муз невинных") 424.

К другу стихотворцу ("Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!") 117, 422.

К живописцу ("Дитя харит и вображенья") 113.

К Лицинию ("Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице") 122—125, 137, 153.

К морю ("Прощай свободная стихия") 21, 25, 27, 28, 135, 522.

К Наташе ("Вянет, вянет лето красно") 198.

К ней ("Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку") 47.

К Н. Я. Плюсковой ("На лире скромной, благородной") 126.

К Овидию ("Овидий, я живу близ тихих берегов") 51, 140—143, 148, 149, 164.

К портрету Ж. См. Надпись к портрету Жуковского.

К портрету П. Я. Чаадаева ("Он вышней волею небес") 104, 125.

К Щербинину (Житье тому, любезный друг") 126.

К Языкову ("Издревле сладостный союз") 148, 382, 333, 392. Кавказ ("Кавказ подо мною. Один в вышине") 523.

Кавказский пленник 15, 60, 70, 127, 128, 140, 228—231, 237, 440, 448, 514, 523, 544. "Как весенней теплою порою" 522.

"Как за церковью, за немецкою" (запись) 194.

"Как жениться задумах царский арап" 192.

"Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке" (запись) 190, 191.

"Как при вечере, вечере..." (запись) 190. "Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!" (запись) 190.

"Как у нас было на улице" (запись) 193. Каменный гость 517, 545.

Канон М. И. Глинке. См. "Пой в восторге, русский хор".

Капитанская дочка 15, 17, 204, 252, 320, 480, 481, 521, 541, 544.

Кинжал ("Лемносский бог тебя сковал") 138, 142, 143, 242, 255.

Кирджали 212, 521.

Китайский анекдот. См. Опыт отражения некоторых нелитературных мнений.

Клеопатра ("Царица голосом и взором") 151, 152.

Клеопатра ("Чертог сиял. Гремели хором"). См. Египетские ночи.

"Когда помилует нас бог" 422.

"Когда сожмешь ты снова руку". См. Друг от друга.

"Колокольчики звенят" 192.

Конь ("Что ты ржешь, мой конь ретивый") 525

Красавица перед зеркалом ("Взгляни на милую, когда свое чело") 136, 138.

"Красы лаис, заветные пиры" 53, 54.

"Кто видел край, где роскошью природы" 140.

Кто из богов мне возвратил" 111.

Леда (Кантата) ("Средь темной рощицы, под тенью лип душистых") 113, 121.

Лициниусу. См. К. Лицинию.

"Лучина, лучинушка березовая". См. "Беседа моя, беседушка, беседа смирна!" "Люблю ваш сумрак неизвестный" 144.

Маленькие трагедии 11, 304, 543.

Мальчику (Из Катулла) ("Пьяной горечью Фалерна") 542.

Марко Якубович ("У ворот сидеа Марко Якубович") 222.

Марья Шонинг 9, 15, 18.

Материалы к "Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям" ("Переводчики— почтовые лошади просвещения") 38.

Медный всадник 472, 483, 507, 508, 516, 523, 543, 548.

"Между гор по каменью" 187.

Месяц ("Зачем из облака выходишь") 69.

Метель 520.

"Мимо дворика батюшкина" (запись) 89, 187. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной ("Г. Лобанов заблагорассудил дать") 380.

"Много, много у сыра дуба" (запись) 189. "Могущий бог садов — паду перед тобой" 126.

Мое завещание ("Хочу я завтра умереть") 117

Моему Аристарху ("Помилуй, трезвый Аристарх") 103, 424,

Мои замечания об русском театре 111.

"Мой друг, забыты мной следы минувших лет" 130.

Монах 120, 514, 542.

Море и земля. См. Земля и море.

"Морей красавец окриленный" 145.

Морской берег. Идиллия Моска. См. Земля и море ("Когда по синеве морей").

Морю. См. К Морю ("Прощай свободная стихия").

Моцарт и Сальери 481, 517.

Моя родословная ("Смеясь жестоко над собратом") 243, 542.

Муза ("В младенчестве моем она меня любила") 136, 522.

"Мы все песенки перепели, У нас горлушки пересохли!" (запись) 188.

"Мы проводили вечер на даче" 151, 305, 310, 321.

На Булгарина ("Не то беда, что ты поляк") 239, 240, 243, 244, 251.

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году 121.

На выздоровление **Лу**кулла ("Ты угасал, богач младой") 124.

"На зоре-то было на зорюшке" (запись) 194. На капитана Бороздну. См. "Накажи, святой угодник".

На Каченовского ("Бессмертною рукою раздавленный зоил") 125, 166.

На А. С. Стурдзу ("Вкруг я Стурдзы кожу"): 199.

- "На углу маленькой площади..." 305, 312— 314, 316.
- Наденька (Надинька) ("Несколько молодых людей, по большей части военных") 305.
- "Надо помянуть, непременно помянуть надо" 422.
- Надпись к портрету Дельвига. См. "Се самый Дельвиг тот, кто нам всегда твердил".
- Надпись к портрету Жуковского ("Его стихов пленительная сладость") 420, 421.
- Надпись к худому стихотворцу ("Се Росска Фланка зран! се тот, кто как и он") 423, 424.
- Наездники ("Глубокой ночи на полях") 542. "Накажи, святой угодник" 295.
- Наполеон ("Чудесный жребий совершился") 28, 29, 67.
- Нравоучительные четверостишия 422.
- "Не беленька березанька к земле клонится" (запись) 193, 221.
- "Не даром ты ко мне воззвал" 44, 45.
- "Не пой, красавица, при мне" 541.
- "Не тем горжусь я, мой певец" 41, 44, 45, 143.
- "Не то беда, Авдей Флюгарин" 244.
- "Не то беда что ты поляк". См. На Булгарина.
- "Недвижный страж дремах на царственном пороге" 67, 138.
- Неренда ("Среди зеленых воли, лобзающих Тавриду") 133, 136.
- Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 251—254.
- "Нет, не черкешенка она". См. Ответ Ф. Т.***
- "Нет разумеется Волохия, Влахия" 340. "Новые выходки противу так называемой
- литературной нашей аристократии" 241. "Ночной зефир" 525.
- Ночь ("Мой голос для тебя и ласковый и томный") 136, 137.
- О записках Видока ("В одном из № Лит. Газеты упоминали о Записках парижского палача") 239—241, 251.
- "О муза пламенной сатиры!" 143.
- О народном воспитании 157, 161, 162, 299.
- О ничтожестве литературы русской 159.
- О поэвии классической и романтической 158, 159.

- О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова 158.
- О сочинениях П. А. Катенина ("На днях вышли в свет") 74.
- О статьях князя Вяземского ("Некоторые журналы, обвиненные в неприличности") 380.
- О трагедии Шекспира "Ромео и Джюльета" 38.
- Об альманахе "Северная Лира" ("Альманахи сделались представителями") 298.
- Обвал ("Дробясь о мрачные скалы") 217.
- Ода Его Сият. Гр. Д. И. Хвостову ("Султан ярится. Кровь Эллады") 157, 424.
- Ода на Вольность. См. Вольность. Ода ("Беги, сокройся от очей").
- "Один-то был у отда у матери единый сын" (запись) 193.
- "Она меня зовет: поеду или нет?" См. Перевод из К. Бонжура.
- Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 239, 243.
- "Опять увенчаны мы славой" 36.
- Орион. См. Арион ("Нас было много на челне").
- Орлову ("О ты, который сочетал") 542.
- "От меня вечор Леила" 522.
- "От этих знатных господ" 16, 18.
- Ответ Анониму ("О кто бы ни был ты, чье ласковое пенье") 36.
- Ответ Ф. Т.*** ("Нет, не черкешенка она") 542.
- Отрывки из писем, мысли и замечания 243. Отрывок ("Несмотря на великие преимущества") 305, 314, 316, 321.
- Отрывок заметки о "Демоне" ("Многие того же мнения") 69.
- Отрывок из письма к Д. ("Из Азии переехали мы в Европу") 150.
- Памятник. См. "Я памятник себе воздвиг нерукотворный".
- Пастушка. См. Фавн и пастушка (Картины) ("С пятнаддатой весною").
- Перевод из К. Бонжура ("Она меня зовет: поеду или нет"?) 9.
- Перевод из Шекспира (отрывок из "Мера за меру") 16.
- Песни западных славян 221, 228.
- Песни о Стеньке Разине 72, 191, 192,
- Песнь о вещем Олеге ("Как имне сбирается вещий Олег") 522.

Песня о Георгие Черном ("Не два волка в овраге грызутся") 221.

Пиковая дама 15, 16, 17, 308, 311, 315, 317, 322, 521, 543, 544.

Пир во время чумы 517, 523, 545, 546.

Пирующие студенты ("Друзья! досужий час настал") 93, 120.

"Писать я не умею" 422.

Письмо к издателю ("Георгий Конисский, о котором напечатана статья") 248.

План издания русских песен и статьи о них ("Вступление") 201, 304.

Планы повести о стрельце 18.

"По меду меду по паточному" (запись) 190.

Повести Белкина 10, 14, 17, 18, 247, 291, 435, 474, 475, 481, 485, 519, 541.

Повесть из римской жизни ("Цезарь путешествовал") 18, 111, 159, 162.

"Погасло дневное светило" 70, 524.

"Под вечер осенью ненастной". См. Романс. "Подражание древним или как хотите" (помета) 130.

Подражания Корану. (Посвящено П. А. О.) ("Клянусь четой и нечетой") 27.

"Подъезжая под Ижоры" 422.

"Пой в восторге русский хор" 422.

Полтава 230, 479, 516.

"Полюби меня, девица" 221, 223.

Послание к Галичу ("Где ты, ленивец мой") 109, 121.

Послание к В. Л. Пушкину ("Скажи, Парнасекий мой отец") 110, 111, 117, 124, 422.

Послание к Юдину ("Ты кочешь, милый друг, узнать") 110.

Послание Лиде ("Тебе, наперсница Венеры") 122.

Послание Тургеневу ("Тургенев, верный покровитель") 426.

Послание цензору ("Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой") 541.

Послесловие к "Долине Ажитугай" ("Вот явление, неожиданное в нашей литературе!") 233.

Поэма о Мстиславе ("Владимир, разделив на уделы Россию") 57.

Поэт ("Пока не требует поэта") 133, 299. "Преподобный Савва игумен" 37, 38.

Приметы ("Я ехал к вам; живые сны") 136, 137, 503.

Программа Записок ("Кишинев. — Приезд мой") 291, 292.

Прозерпина (Подражание) ("Плещут волны Флегетона") 113, 114, 144, 147.

Пророк ("Духовной жаждою томим") 299, 427, 428, 477.

Прощание с морем. См. К морю ("Прощай свободная стихия").

Пуншевая песнь ("Силы четыре..."), приписывавшался Пушкину 525.

Путевые записки 1829 г. 225.

Путешествие в Арзрум 38, 111, 211, 212, 215—219, 222—226, 231, 233, 292, 316, 377, 491, 521, 541.

Путешествие из Москвы в Петербург 196.

Разговор книгопродавца с поэтом ("Стишки для вас одна забава") 27, 65, 71.

Разлука ("Когда пробил последний счастью час") 69.

"Редеет облаков летучая гряда" 132, 133, 136.

Родословная моего героя. (Отрывок из сатирической поэмы) ("Начнем ab ovo: Мой Езерский") 226.

Родословная Пушкиных и Ганнибалов 398. Роман в писъмах 38, 305, 311—313, 315—317. Роман на Кавказских водах 231, 305, 315, 316, 318.

Романс ("Под вечер, осенью ненастной") 199.

Рославлев 315.

Русалка 186, 203, 204, 517, 518, 520, 523, 542

Руслан и Людмила 72, 73, 120, 127, 128, 199, 237, 238, 421, 440, 446, 448, 493, 514, 523, 544.

Русский Пелам 295, 305, 315, 318, 320.

"С некоторых пор журналисты наши" 246. Сапожник (Притча) ("Картину раз высматривал сапожник") 121.

Сафо ("Счастливый юноша, ты всем меня пленил"). См. Юноша. (Сафо).

"Свободы сеятель пустынный" 50, 56, 60, 66—68, 71.

"Се лик Од, Притчь творца, Муз чтителя Графова". См. Надпись к худому стихотворцу ("Се Росска Флакка зрак! се тот, кто как и он").

"Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил" 125, 423.

Сестра и братья ("Два дубочка вырастали рядом") 221.

"Сестрицы, голубушки, ложитеся спать". См. "Бесода моя, беседушка, беседа смирна!.." "Скажи, какой судьбой, друг другу мы попались?" 318.

Сказка о волотом петушке 221, 522, 523, 542.

Сказка о медведице. См. "Как весенней теплою порою".

Сказка о мертвой даревне и о семи богатырях 82, 221, 522, 523.

Сказка о попе и о работнике его Балде 82, 522, 523.

Сказка о рыбаке и рыбке 82, 522, 523.

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 82, 220—221, 521—523.

Скупой рыцарь 15, 16, 18, 155, 517, 543.

"Собрала невеста подружен" (запись) 187.

Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского, изд. протомереем Иоанном Григоровичем. СПб. 1835. ("Георгий Кониский известен у нас") 380.

Сожженное письмо ("Прощай, письмо любви, прощай! Она велела") 525.

Сон (Отрывок) ("Пускай Поэт с кадильнидей наемной") 122, 197.

"Стамбул гяуры нынче славят". См. Путешествие в Арэрум.

Стансы Толстому ("Философ ранний, ты бежишь") 126.

Станционный смотритель 520, 523.

"Стрекотунья белобока" 221.

Сцены из рыцарских времен ("Воротился ночью мельник") 525.

Таврида ("Ты вновь со мною, наслажденье") 70.

Таврическая звезда. См. "Редеет облаков летучая гряда".

Тазит 211—213, 215—217, 219—231, 233, 234, 516.

"Таится пещера". См. "В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера".

"Так море, древний душегубец" 135, 299.

"Так, полдень мой настал". См. "Евгений Онегин".

Тень Фон-Визина 16, 109, 121, 424, 442, 443, 492, 493.

"Только революционная голова" 57.

Торжество Вакха ("Откуда чудный шум, неистовые клики?") 113—115, 120, 125.

Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов 249, 250.

Три ключа ("В степи мирской, печальной и безбрежной") 525.

"Трубчистая коса" (запись) 185, 188.

"Туто жил-поживал господин Волконский князь" (запись) 195.

"Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает" 150.

"Ты победный добрый молодец, бесталанная головушка" (запись) 370.

"Ты прав, мой друг, напрасно я презрел" 41, 49, 52—57, 59, 66, 67, 71.

"Ты река ли моя реченька" (запись) 190.

У нас то было, братцы, на тихом Дону" (запись) 191.

"Уже вечер на дворе вечереется" (запись) 189.

Узник ("Сижу за решеткой в темнице сырой") 202.

"Умолкну скоро я. Но если в день печали" 130.

Уныние ("Мой милый друг! расстался я с тобою"). См. Разлука.

"Ур(альски) казаки" (запись) 193.

Утопленник ("Прибежали в избу дети") 221, 522.

Фавн и пастушка. (Картины) ("С пятнадпатой весною") 113, 522.

Фиал Анакреона ("Когда на поклоненье") 113, 121.

Французская академия 377.

Художник и сапожник. См. Сапожник. (Притча) ("Картину раз высматривал сапожник").

"Царевна заблудилась в лесу" (запись) 88. "Царей потомок Меценат" 111.

"Царь Никита жил когда-то" 221.

"Цезарь путешествовал". См. Повесть из римской жизни.

Цыганы 15, 25, 73, 128, 148, 149, 228—230, 237, 242, 435, 446, 475, 515, 523.

Чаадаеву ("В стране, где я забых тревоги прежних лет") 140, 141, 153.

Чаадаеву ("К чему холодные сомненья") 153.

"Через неделю буду в Париже" 16, 18.

"Черна роля заорана" (запись) 343.

Черная шаль ("Гляжу, как безумный, на черную шаль") 199.

"Что в имени тебе моем?" 542.

"Что не конский топ, не людская молвь" (запись) 89, 191, 192.

"Что ты ржешь, мой конь ретивый?" См. Конь.

"Шумит кустарник. На утес" 14.

Элегия. См. "Редеет облаков летучая гряда".

Элегия на смерть Анны Львовны ("Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна") 422.

Энгельгардту, В. В. ("Я ускользиул от Эскулапа") 126.

Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова ("Князь Шаликов, газетчик наш печальный") 422.

Эпиграммы во вкусе древних. См. "Редеет облаков летучая гряда"; Нереида ("Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду")

Юноша (Сафо) ("Счастливый юноша, ты всем меня пленил") 136, 137.

"Я здесь, Инезилья" 525.

"Я памятник себе воздвиг нерукотворный" 17, 111, 159, 548.

Les Deux danseuses 318.

Ex ungue leonem ("Недавно я стихами как-то свистнум") 157.

L'Homme du monde 305, 308, 309, 312,

Noël ("Ура! в Россию скачет") 542.

Roman du Renard (перевод) 16.

Table-Talk 167.

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme.— Les Consolations, poésies par Sainte-Beuve ("Года два тому назад") 478.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абланкурт, Н. Перро а' 161. Август, имп. 100, 101, 105 — 107, 1 25, 139, 141, 145, 154, 160, 167, 168, 171, 173, 174, 176, 399, Август III, король польский 458. Аверин, В. Г. 508. Аврелий Виктор 152, 154, 162, 547. Агин, А. А. 535. Агриппа Постум 156, 167, 172—175, 178, 180. Адарюков, В. Я. 414. Адрианова-Перетц, В. П. 374. Азадовский, М. К. 72, 82, 199, 200, 547, 551. Азиний Галл. См. Галл Азиний. Азовский, Н. 506. Айзеншток, М. Я. 548. Айтеков, Д., кн. 215. Аксаков, С. Т. 531. Аксюк, С. В. 557. Александр I 43 (Кесарь), 44 (Кесарь), 45 (Тиран), 51, 67 (Кесарь), 98, 101, 125, 139 (Октавий, Август), 143 (Август), (Август), 154 (Тиберий), 155 (Тиберий), 156, 164 (Август, Тиберий), 165, 169, 172, 173, 178, 181 (Nсандр) 182, 290, 392, 418, 419, 537. Александр Македонский 118. Александр Ярославович Невский, вел. кн. 398-402, 404, 407. Александра Федоровна, имп., жена Николая I 326. Александров, Г. 391. Алексеев, В. В. 524. Алексеев, М. П. 410, 415, 551. Алексеев, Н. С. 46, 289—291. Алексеев, П. А. 372. Алимджан, Х. 551. **Алкивиа** д 100. Альгаротти, Ф. 15, 16. Альтман, Натан, 511.

IID.pushkinskijdom.ru

Аарне, А. 222.

Амосова-Бунак, О. 516. Амусин, И. Д. 92, 152, 160—180. Анакреон 99, 101, 108, 109, 112, 113, 121, 122. Анастасевич, В. Г. 102, 137, 443. Андреев, Н. П. 222. Андреевич, Я. М. 164. Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. Андроников, И. Л. 551, 557. Анисим, слуга Бестужевых 264. Анна Павловна, вел. кн., кор. Нидерландская, 260. Анненков, П. В. 54, 112, 167, 169, 226, 300, 344, 379, 409, 415, 419, 433, 463. Антиной 118. Антокольский, П. В. 551. Анский, Ф. И. 409. Апраксин, С. С. 33. Апулей 94, 158. Аракчеев, А. А., гр. 124, 125, 164, 195, 196, Арина Родионовна 184, 189, 197-199, 384, 411, 442, 506, 507, 509. Арион 296-299, 301-303. Аристарх 99. Аристид 100, 107, 144. Аристов, А. П. 199. Аристогитон 142. Аристофан 144, 236. Арсеньев, И. А. 294. Арсеньев, Н. 42. Архангельский, А. С. 345. **Архиреев**, Г. Г. 513. Асафьев, Б. В. 524, 557. Асеев, Н. Н. 551, 557. Атажук 262. Аусберг, Э. В. 521. Афанасьев, А. Н. 47, 81, 87, 88. Афанасьев, К. В. 389. Афиней 102.

Ашукин, Н. С. 550. Ашукина-Зенгер, М. Г. 551.

Базанкур, О. Г. 424—429.

Байрон, Дж. 21, 23-28, 42, 44, 69, 138 236, 240, 246, 254, 327, 424, 526, 533, 543.

Баканов, И. М. 523.

Балакирев, М. А. 557.

Балш, Т. 284, 287.

Бантыш-Каменский, Н. Н. 402.

Баранов, А. С. 523.

Барант, П. де 15.

Баратынский, Е. А. 69, 70, 131, 139, 244, 306, 422, 478, 534.

Барков, И. С. 102.

Барсов, Е. В. 363, 371.

Барсова, В. В. 551.

Бартенев, П. И. 213, 266, 287, 295, 423, 541, 542.

Барштак, Э. В. 549.

Басаргин, Н В 268, 276, 282, 283.

Батеньков, Г. С. 261.

Батюшков, К. Н. 105, 107-109, 112-117. 124, 129, 136, 139, 146, 422, 423, 424, 534, 535.

Баумгартен, Н. фон 406.

Bax, P. P. 543.

Бахрушин, С. В. 551.

Бахрушин, Ю. А, 412.

Бахтин, Н. И. 76, 79.

Башмаков 557.

Башомон, Фр. 112, 114.

Баян, Н. 557.

Бегичев, Д. Н. 306.

Бекмурзин-Ногмов, Ш. См. Ногмов, Ш.

Белецкий, А. И. 509.

Беликов, И. 350, 351.

Белинский, В. Г. 51, 68, 73, 87, 306, 325 377, 378, 518, 530, 532, 556.

Беловский, А. 352.

Белоконытов, А. 523.

Белоруссов, А. Н. 17.

Беляев, В. П. 548.

Беляев, М. Д. 497-523, 535, 537.

Бенедикт, "св." 428.

Бенкендорф, А. Х., гр. 161, 234, 238—240, 243, 249, 253, 272, 291, 292, 375, 377, 378, 380.

Бенуа, А. Н. 117, 119, 516, 521, 543.

Беренгоф, Г. С. 512.

Берже, А. П. 216—218, 232.

Берк, Е. 417.

Бериштейн, Д. И. 541.

Бертен, А. 112, 114, 115, 128.

Бертон, Ж. М. 31, 32,

Бестужев, А. А. (Марлинский) 60, 62, 158, 199, 200, 259—265, 294, 306, 307, 316, 376, 377, 379,

Бестужев, М. А. 260, 262-264.

Бестужев, Н. А. 259, 260, 262-264.

Бестужев, П. А. 260, 262.

Бестужева, Е. А. 264.

Бестужева, П. М. 260, 263.

Бестужев-Рюмин, М. П. 240, 241.

Бехтеев, В. Г. 515.

Бибиков, И. Г. 262.

Бибиков, И. П. 5 9.

Бибиковы 259, 262.

Билибин, И. Я. 521, 522.

Биньян, А. 31, 32.

Бион 95, 98, 99, 102, 104, 108, 132, 133, 135.

Бируков, А. С. 28.

Бирюков, Ю. 525.

Бистром, Ф. А. 282.

Битнер, Г. В. 547.

Битобе, П.-Ж. 96, 112

Битяговский, М. 456.

Благой, Д. Д. 16, 115, 424, 464, 488, 489, 541, 545, 547, 551.

Бланк, Б. П. 508.

Бланшард, Н. 352.

Бланшард, П. 97, 106, 161.

Блок, Г. П. 531, 551.

Блондо, Ж. 32.

Блох, Э. 505.

Блохин, А. 523.

Блудов, Д. Н., гр. 234, 411.

Бобрищевы-Пушкины 398.

Богаевская, К. П. 300, 541, 543, 545.

Богданов, Г. Ф. 384, 388, 389.

Богданова, Л. П. 183, 189.

Богданович, И. Ф. 99, 139.

Боливар, С. 527.

Бонапарт. См. Наполеон I.

Бондаренко, Г. А. 508.

Бонди, С. М. 203, 204, 220, 223, 434, 463, 541, 543, 545, 547, 551.

Бонелли 428.

Бонч-Бруевич, В. Д. 534.

Борецкая, Марфа 46, 49, 50.

Борж 522.

Борис Вячеславович, кн. 356, 358,

Борисов, Б. А. 548.

Борисов, П. И, 164.

Боричевский, И. А. 547.

Боровкова-Майкова, М. С. 423.

lib.pushkinskijdom.ru

Бородин, А. П. 524. Бороздин, А. К. 261. Бороздна, капит. 295. Боткин, В. П. 531. Бресиберг, Б. 31. Британник 162. Броглио, С., гр. 294. Бродский, Н. Л. 301, 526-529, 551. Брут, Люций Юний 157. Брут, Марк Юний 67, 106, 124, 125, 138. 154, 164. Брылькова, Л. 183. Брюсов, В. Я. 54, 300, 301, 319, 531. Брягин, А. И. 523. Буало-Депрео, Н. 116, 526. Буассье, Г. 165. Буатард 121. Бубнова, В. Л. 551-555, 556. Бугославский, С. А. 183—210, 524, 551. Будде. Е. Ф. 190, 485. Булгаков, А. Я, 426, 427, Булганин, Н. А. 551. Булгарин, Ф. В. 166, 235-255, 259, 260, 264, 265, 306, 326, 379, 531, 536, 547, Бульвер-Литтон, Э. Д. 316, 318, 319. Буреев, Г. К. 523. Буренин, В. П. 530. Бурнашев, В П. 326. Буслаев, Ф. Н. 192. Бутураин, А. Б., гр. 402, 404. Бутураин, М. Д., гр. 406, 410, 425, 427. Бутурлины 398, 406, 408. Буше де Перт, Ж. 31, 32. Буше, Ф. 119. Бэкон, Ф. 15. Бюргер, Г. А. 74-76, 79, 88. Бялыницкий-Бируля, В. К. 511.

Вадим, новгородец. 46, 49, 50. Вакуров, И. П. 523. Ванециан, А. В. 521. Вар, Публий 171. Варламов 410. Варфоломеев, А. В. 522. Василевский, Д. Е. 259, 264. Василенко, С. Н. 524. Васильева, Г. А. 515. Васнецов, Александр 190, 203. Ватто, А. 31. Вахтен, О. И. 273, 284. Вегнер, М. 399. Вейденбаум, Е. Г. 219. Вейсов, П. А. 41.

Великопольский, И. Е. 236. Вельтман, А. Ф. 42, 266, 275, 278, 279, 290, 294, 295, 338, 341, 345, 347—350, 353— 35**5**, 359, 360, 363, 369—372, 544. Венгеров, С. А. 6, 7, 14, 23, 103, 114, 221, 302, 303, 411, 412, 415, 420, 433, 547. Веневитинов, Д. В. 246, 247, 533, 536. Вергилий, Публий Марон 94, 95, 105, 106, 110, 112, 116, 121, 122, 124, 134, 138, 143, 145, 158. Верстовский, А. Н. 201. Верховский, Н. П. 546. Верховский, Ю. Н. 551. Веселовский, Александр Н. 222, 297, 530. Виалла де Соммьер, Л. 354. Вибий Серен I 154, 155, 169, 170, 174, 177. Вибий Серен II 154, 155, 169, 177. Вивьен, Ж. 534, 535. Вигель, Ф. Ф. 33, 213, 266, 271, 274, 288, 289, 290, 293, 294, 319, 410, 415. Видок, Э.-Ф. 239, 241, 244, 249, 251, 267. 271. Виельгорский, И. 428. Виельгорский, Мих. Ю., гр. 34, 422. Виенне, Ж.-П.-Г. 31, 32. Винкельман, И.-Иоах. 100. Викентий, "св." 428. Виланд, Х.-М. 165. Виноградов, А. К. 428. Виноградов, В. В. 7, 303, 485, 526. Виноградов, И. И. 137. Винокур, Г. О. 179, 235, 237, 247, 453, 454, 462-494, 541, 545, 550. Винцингероде, Ф. Ф. 269, 270, 276. Виргилий. См. Вергилий, Публий Марон. Виртембергский, Александр, герц. 263. Висковатов, П. А. 551. Виссова, Г. 297. Вителлески, М. 428. Владимир Андреевич, кн. 374. Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. 340, 345. Владимир Игоревич, кн. 352. Владимиров, П. В. 80. Владимирский, Г. Д. 547. Власов, А. С. 428. Власова, М. А. 424, 428, 429. Воейков, А. Ф. 135, 225, 236, 379. Воейков, Н. П. 290. Войнаровский, А. 260. Волков, Г. А. 541. Волконская, З. А., кн. 34, 424, 425, 427—429.

Волконская, М. Н., кн. 278.

Ганнибал, И. А. 395-397.

Волконская, С. Г., кн. 513. Волконский, А. Н., кн. 428. Волконский, Н. С., кн. 278, 279. Волконский, П. М., кн. 513. Волконский, С. Г., кн. 63, 269, 270, 272, 276, 278, 279, 288, 289. Волынец, Димитрий 374. Вольтер, Ф.-М. 15, 16, 72, 116, 141, 170, 225, 227, 274, 380, 527, 544. Вордеворт, В. 17. Воронцов, М. С., гр. 25, 32—33, 154 (Сеян), 164 (Сеян), 269, 271, 273, 275, 289—291, 410, 411, 415-419. Воронцова, Е. К. гр. 32, 33. Воротынский, И. М., кн. 175, 176. Ворошилов, К. Е. 551. Востоков, А. Х. 107, 454. Врангель, Н. Н. 552. Вредер 97. Всеволод II Ольгович, вел. кн. 407. Всеволод Святославович, кн. 352—354, 364. Всеволожский, Н. В. 318, 319, 421. Всеслав Брячиславович, кн. 371, 372. Вульф, Алексей Н. 82, 422. Вульф, Анна Н. 422. Вульф, Е. Н. 484. Вульф, П. И. 422 Вуторин, Д. Н. 523. Выгодский, Д. И. 302. Вындомский, А. М. 391. Вышинский, А. Я. 551. Вяземская, В. Ф. 33, 418. Вяземский, П. А., кн. 23, 25, 26, 30, 31, 59, 60, 95, 108, 111, 129, 143, 144, 163, 164, 169, 177, 197, 229, 230, 234, 239, 240, 245, 246, 252, 260, 263, 264, 267, 272, 286, 299, 307, 311, 313, 315, 378, 379, 380, 412, 414, 415, 418, 422, 423, 428, 455, 481, 534, 536, 542, 544. Вяземский, П. П. кн. 235, 246, 418.

Гаврила Олексич 407.
Гаврилов, И. 558.
Гаврилов, Н. П. 505.
Гагарин, Г. Г., кн. 556.
Галич, А. И. 97, 104 106, 109, 152.
Галл Азиний 155.
Галуховский, С. П. 248.
Ганка, В. 338, 342, 351, 359, 364, 367, 368, 369, 373.
Ганнибал, вождь карфагенян 100.
Ганнибал, А. П. 240, 382, 383, 384, 390, 392,

Ганнибал, О. А. 384, 386, 388, 390—394. Ганнибал, П. А. 382, 383, 394, 509. Ганнибалы 383, 392, 394, 398, 510. Гарден 106. Гармодий 142, 143. Гау, В. И. 534, 535. Ге, Дельфина 31, 32. Γe, H. H. 506, 507. Геерен, А. Г.-Л. 107, 160. Гезер 544. Гезиод 106, 107. Гейне, Х.-Г. 107. Гейтман, Е. И. 536, Геллерт, П. И. 507. Гельд, Г. Г. 92, 156, 168. Генрих IV, король Англии 172. Георгиевский, П. Е. 97, 104, 106, 120, 160, 161. Герасимов, С. В. 500. Герен. См. Геерен, А.-Г.-Л. Германик 157, 168. Геродот 151, 158, 296, 297, 293, 302. Герден, А. И. 67, 546. Герцог. См. Виртембергский, Ал. Гершензон, М. О. 283, 529. Гессен, С. Я. 17, 267, 268, 285, 426. Гесснер, С. 131. Гете, И.-В. 69, 70, 71, 74, 127, 165, 236, 414, 533, Гиббон, Э. 123. Гинабург, Л. С. 300. Гинзбург, Л. Я. 545, 547, 551, 556. Гиппарк 142. Гиппиус, В. В. 165, 181—182, 235—255, 528, 546, 547. Гиппиус, Г. Ф. 534, 535. Гиппиус, Е. В. 194. Гиппократ 118, Гиро, А. 31, 32. Глаголев, А. 350. Гладкова, Е. С. 16, 305-322, 547. Гладковский, А. П. 524. Глазунов, И. П. 202. Глеб Владимирович, кн. 356. Глебов, Г. С. 296-304, 547. Глинка, М. И. 422, 524, 557. Глинка, Н. 70. Глинка, С. Н. 330. Глинка, Ф. Н. 143—144. Гловацкий, Б. С. 557. Глуков, М. И. 508, 509. Гнедич, Н. И. 74, 95, 107—109, 129, 139—141, 158, 411, 414, 526.

398, 519.

Гоголь Н. В. 7, 18 (Рудый Панько), 343, **344**, 377, 381, 414, 428, 485, 528, 536, 543.

Годунов, Б. Ф. 52, 157, 166, 167, 172, 173, 175—178, 451, 452,

Голенищев-Кутузов, П. В., гр. 263.

Голенищев-Кутузов, П. И. 137.

Голиков, И. И. 523.

Голицына, Н. П. кн. 15.

Голлербах, Э. Ф. 412, 514, 534-538.

Гольдемит, О. 107.

Голохвастов, П. Д. 193.

Голубев, В. З. 382—397.

Гомер 95, 99, 104, 106, 112, 116, 127—129, 134, 144, 148, 149, 158, 264.

Гончаров, А. Н. 542.

Гончарова, А. Н. 543.

Гончарова, Е. Н. 543.

Гончаровы 512.

Гораций, Квинт Флакк 99, 102, 104—110, 112, 116, 118, 121, 126, 143, 145, 150, 158, 161, 164, 303, 423.

Горбов, А. А. 507.

Горбунов, К. А. 553.

Горкин, А. Ф. 551.

Горифельд, А. Г. 529-534, 551.

Городецкий, Б. П. 464, 488.

Гороховец, А. Г. 508.

Горчаков, А. М., кн. 104, 160, 161, 542.

Горчаков, В. П. 60, 266, 275, 278, 279, 287, 291, 294, 295.

Горшман, Е. 514.

Горшман, М. Е. 521.

Горький, А. М. 201, 207, 525, 530, 542, 545.

Граббе, П. Х., гр. 164.

Гракки, Гай и Тиберий 153.

Грамматин, Н. Ф. 338, 352—355, 361.

Грессе, Ж. 102, 112, 113.

Греч, Н. И. 237, 239, 240, 241, 245, 247, 250, 251, 254, 259, 279, 454, 531, 536.

Гречишкин 215, 216.

Грибоедов, А. С. 74, 135, 259, 261—263, 275,

276, 305, 306, 318, 506, 534.

Грибоедова (Дурнова), М. С. 259.

Григорьев, А. А. 534.

Гримм, братья В. и Я. 81—86, 88, 90, 91.

Грозевский 512.

Громов 388, 389.

Гроссман, Л. П. 166, 266, 268, 291, 293, 295, 414-419, 547.

Грот, Я. К. 96, 160, 479.

Грушкин, А. И. 15, 323--337, 547.

Гуго, Г. 107.

lib.pushkinskijdom.ru

Гудзий, Н. К. 200. Гудович, И. В. гр. 232. Гуковский, Г. А. 551. Гурин, Д. М. 523. Гурьев, А. Д., гр. 269—270. Гурьянов, Н. 523.

Д***, Луиза-Эвелина 32.

Гутчинсон, В. 414-419.

Д. Б. 32.

Давид 117.

Давид, Т. Н. 513, 522.

Давыдов, А. Л. 111, 145.

Давыдов, В. Л. 138, 154.

Давыдов, Д. В. 105, 107, 261, 262, 337, 375, 414, 536.

Дайц, И. А. 508.

Даламбер, Ж. 123, 170.

Даль, В. И. 361, 531.

Данзас, К. К. 278.

Данилов, Кирша 192.

Данилов, О. В. 374.

Дантес-Геккерн, Ж. 359, 507.

Дашков, В. А. 187, 189.

Де-ла-Барт, Ф., Г., гр. 225.

Делавинь, К. 31, 32.

Делавуазьер 543.

Деларю, М. Д. 371.

Делибюрадер. См. Ознобишин, Д. П.

Делиль, Ж. 225.

Дельвиг, А. А., бар. 15, 94, 96, 103, 105-108, 110, 121, 125, 145, 154—156, 169, 172, 174, 177, 198, 236, 239-243, 245-247, 377, 420, 422—424, 509, 534, 536—

538.

Дельпоццо, ген. 218.

Демосфен 125.

Дератани, Н. Ф. 92.

Дерегус, М. Г. 508.

Державин, Г. Р. 99, 107—109, 113, 137, 427, 475, 479, 492, 530.

Державин, К. H. 551.

Десницкий, В. А. 547.

Декоти 551.

Дехтерев, Б. А. 502, 508, 517, 520.

Дешевов, В. M. 524.

Джамбул 551.

Джонсон, С. 236.

Джордано, Л. 29.

Дибич, И. И., гр. 253, 272.

Дидло, К.-Л., 318.

Дидро, Д. 297.

Димитраки 410.

Диоген 106, 122. Диодор Сицилийский 151. Дион Кассий 160. Дмитриев, Г. 523. Дмитриев, И. И. 99, 102, 105, 107, 116, 125, 134, 193, 198, 204, 252, 414, 422. Дмитриев, Н. П. 522. Дмитрий (Туптало), митр. ростовский 36,37. Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 243, 351, 356, 359, 363, 544. Дмитрий Ив., царевич 172, 459. Довгаль, А. М. 508, 509. Добровский, И. 342, 364, 365, 373, 374. Добролюбов, Н. А. 530. Добронравов, М. М. 508. Довнар-Запольский, М. В. 168, 261, 275. Долгоруков, И. А., кн. 319, 320. Долгоруков, П. В., кн. 399. Долгоруков, П. И., кн. 287, 295. Долинин (Искоз), А. С. 529. Дондуа, В. Д. 218. Дондуков-Корсаков, М. А., кн. 418. Достанич 273. Достоевский, Ф. М. 532-534. C. 274, 277. Дo. . 531. Дружинин, А. Друз 100, 157, 168. Дубельт, Л. В. 242, 255, 543. Дубенский, Д. Н. 356. Дубянский, Ф. М. 204. Думнов, В. В. 356. Дурнова, М. С. См. Грибоедова. Дыдыкин, А. А. 523. Дыдыкин, М. 5 23 Дюжарден, К. 31. Дюпен, П.-Ш.-Ф. 526. Дюро-де-Ламаль, Ж.-Б. 168, 171, 173 178. Дюфренуа 31, 32.

Е. А. Ж. 31, 32.

Евгений, арх. 230.

Евгеньев-Максимов, В. Е. 375.

Евстафьев, П. П. 548.

Екатерина ІІ, имп. 117, 118 (Минерва), 119, 393, 397.

Екатерина Ивановна (сказительница) 184, 189, 207.

Елизавета Алексеевна, имп. 126.

Емануэль. См. Эммануэль, Г. А.

Ермолов, А. П. 164, 229, 292.

Ефремов, П. А. 54, 409, 433, 441, 463, 480, 493.

Жанен, Ж. 150. Жанибек, хан 218. Жданов, А. А. 551. Железнов, И. И. 193. Желтухин, С. Ф. 283, 285. Желудков, Д. 393. Женгенэ, П.-Л. 167. Жигалов, В. 523. Жидков, Г. В. 523. Жилярди, Д. 426. Жирмунский, В. М. 547. Жомини, Г., бар. 310. Жорж, С. 204. Жуание, Ф.-В. 31, 32. Жуковский, В. А. 28, 32, 35, 36, 38, 41, 74, 75, 77, 79, 80, 82, 88, 107, 109, 127 (Шиллер, Гете), 129, 137, 155, 169, 211, 249, 281, 310, 345—347, 348, 349, 351— 353, 355—358, 360, 363—365, 367—369,

371, 372, 374, 411, 412, 414, 420-423.

427, 508, 509, 512, 534, 538, 542, 543, 544.

Заболотекий, П. Е. 551, 553, 555. Заболотекий, П. П. 551-553. Завадовский, А. П. гр. 318, 319, 261, 262. Загорский, М. Б. 16. Загорский, М. П. 135. Загоскин, В. Н. 265, 323—337, 536, 542. Закревская, А. Ф., гр. 311. Закревский, А. А., гр. 273. Закруткин, В. А. 200. **З**алесский, В. 343, 344, 535. Зальпаунг, В. 183. Зарецкий, Н. 520. **Э**верев, В. А. 500. Зейлер, А. 342. Зелинский, В. А. 254. Зелинский, Ф. Ф. 297. Зенгер, Т. Г. 16, 234, 345, 349, 545, 551. Зенон 106. Зибель, Эм. 523—525. Зильберштейн, И. С. 412, 414, 534-538. Зиновьев, Н. М. 523. Зичи, М. А. 515. Золотницкий, В. 380. Зражевская, А. 310. Зубков, В. П. 290. Зубкова, Н. И. 523. Зубов, ст. с. 393. Зубов, П. А., кн. 277. Зульцер, И. Г. 100.

Зыков, Д. П. 493.

Иван IV Грозный, 166, 339, 399, 452, 456, 489.

Иваненко, А. 529.

Иванов, Вяч. И. 297.

Иванов, Всев. В. 551.

Иванов, Н. А. 383, 388.

Иванов, К. В. 558.

Иванова, М. Е. 183, 184, 186, 190, 206.

Иванчин-Писарев, Н. Д. 136.

Ивник, И. 558.

Игорь Святославович, кн. 340, 349, 350, 352, 355, 356, 358, 359, 361, 362, 364, 366—371, 373, 374, 544.

Иеремия 360.

Иеропольский, К. А. 183.

Изиод. См. Гезиод.

Измайлов, А. Е. 235.

Измайлов, В. В. 542.

Измайлов, Н. В. 21-29, 75, 292, 316, 547.

Изяслав Василькович, кн. 371.

Илличевский, А. Д. 94, 97, 105, 107, 116.

Ине, В. 170.

Инзов, И. H. 231, 268, 280, 281, 286, 287, 291.

Иноземцева, М. 513,

Иоанн Кущник 37, 366.

Иоган (Ганс), принд датекий 457.

Ипполитов-Иванов, М. М. 557.

Ипсиланти, А. К., кн. 291, 292.

Ирвинг, В. 240, 242.

Ирина Федоровна, царица 452.

Исленьев, А. М. 275.

Исленьев, Н. М. 275.

Истомии, Ф. М. 186, 190.

Истомина, Е. И. 262, 318.

Исхаков, Э. 558.

Италинский, А. Я. 357.

Каверин, П. П. 59, 486, 487.

Кадлубовский, А. П. 527,

Казанский, Б. В. 15, 17, 375—381, 551.

Казы-Гирей, Султан 233.

Кайданов, И. К. 107, 152, 160, 161.

Калаушин, М. М. . 55.

Калашников, М И. 542.

Калашникова, О. М. 506.

Калигула 161.

Кальм, Ф. Г. 290.

Камерон, К. К. 117, 118.

Канидий, Публий Красс 110.

Канн, Е. И. 557.

Кантемир, А. Д., кн. 102.

Каплан, Л. Б. 508.

Каплун, А. 512.

Каподистрия, И. А., гр. 286.

Каравайков, Н. А. 523.

Караджич, В. С. 228, 342, 349, 350, 355, 357, 359, 368, 370, 372.

Каразин, В. Н. 164.

Карамзин, Н. М. 80, 99, 107, 125, 152, 157, 161, 165, 166, 172, 173, 175—177, 179, 241, 292, 325, 339, 345, 352, 354, 355, 420. 423, 455, 468, 473, 479, 485, 527, 530.

Каратыгин, П. А. 261, 262.

Карл VI, имп. 405.

Касиян, В. И. 508.

Катенин, П. А. 74, 76, 79, 80, 111, 144, 547.

Катков. М. Н. 530, 534.

Катон 100, 117, 118, 121, 122, 157.

Катулл, В. 95, 104, 109, 114, 116, 126, 131, 158.

Катухин, В. В. 523.

Кауоцов, Ф. А. 523.

Каховский, П. Г. 164.

Кац, С. Я. 524.

Каченовский, М. Т. 125, 166, 259, 260, 264, 340, 3±0, 351.

Кашин, Д. 194, 195.

Каширина 201.

Квинтилиан 158.

Керн, А. П. 422, 509.

Кибрик, Е. А. 521, 522.

Кинэ, Э. 330.

Кипренский, О. А. 503, 505, 535, 536.

Киреевский, И. В. 531.

Киреевский, П. В. 90, 183, 189, 190, 192,

194, 201, 205, 246.

Кирпичников, А. Н. 73.

Кирпотин, В. Я. 551, 556, 557.

Киселев, Н. С. 201.

Киселев, П. Д. 271—273, 277, 278, 280, 282—284, 236, 289, 290.

Кияшко 519.

Клавдий, имп. 161.

Клейн, К. Ф. 276.

Клементьева, К. А. 515, 517.

Клеопатра 150, 151, 162, 309, 321.

Клодт, М. П., бар. 507.

Клыч, Дурды 551.

Ключевский, В. О. 151, 165, 173, 530.

Книппер, Л. 525.

Княжевич, Д. М. 409, 410.

Княжнин, Я. Б. 125, 252.

Кобяк, хан 364.

Коваль, М. 524.

Коврижкин, Толя 544.

Козельский 505.

Козицкий, Г. В. 103, 137. Козлов, А. А. 534, 535. Козлов, А. И. 503. Козлов, В. В. 504. Козлов, И. И. 455, 531.

Козловский, К. 515, 522.

Козловский, П. Б., кн. 380.

Ковмин, Н. К. 252, 345, 350, 351, 551.

Кологривовы 398.

Колоколов, Ф. 103.

Колотилова, А. Я. 190, 194.

Кольридж, С.-Т. 15.

Кольцов, А. В. 530.

Комаров, В. Л. 551.

Комаров, Н. И. 275, 290.

Комарович, В. Л. 211-234, 545, 551.

Комаровский 538.

Комовский, С. Д. 103.

Конашевич, В. М. 515, 517—519, 522.

Коннский, Г. 380.

Констан, Б. 60, 311, 315, 528.

Кончаловский, П. П. 497, 498.

Корда, Ш. 138. Корелин, П. 260.

Корнель, П. 124.

Корнуол, Б. (Проктор, Г. У.) 11.

Коровайков, Н. 523.

Королев, Б. Д. 504.

Короленко, В. Г. 533.

Королькова, Н. Г. 183.

Корреджио, А. 31, 121.

Корф, М. А., гр. 103.

Корш, Ф. Е. 454.

Коршунов, С. 512.

Корыгин, К. 511.

Костров, Е. И. 99, 113.

Костюшко, Т. 254.

Котаяревская, М. Е. 508, 519-521, 516.

Котаяревский, Н. А. 221, 229.

Кочубей, В. П., гр. 164.

Кочубей, М. В. 516.

Кошанский, Н. Ф. 17, 94, 96-101, 103, 104, 106—108, 110, 113, 114, 118, 120, 121, 132—

136, 145, 151—154, 160, 161, 297, 420—424.

Кошутич, Р. 492.

Кравченко, А. 502, 503, 516, 517, 521, 543.

Краевский, А. А. 345, 542.

Крамер, Дж.-А. 101, 160.

Крандиевская, Н. В. 505.

Красовский, А. И. 26.

Красовский, Л. 522,

Красуский, А. К. 391.

Кребб. Дж. 15.

lib.pushkinskijdom.ru

Кребильон-сын, К.-П. 324.

Кривцов, Н. И. 544.

Кромвель, О. 15.

Кронеберг, А. 155, 172, 173, 178.

Кроткова, П. П. 193.

Круганкова, Е. С. 503, 512, 513.

Крузиус, О. 297.

Крупская, Н. К. 546.

Крылов, И. А. 100, 150, 241, 255, 412, 414.

Крюков, В. Н. 524.

Ксения, "св." 36, 31.

Кудряшов 505.

Кузьмин, Н. А. 501, 502, 518, 543.

Кукольник, Н. В. 531.

Кукулевич, А. М. 72—91, 129.

Кульбак, Д. И. 508.

Куницын, А. П. 152.

Купала, Я. 551.

Курбский, А. М., кн. 166, 292.

Курочкив, Н. С. 167.

Курфюрст, Л. 549.

Кусовников, М. И. 277.

Кусовников, сын 277.

Кучерика, С. Е. 184, 185, 205.

Кюжельбекер, В. К. 27, 70, 96, 107, 118,

164, 200, 261, 262, 423, 507, 547.

Лаврентий, "мних" 372.

Давров, П. А. 406.

Лагарп, Ж.-Ф., де 105, 112, 116, 170.

Лагрене, А.-Ф. 426.

Лажечников, И. И. 484.

Дазаревич, С. 183.

Ламартин, А. 173.

Дантер, В. П. 536.

Ланжерон, А. Ф., гр. 287.

Ланов, И. Н. 287.

Лансберг 44.

Лапинский 214.

Ларин, И. И. 294.

Латуш, А. де 31, 32, 129, 130.

Лафонтен, Ж. 112, 114, 150, 252, 253.

Лебедев 393.

Лебедев, Г. 412.

Лебедев-Кумач, В. И. 551.

Лебедев-Полянский, П. И. 551.

Лебрен, Экушар 297.

Лёве-Веймар, Ф.-А. 191.

Левитский, И. 339.

Левшин, А. И. 415, 419.

Лезюр, Ш.-Л. 380.

Леклер, Ж. 31, 32.

Лелевель, И. 253.

Лемке, М. К. 253.

Ленин, В. И. 24, 36, 42, 47, 53, 57, 58, 64, 73, 198, 211, 345, 353, 505, 541, 544.

Леонар. Н.-Ж. 135.

Леонардо да Винчи 121.

Леонид, царь спартанский 107, 138.

Леонидзе, Г. Н. 551.

Лермонтов, В. 522.

Лермонтов, М. Ю. 16, 18, 322, 532, 545, 547, 548, 552-558.

Лернер, Н. О. 193, 212, 213, 239, 252, 294, 302, 303, 343, 350, 358-360, 411.

Летурнер, П. 113.

Ажеагриппа-Клемент 174, 177--179.

Ажедимитрий I 174, 175, 177, 453.

Лжедимитрий II 177.

Лже-Друз 174.

Анбрович, С. Ф. 537, 538.

Ливий, Тит 95, 100, 106, 153, 156, 157, 163, 164, 166—168.

Линде, С. Б. 342, 348, 349, 361, 365, 366, 370.

Аинев, И. 412, 536—538.

Линева, Е. Э. 191—196.

Линней, К. 415, 416, 419.

Липранди, З. Н., рожд. Самуркаш 392.

Анпранди, И. П. 41, 42, 45-47, 266-277, 279, 281, 283-294.

Липранди, П. П. 45, 46, 273, 274, 277—279, **280, 281—284, 288, 289, 292, 293.**

Липранди, Пьетро 277.

Липранди, Р. П. 277, 279.

Лобанов, М. Е. 325, 380.

Лобанов, С. М. 513.

Лобанов-Ростовский, А. И., кн. 401.

Ложкин, А. 510.

Лозанова, А. Н. 191.

Ломан, О. В. 184, 382.

Ломоносов, М. В. 107—109, 118, 370, 454, 479.

Лонгинов, Н. М. 300, 415, 419.

Лотман, Л. М. 72-91.

Лугинин, Ф. Н. 283.

Лужанин, A. 558.

Аукан 158.

Лукиан 113.

Лукомский, В. К. 398—408.

Лукомский, Г. К. 543.

Лукреций 31, 32, 157, 158.

Лукулл 106.

Луначарский, А. В. 8.

Лунин, А. М. 425.

Лунин, М. С. 425, 426.

lib.pushkinskijdom.ru

Лунин, П. М. 425.

Лунин, С. М. 425.

Лунина, А. С., рожд. Хвостова 426.

Лунина, Е. П. См. Риччи, Е. П.

Лунина, В. Н. рожд., Щепотьева 425.

Лунина (Уварова), Е. С. 425, 426.

Лунина (Муравьева), Ф. Н. 425.

Лунины 425, 426

Львов, Н А. 109, 113, 339, 340.

Льюис, Мэтью 60.

Любкер (Lübker), Фр. 168.

Любомудров, С. С. 92, 133, 134, 302.

Людовик XIV 526.

Людовик XV 329.

Людовик-Филипп 380.

Люценко, Е. П. 137.

Лядов, А. К. 190.

Ляпунов, С. М. 186, 190.

Лятов 523.

M. 264.

M., B. 15, 16.

Мазена 516, 543.

Мазер, К. 508, 534, 535.

Майков, А. Н. 361, 366, 374.

Майков, В. И. 96, 103.

Майков, Л. Н. 25, 54, 84, 97, 112—114, 201. 216, 231, 294, 300, 420, 433.

Макбет, кор. 172.

Макиавелли, Н. 167, 168.

Макинтош, Дж. 416, 417.

Маколей, Т.-Б. 417.

Максимов, Д. Е. 375.

Максимов, К. 511.

Максимович, М. А. 244, 245, 249, 250, 339.

343, 344, 346.

Макушев, В. В. 348.

Макферсон, Дж. 15.

Малаховский, В. А. 435.

Малеин, А. И. 7, 92, 97, 114, 140, 141, 147,

151, 152, 162, 268, 420, 547, 551.

Маликов, К. 551.

Малиновский, А. Ф. 402.

Мамай 351, 343, 355, 544.

Мануйлов, В. А. 547, 548, 549, 551, 556, 557.

Манур, Ш. 557.

Мариво, П. 225.

Марин, С. Н. 536.

Маркс, К. 163, 304, 367.

Марлинский, См. Бестужев, А. А.

Мармонтель, Ж. Ф. 225, 526, 527.

Марон. См. Вергилий.

Мартынов, А. М. 73.

Мартынов. И. И. 109, 113, 144.

Мэртынов, Н. С. 556.

Марфа Посадница. См. Борецкая, Марфа.

Марциал 104.

Масальский, К. П. 135, 236.

Маттен, Х. Ф. 98.

Матюрин, Ч.-Р. 60.

Мацкевич, Д. 338, 390.

Машковцев, Н. Г. 545.

Мевий 110.

Медведева, И. Н. 51-71, 545, 551.

Медичи 117.

Мейлах, Б. С. 52, 104, 200, 546-548.

Мейнерс, Х. 107.

Менгс, Р. 100.

Меншиков, А. Д., кн. 195, 196.

Мервилль, М. 31, 32.

Мерэляков, А. Ф. 102, 107, 135, 193, 198, 298.

Мериваль, Ч. 161, 170.

Мериме, П. 228, 428.

Меркуров, С. Д. 504.

Мерсье, Л.-С. 225.

Мессалина 167.

Метафраст Игнатий (ошибочно, вм. Метафраст Симеон) 36, 37.

Метафраст Симеон 36

Мехаис, Л. З. 551.

Меценат 106, 110, 111.

Мешков, В. Н. 511.

Мещеряков, **Н Л**. 551.

Милень (Миллен), А.-λ. 99.

Милер, В. Ф. 73, 183, 201, 348, 374.

Миллот, абб. 107.

Мильвуа, Ш. 69.

Мильтиад 100, 107, 154.

Минин, К. З. 331, 337.

Миронова, М. А. 514.

Митрохин, Д. М. 517.

Митурич, П. Б. 521, 543.

Михаил Павлович, в эл. кн. 262, 507.

Михайлов, A. A. 524.

Михайлов, Н. 183.

Мицкевич, А. 254.

Могилевстий, А. П. 513, 515.

Модаалевский, Б. Л 27, 30, 35, 59, 141, 151, 170, 173, 261, 290, 296, 339, 342, 345, 350, 398, 399, 409, 410, 423, 425, 433.

Модзалевский, Л. Б. 16, 38, 72, 218, 247, 269, 342, 345, 409—429, 542, 547, 551.

Моисей 361.

Молев, В. 523.

Монтень, М. 113.

Монтескье, Ш. 43, 107, 123, 324.

Монфокон, Б. 114.

Мордвинов, Н. С., гр. 319.

Мордовченко, Н. И. 533, 551, 556.

Мориц 107.

Моровов, П. О. 25, 54, 300, 415, 433, 463, 468, 477, 480, 493.

Москвин, И. М. 551.

Мосолов, Б. С. 553.

Mocx 96, 98, 102, 120, 133—135, 297.

Моцарт, В. А. 34, 517.

Метиславичи, князья 371.

Муравьев, М. В. 399.

Муравьев, М. Н. 99.

Муравьев, Н. М. 278, 318-320.

Муравьев-Апостол, И. М. 102.

Муравьева, Ф. Н. См. Лунина, Ф. Н.

Мурко, А.-Я. 342, 347, 349, 350, 352, 353, 355, 360, 361, 364—366, 368, 370, 372,

Мусин-Пушкин, А. И., гр. 338, 347, 349, 352.

Мусин-Пушкин, И. А., гр. 402, 405, 407.

Мусины-Пушкины 398, 402, 404, 406.

Муханов, А. А. 263, 542.

Муханов, Н. А. 259, 262, 263.

Муханов, П. А. 263.

Муханова, А. 259, 263.

Мухановы 259.

Мякушин, Н. Г. 193.

Мятаевы 398.

Надеждин, Н. И. 250, 376, 455, 531.

Назарова, Л. Н. 558.

Назон. См. Овидай.

Наполеон I 21—24, 26—28, 165, 167, 168, 172, 173, 181, 238, 327—329, 333—336, 380, 417, 426.

Наполеон II 23, 29.

Наталья Петровна, сказительница 184, 186, 188, 189, 196, 206—208.

Наумов, А. А. 507.

Нащокин, П. В. 140, 247, 250, 534, 535.

Нащокина, В. С., рожд. Хвостова 425.

Невий 158.

Неелов, С. А. 319.

Невеленов, А. И. 73.

Нейман, Б. В. 556, 557.

Нейштадт, В. И. 47.

Некрасов, Н. А. 531.

Некрасова, Е. С. 47.

Нелединский-Мелецкий, Ю. А. 193, 198, 204.

Неманичи (сербская династия) 406.

Немирович-Данчевко, В. И. 551.

Немировский, М. Я. 92. Непенин, А. Г. 280—282, 285. Непот Корнелий 97, 100, 106, 120, 151—154, Непринцев, Ю. М. 506. Нерон 125, 161, 165. Нессельроде, К. В., гр. 25, 419. Нестор, летописец 339, 340, 372. Нечаев, С. Д. 218, 231, 232, 259—261, 263, 265. Нечкина, М. В. 545, 551. Николаева, М. Ф. 556.

Николай I 151, 161, 231, 233, 234, 238—240, 244, 250, 251, 261, 272, 283, 331, 304, 326, 330, 377, 378, 412, 507, 508, 542, 557.

Николье 35.

Никольский, В. А. 498.

Новиков, А. H. 557.

Новиков, И. А. 509.

Новиков, Н. И. 198, 204, 398, 407.

Новицкий 213.

Ногмов, Ш. 216—220, 232, 233.

Нусинов, И. М. 545.

Обнорский, С. П. 485.

Овидий Назон 7, 14, 47, 95, 99, 103—106. 108 –110, 112, 114, 116, 118, 121, 122, 124, 127, 128, 136, 138, 139—142, 145, 146, 148-150, 154, 156-158, 296, 298, 304, 532, 547.

Овсянико-Куликовский, Д. Н. 531.

Овчинников, В. Н. 523.

Огарев, Н. П. 532.

Одиффре, Л.-Д.-Л. 31, 32.

Одоевская, О. С., кн. 556.

Одоевский, А. И., кн. 259, 261, 263, 558.

Одоевский, В. Ф. 27, 198, 307, 380, 381, 422, 536, 538.

Ожегов, С. И. 551.

Озеров, В. А. 99.

Ознобишия Д. П. 298.

Оксенов, И. А. 547.

Октавиан. См. Август, имп.

Окулова, П. С., рожд., Хвостова 425.

Олег Иванович, вел. кн. Рязанский 356.

Оленин, А. Н. 128, 129.

Олизар, Г. Ф., гр. 276.

Ольгерд Гедиминович, вел. кн. 355-356.

Омир. См. Гомер.

Оранский, В.-Ф., принц 260, 261, 264.

Оржевский. См. Оржицкий, Н. Н.

Оржинский, См. Оржицкий, Н. Н.

Оржицкий, Н. Н. 259, 263.

110. Alyman Epementak/OFOM. PU

Орлов 558.

Орлов, А. А. 248—250, 254.

Орлов, А. С. 15, 204, 356, 371, 546, 551.

Орлов, А. Ф. 542.

Орлов, М. Ф. 41, 231, 267-269, 271-273, 275, 278, 279, 284—286, 289, 291—293,

295, 536, 537, 544.

Орлов, Ф. Ф. 279, 280, 295, 318, 320.

Орлова, Е. Н., рожд. Раевская 293.

Орлова-Мочалова, М. Н. 509, 512.

Орлова-Чесменская, А. А., гр. 284.

Орнатовский, И. 455.

Осинова, П. А. 151, 154, 317, 509, 511, 512.

Осман-паша 292.

Оссиан 113, 127, 428.

Островский, А. Н. 199.

Остроухов, Н. С. 542.

Отон 410.

Окотнеков, К. А. 275, 279-284, 293.

Павсл І 268, 400.

Павленко, П. А. 551.

Павлинов, П. 509.

Павлов, Н. А. 502, 509.

Павлов, Н. Ф. 259, 307.

Павлова, К. К. 536.

Палей, С. 260.

Палкович, Г. 342, 349, 350, 353, 357, 359,

364—367, 359, 374.

Пальчиков, Н. 190.

Пантелеев, Л. Ф. 280.

Парилов, П. 523.

Парни, Э. 102, 112, 113, 115, 116, 127, 131,

145—148.

Паскевич-Эриванский, И. Ф., гр. 214, 291.

Пастернак, Л. О. 543.

Патеркул, Веллей 160, 161.

Патерсон 230.

Пахомов, А. Ф. 520.

Пахомов, Н. П. 556.

Пашков, А. 319.

Пащковы 319.

Пащенко, А. 512.

Пекелис, М. С. 545.

Пельтье, Ж. 417.

Периандр 297, 298.

Перика 104, 106, 125, 154.

Перовский, А. А. 533.

Перовский, Л. А., гр. 272.

Персий 116, 124.

Пестель, П. И. 153, 163, 168, 275, 283, 303.

Петр, ап. 457.

Петр I 195, 201, 398, 400, 508, 519, 542, 544, 55 ⁾.

Петрарка, Ф. 526.

Петрашевский-Буташевич, М. В. 272.

Петров, М. 558.

Петров-Водкин, К. С. 499, 520, 521.

Петроний, А. 103, 116, 121, 124, 158, 162.

Пиксанов, Н. К. 103, 262, 300, 301, 420, 547, 557.

Пиндар 102, 104, 106—109, 118, 144, 158.

Писарев, Д. И. 530, 532.

Писемский, А. Ф. 90, 530.

Пискарев, Н. И. 502, 503, 519, 520, 543.

Платон 122, 153.

Платунова, А. 514, 522.

Плетнев, П. А. 37, 182, 247, 251, 252, 304, 377, 434, 436, 457, 466, 470—472, 474—479, 481, 492.

Плеканов, Г. В. 531.

Плещеев, А. А. 422.

Плиев, Г. 551.

Панев, Х. 551.

Плиний 106, 135, 237.

Плинке 35.

Плоткин, Л. А. 547.

Плутарх 106, 110, 120, 139, 152, 153, 161, 163.

Поварими, С. И. 319, 549.

Погодин, М. П. 34, 172, 379, 409, 542.

Погорельский, А. А. См. Перовский, А. А.

Пожарский, Д. М., кн. 331, 337.

Пожарский, Я. О. 339, 349, 374.

Пожидаев, В. П. 219.

Покровский, М. М. 92, 116, 151, 152, 157. 165, 173, 177.

Полевой, Кс. А. 263.

Полевой, Н. А. 25, 241—243, 245—247, 249, 250, 254, 259, 263—265, 298, 348, 376, **37**9, **5**36.

Поленов, Д. В. 42.

Поливанов, Л. И. 60, 141, 441.

Полидори 528.

Половинкин, Л. А. 524.

Полоцкая, А. Т. 545.

Полторацкий, С. Д. 47.

Поль. К. 342.

Помпей Вар 110, 152.

Помяловский, И. В. 269.

Понжервилль 31, 32.

Понятовский, К. О. 410.

Попков, П. С. 551.

Поплавская, Е. Д. 374.

Попов. М. В. 198.

Попов, П. С. 541, 545, 551.

Попова, О. И. 545.

Поповский, Н. Н. 102.

Поспелов, П. Н. 551.

Потебня, А. А. 368, 370, 372, 373, 374.

Потемкин, П. С., гр. 212—213.

Правосудович, Т. М. 512, 520.

Прахов, А. В. 366.

Прач, И. 198, 204, 207.

Преображенская, Е. С. 553. Прозоров, П. И. 129, 135, 137.

Проконович, Ф. 422.

Прокофьев, А. А. 551.

Проперций 102, 104, 116, 126.

Просяник, И. М. 548.

Прохоров, Г. В. 36—38, 260—265.

Пугачев, Е. И. 193, 241, 521, 541

Пумпянский, Л. В. 547, 548.

Путиньяк де Виллар, А. 31, 32.

Пушкаревич, К. А. 551.

Пушкин, А. А. 541.

Пушкин, А. П. 400.

Пушкин, В. А. 107, 109—111, 124, 198, 400-402, 404, 422, 526, 536.

Пушкин, Г. А. 184, 394.

Пушкин, Л. С. 28, 62, 138, 143, 144, 150, 191, 197, 231, 286, 290, 400, 404, 436, 491, 541.

Пушкин-Муса, М. 404.

Пушкин, Н. Л. 400.

Пушкин, П. Л. 400.

Пушкин, П. П. 400.

Пушкин, С. Л. 117, 155, 286, 287, 390, 400, 401, 508, 509, 542.

Пушкина, А. Л. 422.

Пушкина, М. А. 197, 199.

Пушкина, Н. Н. 377, 499, 507, 513, 534, 535. Пушкина, Н. О. 156, 286, 287, 390, 398, 509,

Пушкины 398, 400—402, 404, 406, 542.

Пущин, И. И. 37, 99, 116, 259, 261, 281, 388, 390, 509, 543.

Пущин, М. И. 216, 218, 231.

Пущин, П. С. 41, 284, 288.

Пыпин, А. Н. 231, 233, 344.

Радич, Я. Н. 281, 282.

Радищев, А. Н. 72, 153, 541, 544.

Радканф, A. 15.

Радлов, Н. Э. 511.

Радожицкий, И. Ф. 274, 293.

Радша 398--402, 404, 406.

Радшичи 404, 406, 408.

Раевский, А. Н. 63.

Раевский, В. Ф. 41—50, 56, 266, 267, 275, 276, 278, 280—286, 288, 293, 295.

Раевский, М. В. 278, 279.

Раевский, Н. Н. маадш. 62, 140, 536.

Раевские 508.

Разин, С. Т. 89, 190, 191, 196, 528.

Разумовский, А. К., гр. 104, 107.

Ранч, С. Е. 236, 298.

Райт, Т. 502, 534, 535.

Расин, Ж. 162.

Растрелли, В. В., гр. 117.

Рахманинов, С. В. 557.

Ребров 556.

Рейсер, С. А. 551.

Pew 167.

Рембовский, К. 103.

Рембрандт ван Рейн 31.

Рерберг, И. 517.

Рессегье, Ж. де, гр. 32.

Римская-Корсакова, М. И. 316.

Римский-Корсаков, Н. А. 190, 195, 524.

Ричард III 172,

Риччи, Е. П., рожд. Лунина 424—428.

Риччи, М., гр. 34, 424, 426—429.

Ришомм, Ф. 31, 32.

Риэго и Нуньес, Р. 51, 124.

Робертсон, В. 123.

Родвянко, А. Г. 150, 542.

Родионов, М. С. 516.

Родионова, Е. М. 519.

Розанов, М. Н. 551.

Розен, Г. В., бар. 231, 233.

Романов, С. Г. 14, 17.

Романовы-Гольштейн-Готторны 44, 47.

Романченко, И. С. 374.

Ромул 167.

Россет-Смирнова, А. О. См. Смирнова-Россет.

Россини, Дж. 33, 34.

Ростислав Владимирович, кн. 339.

Ростопчин, Ф. В., гр. 328-330.

Ростоцчина, Е. П., гр. 556.

Рошков, В. 523.

Рубан, В. Г. 103.

Рубенс, П.-П. 119.

Рубинштейн, А. Г. 557.

Рудаков, К. И. 519, 520.

Рудвевич, А. Я. 287.

Руслов, Н. 523.

Руссо, Ж.-Б. 153.

Руссо, Ж.-Ж. 43, 225, 227, 228, 324, 527.

Руссов, С. В. 339, 350, 351.

Руставели, Шота 547.

Рутье 31, 32.

Рыбаков, проф. 557.

Рыбников, П. Н. 187, 190.

Рыбченков, Б. Ф. 512, 543.

Рыбченков, Н. Ф. 510.

Рылеев, К. Ф. 52, 124, 166, 199, 259—263, 303, 377, 536.

Рылеева, Н. М. 260.

Рындзюнская, М. Д. 505.

Рюрик 339, 399.

Рюриковичи 406.

Сабанеев, И. В. 45, 46, 271, 273, 275, 277— 281, 283, 284, 287, 289, 292.

Сабанеева, П. Я. 292.

Савва, иг. 37, 38.

Савинский, В. Е. 500.

Савидкий, Г. К. 500, 507.

Садиков, П. А. 266-295.

Садовский 426.

Сазонович 295.

Садтов, В. И. 367, 409, 411, 428, 433, 474, 484.

Салабанов, В. М. 523.

Салаевы 356.

Салаюсгий 102, 151, 153, 154, 162, 175.

Салтыков-Щедрин, М. Е. 42, 73, 269, 295, 424, 520, 530, 542, 541, 557.

Самарин, М. П. 79.

Самед Вургун 551.

Самокиш-Судковская, Е. П. 521.

Самохвалов, А. Н. 514-516, 520.

Сантилов, Ц. 522.

Сапфо 102, 104, 118, 136, 137, 157.

Сарьян, Г. 551.

Сарьян М. С. 506.

Сахаров, И. П. 190, 203.

Сварог, В. В. 507.

Светоний 151, 170.

Свида 297.

Свинъин, П. П. 141, 245, 412.

Свитальский, В. А. 516, 518, 519.

Святослав Ольгович, кн. 340, 365, 366.

Сегюр, Л.-Ф. де, гр. 31, 32, 212, 213.

Седерхольм 368.

Сезанн, Ш. 31, 32.

Соид-Ахмед-паша 214, 215.

Селезнев, И. Я. 97, 106.

Сельвинский, И. Л. 551.

Семевский, М. И. 153, 168, 179, 388.

Семенов, В. Н. 30, 34.

Сенека 106, 113, 118, 158, 167.

Сенковский, О. И.306, 340, 350, 351, 379, 533, 535.

Сен-При, гр. 526.

Сен-Пъер, Бернарден де 225.

Сен-Реаль, С. 113. Сентин, Кс.-Б. 32. Сент-Эвремон, Ш. 113. Сербский, Г. П. 33.

Сергиевский, И. В. 14, 16.

Сергиоти 46.

Серов, В. А. 536-538, 544.

Сеян 100, 161. Сиверс 170.

Сидоров, Н. П. 526.

Силин, А. 519.

Синявский, Н. А. 421.

Сиповский, В. В. 527.

Сисмонди, Ж.-Ш.-Л. Симонд де 167.

Сихлер 326.

Скоболев, И. Н. 330.

Скотт, В. 3, 8, 12, 14—18, 23, 236, 240, 254, 265, 306, 316, 318.

Слоан 410.

Слонимский, А. Л. 318, 546, 547.

Смирдин, А. Ф. 509. Смирнов, А. А. 551.

Смирнов, А. И. 348.

Смирнов, А. М. 222.

Смирнова Россет, А. О. 297, 509.

Смирнова, О. Н. 297.

Смит, А. 311.

Свегирев, И. М. 253, 351, 356, 372, 544.

Собаньская, К. А. 542.

Соболевский, А. И. 193-195.

Соболевский, С. А. 15, 183, 201, 237, 427,

428, 534, 542.

Соваж, Л. 29, 30.

Соколов, И. 103.

Соколов, М. 543.

Соколов, П. И. 103, 356, 360, 455.

Соколов, П. Ф. 534, 543.

Соколов, Ю. М. 301.

Соколов-Скаля, П. П. 506.

Соколовский, М. 402.

Сокольничов, М. П. 510.

Соксат 118, 122.

Солдатенков, К. Т. 73.

Соловина, Е. Ф. 47.

Соловьев, В. С. 530.

Соловьев, С. М. 407.

Сологуб (Тетерников), Ф. К. 531.

Соллогуб, В. И., гр. 534.

Солон 297.

Сомов, О. М. 236.

Соути, Р. 15.

Софока 98, 99, 297.

Спасович, В. Д. 531.

Спасский, Г. И. 544.

Спенди ров, А. А. 557.

Сперанский, М. Н. 183, 194.

Срезневский, И. Е. 103.

Сталь, А.-Л.-Ж. де, бар. 315, 326, 327, 417, 527.

Старов, С. Н. 284, 287.

Стахович, С. А. 531.

Стендаль (А. Бейль) 33.

Степанида Ефимовна (сказительница) 186, 187.

Степанов, Н. А. 15, 514, 533.

Столиянский, П. Н. 235, 239.

Стольшин, П. Г. 484.

Стояновский 275.

Страхов, Н. Н. 530.

Стриттер, И. М. 402.

Струйский, Д. Ю. (Трилунный) 481.

Суворов, А. А. 503, 504, 520, 522.

Сулла 123.

Сумароков, П. И. 137.

Суме, А. 31, 32.

Сумцов, Н. Ф. 73, 78, 79, 81, 302.

Сухоманнов, М. И. 253, 479.

Сушкова, Г. А. 557.

Талызин, Ф. И. 277, 278.

Тарасенко-Отрешков, Н. И. 542.

Тарле, Е. В. 165.

Tacco, T. 139, 428.

Тастю, А. 31, 32.

Таубер, В. 521.

Таушев, Н. С. 46, 47.

Tagur 92, 95, 103, 104, 107, 125, 151—157, 160—176, 178, 179, 183, 182, 547.

Твардовский, А. Т. 551.

Тейдъ-фон-Серзскеркен, бар. 270.

Теннер, Дж. 330.

Теолон, Э.-Г. 121.

Тепляков, А. Г. 538.

Тепляков, В. Г. 536.

Теппер де Фергюсон 117.

Теребенев, А. И. 503.

Терещенко, Е. А. 195.

Тиберий 100, 154—157, 160, 161, 165—171,

173—176, 178, 180.

Тибула 95, 102, 104, 105, 108, 109, 116, 126, 138, 150, 158.

· Тимковский, Р. Ф. 372.

Тиньков, А. 103.

Тиртей 102, 104, 127.

Тит, имп. 125.

Тихонов, Н. С. 551.

Тихонравов, Н. С. 530.

Тиц, Ф. 204. Толстой, Александр, гр. 263. Толстой, А. Н. 551, 557. Толстой, И. И. 92, 93, 139, 163. Толстой, Л. Н. 322, 337, 531, 532. Толстой, Н. 392, 393, 394, 396. Толстой, Я. Н. 126.

Томашевский, Б. В. 14, 36, 74, 82, 110, 125, 177, 235, 411, 433, 434, 493, 529, 536, 545, 547-550.

Траян, имп. 348, 372.

Трилунный. См. Струйский, Д. Ю. Тропинин, В. А. 498, 505, 534, 535, 537. Троц, М. А. 342, 361, 366, 367, 370. Трубецкой, С. П. кн. 318—320. Туманишвили, Д. И. 218. Туманский, В. И. 410. Тургенев, А. И. 64, 67, 111, 126, 140, 229,

231, 239, 263, 341, 357, 367, 378, 381, 426, 428, 548.

Тургенев, Андр. И. 345. Тургенев, И. С. 534, 548. Тургенев, Н. И. 153, 163, 285, 299, 367. Тургенев, П. Н. 420. Тургенев, С. И. 267, 268, 285—287. Тургеневы 163, 285, 428. Турин, Д. М. 523. Туфан, Х. 558.

Тучков, А. А. 290. Тынянов, Ю. Н. 547, 551. Тырса, Н. А. 510, 521.

Тычина, П. 551.

Тверри, А. 170.

Тьерри, О. 15.

Тюркин, П. А. 551.

Тютчев, Ф. И. 536, 548.

Уваров, С. С. гр. 129, 313, 344, 536.

Уваров, Ф. А. 425.

Уваров, Ф. С. 426.

Уварова, Е. С. См. Лунина (Уварова), Е. С. Ульянов, Н. П. 497—499, 501, 502, 505, 506, 508, 543.

Успенский, В. А. 509, 513.

Успенский, Г. И. 533.

Ушаков, В. А. 252.

Ушакова, С. А. 201.

Фаворский, В. А. 502, 505, 543.

Фадзев, А. А. 551.

Файэн, А. 557.

Фаон 36, 137.

Фариезе 117, 118.

Федор Иванович, царъ 456.

Федоренко, В. 549.

Федоров, Б. М. 526.

Федоров, Е. 507.

Федоров, Л. А. 16.

Федр 95, 97, 100, 106, 150, 154.

Фейнберг, Л. Е. 522.

Фейнберг, С. Е. 524, 525.

Фельтен, Ю. М. 500.

Фемистока 100, 104, 107, 138, 144, 154.

Фенелон, Ф. С. 225, 544.

Феокрит 95, 99, 129, 140.

Фергюссон, А. 107.

Фердинанд I, король венгерский 405.

Феспис 99, 107, 118.

Фет, А. А. 141, 532.

Филарет (Дроздов), митр. 237.

Филиппов, Т. И. 195.

Филлипповский, Г. Г. 517.

Флавий, И. 172.

Флакк. См. Гораций, Кинит Флакк.

Фомин, А. А. 420.

Фомин, А. Г. 239, 547, 548.

Фонвизин, Д. И. 109, 285, 424, 442, 455.

Фотий, архимандр. 284.

Фохт, У. Р. 541.

Фрагонар, Ж.-О. 119.

Фрадкин, М. З. 508, 514.

Фридкин, Б. М. 508.

Фридман, Н. В. 545.

Фрих-Хар 505.

Фурнье де Батлемон 275.

Халабаев, К. А. 433.

Хвостов, Д. И., гр. 137, 157, 423, 424, 443.

Хвостов, Д. С. 425.

Хвостова, А. С. См. Лунина, А. С.

Хераскова, А. П. 425

Хигер, Е. Я. 521.

Хижинский, А. С. 504, 511, 519, 520.

Хитрово, Е. М. 313, 404.

Хлебников, П. К. 363.

Ховен, Х. Х., фон-дер, бар. 278-279.

Холодовская, М. З. 518.

Хохлов, А. 542.

Храпченко, М. Б. 551.

Хрусталев, О. И. 300.

Хрущев, Н. С. 551.

Цадасс, Г. 551.

Царев, М. 548.

Цебриков, Н. Р. 164.

Цезарь, Гай Юлий 106, 118, 138, 151, 154, **157, 161, 164, 165, 38**0. Цейтлин, А. Г. 162. Цертелев, Н. Д., кн. 339. Цинна 125. Цицеров 94—96, 106, 118, 153, 163, 164, 296. Цявловекий, M. A. 16, 41—50, 56, 125, 287, 295, 318, 341, 343, 345, 350, 354, 361-362, 421, 424, 434, 536, 543, 545, 547, 549, 550. Чавдаев, П. Я. 60, 104, 125, 150, 153, 285, 286, 321, 345, 411, 535. Чагин, П. И. 551. Чеботарев 515. Челищев, П. И. 537. Ченстон. См. Шенстон, В. Чернецов, Г. Т. 411-424, 534, 535. Чернецов, Н. Г. 412, Чернышев, А. И., кн. 214. Чернышев, В. И. 433-462, 464-494. Чернышевский, Н. Г. 530, 532, Чернявский, М. 411. Черняев, П. Н. 92. Черняк, Я. З. 242. Чехов, А. П. 530. Чиляев, Б. Г. 555. Чимароза, Д. 34. Чуковский, К. И. 551.

Шавлы 558. Шадр, И. Д. 504 Шаликов, П. И., кн. 193, 259, 422. Шамбинаго, С. К. 374. Шан-Гирей, А. П. 556 Шан-Гирей, Е. А. 556. Шариф Камал Фаррах 551 Шатобриан, Ф.-О. 60, 149, 165, 225-228, 327, 3**3**5, 3**3**6, 380. Шаховской, А. А., кн. 144, 318. Шварц, В. М. 411. Шварц, Д. М. 409—411. Шварцы 411. Шведе-Радлова, Н. К. 501. Швитков 411. Шебалин, В. 525. Шевченко, Т. Г. 542, 544, 548, 549. **Шевырев**, Д., кн. 468. Шевырев, С. П. 237, 424, 427—429, 531. Щейн, П. В. 195. **Шейн, Р. В. 190**. Шекспир, В. 38, 150, 152, 157, 172, 179,

Чулков, М. Д. 191, 192, 198, 204.

Шенрок, В. И. 344. Шенстон, В. 15. Шенье, А. 115, 126, 129—133, 136, 143, 144, 148---150, 165, 533. Шенье, М.-Ж. 165. Шереметев, В. В. 261, 262. Шереметев, С. Д., гр. 512. Шестаков, К. К. 510. Шестопалов, Н. И. 507. Шиллер, Ф. 249, 254. Шидлинговский, Н. 511, 512. Широкий, полк. 214. Широкий, В. Ф. 382, 509. Шишкин, офид. 319. Шишков, А. С. 231, 338, 339, 369, 374, 528. Шишов, И. 202. Шлегель, А.-В. 297. Шлецер, А. Л. 339, 340, 366. Шляпкин, И. А. 422. Шмаринов, Д. А. 520. Шмидт, К. О. 545. Шмидт, О. Ю. 551. Шогенцуков 551. Шолоков, М. А. 551. Шор, С. 517. Шотарский, Ю. 368. Штаерман, М. 521. Штоерман, И. Я. 509. Штрайх, С. Я. 266, 268, 277, 289, 293. Шуйский, В. И., кн. 175, 176, 178, 44. Щеголев, П. Е. 9, 41-43, 262, 264, 267,

Щеголев, П. Е. 9, 41—43, 262, 264, 267, 279, 281—283, 298, 303, 341, 368, 424, 427, 543, 549.
Щеголев, П. П. 551.
Щепотьева, В. Н. См. Лунина, В. Н.
Щерба, Л. В. 7.
Щербаков, художн. 184.
Щербаков, А. С. 551.
Щербачев, Ю. Н. 486.
Щербинин, М. А. 126, 486.

Эврипид 99. Эйгес, И. Р. 34, 545, 551. Эйхгоф, Ф. Г. 342, 367, 368, 373. Эйхенбаум, Б. М. 157, 169, 551, 556, 557. Эммануэль (Емануэль), Г. А. 214. Энгельгардт, В. В. 126. Энгельгардт, Е. А. 418. Энгельс, Ф. 163, 367. Энгиэнский, герц. 172—173. Энний 158. Эликтет 102, 122.

249, 414, 544.

Шелли, П. Б. 135, 415.

Эсхил 99, 144, 158. Эшенбург, И.-Иох. 96, 99, 101, 102, 114, 137, 145, 160.

Ювенва 95, 99, 116, 121, 124, 143, 158, 164. Юдин, П. М. 110.

Юлия, дочь Августа 139, 141, 142, 156, 168.

Юмин, майор 282. Юнуф, С. 558.

Юргенсон, П. 190.

Юрьев, Ф. Ф. 125

Юсуповы, кн. 502.

Яголим, Б. 523.

Языков, Д. И. 339, 340.

Языков, Н. М. 148, 201, 382, 383, 388, 422.

Языков, П. М. 201.

Якобсон, А. Н. 517, 518, 520.

Яковкин. И. Ф. 117, 118.

Яковкина, Е. И. 556.

Яковлев, В. Л. 165.

Яковаев, М. Л. 198.

Яковаев, Н. В. 551. Яковаев, П. А. 537, 538.

Якубович, А. И. 259, 261, 316, 318.

Якубович, Ан. И. 261.

Якубович, Д. П. 3, 5—18, 30—35, 92—159, 294, 298, 305, 310, 312, 345, 382, 420—424, 497, 510, 546, 549, 550.

Якубович, Н. Г. 14.

Якубович, П. Ф. (Мельшин, А.) 5, 14, 15, 531.

Якубович, Р. Ф., рожд. Франк 5, 6, 14. Якун Радшич 407.

Якушкин, В. Е. 54, 167, 181, 225, 262, 302, 409, 433, 441, 463, 541.

Якушкин, И. Д. 153, 163, 164, 508.

Янгас, Н. 558.

Яндиев 551.

Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. 364.

Ярославна, кн. 363.

Ясинский, Я. И. 338-374.

Amar, J.-A. 296.

Becq de Fouquières, L. 131.

Beyer, C. 31.

Bojniéie, J. von, d-r 406.

Chompré, P. 297.

Deffand, M., marquise du 170.

Delaunay 30

Déloy 207.

Desmé 207.

Desnoiresterres, G. 225.

Estève, E. 225.

Fodéré, J.-B. 477.

Fournier, Ed. 225,

Fuzelier, L. 297.

J. A. A. 417.

Julvécourt, Paul de 207.

Lee, d-r 419.

Le Fuel. 30.

Leo, Fr. 162.

Lipinsky, K. 343.

Matho. J.-B. 297.

Miot, A.-F. 296.

Pauly 297.

Poncelin, J.-Ch. 296.

Passe, O. 405.

Romarino, F. 165.

Siebmacher 406.

Ziebarth 168.

перечень иллюстраций

Д. П. Якубович. По фотографии, исполненной проф. Н. П. Тихоновым. (Перед стр. 3.)	
Надииси Пушкина на книге его библиотеки "Almanach dédié aux dames". Инсти-	Ctp
тут литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	32
Выписка Пушкина из "Метафраста". Институт литературы (Пушкинский Дом)	
Академии Наук СССР, фонд 244, оп. 1, № 826	36
Черновой автограф стихотворения: "Души беспечное незнанье". Всесоюзная	
библиотека им. В. И. Ленииа, тетрадъ № 2366, л. 41 об	56
Черновой набросок с первоначальным планом поэмы о Тазите. Всесоюзная	
библиотека им. В. И. Ленина, тетрадь № 2332, л. 23	224
Автограф стихотворения "Арион". Государственный Музей А. С. Пушкина	296
Усадьба сельца Михайловского по геометрическому специальному плану	
1786 г	385
Усадьба сельца Генварского по геометрическому специальному плану 1786 г	387
Герб рода Пушкиных	403
Личная печать А. С. Пушкина	405
Образец почерка и характера текста Г. Г. Чернецова на письмах, полученных	
им от разных лиц	413
Помета Г. Г. Чернедова на обороте записки, полученной им от Пушкина	413
Портрет М. Риччи (масло; публикуется впервые)	425
Тифлис. Метехский замок. Рисунок М. Ю. Лермонтова. Музей Института лите-	
ратуры (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР	552
Дарьял. Рисунок М. Ю. Лермонтова. Музей Института литературы (Пушкин-	
ского Дома) Академии Наук СССР	553
Караван верблюдов в горах Кавказа. Картина М. Ю. Лермонтова (масло). Музей	
Института литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР	554
М. Ю. Лермонтов, портрет раб. П. Е. Заболотского. Музей Института литера-	
туры (Путкинского Дома) Академии Наук СССР	555

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Б. Тома певский Д. П. Якубович	5 14
новых тексты пушкина	
Строфы о Наполеоне и Байрове в стихотворении "К морю". Комментарий Н. В. Измайлова	21
Неизвестные автобиографические записи. Комментарий Д. П. Якубовича	21 30
Новый автограф Пушкина. Комментарий Г. Прохорова	36
исследования и статьи	
М. А. Цявловский. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Раевскому.	41
И. Н. Медвейева. Пушкинская элегия 1820-х годов и "Демон"	51
А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман. Из творческой истории баллады	
Пушкина "Жених"	72
Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина	92
И. Д. Амусин. Пушкин и Тацит	160
Вас. Гиппиус. Александр I в пушкинских "Замечаниях на Анналы Тацита".	181
С. А. Бугославский. Русские народные песни в записи Пушкина	183
В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина	211
Вас. Гиппиус. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг	235
материалы и сообщения	
Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву. Комментарий Г. В. Про-	
хорова	259
П. А. Садиков. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов	266
Г. С. Глебов. Об "Арионе"	296
Елена Гладкова. Прозвические наброски Пушкина из жизни "света"	305
А.И.Грушкин. "Рославлев"	323
Я. И. Ясинский. Из истории работы Пушкина над лексикой "Слова о полку	990
Игореве"	338
Б.В. Казанский. Западные образцы "Современника"	375 382
В. З. Голубев. Из истории Пушкинского заповедника	398
В. К. Аукомский. Архивные материалы ородоначальнике Пушкиных — Радше	390
Varia.	409
А. Б. Модвалевский. Новые корреспонденты Пушкина	414
Леонид Гроссман. Кто бых "умный афей"?	420
Д. П. Якубович. Пушкин в "Реторике" Кошанского	424
О.Г. Базанкур. Переводчик Пушкина — Риччи	727
тривуна	
В. И. Чернышев. Замечания с явыке и правописании Пушкина. (По поводу	40.5
академического издания)	433

	Стр
Г. О. Винокур. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений. (Ответ В. И. Чернышеву)	462
ьейкнзии и оезоья	
М. Д. Беляев. Отражение юбилея Пушкина в изобразительном искусстве	497
Эм. Зибель. Пушкинские романсы советских композиторов (1936—1937) А. Иваненко. Н. Л. Бродский. Евгений Онегин, роман А. С. Пушкина. Пособие для учителей средней школы. Издание 2-е, переработанное. Учпед-	52 3
газ, М., 1937	526
А. Г. Горифельд. Русские писатели XIX века о Пушкине. Редакция текстов и предисловие А. С. Долинина. Гос. изд. "Художественная литература",	
λ., 1938	529
Э. Ф. Голлербах. А. С. Пушкин и его литературное окружение. Серия	
"Портреты, автографы, рисунки писателей и иллюстрации к литературным	
произведениям". Вып. 2, Гос. Лит. музей, М., 1938	534
хроника	
Государственный Музей А. С. Пушкина	541
Рукопись "Пира во время чумы"	545
Пушкинская Комиссия Академии Наук СССР	546
Пушкинское общество в 1938—1939 гг	548
Пушкинский семинар Ленинградского государственного университета	548
Новые книги о Пушкине	549
Ознаменование 100-летней годовщины со дня смерти М. Ю. Лермонтова (1941 г.).	
Юбилей 1939 г	551
Указатель произведений Пушкина, упоминаемых в настоящей книге	559
Указатель личных имен	567
Перечень иллюстраций	584

Редактор издательства М. И. В с л я с в. Подписано к печати 7 марта 1941 г. РИСО № 133. М 35736. Объем 37³/4 печ. л. 46,33 уч.-изд. л. 47 520 тип. вн. в печ. л. Тир. 3000 экз. Цена книги 23 р. 50 к.